Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
(СПбИИ РАН)

На правах рукописи

Урушадзе Амиран Тариелович

КАВКАЗСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1844–1854 гг.)

Специальность: 5.6.1. Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук
Лапин Владимир Викентьевич

Санкт-Петербург
2026

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Историография, источники и методология исследования. 18

1.1. Историография..... 18

1.2. Источники и методология исследования. 51

Глава 2. Кавказ в государственной системе Российской империи до создания наместничества: поиск оптимальной модели управления. 81

2.1. Особенности системы государственного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. Институт генерал-губернаторства и наместничества. 81

2.2. Присоединение Восточной Грузии: обстоятельства и последствия... 104

2.3. Проекты и реформы управления Закавказским краем в 1820–1830-е гг. 160

2.4. Административная реформа П.В. Гана и ее результаты..... 191

2.5. Управление южной окраиной накануне создания Кавказского наместничества..... 202

Глава 3. Взаимодействие с верховной властью, высшими и центральными государственными учреждениями. 224

3.1. Назначение М.С. Воронцова кавказским наместником и определение его административных прав и привилегий. 224

3.2. Ближайшие сотрудники первого кавказского наместника: карьерные траектории, служебные и личные качества..... 250

3.3. Император, великие князья и кавказский наместник..... 284

3.4. Кавказский наместник и Кавказский комитет. 298

3.5. Кавказский наместник и министры..... 315

Глава 4. Взаимодействие с местными государственными учреждениями. 354

4.1. Кавказский наместник и Совет Главного управления Закавказским краем..... 354

4.2. Кавказский наместник и военные губернаторы. 361

4.3. Кавказский наместник и управление Новороссийским краем и Ставропольем. 371

Глава 5. Взаимодействие с региональными элитами и служилыми корпорациями. 381
5.1. Кавказское наместничество и региональные элиты. 381
5.2. Кавказский наместник и Отдельный Кавказский корпус. 464
5.3. Кавказский наместник и чиновничество Кавказского края. 519
Заключение 556
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 568
Приложение 1. 615
Приложение 2. 616
Приложение 3. 617
Приложение 4. 618
Приложение 5. 619

Введение

Актуальность исследования определяется историографической ситуацией, для которой характерен поиск новых подходов в изучении взаимодействия центральных и региональных институтов власти в Российской империи. Особенности интеграции вновь присоединенных территорий в пространство Российского государства активно осмысляются в историографии на протяжении нескольких десятилетий, а результаты изложены в сотнях научных публикаций, в том числе обобщающего характера [1] . Для современной историографии характерно рассмотрение взаимодействия центра и окраинных регионов Российской империи со стороны центральных институтов власти. Такой аналитический подход сфокусирован на активной роли различных центральных ведомств и управлений, а также региональной коронной администрации, выступающей проводником или инструментом государственной политики, нацеленной на интеграцию окраин в общее административное и социально-экономическое пространство. В итоге центральные институты и их региональный аппарат показаны в качестве субъектов интеграционных процессов, в то время как окраинные регионы остаются в основном объектами государственной политики. Центр изменяет окраины, модернизирует местные условия и уклады. Однако окраины сами являлись сложнейшими вызовами для административного аппарата Российского государства. Региональные особенности заставляли имперский центр искать оптимальные модели интеграции, в том числе ценой деформации регулярной системы управления, выраженной в строгой иерархии между центром и окраинами. Подобными примером является история Кавказского наместничества как института управления южной окраиной империи. Исследование места кавказского

[1] См. например: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998; Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: «Русская панорама», 2011; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. М. В. Ходяков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021.

наместника в системе российского государственного управления и его значения в социальном пространстве региона позволит представить историю интеграции Кавказа в империю Романовых как процесс взаимодействия, в котором не только центр изменял окраину, но и окраина изменяла центр, заставляя отказываться от привычных административных шаблонов и схем.

Исследование места и значения Кавказского наместничества в системе имперского управления связано с научной разработкой истории российских регионов в период XVIII – начала XX в. Новая региональная история подразумевает акцент на взаимодействиях и взаимовлияниях между различными пространствами, культурами и институтами[1]. Формирование и развитие институтов управления на окраинах Российской империи является примером подобных региональных взаимодействий, которые сопровождались появлением новых идентичностей, гибридных форм политического контроля и процессами взаимной адаптации управляющих и управляемых.

Тематика диссертации актуальна и в контексте поиска административного оптимума на юге Российской Федерации в постсоветский и современный периоды. Очевидно, что вопрос о целесообразности и полномочиях промежуточного административного звена между губернаторским уровнем и центральным правительством, актуальный в XIX в., вновь привлек к себе внимание с учреждением 13 мая 2000 г. федеральных округов во главе с полномочными представителями президента. При этом, именно на юге России наименования и структура федеральных округов прошли через динамичные изменения. В том же 2000 г. Северо-Кавказский федеральный округ был переименован в Южный федеральный округ, что объяснялось наличием в административном образовании регионов, не являвшихся северокавказскими (Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия). В 2010 г. из Южного федерального округа

[1] Подробнее см.: Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.

был выделен отдельный Северо-Кавказский, объединивший национальные республики Северного Кавказа и Ставропольский край. В 2016 г. Крымский федеральный округ, образованными двумя годами ранее, вошел в состав Южного федерального округа. Исторический опыт Кавказского наместничества, в рамках управленческой структуры которого в изучаемый период были объединены Северный Кавказ и Закавказье, а также Новороссийкий край может быть учтен в дальнейшей разработке оптимальной модели административно-территориального устройства юга России.

Объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования является Кавказское наместничество как институт государственного управления в 1844–1854 гг. Предмет – политика первого кавказского наместника в системе взаимодействия с высшими и центральными институтами власти Российской империи, а также его отношения с региональными элитами и служилыми корпорациями.

Территориальные рамки.

Территориальными рамками диссертационного исследования является Кавказ в целом – исторически сложившийся регион, со своими особенностями и внутренней субрегиональной спецификой. В российской военно-административной практике первой половины XIX в. территория Кавказского края разделялась на Кавказскую линию (земли к северу от Большого Кавказского хребта включая степное Предкавказье) и Закавказье. При этом, первому кавказскому наместнику в равной степени поручалось управление кавказским регионом по обе стороны от Большого Кавказского хребта. На официальном уровне большие перемены в номинации региона происходят в 1860 г. После пленения имама Шамиля в Гунибе 25 августа 1859 г. стало очевидно, что организованное сопротивление горцев сломлено,

и Российская империя внезапно подошла к окончанию казавшейся бесконечной Кавказской войны. Это отразилось и на административной организации, а также в символическом картографировании края. 8 февраля 1860 г. был объявлен указ императора Александра II «О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанской и Терской областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом», согласно третьему пункту этого указа: «Все пространство, находящееся к северу от главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе как означенные две области, Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию, именовать впредь Северным Кавказом»[1]. Таким образом, выделение Северного Кавказа как отдельного региона последовало лишь в 1860 г., что подтверждает обоснованность определения территориальных рамок исследования.

Хронологические рамки.

Центральное место в диссертационном исследовании занимает десятилетнее управление М.С. Воронцовым южной окраиной в 1844–1854 гг., когда введение должности кавказского наместника изменило административный расклад в системе отношений правительственного центра и региональных властей. Воронцов стал первым кавказским наместником, а именно первые наместники и/или генерал-губернаторы играли ключевую роль как в определении основных параметров взаимодействия с центральными институтами власти, так и в выстраивании модели отношений с местными элитами и социальными группами. В этот период закладывалась определенная традиция управленческого стиля, а также определялся уровень репутации и престиж главы региональной администрации[2].

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание II. Т. XXXV. Отделение I. СПб., 1860. С. 122.

[2] Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: «Центр исследований национализма и империй», 2004. С. 440.

В целях объективного понимания генеалогии наместничества как института управления, а также политических условий и обстоятельств назначения первого кавказского наместника в диссертации подробно рассматриваются поиски оптимальной модели управления регионом в первой половине XIX в. В заключении исследования показаны долговременные последствия введения института Кавказского наместничества в систему государственного управления империи уже на примере службы приемников Воронцова, в первую очередь А.И. Барятинского и великого князя Михаила Николаевича во вторую половину 1850-х–1870-е гг.

Степень изученности темы.

Кавказское наместничество в 1844–1854 гг. связано, прежде всего, с личностью М.С. Воронцова как первого кавказского наместника. Число работ, затрагивающих деятельность М.С. Воронцова на посту кавказского наместника огромно и насчитывает сотни названий. Во многих случаях приводимые сведения носят отрывистый и вторичный характер. Это влияет на изъяны некоторых историографических обзоров, в которых упоминается множество работ, но с заметным дефицитом анализа их роли и значения в процессе расширения научных представлений и формировании устойчивых интерпретационных моделей.

Оригинальные и фундированные исследования, сыгравшие заметную историографическую роль, можно разделить на две большие части: к первой относятся работы, посвященные биографии Воронцова, а вторую составляют описания развития региона в разных измерениях, где неизменно определенную роль имела и деятельность первого кавказского наместника. Таким образом, исследования места Кавказского наместничества в системе государственного управления и комплексного анализа взаимодействия наместника с местными элитами, военными и чиновниками ранее не проводилось. Подробная характеристика основных этапов развития историографии изучаемой тематики предствлена в первой главе диссертации.

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – представить комплексную характеристику политического взаимодействия Кавказского наместничества с верховной властью, высшими, центральными и местными институтами управления Российской империи во всей сложности и противоречивости этого процесса. В диссертации определяются и анализируются не только формальные рамки полномочий и дискреций кавказского наместника, но и преимущественно административные технологии, в том числе неформальные механизмы влияния на принятие решений и определения политического курса на южной окраине империи. Выявляется сравнительная эффективность формальных и неформальных технологий управления, а также пределы их использования. Взаимодействие с центральными ведомствами зависело, в том числе от прочности позиций кавказского наместника в региональном политическом пространстве, что определяет необходимость специального и последовательного анализа отношений Воронцова с местными элитами, военными и чиновниками.

В рамках диссертации поставлены следующие **задачи**:

- Выявить основные подходы к организации управления южной окраиной империи в 1800-е–1830-е гг., рассмотреть проекты, ставшие итогом сенаторской ревизии Закавказья П.И. Кутайсова и Е.И. Мечникова (1829–1831 гг.), а также проект 1834 г., предложенный Комитетом по делам Закавказского края в 1834 г. и предполагавший введение должности наместника и формирование при нем наместнического управления.
- Определить направления преобразований системы регионального управления в начале 1840-х гг. и определить место административной реформы П.В. Гана в поиске оптимальной управленческой модели;
- Установить условия учреждения Кавказского наместничества и определить обстоятельства назначения Воронцова на должность

кавказского наместника, проследить особенности политической борьбы и показать расклад сил в процессе определения служебных прав и полномочий наместника;

- Последовательно рассмотреть особенности взаимоотношений кавказского наместника с верховной властью, высшими, центральными и местными государственными учреждениями;
- Реконструировать ближний круг первого кавказского наместника, состоявший из доверенных офицеров и чиновников, который обеспечивал стабильность административной работы и выступал важным элементом сохранения самостоятельного положения наместника в системе государственного управления. Определить принципы кадрового формирования канцелярии наместничества;
- Определить особенности отношений первого кавказского наместника с главами административных единиц Кавказского края, а также с офицерами Отдельного Кавказского корпуса, оценить степень популярности Воронцова среди солдат;
- Рассмотреть подходы Воронцова к решению проблемы кадрового дефицита административных учреждений Кавказского края;
- Выявить принципы политики первого кавказского наместника в отношении местных элит: грузинского дворянства, армянского купечества, мусульманского духовенства, а также бекам и агаларам.

Источники исследования.

Источники исследования представлены разнообразными документами, в том числе законодательными актами, материалами делопроизводства, источниками личного происхождения, а также справочными и статистическими материалами. Основу диссертации составили неопубликованные архивные документы из 35 фондов 11 архивохранилищ и рукописных собраний. Подробная характеристика источников диссертационного исследования представлена в первой главе.

Методология исследования.

В теоретическом отношении диссертация написана в рамках направления «новой политической истории», которая акцентирует внимание на взаимодействии различных институтов и акторов, анализирует подвижные идентичности и роль неформальных отношений и практик. В диссертации имплицитно используются две концепции – географии власти и фронтирной модернизации, а также концепт «ментальное государство». При работе над диссертационным исследованием использовался комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Теория и методология диссертации подробно представлены в первой главе исследования.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. В первой половине XIX в. в борьбе за выбор правительственного курса на южной окраине империи столкнулись несколько подходов. Уже вопрос присоединения Восточной Грузии в 1801 г. фактически привел к расколу Государственного совета. В дальнейшем внутри правящего класса сформировались различные подходы к интеграции Кавказа в пространство империи. Первый из них предусматривал введение в регионе особых режимов хозяйственного и политического администрирования, нацеленных на получение финансово-экономических выгод от вновь присоединенных территорий. Этот подход разрабатывался в министерстве финансов, занятым поиском путей оптимизации государственных расходов. Другой подход, представленный на рубеже 1820-х–1830-х гг. И.Ф. Паскевичем, заключался в полноценной интеграции южной окраины в общеимперское пространство, распространении в регионе российских законов, инкорпорации местных элит, введении губернских учреждений.

2. Выбор политического курса интеграции южной окраины затянулся по нескольким причинам. Во-первых, российская администрация имела слишком мало сведений о разнообразии местных социально-экономических укладов, что затрудняло разработку соответствующих административных положений и регламентов. Во-вторых, многолетняя Кавказская война поглощала внимание и ресурсы местной администрации и вызывала растерянность в Петербурге.

3. В условиях дефицита сведений о регионе правящий класс империи действовал по аналогии, активно использовались административные модели и технологии, уже опробованные на других окраинах (в Сибири, Крыму, Остзейском крае). Со временем внутри управленческой элиты появились признанные эксперты по Кавказу. Именно присвоение экспертного знания о регионе (или иллюзия подобного экспертного знания) являлось важным фактором в политической борьбе за определение будущего устройства имперских окраин.

4. Обсуждение оптимальной модели управления Кавказом проходило в различных правительственных учреждениях, для координации действий различных ведомств в 1830-е гг. императором Николаем I создавались специальные комитеты и комиссии в составе высших сановников империи. Уже в этот период обозначилось как сотрудничество, так и служебно-иерархическое противостояние центральных ведомств и региональной администрации. Впоследствии эти тенденции получат развитие после учреждения должности кавказского наместника в 1844 г. Введение должности наместника предлагалось проектом Комитета по делам Закавказского края еще в 1834 г., однако, необходимо отметить, что служебные права и привилегии главы региональной администрации, согласно этим предложениям, не предусматривали

сколь-нибудь широкой автономии от центральных институтов управления.

5. Административные права и привилегии регионального начальства расширялись с 1842 г., что стало одним из результатов ревизии, проведенной военным министром А.И. Чернышевым и статс-секретарем М.П. Позеном. Осенью 1842 г. кавказский главноуправляющий был фактически выведен из министерской вертикали и получил возможность прямого обращения к императору.

6. Появление Кавказского наместничества в системе государственного управления не было вызвано кризисом политики империи на южной окраине, а стало следствием поиска оптимальной модели управления регионом и заинтересованностью императора Николая I в сохранении личного участия в делах южной окраины, что это требовало надежного и устойчивого канала прямой связи монарха с регионом без министерского фильтра.

7. Подчинение всех правительственных мест и чиновников всех ведомств Закавказья и Кавказской области наместнику бросало вызов министрам и главноуправляющим. Это провоцировало административную конкуренцию и служебно-иерархические столкновения, основной площадкой которых стал Кавказский комитет.

8. Первый кавказский наместник в повседневной административной работе опирался на неформальные управленческие технологии, в том числе патрон-клиентские отношения. Ключевые позиции в гражданской администрации края занимали клиенты Воронцова и руководители его канцелярии С.В. Сафонов и М.П. Щербинин, впоследствии продолжившие служебную карьеру в Сенате.

9. Кавказский наместник находился вне бюрократической вертикали и выступал в роли персонифицированной воли самого императора. Это положение превратило кавказского наместника в посредника между местными элитами и метрополией, а также в покровителя и патрона всего региона. В период наместничества Воронцова это проявилось в подтверждении сословных прав и привилегий грузинского дворянства, разработке определения сословных и поземельных прав мусульманской элиты и покровительстве армянскому духовенству и купечеству.

Научная новизна исследования.

Диссертация является первым в историографии комплексным исследованием места и статуса Кавказского наместничества в системе государственного управления Российской империи. Показано, что Кавказское наместнчиество, созданное в 1844–1845 гг. невозможно рассматривать как простое возобновление наместничества, учрежденного в 1785 г. в период губернской реформы Екатерины II. Проведен сравнительный анализ политического статуса кавказского наместника и генерал-губернаторов. В диссертации впервые представлен новый аналитический подход, основанный на изучении окраинной политики Российской империи как системы взаимодействия между различными центрами власти. Кавказское наместничество показано как институт управления, призванный обеспечить интеграцию региона в общеимперское пространство, но при этом сам ставший вызовом децентрализации внутри государственной системы. На основе изучения места Кавказского наместничества в системе управления Российской империи в диссертации определена политическая роль личного доверия монарха, показана разнородность ведомственной администрации, выявлены особенности российской бюрократии в изучаемый период. Впервые реконструирован ближний круг первого кавказского наместника М.С. Воронцова и показано политическое значение фигур «второго плана» –

чиновников канцелярии наместника и Кавказского комитета. В диссертации представлен первый специальный анализ взаимоотношений кавказского наместника с местными элитами, офицерами Отдельного Кавказского корпуса и чиновниками региона.

Диссертационное исследование предлагает выводы, сделанные на основе изучения значительного комплекса исторических источников преимущественно архивного происхождения как отечественных, так и зарубежных хранилищ. Впервые в историографии исследуемой проблемы систематически использованы документы как из архива Кавказского комитета (РГИА. Ф. 1268), так и из архива Канцелярии кавказского наместника (ЦИАГ. Ф. 4). Из сопоставления и синтеза различных документальных комплексов складывается оригинальная картина взаимодействия и служебно-иерархического противостояния центральных и региональных институтов управления. В конечном итоге это позволяет увидеть, что поиск оптимальной модели управления южной окраиной империи привел в середине XIX в. к масштабным изменениям в государственной административной системе в целом.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использовать полученные результаты и материалы в подготовке учебных курсов, обобщающих и обзорных работ, а также в соответствующих главах учебников и учебных пособий. Выводы диссертации могут быть использованы при разработке стратегий в сфере гармонизации межнациональных отношений, а также при определении принципов распределения полномочий между федеральным центром и субъектами Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Институт наместничества является историческим прообразом современного института полномочных представителей Президента в федеральных округах. На основе сравнительного анализа эффективности наместничества и современной системы полпредства возможно формулирование практических

рекомендаций по оптимизации управленческой вертикали Российской Федерации. Результаты исследования также могут быть использованы для обоснования перспективных проектов реставрации и музеефикации объектов культурного наследия, связанных с историей управления и интеграции южной окраины Российской империи (административные здания, фортификационные сооружения, дороги, порты). Это важная задача в целях развития исторического туризма и формирования общенациональной идентичности.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в 2 монографиях, 55 публикациях в научно-исторических журналах и сборниках, в том числе в 25 статьях в изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций, представленные на соискание ученой степени, в 6 главах коллективных монографий, а также в учебном пособии и научно-популярной книге.

Результаты исследования стали научно-теоретической основой авторских образовательных курсов «Российская империя: история, память, наследие» и «Кавказ в составе Российской империи: историография и историческая память», которые были подготовлены диссертантом в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Результаты диссертационного исследования также были представлены в рамках образовательного курса «Система и практики государственного управления Российской империи» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Часть научных результатов была получена в рамках реализации четырех проектов Российского научного фонда «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (2017–2022), «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история,

демография, антропология» (2017–2021), «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (2023–2025), «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)» (2023–2025).

Диссертация была обсуждена на заседании Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, а основные положения также представлены на семинаре «Россия в Новое время (XVIII – начало XX вв.): государство и общество» в СПбИИ РАН. Результаты исследования представлены в 38 докладах на международных и всероссийских научных конференциях, семинарах и круглых столах в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Казани, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Тбилиси, Баку, Ереване.

Структура диссертационного исследования включает введение, пять глав, заключение, списки использованных архивных фондов, опубликованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. Историография, источники и методология исследования.

1.1. Историография.

В хронологическом отношении предшествующую исследовательскую литературу можно разделить на три этапа: *дореволюционный*, *советский* и *постсоветский*. На *дореволюционном этапе* развития историографии деятельность первого кавказского наместника анализировалась в рамках общего описания политики Российской империи на Кавказе в XVIII–XIX вв., а также событий Кавказской войны. Кроме того, была заложена традиция воронцовских биографий. Первым жизнеописанием полководца и государственного деятеля стала книга М.П. Щербинина – близкого сотрудника Воронцова, выполнявшего зачастую роль личного секретаря. Щербинин описал служебную деятельность своего патрона в апологетическом ключе, Воронцов получил рыцарский образ, который затем был развит и его последующими биографами[1].

Первой книгой, в которой деятельность Воронцова рассматривалась в контексте Кавказской войны, стала работа Р.А. Фадеева «Шестьдесят лет Кавказской войны» [2] . Согласно Фадееву, в наместничество Воронцова произошел перелом в Кавказской войне, «положен был конец победам и распространению мюридизма, в чем состояла великая заслуга князя Воронцова» [3] . Оценки Фадеева как ветерана Кавказской войны и талантливого публициста оказались влиятельными и продолжают пользоваться популярностью, о чем свидетельствует как переиздания его работы [4] , так и ссылки на нее в новейших исследованиях. Почти одновременно с книгой Фадеева были опубликованы лекции полковника

[1] Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб.: Типография Э. Мейра, 1858.
[2] Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба Кавказской армии, 1860.
[3] Там же. С. 55.
[4] Ѳадеевъ Р.А. 60 лѣтъ Кавказской войны: Изданіевъ авторской дореформенной орѳографіи. Н.Новгородъ: Чёрная Сотня, 2015.

Генерального штаба Д.И. Романовского под общим заглавием «Кавказ и Кавказская война», где десятилетний период наместничества Воронцова также рассматривается как важнейший этап в «умиротворении» региона, а самому наместнику приписывается заслуга введения «глубоко обдуманной системы действий». По словам Романовского, «систематический образ действий со стороны Кавказской линии, строго наблюдавшийся во время главного начальствования войсками на Кавказе князя Воронцова, постепенное, но прочное занятие вновь присоединяемых частей края проложением просек, устройством сообщений и постройкой укреплений, совершенно изменили наше положение относительно горцев в северной части Кавказа» [1] . Фадеев и Романовский заложили традицию, согласно которой наместничество Воронцова подготовило успех в противостоянии с Шамилем для А.И. Барятинского, пленившего вождя непокорных горцев Чечни и Дагестана в 1859 г.

При этом ни Фадеев, ни Романовский не допускали этим какого-либо умаления заслуг А.И. Барятинского, которому принадлежала слава главного триумфатора Кавказской войны. В февральской книжке «Русской старины» за 1881 г. Романовский, к тому времени уже генерал-лейтенант Генерального штаба, опубликовал объемный очерк, посвященный Барятинскому как полководцу-победителю в Кавказской войне[2]. Романовский подчеркивал, что финальным успехом в Кавказской войне Россия обязана именно Барятинскому, составившему и выполнившему эффективный «план покорения», который имел «огромное преимущество пред другими подобными планами, что был составлен им (А.И. Барятинским – А.У.) не на основании только общих соображений, а и на новых совершенно своеобразных мерах и способах ведения войны, не раз и с большим успехом испытанных им самим на практике»[3].

[1] Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публич. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. С. 254.
[2] Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. 1815–1879 гг. // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 2. С. 249–318.
[3] Там же. С. 254.

Уже в следующем мартовском выпуске «Русской старины» за 1881 г. была опубликована короткая, но принципиальна критическая в отношении очерка Романовского заметка И.Ф. Золотарева – еще одного чиновника, служившего пятнадцать лет под непосредственным начальством Воронцова и занимавшего должность чиновника для особых поручений в канцелярии первого кавказского наместника[1]. Золотарев указал на несколько мелких неточностей в тексте Романовского, а в конце своей заметки не согласился с мнением о Барятинском как авторе победоносного плана завершения Кавказской войны. «Соображения и вытекавший из них план Кавказской войны, так удачно и блистательно оконченной князем А.И. Барятинским, при тех средствах, которые были ему даны, были обсуждаемы, подготовляемы и внушены ему покойным князем Воронцовым, которому наступившая Восточная война, его болезнь и отъезд из края не дали возможность исполнить самому…». К этому Золотарев добавлял, что в 1860 г. слышал от самого Барятинского такие слова: «Мне досталась жатва воронцовского посева»[2].

Дискуссия продолжилась, и в апрельской «Русской старине» вышел ответ Романовского, в котором военный историк отмечал, что отсутствие «полной и основательной истории Кавказа» провоцирует появление в печати «ходячих мнений», основанных на слухах и якобы слышанных громких словах[3]. Романовский справедливо упрекнул Золотарева в произвольной интерпретации слов Барятинского о «воронцовском посеве»[4]. Действительно, эта фраза могла иметь ритуальное значение и вряд ли может считаться доказательством того, что Барятинский лишь доделал то, что не успел Воронцов. Дополнительный интерес этой полемике придает тот факт, что Романовский и Золотарев были хорошо знакомы и вместе принимали участие в знаменитых петербургских вечерах ветеранов кавказской службы, о

[1] Золотарев И.Ф. Князь М.С. Воронцов // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 3. С. 680.
[2] Там же.
[3] Романовский Д.И. Князь М.С. Воронцов и князь А.И. Барятинский. По поводу заметки И.Ф. Золотарева // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 4. С. 908.
[4] Там же. С. 910.

которых упоминает в своих воспоминаниях Д.А. Милютин[1]. Несмотря на это, их дискуссия не осталась лишь внутренним спором «настоящих кавказцев», а вышла в публичное пространство.

Тем не менее, тезис об этапном значении наместничества Воронцова в ходе Кавказской войны стал конвенциональным и повлиял не только на развитие отечественной историографической традиции, но и закрепился в зарубежной историографии, в том числе благодаря усилиям ученых и писателей из числа эмигрантов[2].

Значимую роль в развитии дореволюционной историографии имела публикация воспоминаний участника Кавказской войны и военного историка А.Л. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе». Первоначально фрагменты этих воспоминаний публиковались в нескольких номерах «Русского вестника» за 1876–1878 гг., а в 1879 г. вышла полная версия в двух частях[3]. Зиссерман не пытался придать образу Воронцова лишний лоск и указывал на некоторые опрометчивые действия наместника, как, например, использование специального желтого ящика для доносов[4]. В целом оценка Воронцова на страницах воспоминаний Зиссермана совпадает с мнением Романовского. По словам Зиссермана, именно Воронцов «извлек из хаоса» Кавказ и направил регион «на путь правильного развития»[5].

Все указанные авторы обзорных сочинений о Кавказской войне отмечали дефицит исследований на эту тему, и надеялись на скорую разработку многочисленных сюжетов, связанных с интеграцией Кавказа в пространство Российской империи. Важнейшим центром систематического изучения российской политики в регионе стала Кавказская археографическая комиссия, учрежденная 11 марта 1864 г. наместником великим князем

[1] Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873 / Под общ. ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. С. 217–218.
[2] См. например: Allen W., Muratoff P. Caucasian battlefields a history of the wars on the Turko-Caucasian border 1828-1921. Cambridge: University Press, 1953. Русский перевод: Аллен У., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921. М.: Центрполиграф, 2016.
[3] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. Ч. 1–2. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879.
[4] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. Ч. 1. С. 72.
[5] Там же. С. 31.

Михаилом Николаевичем. Руководителем Комиссии стал выдающийся ученый-ориенталист А.П. Берже, благодаря поразительной работоспособности которого были подготовлены одиннадцать томов «Актов, собранных Кавказской археографической комиссии» (АКАК), остающихся и сегодня важнейшей документальной публикацией [1]. Десятый том АКАК, опубликованный в 1885 г., был посвящен времени наместничества М.С. Воронцова[2].

Здесь впервые опубликован большой массив документов о деятельности первого кавказского наместника в сфере гражданского управления. Во вводной статье А.П. Берже первым обратил внимание на особенности положения Воронцова в системе государственного управления империи и его служебно-иерархические столкновения с министрами и главноуправляющими: «Пользуясь обширными правами царского наместника и стоя близко к престолу, князю Воронцову не всегда было легко проводить и осуществлять свои идеи, встречая нередко оппозицию со стороны высших правительственных лиц в Санкт-Петербурге»[3].

По материалам Кавказской археографической комиссии в 1901–1908 гг. был подготовлен и издан юбилейный четырехтомник «Утверждение русского владычества на Кавказе», в котором отсчет присоединения Кавказа велся с присоединения к Российской империи Восточной Грузии в 1801 г. В предисловие этого масштабного издания отмечалось: «Ни одно из приобретений, сделанных нами за время самобытного существования России, не стоило ей стольких усилий и жертв, сколько их потребовал Кавказ для окончательного упрочения в нем нашего владычества»[4].

[1] Подробнее о деятельности Кавказской археографической комиссии см.: Максимчик А.Н., Манышев С.Б. «… Собрать из архивов главнейшие акты и сведения» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIXв.) // Новое прошлое / The New Past. 2020. №. 2. С. 44–61.
[2] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Т. X. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1885.
[3] Там же. С. VI.
[4] Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Т. I. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. С. 1.

Об официальном характере этого издания свидетельствует то, что общее руководство проектом осуществлял начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Н.Н. Белявский, а непосредственно редактором выступил начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа военный историк В.А. Потто. При этом, работа не была завершена, первые четыре тома охватывают период 1801–1829 гг., отдельное сочинение представляет двенадцатый том, вышедший в 1901 г. и посвященный гражданскому управлению Закавказьем с 1801 г. и до наместничества великого князя Михаила Николаевича (1862–1881)[1]. Именно двенадцатый том имеет в контексте рассматриваемой тематики наибольшое значение. Книга была написана историком В.Н. Иваненко «по поручению Военно-исторического отдела» и основана на материалах АКАК. В структурном отношении текст разделен на шестнадцать глав по главным начальникам края от К.Ф. Кнорринга (1801–1803) до А.И. Барятинского (1856–1862). При этом, главы о наместничестве Воронцова выделяются на общем фоне: Воронцов наряду с А.П. Ермоловым получил самостоятельные разделы книги, все остальные парные – «Управление генерала Кнорринга и князя Цицианова», «Управление фельдмаршала графа Гудовича и генерала Тормасова» и т.д.

Опора на материалы АКАК определила содержание труда В.Н. Иваненко. В главах о Воронцове рассмотрена политика наместника в отношении местных элит, вопросы организации образовательных институтов и судопроизводства[2]. С созданием наместничества и назначением Воронцова кавказским наместником Иваненко связывал окончание постоянных колебаний правительственного курса на южной окраине империи. «Он (Воронцов) правил Закавказьем так, как будто бы этот край был его родиной. Благо и счастье туземного населения были главной целью его забот,

[1] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Т. XII. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901.
[2] Там же. С. 347–430.

основным признаком для оценки хорошего и дурного в области администрации и суда. Для него не существовало коллизии между интересами России и интересами этой окраины»[1]. Такая оценка и по смыслу, и по форме близка апологетическим биографиям Воронцова, подчеркивавшим благотворность преобразовательной деятельности первого кавказского наместника. Вопросы взаимодействия Воронцова с высшими и центральными институтами власти Иваненко в своем очерке не рассматривал.

В 1906 г. сотрудником Военно-исторического отдела С.С. Эсадзе подготовлено объемное исследование под названием «Историческая записка об управлении Кавказом»[2]. Документальной основой исследования стали исторические свидетельства из архивов канцелярии кавказского наместника, военно-народного управления, сословно-поземельных комиссий и штаба Кавказского военного округа. Работа Эсадзе была мотивирована, в том числе политическими условиями и обстоятельствами. 26 февраля 1905 г. Николай II подписал указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе»[3], предпоследним кавказским наместником стал известный государственный деятель И.И. Воронцов-Дашков. Кризисные явления на Кавказе, во многом заставившие российское правительство вернуться к проблемам полувековой давности, реанимировали и один из наиболее успешных имперских институтов управления краем. Возвращение наместничества было символом обособленности края и знаком признания его специфики. Однако, полномочия наместника, введенные императорским указом 26 февраля 1905 г., скорее провозглашались, а не закреплялись. Наместник должен был постоянно бороться за свою самостоятельность, доказывая императору необходимость автономной формы управления краем. Именно это являлось

[1] Там же. С. 348.
[2] Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I–II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907.
[3] Законодательные акты переходного времени. 1904—1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / Под. ред. Н.И. Лазаревского. М.: ГПИБ, 2010. С. 28–29.

лейтмотивом всеподданнейшей записки И.И. Воронцова-Дашкова от 10 февраля 1907 г., в которой наместник мягко, но настойчиво убеждает монарха в правильности принятого ранее решения: «Все те основания, по которым вашему величеству благоугодно было восстановить должность наместника, приобрели ныне в моих глазах, по ближайшем ознакомлении на месте с делом управления Кавказским краем, значение неопровержимых доказательств невозможности управления далекою окраиною из Петербурга»[1].

Исследование Эсадзе было посвящено кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову, а в предуведомлении к авторскому тексту указано, что книга призвана выяснить «в подробностях деятельность бывших на Кавказе наместников». Кроме того, в конце второго тома было опубликовано специальное приложение «Пределы власти наместника кавказского по всем отраслям гражданского управления», в котором подробное описание получили служебные права и полномочия кавказского наместника в разрешении крестьянского вопроса в Закавказском крае и Ставропольской губернии, а также в области судопроизводства, финансовой политики, государственных имуществ, межевания и таможни. Наиболее подробно проанализирован период наместничества великого князя Михаила Николаевича.

Воронцов-Дашков признал рукопись Эсадзе полезной и выделил средства для ее публикации [2], исследование увидело свет в 1907 г. Деятельность первого кавказского наместника получила в «Исторической записке об управлении Кавказом» высокую положительную оценку, некоторые пассажи близки к уже цитированным фрагментам из работы В.Н. Иваненко. Так, например, Эсадзе отметил масштабность преобразовательной деятельности наместника: «Действительно, в продолжении всего управления

[1] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX—начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 493.
[2] Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь: «Дизайн-студия Б», 2021. С. 326.

кн. Воронцов стремился достигнуть сближения окраины с империей; он шел навстречу каждой народной нужде; устроил правильное пароходное сообщение между портами Черного и Каспийского морей, улучшением сухопутных сообщений развил торговлю и промышленность»[1]. Подчеркивая значение преобразований, проведенных Воронцовым, Эсадзе отчасти продолжил дискуссию между Д.И. Романовским и И.Ф. Золотаревым: «Деятельность кн. Воронцова по гражданскому управлению и до настоящего времени оставила след почти по всем административным вопросам. Как князь Барятинский, так и великий князь Михаил Николаевич стремились осуществить программу, намеченную кн. Воронцовым»[2]. Основное внимание Эсадзе уделил введению нового административного разделения Кавказского края в 1847 г., а также проблеме определения поземельных прав мусульманского населения региона. Систематического описания взаимоотношений кавказского наместника с высшими и центральными государственными институтами ученый не предпринимал.

Таковы наиболее значимые и оригинальные по содержанию исследования дореволюционного периода, в которых содержались развернутые оценки Кавказского наместничества и деятельности первого кавказского наместника. Вместе с тем, в большом количестве работ рассматривались отдельные стороны политики Воронцова в период наместничества на Кавказе. В докладе А.С. Собриевского показаны усилия Воронцова в организации архивного дела[3]. Х.И. Колодеев представил свод мероприятий в области сельского хозяйства, инициированных Воронцовым как кавказским наместником[4]. Отношение Воронцова к «крестьянскому вопросу» рассмотрено в работе С.Л. Авалиани[5]. Политика Воронцова в

[1] Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. С. 89.

[2] Там же. С. 90.

[3] Собриевский А.С. Князь Воронцов и наши архивы. Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 8 апреля 1905 г. Ставрополь: Электропечатня М.Т. Вайнблата, 1911.

[4] Колодеев Х.И. Обзор действий наместника кавказского для развития сельского хозяйства с 1843 по 1850 год. Тифлис: Типография Г. Гулиянца, 1851.

[5] Авалиани С.Л. Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос. Ч. I–II. Одесса: Славянская типография, 1914.

отношении закавказских элит отчасти была рассмотрена в обзорном труде В.К. Линдена[1].

В начале XX в. крупнейшим научно-просветительским центром изучения истории Кавказской войны и интеграции региона в политическое и культурное пространство Российской империи стал Военно-исторический отдел Кавказского военного округа в Тифлисе[2]. Здесь разрабатывались и вопросы деятельности кавказских наместников, что нашло отражение в рассмотренных выше работах В.Н. Иваненко и С.С. Эсадзе. Вероятно, эта научно-исследовательская работа была бы продолжена, но события Первой мировой войны, а затем политическая турбулентность 1917–1921 гг. почти полностью уничтожили накопленный научный потенциал, а значительная часть материалов Кавказского военно-исторического музея и военного архива оказались утрачены[3].

После советизации Грузии в 1921 г. исследование деятельности кавказских наместников потеряло актуальность. Символичным выражением отношения новых властей к памяти о первом кавказском наместнике Воронцове стал снос его памятника в 1922 г., монумент являлся первым памятником в Тифлисе и был установлен в 1867 г.[4].

В *советский период* развития отечественной исторической науки специальных исследований политики Воронцова на Кавказе и места первого кавказского наместника в системе государственного управления не проводилось. При этом, отдельные аспекты воронцовского наместничества затрагивались во множестве работ. Известный историк и партийный деятель

[1] Линден В.К. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав Исторический очерк. Тифлис: Канцелярия наместника е. и. в. на Кавказе, 1917.

[2] Подробнее см.: Колосовская Т.А. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь: [б. и.], 2020; Колосовская Т.А. «Избежать уничтожения драгоценных архивов»: проект инструкции для деятельности Кавказского военно-исторического отдела 1900 г. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1020-1033.

[3] Колосовская Т.А. К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 65; Максимчик А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник / отв. ред.: В.В. Дегоев. Т. 9 (41). М.: МГИМО, 2015. С.262–292.

[4] Подробнее см.: Jahn H. The Bronze Viceroy: Mikhail Vorontsov's Statue and Russian Imperial Representation in the South Caucasus in the Mid-Nineteenth Century // Russian History. 2014. Vol. 41. № 2 (2014). P. 163-180.

М.Н. Покровский упоминал Даргинский поход Воронцова в книге о дипломатии и войнах Российской империи в XIX в., опубликованной в 1923 г. [1] . В схожем по содержанию ключе Воронцов иногда «мелькал» на страницах многочисленных работ 1920-х–1930-х гг., посвященных Кавказской войне как «антиколониальному» и «антифеодальному» протесту горцев Северного Кавказа. В некоторых значимых работах Воронцов и вовсе не упоминался. Так историк Г.А. Кокиев полемизировал с М.Н. Покровским в статье «Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе», указывая на большое значение «новой системы Барятинского». Именно наместничество Барятинского, по мнению Г.А. Кокиева, стало переломным в военно-политическом противостоянии на Кавказе: «Старая система русской политики – это система пассивной обороны станиц и такой же пассивной колонизации вновь занимаемых земель, а новая система Барятинского это – активное наступление русской армии по всему фронту с широким и ярко очерченным планом колонизации всего края уроженцами центральной России. В этом и существенная разница между старой и новой (Барятинской) системами» [2] . Тем самым, Кокиев не только вступил в дискуссию с Покровским, но и выразил отношение к полемике предшествовавшего историографического периода.

В военный и послевоенный период тематика, связанная с изучением Кавказской войны, оказалась непопулярной. Ведь в рамках этого конфликта столкнулись народы, проживавшие ныне на общей территории СССР, партийно-государственное начальство опасалось нежелательных последствий широкого обсуждения трудных страниц истории[3]. Как отметил В.В. Дегоев: «Укрепившееся “морально-политическое единство” советского многонационального общества ставило актуальный вопрос о поиске соответствующих исторических аналогий. В этом смысле Кавказская война,

[1] Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIXвеке. Сборник статей. М.: Красная новь, 1923. С. 218.
[2] Кокиев Г.А. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе// Революция и горец. 1929. № 4 (6). С. 32.
[3] Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: «Русская панорама», 2003. С. 246.

как вооруженное столкновение народов, была неподходящим сюжетом. Другое дело – огромная и многоликая история русско-кавказских связей, требовавшая от исследователей гораздо меньше усилий для того, чтобы выбрать в ней нужные, идеологически выигрышные факты»[1].

В этом отношении показательны работы Г.В. Хачапуридзе[2], М.С. Тотоева[3], Ю.А. Жданова[4], А.В. Фадеева[5]. В данных трудах взаимодействовали почти исключительно интеллектуалы или представители интеллигенции. Менее прямолинейно тема культурных влияний была рассмотрена в исследовании Г.А. Дзидзария[6], в которой автор показал примеры взаимодействия между представителями абхазской и грузинской интеллигенции в процессе их формирования. В таких работах иногда находилось место и для упоминания первого кавказского наместника. Так Г.А. Дзидзария в фундаментальной монографии «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» отметил некоторые мероприятия Воронцова в области учреждения меновых дворов на Кавказе как своеобразных пространств интеграции, однако, интерпретация этих действий имперской администрации оставалась подчеркнуто негативной: «Это было рассчитано на то, чтобы приглушить социальную борьбу, “расположить” кавказские народы к себе, по выражению того же Воронцова, “успокоить враждебный их дух”»[7]. По мнению Дзидзария, Воронцов проводил политику полного слияния южной окраины с остальной империей через «создание социальной опоры в верхах местного дворянства»[8].

---

[1] Там же. С. 247.
[2] Хачапуридзе Г. В. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX века // Вопросы истории. 1950. № 5–6. С. 76–89; Он же. Дворянское движение в Грузии в 30-х годах XIX столетия // Вопросы истории. 1950. № 7. С. 45–60; Он же. К истории Грузии первой половины XIX века. Тб.: Заря Востока, 1950.
[3] Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе: [Б.и.], 1977.
[4] Жданов Ю. А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. С. 45–50.
[5] Фадеев А. В. Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М.: Наука, 1966.
[6] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: «Алашара», 1979.
[7] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: «Алашара», 1982. С. 48.
[8] Там же. С. 52.

Впрочем, даже такие короткие характеристики деятельности первого кавказского наместника в исторической литературе советского периода оставались редкостью. Приоритетной темой в советский период являлся анализ культурных связей кавказской интеллектуальной элиты с представителями «революционно-демократического крыла» русской общественно-политической мысли. Взаимодействие выражалось в переходе местных интеллектуалов на более «прогрессивные» принципы общественно-политического и социального устройства. Показательно, что значение открытия на Кавказе таких важных культуртрегерских институтов как учебные заведения, библиотеки и театры анализировалось без упоминания имперских администраторов, принимавших соответствующие решения[1].

Дискуссия о характере движения горцев под руководством имама Шамиля, развернувшаяся во второй половине 1950-х гг., не привела к формулированию сколь-нибудь новых оценок политики российской администрации, не находилось места в ней и для содержательного анализа деятельности первого кавказского наместника [2] . Участники дискуссии обращали внимание на необходимость отделить социальную природу движения горцев, которая являлась «антифеодальной» и «антиколониальной», от ее религиозной оболочки, выражавшейся в идеях мюридизма и газавата. В последующие годы именно изучение социально-экономических основ движения горцев Северного Кавказа на фоне «колониальной политики царизма» станет магистральным направлением развития историографии. В этом отношении показательны работы авторитетного историка Н.А. Смирнова, занимавшего и высокие административные посты[3].

[1] Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья: очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской революции. М.: Мысль, 1976. С. 206–209.
[2] Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 75–84; Даниялов Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1956. № 7. С. 71–73; Бушуев С.К. О кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 72–79.
[3] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIXвеках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.

Одной из немногих содержательных работ, посвященных организации власти и управления на Кавказе в XIX в., стал труд А.Ш. Мильмана «Политический строй Азербайджана в XIX–начале XX веков», опубликованый в 1966 г.[1]. Примечательно, что А.Ш. Мильман являлся специалистом в области истории государства и права, а указанная монография является доработанной версией его диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенной в Тбилиси годом ранее.

Мильман обратил внимание на обширные служебные права и привилегии Воронцова как кавказского наместника. Кроме того, в работе Мильмана подчеркивалось значение образовательных инициатив наместника, которые были направлены на укрепление кадрового потенциала местных административных институтов[2]. Систематического и подробного развития эти сюжеты в книге не получили, но уже само обращение к этим вопросам в советский период развития историографии следует признать новаторским и оригинальным. Особую ценность наблюдениям Мильмана придает то, что они основаны на документах из архивных фондов Кавказского комитета и Канцелярии кавказского наместника.

Необходимо отметить, что Воронцов упоминается в знаковой работе П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», при этом, в отличии от многих других российских администраторов кавказский наместник получил в этом исследовании положительную оценку: «Из генерал-губернаторов выгодно выделялись лишь наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор св. кн. М.С. Воронцов и восточно-сибирский гр. Н.Н. Муравьев, получивший наименование Амурского. Это были умные и энергичные администраторы»[3].

[1] Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков (административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1966.
[2] Там же. С. 130–140.
[3] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIXв. М.: Мысль, 1978. С. 149.

В 1980-е гг. в отечественной историографии происходит некоторая тематическая реабилитация истории государственных институтов имперского периода. Для развития представлений о поисках оптимальной модели управления на окраинах империи большое значение имела статья Н.С. Киняпиной о сходствах в организации административной политики на Кавказе и в Средней Азии, в которой было подчеркнуто значение широких полномочий кавказских наместников и туркестанских генерал-губернаторов[1]. Некоторые отдельные эпизоды деятельности Воронцова на Кавказе получили освещение в книге Н.С. Киняпиной в соавторстве с М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым, посвященной Кавказу и Средней Азии в российской внешней политике XVIII–XIX вв.[2].

Итогом развития историографии рассматриваемой темы в советский период стал фундаментальный обобщающий труд «История народов Северного Кавказа», подготовленный большим научным коллективом под общим руководством академика АН СССР А.Л. Нарочницкого и члена-корреспондента АН СССР Ю.А. Жданова[3]. В этой обобщающей работе Воронцов упомянут несколько раз. Во-первых, в привычном контексте неудачного Даргинского похода и, во-вторых, как инициатор некоторых социально-экономических и хозяйственных преобразований в регионе, таких как основание садоводческого питомника в Ставрополе[4].

На *постсоветском* (1990-е – по настоящее время) этапе развития научных представлений о рассматриваемой проблематике разделение историографии на два направления (биографическая литература о Воронцове и региональная история) проявилось особенно заметно. В постсоветский период был полностью реабилитирован жанр политической биографии крупных государственных деятелей (при всей условности этого определения,

[1] Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.
[2] Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIXв. М.: Издательство Московского университета, 1984.
[3] История народов Северного Кавказа (конец XVIIIв. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий, зам. отв. ред. Ю.А. Жданов. М.: Наука, 1988.
[4] Там же. С. 59.

которое серьезно искажает личный характер службы русскому царю) имперского периода. Наряду с потоком откровенно компилятивных сочинений появлялись и новые оригинальные исследования. Одним из лучших примеров научных работ этого жанра стало исследование Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, посвященное С.Ю. Витте[1].

Появились и новые политические биографии М.С. Воронцова. В отечественной историографии это, прежде всего, исследования О.Ю. Захаровой, в которых анализируется жизнь и служебная карьера государственного деятеля[2]. Описания деятельности Воронцова на Кавказе анализируется здесь на основе опубликованных источников, главное внимание уделено преобразовательной политике кавказского наместника в социально-экономической и культурной сферах. Как уже отмечалось, биографам Воронцова свойственен апологетический подход к своему герою, в работах О.Ю. Захаровой эта особенность также регулярно проявляется в характерных фрагментах: «М.С. Воронцов принадлежит к числу выдающихся государственных деятелей России, и на всем протяжении своей карьеры он проявлял себя не только как талантливый администратор, но и как тонкий дипломат и умудренный опытом политик, обладавший широким государственным кругозором, что сказывалось во всем, независимо от того, какой пост он занимал и какие вопросы решал»[3].

В контексте отечественной биографики необходимо отметить исследования С.В. Самойловой, показавшей участие молодого Воронцова в некоторых неформальных дворянских объединениях таких как кружок «костуев»[4]. «”Костуи” искали выход от томящей их скуки, тянулись к новому, неизведанному, обнаруживая своей позицией и поведением

[1] Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
[2] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001; Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004.
[3] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. С. 365.
[4] Самойлова С.В. «Кабы» и «костуи». К характеристике настроения петербургского общества начала XIXв. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 5. С. 27–36.

атмосферу реформаторского поиска»[1]. Важным является наблюдение С.В. Самойловой о публичной популярности первого кавказского наместника: «Характерная черта биографии М.С. Воронцова – его огромная популярность. За всю жизнь они приобрел у различных людей и в разных кругах массу достаточно эклектичных образов. Реальное начало данного процесса можно с уверенностью отнести во времени нахождения графа во Франции, когда формируется его образ либерала, служебного фрондера, “оппозиционера предписанному”»[2]. Как показано в настоящем исследовании, именно популярность стала для Воронцова ресурсом в политической борьбе с центральной бюрократией в лице М.П. Позена в ходе определения служебных прав и привилегий кавказского наместника.

В зарубежной историографии еще в 1990 г. было опубликовано исследование американского историка Э. Райнлендера, которое представляет собой и сегодня одно из наиболее полных и фундированных исследований политической биографии Воронцова[3]. Основное внимание в работе уделено деятельности Воронцова в Новороссии и на Кавказе. Райнлендер обстоятельно анализирует условия назначения Воронцова кавказским наместником и его противостояние со столичной бюрократией в лице М.П. Позена. Большое внимание в работе уделено и описанию политического значения широких полномочий кавказского наместника, и его эксклюзивному праву прямого обращения к императору. Кроме того, Э. Райнлендер рассмотрел и личный управленческий стиль Воронцова, который, по мнению историка, отличался методичностью и расчетливостью[4]. Некоторые выводы Э. Райнлендера и сегодня заслуживают внимательного обсуждения, в том числе тезис о создании Воронцовым «кавказского гражданского общества» и необычности самой его фигуры – «английского лорда» на службе у российского императора. Необходимо отметить, что

[1] Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни Росси первой четверти XIX века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995. С. 12.
[2] Там же. С. 19.
[3] Rhinelander A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queens University Press, 1990.
[4] Rhinelander A. Prince Michael Vorontsov. P. 160–168.

исследование Э. Райнлендера основано как на известном материале опубликованных исторических источников, так и на архивных документах из фонда Кавказского комитета. Вместе с тем, Э. Райнлендер как биограф Воронцов остался верен апологетическому стилю, за который его критиковал А. Рибер в своей рецензии на это исследование[1].

В постсоветской России объединением всех заинтересованных в изучении Воронцовых и воронцовского наследия стало «Воронцовское общество» [2], созданное в 1991 г. Общество регулярно проводило конференцию «Воронцовские чтения», а также выпускало продолжающееся издание «Труды Воронцовского общества» [3]. Благодаря деятельности «Воронцовского общества» были изучены различные стороны жизни и политической деятельности рода Воронцовых в XVIII–XIX вв., опубликованы многие ценные исторические свидетельства. «Воронцовское общество» как и положено подобной организации подчеркивало положительные стороны деятельности Воронцовых, в том числе новороссийского генерал-губернатора и первого кавказского наместника М.С. Воронцова.

Одной из вершин этой апологетической традиции стал сборник статей с показательным заглавием «В защиту чести и достоинства графа Р.И. Воронцова, графа А.Р. Воронцова, княгини Е.Р. Дашковой и светлейшего князя М.С. Воронцова» [4]. Его авторы защищали М.С. Воронцова от пушкинистов, которые, учитывая тяжелые отношения между новороссийским генерал-губернатором и великим поэтом, считали Воронцова равным знаменитой пушкинской эпиграмме. Как отмечал Ю.М. Лотман, «глубоко пронизанный духом дендизма, Воронцов высокомерно

[1] Rieber A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar by Anthony L.H. Rhinelander // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. December 1990. Vol. 32. № 4 (December 1990). P. 489-490.
[2] Подробнее см.: Воронцовское общество, 1991 – 2001: К 10-летию образования / Сост. В.Н. Алексеев, В.А. Удовик. СПб.: [Б.и.], 2001.
[3] См. например: Воронцовы – два века в истории России (Труды Воронцовского общества; Вып. 10) / ред. и сост. В.Н. Алексеев. Владимир: Транзит-ИКС, 2006.
[4] В защиту чести и достоинства графа Р.И. Воронцова, графа А.Р. Воронцова, княгини Е.Р. Дашковой и светлейшего князя М.С. Воронцова. СПб.: [Б.и.], 2009.

держался с подчиненными, разыгрывая просвещенного англомана. Это не мешало быть ему очень ловким придворным, сначала при Александре I, а затем и при Николае Павловиче. Пушкин точно охарактеризовал его: “Полумилорд <…> полуподлец”. В “Воображаемом разговоре с Александром I” Пушкин назвал Воронцова “вандалом, придворным хамом и мелким эгоистом”. Объективность этой характеристики подтверждается мнением одесского чиновника А.И. Казначеева, племянника адмирала А.С. Шишкова, который писал, что Воронцов был человеком двуличным и неискренним»[1].

Апологеты Воронцова приводили противоположные свидетельства, почерпнутые также в основном из мемуарных и эпистолярных источников. В этом отношении характерен пример исследования одного из основателей «Воронцовского общества» В.А. Удовика, где центральное место в биографии Воронцова занимает именно история отношений с А.С. Пушкиным [2]. Дискуссия пушкинистов и «воронцовофилов» является интересным интеллектуальным пространством, показывающим литературоцентричность российского общества и власть русских писателей-классиков над образами прошлого. Здесь стоит отметить, что Воронцова можно назвать главным неудачником большой русской литературы, приведенные выше оценки Пушкина дополняются негативным образом первого кавказского наместника в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Новые опыты литературно-художественного воплощения Воронцова пока не поколебали классических стереотипов[3].

После распада СССР на постсоветском пространстве начался процесс регионализации исторического знания, который в «содержательном отношении свелся к преимущественному изучению отдельных территорий и их народов» [4]. Особенно масштабно данный процесс протекал в

[1] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 1994. С. 134.
[2] Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004.
[3] Елисеева О.И. Наследник Тавриды. М.: Вече, 2007.
[4] Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Региональная история: конфликтный и консолидирующий потенциал // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 217.

полиэтничных регионах, таких как юг России. Эпоха 1990-х гг. связана с формированием новых национальных исторических нарративов на Северном Кавказе, в том числе отдельного казачьего исторического нарратива. Эти научно-исследовательские практики, первоначально, развивались как составные части крупных просветительско-возрожденческих проектов. И, как следствие, почти неизбежно оказывались втянутыми в общественно-политические баталии. В дальнейшем образовавшиеся политические линии разлома оказались непреодолимы, и накал историографического противостояния начал нарастать.

На рубеже XX–XXI вв. историки-кавказоведы оказались разделенными на два больших лагеря: «государственников» и «националов». Историки-«государственники» в своих трудах подчеркивали позитивную, созидательную роль российского государства в исторической судьбе региона [1]. Организационным центром этой группы с начала 1990-х гг. выступала армавирская кавказоведческая школа профессора В.Б. Виноградова. Необходимо отметить, что исследовательская школа профессора В.Б. Виноградова внесла огромный вклад в развитие исторических представлений о характерных чертах и особенностях интеграции Кавказа в состав Российского государства. При этом, для профессора В.Б. Виноградова и его учеников исследование истории региона являлось и продолжает оставаться не только профессиональным призванием, но и гражданским долгом.

Школа В.Б. Виноградова подвергалась критике со стороны историков-«националов»[2]. Зачастую эти историографические столкновения выходили за

[1] Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства: (вторая половина XIX - нач. XX в.). Ростов-на-Дону: РГУ, 2006; Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. - 1917 г.). Ростов-на-Дону: Омега Паблишер, 2012; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002; Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы / под ред. В.Б. Виноградова. М.-Армавир: Армавирский гос. педагогический университет, 2009; Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII - начало XXI вв.): исторические очерки. М: URSS, 2015.

[2] Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (13). 2010. С. 78-84.

пределы научной полемики [1] . Преодолению «кавказской войны историографий» [2] способствовали форумы историков-кавказоведов, первый из которых состоялся 14–15 октября 2013 г. в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону). В ходе работы этого мероприятия была принята Хартия историков-кавказоведов, призывавшая «к консолидации исторического цеха кавказоведов на основе отказа от политизации исторической науки, соблюдения объективности и всестороннего комплексного использования источников на основе их научной критики, принципа историзма»[3].

В постсоветский период развития историографии по рассматриваемой проблематике было опубликовано множество работ, посвященных различным аспектам региональной истории Кавказского края в составе Российской империи. Разносторонняя деятельность первого кавказского наместника часто находила свое место в таких работах. Здесь следует отметить исследования истории Кавказской войны, где Воронцов чаще всего, как и ранее, упоминался в контексте неудачного Даргинского похода [4] . Необходимо отметить, что на фоне трагических чеченских событий история Кавказской войны привлекала дополнительное внимание, дискуссии имели не только академическое, но и общественно-политическое значение. Популярный журнал «Родина», учредителем которого являлось (и является) Правительство Российской Федерации, дважды, в 1994 г. и в 2000 г. публиковал специальные сдвоенные номера, полностью посвященные истории Кавказской войны [5] . Как отметил в своей рецензии В.В. Дегоев, «сдвоенный (1994. № 3—4) выпуск, по сути, представлял собой

[1]Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015.

[2] Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 70–88.

[3] Подробнее см.: Кринко Е.Ф., Матишов Г.Г. Форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013 – 2022 гг.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 5–14.

[4] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIXвв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008.

[5] Родина. 1994. № 3–4; Родина. 2000. № 1–2.

своеобразную малую энциклопедию Кавказской войны, ставшую для многих настольным справочником. Нынешний, тоже сдвоенный (2000. № 1—2) номер можно считать вторым томом»[1].

Множество аналитических статей и исторических свидетельств, посвященных Кавказской войне, было опубликовано в 1990-е – 2000-е гг. на страницах журнала «Звезда»[2]. В рамках издательской программы журнала «Звезда» была опубликована серия книг «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века»[3].

В публикации этих изданий принимала участие Г.Г. Лисицына, подготовившая и опубликовавшая несколько важных аналитических работ, посвященных Кавказскому комитету. Исследовательница показала особенности организации профильного комитета по управлению южной окраиной, выявила общие механизмы взаимодействия Кавказского комитета и кавказских наместников[4]. Остается лишь сожалеть, что кандидатская диссертация Г.Г. Лисицыной, которая могла бы стать первым комплексным исследованием истории Кавказского комитета на обширном материале неопубликованных архивных источников, оказалась незавершенной.

Несмотря на значительный исследовательский интерес к проблемам истории Кавказской войны в историографии все еще заметен дефицит концептуальных, обобщающих работ. Исследование М.М. Блиева и В.В. Дегоева, опубликованное в 1994 г., остается едва ли не единственным исследованием, в котором артикулирована авторская теория военного

---

[1] Дегоев В.В. Квадратура кавказского круга (исчисление прошлым и настоящим) // Дружба народов. 2000. № 6. С. 216.

[2] См. например: Олейников Д.И. Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Звезда. 2001. № 8. С. 96–99; Мемуары Муса-паши Кундухова (1837–1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100–123; Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: История одной иллюзии // Звезда. 2003. № 11. С. 151–162; Дегоев В.В. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. С. 172–186; Гордин Я.А. Черкесия – «кавказская Атлантида» // Звезда. 2007. № 12. С. 90–118.

[3] Даргинская трагедия. 1845 г. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001; Осада Кавказа. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003; Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003; Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2008.

[4] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет. 1845–1882. // Клио. Межвузовский журнал для ученых. 1997. № 2. С. 140–142; Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 154–168.

конфликта, с аргументированным описанием его причин, особенностей и последствий[1]. В 2014 г., когда отмечался 150-летний юбилей окончания Кавказской войны, исследователи по-разному фиксировали определенный кризис в историографическом осмыслении самого долгого конфликта в истории Российской империи. К.Ф. Дзамихов отметил «хаотическое состояние историографии», но выразил надежду, что различные подходы в изучении Кавказской войны смогут дополнить друг друга и это станет основой для нового этапа в изучении исторического феномена[2].

В том же юбилейном году вышла работа Ю.Ю. Клычникова, поставившего под сомнение само понятие «Кавказская война»[3]. Исследователь обратил внимание на сложный состав конфликта, объединившего на протяжении своей истории различные события. Кроме того, Ю.Ю. Клычников отметил географическое несовпадение номинации «Кавказская война» с очагами конфликта, которые были локализованы на Северном Кавказе. Исследователь предложил использовать для обозначения событий на Кавказе в XIX в. понятие «системный кризис».

В 2024 г. к 160-летнему юбилею окончания Кавказской войны был опубликован специальный выпуск журнала «Ориенталистика». Во вводной статье В.М. Муханова историографический кризис был зафиксирован уже явно. Исследователь указал на его симптомы, во-первых, «заметный источниковый голод, связанный с ограниченным использованием источников в исследовательской работе многих историков-специалистов, занимающихся кавказоведением и напрямую затрагивающих проблематику и сюжеты Кавказской войны»[4]. Во-вторых, дефицит новых концептуальных исследований, по словам В.М. Муханова, «за прошедшую четверть века так и не поставлена жирная точка в споре ни о типологии этой войны, ни об общей

[1] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
[2] Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014.С. 3–14.
[3] Клычников Ю.Ю. Современный научный дискурс проблемы так называемой «Кавказской войны» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 201–209.
[4] Муханов В.М. Взгляд из XXI века на Кавказскую войну // Ориенталистика. 2024. Т. 7. № 3. С. 483.

ее характеристике»[1]. Такая оценка современной историографической ситуации носит дискуссионный характер, однако, имеет основания. Вместе с тем, нельзя не отметить появление в последние два с половиной десятилетия нескольких знаковых для исторического кавказоведения работ.

К таковым следует отнести уже классические работы Ю.Ю. Карпова (1956–2015), в которых представлен системный и контекстный анализ социально-политического устройства традиционного дагестанского общества. Героями монографии Ю.Ю. Карпова «Взгляд на горцев. Взгляд с гор»[2] стали, в том числе и лидеры антиимперского сопротивления эпохи Кавказской войны (1801–1864): Гази-Мухаммад, Гамзат-бек, Шамиль, Хаджи-Мурат. Деятельность трех имамов, олицетворявших борьбу горцев Дагестана и Чечни за свободу от гегемонии Российской империи, Ю.Ю. Карпов рассмотрел в связи с кардинальными изменениями в социокультурных практиках и нормативной культуре коренного населения Северо-Восточного Кавказа: «В истории Дагестана Нового времени имамы Гази-Магомед, Гамзат-бек и Шамиль стали революционерами, посягнувшими на кардинальную реорганизацию “обычая”. И не только посягнувшими, но во многом и осуществившими такое переустройство»[3]. Наблюдение и выводы ученого позволили значительно расширить научные представления о механизмах политического влияния предводителей войны горцев с Россией и мотивации ее рядовых участников. Ю.Ю. Карпов убедительно показал причины падения политического авторитета Шамиля, которые были связаны не только с неудачами в Кавказской войне, но и с разрушением традиционного социального порядка горской жизни в ходе реформ легендарного имама[4]. Исследования Ю.Ю. Карпова способствовали критической рефлексии сложившихся в историографии представлениях о

[1] Там же.
[2] Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
[3] Там же. С. 484.
[4] Там же. С. 531.

«набеговой экономике» горских сообществ как о предпосылке Кавказской войне[1].

На стыке исторической антропологии и этнографии была написана и работа В.О. Бобровникова «Мусульмане Северного Кавказа»[2], в которой автор деконструировал стереотипные представления о Кавказе как о жестоком царстве благородных разбойников, которые были сформированы еще русской литературой XIX столетия. Ученый сосредоточился на анализе роли обычного права в формировании «сообщества» абреков, а также выявлении форм вытеснения и совмещения правовых норм шариата и адата на Северо-Восточном Кавказе в годы Кавказской войны.

Если Ю.Ю. Карпов и В.О. Бобровников представили события Кавказской войны со стороны коренного населения региона, то в монографии и докторской диссертации В.В. Лапина комплексно проанализировано положение российской армии на Кавказе в XVIII–XIX вв.[3]. В.В. Лапин объемно показывает сложный процесс адаптации российской армии, созданной по европейским военно-тактическим лекалам, к совершенно «неевропейскому» противнику и театру военных действий. Автору удалось совместить различную оптику исторического зрения: от внимания к деталям военной повседневности до анализа перемен в тактике и стратегии войны на Кавказе. Отдельного внимания заслуживает авторская реконструкция факторов и условий складывания особой корпоративной субкультуры ветеранов Отдельного Кавказского корпуса.

В схожей парадигме выполнены обстоятельные и плотно фундированные исследования Т.А. Колосовской, которая в монографии «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв.» успешно показала роль российской армии в этнографическом

[1] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
[2] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература РАН, 2002.
[3] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX веков. СПб.: Европейский дом, 2008.

и историко-правовом изучении региона[1]. Как отметила автор, «офицеры российской армии, выполняя свой служебный долг на южных рубежах страны, постепенно открывали для себя новый культурно-цивилизационный мир и активно включались в поиски путей его интеграции в общее пространство Российской империи»[2]. Необходимо отметить и монографическое исследование О.С. Пылкова, который также сфокусировал внимание на выявлении преобразующей роли российских военных в становлении на Кавказе новых модерных административно-политических и социокультурных институтов и стандартов[3].

Изучению военного быта черкесов в XVIII – XIX вв. посвятил свою во многом новаторскую работу А.С. Марзей[4]. Историк-этнограф представил комплексную характеристику военной повседневности черкесов в эпоху Кавказской войны. Автор показывает, что наездничество не имело для черкесских обществ экономического значения, но было важным элементом культуры и ее нормативных установок.

В 2015 г. увидела свет монография О.В. Матвеева «Кавказская война: от фронта к фронтиру»[5], в которой историк объединил несколько эпизодов противостояния и взаимодействия Российской империи и горцев в XIX в. Историк убедительно показал, что история Кавказской войны не сводится только к военному противостоянию, но имеет и другую сторону, где сотрудничество и взаимопомощь были не редким явлением. О.В. Матвеев приводит многочисленные примеры поиска сторонами понимания и способов сосуществования в условиях масштабного социокультурного переформатирования региона.

---

[1] Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. С. 9.
[2] Там же. С. 215.
[3] Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир: [б.и.], 2011.
[4] Марзей А.С. Черкесское наездничество – «зекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004.
[5] Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015.

Проблемы несоответствия политической символики и государственной практики традиционным устоям северокавказских сообществ в XVI–XIX вв. были рассмотрены в коллективной монографии ученых-историков Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Авторы приходят к выводу, что «в период Кавказской войны этноконфессиональные различия являлись одним из существенных факторов, оказывавших влияние на характер взаимодействия горцев с российской властью в диапазоне от готовности к интеграционному диалогу до бескомпромиссного сопротивления имперскому колонизационному процессу» [1] . Сильной стороной работы является сосредоточенность авторского коллектива не на анализе *политики* как наборе военно-дипломатических акций, а на *политическом* как процессе взаимодействия различных акторов в контекстных условиях разнообразных ситуаций взаимодействия.

Анализ ситуации на Северном Кавказе после завершения Кавказской войны представлен в работе Л.С. Гатаговой[2], которая выделила причины устойчивости насилия на южной окраине Российской империи. К таковым, по мнению историка, относятся прежде всего особенности природно-климатических условий края, которые препятствовали развитию хозяйственной деятельности и провоцировали борьбу за ресурсы. Сопутствующим фактором было сохранение ряда социальных институтов разрешения конфликтов, связанных с применением насилия: абречества и кровной мести[3]. Все это привело к перманентному региональному насилию, которое имперская власть так и не смогла сдержать.

Кавказское наместничество и деятельность первого наместника рассматривались на постсоветском этапе историографического развития не только в рамке истории Кавказской войны, но и в других контекстах.

[1] Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик: КБИГИ РАН, 2018. С. 263–264.
[2] Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016.
[3] Там же. С. 421–423.

Воронцов занимался преобразованием системы организации образовательных учреждений на Кавказе. Эта сторона его деятельности нашла отражение в нескольких специальных исследованиях. Работа Л.С. Гатаговой, посвященная анализу правительственной политики в области образования, выявляет особую, определяющую роль преобразований в этой сфере в годы наместничества Воронцова [1]. В труде Д.С. Ткаченко образовательная политика М. С. Воронцова рассмотрена в связи с известным англофильством кавказского наместника [2]. Образовательные инициативы первого кавказского наместника на материале известных документальных источников рассматривались и в статьях, опубликованных в различных тематических сборниках и материалах конференций[3].

Образовательная и культуртрегерская политика Воронцова привлекла внимание и зарубежных исследователей. В исследованиях американского историка О. Джерсилда рассмотрены цели создания новых школ, публичной библиотеки и театра на Кавказе в период наместничества Воронцова [4]. Джерсилд справедливо подчеркивал функциональное значение культурно-образовательных институтов, учрежденных кавказским наместником. Новые школы должны были работать как инкубаторы чиновников нового типа – знающих местные языки, культурно-правовые обычаи и традиции. Библиотеки и театры были призваны демонстрировать местному населению новые культурные стандарты, работать как пространства интеграции. «Ориентализм как способ научного познания имперского разнообразия являлся важным аспектом мировоззрения Воронцова», - отметил О.

[1] Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993.
[2] Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь: [Б.и.], 2009.
[3] См. например: Клычникова М.В. Обустройство системы образования на Северном Кавказе при князе М.С. Воронцове // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Выпуск XII / Под общей ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 83–89; Семина Н. Б. Культурная политика М. С. Воронцова на Кавказе // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): матер. Всерос. науч.-практ. конф. (17–18 октября 2007 г.) / под ред. Ю. А. Стецуры. Армавир, 2007. С. 105–109.
[4] Jersild A., Melkadze N. The dilemmas of enlightenment in the eastern borderlands: The theater and library in Tbilisi // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. № 3(1). P. 27-49; Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917. McGill-Queen’s University Press, 2003.

Джерсилд[1]. Другой американский исследователь М. Ходарковский в одной из работ отметил, что в наместничество Воронцова политика инкорпорации местных элит через систему образования приобрела особенный размах[2].

М. Мамедов отметил, что наместничество Воронцова способствовало ренессансу грузинской культуры и формированию модерной интеллектуальной элиты[3]. В одной из работ В.В. Дегоева деятельность М.С. Воронцова анализируется сквозь призму проблемы формирования имперской идентичности на Кавказе[4].

В докторской диссертации и публикациях Ю.Ю. Гранкина деятельность первого кавказского наместника рассмотрена в контексте экономического развития Северного Кавказа в 1844–1882 гг.[5]. Историк В.А. Матвеев отметил некоторые аспекты деятельности М.С. Воронцова в рамках анализа имперской системы управления на Северном Кавказе во второй половине XIX столетия[6].

Распад советской системы открыл возможности полноценного изучения национальной политики Российской империи и национального вопроса в государстве Романовых. Одним из первых внимание к этой важнейшей и малоисследованной в тот момент проблематике привлек В.С. Дякин, выделивший несколько важнейших обстоятельств имперской национальной политики[7]. Во-первых, В.С. Дякин показал отсутствие у Романовых какой-либо общей стратегии империостроительства, долгое время политика в отношении присоединяемых территорий и народов носила реактивный характер и опредялялась *ad hoc*. Во-вторых, историк выделил

[1] Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917. McGill-Queen's University Press, 2003. P. 65.
[2] Khodarkovsky M. The Indigenous Elites and the Construction of Ethnic Identities in the North Caucasus // Russian History. 2008. Vol. 35. № 1-2. P. 129-138.
[3] Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier: The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // Russian History. 2014. Vol. 41. № 2. P. 142–162.
[4] Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М.: «Русская панорама», 2004. С. 28–47.
[5] Гранкин Ю.Ю. Реализация экономической стратегии развития Северного Кавказа в период Второго Кавказского наместничества: 1844-1882 гг.: диссертация ... доктора исторических наук. Пятигорск, 2011.
[6] Матвеев В.А. Система управления северокавказской окраиной Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 59–62.
[7] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.

царствование Николая I в качестве рубежного в истории национальной политики и национального вопроса в Российской империи. Именно перед Николаем I с особой остротой встал вопрос обеспечения политического единства многосоставной империи, включавшей к началу его царствования территории с длительными традициями суверенной государственности (польские и грузинские земли). Как отметил В.С. Дякин, «в качестве основного пути было избрано постепенное внедрение единственного государственного языка на всех уровнях административного управления, суда, а также в государственной школе»[1]. Именно в царствование Николая I во внутренней политике возобладал принцип поддержания единого политического пространства империи, которого придерживались и последующие императоры.

В рамках постсоветского этапа развития историографии появилось множество работ, в которых рассматривался региональный управленческий опыт Российской империи. Этому «губернскому повороту» способствовал общественно-политический интерес к историческому опыту регионального управления и взаимоотношений с центром. Среди таких работ следует выделить исследования А.Н. Бикташевой, В.В. Ефимовой, С.В. Любичанковского и А.С. Минакова, в которых предложен не только фундированный конкретно-исторический анализ, но и сформулированы важные концептуальные обобщения[2].

Кавказское наместничество стало объектом внимания исследователей в рамках изучения становления и эволюции системы управления южной окраиной[3]. В статье З.М. Блиевой учреждение Кавказского наместничества

[1] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. С. 19.
[2] Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.). Самара, Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного университета, 2007; Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», 2011; Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012; Ефимова В.В. генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
[3] См. например: Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2001.

рассматривается как новый этап в развитии имперской региональной администрации, вместе с тем, противоречивые выводы исследования показали необходимость более детального изучения этой масштабной темы[1]. В кандидатской диссертации З.Р. Сихаджок была предпринята попытка исследования правового статуса кавказского наместника в законодательстве Российской империи в 1845–1915 гг., широкий хронологический период и предметные ограничения предопределили степень авторского внимания к первому кавказскому наместнику[2]. Здесь же отметим несколько важных работ, посвященных Кавказскому наместничеству и наместникам второй половины XIX в. и начала XX в.[3]. Эти исследования предоставляют возможности для сравнительного анализа и обобщений.

На современном этапе деятельность и служебный статус Воронцова фрагментарно рассматривался в обобщающих изданиях[4]. Специальных и комплексных работ, посвященных деятельности Воронцова на посту кавказского наместника, не так много. Здесь следует отметить кандидатскую диссертацию и монографию В.С. Мунаева, в которых наряду с биографическими сведениями о Воронцове реконструированы некоторые аспекты его деятельности на Кавказе[5]. Исследователь не рассматривал условия и обстоятельства взаимодействия кавказского наместника с высшими и центральными институтами власти, но при этом констатировал,

[1] Блиева З.М. Кавказское наместничество в середине XIXвека: становление новой административной стратегии: Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 9. С. 39–49.

[2] Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи 1845–1915 гг. Дисс… кандидата юридических наук. Краснодар, 2011.

[3] Чернуха В.Г. Поиски равновесия: Россия и Кавказ во второй половине XIX–начале XX в. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 237–251; Исмаил-Заде Д.И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: Центрполиграф, 2005; Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007; Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 3 (35) / под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2006. С. 87–106; Волхонский М.А. Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189.

[4] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / Под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1 (Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин). СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003; Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

[5] Мунаев В.С. Военная и государственная деятельность наместника на Кавказе М.С. Воронцова: 1844-1854 гг. дис. ... кандидата исторических наук: Ставрополь, 2012; Мунаев В.С. Северный Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова. Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2012.

что Воронцов «последовательно выстроил жесткую вертикаль власти с беспрецедентными в истории российского управления на Кавказе полномочиями, составившими основу создаваемой административной системы»[1].

Отдельно необходимо отметить исследования С.С. Лазаряна [2] . Докторская диссертация С.С. Лазаряна и одноименная монография носят обобщающий характер и представляют собой своего рода энциклопедию административного, социально-экономического и культурного развития региона в период наместничества Воронцова. В подходе исследователя заметно влияние апологетической традиции, сформированной ранее биографами Воронцова. Под пером С.С. Лазаряна первый кавказский наместник предстает благородным рыцарем империи, а политические решения Воронцова почти неизменно оказываются прозорливыми и обдуманными. Исключение составляет лишь Даргинская экспедиция 1845 г., план которой был разработан в Петербурге и навязан Воронцову, который вопреки допущенным просчетам «своим хладнокровием и распорядительностью в сложных условиях отступления обескровленных войск сумел сохранить в них порядок и даже бодрость духа, что способствовало спасению остатков отряда»[3].

Наибольшее внимание в исследованиях С.С. Лазаряна уделено социально-экономическим и культурно-образовательным преобразованиям, проведенным первым кавказским наместником. С.С. Лазарян в концептуальном отношении рассматривает эти сюжеты как проявление «культурно-цивилизаторской миссии» [4] . Труды С.С. Лазаряна являются

[1] Военная и государственная деятельность наместника на Кавказе М.С. Воронцова: 1844-1854 гг. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Ставрополь, 2012. С. 26.

[2] Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ: исторические очерки. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009; Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2014; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022.

[3] Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. С. 84.

[4] Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова 1844–1854 годы. Автореферат дис. ... доктора исторических наук. Владикавказ, 2014. С. 15.

наиболее полным и комплексным анализом политики первого кавказского наместника в указанных областях, вместе с тем, вопросы взаимодействия Воронцова с центральной бюрократией последовательно им не рассматривались. Фрагментарным представляется и рассмотрение С.С. Лазаряном отношений наместника с местными элитами, которое выстроено преимущественно на основе опубликованных в десятом томе АКАК источников. Это не является недостатком исследований С.С. Лазаряна, но позволяет определить перспективное направление научного поиска, картографировать проблемные зоны историографии.

Таким образом, в историографии как отечественной, так и зарубежной следует выделить две большие традиции изучения политики первого кавказского наместника М.С. Воронцова. Первая представлена работами биографического плана, в которых деятельность Воронцова на посту кавказского наместника рассматривается как один из этапов его многосторонней государственной деятельности. При этом разные поколения воронцовских биографов верны апологетическому подходу к личности Воронцова. Фигура кавказского наместника благодаря обширности биографической традиции приобрела дополнительный историографический глянец. Вторая большая исследовательская традиция представлена историческими сочинениями регионально-исторического жанра, здесь на переднем плане находится преобразовательная деятельность кавказского наместника на южной окраине, его усилия по модернизации административного, социально-экономического, культурного укладов местной жизни.

Вопросы места Кавказского наместничества в системе государственного управления империи, особенности его взаимодействия с высшими и центральными институтами власти систематически в историографии не рассматривались. Исследователи констатировали широчайшие служебные полномочия Воронцова как кавказского наместника, указывали на то, что он обладал доверием императора Николая I. Однако за

пределами внимания историков до сих пор оставались вопросы о том каким образом формально закрепленные за Воронцовым служебные права и привилегии реализовывались на практике, за счет каких административных ресурсов и технологий кавказскому наместнику удавалось оставаться вне министерской опеки. Кроме того, анализ историографии показывает хаотическое определение условий и обстоятельств назначения Воронцова кавказским наместником. По-прежнему в историографии остается актуальным тезис о преемственности между так называемым «первым кавказским наместничеством», появившемся в 1785 г., в рамках екатерининской административной реформы и назначением Воронцова кавказским наместником в 1844 г. Наконец, отсутствуют ясные выводы о необходимости введения нового административного института, а именно чего в решении создать наместничество было больше: признания критичности положения российской администрации на Кавказе в середине XIX в., или же желания Николая I обеспечить личный контроль над процессом интеграции южной окраины в пространство империи.

Необходимо также отметить, что как отечественные, так и зарубежные исследователи не использовали неопубликованные документы фонда Канцелярии кавказского наместника, хранящегося в Тбилиси – административной столице Российской империи в регионе.

1.2. Источники и методология исследования.

Исторические свидетельства о политике Российской империи на Кавказе, интеграции южной окраины в конце XIX–первой половине XIX в. многочисленны и разнообразны. Специфика этого комплекса исторических источников заключается в том, что в основном он состоит из официальных материалов, сохранившихся в архивах различных административных институтов и структур. Еще одной его особенностью является то, что он сформировался как результат работы российской администрации, то есть представляет взгляд имперских сановников, военных и бюрократов на

процесс присоединения и интеграции Кавказа в российское политическое и культурное пространство. Позиция местного населения если и представлена, то лишь в пересказе российской администрации. Однако, в контексте диссертационного исследования это обстоятельство не является весомым ограничением, учитывая, что центральное место занимает анализ места и статуса первого кавказского наместника в системе государственного управления. Элитные группы местного населения (грузинское дворянство, армянское купечество, мусульманские элиты) к середине XIX в. были в значительной степени интегрированы в имперские институты управления и другие структуры (культурные и образовательные), что позволяет изучить их отношения с наместником как главой российской администрации в регионе на основе документов делопроизводства и других официальных материалов.

Весь массив источников можно систематизировать по шести отдельным, но взаимосвязанным категориям: *законодательные акты и официальные политические документы*, *материалы делопроизводства*, *неофициальные (частные) политические документы (проекты, записки, обзоры)*, *источники личного происхождения*, *статистические и справочные материалы, периодика*.

Законодательные акты, опубликованные в многотомном «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗ РИ), представляют внешнюю формальную сторону политического взаимодействия первого кавказского наместника и центральной бюрократии. Здесь же представлены административные регламенты Кавказского комитета и его предшественников, а также положения об организации административно-территориальных единиц на южной окраине империи, которые позволяют проследить эволюцию модели губернско-областной «нарезки» региона на протяжении первой половины – середины XIX столетия. В материалах ПСЗ РИ нашел отражение и процесс определения льгот и привилегий для чиновников, отправлявшихся служить на Кавказ. Показательно, что в николаевское время здесь отчетливо фиксируется желание законодателя

систематизировать условия службы на Кавказе, а также настроить фильтры, препятствовавшие проникновению в регион чиновников-авантюристов – искателей легких чинопроизводств и материальных выгод.

Близкими по содержанию к законодательству являются официальные политические документы, в которых определялся военно-политический курс империи на южной окраине. Речь в первую очередь идет о документах императора Николая I. Коллекция документов фонда Николая I (ГАРФ. Ф. 672) позволила реконструировать взгляды императора на оптимальное управление южной окраиной. Анализ таких документов как «Записка Николая I с программой действий по завоеванию и колонизации Кавказа» (1841 г.)[1], «Памятной записки, составленной Николаем I для главного начальника Кавказского края генерал-адъютанта Нейдгардта с программой его деятельности по военной, государственной и дипломатической части» (1842 г.)[2], а также других исторических свидетельств показывает, что представление о необходимости расширения административных прав и полномочий регионального начальства сформировалось у монарха уже в начале 1840-х гг. Это направление поиска оптимальной модели управления Кавказом нашло свое выражение и в «Наказе Главному управлению Закавказским краем» (1842 г.)[3].

Важнейшее значение для диссертации имеют материалы делопроизводства, так как исследование фокусировалось не на выделении и анализе важнейших программных документов, а на повседневных и фоновых административных практиках, показывающих настоящую работу имперской системы управления. Ключевое значение в диссертационном исследовании имеют документы архива Кавказского комитета (РГИА. Ф. 1268). Во-первых, это официальная переписка кавказского наместника М.С. Воронцова с председателем Кавказского комитета А.И. Чернышевым, фиксирующая право главы региональной администрации обращаться напрямую к

[1] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 83.
[2] ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 84.
[3] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842.

руководителю профильного комитета в обход министров. Служебная переписка наместника и председателя Кавказского комитета показывает высокий статус Воронцова, выраженный в его зачастую резких и категоричных суждениях относительно мнений министров по делам южной окраины. Во-вторых, разнообразные по объему и содержанию отзывы министров на политические инициативы региональной администрации. Они позволяют проследить тактические приемы министров в отстаивании ведомственных интересов, а также попытки министерской интервенции в зону полномочий и дискреции наместника. Необходимо отметить, что мнения министров сообщал наместнику председатель Кавказского комитета, а наместник отвечал на критические замечания министров также через главу профильного комитета. Таким образом, Чернышев оказывался в положении модератора служебно-иерархических столкновений наместника и министров. В-третьих, журналы заседаний Кавказского комитета (РГИА. Ф. 1268. Оп. 26), в которых не только показана процедура рассмотрения разнообразных вопросов управления и развития региона, но и содержится информация о присутствии министров на заседаниях, а также об участии в рассмотрении некоторых вопросов дополнительных экспертов, или обсуждении материалов, присланных в Кавказский комитет частным порядком. Так, например, 1 мая 1845 г. директор Общей канцелярии министра финансов А.Ф. Гревениц отправил управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову материалы французской прессы с описанием системы управления в Алжире [1] . В Кавказском комитете был составлен сравнительный обзор системы управления в Алжире и на Кавказе, который был прочитан императором Николаем I и доставлен для ознакомления Воронцову[2]. Эти документы существенно дополняют картину сходства двух

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. По всеподданнейшему докладу о сравнительном обзоре управления французского в Алжире и нашего за Кавказом. Л. 1–105.
[2] Там же. Л. 102.

административных систем на низовом уровне, что уже становилось предметом специальных исследований[1].

Архив Кавказского комитета стал одним из основных документальных ресурсов для реконструкции политики первого кавказского наместника в отношении региональных элит. В Кавказском комитете рассматривались дела о подтверждении сословных прав грузинского дворянства (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858), именно в годы наместничества Воронцова этот вопрос получил принципиальное разрешение. Грузинская знать стала опорой российской администрации в регионе. В нескольких объемных делах представлены документы по решению «агаларского вопроса», подтверждению сословных прав мусульманской элиты Закавказья и регулированию поземельных отношений на соответствующих территориях (РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 234; РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б).

Важнейшим комплексом исторических свидетельств для диссертации стали документы управляющего делами Кавказского комитета В.П. Буткова, находящиеся в составе коллекции «Дела и бумаги председателей и членов Государственного совета» (РГИА. Ф. 1250). На ключевое значение фигуры Буткова в системе взаимодействия и конфликтах наместника с министрами обратил внимание А.В. Ремнев, по его замечанию, «поддержка В.П. Буткова во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника в Петербурге через Кавказский комитет»[2]. В диссертации роль Буткова в работе Кавказского комитета и коммуникации с наместником и министрами получила специальное освещение на основе архивных свидетельств. Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка Буткова только с директором канцелярии наместника С.В. Сафоновым насчитывает

[1] Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.

[2] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX–начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. С. 264.

900 листов за период с 3 августа 1845 г по 7 марта 1852 г. (РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10), письма в целом имеют официальный характер, однако, в них встречаются сведения, которые сообщались корреспондентами частным образом, неформально.

Присоединение и интеграция окраин всегда была сопряжена со значительными финансовыми издержками, вопрос «цены окраин» еще не разработан в историографии. Существуют лишь общие подсчеты, согласно которым финансовые затраты казны на Кавказе даже во второй половине XIX – начале XX в. значительно превышали доходы, получаемые в регионе[1]. Кавказская война, продолжавшаяся несколько десятилетий, поглощала финансовые и человеческие ресурсы империи, а учреждение Кавказского наместничества оказалось сопряжено с дополнительными казенными издержками.

Совершенно неслучайно М.Х. Рейтерн, в 1870-е гг. боровшийся за сокращение расходов на наместническое управление как министр финансов, заняв должность председателя Комитета министров в докладе императору Александру III 22 ноября 1881 г., накануне упразднения наместничества, отмечал, что цель новых преобразований «состоит главным образом в достижении сокращения расходов, в упрощении управления и в его объединении с существующим строем остальной части России»[2]. Именно министры финансов выступали последовательными и наиболее энергичными критиками как самого института наместничества, так и многочисленных административных инициатив наместников, предполагавших дополнительный финансовый расход.

В общем виде отношение финансового ведомства к бюджетной политике на южной окраине империи было рассмотрено в монографии Е.А.

[1] Краткий очерк экономического положения Кавказа, по новейшим официальным и другим отчетам // Кавказский календарь на 1888 г. Приложение. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 37–39.
[2] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 321. Л. 12.

Правиловой [1] , однако, специального исследования взаимодействия руководителей министерства и кавказских наместников ранее не проводилось. Между тем, в архиве Министерства финансов (РГИА. Ф. 561 «Особенная канцелярия министра финансов по секретной части») сохранился богатый комплекс документов, который позволяет реконструировать политику ведомства в отношении Кавказского края, в том числе прояснить вопросы взаимодействия с региональной администрацией.

Время первого кавказского наместника пришлось на период, когда во главе финансового ведомства находился Ф.П. Вронченко, унаследовавший скептическое отношение к большим расходам на Кавказе от своего предшественника и патрона Е.Ф. Канкрина. В контексте диссертационного исследования принципиально важным было выявить подходы к финансовой политике на южной окраине как Е.Ф. Канкрина, так и Ф.П. Вронченко. Обобщая, следует сказать, что Министерство финансов во второй четверти – середине XIX в. выступало, с одной стороны, за сокращение казенных расходов в регионе, в первую очередь военно-административных и, с другой стороны, искало пути увеличения местных доходов. Проблемы организации эффективной фискальной системы в регионе, многочисленные ходатайства первого кавказского наместника о материальной поддержке представителей местной знати, в том числе о реабилитации прав собственности, ранее отошедшей в казну, вызывали недовольство финансового ведомства, проявлявшееся в обсуждении этих вопросов на заседаниях Кавказского комитета.

В диссертационном исследовании реконструирован ближний политический круг первого кавказского наместника, в том числе чиновники, занимавшие ключевые места в его канцелярии. Эта задача выполнялась на основе анализа формулярных списков и групповых формулярных списков, которые также представлены в фондах РГИА (Ф. 1349. Оп. 5). Особую

[1] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801 – 1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 102–126.

ценность в контексте диссертационного исследования имеют формулярные списки о службе чиновников Канцелярии кавказского наместника и чиновников особых поручений [1]. Эти документы не только позволили выявить карьерные траектории ряда ключевых чиновников канцелярии наместника, но и дали возможность критически оценить популярные в историографии свидетельства современников.

Важнейшим комплексом документов для диссертации стал архив Канцелярии кавказского наместника, который хранится в Центральном историческом архиве Грузии (Ф. 4). Здесь представлены разнообразные свидетельства, которые существенно расширяют картину взаимодействия наместника как с региональными административными институтами, так и с центральной бюрократией. Выделим некоторые категории этих исторических свидетельств. Во-первых, документы наместнической канцелярии дополняют свидетельства РГИА о службе и карьере ближайших сотрудников Воронцова – директоре канцелярии С.В. Сафонове и еще одном доверенном чиновнике М.П. Щербинине [2]. Во-вторых, свидетельства, сохранившиеся в архиве канцелярии наместника, позволяют критически рассмотреть популярное представление о дефиците административных кадров на Кавказе. Здесь сохранились многочисленные прошения чиновников о переводе на Кавказ в период с 1848 по 1850 г., всего более трех десятков просьб о служебном переводе, ни одно из которых не было удовлетворено (ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 192). В-третьих, важное значение имеют циркуляры Воронцова военным губернаторам, губернским и областным присутственным местам, которые напоминали о том, что все они подчинены непосредственно кавказскому наместнику и не имели права входить в прямую служебную связь с соответствующими министерствами. Эти циркуляры являются свидетельством того, что местные присутственные места продолжали

[1] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 391. «Формулярные списки о службе чиновников Канцелярии наместника кавказского и чиновников особых поручений за 1849 год».
[2] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 5. О бытии действительному статскому советнику Сафонову директором гражданской канцелярии наместника кавказского, 16 января 1845 – 21 апреля 1852.

обращаться в столичные управления и ведомства мимо наместника, провоцирую служебно-иерархические столкновения и конкуренцию. В-четвертых, канцелярия наместника рассматривала дела, связанные с конфликтами между различными местными сообществами, в том числе между грузинской аристократией и армянским купечеством (ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11). Наконец, в-пятых, в фонде Канцелярии кавказского наместника сохранились дела о служебных конфликтах внутри краевой администрации, Воронцов в подобных делах выполнял роль арбитра, перемещая рассорившихся высокопоставленных военных и чиновников подальше друг от друга (ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 211). Многочисленные и разнообразные по содержанию документы архива Канцелярии первого кавказского наместника существенно дополняют архив Кавказского комитета, показывая повседневную работу Кавказского наместничества в местных специфических условиях и обстоятельствах.

Еще одним важным документальным комплексом в контексте диссертационного исследования стал архив Главного штаба Кавказской армии (РГВИА. Ф. 14719). Здесь хранятся свидетельства об усилиях первого кавказского наместника по разбору военных архивов укреплений Кавказской линии. Эта работа была возложена на офицеров Генерального штаба, которые на протяжении 1847–1848 гг. описывали архивы Георгиевска и Кизляра, многие документы затем были отправлены в Тифлис и опубликованы Кавказской археографической комиссией. Воронцова, прежде всего, интересовала история административного устройства Кавказской линии[1], что позволяет предположить о формировании у первого наместника программы преобразования управления на Северном Кавказе. Однако ее окончательная разработка и реализация пришлась уже на годы наместничества А.И. Барятинского (1856–1862). Параллельно с деятельностью офицеров Генерального штаба проходила работа по разбору и

[1] Письмо начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу командующему войсками на Кавказской линии К.Я. Белявскому, 15 января 1847 г. // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 39. Л. 3.

описанию архивов в Ставрополе и Моздоке, которая была поручена училищным чиновникам и координировалась директором канцелярии наместника С.В. Сафоновым[1].

В этом же архиве хранятся и впервые вводимые в научный оборот свидетельства об обустройстве горцев, прекративших сопротивление и вышедших к российским властям в 1852–1853 гг. (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554). Эти документы показывают, что перелом в Кавказской войне следует отнести к началу 1850-х гг., когда участились случаи выхода горцев на подконтрольную российским властям территорию. Чеченские семьи, выходившие к линии российских укреплений, находились в тяжелом материальном положении, сказывалась военно-экономическая блокада и нарушение традиционных хозяйственных связей и циклов. Российские власти оказывали горским семействам материальную помощь, за счет экстраординарных сумм и провиантских складов. При этом такие усилия коронной администрации не следует рассматривать в качестве филантропии. Выход населения ослаблял имамат Шамиля, подрывал его ресурсную базу. Именно в этом и был заинтересован Воронцов как кавказский наместник и командующий Отдельным Кавказским корпусом.

Интерес представляет официальная переписка кавказского наместника с наказным атаманом Войска Донского М.Г. Хомутовым, в которой речь идет о высылке донских казачьих офицеров непригодных к службе на Кавказе (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445). Воронцов проявляет себя как строгий и взыскательный командир, наместник подчеркивал особые условия службы на Кавказе. Эти документы с еще одной стороны показывают высокий политический статус Воронцова, входившего с требованиями к высокопоставленному административному начальнику, не подчиненного управлению кавказского наместника.

[1] Письмо директора канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонова начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу, 28 мая 1847 г. // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 39. Л. 52.

Процесс интеграции Кавказа в состав империи растянулся на несколько десятилетий. За это время сформировался феномен *неофициальной кавказской политики*, то есть большой массив частных проектов и записок, посвященный способам завершения Кавказской войны и «замирения края». Эта ситуация не уникальна. В Российской империи на рубеже XIX–XX вв. сформировался феномен неофициальной дальневосточной политики, которая нашла отражение в целом ряде фондов личного происхождения, проанализированных в исследованиях И.В. Лукоянова[1]. Примечательно, что известны случаи неофициального обсуждения выбора политического курса и военной стратегии на Кавказе, в которых принимали участие официальные лица – высокопоставленные представители имперской администрации в регионе. В феврале 1855 г. новый кавказский наместник Н.Н. Муравьев написал «открытое» письмо А.П. Ермолову из Грозной, в котором критиковал текущее положение дел на Кавказе, а именно наследие М.С. Воронцова: «В углу двора обширного и пышного дворца, в коем сегодня ночую, стоит уединенная, скромная землянка ваша, как укоризна нынешнему времени. Из землянки вашей, при малых средствах, исходила сила, положившая основание крепости Грозной и покорению Чечни. Ныне средства утроились, учетверились, а все мало, да мало! Деятельность вашего времени заменилась бездействием; тратящаяся ныне огромная казна не могла заменить бескорыстного усердия, внушенного вами подчиненным вашим для достижения предназначенной вами цели. Казна сия обратила грозные крепости ваши в города, куда роскошь и удобства жизни привлекли людей сторонних (женатых), все переменилось, обстроилось; с настойчивостью и убеждением в правоте своей требуют войск для защиты; войска обратились в горожан, и простота землянки вашей не поражает ослабевших воинов Кавказа, в коих хотя дух и не исчез, но силы стали немощны»[2]. Письмо

[1] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008; Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX в.: борьба за выбор политического курса автореферат дис. ... доктора исторических наук. СПб., 2009.
[2] Письмо Н.Н. Муравьева к А.П. Ермолову // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 543.

разошлось во множестве списков, обсуждалось не только на Кавказе, но и в столичных офицерских кругах. Во многих личных фондах участников Кавказской войны есть его копия[1], а в некоторых сохранились размышления офицеров о степени справедливости упреков Н.Н. Муравьева[2]. А.П. Ермолов так же не делал из письма тайны и, видимо, одобрял эмоциональное высказывание Н.Н. Муравьева, служившего под его началом в 1817–1819 гг.

Ответом на муравьевскую эпистолу стало письмо «кавказского офицера», а именно подполковника Д.И. Святополка-Мирского, служившего, в том числе и адъютантом первого кавказского наместника. Ходили слухи, что соавтором письма-ответа являлся известный военный публицист Р.А. Фадеев [3] . Д.И. Святополк-Мирский прямо указывал на общественную популярность А.П. Ермолова: «Кавказ от России далеко, а сочетание двух имен Ермолова и Муравьева, внушает русскому — доверие»[4]. В ответе на обвинения Н.Н. Муравьева приводится множество примеров воинской доблести солдат и ветеранов Отдельного Кавказского корпуса, отдельно останавливается Д.И. Святополк-Мирский и на скоромной ермоловской землянке: «Что же касается до вопроса землянок и дворцов, то не нам, темным людям, его разрешать; помню только, что когда меня учили истории, я видел в ней, что завоевание земель и особенно упрочивание оных, не делалось всегда одною силою оружия, и что постройка великолепных зданий и распространение цивилизации, часто к этому способствовали; это зависит от принятой системы, которую не мы решаем»[5].

Письмо о ермоловской землянке дорого обошлось вновь назначенному кавказскому наместнику. Н.Н. Муравьев не смог сформировать надежную военно-административную команду, многие офицеры покинули Кавказ, в том числе и Д.И. Святополк-Мирский. Против нового наместника

[1] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 3–5.
[2] ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–5.
[3] Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. С. 11.
[4] Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 544–546.
[5] Там же. С 545.

распространялись негативные отзывы. «Теперь выезжающие из Грузии люди, тобою не удерживаемые, конечно, не хвалят тебя, лишась жизни без всякого труда и даром получаемого содержания»[1], - сообщал А.П. Ермолов Н.Н. Муравьеву в письме от 19 апреля 1855 г. Спустя год Н.Н. Муравьев покинул Кавказ.

Обширна тематическая переписка участников присоединения южной окраины, ветеранов военной и гражданской службы, в которой обсуждались разнообразные вопросы регионального управления. При этом, данный комплекс исторических источников представлен как опубликованными, так и неопубликованными свидетельствами, некоторые из них впервые введены в научный оборот в диссертационном исследовании.

Документы адъютанта наместника князя М.Б. Лобанова-Ростовского (ГАРФ. Ф. 792) показывают особенности организации управления регионом как административной практики, сопряженной с параллельным изучением местного социального пространства. Весной 1846 г. Лобанов-Ростовский получил назначение в Комиссию по обозрению мусульман Кавказской области, которая была образована распоряжением кавказского наместника[2]. В документах Лобанова-Ростовского описана организация управления кочевых народов Кавказской области: ногайцами, трухменами и калмыками. Имперская администрация осуществляла лишь общий надзор через назначение приставов, внутренняя жизнь кочевников Кавказской области регулировалась выборными институтами, определение которых происходило на народных собраниях. Бумаги Лобанова-Ростовского позволяют оценить эффективность стратегии интеграции традиционных политико-правовых институтов в коронную систему управления. Необходимо отметить, что частично бумаги из рассматриваемого фонда князя Лобанова-Ростовского были ранее опубликованы[3].

[1] Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб., 2014. С. 637.
[2] Письмо кавказского наместника М.С. Воронцова его адъютанту гвардии поручику князю М.Б. Лобанову-Ростовскому, 15 апреля 1846 г. // ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
[3] Записки о Кавказе 1840-х–1850-х гг. князя М.Б. Лобанова-Ростовского / Сост. С.Е. Павлова. М.: «Древлехранилище», 2010.

Уникальные документы архива III Отделения СЕИВК представлены, в том числе обзорами политического состояния края и записками о злоупотреблениях регионального начальства в 1833–1838 гг. (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1156). Эти свидетельства использовались для реконструкции мотивов Николая I, предопределивших разворот административного курса на Кавказе от модели унификации по образцу внутренних губерний к назначению наместника с широкими правами и, фактически, придания региону автономного статуса в системе государственного управления. Необходимо отметить и анонимное письмо, содержащее критику первого кавказского наместника и его окружения, что позволяет критически относится к известному апологетическому тезису о всеобщей поддержке Воронцова со стороны местных элит (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 74).

В диссертации подробно рассматриваются неофициальные политические проекты, которые были адресованы непосредственно первому кавказскому наместнику. Среди них можно выделить проект московского мещанина Александра Тимофеева (ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14). В проекте озаглавленном «Об усмирении кавказских горских народов и разведении торговли с ними» А. Тимофеев писал о невозможности покорения горцев только военными средствами и уверял наместника, что сможет возглавить «торговое предприятие», которое превратит местное население в «мирных швейцарцев» [1] . Еще одним подобным свидетельством является записка коллежского ассесора Овощникова «О Кавказском крае» (ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14). Овощников призывал наместника сократить расходы казны на южной окраине империи, в том числе путем создания конной грузинской милиции для противодействия набегам горцев. Согласно проекту Овощникову оплатить формирование нового военного подразделения могли бы армянские коммерсанты[2]. Эти и другие подобные документы оказывались в канцелярии кавказского наместника, где чиновники зачастую иронизировали на счет их

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 6.
[2] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 30.

авторов. Неофициальные политические документы изучаемой эпохи широко представлены и в опубликованных тематических сборниках[1].

Обширный комплекс *источников личного происхождения* позволил определить неформальные связи Воронцова как с представителями центральной бюрократии, так и с его подчиненными на Кавказе. Важнейшее значение для диссертационного исследования имеют материалы семейного архива Воронцовых, опубликованного в 1870–1895 гг. под руководством известного историка и археографа П.И. Бартенева (1829–1912). Публикация воронцовского архива была инициирована Семеном Михайловичем Воронцовым – единственным сыном и наследником М.С. Воронцова. С.М. Воронцов принимал активное участие в издательском проекте, вероятно, именно за ним оставалось последнее слова при выборе бумаг для публикации[2]. Всего было опубликовано сорок томов, документы в которых организованы по хронологическому принципу. При этом, хронология часто сбивается и «ранние» документы появляются в томах с «поздними» свидетельствами. Документы публиковались по подлинным рукописям и на языке оригинала, значительная часть переписки представлена на французском языке.

Бумаги М.С. Воронцова опубликованы в заключительных шести книгах (книги XXXV–XL). В контексте тематики диссертационного исследования особый интерес представляла переписка наместника с министром государственных имуществ П.Д. Киселевым, в которой обсуждалась реакция столичной бюрократии на преобразование управления южной окраиной, а также вопросы взаимоотношений Воронцова и Кавказского комитета [3] . Кроме того, информативной является запись разговора директора канцелярии наместника С.В. Сафонова с императором

[1] Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005; Дмитрий Милютин о Кавказе: рапорты, записки, особые мнения. Сборник документов / выявление и комментарии С.Б. Манышев, В.М. Муханов. М.: «Кучково поле», 2024.
[2] Бартенев П.И. [О светлейшем князе С.М. Воронцове] // Архив князя Воронцова. Кн. XXVI. М.: Университетская типография, 1882. С. 1; Ануфриева А.Ю. Архив князя Воронцова: история и состав публикации // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 292–307.
[3] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 1–279.

Николаем I от 28 сентября 1846 г. Запись была сделана С.В. Сафоновым, видимо, спустя непродолжительное время после окончания аудиенции и представлена наместнику с поясняющим донесением. В беседе Сафоновым император выразил мнение по широкому кругу вопросов управления южной окраиной: от проблемы организации международной торговли в регионе до кадровых назначений [1]. Важным дополнением к воронцовскому архиву следует считать содержательные письма к Воронцову отставного «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова, особый интерес представляет характеристика реакции московской публики на провал Даргинского похода[2].

Важнейшее значение для диссертационного исследования имеет переписка М.С. Воронцова с управляющим делами Кавказского комитета В.П. Бутковым (РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12). Эти документы позволяют частично реконструировать клиентскую сеть Воронцова, в которую входили руководители его канцелярии С.В. Сафонов и М.П. Щербинин, а также представители грузинской аристократической фамилии Орбелиани. Сохранились письма Воронцова Буткову, датированные первой половиной 1850-х гг., в которых наместник (в поздних письмах уже бывший) просил содействия Буткова, являвшегося в это время уже статс-секретарем и управляющим делами Комитета министров, в служебном устройстве и/или выгодном для своих клиентов решении дел в Кавказском комитете. Все эти эпизоды подробно рассмотрены в диссертации.

В ближний круг первого кавказского наместника и командующего Отдельным Кавказским корпусом закономерно входили представители высшего офицерства. Об отношениях Воронцова и генерала князя М.З. Аргутинского-Долгорукого, командовавшего войсками на Левом фланге Кавказской линии, можно судить по их обширной переписке, сохранившейся в личном фонде Аргутинского в ОР РНБ (Ф. 32. Оп. 1. Д. 1–4). Следует отметить, что переписка носила личный характер. Аргутинский являлся

[1] Там же. С. 383–408.
[2] Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: ООО «Журнал Звезда», 2014. С. 450–480.

непосредственным командиром единственного сына наместника – Семена Михайловича Воронцова. Его служебные успехи были постоянной темой переписки Аргутинского и Воронцова[1].

Кроме того, именно в переписке с Аргутинским Воронцов откровенно обсуждал секретные военные и разведывательные акции, в том числе связанные с делом Хаджи-Мурата – наиба Шамиля, бежавшего к российскому командованию в 1851 г. Вероятно, Воронцов и Аргутинский рассчитывали на Хаджи-Мурата как на предводителя восстания против Шамиля. Планировалось, что на помощь Хаджи-Мурату могли прийти войска Отдельного Кавказского корпуса. Побег Хаджи-Мурата расстроил эти замыслы[2]. Картину отношений наместника с другими высшими офицерами дополняют письма В.О. Бебутова и Н.С. Завадовского, сохранившиеся в фонде Воронцовых РГАДА (Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165).

В ОР РНБ хранятся и письма Воронцова М.М. Сперанскому за 1823–1833 гг., которые показывают высокий неформальный статус будущего кавказского наместника в высших государственных кругах и определить некоторые ориентиры его государственной деятельности. Необходимо заметить, что в письмах Воронцова Сперанскому упоминаются В.П. Кочубей, Н.С. Мордвинов, А.С. Грейг как лица, объединенные общностью политических взглядов[3].

Среди документов великого князя Константина Николаевича, хранящихся в ГАРФ (Ф. 722), внимание в контексте тематики диссертационного исследования привлекает его объемная переписка с Воронцовым за 1851–1853 гг.[4]. Осенью 1851 г. Константин Николаевич отправился провести зиму в Венеции и отсюда активно интересовался административной жизнью различных регионов империи. Корреспондентами

[1] Частная переписка генерал-адъютанта князя Аргутинского-Долгорукова с главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом светлейшим князем М.С. Воронцовым и случайно с некоторыми другими лицами // ОР РНБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 21, Л. 134.
[2] Там же. Л. 138–139.
[3] Письма М.С. Воронцова М.М. Сперанскому, 28 мая 1823 г. – 20 июля 1833 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 2040. Л. 3–7.
[4] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430.

великого князя в этот период кроме кавказского наместника также являлись оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский и генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев [1] . В информационном отношении переписка Константина Николаевича и Воронцова уточняет и расширяет представления о некоторых преобразованиях первого кавказского наместника, в частности в образовательной сфере. Воронцов подробно и обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы великого князя, а также присылал отчеты об управлении краем с дополнительными комментариями.

Многие современники эпохи Кавказской войны оставили воспоминания с характеристиками ключевых событий и высокопоставленных фигур. При этом, такие свидетельства отличаются высокой субъективностью, многие мемуаристы были включены в своеобразные «войны памяти». Среди авторов воспоминаний можно выделить различные группировки: «ермоловцев», «воронцовских» и так далее. Особенно критичны в отношении первого кавказского наместника воспоминания ветеранов Кавказской войны М.Я. Ольшевского и Г.И. Филипсона[2]. Среди комплементарных в отношении Воронцова свидетельств личного происхождения следует выделить воспоминания участника Даргинской экспедиции Н.П. Беклемишева [3] . Нейтральностью отличаются воспоминания адъютанта Воронцова князя А.М. Дондукова-Корсакова, который впоследствии занимал высокие административные посты, в том числе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (1882–1890). Дондуков-Корсаков подробно описал как положительные, так и негативные стороны психологии и административного стиля первого кавказского наместника[4].

[1] Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М.: Прометей, 2019. С. 64–65.
[2] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Вып. 1–2. С. 363–387.
[3] Беклемишев Н.П. Поход графа Воронцова в Дарго и «Сухарная экспедиция» в 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 535–550.
[4] Князь Михаил Семенович Воронцов. Воспоминания князя А.А. Дондукова-Корсакова. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1902.

Среди *источников справочного характера* необходимо отметить опубликованную несколько лет назад в Тбилиси «Картотеку Вейденбаума» - сборник сведений о военных и чиновниках, служивших на Кавказе в XIX – начале XX в. Биографические сведения, собранные и систематизированные выдающимся историком-кавказоведом Е.Г. Вейденбаумом, фактически являются наиболее полным и масштабным биобиблиографическим справочником по истории интеграции Кавказа в пространство Российской империи[1]. Большое значение в контексте диссертационного исследования имели справочные сведения, публиковавшиеся на страницах «Кавказского календаря» – первого продолжающегося издания справочного характера, инициированного М.С. Воронцовым в 1845 г. «Кавказский календарь» был для современников единственным надежным информационным навигатором по краю, здесь публиковались сведения об административно-территориальном устройстве региона, органах власти и управления, населенных пунктах и численности их населения. О популярности «Кавказского календаря» красноречиво свидетельствует письмо директора канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонова управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову от 14 декабря 1845 г.: «С каждым днем поступают к нам со всех концов России бесчисленные требования на “Кавказский календарь”, и мы видим, что, к сожалению, гораздо менее половины удовлетворить можем. И потому находимся в необходимости приступить ко второму изданию. Позвольте обратиться к вам еще с просьбою, принять на себя труд приказать узнать во сколько времени могут в С. Петербурге, в одной из типографии с скоропечатным станком, напечатать календарь вторым изданием, в числе семьсот экземпляров, на хорошей белой бумаге, и что будет стоить издание это»[2].

[1] Сборник сведений к словарю кавказских деятелей (XIX – начала XX в.), собранных Евгением Густавовичем Вейденбаумом, известный как «Картотека Вейденбаума» / Отв. ред. И.П. Якобашвили. Тбилиси: Национальная парламентская библиотека Грузии, 2021.
[2] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 35.

В «Кавказском календаре» публиковалась информация об учебных заведениях и количестве обучающихся. На основе этих сведений в диссертации реконструирована динамика подготовки кадров для службы в региональных институтах администрации. Часть выпускников местных школ отправлялась для продолжения обучения в высших учебных заведениях империи. Кроме того, в «Кавказском календаре» публиковался адрес-календарь, содержавший список должностных лиц всех уровней управления, что в рмаках диссертационного исследования способствовало определению служебных траекторий и связей чиновников региональной администрации.

Вместе с тем, при работе с «Кавказским календарем» учитывался официальный характер издания – это исторический источник, произведенный имперской бюрократией, прежде всего, для запросов и потребностей управления регионом. Издание «Кавказского календаря» являлось инициативой наместника М.С. Воронцова и, очевидно, служило целям позитивной репрезентации политики наместничества.

В рамках диссертации систематически использовались *материалы периодической печати*, а именно газета «Кавказ», которая, как и «Кавказский календарь», начала издаваться в 1846 г. по инициативе наместника. Газета «Кавказ» выполняла двойную функцию: во-первых, знакомила русскую читающую публику с далекой южной окраиной и, во-вторых, освещала преобразовательную деятельность региональной администрации. В передовице одного из номеров «Кавказа» за 1848 г. миссия газеты формулировалась следующим образом: «<…> край Кавказский так обширен, все части и все стороны его так мало известны, что могут представить много нового и любопытного не только для русских, но даже и для туземцев. И кроме того газета издавалась сколько для тех, столько же и для других, исполняет двойное и весьма важное назначение: нас русских знакомит она с любопытною богатою страною, о которой мы знаем, кажется, меньше нежели об Америке и с которою однако судьба связала нас неразрывными узами братства и общих выгод: между туземцами распространяет мало по малу

охоту к чтению и укореняет понятия более чистые, образ мыслей и взгляд более образованные»[1].

На страницах газеты «Кавказ» публиковалась различная информация: от официальных правительственных распоряжений и реляций о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса до травелогов и фельетонов. В контексте диссертации особое значение имела реконструкция образа кавказского наместника как «хозяина края», которому посвящались стихи и песни, а приезд Воронцова в отдаленные гарнизоны сопровождался ритуалами восхваления его заслуг как великого полководца. Подобные материалы публиковались «Кавказом» регулярно.

Отдельно необходимо остановиться на характеристике документов, опубликованных в *«Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК)*. Многие сюжеты и эпизоды, анализируемые в диссертации, невозможно полноценно исследовать без использования документов, опубликованных в десятом «воронцовском» томе АКАК[2]. Это справедливо в первую очередь в вопросах взаимодействия Воронцова с грузинской аристократией, развития образовательных и культурных инициатив наместника, торговой политики и взаимоотношений имперской администрации с духовенством различных конфессий. Однако, подборка документов в АКАК выполнена таким образом, что диалог между различными административными институтами, процесс обсуждения различных управленческих новаций и подходов не представлен, или представлен в сильно сокращенном виде. Отсутствие каких-либо археографических пояснений об опубликованной документальной выборке, принципах комплектования многостраничных томов АКАК является еще одним ограничением этого эпохального издательского проекта.

Комплекс исторических источников об истории взаимодействия первого кавказского наместника с высшими и центральными институтами

[1] Кавказ. 1848. № 1. (3 января). С. 1.
[2] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Т. X. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1885.

власти, а также местными сообществами отличается хорошей сохранностью и архивным разнообразием. Это позволило проследить изучаемые процессы из разных документальных перспектив, использовать при работе с источниками сравнительный анализ.

Переходим к описанию *теории и методологии диссертационного исследования*. В методологическом отношении диссертационное исследование выстраивалось в соответствии с тремя уровнями общетеоретических и исследовательских подходов и методов: общая модель, принципы и концепции, общенаучные и специально-исторические методы работы.

В целом диссертация выполнена в парадигме неоклассической модели исторического исследования [1], которая подразумевает, в том числе стремление к синтезу разных дихотомических оппозиций (глобальное – локальное, универсальное – уникальное), что означает в контексте исследуемой проблемы новый подход к анализу отношений в рамках дихотомий «центр – периферия» и/или «центр – регион». Новизна заключается в анализе взаимовлияния имперского центра и региона, где не только центр наделен субъектностью, но и регион заставляет центр искать новые формы и механизмы интеграции вновь присоединенных территорий. Кавказское наместничество рассматривается как институт власти и управления, находившийся в динамичном взаимодействии с другими политическими институтами. Основное внимание в диссертации уделено именно взаимодействию наместника с институтами и сообществами, что позволило выявить значимость неформальных технологий власти, в том числе патрон-клиентских отношений, которые эффективно дополняли регулярные структуры государственного порядка. Логика изложения и проблемно-хронологическая последовательность описания деятельности и

[1] Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. С. 250–330.

отношений кавказского наместника отвечают общей задаче реконструкции формирования политического курса на южной окраине империи.

Диссертационное исследование базируется на принципе историзма, под которым понимается признание специфичности и уникальности различных исторических эпох, что делает необходимым реконструкцию последовательности событий и установления связей между ними с учетом конкретно-исторического контекста и нераздельности прошлого. Еще одним базовым принципом подготовки диссертационного исследования являлось стремление к объективности, понимаемой как дистанцирование и беспристрастность, иначе это может быть сформулировано как признание императива понимания людей и событий прошлого, взамен исторического суда над ними[1].

В диссертации имплицитно используются две концепции – географии власти и фронтирной модернизации, а также концепт «ментальное государство».

Понятие «географии власти» было предложено А.В. Ремневым на примере изучения административной истории Сибири и Дальнего Востока[2]. В соответствии с определением концепта, в центре диссертационного исследования находится власть, как процесс взаимодействия различных акторов, имеющий собственные временные и пространственные характеристики. Другими словами, география власти позволяет анализировать то, как абстрактное политическое доминирование материализовалось в систему контроля над территориями, социальными общностями и ресурсами. История интеграции Кавказа в состав Российской империи в первой половине – середине XIX в. отчетливо показывает процесс поиска оптимальной модели управления регионом и, вместе с тем, векторное движение от военно-административного надзора за территориями к введению

[1] Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта. М.: РОССПЭН, 2011. С. 116–117.
[2] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004. С. 8–10; Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 13–23.

общеимперской системы управления. Концепция географии власти акцентирует внимание на взаимодействии двух центров управления – Петербурга и Тифлиса. Формально именно имперская столица определяла политический курс интеграции южной окраины в общегосударственное пространство, однако, целый ряд обстоятельств (отдаленность Кавказа, высокий неформальный статус кавказского наместника, периферийность вопросов управления Кавказом в петербургской политической повестке) перетягивал воображаемый управленческий канат на сторону наместничества. Однако, и властное пространство наместничества не являлось гомогенным. В его структуре присутствовали различные уровни, представленные отдельными институтами управления (Совет Главного управления, военные губернаторы), этноконфессиональными группами (грузинское дворянство, армянское купечество, мусульманская элита) и служебные корпорации (Отдельный Кавказский корпус, региональное чиновничество). Кавказское наместничество не просто объединяло все это разнообразие в рамках общей территории и пространства определенных правил сосуществования, но выступало посредником и патроном в отношениях с имперским центром, а также арбитром междоусобных конфликтов.

Концепция фронтирной модернизации была предложена И.В. Побережниковым в 2010 г. на основе изучения истории Урала XVIII–XIX вв.[1]. Новая концепция объединила черты концепта фронтир как особой подвижной границы и места контакта представителей различных культур, с одной стороны, и теорию модернизации как последовательной смены социально-экономических и политических этапов развития, с другой стороны. И.В. Побережников показал, что «включение еще недостаточно освоенных территорий регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом,

[1] Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2010. С. 308–310.

культурном отношении, причудливому переплетению традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры»[1].

В дальнейшем концепция фронтирной модернизации получила развитие и широко применялась для анализа интеграционных процессов в Сибири и Дальнем Востоке [2]. Позднее Р.Ю. Почекаев исследовал юридические аспекты фронтирной модернизации на материале истории российского правового влияния на среднеазиатские протектораты в 1717–1917 гг.[3]. Как показал Р.Ю. Почекаев, Российская империя в этот период проводила политико-правовую и социокультурную модернизацию подконтрольных территорий Центральной Азии, целью которой являлась их полноценная интеграция в общеимперское пространство.

Кавказское наместничество представляется возможным интепретировать как институт фронтирной модернизации, который был призван выполнить двуединую задачу – обеспечить военный успех в противостоянии с имамом Шамилем и его сторонниками, а также способствовать гражданскому развитию края. Именно наместничество стало оптимальной моделью интеграции южной окраины в условиях незавершенного присвоения региона. О том, что политика кавказского наместника была направлена на модернизацию региона наглядно свидетельствует реорганизация системы учебных заведений и открытие Кавказского учебного округа в 1849 г.; развитие публичной сферы с появлением театров, библиотек, изданием периодических и продолжающихся изданий; открытием в Тифлисе в 1851 г. Кавказского

[1] Побережников И.В. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 30–38.

[2] Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: БКИ, 2012. С. 141–148; Алексеев В.В. Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13.

[3] Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020.

отделения Императорского русского географического общества; формирование нового европеизированного городского пространства, урбанизация Кавказского края являлась составной частью процесса интеграции региона в политическое и социокультурное пространство Российской империи.

Концепт «ментальное государство» в качестве теоретического конструкта был предложен Д.А. Рединым в 2012 г. применительно к культуре государственного управления Петра I [1]. Под «ментальным государством» Д.А. Редин предложил понимать сконструированную Петром I идеальную модель государства, которая стала результатом интеллектуальной деятельности монарха, «плодом обобщенного практического и теоретического опыта» [2]. Представляется, что концепт «ментальное государство» применим и как один из способов научного осмысления государственной деятельности Николая I. Это объяснимо не только ментальной близостью двух монархов, которую отмечали современники и продолжают анализировать в исследовательской литературе[3]. Дело в том, что Николай I первым из российских самодержцев сформулировал принцип российского империостроительства – «все должно составлять одно целое»[4]. В историографии на это обратил внимание В.В. Трепавлов, подчеркнувший, что по мысли Николая I, любые автономии вассальных квазимонархий рассматривались как временные, их полусамостоятельность «тлела и неизбежно угасала» [5]. «Ментальное государство» Николая I как модель идеальной политической организации предусматривала полноценное включение в общеимперское пространство

[1] Редин Д.А. Очарование «регулярства» еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 1 // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 49–59.
[2] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д.А. Редина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 5.
[3] Выскочков Л.В. Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I // Русско-византийский вестник. 2023. № 1. С. 130–145; Лапин В.В. Неудачная погоня // Николай I / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2023. С. 5–32.
[4] Архив князя Воронцова / ред. П.И. Бартенев. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 387.
[5] Трепавлов В.В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) // Российская история. 2015. № 3. С. 3–14.

всех новоприсоединенных территорий, что предопределило поражение всех альтернативных проектов, предусматривавших установление системы непрямого управления на южной окраине. Как показано в диссертации, сторонником введения подобной административной системы на Кавказе являлся министр финансов Е.Ф. Канкрин, вынужденный уйти в отставку на фоне разногласий с императором в вопросе выбора политического курса на южной окраине.

Вместе с тем, инструментами полноценной интеграции периферийных регионов могли выступать различные административные институты, одним из которых являлось Кавказское наместничество. Создание наместничества также определялось параметрами «ментального государства» Николая I, для которого принципиальное значение имело сохранение личного влияния на управление отдаленной окраины. Наиболее эффективным способом обеспечения незримого присутствия императора на окраинах протяженного государства было назначение почти всесильных наместников и генерал-губернаторов из среды высшей имперской аристократии, наделенных личным доверием царя и обремененных персональной ответственностью перед ним. Таким образом, концепт «ментальное государство» является аналитической рамкой изучения предпосылок создания Кавказского наместничества и определения его важнейших характеристик.

Применявшиеся в диссертационном исследовании *методы* можно разделить на три категории: *общенаучные, специально-исторические и междисциплинарные*.

Общенаучные методы представлены в диссертации системным и структурно-функциональным. Системный метод позволил рассмотреть Кавказское наместничество не как изолированное региональными границами явление, а как иерархически организованный институт, встроенный в государственную систему власти и управления Российской империи. Применение системного метода способствовало выделению многочисленных связей наместничества как с высшими и центральными институтами власти и

управления, так и с региональными акторами административного процесса. Структурно-функциональный метод позволил проанализировать границы дискреции наместника во взаимодействии с министрами и главноуправляющими, а также определить зоны служебно-иерархических столкновений и функциональных лакун.

Специально-исторические методы, которые применялись в рамках диссертационного исследования: сравнительный (компаративный), историко-генетический и институциональный. Сравнительный метод использовался для сопоставления исторического опыта Кавказского наместничества с другими наместничествами и генерал-губернаторствами в Российской империи. Как показало использование сравнительного метода, Кавказское наместничество имело как общее, так и особенное в сравнении с другими подобными институтами управления. К общим чертам следует отнести повторяющиеся ситуации служебно-иерархических столкновений региональных администраторов с министерствами, личное доверие императора, дефицит законодательного описания рамок и полномочий местной власти. Положение кавказского наместника в 1844–1854 гг. отличало, прежде всего, наличие сети неформальных связей в имперской столице, что усиливало позиции М.С. Воронцова в противостоянии с министрами.

С помощью историко-генетического метода в диссертации удалось выявить этапы поиска оптимальной модели управления регионом, а также определить условия и обстоятельства создания Кавказского наместничества. В рамках применения историко-генетического метода были проанализированы правительственные дискуссии о выборе политического курса на южной окраине, которые продолжались на протяжении первой половины XIX в.

Институциональный метод сыграл ключевую роль в изучении официального правового статуса наместника в системе государственного управления Российской империи в соответствии с «Правилами об

отношениях кавказского наместника», утвержденных 6 января 1846 г. Это позволило показать, что формально-юридический статус кавказского наместника имел эксклюзивные черты и выходил за пределы актуального на тот момент политического опыта. Кроме того, с помощью институционального метода удалось проанализировать неформальные связи наместника в Петербурге, определить «партию» наместника, состоявшую из доверенных военных и чиновников, являвшуюся главной опорой М.С. Воронцова в повседневной управленческой работе.

В диссертации также применялся биографический метод, который принято относить к междисциплинарным методам исследования. Учитывая тематику диссертации, посвященной государственной политике и системе управления, биографический метод занимал значимое место в исследовательской работе. Биографический метод подразумевает фокусировку на персональных качествах, опыте и психологических особенностях действующих лиц. При этом, речь идет не только о фигурах первого ряда, но и о «человеке второго плана» в истории, которые, как правило, гораздо лучше интегрированы в социальный контекст, а значит именно в их действиях и судьбах вернее отражены типичные характеристики эпохи[1]. В диссертации показано как такие формально далеко не самые высокие начальники, как управляющий делами Кавказского комитета В.П. Бутков, которого вполне возможно отнести к фигурам второго плана в истории могли оказывать решающее влияние на работу государственных институтов и влиять на отношения между ними.

Выводы к 1-й главе. Анализ историографии показал, что специальное и комплексное исследование взаимодействия Кавказского наместничества с верховной властью, высшими, центральными и местными государственными учреждениями ранее не проводилось. При этом, доступные исторические источники позволяют реконструировать различные условия и обстоятельства

[1] Мининков Н.А., Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек второго плана в контексте современной историографии // Человек второго плана в истории. Выпуск 2: Сборник научных статей. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2005. С. 3–8.

создания наместничества и его функционирования в системе управления Российской империи. Для решения указанных исследовательских задач в диссертации применяется сочетание общенаучных, специально-исторических и междисциплинарных методов. В интерпретация и обобщении научных результатов используются современные теории и концепции, получившие широкую аналитическую разработку в историографической традиции.

Глава 2. Кавказ в государственной системе Российской империи до создания наместничества: поиск оптимальной модели управления.

2.1. Особенности системы государственного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. Институт генерал-губернаторства и наместничества.

В таких территориально протяженных политических образованиях как империи всегда возникала проблема управления отдаленными провинциями. На протяжении веков лучшей формой контроля за дальним имперским периметром оставались наместники (или вице-короли), которые выступали сразу в нескольких ролях. Во-первых, они являлись представителями имперских метрополий (столиц), часто власть им делегировалась непосредственно от монарха, то есть наместники были словно тенью императора на отдельно взятой территории. Во-вторых, наместники занимали позицию посредников между правящим классом империи и местными элитами, во многом от таланта наместника зависели приоритеты региональной аристократии, колебавшиеся в диапазоне от лояльной интеграции до борьбы за национальную независимость. В-третьих, наместники покровительствовали региону, которым управляли, они были патронами для вверенного им края и стремились обеспечить его хозяйственное развитие, безопасность и в целом благополучие местных жителей.

Должностные лица с описанным выше политическим и символическим функционалом существовали в различных империях: вице-короли в Португалии и Испании, вице-короли Британской Индии и Ирландии, египетские хедивы в Османской империи[1]. Есть и менее известные, но весьма показательные примеры такие как Сэр Сайид Али бин Салима ал-Бусаиди, вошедший в историю не только как правитель британской Кении, но и как

[1] Osterhammel J. The Imperial Viceroy: Reflections on an Historical Type // The Dynastic Centre and the Provinces. Agents and Interactions. Ed. by J. Duindam, S. Dabringhaus. Leiden: Brill, 2014. P. 13–29.

выдающийся арабский деятель в Восточной Африке. Этот вали (наместник) Момбасы основывал библиотеки и школы, защищал права чиновников-арабов, занимался градостроительством и благоустройством. За все эти многочисленные заслуги Сайид Али бин Салима ал-Бусаиди в 1929 г. стал рыцарем Британской империи.

В истории формирования и развития административной системы Российского государства значимую роль играл институт наместников. При этом он представлен сразу несколькими традициями, которые связаны между собой только общей номинацией. Так, в XVI в. наместники – это должностные лица, управлявшие городами Московского государства от имени царя и содержавшиеся за счет местного населения в рамках системы кормлений. Социальное происхождение наместников разнилось. По словам А.А. Зимина, «кормленщиками были как представители феодальной аристократии, так и верхушка служилых людей»[1]. Наиболее населенные города управлялись представителями княжеских фамилий, критерием назначения на привлекательные в финансовом отношении места выступала знатность рода. Как правило, наместниками назначались люди, имевшие административный и военный опыт[2].

Административно-судебные прерогативы наместников XVI столетия отличались разнообразием. Некоторые наместники получали грамоты на боярский суд, а другие подобных опций не имели[3]. Наместники постепенно утрачивали многие административные функции, которые успешно присваивались другими институтами. Еще в начале XVI в. наместники были оттеснены от решения многих вопросов в военно-административной сфере городовыми приказчиками[4]. В 1530–1540-е гг. наряду с наместниками административно-судебными функциями наделялись местные выборные

[1] Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М.: [б.и.], 1974. С. 290.
[2] Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. С. 26.
[3] Аракчеев В.А. Наместники в России XVI в. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 15.
[4] Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 183.

институты – губная администрация[1]. К рубежу XVI–XVII вв. именно губная администрация во главе с выборными губными старостами составляла основу управленческой системы Российского государства. Система кормлений и наместнического управления постепенно уходит в прошлое.

Однако наместники не исчезли из истории Российского государства. В XVII – начале XVIII в. наместничества трансформировались из должности в титул и стали частью дипломатической практики[2]. Как отметила Г.В. Талина, «помимо послов, посланников и членов Ответных палат наместническим титулом наделялись те, кого русское правительство отправляло на встречу с иностранными представителями для определения государственной границы». Кроме того, «носителями наместнических титулов традиционно выступали те воеводы, чья деятельность была сопряжена с перепиской с представителями иностранных государств»[3].

В этом отношении большой интерес представляет публицистическая заметка 1700 г., которая была опубликована историком Е.Е. Замысловским в 1871 г. Согласно этому свидетельству на исходе царствования Федора Алексеевича группа влиятельных бояр «советоваху государю» учредить в провинциях Московского государства, в том числе Новгороде, Казани, Астрахани, Сибири, должности наместников. Предполагалось, что царскими наместниками станут «великородные боляре», с фактически неограниченными полномочиями и пожизненно. Федор Алексеевич первоначально одобрил новое административное устройство государства и отправил проект на благословение патриарху Иоакиму. Однако патриарх решительно воспротивился учреждению наместничеств, увидев в этом угрозу распада единого централизованного государства и возвращения к междоусобицам удельного периода[4].

---

[1] Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 593– 594.
[2] Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII в. М.: Издательство «Прометей», 2012. С. 4.
[3] Там же. С. 39.
[4] Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. СПб.: Типография Замысловского и Бобылева, 1871. С. 335–336.

В результате реформ Петра I Великого в системе российского государственного управления сосуществовало несколько разнонаправленных векторов развития административно-политического устройства. В основном сложилась центральная бюрократия, сформировались отраслевые институты управления. Как отметил Н.И. Павленко, «в годы административных реформ Петра I сложился новый механизм управления страной… была создана стройная система органов управления, компетенция которых распространялась на всю страну»[1]. Однако эти масштабные изменения в системе государственного управления не были следствием реализации какого-либо стратегического плана. Петровские административные реформы, как показал Е.В. Анисимов, были ответом на вызовы Северной войны (1700–1721)[2]. Общим местом в историографии стал тезис о влиянии на государственные преобразования Петра I западноевропейских камералистов, которые в своих трудах (зачастую и в служебной деятельности) эффективно объединяли политическую теорию и административную прагматику[3].

Вместе с тем, целостное концептуальное видение процесса и целей государственного строительства у Петра I сложилось только в последние годы жизни. Свой проект «ментального государства» великий российский реформатор так и не реализовал в полном объеме[4]. Наряду с рационализацией управления и формированием профессиональной бюрократии, действующей на основе должностных регламентов, внутри российской государственной машины оставалось место для развития неформальных отношений. Различные формы протекции и протежирования, а также сети патрон-клиентских отношений дополняли систему «регулярного государства». По словам авторов фундаментального исследования,

[1] Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 16.
[2] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 97–98.
[3] Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 20-29.
[4] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования по истории местного управления в России. Под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. С. 15–16.

посвященного русско-украинским неформальным связям в контексте управления Гетманщиной, «в условиях несовершенства и затянутости формальных процедур, что было связано со слабой бюрократизацией и сохранением в государственной администрации господствующего положения дворян, а также при наличии условий в виде больших пространств империи и гетерогенности ее территорий, неформальные отношения как метод управления получили важные преимущества, что и обусловило их активное использование российскими монархами на протяжении всего XVIII века»[1].

В XVIII в. в российской управленческой практике появляется должность генерал-губернатора, которой именовались начальники новых административных единиц, возникших при Петре I – губерний. В правление Петра I известны два генерал-губернатора – А.Д. Меньшиков, управлявший Санкт-Петербургской губернией, и Ф.М. Апраксин, которому были поручены прибалтийские территории, объединенные в составе Ревельской губернии. В историографии нет конвенционального мнения о причинах и обстоятельствах появления должности генерал-губернатора. Часть исследователей обращает внимание на то, что генерал-губернаторами назначились администраторы, которым предстояло кроме гражданских дел по обустройству и управлению губернии вести военные действия. Иная точка зрения состоит в том, что генерал-губернаторский статус являлся способом демонстрации особого доверия Петра I к некоторым его сподвижникам, которым поручалось руководство отдельными территориями[2]. При этом, четкого отделения генерал-губернаторов от губернаторов, вице-губернаторов и даже воевод не существовало.

Все эти должности на протяжении большей части XVIII столетия «перемешивались» без явно артикулируемой иерархии и подчиненности. Как отметил А.В. Романович-Славатинский: «Вообще иерархия областных

[1] Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. С. 717.

[2] Подробнее см.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: (XVIII – начало XX века). М.: Издательство МПГУ, 2001. С. 34.

правителей обозначилась только впоследствии, вслед за изданием учреждения губерний: первоначально же должности их перемешивались – и не только не было с отчетливостью определено отличие отличие губернатора от генерал-губернатора и вице-губернатора, но даже отличие губернатора от воеводы, отличие воеводы провинциального от городового (уездного) и пригородного» [1]. Смешение должностей, их функций и полномочий на практике проявлялось в отсутствии отдельных инструкций, что будет характерно и для ситуации XIX столетия.

Административные реформы Екатерины II и ее преемников также были направлены на рационализацию и унификацию управленческих процедур и процессов, основанных на кодифицированном законодательстве[2]. Губернская реформа 1775 г. предполагала передачу части административных полномочий на места, что должно было повысить эффективность работы государственных институтов и ускорить рассмотрение дел, избавить население от «волокиты»[3]. Однако успех реформы во многом зависел от качества управленцев, которых явно не хватало.

Дефицит квалифицированных кадров, людей «право разумеющих», являлся главной проблемой административного реформирования в XVIII в. «Новые учреждения должны были, по мысли их творцов, перевернуть управление русской провинцией, но для этого нужно было создать “новую породу людей”, а если об этом без всякого успеха мечтали в екатерининское время, то не мудрено, что при Петре жизнь горько посмеялась над реформаторами»,[4] - писал историк Ю.В. Готье.

В годы правления императрицы Екатерины II (1762–1796) наместничество вновь приобретает значение государственной должности.

[1] Романович-Славатинский А.В. Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра Великого до учреждения губерний в 1775 году. Киев: Университетская типография, 1859. С. 61.
[2] Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII–первой четверти XIXв.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 20.
[3] Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 189–195.
[4] Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. С. 9.

Новая административно-территориальная структура должна была решить проблему «недоуправления империей», которая была очевидной для Екатерины II и ее окружения задолго до сходных по смыслу размышлений Д.И. Менделеева[1]. Основной технологией реформы было разукрупнение административных единиц для преодоления «великой обширности некоторых губерний»[2]. Несколько «уменьшенных» губерний образовывали большие губернии или наместничества, при этом определялся диапазон численности их народонаселения – от 300 до 400 тыс. душ[3].

Во главе губернии или наместничества стоял генерал-губернатор или «государев наместник». Здесь необходимо подчеркнуть, что эти две должности рассматривались как равнозначные. Наместники, как и генерал-губернаторы назначались на должность монархом[4]. В дальнейшем номинация «наместник» возобладала. Под началом наместников находилось сразу несколько губерний, но, как правило, две–три. Одним из наиболее крупных наместничеств было Новороссийское, в которое входили Саратовская, Астраханская, Азовская и Новороссийская губернии. Это наместничество было поручено управлению екатерининского фаворита Г.А. Потемкина. В 1782–1783 гг. обсуждался проект создания отдельного Азовского наместничества, который, однако, так и не был реализован[5]. Как отметила Л.Ф. Писарькова, в должности наместника или генерал-губернатора «пересекались все нити управления (административные, финансовые, судебные, надзорные) и восходили непосредственно к верховной власти»[6].

Реформа растянулась на десятилетие, и всего было образовано пятьдесят новых губерний, объединенных в двадцать наместничеств[7]. «Наместники наделялись большими полномочиями. Они назначались по

[1] Менделеев Д.И. К познанию России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. С. 40–43.
[2] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XX. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 230.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 234.
[5] Подробнее см.: Азовське намісництво: нереалізований проект. Запоріжжя, 2011. С. 3–18.
[6] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2014. С. 16.
[7] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / Под общей редакцией В.В. Черкесова. Т. 1. / Ред. Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. С. 61–62.

личному выбору императрицы и были ответственны только перед ней. Во время пребывания наместников в столице они имели право участвовать (с решающим голосом) в заседаниях Сената – того департамента, в котором рассматривались дела по вверенным им губерниям»[1].

Наместники возглавляли всю региональную администрацию, они могли вмешиваться в любую сферу административной жизни подчиненных им губерний. Функции наместников совмещали непосредственно управление провинциями, а также контроль над действиями губернаторов и губернских административных институтов. При этом, наместники не имели многочисленного административного штата. В их распоряжении находились лишь небольшой конвой, два адъютанта и 2–3 чиновника, входивших в так называемые «наместнические правления»[2].

Таким образом, наместник или генерал-губернатор занимал промежуточное место между верховной властью и губернским уровнем управления. Как справедливо отметила Л.М. Лысенко, «начиная с петровских реформ и кончая первыми годами XX века, власть предержащие постоянно стояли перед дилеммой: нужно, или не нужно промежуточное звено в лице то ли наместника, то ли генерал-губернатора между центральной властью и губернией»[3].

В соответствии с указом Екатерины II от 5 мая 1785 г. было создано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская области [4] . Центром наместничества стал Екатериноград, основанный в 1777 г. как казачья станица. Если Екатериноград стал губернским городом, то Астрахань, напротив, была объявлена лишь областным городом вплоть «до будущего соизволения».

[1] Там же. С. 62.
[2] Там же. С. 63–64.
[3] Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. С. 53.
[4] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 388.

В историографии присутствует концепция, которая начинает историю Кавказского наместничества именно с 1785 г.[1]. Соответственно, эта схема выделяет так называемое «первое Кавказское наместничество» в 1785–1796 гг. и «второе Кавказское наместничество» в 1845–1881 гг. Однако, такую интерпретацию трудно назвать удачной. Как было показано выше, Кавказское наместничество, созданное в 1785 г., появилось в результате общеимперской административной реформы Екатерины II. Учреждение этого элемента в структуре Российского государства не предполагало какого-либо административного обособления региона. Скорее, напротив, на Кавказе вводился институт аналогичный устройству других территорий империи. Это видно по расписанию губерний от 13 июня 1781 г., где, как правило, несколько соседних губерний образуют наместничество под общим началом генерал-губернатора или наместника[2].

Кавказское наместничество создавалось по той же логике, что и другие наместничества. Примером может служить история создания Уфимского наместничества в 1781–1782 гг. то есть за три года до создания Кавказского наместничества. Уфимское наместничество создавалось в соответствии с указом Екатерины II от 23 декабря 1781 г. в составе двух областей Уфимской и Оренбургской[3]. Административный центр переносился из Оренбурга в Симбирск, а затем в Уфу, которая обзаводилась необходимой губернскому городу инфраструктурой[4].

Административные реформы Екатерины II были призваны ввести принцип единоначалия в систему государственного управления. Как отметила Т.В. Андреева, екатерининская «административная конструкция», основанная на узком круге сильных бюрократов (генерал-прокурор Сената и

[1] Глашева З.Ж. Первое Кавказское наместничество: особенности учреждения и функционирования // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 134–139; Марзей И.Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769 – 1864 гг. Диссертация… кандидата исторических наук. Нальчик, 2021. С. 31.
[2] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 135–136.
[3] Там же. С. 365–366.
[4] Абакумов Е.В. Институт генерал-губернаторства в последней трети XVIII века как попытка выделения политической ветви власти в Российской империи (на примере Уфимского наместничества) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16. С. 387–390.

наместники), способствовала упрощению управления страной[1]. Должность наместника получили сановники, обладавшие личным доверием императрицы. По словам В.А. Потто, «в их руках сосредотачивалось все управление краем, и им же подчинялись все военные и гражданские власти». Наместники имели и соответствующие символические атрибуты власти: «самые почести, которые присваивались наместникам, являли в них уже представителей особы государя»[2]. Наместники получили некоторую свободу от бюрократического формализма. Как отмечал С.М. Середонин, «наместники Екатерины в действиях своих руководились не столько требованиями писаного закона, сколько здравым смыслом и желанием принести населению края действительную пользу»[3].

Кавказским наместником в 1785 г. назначили П.С. Потемкина – генерал-поручика, родственника всесильного екатерининского фаворита светлейшего князя Г.А. Потемкина. П.С. Потемкин сделал быструю карьеру, что вероятно было связано не только с его военно-административными талантами, но и с высокой протекцией его могущественного родича[4]. Кавказский наместник получил подробную инструкцию Екатерины II, в которой были определены основные направления деятельности региональной администрации. П.С. Потемкин должен был способствовать развитию городов, устройству дорог, переселению на Кавказ иностранных колонистов[5]. Все эти правительственные меры были призваны обеспечить установление в крае имперского порядка и создать благоприятные условия для социально-экономического развития.

---

[1] Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 25.

[2] Потто В.А. Кавказская война. Т. I. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. С. 130.

[3] Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802-1902) / Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). Сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. С. 94.

[4] Колосовская Т.А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства (конец XVIII – начало XIX в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 38.

[5] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXII. С. 388–392; Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012. С. 76-83.

Приезд П.С. Потемкина в новую региональную столицу был отмечен большим праздником, который, по словам современника, «был не столь великолепен, как того ожидали, ибо отпущенное на оный императрицей сумму г-н Потемкин рассудил у себя оставить»[1]. Кроме того, П.С. Потемкин воздвиг массивную триумфальную арку, на которую поместил надпись «Дорога в Грузию». В Екатериноградe также был выстроен дворец наместника, в котором он помпезно принимал горские депутации. Но уже спустя два года столица наместничества была перенесена в Георгиевск, а затем, в 1790 г., – в Астрахань. Екатериноград снова превратился в одинокую казачью станицу с триумфальной аркой в чистом поле. Сам П.С. Потемкин не имел возможности вникнуть в дела вверенного наместничества. В 1787–1791 гг. он принимал участие в Русско-турецкой войне, а в 1794 г. подавлял восстание в Польше. По этой причине управление гражданскими делами осуществляли правители наместничества: А.И. Спиридонович (1786–1790); С.А. Брянчанинов (1790–1792); П.М. Скаржинский (1792–1796)[2].

В 1796 г. император Павел I провел очередную административно-территориальную реформу, которая ликвидировала екатерининскую губернскую сетку. Павловская реформа укрупнила губернии. Жертвой этого укрупнения стало и Кавказское наместничество, территория которого была подчинена астраханскому губернатору.

К началу XIX столетия российское правительство все еще не имело общей стратегии управления огромным территориальным пространством. На это императору Александру I откровенно указывал М.М. Сперанский в 1802 г.: «История России от времен Петра Первого представляет беспрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток твердых начал был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида и

[1] Жизнь А.С. Пшишевича, им самим описанная // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 139.

[2] Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. С. 300; Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 400–401.

многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали»[1].

Еще более ярко мысль о постоянном колебании правительственного курса выразил историк Ф.И. Уманец, служивший в пореформенных институтах местного самоуправления: «Если бы где-нибудь устроилась выставка “планов всеобщего государственного преобразования”, самый роскошный ее отдел, без сомнения, принадлежал бы русскому народу и правительству» [2] . «Молодые друзья» Александра I во главе с А.А. Чарторыйским в начале 1802 г. активно обсуждали состояние системы управления России. Они пришли к неутешительному выводу о господстве в государственном хозяйстве империи полного хаоса и необходимости скорейших и тотальных преобразований[3]. Однако «молодые друзья» были не единственной придворной политической силой. Не меньшее влияние на ход дел имела «старая» партия, состоявшая из сановников, участвовавших в заговоре против Павла I. Эта группа рассчитывала на ограничение власти императора, что стало бы надежным предохранителем от монаршего деспотизма.

Соответственно, преобразования системы управления 1801–1802 гг. (учреждение Государственного совета и министерств, реформа Сената) стали компромиссом, порожденным противоборством придворных группировок. Как отметила Л.Ф. Писарькова, «преобразования начала царствования Александра I не упростили, а усложнили здание администрации. Законодателям не удалось воплотить в жизнь принцип разделения властей, и функции высших учреждений по-прежнему смешивались; их место и роль в системе управления определялись не законом, а волей и отношением к ним императора»[4].

---

[1] Сперанский М.М. Проекты и записки. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 56.
[2] Уманец Ф.И. Александр и Сперанский: историческая монография. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1910. С. 99.
[3] Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. С. 203–204.
[4] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. С. 99.

Кроме реформ высших и центральных институтов власти разрабатывались и преобразования административно-территориальной структуры Российской империи. В декабре 1808 г. М.М. Сперанский в соответствии с волей Александра I приступил к составлению проекта реформ. Эта работа была завершена осенью 1809 г. и получила одобрение императора. Реализация масштабного реформаторского замысла планировалась на 1810–1811 гг., однако, придворные интриги и противодействия влиятельных сановников остановили эти планы.

Важнейшим документом из подготовленных М.М. Сперанским являлось «Введение к уложению государственных законов», в котором наместникам или генерал-губернаторам отводилось место только на окраинах империи[1]. Вся территория государства разделялась на губернии и области. Губернии управлялись и контролировались центральными и высшими институтами власти на основе общих административных регламентов и порядков. Губернаторы были включены в политическую вертикаль, их функции ограничивались правильной организацией работы местных учреждений.

Областей по проекту М.М. Сперанского насчитывалось в империи пять: Кавказ, Новороссийский край, Земля донских казаков, Оренбургский край и Сибирь. Области должны были получить «особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению»[2]. Таким образом, «институт генерал-губернаторства в России в соответствии с планом государственных преобразований М.М. Сперанского должен был существовать лишь на окраинах и на территориях, отличающихся существенными местными особенностями от основной части империи»[3].

---

[1] План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли», 1905. 359 с.
[2] Там же. С. 72.
[3] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1. / Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 89–90.

Вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. граф В.П. Кочубей в записке «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли правительства составляющие», поданной императору Александру I, предложил незамедлительно вернуться к практике объединения нескольких губерний под властью генерал-губернатора или наместника. По мнению В.П. Кочубея, это позволило бы установить в губерниях единоначалие. Возглавить новые наместничества, по замыслу В.П. Кочубея, могли генералы или заслуженные чиновники, которым следовало дать большое содержание, «сколь можно более веса и устраняя от них, во-первых, в губерниях всякие излишние и без сего ход имеющий дела, как-то: ревизии всех уголовных дел и тому подобных; и, во-вторых, всякие излишние отсель требования, предписания, объяснения и тому подобные ненужные вещи, ныне многих лучших людей от службы удаливших»[1].

Если проект М.М. Сперанского предполагал, что генерал-губернаторы останутся в практике государственного управления империи только на ее окраинах, то В.П. Кочубей считал необходимым разделить всю территорию Российского государства на округа во главе с наместниками и/или генерал-губернаторами.

В 1816 г. появился «Проект учреждения наместничеств», который отвечал идеям, сформулированным в записке Кочубея. Согласно документу, губернии Российской империи объединялись в двенадцать больших округов во главе с наместниками[2]. Основной функцией наместников должен был стать «надзор за действием мест и лиц, в порядке управления губерний вверенного округа состоящих»[3].

В связи с таким масштабным переформатированием системы административно-территориального управления неизбежно возник вопрос о

[1] Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб.: Государственная типография, 1894. С. 16–17.
[2] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. С. 58–60.
[3] Там же. С. 37.

служебных правах и привилегиях наместников. Наместнику подчинялись гражданские губернаторы «с зависящими от них местами и лицами». Административные институты губернского уровня, подчинявшиеся соответствующим министерствам, оставались в дискреции последних. Однако в случае чрезвычайных обстоятельств, которые требовали бы незамедлительного принятия решений, все институты управления и чиновники в пределах округа оказывались в распоряжении наместника. Власть наместника в этих случаях уравнивалась с властью министров. К важным административным привилегиям наместников следует отнести право приостановки исполнения указов Сената и министерских циркуляров[1]. В этом случае предполагалось, что наместник сообщал о причинах такого ответственного решения императору через Комитет министров. За наместником закреплялось право прямого обращения к императору, в том числе по делам, которые не получили поддержки у Сената или в министерствах.

Положения проекта «Учреждения наместничеств» вошли в текст российской конституции – «Государственной уставной грамоты Российской империи», разрабатывавшейся в 1818–1820 гг. Значительное место в этом документе отведено реформе регионального управления. В историографии было отмечено, что из 191 статьи «Уставной грамоты» 70 посвящены вопросам устройства местного управления[2]. Первая статья «Уставной грамоты» провозглашала введение нового административно-территориального деления империи на 12 наместничеств. В этом проекте каждое наместничество состояло из нескольких губерний (от трех до пяти), которые в свою очередь состояли из уездов и вновь учреждаемой самой мелкой административной единицей – округов. Практическая реализация этой масштабной реформы ограничилось созданием одного наместничества, объединившего пять губерний – Тульскую, Орловскую, Воронежскую,

[1] Там же. С. 44.
[2] Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. С. 56.

Тамбовскую и Рязанскую. Наместником был назначен генерал А.Д. Балашев[1].

Наместничество А.Д. Балашева создавалось в качестве административного эксперимента, опыт которого должен был стать образцом для остальных одиннадцати наместничеств. Официальных инструкций А.Д. Балашев не получил, но в конце 1819 г. он несколько раз встречался с императором Александром I[2]. В ходе этих встреч император подчеркнул отличия нового административного порядка от губернской реформы Екатерины II. Реформа ставила наместников (генерал-губернаторов) по служебным правам и привилегиям на один уровень с министрами: «Генерал-губернатор – есть всегдашний наблюдатель всякого распорядка и исполнения во вверенных ему губерниях или ежеминутный инспектор всех частей управления… Что как предлежать будут генерал-губернатору дела, касающиеся всех министров, то и будут определены при нем чиновники от каждого для обрабатывания оных»[3], – разъяснял планируемый порядок Александр I.

А.Д. Балашев мог составить мнение об административной реформе не только со слов императора, но и прочитав проект учреждения наместничеств, который был подготовлен вместе с соответствующими статьями «Уставной грамоты». Об этом свидетельствует записка А.Д. Балашева «Рассуждение при чтении проекта об учреждении наместничеств»[4]. Записка позволяет уточнить реформаторские замыслы Александра I и его окружения. Наместники не должны были конкурировать за полноту власти с министрами, предполагалось, что правительство и генерал-губернаторы составят своеобразную управленческую симфонию. В экстренных случаях наместники получали право самостоятельно принимать решения министерской компетенции «с равной им силой и с равной

[1] Подробнее о нем см.: Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев, 1770–1837. СПб.: Петрополис, 2016.
[2] Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 42.
[3] Цит. по: Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 42.
[4] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3351. 1820 г. Л. 3–6.

ответственностью». При наместнике учреждался совет, состав которого формировался из чиновников различных ведомств. В функции совета входили не только стандартные бюрократические задачи, но и контроль решений, принимаемых наместником. А.Д. Балашев не видел во взаимном бюрократическом контроле ничего унизительного, в его записке есть очень яркая формулировка: «Чем обеспечить может себя государь в надлежащей исправности сих высших лиц: все мы человеки, все имеем недостатки и слабости, за всеми нами присмотреть надо и на сие сердиться никому не должно»[1].

С идеей взаимного контроля А.Д. Балашев связывал эффективное самодержавие (в противовес «многодержавию») и народное благосостояние, которое возможно, по мнению генерал-губернатора, только при административном балансе разных институтов государственного управления. Вместе с тем в записке А.Д. Балашева заметна и некоторая неуверенность в возможности доверительных, партнерских взаимоотношений с правительством: «Что мне тут будет худого, если и все министры знать будут мои решения; я их моими противниками не вижу, *лишь бы мне не мешали в исполнении желаемого лишь добра губерниям* (курсив мой. – *А.У.*)»[2].

Реформаторские замыслы Александра I так и не стали новой административной практикой империи. Вскоре после воцарения Николая I А.Д. Балашев ушел в отставку и попытки внедрения региональных управленческих новаций были прекращены. Новый император также не считал существовавшую модель управления сколь-нибудь удовлетворительной, поиски оптимального административного устройства продолжились. Однако, как будет показано далее, Кавказское наместничество, созданное в 1844–1845 гг., будет иметь множество сходных черт с административным проектом «Уставной грамоты» и экспериментальным наместничеством А.Д. Балашева.

[1] Там же. Л. 4.
[2] Там же. Л. 6.

Ревизию реформаторских программ было поручено провести особому учреждению, известному как Комитет 6 декабря 1826 года. Возглавил эту работу председатель Государственного совета граф В.П. Кочубей. Комитет 6 декабря 1826 года проработал до марта 1832 г. и в первые годы своей деятельности заседал не менее одного раза в неделю, но после 1830 г. работа комитета пошла на убыль [1] . Комитетом 6 декабря 1826 года были рассмотрены бумаги Александра I, в том числе проекты нового губернского учреждения М.М. Сперанского. Последние предполагали унификацию административного порядка и распространение общих управленческих практик на окраины империи.

Определяющим явилось заседание Комитета 6 декабря 1826 г., состоявшееся 4 мая 1827 г., на котором победила идея М.М. Сперанского об отсутствии необходимости повсеместного введения института генерал-губернаторов (наместников), но, в тоже время было признано, что для отдельных территорий империи (Сибирь, Оренбургская губерния, Кавказ, Новороссийский край, Остзейские губернии) они могут быть полезны и эффективны. «Все они (перечисленные имперские окраины – А.У.) должны быть исключены в сем отношении из общего порядка, для внутренности государства учреждаемого», - отмечалось в решении Комитета 6 декабря 1826 г.[2].

Каковы были мотивы создания генерал-губернаторств и наместничеств на окраинах империи? В историографии среди причин назывались удаленность окраин от имперского центра, что предполагало высокую степень самостоятельности местных властей; признание самобытных политико-правовых традиций отдельных территорий, что делало невозможным их одномоментную отмену и распространение общих административных шаблонов; пограничное расположение наместничеств и генерал-губернаторств, что определяло необходимость совмещения

[1] Государственная канцелярия, 1810–1910. СПб.: [б.и.], 1910. С. 82.
[2] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. Ответственные редакторы тома Д.И. Раскин, А.Р. Соколов. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 118.

гражданской и военной власти в одних руках [1] . Обо всех этих обстоятельствах довольно точно написал еще в 1880-е гг. восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими учреждениями, действовавшими в остальной России, а связывались с империей чрез посредства наместников или генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем в окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и не редко с сохранением многих из прежних органов управления»[2].

Генерал-губернаторства в XIX – начале XX в. использовались в административной практике значительно шире в сравнении с наместничествами, которые учреждались крайне редко. Наместники назначались для управления тремя окраинами в XIX в.: Бессарабией, Польшей и Кавказом. В начале XX в. короткое время существовало Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)[3]. В 1850 г. в Российской империи существовали три наместничества и одиннадцать генерал-губернаторств[4].

В историографии принято смешивать наместничества и генерал-губернаторства, не делая между ними существенного различия. Показательны слова С. Беккера: «Кроме титула, не было практически никакой разницы между наместником и генерал-губернатором; и тот, и

[1] Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 78; Нарежный А.И. Кто формировал национальную политику империи? Роль и рамки полномочий генерал-губернаторов // Окраины России в позднеимперскую эпоху: Политика правительства и национальные проекты: сборник статей, документов и материалов / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 29.

[2] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернатора, командующего войсками Восточного Сибирского военного округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. Иркутск: Типография Штаба Восточного сибирского военного округа, 1884. С. 66.

[3] Подробнее см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 509–526.

[4] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. С. 374.

другой назначались непосредственно императором и обычно сочетали широкие военные и гражданские полномочия, которые они осуществляли каждый на своей территории, состоящей как правило, из нескольких губерний или областей» [1] . Японский исследователь К. Мацузато, предложивший оригинальную классификацию российских генерал-губернаторов, также смешивал их с наместниками. Более того, в контексте политики М.С. Воронцова на Кавказе в середине XIX столетия К. Мацузато именует его «генерал-губернатором» [2] . Иначе соотношение должности наместника и генерал-губернатора представлено в работах Ю.П. Злобина, который выделяет в генерал-губернаторском корпусе четыре управленческих уровня. Наместники представляют в этой схеме первый и самый высший уровень[3].

Смешиванию наместников и генерал-губернаторов XIX – начала XX в. в общую категорию управленческой организации способствовал дефицит описания их должностных прав и полномочий в российском законодательстве этого периода. Передача прав и полномочий на места являлась одним из наиболее острых и сложных вопросов внутренней политики империи Романовых. Формальное превращение местных начальников в полных хозяев, вверенных территорий, противоречило не только сложившейся ведомственной системе управления, но и вступало в конфликт с идеей священности и нераздельности верховной власти, принадлежашей самодержцу и принципом единства управления[4].

В результате наместники и генерал-губернаторы получали отдельные инструкции от императора, создаваемые по случаю. При этом, иногда авторами монарших инструкций являлись сами местные администраторы,

[1] Беккер С. Россия и концепт империи. С. 77–78.
[2] Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 439.
[3] Злобин Ю.П. Структура и уровни генерал-губернаторской власти в России XIX – начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. XX, № 3. С. 46–50.
[4] Барыкина И.Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб.: СПб АППО, 2016. С. 5–6.

как это было в истории с разработкой «Наставлений Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору», составленными Д.Г. Бибиковым и утвержденными императором в 1840 г.[1]. «Общая инструкция генерал-губернаторам», появившаяся в 1853 г., стала скорее списком императивов поведения региональнальных начальников, чем документом, определявшим их права и полномочия в системе государственного управления[2].

Тем не менее, между наместничествами и генерал-губернаторствами XIX – начала XX в. существовала заметная разница, которая проявлялась, прежде всего, в различном статусе этих административных образований. Во-первых, наместниками назначались, в том числе представители императорской семьи: великие князья Константин Павлович (1826–1830) и Константин Николаевич (1862–1863) управляли в этом статусе Польшей, а великие князья Михаил Николаевич (1862–1881) и Николай Николаевич (1915–1917) наместничали на Кавказе. Великие князья не занимали должности генерал-губернаторов на окраинах Российской империи. Во-вторых, наместничества включали в себя, как правило, большее число губерний (областей), чем генерал-губернаторства. Кавказское наместничество в середине XIX в. включало пять губерний и одну область. Польское наместничество в первой половине XIX в. включало до девяти губерний. Генерал-губернаторства объединяли не более двух-трех губерний, исключением из этого правила выступали Великое княжество Финляндское и Туркестанский край[3].

Кроме того, назначение М.С. Воронцова, занимавшего должность новороссийского гененрал-губернатора с 1823 г., кавказским наместником в

[1] Нарежный А.И. Кто формировал национальную политику империи? Роль и рамки полномочий генерал-губернаторов. С. 40–41.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXVIII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1854. С. 260–264.
[3] Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. С. 367–380; Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7. С. 126.

1844 г. являлось повышением его статуса и сопрягалось с приобретением административных прав и полномочий более высокого уровня.

Как известно, различные регионы в Российской империи соответствовали определенной неформальной административной иерархии. Престижным назначением считалось губернаторское и даже вице-губернаторское место в Харьковской губернии. Должность харьковского губернатора в разное время занимали поднявшиеся затем выше по службе обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов, начальник Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, кавказский главноначальствующий А.М. Дондуков-Корсаков, командир Отдельного корпуса жандармов В.В. Валь[1]. В диссертации Г.В. Алексушина предложена классификация регионов по престижности службы, согласно которой наиболее статусными считались губернаторские и генерал-губернаторские места в Петербурге и Москве. Сразу за двумя столицами следовали два наместничества – Польское и Кавказское. Ступенькой ниже располагались генерал-губернаторства, при этом, по мнению Г.В. Алексушина, западные были заметно престижнее восточных. В самом низу этой лестницы должностей находились губернаторские посты, располагавшиеся в таком порядке по неформальному статусу: южные, центральные, западные, восточные, северные[2].

Не реализовавшись в качестве унификаторского инструмента, наместничества и генерал-губернаторства стали формой административной автономии отдельных территорий империи, получавших таким образом особый статус. Этим были заложены условия постоянных служебно-иерархических столкновений министров и наместников/генерал-губернаторов. Если министры представляли отраслевой (ведомственный) принцип управления, то региональные администраторы воплощали

[1] Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: «Орлик», 2011. С. 136.
[2] Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторчиеских наук. М.: [Б.и.], 2008. С. 126; Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть. С. 137.

территориальный подход. Однозначного разграничения полномочий не существовало, и многое определяла политико-бюрократическая практика. У каждой из сторон были свои преимущества. Министры находились в столице, то есть ближе к самодержцу как источнику верховной власти. Кроме того, они сохраняли влияние на губернские присутственные места и карьеры местных чиновников. Генерал-губернаторы и наместники, как правило, являлись доверенными лицами монарха, который в них видел противовес министерскому всевластью. Такое положение сложилось уже в царствование Александра I. Доверием императора пользовался генерал-губернатор Курляднии, Лифляндии и Эстляндии Ф.О. Паулуччи[1], «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, новороссийские генерал-губернаторы А.-Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон, М.С. Воронцов. Как отметил еще С.М. Середонин: «Генерал-губернаторы вовсе не считали себя обязанными стеснятся формальностью, буквою закона там, где они видели от этого вред. С другой стороны, на все присутственные места и на всех служащих в них генерал-губернаторы смотрели как на лиц, обязанных им подчиняться. Отсюда, конечно, целый ряд столкновений между генерал-губернаторами и министрами»[2].

Интересную характеристику двум подходам в управлении Российской империи дал Е.Ф. Канкрин, занимавший в 1823–1844 гг. пост министра финансов. По его мнению, министерское управление являлось «линеарным», а генерал-губернаторское – островным и даже федеративным, «при первом линия каждого министерства идет отдельно через все инстанции; при втором образуются замкнутые области, где надзор и власть наместников заслоняют управление от высшей власти»[3].

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. система государственного управления Российской империи отличалась гибридной динамикой. С одной стороны, непрерывно действовали векторы развития,

[1] В 1823 г. в управление Ф.О. Паулуччи была передана и Псковская губерния.
[2] Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802-1902) / Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 - 1825 г. ноября 19). Сост. С.М. Середонин. С. 94.
[3] Там же. С. 95.

направленные на рационализацию и бюрократизацию (профессионализацию) управления и административных процедур. С другой стороны, внутри системы управления определяющими оставались неформальные технологии и воля монарха. Отсутствие институциональной стабильности создавало условия, которые превращали любое территориальное расширение империи в большой административный вызов. Институт генерал-губернаторства и наместничества являлся распространенной формой управления на окраинах Российской империи. При этом, наместничества выступали институтами более высокого уровня, что находило выражение, в том числе в их высоком символическом статусе. В общей системе имперского управления и наместнчиества, и генерал-губернаторства занимали сходное промежуточное положение между верховной властью и губернской администрацией. Сильные региональные администратации зачастую воспринимались ведомственной бюрократией как временные институты, вызванные к жизни чрезвычайными обстоятельствами. В свою очередь, наместники и генерал-губернаторы упрекали министерства в незнании условий и особенностей отдаленных от имперского центра регионов.

2.2. Присоединение Восточной Грузии: обстоятельства и последствия.

Георгиевский трактат 1783 г. создал политические предпосылки к вхождению Восточной Грузии (Картли-Кахетии) в состав Российского государства. Персидское разорение 1795 г., конкуренция аристократических кланов, обострившаяся после смерти царя Ираклия II в 1798 г., политическая слабость его преемника Георгия XII – все это предопределяло движение Восточной Грузии в сторону полной интеграции с империей Романовых. Уже в ноябре 1799 г. в Тифлис прибыл 17-й егерский полк, которым командовал генерал-майор И.П. Лазарев. Одновременно со вступлением российских войск в Восточную Грузию, в обратном направлении – в Петербург – отправились послы Георгия XII: Г. Чавчавадзе, Г. Авалишвили и Е.

Палавандишвили. Георгий XII поручил послам «отдать» Восточную Грузию «в полную власть» российского императора: «Так чтобы отныне царство Грузинское было бы в империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России»[1].

Однако в Петербурге ясных представлений о механизмах и формах интеграции Восточной Грузии не существовало. Вероятно, рассматривались два альтернативных варианта включения новой территории: присоединение в качестве вассального царства или в виде новой российской губернии[2].

После скоропостижной смерти царя Георгия XII 28 декабря 1800 г. во главе Восточной Грузии оказался царевич Иоанн – один из самых талантливых грузинских государственных деятелей рубежа XVIII – XIX вв. Но уже в феврале 1801 г. в Тифлисе торжественно читали манифест императора Павла I, в котором отмечалось, что присоединение Восточной Грузии было вызвано необходимостью ее защиты от внешних врагов и внутренних усобиц, о чем российского монарха просил Георгий XII[3]. В павловском манифесте отсутствовало описание формы управления вновь присоединенной окраиной. Этот вопрос откладывался до получения сведений об общем политическом и социально-экономическом состоянии Восточной Грузии. Соответствующее описание должен был предоставить генерал К.Ф. Кнорринг. Видимо, Кнорринг не вполне удачно справился со своей задачей. В письме к нему генерал-прокурора Правительствующего Сената П.Х. Обольянинова от 4 марта 1801 г. написано: «По содержанию данных вам предписаний должны вы были ограничить себя тем, чтобы дать сведение – как будет пристойнее по местному положению разделить сторону сию на уезды, на сколько и на какие именно, каковое сведение, ежели есть что-

[1] Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорогая на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. С. 229.
[2] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. С. 1.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. Санкт-Петербург: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 502.

нибудь присовокупить в дополнение к тем, кои по сему предмету от вас уже присланы, немедленно ко мне доставить»[1].

Нестабильность политической ситуации в Восточной Грузии, проявлявшаяся в противостоянии аристократических группировок, накладывалась на отсутствие программы инкорпорации окраины у российского правительства. Итогом такого положения стала управленческая чехарда. В феврале 1801 г. вернувшиеся из имперской столицы послы Авалишвили и Палавандишвили публично заявили, что управлять Восточной Грузией назначен старший сын Георгия XII – царевич Давид[2]. Опекать царевича должен был командующий российскими войсками в регионе генерал Лазарев. Однако царевич Давид повел себя самовластно и использовал свое положение для разгрома партий других грузинских царевичей – претендентов на престол Багратионов.

Весной 1801 г. в Восточную Грузию прибывали дополнительные войска (Кабардинский мушкетерский полк) и гражданские чиновники. Тем не менее, вопрос об административном управлении присоединенной территории продолжал оставаться открытым. Неизбежно возникали проблемы со снабжением и содержанием, как военных контингентов, так и прибывавших чиновников.

Павел I успел определить будущую систему управления вновь присоединенной окраины в указе от 6 марта 1801 г. «Об управлении Грузией»[3]. Этот документ опирался на принципы административных преобразований павловского времени – централизация и вертикальность системы управления[4]. Грузинская губерния, состоявшая из двух провинций – Карталинской и Кахетинской – поручалась заботам генерал-губернатора, ответственного перед Сенатом. Вопросы гражданского управления губернии

[1] АКАК. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. С. 417.
[2] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. С. 2.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 566–567.
[4] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 497–498.

разрешал губернатор и губернское правление, что соответствовало общероссийской административной практике. Однако спустя несколько дней император Павел I погиб в результате заговора, и намеченный план по интеграции Восточной Грузии был отложен.

В Петербурге не было единства во взглядах на политическое будущее Восточной Грузии. Обсуждение этого вопроса проходило в Государственном совете, учрежденном 30 марта 1801 г. вместо упраздненного Совета при высочайшем дворе[1]. Состав Государственного совета в начале царствования императора Александра I не был устоявшимся, назначения получали доверенные монарху высшие сановники, число которых не ограничивалось[2]. Тем не менее, в заседаниях Государственного совета принимали участие обе партии, имевшие влияние в начале царствования Александра I, а именно консерваторы во главе с Д.П. Трощинским, П.В. Завадовским и А.Р. Воронцовым и молодые друзья императора, которых он сам называл Comite du Salut Public (фр. Комитет общественного спасения) – П.А. Строганов, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев и А. Чарторыйский[3].

Государственный совет начал обсуждение политического будущего Восточной Грузии 11 апреля 1801 г. Поводом стало донесение графа А.А. Мусина-Пушкина об «обильных рудниках» в Грузии и прошение послов последнего картли-кахетинского царя Георгия XII о принятии их страны в подданство российскому императору[4]. Необходимо отметить, что и донесение А.А. Мусина-Пушкина и прошение грузинских послов были обусловлены событиями и решениями еще павловского царствования. Вице-президент Берг-коллегии, академик А.А. Мусин-Пушкин отправился на

[1] В историографии можно встретить наименование Непременный совет, однако, Л.Ф. Писарькова убедительно доказала, что корректнее говорить о Государственном совете. Подробнее см.: Писарькова Л.Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801–1809 гг. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 128–130.

[2] Даневский П.Н. История образования Государственного совета в России. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1859. С. 46.

[3] Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование Александра Первого. Т. I. Ярославль: Типолитография М.Х. Фальк, 1891. С. 726–727.

[4] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. С. 1189; РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 266. Л. 2–3.

Кавказ для «изыскания руд богатых металлов» осенью 1799 г. Уже через год Мусин-Пушкин доложил императору Павлу I о богатых и совершенно неразработанных серебряных и медных рудниках на грузинских землях. Павел I поручил Мусину-Пушкину «вступить в трактование с царем грузинским о кондициях»[1]. Доклады Мусина-Пушкина были положительно оценены в Берг-коллегии, однако, смена царствования замедлила освоение грузинских рудников.

Александр I, по всей видимости, в ходе заседания Государственного совета отверг любые соображения материального характера и предложил рассматривать вопрос присоединения Восточной Грузии без учета возможных финансовых выгод от разработки грузинских рудников [2] . Российского императора беспокоило и то, что присоединение Картли-Кахетии нарушало права наследников Георгия XII[3]. Получалось будто бы Александр I похищал у них грузинскую корону. Члены Государственного совета, видимо, не смогли полностью развеять сомнения Александра I, об этом говорят принятые решения, которые носили компромиссный характер. Во-первых, большинство Государственного совета признало невозможным оставить Восточную Грузию вне контроля со стороны Российской империи в условиях внутриполитической междоусобицы, уже начавшейся на фоне неопределенности политического будущего страны. Во-вторых, временное управление Восточной Грузией было поручено генералу К.Ф. Кнорингу, причем за образец ему предлагалась административная модель Литвы, присоединенной в 1794 г.[4].

Литва в 1794 г. указом императрицы Екатерины II передавалась под управление генерал-губернатора Н.В. Репнина, при котором создавалось Верховное правление из четырех отделений (казенного, гражданского, уголовного и экономического). Во главе отделений стояли назначаемые

[1] АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С. 513–514.
[2] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. С. 1189–1990.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 1990.

монархом чиновники, а помогали им подобранные генерал-губернатором местные «сведующие дворяне» [1]. Как мы увидим далее, именно такая административная модель будет воспроизведена в Положении об управлении Восточной Грузией от 12 сентября 1801 г.

15 апреля 1801 г. состоялось повторное заседание Государственного совета, где обсуждалась судьба Восточной Грузии. Принять определенное решение вновь не удалось. Большинство членов Государственного совета выступали за присоединение закавказских территорий, приводя в качестве аргументов политическую слабость Картли-Кахетии и неизбежность краха ее суверенитета: «Оставленная своему жребию, земля сия сделается необходимо жертвою соседей своих, и христианское в той стране владение истребится: сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими следствиями» [2]. В Государственном совете опасались, что, отказавшись присоединить Восточную Грузию, российское правительство фактически отдаст ее Османской империи или Персии и, тем самым, южные границы империи окажутся предельно уязвимы. Но эти доводы не убеждали Александра I, который «почитал несправедливым присоединение чужой земли»[3].

Государственный совет явно испытывал дефицит информации о внутриполитическом положении Восточной Грузии и сомневался в общем желании всего ее населения вступить в российское подданство. Было решено как можно скорее отправить в Грузию генерала Кнорринга и потребовать от него надежных сведений по двум вопросам: «1) Может ли Грузия оставлена быть царством независимым, существовать в сем положении, удерживать спокойствие внутреннее, угрожаемое несогласием членов царской фамилии, которое, породя в земле многочисленные фракции, может со временем ввергнуть оную в совершенное безначалие, и в силах ли оно наконец

[1] Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II: (1792-1796). Вильна: Вилен. комис. для разбора древ. актов, 1903. С. 24–25.
[2] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. С. 1192.
[3] Там же. С. 1191.

защитить себя от внешних нападений, коих неминуемо ожидать долженствует? 2) Изыскать также по строжайшей справедливости, подлинно ли все чины царства грузинского, и весь народ или часть только оных желают быть в подданстве российском?»[1].

Прибывшему в Тифлис в мае 1801 г. генералу Кнорингу, обличенному доверием молодого императора Александра I, генерал Лазарев задал вопросы, которые показывают степень неопределенности имперской политики в регионе. Лазарев спрашивал о способах обеспечения войск дровами и свечами, а также о содержании чиновников: «Как многие здесь чиновники имеют места единственно для собственного их пропитания им служащия и берут со вверенных им частей деньги и вещи без всякого человечества, от чего все почти жители Грузии весьма претерпевают, то как в сем, дабы жители, а равно и чиновники ни малейших нужд не претерпели, поступать приказано будет?»[2]. Кнорринг оставлял довольствие чиновников на счет местного населения, но рекомендовал «не допускать злоупотреблений» под угрозой лишения мест и строгих наказаний[3]. Понятно, что такое положение не могло продолжаться долго и наведение хотя бы общего административного порядка являлось главной задачей российских властей.

Летом 1801 г. в Восточной Грузии начало работу временное правительство, которое возглавил генерал Лазарев. Это правительство должно было «удержать внутреннее в земле устройство, доколе о Грузии последуют решительные высочайшие повеления»[4]. В состав правительства вошли как российские чиновники, так и представители грузинской элиты, занимавшие ключевые государственные должности еще при Ираклии II (1762 –1798). Суд работал по «обычаям страны» за исключением чрезвычайных и

[1] Там же. С. 1193.
[2] АКАК. Т. I. С. 420.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 423.

уголовных дел [1]. Перед временным правительством не стояло никаких серьезных задач. Это был контролируемый режим ожидания. По сходному сценарию события развивались в случае с присоединением Крыма в 1783–1784 гг., когда российская администрация на период транзита власти сохранила институты управления уже упраздненного Крымского ханства[2].

Генералу Кнорингу потребовалось всего двадцать два дня для сбора сведений по двум вопросам, поставленным перед ним Александром I и Государственным советом. Во всеподданнейшем рапорте от 28 июля 1801 г. он отмечал, что грузинам не под силу отстоять независимость перед внешними угрозами: «Внутренне и внешнее положение сей страны таково действительно, что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облежащих ей горских народов» [3]. Кнорринг приводил несколько причин военно-политической уязвимости Восточной Грузии, среди которых упоминал и протекторат, обеспечиваемый Российской империей по условиям Георгиевского трактата 1783 г., по словам генерала, «как царь, так и все чины государства, полагаясь на покровительство могущественной державы, ослабили собственную свою о безопасности заботу, а с продолжением времени граждане, отстав от войны, потеряли бодрость духа до той степени, что единая молва о намерениях на Грузию или лезгов, или персов теперь их устрашивает»[4]. Этот аргумент вполне показывает, что Кнорринг не пытался объективно разобраться в ситуации, а скорее подбирал доказательства под уже имевшееся у него (или у его покровителей в Государственном совете) мнение относительно вопроса присоединения Восточной Грузии.

Дело в том, что Георгиевский трактат 1783 г. отнюдь не избавил Картли-Кахетинское царство от внешнеполитических угроз. Набеги

[1] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. С. 3.
[2] Российская империя и Крым. Под ред. Д.В. Конкина, Н.И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 21.
[3] АКАК. Т. I. С. 426.
[4] Там же. С. 426–427.

дагестанских горцев, подстрекаемые Османской империей, только усилились, о чем свидетельствуют донесения российского представителя при царе Ираклии II полковника С.Д. Бурнашева[1]. В Восточную Грузию были отправлены только два егерских батальона, прибывшие в Тбилиси осенью 1783 г. Егеря храбро сражались вместе с грузинским ополчением, но российский отряд был слишком малочисленным. Летом 1784 г. С.Д. Бурнашев едва ли ни в отчаянии писал командующему войсками на Кавказской линии П.С. Потемкину, что «дороги все заражены в Грузии лезгинами»[2].

Число противников Ираклия II постоянно увеличивалось, в то время как число российских войск оставалось прежним. В августе 1785 г. в поход на Восточную Грузию под предлогом защиты купцов, якобы ограбленных в Тбилиси, отправился Умма-хан IV Аварский[3]. Ираклий II отправлял российским сановникам письма с просьбами оказать немедленную помощь. Основным адресатом отчаянных посланий картли-кахетинского царя был П.С. Потемкин, командовавший Кавказским корпусом. Последний пересылал тревожные вести из Грузии Г.А. Потемкину, обращая внимание светлейшего князя на то, «…что Грузия подвержена опасности. Я, не имея повеления вашей светлости, не могу дать помощи, царем требуемой»[4]. Всесильный фаворит императрицы оказывать помощь союзнику не спешил, опасаясь масштабных внешнеполитических осложнений. Трижды Ираклий II писал генерал-поручику М.Н. Леонтьеву, замещавшему П.С. Потемкина с декабря 1784 г. до конца сентября 1785 г.[5], с той же просьбой: прислать войска. И столь же безуспешно. После начала Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. два российских батальона были и вовсе выведены из Восточной Грузии.

[1] Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. С. 188.
[2] Там же. С. 350.
[3] Там же. С. 457.
[4] Там же. С. 440.
[5] Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. С. 41.

В 1795 г. Картли-Кахетия подверглась нашествию персидских войск, просьбы Ираклия II о помощи не были услышаны в Петербурге. Войска Ираклия II и Ага-Мухаммад-хана сошлись 10–11 сентября 1795 г. на Крцанисской равнине неподалеку от Тбилиси. Персы обладали большим численным перевесом: против пятитысячного грузинского отряда сражалась семидесятитысячная армия, что и определило исход двухдневной битвы[1]. Захваченный Тбилиси Ага-Мухаммад-хан подверг тотальному разорению: были уничтожены жилые кварталы, разрушены оружейные мастерские и артиллерийские склады[2]. Так тбилисскую катастрофу описал автор «Карабаг наме» Мирза Адигезаль-бек: «Они (войска Ага-Мухаммед-шаха) ограбили и растащили все, что имелось ценного в церквах и в дворах. Они пробыли в городе семь дней и за (это) время предали огню насилия и разрушили высокие дворцы, снесли башни и стены города»[3]. После ухода персов Ираклий II распорядился о восстановлении столицы, но собственную резиденцию перенес в Телави.

На второй вопрос Государственного совета о степени поддержки идеи присоединения Картли-Кахетии к Российской империи внутри восточногрузинского общества Кнорринг отвечал осторожнее и, по всей видимости, объективнее. «Я не осмеливаюсь утверждать, чтобы все высшего состояния люди взирали на присоединение Грузии к империи Всероссийской и прежде, и теперь равнодушно. В дворянстве грузинском окажется половина желающих видеть над собой царя и образ прежнего своего правления, дабы только удержать права наследственно получать достоинства и сопряженные с тем доходы, обольщаемых царевичами, с одной, и мнимо устрашаемых переменами, с другой стороны, которые однако же в пребывание мое в Грузии чувствования свои хранили безмолвно»[4], - доносил Кнорринг в

[1] Взятие Тифлиса Ага-Магомед-ханом в 1795 году. Из записок царевича Теймураза. Тифлис: Изд. К. Н. Бегичева, 1895. С. 7–10.
[2] Там же. С. 13.
[3] Мирза Адигезаль-бек. Карабаг Наме. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1950. С. 81.
[4] АКАК. Т. I. С. 428–429.

Петербург. При расколе грузинской аристократии, как уведомлял Государственный совет генерал Кнорринг, остальное население страны поддерживало вхождение в состав Российской империи. В качестве доказательств Кнорринг приводил восторженные встречи в Тифлисе российских посланников и его самого.

Здесь же генерал Кнорринг предлагал основы административно-территориального устройства Восточной Грузии в составе Российской империи. Главный принцип нового управления был сформулирован так: «Непосредственное введение в Грузию порядка в России существующего произвело бы в грузинских обитателях чувствительный переворот» [1]. Кнорринг предлагал создать на территории Восточной Грузии одну губернию с разделением на две области – Карталинскую и Кахетинскую. Проект Кнорринга предусматривал сосредоточение высшей военной и гражданской власти в одних руках, для этого вводилась должность *первоуправляющего*[2].

В дальнейшем первоуправляющий станет главноуправляющим; в 1844 г. права главноуправляющего расширятся, и главный региональный начальник будет именоваться наместником; в 1881 г. должность наместника упразднят и регионом станет управлять главноначальствующий. Однако, здесь важно, что именно генерал Кнорринг первым в 1801 г. предложил принцип объединения власти (гражданской и военной) в одном должностном лице с эксклюзивной номинацией этой должности. Непосредственное управление Грузинской губернией поручалось, согласно предложениям Кнорринга, губернатору и губернскому правлению.

В институтах губернского и уездного управления предусматривалось участие грузинских князей и дворян. Суд по гражданским делам предполагалось отправлять по «местным обычаям», дела уголовные выделялись в юрисдикцию Комиссии уголовного или военного суда, которая

[1] Там же. С. 429.
[2] Там же.

заседала в губернском городе – то есть в Тифлисе[1]. В каждом из пяти, проектируемых уездов, предлагалось создать земский суд, в составе которого находились один комиссар из российских чиновников и два заседателя из грузинских князей или дворян[2].

Верховным судебным институтом по гражданским делам должен был стать Грузинский гражданский суд или Диван, на должность его председателя генерал Кнорринг предлагал назначить одного из грузинских царевичей, «если необходимо нужно допустить их соучастие в тамошние дела»[3]. В этом же документе Кнорринг обещал увеличение доходов империи от обладания Восточной Грузией, в том числе за счет обнаруженных А.А. Мусиным-Пушкиным рудников.

Государственный совет собрался на очередное обсуждение вопроса о присоединении Восточной Грузии 8 августа 1801 г., рассматривались два документа: проанализированное выше донесение генерала Кнорринга и доклад А.Р. Воронцова и В.П. Кочубея. Оба были известными противниками территориальных приращений и считали, что правительству необходимо больше внимания уделять вопросам внутреннего развития. Сановники отмечали, что Александр I и правительство избрали верный курс, одним из принципов которого являлся приоритет внутренних дел над внешними, «сии уважения были бы уже достаточны к отвержению мысли присвоить Грузию, если бы не существовали и многие другие, пользе государственной противные», - отмечалось в докладе Воронцова–Кочубея[4].

Здесь необходимо подчеркнуть, что противодействие Воронцова и Кочубея новому расширению границ империи, скорее всего, опиралось на понимание тяжести имперского бремени, которое стало очевидно уже в XVIII столетии. Дело в том, что территориальная экспансия, в том числе на Кавказе, в Сибири и Дальнем Востоке, приводила Россию к

[1] Там же. С. 430.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. С. 1200.

соприкосновению и конфликтам не только с малочисленными этносами, не имеющими устойчивых военно-политических институтов, но и с сильными, хорошо организованными государствами. В Приамурье Российское государство столкнулось с Цинской империей. В этом отношении достаточно указать на кровопролитное противостояние за городок Албазин, располагавшийся неподалеку от слияния рек Шилки и Аргуни, во второй половине 1680-х гг.[1].

Расширение границ Российского государства в направлении южных границ Восточно-Европейской равнины привело к столкновению с великими мусульманскими державами – Османской империей и Сефевидской Персией. Попытки закрепиться в Предкавказье, предпринятые Иваном IV Грозным в середине XVI в., как известно, не увенчались успехом. Российское государство еще не имело достаточных ресурсов для открытого и масштабного противостояния с Османской империей. Ситуация изменилась во второй половине XVII столетия. Первая Русско-турецкая война 1672–1681 гг. не принесла заметного перевеса ни одной сторон. В Стамбуле понимали, что дальнейшая экспансия в Восточной Европе потребует критического напряжения сил, а в Москве опасались затягивания конфликта, о чем свидетельствуют неоднократные попытки избежать полномасштабного столкновения. «Однако желание мира не означало, что русское правительство готово на его любые условия», – отметил Б.Н. Флоря[2]. Царь Алексей Михайлович и Боярская дума намеревались оставить за собой значительную часть Правобережной Украины. Но усилий российских дипломатов оказалось недостаточно, а невозможность совместных действий с Речью Посполитой и активизация набегов крымских татар заставили правительство Алексея Михайловича поторопиться с заключением мира. По

[1] Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. С. 118–120; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Книжное издательство, 1987. С. 242.

[2] Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 128–129.

Бахчисарайскому договору 1681 г. Россия потеряла Правобережную Украину, а также лишилась власти над Запорожьем. Несмотря на то, что между Россией и Османской империей объявлялось двадцатилетнее перемирие, пограничные конфликты продолжались. Важной базой для регулярных набегов на южнорусские поселения служил турецкий Азов.

Поражение армии султана Мехмеда IV (1648–1687) под Веной в 1683 г. вдохновило российское правительство на решительные действия. Спустя три года 26 апреля 1686 г. в Москве был заключен Русско-польский договор, который предполагал совместные военные действия в союзе с Речью Посполитой против Османской империи. Однако, крымские походы князя В.В. Голицына 1687 и 1689 гг. не принесли значительных военно-политических результатов и в целом остались не самой эффективной демонстрацией многочисленности российского войска.

Следующим важным этапом в противостоянии с Османской империей стали Азовские походы 1695–1696 гг., которыми руководил царь Петр I и действия в низовьях Днепра войска под командованием Б.П. Шереметева. В историографии походы на Азов традиционно связывались с намерением Петра I выйти к Черному морю[1]. Но, как показали, Б. Боук и П.А. Аваков целью Азовских походов было нанести чувствительный удар Османской империи и Крымскому ханству, а не выход к морю[2]. Б.П. Шереметев действовал удачно, в 1695 г. ему удалось взять четыре турецкие крепости, в том числе наиболее значимые укрепления Казикермена. Эти форты располагались на наиболее удобных переправах через Днепр. Завладев ими, российские войска перекрывали маршруты набегов крымско-татарской конницы, а также обосновывались на удобном плацдарме для дальнейшего наступления на Крымский полуостров. Петр I, как известно, взял Азов со второй попытки в 1696 г.

[1] Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 392–393; Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. С. 47.

[2] Boeck B. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 118–119; Аваков П.А. Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. Вып. 6. С. 659–663.

Но Российскому государству не удалось закрепиться в стратегически важном районе Казикермена. На Карловицком мирном конгрессе (1698–1699) турки отказались заключать мир с Россией на основе uti possidetis (лат. «поскольку владеете») и признавать российские территориальные приобретения [1] . Переговоры зашли в тупик и завершились лишь двухгодичным перемирием. Мир между Россией и Турцией был заключен только 3 июля 1700 г. в Стамбуле. Согласно инструкции Петра I, российские представители Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев должны были жестко отстаивать завоеванные рубежи: «Если турки будут требовать возвращения Азова и других городов, отвечать: не следует о том и говорить. Где слыхано, чтобы с такими трудами и убытками взятые города и крепости отдавать без всякой причины? Азов взят за грабежи…, а Казыкермень и другие построены на Днепре вновь, недавно, по желанию татар, чтобы удобнее делать набеги на русские города»[2].

И все же отстоять завоевания на Нижнем Днепре не получилось. Согласно второй статье мирного договора, район Казикермена возвращался Османской империи, которая обязывалась уничтожить укрепления и не заводить здесь населения. По четвертой статье, Азов и «к нему належащие все старые и новые городки, и меж теми городками лежащие, или земля, или вода» оставались за Россией[3].

Социально-экономическая и административно-территориальная колонизация Северо-Восточного Приазовья прервалась в 1711 г. после неудач России в новой войне против Турции 1710–1713 гг. Российская армия во главе с Петром I попала в окружение превосходящих османо-татарских войск и 12 июля 1711 г. был заключен Прутский мирный договор, который обязывал российскую сторону вернуть Османской империи Азов и всю остальную территорию Северо-Восточного Приазовья, а также

[1] Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. С. 393–394.
[2] Там же. С. 396.
[3] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб: Типография О.И. Бакста, 1869. С. 3–4.

«новопостроенные города разорить»[1]. Б. Боук справедливо указал, что это был выдающийся случай в истории российской экспансии, Петр I не только вернул ранее занятые земли, но и приказал разрушить все, что создавал на них в течение пятнадцати лет упорным и жертвенным трудом многих тысяч русских крестьян[2].

Борьба за Северо-Восточное Приазовье продолжалась на протяжении всей первой половины XVIII столетия. 20 июня 1736 г. войска генерал-фельдмаршала П.П. Ласси овладели Азовом. Этот успех остался в тени основных событий Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., которые разворачивались в Северном Причерноморье и Приднестровье. Белградский мир, заключенный 18 сентября 1739 г., предполагал разрушение Азова и превращение Северо-Восточного Приазовья в буферную зону между двумя империями.

И только в 1769 г. Северо-Восточное Приазовье было окончательно отвоевано у Османской империи. Весной 1769 г. на втором году очередной Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. российские войска под командованием генерал-майора Ф. Вернеса и бригадира И.П. де Жедераса заняли Приазовский регион и начали восстановление Азова и других укреплений. Кючук-Кайнарджийский мирный договор от 10 июля 1774 г. закрепил российские завоевания и зафиксировал победу Российской империи в противостоянии за обладание Северо-Восточным Приазовьем – «город Азов с уездом его и с рубежами… вечно Российской империи принадлежать имеет»[3].

Едва ли ни все территории, присоединенные к России, имели политическую организацию различного формата, или же находились в сфере политических интересов соседних держав. Именно этим и объясняется затрудненная экспансия многих регионов, не раз переходивших из одних рук

[1] Там же. С. 11.
[2] Boeck B. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // The Journal of Modern History. 2008. Vol. 80, No. 3. P. 485–514.
[3] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. С. 35.

в другие и обратно. Присоединение территорий проходило с экстремальным напряжением сил и ресурсов Российского государства. Новые провинции зачастую не усиливали имперский организм, а скорее наоборот – требовали постоянного внимания. За присоединением следовали дополнительные ресурсоемкие меры по интеграции и обороне достигнутых рубежей. Противники присоединения Восточной Грузии в Государственном совете боялись расширения имперских обязательств, которые бы заключались во введении на вновь присоединенных территориях дорогостоящей администрации и содержании большого количества войск, необходимых для полноценной и эффективной защиты новых провинций.

Воронцов и Кочубей прекрасно понимали, что важным доводом в пользу вхождения Восточной Грузии в состав империи являлась длительная история отношений грузинских царей и российских монархов, а также договоры, свидетельствующие об уже едва ли не состоявшемся включении новой территории в имперское пространство. Здесь речь идет о Георгиевском трактате 1783 г. и январском манифесте (1801 г.) Павла I о присоединении Восточной Грузии. Воронцов и Кочубей попытались в своем докладе дезавуировать эти документы. Они отмечали, что Екатерина II не имела намерений обладать грузинскими территориями и Георгиевский трактат 1783 г. нельзя рассматривать как документ, запустивший процесс присоединения. Решение же Павла I присоединить Восточную Грузию, как объясняли Воронцов и Кочубей, стало следствием доклада Коллегии иностранных дел, содержавшим «во многом несообразные представления» о Грузии и способах ее интеграции[1].

Как показывает содержание доклада Воронцова–Кочубея, сторонники присоединения в Государственном совете считали, что тем самым будут выполнены предположения Екатерины II, которыми императрица руководствовалась «при посылке войск в Персию в 1796 году»[2]. В данном

[1] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878.С. 1201.
[2] Там же. С. 1202.

случае речь шла о Персидском походе российского корпуса под командованием В.А. Зубова. Сразу после восшествия на престол Павла I в декабре 1796 г. войска были отозваны из Закавказья, хотя к тому времени В.А. Зубов успел занять Баку, и готовился к дальнейшему продвижению в Прикаспии. Воронцов и Кочубей полагали, что владение Прикаспием ничего не принесло, и не могло принести Российской империи кроме затрат на содержание войск в отдаленных провинциях. «Доказательством сего послужить может торг астраханский, в крайний упадок со дня в день с некоторого времени приходивший. Расстояние, ненаселение, несуществование у купцов, заграницею промышляющих, больших капиталов, необходимо нужных для важных оборотов, род купечества у Каспийского моря торгующего, суть столько обстоятельств к заключению, что не получила бы Россия пополнений от персидских портов за издержки, на содержание оных нужные», - объяснялось в докладе Воронцова–Кочубея[1].

Любопытно, что о выгодах рудников, которые были открыты Мусиным-Пушкиным, авторы доклада упоминали, но считали такое внимание к материальным выгодам постыдным для Российской империи, «подобная спекуляция приличнее купеческой компании, нежели большому государству»[2].

Выводом доклада являлось утверждение, согласно которому присоединение Восточной Грузии обойдется империи значительно дороже, чем возможные преимущества включения в состав империи этой территории и населения. Воронцов и Кочубей считали необходимым оказывать военно-политическую поддержку Восточной Грузии, однако, от перспективы ее полного включения в состав Российской империи как одной из губерний предлагали отказаться. Для нормализации внутриполитической ситуации в Картли-Кахетии, докладчики считали возможным выбрать преемником

[1] Там же.
[2] Там же. С. 1204.

Георгий XII одного из царевичей, а остальных выслать во внутренние российские губернии[1].

В докладе предлагался набор практических мер: снятие присяги императору Павлу I, отправка в Восточную Грузию нескольких пехотных батальонов с артиллерией для наблюдения за безопасностью ее границ, назначение специального военного начальника для командования обсервационным корпусом и полномочного российского министра при грузинском царе[2].

Сторонником присоединения Восточной Грузии в качестве одной из российских губерний являлся П.А. Зубов (последний фаворит Екатерины II), который пытался найти себе подходящее политическое место в начале царствования Александра I. Именно П.А. Зубов, видимо, представлял в Государственном совете донесение генерала Кнорринга. Косвенно об этом говорит то, что последовавший 12 сентября 1801 г. манифест императора Александра I «к грузинскому народу» как и положение об управлении Восточной Грузией подготовил П.А. Зубов при деятельном участии правителя канцелярии генерала Кнорринга П.Г. Буткова, который успешно совмещал работу чиновника и научную деятельность по изучению Кавказа[3].

Большинство членов Государственного совета поверили сведениям, передаваемым из Тифлиса генералом Кнорингом. Особое внимание Государственный совет обратил на беззащитность Восточной Грузии, находившийся в окружении воинственных соседей и общее желание населения страны стать частью Российской империи: «… присоединение Грузии к России послужит совершенно спасением первой от погибели, которой угрожают ей внутренние раздоры, притеснения лиц царской фамилии, ныне и более еще против народа, изъявившего гласно желание быть в подданстве России, ожесточенных, и, наконец нападение хищных ее

[1] Там же. С. 1205.
[2] Там же. С. 1206–1207.
[3] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб.: [Б.и.], 1869. С. 483-488.

соседей, силою бедную сию землю несравненно превосходящих» [1]. Получалось, что Россия присоединяет Восточную Грузию не с целью материальных или политических выгод, а выполняя свой долг, спасая единоверную страну от гибели и разорения. Такой «имперский альтруизм» убедил молодого Александра I.

Одобренное императором Александром I положение об управлении Восточной Грузией во многом сходно с административным планом Павла I и предложениями генерала Кнорринга. Система управления была выстроена, как уже отмечалось, по образцу административной модели Литвы, присоединенной в 1794 г.[2]. Новая окраина разделялась на пять уездов, из которых три в Картли (Карталинии) и два – в Кахетии [3]. Во главе региональной администрации находился главнокомандующий, в фигуре которого совмещалось командование над войсками и руководство гражданскими делами. Ближайшим помощником главнокомандующего являлся правитель – российский чиновник, отвечавший за последовательность всех гражданских дел и защиту общеимперской законности.

Наряду с принципами единоначалия в управлении Восточной Грузии присутствовала и административная коллегиальность, которая воплотилась в Верховном грузинском правительстве. Этот институт управления включал, в том числе представителей грузинской аристократии и должен был стать гарантией преемственности в процессе транзита власти. Верховное грузинское правительство состояло из четырех экспедиций: исполнительной, казенной и двух судебных: по уголовным и гражданским делам[4].

Исполнительная экспедиция выполняла функции стандартных губернских правлений, ее возглавлял правитель Грузинской губернии. Кроме правителя в состав исполнительной экспедиции входили два советника: один

[1] Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. С. 1196–1197.
[2] Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II: (1792-1796). Вильна: Вилен. комис. для разбора древ. актов, 1903. С. 24–25.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. Санкт-Петербург: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 784.
[4] Там же. С. 784–785.

из русских чиновников, другой – из грузинских аристократов. В трех остальных экспедициях начальниками были русские чиновники, при которых состояли четыре советника из числа местной грузинской элиты. Высшей инстанцией являлось Общее собрание Верховного правительства, куда входили начальники экспедиций и все советники, а председательствовал главнокомандующий[1].

Сходным образом была выстроена и система управления на уездном уровне. В каждом уезде Грузинской губернии создавались две коллегии – уездный суд и земская полиция. Суд возглавлял уездный судья из русских чиновников, которому помогали судьи-мсаджули из местного грузинского дворянства. Уездной полицией командовал русский капитан-исправник, под его началом состояли двое помощников-есаулов из грузинских дворян.

Такая административная модель не соответствует практикам косвенного управления (indirect rule), которые подразумевают политическую опору на посредников, пользующихся широкой автономией в своих «доменах» взамен на символическую лояльность [2]. Именно косвенное управление считается одной из характеристик колониальных империй. Российская империя в ходе интеграции новых территорий во второй половине XVIII – начале XIX вв. вводила новые административные режимы, составной частью которых выступали местные элиты и правовые уклады. Еще до присоединения Восточной Грузии похожий административный механизм был запущен в Крыму.

Сразу после присоединения Крымского полуострова в 1783 г. управление новой окраиной осуществляло, в том числе Крымское правительство, состоявшее из представителей крымско-татарской знати[3]. В феврале 1784 г. последовало положение «Об устройстве Таврической области», которое предусматривало активное участие в работе новых

[1] Там же. С. 785.
[2] Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / Ed. by Barkey K., Hagen M.von. Boulder, 1997. P.3.
[3] Российская империя и Крым. Под ред. Д.В. Конкина, Н.И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 24.

административных институтов местных элит. При этом крымско-татарская элита рекрутировалась не только в низовые административные институты, но и в областные правления [1] . Советником областного правителя В.В. Каховского являлся Мекмедша Мурза Ширинский, а заседателями Верхней расправы – судебного органа Таврической области – были также знатные крымские татары: Хайридин-бай, Фузулла-бай, Осман-бай[2].

Административные институты Крыма и Восточной Грузии после присоединения к Российской империи включались в общую государственную систему управления, но их формирование было направлено, в том числе, на интеграцию местных элит в общее политическое пространство. Кроме того, имперская администрация адаптировала местные правовые традиции, которые продолжали оставаться актуальным регулятором повседневной жизни населения. Такую модель управления можно назвать кооперативной администрацией – то есть системой, основанной на сотрудничестве элит и взаимодействии нескольких политико-правовых традиций.

Уже после открытия работы Верховного грузинского правительства и его четырех экспедиций последовала реорганизация управления Новороссийского края. В соответствии с указом Александра I от 8 октября 1802 г. большая Новороссийской губернии, созданной в период административных преобразований Павла I, разукрупнялась с выделением трех отдельных единиц – Николаевской, Екатеринославской и Таврической губерний. Структура последней предполагала Таврическое губернское правительство, состоявшее из двух экспедиций (исполнительной и казенной) и в качестве высшей инстанции – Общее собрание правительства[3]. Параллели со структурным устройством Грузинской губернии 1801 г. очевидны.

[1] Там же. С. 25–26.
[2] Болотина Н.Ю. Потемкин. М.: Вече, 2014. С. 252.
[3] Российская империя и Крым. Под ред. Д.В. Конкина, Н.И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 37.

Иначе выстраивалась модель управления западногрузинскими территориями – Имеретией, Мингрелией и Гурией. Правители этих грузинских политий, как и царь Картли-Кахетии Георгий XII, выступили инициаторами установления российского суверенитета в своих владениях. В 1802 г. Мингрельский князь Григол Дадиани вступил в переговоры с российским главнокомандующим на Кавказе П.Д. Цицианов. Итогом стали «просительные пункты», согласно которым правитель Мингрелии признавал власть главы российской администрации в регионе, но сохранял за собой и своими наследниками титул и право автономного управления княжеством[1]. Административная автономия Мингрелии продержалась до 1857 г., когда в результате внутреннего политического кризиса владение было подчинено кутаисскому генерал-губернатору. Спустя еще десять лет, в 1867 г. последний мингрельский владетельный князь Николай Дадиани отказался от своих наследных прав[2].

Отчасти по «мингрельскому сценарию» происходила интеграция в российское административное пространство Имеретинского царства. В 1804 г. имеретинский царь Соломон II подписал «просительные пункты» о вступлении в российское подданство с условием сохранения наследных прав и автономного управления Имеретией. Кроме того, Соломон II смог получить право непосредственного обращения к российскому императору, в том числе с жалобами на региональную имперскую администрацию[3]. Соломон II не доверял российской администрации, опасаясь, что его может ожидать судьба других Багратионов, высланных из Восточной Грузии в Петербург и другие российские города. Это недоверие было взаимным. Главнокомандующий И.В. Гудович и правитель Грузии П.М. Литвинов действительно планировали в 1808–1809 гг. «отозвать в Россию» Соломона

[1] Рахаев Дж. Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIXв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7. М.: [Б.и.], 2016. С. 265–266.
[2] Там же. С. 271.
[3] Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорогая на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. С. 264.

II[1]. В 1810 г. имеретинский царь бежал в Османскую империю, в Имеретии было установлено прямое российское правление, но в тесном сотрудничестве с местными элитами.

В 1810 г. в российское подданство вступил гурийский владетельный князь Мамия Гуриели, который также сохранял за собой и за своими наследниками титул и административную автономию. Последняя фактически просуществовала вплоть до смерти Мамия Гуриели в 1826 г., после которой автономный статус Гурии казался российскому правительству все менее оправданным. В 1828 г. император Николай I упразднил Гурийское княжество[2].

Опыт управления западногрузинскими землями в начале XIX в. соответствует модели косвенного управления. Положение Мингрелии, Имеретии, а позднее Гурии сильно отличалось от кооперативной администрации, введенной в Восточной Грузии. При этом в Восточной Грузии (Грузинской губернии) в 1801–1804 гг. регулярно вспыхивали волнения населения, недовольного новыми порядками.

Работа административных институтов была парализована взаимным непониманием властей и населения, дефицитом чиновников и надежных переводчиков. Глава региональной военной и гражданской администрации П.Д. Цицианов едва ли не в отчаянии докладывал Александру I: «Вникая в нравы грузинского народа, усматриваю я из частных опытов, что всякое образованное правление до времени останется в Грузии без действия»[3]. Неутешительные доклады Цицианова вкупе с растущими расходами на административное обеспечение Грузинской губернии заставили императора Александра I сомневаться в правильности выбранной модели управления.

8 июля 1804 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей писал Цицианову, что в Петербурге обсуждалась идея, «что может быть и в Грузии можно было бы учредить правление, некоторым образом соответственное

[1] АКАК. Т. IV. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. С. 4.
[2] Рахаев Дж. Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIX в. С. 264.
[3] АКАК. Т. II. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 45.

тому, которое существует в Мингрелии и Имеретии» [1]. Речь шла о восстановлении в Восточной Грузии власти династии Багратионов, или же о назначении полновластного наместника («чиноначальника») с широкими административными правами. Кочубей подчеркивал, что реставрация Багратионов только идея, а не правительственный план, поэтому ожидал от Цицианова сильного мнения по этому вопросу.

Судя по всему, Цицианов не поддержал идею, сформулированную Кочубеем. Об этом говорит то, что в конце того же 1804 г. грузинский главнокомандующий предложил план модернизации институтов управления в регионе, который получил одобрение Александра I. Во-первых, грузинские дворяне, возглавлявшие низовую администрацию (моуравы), были подчинены уездным начальникам из русских чиновников. Во-вторых, полицмейстеры (нацвалы) в городах Грузинской губернии теперь назначались главнокомандующим, а не выбирались из местного дворянства как ранее. В-третьих, было разрешено подавать прошения в административные институты на грузинском языке и «не по форме»[2].

В качестве еще одной меры к повышению эффективности местной администрации Цицианов предлагал ввести должность окружного начальника – полновластного хозяина в своем уезде. Цицианов отмечал, что грузины охотно подчиняются «не закону, а лицу» и потому необходимо «возвысить и привести в уважение начальство уездное» [3]. Главнокомандующий считал, что лучше всего доверить должность окружного начальника отставным военным, «поелику здесь военное ремесло в великом уважении»[4]. Этот проект получил лишь частичную поддержку в Петербурге. Окружные начальники были поставлены во главе уездных судов, но экспедиции Верховного грузинского правительства оставляли за собой прерогативу контроля и инспекции местных властей. Однако интереснее то,

[1] Там же. С. 51.
[2] Там же. С. 52.
[3] Там же. С. 46.
[4] Там же.

что по мысли и структуре проект Цицианова был схож с идеологией системы военно-народного управления, введенной на Северном Кавказе в начале 1860-х гг. Суть ее, по словам Р.А. Фадеева, заключалась в следующем: «замещение деспотического произвола туземных правителей просвещенным произволом европейских агентов, связанных духом, а не буквой системы»[1].

Энергичные действия Цицианова сохранили в Восточной Грузии кооперативную административную систему, которая строилась на взаимодействии общеимперских и региональных политико-правовых режимов. Западную Грузию российские власти некоторое время контролировали посредством косвенного управления, сохранившего местные династии и их власть, однако, впоследствии все отдельные владения были упразднены и стали частью общеимперского политико-правового пространства.

Большим потрясением для региональной имперской администрации стало Кахетинское восстание 1812 г., которое оказалось одним из наиболее масштабных социально-политических протестов на территории Южного Кавказа в первой половине XIX в. В дореволюционной историографии эти события анализировались в общем контексте утверждения российского суверенитета на Кавказе. Военные историки Н.Ф. Дубровин и В.А. Потто отмечали, что восстание стало следствием неблагоприятных и экстремальных по своему характеру обстоятельств: эпидемия чумы и неурожай. Чуму занесли в Восточную Грузию отступавшие от Ахалциха российские войска в 1810 г.[2]. Несмотря на активные меры российской администрации по предотвращению распространения болезни, чума стала причиной многочисленных смертей среди мирного населения[3].

В том же году Кахетию, Картли и, особенно, Имеретию заливали проливные дожди, которые уничтожили посевы, вызвали разлитие рек и, как

[1] Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. С. 269.
[2] Это отступление является эпизодом Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.
[3] Н.Ф. Дубровин указывает, что среди грузинского населения жертвами чумы стали 3688 взрослых и 567 детей. См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб.: Типография Департамента уделов, 1887. С. 1.

следствие, затопление полей. В результате население лишилось средств к пропитанию и начало голодать. По данным Н.Ф. Дубровина, жертвами голода в одной Имеретии стали более 12 тыс. человек[1]. Хлеба недоставало даже дворянским и княжеским семьям, остальные жители Имеретии мололи желуди и виноградные косточки[2].

На фоне этих неурядиц российская администрация сделала несколько ошибок, которые окончательно подорвали доверие грузинского населения. Командующий Отдельным Грузинским корпусом и управляющий гражданской частью в Грузии Ф.О. Паулуччи (1811–1812) принял решение закупать хлеб для снабжения армии по заниженным в два–четыре раза ценам. По мнению Н.Ф. Дубровина, российский командующий исходил из того, что ранее грузинское население поставляло продовольствие бесплатно, а, значит, минимальная плата за него будет воспринята с благодарностью[3]. Но Ф.О. Паулуччи просчитался: население Картли и Кахетии отказалось продавать хлеб по установленным ценам. «Хлебный кризис» стал одним из спусковых механизмов Кахетинского восстания.

В качестве другой важной причины восстания в дореволюционной историографии указывалась антироссийская пропаганда грузинского царевича Александра Ираклиевича (1770–1844) – главного и наиболее упорного противника российской власти в Грузии среди представителей царского дома Багратионов. По словам В.А. Потто, «агенты грузинского царевича Александра, находившего себе опору во многих грузинских князьях, поджигали народ и делали все возможное, чтобы вызвать восстание» [4] . Здесь же отметим, что Ф.О. Паулуччи был склонен недооценивать влияние царевича Александра на внутриполитическое положении в Восточной Грузии. О самоуверенности российского командующего красноречиво свидетельствует его всеподданнейший рапорт

[1] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб., 1887. С. 2.
[2] Эристов Р. Письма из Имеретии // Кавказ. 1857. № 81 от 17-го октября. С. 416.
[3] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб., 1887. С. 5–6.
[4] Потто В.А. Кавказская война. Т. I. С. 482.

императору Александру I от 24 декабря 1811 г., в котором Ф.О. Паулуччи демонстративно отказался от шпионских игр и назвал Александра Ираклиевича «человеком ничего не значащим и бессмысленным». Ф.О. Паулуччи предлагал отказаться от замыслов по поимке беглого грузинского царевича и, по его словам, «старался уверить как грузин, так и самих неприятелей, что высокославные российские войска ничего не боятся»[1]. Самоуверенность Ф.О. Паулуччи ничем не подкреплялась и только создавала дополнительные риски для российской администрации.

Развитие советской историографии, как известно, предполагало значительное внимание к массовым социальным протестам. Специальное рассмотрение получили и «аграрно-массовые» выступления на Южном Кавказе. В 1951 г. была опубликована фундаментальная работа О.П. Марковой «Восстание в Кахетии 1812 г.»[2], подготовленная еще в 1940 г., но по разным причинам не публиковавшаяся. Интерпретация Кахетинского восстания О.П. Марковой амбивалентно. В нем выделены два отдельных движения: прогрессивное крестьянское, направленное против социального и национального гнета и реакционное аристократическое во главе с царевичем Александром Ираклиевичем, которое стремилось к восстановлению старых феодальных порядков[3]. Соответственно О.П. Маркова выделила три этапа развертывания Кахетинского восстания 1812 г.: первый – крестьянский (февраль–апрель); второй – переходный (май – август) и третий – дворянский (сентябрь–декабрь). Значительное внимание О.П. Маркова уделила международному контексту, именно попыткам Великих держав (Франции и Англии) ограничить влияние Российской империи на Южном Кавказе. Многочисленные франко-английские противоречия не мешали двум странам проводить общую политику по поддержке Турции и Персии против России на Кавказе. И французы, и англичане стремились к созданию военного

[1] АКАК. Т. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. С. 42.
[2] Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.
[3] Там же. С. 5–8.

османо-персидского союза с целью отторгнуть от России Южный Кавказ и отбросить империю Романовых за Большой Кавказский хребет[1].

1812 г. представлялся едва ли не идеальным моментом для воплощения этих замыслов. Российская империя одновременно вела затяжные войны против Турции (1806–1812) и Персии (1804–1813), а 12 июня 1812 г. Великая армия Наполеона форсировала Неман. Основные силы армии императора Александра I были сосредоточены против массированного французского наступления. Российское военное командование на Кавказе не имело достаточных резервов. Всего в распоряжении Ф.О. Паулуччи находилось не более 21 тыс. солдат с учетом частей занятых военными действиями против Персии. В начале 1812 г. планировался вывод из Восточной Грузии Нарвского и Нижегородского драгунского полков, и только решительная настойчивость Ф.О. Паулуччи предотвратила критическое ослабление российских войск на Южном Кавказе.

Именно малочисленность российских войск и гарнизонов способствовала крупным успехам восставших в феврале–марте 1812 г. Восстание началось в селении Ахмета Телавского уезда, местное население отказалось продавать хлеб и силой выдавило реквизиционный отряд. Телавский военный начальник уже на следующий день попытался исправить ситуацию, но и вторая попытка заставить ахметцев отдать хлеб закончилась неудачей. Российский отряд был атакован жителями нескольких соседних селений и отступил. Успех ахметцев вдохновил всю Кахетию на сопротивление. Неслучайно Ф.О. Паулуччи именно Ахмету называл «гнездом разбойников»[2], отсюда началось Кахетинское восстание.

Ф.О. Паулуччи известия о восстании в Телавском уезде застали в Карабахе, куда он прибыл для отражения персидского наступления. Российский командующий распорядился послать на переговоры с восставшими кахетинцами известных и авторитетных лиц, а также просил

[1] Там же. С. 237–239.
[2] АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 54.

митрополита Варлаама, управлявшего грузинским духовенством, отправить трех популярных духовных лиц «для сильнейшего увещевания народа, к выведению его из заблуждения, в которое они впали»[1]. Но попытки властей утихомирить кахетинцев почти не имели результата[2]. Показательный эпизод случился 10 февраля в Ананури – важнейшем пункте неподалеку от Тифлиса. Местный капитан-исправник Понаровский собрал дворян Ананурского уезда для переговоров с восставшими, блокировавшими город. Переговоры еще не кончились, когда Понаровский решил принять в них участие, что вызвало противодействие восставших. В перестрелке Понаровский получил два ранения и всего с пятью казаками и переводчиком бежал в Гори[3].

К этому времени восстание охватило всю Кахетию. 2 февраля кахетинские крестьяне во главе с князьями Симоном Бебуришвили и Иваном Макашвили овладели Телавом, при взятии которого погибли российские солдаты и чиновники. Наиболее драматические события разыгрались в Сигнахи. 6 февраля город был взят повстанцами, которые расстреляли почти весь гарнизон (около 100 человек)[4]. Жестокость восставших потрясла современников, события 1812 г. надолго сохранились в памяти жителей Южного Кавказа. Ф.О. Паулуччи во всеподданнейшем рапорте от 22 февраля 1812 г. сравнил расправы кахетинских крестьян с кровавыми событиями из истории Великой французской революции[5]. О страшной сигнахской резне упоминает А.С. Грибоедов в своих путевых записках 1818 г.[6]. На фоне Кахетинского восстания разворачивается сюжет романа А.А. Шишкова

[1] Социально-экономическая история Грузии 1801–1920 гг. Источники и материалы. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. I. (составитель – П.В. Гугушвили). Тбилиси: Издательство Государственного университета им. Сталина, 1937. С. 537.

[2] Исключением является успех архимандрита Серапиона, который смог успокоить жителей Мцхеты. См.: Рапорт коллежского ассесора Дьяконова грузинскому гражданскому губернатору С.В. Васильеву от 17 февраля 1812 г. // Социально-экономическая история Грузии 1801–1920 гг. Источники и материалы. С. 553 – 554.

[3] Там же. С. 548–549.

[4] Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. С. 58–59.

[5] АКАК. Т. V. С. 60.

[6] Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Петроград: Академия наук, 1917. С. 34: «В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли как дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски».

«Кетевана, или Грузия в 1812 году». А.А. Шишков впервые приехал в Восточную Грузию в 1818 г., когда, по его словам, «свежи были еще в памяти каждого закавказского жителя печальные события 1812 года, посетившего Грузию двумя страшными бедствиями: чумой и народными волнениями… я говаривал о них с очевидцами и видел сам горестные тому признаки»[1].

Ф.О. Паулуччи не оставлял надежды вразумить кахетинцев. В конце февраля он обратился к восставшим с воззванием, в котором упрекал грузин в поднятии оружия на своих единственных союзников и единоверцев: «… вы в заблуждении своем нарушив присягу, данную вами в вечной верности его императорскому величеству пред лицом самого бога, вооружились против защитников ваших, против самого вашего отечества и против религии»[2]. Российский командующий предлагал кахетинцам два пути: первый – добровольная сдача с помилованием; второй – неминуемое поражение и жестокое наказание в случае сопротивления. «Меч мой готов истребить непокорных мятежников и, вместе с тем, рука простерта принять с милосердием раскаивающихся, подобно как отец приемлет заблудшего сына», - патетически обращался Ф.О. Паулуччи к повстанцам[3].

Кахетинцы ответили на воззвание Ф.О. Палуччи. В ответном послании они возложили всю вину за произошедшие события на российскую администрацию и лично на ее главу. Повстанцы отвергли обвинения в измене, заявив, что они защищают свои законные права, гарантированные Манифестом о присоединении Восточной Грузии императора Александра I от 12 сентября 1801 г. «Вы дали нам повод, убивая и вешая на веревке, виновные и усердные не были различены… убивали наших жен и детей, отняли у нас хлеб и голодом нас морили, а нам говорили, чтобы мы паслись на траве», - упрекали восставшие кахетинцы Ф.О. Паулуччи. Кахетинцы

[1] Шишков А.А. Сочинения и переводы. Ч. III. СПб.: Типография Академии наук, 1835. С. IV.
[2] АКАК. Т. V. С. 82; Социально-экономическая история Грузии 1801–1920 гг. Источники и материалы. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. I. С. 556–557.
[3] Там же.

представляли восстание как последнее средство совершенно отчаявшихся людей: «… вы преступили повеления государя, и мы более не могли переносить несправедливости; нам с вами сойтись невозможно, мы и так мертвы и должны умереть»[1].

Несмотря на безнадежный тон послания к Ф.О. Паулуччи, восставшие к середине февраля контролировали почти всю Кахетию. Российская администрация потеряла контроль над Телавским, Сигнахским и Ананурским уездами Грузинской губернии, а также Военно-Грузинской дорогой. Главной задачей являлась защита Тифлиса, потеря которого была вполне возможной. В восстании принимали участие представители различных социальных групп. Основу составляло кахетинское крестьянство, которое было поддержано частью восточногрузинского дворянства, в том числе некоторыми княжескими фамилиями. Кроме кахетинцев в восстании приняли участие грузинские горцы – пшавы и хевсуры, которые вошли в отряд князя Иосифа Сидамонашвили, осадившего Ананурскую крепость. Повстанцы координировали свои действия и пытались вовлечь в восстание новые силы, что осложняло ситуацию для коронных властей. В народе представители царской династии Багратионов продолжали пользоваться популярностью, поэтому неслучайно, что символом восстания стал представитель бывшей царской семьи – Григорий Иоаннович. Он являлся единственным сыном царевича Иоанна Георгиевича, проживавшего в Москве. Григорий Иоаннович [2] был провозглашен царем Григорием I и стал энергично рассылать призывы к восстанию против российской администрации[3]. Это показывает, что восставшие кахетинцы пытались придать своим действиям вид легитимности. Во-первых, они заявили о нарушении российской администрацией условий Манифеста императора Александра I, и, во-вторых, восстановили власть династии Багратионов. Эти действия, по мнению

[1] Там же.

[2] Н.Ф. Дубровин дал Григорию Иоанновичу такую характеристику: «Недалекий по своим умственным способностям, хромой от природы и забытый русским правительством, Григорий жил на свободе в Кахетии». См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб., 1887. С. 8.

[3] Джавахишвили Н. Григорий I – последний грузинский царь. Тбилиси, 2008 (на грузинском языке).

повстанцев, показывали, что их движение является справедливым политическим актом, а не бандитским предприятием.

Переломным моментом стали два поражения восставших. 17 февраля российские войска под командой подполковника Ушакова при поддержке отряда верного российским властям грузинского дворянства отбросили повстанцев от Ананура, при этом в плен был захвачен и впоследствии повешен один из повстанческих вожаков осетин Бурдули[1]. 4 марта уже сам Ф.О. Паулуччи снял осаду с Телавской крепости и привел к присяге восставших[2]. Спустя два дня Григорий Иоаннович оказался в плену у Ф.О. Паулуччи. В донесении канцлеру Н.П. Румянцеву от 18 марта российский командующий на Кавказе отмечал политическое значение представителей династии Багратионов: «Сей царевич (Григорий Иоаннович – Авт.) весьма важен не по личным своим достоинствам, коими, к счастью не одарен от природы, но по уважению, какое народ здешнего края имеет к его происхождению и по правам, кои хотя и ложно, но с некоторым основанием приписывают ему грузины… сей царевич, не имеющий никаких особенных достоинств, оставленный без внимания моими предместниками и даже у самих грузин до сего случая имевший мало уважения, вдруг при открывшейся революции начал играть между ними важную роль и по ослеплению народа, которое однако же обнаруживает их всегдашнюю привязанность к прежнему царскому правлению, был с радостью принят мятежниками, провозглашен царем Грузии и предводительствовал толпами бунтовщиков»[3].

Ф.О. Паулуччи немедленно отправил Григория Иоанновича в Санкт-Петербург. Отметим, что грузинского царевича снабдили необходимыми для дальнего путешествия деньгами, Ф.О. Паулуччи не забыл упомянуть в донесении канцлеру Н.П. Румянцеву о добровольной сдаче Григория

[1] Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. С. 66.
[2] Социально-экономическая история Грузии 1801–1920 гг. Источники и материалы. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. I. С. 563.
[3] АКАК. Т. V. С. 44–45; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. С. 20.

Иоанновича и о необходимости снисхождения, которое было обещано всем одумавшимся участникам восстания[1].

Несомненно, глава российской администрации на Кавказе был сильно впечатлен массовым и ожесточенным восстанием кахетинцев против коронных властей. Как было показано выше, Паулуччи не торопился с крайними мерами, долгое время рассчитывал, что Кахетию удастся замирить уговорами. Такая линия поведения объясняется взглядом на грузинское население как на единоверных союзников, избавленных от персидских и турецких притеснений. Паулуччи, как и другие российские администраторы, был уверен, что российская власть пользуется популярностью у большинства грузин и может рассчитывать на их верность. Однако, у грузинского населения к 1812 г. накопилось недовольство: ликвидация грузинского царского дома, упразднение самостоятельной Грузинской церкви, примеры чиновного произвола. Все это подорвало веру грузин в правильности исторического выбора последних представителей династии Багратионов, оттолкнуло их от имперских властей.

Вскоре Ф.О. Паулуччи осознал сложность положения в Восточной Грузии. С целью выяснения причин кахетинского восстания по его инициативе в марте 1812 г. учреждена «Комиссия исследования причин произошедшего в Грузии бунта»[2]. Председателем комиссии был назначен грузинский гражданский губернатор М.Л. Малинский. В ее состав вошли четыре чиновника из центрального аппарата российской администрации на Кавказе и еще четыре маршала из кахетинских уездов – Горийского, Ананурского, Телавского и Сигнахского. Ф.О. Паулуччи так определил круг основных вопросов комиссии: «Предмет сей комиссии долженствует состоять в том, чтобы дознать на самой истине, от чего кахетинский народ вооружился против войск его императорского величества; какие были

[1] АКАК. Т. V. С. 45; Лапин В.В. (Препринт) Непокорный Александр. Александр Ираклиевич Багратиони (1770–1844). Жизнь и борьба. СПб., 2025. С. 160–161.
[2] Там же. С. 64.

причины, подвигшие оный к сему гибельному предприятию и с которого времени в Кахетии начала тлеться искра мятежа?»[1].

Комиссия запросила мнения о причинах мятежа у местных светских и духовных властей. Эти материалы были использованы Ф.О. Паулуччи при подготовке всеподданнейшего рапорта от 26 марта 1812 г., в котором основными причинами восстания Кахетии были названы: враждебная агитация Персии, корыстные интересы представителей грузинского царского дома, двухлетний неурожай, злоупотребления и «безнравственность» российских чиновников, «зверский характер» и «непостоянство» местных жителей, тотальном недовольстве грузинского дворянства новыми порядками[2]. На последней причине необходимо остановиться подробнее. Дело в том, что церковные и казенные земли Картли-Кахетинского царства до установления российской администрации управлялись наиболее влиятельными дворянскими представителями на правах моурави – местного начальника. Моурави управляли отдельными селениями и более крупными территориальными образованиями вплоть до целых провинций грузинских государств[3]. Они выполняли полицейские, судебные и фискальные функции. При этом, моурави находились на «кормлении» у крестьян соответствующих селений. После реорганизации системы управления и ликвидации моуравств, знатные дворянские роды, давно сделавшие должности моурави семейно-наследственными, постоянно выражали свое недовольство и подстрекали население к неповиновению новым властям. Несмотря на то, что наиболее влиятельные грузинские аристократы получили взамен моуравств ежегодную денежную компенсацию[4] многие из них считали себя обиженными новой властью.

[1] Там же.

[2] Там же. С. 67.

[3] Наиболее известным моурави грузинской истории является Георгий Саакадзе (1570–1629), управлявший центральной и северной частью Картли.

[4] Ежегодное денежное пособие, пожалованное империей взамен моуравства, могло иметь наследуемый характер. Так сыновья князя Д. Челокаева – Захарий и Александр – наследовали жалованье отца в 500 руб. серебром в год (РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 3. Л. 4.).

В этих сложных социально-политических обстоятельствах многое зависело от эффективности российских чиновников, но они оказались совершенно не готовы к эти вызовам. Более того, некоторые чиновники своими действиями провоцировали недовольство населения, толкали кахетинцев к неповиновению и насилию. Это отмечено в рапорте Ф.О. Паулуччи, а также нашло отражение и на страницах уже упоминавшегося романа А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году», в котором главным антагонистом выступал русский чиновник армянского происхождения Иван Осипович Тарханов. Занимая должность начальника Телавского уезда, он, по сюжету романа, искусно провоцировал грузинских князей на выступление против российской администрации. Тарханов находился в тайном сговоре с царевичем Александром Ираклиевичем и планировал бежать в Персию после начала восстания[1].

Царевич Александр Ираклиевич принял активное участие в кахетинских событиях весной – летом 1812 г. Еще 16 февраля 1812 г. Ф.О. Паулуччи был назначен генерал-адъютантом императора Александра I и отозван с Кавказа в столицу. На его место назначение получил Н.Ф. Ртищев - командующий войсками на Кавказской линии. Н.Ф. Ртищев являлся опытным, но к тому моменту уже возрастным командиром (род. в 1754 г.), что во многом определило его управленческий стиль, в котором осторожности было значительно больше, чем энергичности.

Весной 1812 г. Кахетию наводнили агенты Александра Ираклиевича, пугавшие местных аристократов российским вероломством и уверявшие их, что обещанная Ф.О. Паулуччи амнистия очередной обман. Для грузинских князей и дворян эти увещевания звучали правдоподобно. Грузины видели, как Российская империя ликвидировала царскую династию Багратионов и покончила с независимой грузинской церковью, фактически пленив католикоса Антония II. В апреле 1812 г. кахетинские дворяне собирают отряды из своих крестьян и начинают партизанскую войну. Под ударом

[1] Шишков А.А. Сочинения и переводы. Ч. III. СПб., 1835.

вновь оказывается стратегическая Военно-Грузинская дорога. Наибольшую опасность представляли многочисленные (до 100–150 человек) отряды князей Кобашвили и дворянина Заала Пазидашвили[1]. Н.Ф. Ртищев отправил в Кахетию генерал-майора К.Ф. Сталя решительного и опытного офицера, командовавшего Нижегородским драгунским полком. В предписании К.Ф. Сталю от 5 мая 1812 г. Н.Ф. Ртищев отмечал, что отправляет его в Кахетию с тем, «чтобы вы на месте, со всем беспристрастием рассмотрев и сообразив все ныне там происходящее со стороны дворянства, должностных грузинских чиновников, а также со стороны и российских местных начальств, положили меры к восстановлению порядка по всем частям и к водворению спокойствия, подтвердив от моего имени, что прощение, дарованное всем сословиям кахетинского народа и забвение их вины сохранится мною во всей ненарушимости, если впредь они не выйдут из своих обязанностей»[2].

К.Ф. Сталь получил специальную прокламацию кахетинцам от имени Н.Ф. Ртищева, в которой подтверждалось «полное забвение» всего содеянного восставшими при условии их покорности и лояльности российским властям. Однако, прокламация не убедила кахетинцев, волнения и вооруженные нападения на российских военных и чиновников продолжились. После того как прокламации не возымели действия Н.Ф. Ртищев приказал К.Ф. Сталю применить против восставших силу. На протяжении лета-осени 1812 г. в Кахетии не прекращались стычки и перестрелки. Российскими войсками командовали генералы К.Ф. Сталь и Д.З. Орбелиани. Упорство восставших кахетинцев объяснялось их надеждами на внешнюю помощь. Персидский кронпринц Аббас-Мирза через своих приверженцев обещал прийти с большим войском вслед за царевичем Александром Ираклиевичем, восстание поддержали воинственные грузинские горцы – тушины, пшавы и хевсуры. Грузинских горцев ободрял

[1] Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. С. 91.
[2] АКАК. Т. V. С. 459.

находившийся в Турции бывший имеретинский царь Соломон II в письме от 1 июля 1812 г.: «Мы также вот, по милости великого государя (османского султана – А.У.), с несчетными войсками вступим в Имеретию, наши сторонники тоже к вам прибудут, с божьей помощью. Ведь мы имеем не одно имеретинское дело, а так как вы столько обязываете Багратионов и проливаете за них кровь, то мы желаем и нашу кровь смешать с вашей доброй кровью». Далее Соломон II прямо заявил о начале совместных военных действий с Александром Ираклиевичем и призвал горцев к отчаянной борьбе: «Вот мы уже прибыли с несчетными войсками, - с той стороны царевич Александр, а с этой мы. Теперь зависит от вас и вашего отличного мужества, как вы дадите мне знать о вашей доброй славе»[1]. Ожидание поддержки буквально отовсюду стало топливом Кахетинского восстания.

Внимание Н.Ф. Ртищева и значительная часть российских войск были заняты военными демонстрациями на персидской границе, которые должны были заставить персов заключить мир. Именно эта задача была приоритетной для российского командования в полном соответствии с указаниями из Петербурга, стремившегося всеми силами обезопасить южные границы империи накануне столкновения с наполеоновской Францией. Персы уклонялись от российских инициатив и продолжали рассчитывать на масштабные волнения в Восточной Грузии.

6 сентября 1812 г. в Грузию вернулся царевич Александр Ираклиевич. Он начал собирать своих сторонников в селении Тианети (Верхняя Кахетия). Сюда стекались кахетинские аристократы со своими вооруженными крестьянами, прибывали отряды грузинских горцев. Численность войска Александра Ираклиевича, по оценкам российских офицеров, достигала 7 - 8 тыс. человек[2]. Н.Ф. Ртищев усилил войска, прикрывавшие Военно-

[1] Там же. С. 470.
[2] Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. С. 108.

Грузинскую дорогу, выставил сильный отряд на дороге из Кахетии в Картли, за поимку царевича была объявлена денежная награда.

Российское командование опасалось всеобщего восстания, но его не случилось. Обстановка в крупных городских центрах, в том числе в Тифлисе, оставалась спокойной. Это позволило локализовать Кахетинское восстание, блокировать сторонников Александра Ираклиевича на ограниченном пространстве. В сентябре-октябре 1812 г. Кахетия стала полем ежедневных сражений и стычек. Большинство из них завершалось с перевесом российских отрядов, царевич Александр маневрировал и оставался неуловим, но терял сторонников. К зиме основу его войска составляли лезгины, большая часть грузинских аристократов покинула расположение повстанцев, рассчитывая на прощение российской администрации. Сам же Александр Ираклиевич отклонил все предложения Ртищева сложить оружие, в ответ на укоры о союзе с персами, принесшим грузинам столько бед в прошлом, царевич писал, что «хотя персияне суть всегдашние враги, но никогда не отбирали нашего царского скипетра»[1].

Эту письмо Ртищеву царевич Александр Ираклиевич отправил уже из хевсурского села Шатили, куда он ушел после потери Кахетии. Хевсуры укрывали мятежного царевича, несмотря на все угрозы российского командования. В декабре 1812 г. Ртищев требовал выдачи царевича от пшаво-хевсурского старшины Хахи Габидаури и добавлял: «Мне не следует напоминать вам, какие бедственные последствия могут случиться, если пшаво-хевсурский народ поступит в противность сего моего требования»[2]. В качестве поучительного примера Ртищев писал об участи кахетинцев: «Многие их семейства преданы огню и мечу, тысячи оплакивают теперь несчастный свой жребий, лишились своего имущества, жилищ, пропитания и скитаются в лесах с семействами, опасаясь неизбежного наказания» [3] . Организованное сопротивление кахетинцев было подавлено войсками под

[1] АКАК. Т. V. С. 371.
[2] Там же. С. 529.
[3] Там же.

командованием Д.З. Орбелиани к декабрю 1812 г., хотя отдельные выступления продолжались до лета 1813 г. Выжившие участники восстания были или арестованы и преданы военному суду, или бежали в Дагестан и Персию. Ртищев обложил Кахетию контрибуцией, которая шла на содержание армии.

Несмотря на замирение Кахетии, Александр Ираклиевич продолжал активную переписку с персидским наследником Аббас-Мирзой, призывая его начать военные действия. Грузинский царевич в своих посланиях уверял, что имеет войско в 80 тыс. человек, которых необходимо только обеспечить жалованьем и отправить в бой[1]. Но политические расчеты Александра Ираклиевича были опрокинуты 1 января 1813 г., когда российский отряд под командованием генерала П.С. Котляревского взял персидскую крепость Ленкорань. Дорога на Тавриз оказалась открыта, что вызвало панику среди персидской элиты и в конечном итоге вынудило шаха Фетх-Али заключить Гюлистанский мир (12 октября 1813 г.)[2].

Александр Ираклиевич скрылся в Дагестане, где стал скитальцем. Однако, его политическое влияние продолжало оставаться угрозой российской гегемонии в регионе. Как отметил В.А. Потто, «в 1816 году он являлся уже значительным лицом, обнаруживающим веское влияние на умы народов Дагестана»[3]. Александр Ираклиевич продолжал оставаться популярной фигурой и для грузинского дворянства, об этом в одном из частных писем упоминал А.П. Ермолов в январе 1817 г.: «Завтра большая часть Грузии будет за него (Александра Ираклиевича – А.У.), если легковерному и несмысленному здешнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благоприятными»[4].

[1] Там же. С. 467.
[2] Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан… Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. С. 328–329.
[3] Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб., 1887. С. 201 –202.
[4] А.П. Ермолов. Кавказские письма, 1816–1860. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2014. С. 46.

В 1818 г. Александр Ираклиевич решил уходить из Дагестана в Турцию. По пути ему чудом удалось пройти через российские посты и проскочить мимо казачьих разъездов. А.П. Ермолов предпринимал усилия по поимке царевича даже на территории Турции, но все оказалось тщетно. В январе 1819 г. Александр Ираклиевич ушел в Персию, где его ждал давний покровитель Аббас-Мирза. Персы пытались и дальше использовать Багратиона в качестве политического противовеса России на Южном Кавказе.

Накануне очередной Русско-персидской войны 1826–1828 гг. российское командование ожидало вторжения войска Александра Ираклиевича в Восточную Грузию [1]. В последующие годы для части грузинского дворянства царевич продолжал оставаться законным наследником престола Багратионов и символом борьбы против подчинения России, но ему уже не довелось возглавить крупное восстание, как это было в Кахетии 1812–1813 гг.

Многие из активных участников Кахетинского восстания были арестованы и осуждены военным судом. В августе 1813 г. Комитет министров получил от грузинского главноуправляющего Ртищева «Список князьям и дворянам грузинским, изобличенным в измене и бунте», в котором насчитывалось 62 человека[2]. Все они были высланы «для содержания под строгим смотрением» в несколько удаленных от Кавказа губерний: Воронежскую, Курскую, Тобольскую и Пермскую. При этом начальники этих губерний получили предписание, «чтобы они велели кому следует бдительнейший иметь за доставленными князьями и дворянами надзор, так как за государственными преступниками» [3]. Большая часть ссыльных

[1] Там же. С. 392.
[2] Мельникова И.Е. Из истории заговора в Кахетии грузинских князей и дворян 1811–1812 гг. в первые годы совместного пребывания Грузии под покровом российской власти (по материалам ГАРФ) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 106–117.
[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 45. Л. 30.

вернулась на Кавказ после амнистии императора Александра I, последовавшей в 1820 г.

Кахетинское восстание 1812 г. стало одним из самых крупных вооруженных выступлений на Южном Кавказе в имперскую эпоху. При его анализе можно выделить несколько измерений этого масштабного конфликта. Во-первых, грузинское население изнурено неурожаем и эпидемией чумы. Отсутствие помощи со стороны российской власти воспринималось крайне болезненно. Некоторые чиновники только усугубляли положение произволом и откровенным издевательством над разоренным народом. «К неумышленным беспорядкам присовокуплялись и умышленные злоупотребления местных начальников. Все это повергло туземцев в уныние, и прежние надежды на счастье исчезли. Народ терпел, но, наконец, силы его терпения истощились», - писал А.Г. Чавчавадзе о причинах восстания в Кахетии [1] . Во-вторых, грузинская аристократия лишилась привилегий и полномочий, которыми она пользовалась при династии Багратионов. Это порождало недовольство и питало надежды на Реставрацию грузинской царской династии. В-третьих, прямое влияние на события в Кахетии оказывала внешнеполитическая конъюнктура, на которой строились расчеты восставших на военную помощь со стороны Турции и Персии. Наконец, в-четвертых, не лучшим образом себя проявила и высшая российская администрация. Ф.О. Паулуччи был энергичным, но слишком самоуверенным администратором, его непродуманные действия по принудительной закупке хлеба у местного населения по бросовым ценам стали катализатором восстания.

На грозном фоне Кахетинского восстания вновь оживилась дискуссия об оптимальной модели управления грузинскими территориями. Осенью 1812 г. царевич Давид Георгиевич, который являлся наследником последнего грузинского царя Георгия XII, но с 1803 г. проживавший в Петербурге,

[1] Цит. по: Богомолов И. Александр Чавчавадзе и русская культура. Тб.: Издательство «Мецниереба», 1964. С. 25–26.

представил министру внутренних дел О.П. Козодавлеву записку «О лучшем устройстве Грузии» [1]. В этом документе царевич Давид предлагал радикальный пересмотр модели управления грузинскими землями.

Ключевым положением записки являлось утверждение о необходимости «присоединения в управление Грузией одного из царевичей» [2]. Во главе российской администрации, по замыслу царевича Давида, должен был находиться своеобразный дуумвират из «лица особенною монаршею доверенностью облеченному» и грузинского царевича из Багратионов, «который признается к тому способнее»[3].

Кроме того, проект грузинского царевича предполагал сокращение российского военного контингента и возвращение к системе грузинского ополчения («мориге»), а также полное восстановление всевластия моуравов на местах. Фактически, речь шла о возвращении политического значения династии Багратионов и установлении в Грузии разновидности косвенного управления. Александр I передал записку царевича Давида на рассмотрение грузинскому главнокомандующему Паулуччи, уже покинувшему Кавказ и находившемуся в столице.

В своем отзыве Паулуччи подверг обстоятельной критике почти все предложения царевича Давида, в том числе идею административного дуумвирата: «При составлении царевичем Давидом начертания о устроении управления в Грузии руководствовался он не преданностью к России, но наклонностью завести между российским в Грузии правительством совместничество в правлении через помещение туда одного из царевичей, от чего по мнению моему не может быть ни пользы для России, ни блага для его соотечественников» [4]. По мнению Паулуччи, вывод российских войск из региона стал бы большой стратегической ошибкой в условиях противостояния с Османской империей и Персией. Грузинские территории

[1] Две записки царевича Давида «О лучшем устройстве Грузии» // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. I. / Ред. Н.А. Бердзенишвили. Тбилиси: [Б.и.], 1942. С. 121–164.
[2] Там же. С. 132.
[3] Там же. С. 133–134.
[4] Там же. С. 152–153.

как часть Российского государства не могли оставаться без защиты. Вывести российские полки из Грузии, как указывал Паулуччи, было существенно легче, чем ввести сюда новые войска, «ибо нововведенный в месте службою должен привыкать к климату и принаравливаться к неприятелю и образу мыслей жителей»[1].

Паулуччи признавал необходимость проведения глубокой административной реформы, которая позволила бы «устроить правление сколько можно сходственное с обычаями и умонастроениями народа»[2]. Однако простое восстановление прежних форм правления и суда, по мнению грузинского главнокомандующего, было невозможно. Это относилось и к вопросу о полномочиях моуравов. Паулуччи настаивал на ограничении их произвола и составлении особого устава, регулирующего их полномочия и привилегии[3].

Показательным фрагментом отзыва Паулуччи следует признать рассуждение о политическом вреде, который был связан с активностью грузинских царевичей. Паулуччи высказывал опасения как относительно возвращения царевичей в Грузию, так и предостерегал Александра I от влияния «грузинской партии», образовавшейся в Петербурге[4]. Необходимо отметить, что опасения Паулуччи подтвердились событиями грузинского дворянского заговора 1832 г., организаторами которого стали проживавшие в России грузинские царевичи Окропир Георгиевич и Дмитрий Юлонович.

Историк И.К. Ениколопов предположил, что соавторами отзыва Паулуччи на записку Давида Георгиевича могли быть талантливый чиновник-канцелярист П. Могилевский и/или писатель, а впоследствии видный чиновник кавказской администрации Е.Г. Чиляев (Чиладзе)[5]. К списку потенциальных соавторов Паулуччи логично добавить Александра Гарсевановича Чавчавадзе – сына полномочного министра Картли-

[1] Там же. С. 153.
[2] Там же. С. 154.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 155–156.
[5] Там же. С. 125.

Кахетинского царства в России Г.Р. Чавчавадзе (1783–1801). В 1811 г. А.Г. Чавчавадзе стал адъютантом Паулуччи и вместе с главнокомандующим принимал участие в подавлении Кахетинского восстания. В 1812 г. Чавчавадзе также вместе с Паулуччи покинул Кавказ и принял участие в Отечественной войне и заграничных походах[1]. Нет никаких сомнений в том, что Чавчавадзе хорошо знал военно-политическую обстановку в Закавказье и разбирался в политических мотивах различных грузинских аристократических фракций. Кроме того, сам Чавчавадзе, вероятно, относился к лагерю противников царевича Давида Георгиевича. В 1804 г. Чавчавадзе присоединился к мятежу царевича Фарнаваза Ираклиевича, который считался политическим конкурентом Давида Георгиевича.

Гипотезу об участии Чавчавадзе в подготовке отзыва Паулуччи на записку Давида Георгиевича косвенно подтверждает всеподданнейший рапорт Александра Гарсевановича, датированный 27 июля 1837 г.[2]. Этот документ содержит известный в историографии исторический очерк грузинских земель в 1801–1831 гг.

В рапорте императору Николаю I Чавчавадзе отметил, что накануне присоединения к Российской империи в Восточной Грузии сформировались две аристократические партии: «Одна партия после смерти Георгия XII с нетерпением ожидала русского правительства и опасалась вступления на престол царевича Давида, который совершенно оттолкнул всякое от себя расположение неосторожным объяснением неосновательных своих преднамерений. Другая партия, напротив, желала сохранить своего царя, который находясь под полной зависимостью от России, управлял бы Грузией на собственных ее законах, но каждый из принадлежащих к этой партии имел в сем случае какого-либо из царевичей по одному его расположению к себе, не разбирая, впрочем его прав на наследство и личных способностей»[3]. Здесь Чавчавадзе упоминает события, которые лишили царевича Давида

[1] Богомолов И. Александр Чавчавадзе и русская культура. С. 7.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1–27.
[3] Там же. Л. 8.

Георгиевича общей поддержки среди грузинского дворянства. Речь идет о начале 1801 г., когда Давид Георгиевич фактически вступил в управление Восточной Грузией и ожидал подтверждения своих прав императором Павлом I[1]. В этот момент Давид Георгиевич решил разгромить фракцию своих конкурентов за власть в Картли-Кахетии – сыновей Ираклия II. Лидером фракции Ираклиевичей являлся царевич Юлон. Именно против него и его сторонников Давид Георгиевич развернул широкую кампанию по реквизиции земельных наделов [2] . Разумеется, подобные действия противоречили всяким представлениям о справедливости и нанесли большой урон репутации Давида Георгиевича.

Разрушительная критика записки Давида Георгиевича «О лучшем устройстве Грузии» со стороны Паулуччи и его возможных соавторов отправила проект царевича в глухой архив. Чавчавадзе сделал впоследствии успешную военно-административную карьеру, а при главноуправляющем И.Ф. Паскевиче (1827–1831) был назначен начальником вновь образованной Армянской области. Чавчавадзе, по-видимому, отказался от участия в Грузинском дворянском заговоре 1832 г. и даже пытался отговорить его участников от реализации задуманного[3]. Тем не менее, он был арестован и сослан в Тамбов, где пробыл всего год и уже в 1834 г. вернулся в Тифлис. Чавчавадзе вернулся к общественной деятельности и административной службе. Он возглавлял Комиссию о предохранении Кавказского края от чумы, а в 1843 г. получил в руководство Закавказскую почту.

Судя по всеподданнейшему рапорту Чавчавадзе, он был приверженцем идеи о скорейшем тесном сближении окраины с метрополией, инструментом которого выступало тотальное введение российского законодательства[4]. Как известно, именно в распространении на Кавказе российского закона и суда видел залог «слияния» края с остальной империей И.Ф. Паскевич.

---

[1] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб.: [Б.и.], 1869. С. 472–473.
[2] АКАК. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. С. 301–304.
[3] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 100. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 9а. Л. 27.

Еще одним масштабным политическим кризисом на территории Закавказья в первой четверти XIX в. стал Имеретинский церковный бунт 1819–1820 гг. Основной причиной восстания стало проведение российской администрацией церковной реформы на территории Западной Грузии. В пределах Восточной Грузии (Картли-Кахетии) имперские власти провели поэтапную церковную реформу ранее – в 1810–1818 гг. Результатом преобразований стала ликвидация 30 июня 1811 г. автокефалии Грузинской православной церкви. Годом ранее Грузию покинул глава грузинской церкви католикос Антоний II и, оказавшись в нижегородской ссылке, назад уже не вернулся. Традиция независимой церкви в Грузии, насчитывавшая 1500 лет, прервалась. Вместо сильного независимого католикоса-патриарха российским императором назначался экзарх, во всем подчиненный Святейшему Синоду [1]. С 1817 г. экзархами Грузии назначались только архиереи Русской православной церкви, а первым из них на южную окраину империи отправился архиепископ Рязанский Феофилакт (Русанов), до назначения занимавший калужскую кафедру. Организационно-хозяйственным итогом реформы в Восточной Грузии явилось сокращение количества епархий, общей численности грузинского духовенства, а также новые условия экономического обеспечения церкви.

Как и в случае кахетинского восстания, Церковному бунту на территории Западной Грузии предшествовали крупные социально-экономические неурядицы. В 1811–1812 гг. жертвами голода в Имеретии стала почти треть населения[2]. Как позже отмечал А.П. Ермолов, «отцы за кусок хлеба продавали детей своих в вечное рабство, отчаянные матери кидали в лесах и по дорогам истощенных от голода своих младенцев» [3]. Имперской администрации были предприняты серьезные меры для

[1] Подробнее см.: Рыбаков А.Л. В «области кесаря»: проблемы статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века) // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 274–315.

[2] АКАК. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1874. С. 530.

[3] Там же.

облегчения положения Имеретии: из Крыма было доставлено 10 тыс. четвертей хлеба, а также из средств казны выделено 10 тыс. руб. сер. На закупку и доставку хлеба для голодающей Имеретии было дополнительно потрачено более 160 тыс. руб., при этом император Александр I повелел оставить эти средства без последующего взыскания с населения[1]. Но и эта помощь оказалась недостаточной, население посчитало действия новой российской администрации недостаточно эффективными.

Летом 1819 г. в разоренную голодом и озлобленную на российские власти Имеретию прибыл грузинский экзарх Феофилакт для проведения церковных преобразований, а именно описи имущества и составления штатов духовенства. Все это означало переход местной церкви и ее имущества под полный контроль государства. Уже 29 июня 1819 г. жители Шорапанского и Кутаисского округов Имеретии обратились к коронной администрации с прошением, в котором буквально умоляли не производить описи имущества и введения штатов духовенства. «… да не будет поколеблена вера наша, от распятия Христа до ныне удержавшаяся, предоставив нам по возможности нашей попечение о благолепии церквей для спасения душ наших, ибо мы хотя были у неправедных агарян в руках, перенесли многие мучения телесные, но до дел духовных они не касались», – красноречиво отмечалось в прошении имеретинцев[2].

Не получив от российской администрации в Имеретии удовлетворительного ответа, население Шорапанского и Вакинского округов во главе с местными князьями и дворянством открыто выступило против церковной реформы. Чиновникам экзарха восставшие не позволяли описывать церковное имущество и изгоняли из селений и угрожали расправой. Глава российской администрации в Имеретии генерал И.Д. Курнатовский оказался бессилен прекратить беспорядки ввиду малочисленности находившихся под его командованием войск: «По

[1] Там же.
[2] Там же. С. 535.

неимению при окружном начальнике достаточной команды, ослушники арестованы быть не могли»[1], - писал начальник Имеретии управляющему гражданской частью в Грузии генералу И.А. Вельяминову в рапорте от 8 июля 1819 г.

Дороги в Имеретию были блокированы, вскоре восстание поддержало население двух других западногрузинских субрегионов – Гурии и Мингрелии. Посланные сюда для описи церковного имущества чиновники «также возвратились без всякого успеха». В Рачинском округе население объединялось в вооруженные отряды, один из которых достигал численности 2 тыс. человек, в то время как коронная администрация располагала здесь небольшой военной командой в 45 человек. Имеретинцы требовали отмены описи церковного имущества и отъезда митрополита Феофилакта. «Пока не решится наше дело, ни для почты в Грузию (Восточную Грузию – Авт.), ни для купцов дороги не будет»[2], - заявил И.Д. Курнатовскому один из дворян участников восстания.

Положение быстро оказалось критическим. И.Д. Курнатовский с тревогой писал командованию, что «дух мятежа, по всем слухам и соображению предприятий, есть всеобщий и прямо на нашей стороне никого нет»[3]. Начальник Имеретии запросил военной подмоги, по его расчетам для прекращения восстания дополнительно были необходимы не менее трех батальонов пехоты с артиллерией и полк донских казаков: «Преданных и усердных из здешних жителей не прежде получить можно, как при успешном для нас открытии военных действий, когда станет ослабевать в них надежда от нас освободится»,[4] - откровенно отмечал И.Д. Курнатовский в рапорте И.А. Вельяминову.

И.А. Вельяминов жестко раскритиковал медлительность И.Д. Курнатовского, и предписал ему всеми средствами избегать военных

[1] Там же. С. 536.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 537.
[4] Там же.

столкновений с восставшими и, только в случае если «имеретинцы сами откроют неприятельские действия, тогда поступать с ними как с изменниками и без всякой пощады наказывать силою оружия, дабы в самом начале мятежа строгостью положить конец оному» [1]. Как и в ходе Кахетинского восстания 1812 г. российская администрация некоторое время рассчитывала на то, что вспыхнувшее возмущение погаснет не разгоревшись. И.А. Вельяминов при примеру Ф.О. Паулуччи обратился к имеретинцам посредствам прокламации, 80 экземпляров которой были отправлены И.Д. Курнатовскому для распространения через «благонадежных людей». Прокламация поясняла бунтующим имеретинцам, что все действия правительства были направлены исключительно для блага края, а противники церковных преобразований стали жертвами «ложных понятий и злых внушений». И.А. Вельяминов предлагал всем бунтовщикам немедленно вернуться к «обязанностям своим и спокойному занятию хозяйственными делами», упорствующих ожидала участь изменников. Примечательно, что в заключении прокламации И.А. Вельяминов напоминал имеретинцам о победе России над 30-ти миллионной Францией, возглавляемой Наполеоном, «чего же от силы могущества России может ожидать слабая Имеретия при несчастном своем ослеплении?»[2].

Вместе с тем, И.А. Вельяминов предупредил грузинского экзарха Феофилакта о том, что военное начальство не имеет под рукой свободных войск для наведения порядка в Имеретии, а потому необходимо временно прекратить опись церковного имущества и дождаться лучшего времени к продолжению преобразований [3]. Митрополит Феофилакт в письме И.А. Вельяминову от 13 июля 1819 г. выражал уверенность в том, что дополнительные войска в Имеретии не понадобятся: «Смятение в народе произведено имеретинскими архиереями, дабы им остаться в прежней независимости от св. Синода, и по моем выезде из Имеретии разошлись все

[1] Там же.
[2] Там же. С. 538.
[3] Там же. С. 538.

скопища, служившие орудием для первоклассного духовенства» [1] . Но последующие события показали ошибочность этой оценки.

Экзарх выехал из Имеретии под охраной большого конвоя, но на этом восставшие останавливаться не стали. Имеретинские князья и дворяне стали приводить население к присяге о вооруженном отпоре в случае репрессий со стороны российской администрации. Это тревожно обсуждалось в переписке И.Д. Курнатовского с И.А. Вельяминовым и последнего с А.П. Ермоловым, который в это время находился в Дагестане. «Проконсул Кавказа» одобрил распоряжения И.А. Вельяминова и, одновременно, начал стягивать дополнительные войска (два егерских и два донских казачьих полка) в восставшую Имеретию. Как отметил летописец Кавказской войны В.А. Потто, «создалось странное и беспокойное положение, открытого вооруженного восстания не было, но русские войска должны были стоять с ружьем у ноги»[2].

Восставшие вынашивали планы по восстановлению в Имеретии царской династии. Были определены и основные кандидаты на имеретинский трон: генерал русской службы и грузинский князь Зураб Церетели, приходившийся родственником мингрельским и гурийским владетелям, а также князь Иван Абашидзе – внук имеретинского царя Соломона I (1752 – 1766; 1768–1784). И.А. Вельяминов поручил командование войсками в Имеретии генералу В.А. Сысоеву, который потребовал от местного населения возобновления присяги на верность российскому самодержцу, а от владетеля Гурии войска для подавления мятежа. По мысли В.А. Сысоева отказ от новой присяги должен был показать масштаб нелояльности к российской администрации. Однако, эти распоряжения не нашли поддержки И.А. Вельяминова и были им отменены. В предписании В.А. Сысоеву от 23 июля 1819 г. И.А. Вельяминов отмечал: «… таковое с нашей стороны требование обнаруживает наш страх и слабость мер к укрощению мятежа, а

[1] Там же. С. 539.

[2] Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. С. 696.

потому предлагаю такие требования оставить, и если они депутатов к присяге не пришлют, то умолчать и не возобновлять оные, также и от гуриельского владельца войск не требовать»[1].

В.А. Сысоев проигнорировал предписание И.А. Вельяминова и продолжал вести переговоры с имеретинским духовенством и дворянством о новой присяге на верность российскому престолу. Вкупе с распространяемой по приказу В.А. Сысоева в Имеретии новой прокламацией это вызвало недовольство населения. В своем обращении к имеретинцам В.А. Сысоев упрекал их в том, что выступление против церковной реформы равнозначно отказу от присяги, а это, в свою очередь, означает необходимость повторного принятия подданства. «Хотите уверить нас в своей верности – уверяйте присягою тою, которая вчера вам объявлена, но ежели нет к тому расположения, объявите; мы знаем свои меры к укрощению недоброжелательства и мятежного духа, только сии меры для русского сердца тяжки, но нечего делать, когда они есть последнее средство»[2], - в таких выражениях В.А. Сысоев обращался к уже было успокоившимся после отъезда экзарха Феофилакта имеретинцам. Имеретинские дворяне отвергли требование возобновления присяги и заявили, что не признают себя изменниками. Все свои действия в «защиту веры и достояния своих церквей» имеретинцы назвали «праведными и законными». «Как же при таковом образе их мыслей можно было ожидать, чтобы кто-нибудь из них добровольно согласился принять клятвенное обещание в том смысле, как оное от вас предложено народу, и чрез то явно признать себя за изменника?»[3],- отчитывал И.А. Вельяминов незадачливого В.А. Сысоева в предписании от 31 июля 1819 г. Российская администрация пыталась выиграть время для переброски в Западную Грузию дополнительных войск. Необходимость военного усиления Имеретии диктовалась и слухами о возможном вторжении Турции. Кроме того, И.А. Вельяминов рассчитывал,

[1] АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 545.
[2] Там же. С. 550.
[3] Там же. С. 552.

что с наступлением осени восставшие не смогут скрывать свои семьи в лесах и окажутся в руках официальных властей. После прибытия в Имеретию батальона Херсонского пехотного полка с двумя орудиями и донского казачьего полка открытое сопротивление российской администрации прекратилось. Генерал В.А. Сысоев вернулся в Тифлис победителем. Однако до полного замирения Западной Грузии было еще далеко. Власти опасались нового мятежа в Имеретии, а также его возможно поддержки со стороны Мингрелии и Гурии. И.А. Вельяминова продолжали тревожить слухи об участии османов в антироссийских действиях, а также сведения о возможном прибытии в Западную Грузию царевича Александра Ираклиевича – самого упорного противника России среди представителей бывшего царского дома Багратионов. Именно Александра Ираклиевича стали называть в качестве самого вероятного претендента на трон Имеретии на рубеже 1819–1820 гг.[1]. Обстановка, сложившаяся в регионе к этому времени, описана в рапорте И.Д. Курнатовского от 17 января 1820 г.: «Духовенство, князья и дворяне неимоверно скрытны и разве от черни или мелких дворян удается что-либо узнать об их намерениях»[2]. Между российскими властями и местным населением выросла стена непонимания и взаимной подозрительности, И.Д. Курнатовский по-прежнему не имел надежных и влиятельных союзников среди имеретинской аристократии и духовенства.

Именно И.Д. Курнатовский был признан главным виновником имеретинских событий. В предписании И.А. Вельяминову от 29 января 1820 г. А.П. Ермолов выразил недовольство «слабым управлением» начальника Имеретии и прямо указал на необходимость его смещения: «… большой сделаете шаг успехам, когда изыщете средство заменить его (И.Д. Курнатовского – Авт.) другим правителем Имеретии»[3]. Выбор преемника И.Д. Курнатовского поручался И.А. Вельяминову. Вскоре генерал И.Д. Курнатовский был снят с должности правителя Имеретии и на его место

[1] Там же. С. 569.
[2] Там же. С. 570.
[3] Там же. С. 574.

назначили деятельного, но порой опрометчивого полковника Пузыревского. Решительными и жесткими действиями новому начальнику мятежной провинции удалось обезглавить имеретинское восстание. По приказу Пузыревского были схвачены и отправлены в Тифлис два грузинских митрополита Евктиме Генатели (Гелатский) и Досифей Кутатели (Кутаисский). Митрополит Досифей от причиненных ему ран скончался по дороге и был тайно похоронен в Ананури, что неподалеку от Тифлиса.

Весной 1820 г. центр восстания переместился в Гурию, где лидером повстанцев стал князь Кайхосро Гуриели. Полковник Пузыревский бросился усмирять Гурию, но 13 апреля 1820 г. был убит группой гурийцев на лесной дороге. Смерть Пузыревского, который прославился среди местного населения жестокостью, стала детонатором восстания на территории всей Западной Грузии. Гурию поддержали Имеретия и Мингрелия. Российскую власть восставшие объявили незаконной, и провозгласили имеретинским царем Вахтанга Багратиони – незаконнорожденного сына царевича Давида Георгиевича, высланного из Грузии еще в феврале 1803 г.

Известие о гибели Пузыревского дошло до А.П. Ермолова 17 апреля 1820 г., в этот же день правителем Имеретии был назначен командир 41-го егерского полка полковник князь П.Д. Горчаков, о котором командующий Отдельным Кавказским корпусом в своих «Записках» написал, как об «офицере храбром, расторопном и хороших способностей»[1]. Для подавления восстания в Имеретию был отправлен А.А. Вельяминов, сообщение между Западной и Восточной Грузией обеспечивали донские казаки под командой генерала М.Г. Власова, а П.Д. Горчаков умиротворял наиболее беспокойный Рачинский округ. Здесь П.Д. Горчаков едва не погиб от руки князя Цулукадзе. Правителя Имеретии спасла расторопность переводчика, который нанес нападавшему сильную шашечную рану. Замирив Имеретию, А.А. Вельяминов двинулся со своим отрядом в Гурию и Мингрелию. После

[1] Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991. С. 357.

нескольких ожесточенных, но коротких боев оба княжества сложили оружие, Кайхосро Гуриели бежал в Османскую империю.

Первым шагом П.Д. Горчакова на посту правителя Имеретии стало объединение под контролем российской администрации (Имеретинского временного правления) судебных и финансовых дел [1]. В рапорте А.А. Вельяминову П.Д. Горчаков предложил и другие изменения в административной организации Имеретии: максимально приблизить функционал Имеретинского временного правления к общероссийским губернским учреждениям, а также назначить российских чиновников в состав правления. Правитель Имеретии теперь занял место посредника между временным правлением, занимавшимся судебными делами, и высшим российским начальством на Кавказе. Именно правителю направлялись жалобы местных жителей, которые остались недовольны судебным решением временного правления. Отчасти такая структура схожа с административно-судебным порядком военно-народного управления второй половины XIX – начала XX в., когда жалобы на решения горских словесных судов также обжаловались у начальника области[2].

Усовершенствование системы управления Имеретией проходило параллельно с разделом местных помещичьих имений. Имеретинские дворяне, принявшие активное участие в антиправительственном бунте, лишались своих имений, которые передавались в собственность казны. Часть изъятых поместий передавалась дворянам, «сохранившим верность и разоренным бунтовщиками», в награду за лояльность[3]. П.Д. Горчаков был завален дворянскими прошениями о сохранении собственности. Княжеские фамилии просили сохранить за ними и некоторые церковные приходы, к которым были приписаны их крестьяне[4].

[1] АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 596.
[2] Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик: КБИГИ, 2014. С. 41.
[3] АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 599.
[4] Там же. С. 600.

Присоединение Восточной Грузии в 1801 г. поставило перед российским правительством несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, присоединив Картли-Кахетинского царство, Российская империя была втянута в закавказскую политику, и борьба за доминирование в регионе привела к присоединению в первой четверти XIX в. большей части Южного Кавказа. Во-вторых, на новых территориях устанавливалась российская администрация. И здесь применялись различные управленческие технологии, в том числе практики непрямого управления в отношении западногрузинских царств и княжеств, а также закавказских ханств. При этом большая часть местных правителей лишилась признаков политического суверенитета уже в начале царствования Николая I. В-третьих, российской администрации приходилось действовать в сложных условиях: незнакомые и разнообразные языки местного населения, особые социально-политические уклады, дефицит сведений о региональных правовых обычаях и бытовых порядках. Даже начальники местной имперской администрации обладали лишь приблизительными сведениями о региональном разнообразии и особенностях социальных отношений в Закавказье. Все это часто приводило к взаимному непониманию управляющих и управляемых, которое, в свою очередь, провоцировало острые конфликты в форме масштабных антиправительственных выступлений.

Масштабные региональные политические кризисы вызывали в Петербурге определенную растерянность, выражавшуюся в панических намерениях реставрировать власть «старых режимов» в лице династии Багратионов, или мусульманских владетелей. Большое значение в эти периоды имела позиция региональной имперской администрации, представители которой, как правило, были настроены гораздо более решительно и будущее российского Кавказа видели не в возвращении старых порядков, а в административной интеграции края в государственную систему империи. Определить правительственный курс на Кавказе Российской империи предстояло уже в царствование императора Николая I.

2.3. Проекты и реформы управления Закавказским краем в 1820–1830-е гг.

Начало царствования Николая I закономерно совпало с новым этапом поиска оптимальной модели управления южной окраиной империи. Показательной стала отставка «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова в 1827 г., которого сменил любимец императора – И.Ф. Паскевич. Однако перемены в подходе к управлению Кавказом проявлялись далеко не только в смене первого лица региональной администрации. В 1827–1828 гг. появились проекты превращения Кавказа в прибыльную колонию Российской империи, наподобие Британской Индии.

Колонией Закавказье первым из крупных российских сановников назвал министр финансов Е.Ф. Канкрин в записке, составленной в апреле 1827 г. для Николая I. Канкрин писал: «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов»[1]. Вместе с тем, Канкрин признавал, что «к достижению этой цели не сделано значительного движения, сколько по краткости времени, столько и по разным другим причинам»[2]. Министр финансов отмечал необходимость изменений сразу в нескольких направлениях, Канкрин предлагал правительству обратить внимание: «1) на общее устройство разных владений, Закавказ составляющих, которые и по ныне остаются на прежней азиатской ноге, в разных отношениях не благоприятствующей скорейшему развитию способов той земли; 2) на устройство казенных имуществ; 3) на умножение сельского народного богатства того края, как-то: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение шелководства, разведение хлопчатой бумаги, рису, масличных дерев, и других предметов, климату свойственных; усовершенствование фабричных промыслов разного

[1] Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. Ч. I. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1836. С. 12.
[2] Там же.

рода и распространение потребных для того сведений. По военной части особенно важно составление из самих жителей милиции, которая частью могла бы заменить трату людей и денег, облегчая сверх того самую землю в военных повинностях; 4) на горную часть» [1]. Эта пространная цитата показывает не только масштаб замыслов Канкрина, но и фиксирует в общем виде правительственный курс в регионе. Все перечисленные министром финансов в записке 1827 г. точки социально-экономического развития края будут оставаться актуальными и в период, когда коронную администрацию возглавит первый кавказский наместник М.С. Воронцов (1844–1854).

Вместе с тем, у программы Канкрина была и другая сторона, которая определяла особое место Закавказья в системе управления Российской империи. Министр финансов предлагал отказаться от попыток сделать Закавказье продолжением внутренних российских губерний, то есть не включать регион в общее государственное устройство, чтобы, по словам Канкрина, «не надеяться делать из оного часть России и российского народа в нравственном смысле, а оставить сей край в виде азиатской провинции, однако елико можно лучше управляемой»[2].

Здесь необходимо отметить, что Канкрин, как и возглавляемое им ведомство, выступал за систему, которую можно условно назвать «дистанционным управлением» – то есть режимом, предполагающим получение материально-финансовых выгод метрополией за счет колонии, а также устанавливающим особые правила управления для окраины, закрывающие ей путь полноценной интеграции в общее имперское пространство. Термин «дистанционное управление» представляется удачным для характеристики именно российских правительственных дебатов о месте и значении Закавказья в структуре империи. Как будет показано ниже, среди имперской управленческой элиты 1820-х–1830-х гг. была группа, которая поддерживала режим экономического колониализма, но выступала за

[1] Там же. С. 12–13.
[2] Цит. по: Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 107–108.

полную судебно-административную интеграцию региона в общеимперское социально-правовое пространство.

Уже в следующем 1828 г. появился проект создания Российской Закавказской компании, подготовленный двумя опытными чиновниками – статским советником, дипломатом А.С. Грибоедовым и коллежским советником, начальником казенной экспедиции Верховного Грузинского правительства П.Д. Завилейским. Этот проект адресовался И.Ф. Паскевичу «для заведения и усовершенствования в изобильных провинциях, по сю сторону Кавказа (то есть южную – А.У.) лежащих: виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, колониальных, красильных, аптекарских и других произведений»[1]. Авторы проекта скромно писали, что составили свой проект как продолжение замыслов Паскевича по реформированию края. Еще одним благоприятным условием появления проекта стал «энергический характер» Николая I, благодаря которому «многие части управления и отдаленнейшие грани империи, о которых прежде менее радели, внезапно привлекли к себе внимание и сделались предметом рассуждений государственных людей»[2].

Смысл предложений Грибоедова и Завилейского сводился к объединению крупных российских «производителей-капиталистов» в коммерческое общество – Российскую Закавказскую компанию (РЗК). Проектом предусматривались различные льготы и привилегии РЗК, предоставляемые и гарантируемые имперским правительством на пятидесятилетний период.

Как отмечалось в проекте, «для утверждения Компании на незыблемом основании, надлежит ей непременно прибегнуть к высокому, просвещенному покровительству монарха, испрашивая себе, для хозяйственных заведений, для колонизации землепашцев, для устроения фабрик, для единовременного приобретения земель, к тому пригодных, для внутреннего и внешнего сбыта своих произведений – многоразличных привилегий, торжественным актом

[1] Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 340.
[2] Там же. С. 341.

обращенных в закон, который бы на определенное время исключил от участия в оных всех тех, кои в самой Компании участвовать не будут»[1]. Речь шла о предоставлении РЗК монополии на развитие Закавказского края и торговлю его продуктами как внутри страны, так и за ее пределами. Грибоедов и Завилейский рассчитывали, что эксклюзивные права на производство и продажу закавказских вин, хлопчатой бумаги, шелка уже в первые несколько лет принесут РЗК «обширнейшие виды верных доходов»[2].

Содержание проекта РЗК не раз подробно рассматривалось в историографии[3]. Здесь подробно остановимся только на проектируемых Грибоедовым и Завилейским преобразованиях в системе управления Закавказьем. Авторы проекты считали существующий на 1828 г. порядок управления южной окраиной временным и рассчитывали на скорые административные реформы: «Конечно, образ управления, до сих пор вынужденный обстоятельствами, коль скоро оные прекратятся, уступит место другому, более усовершенствованному и согласному с местными надобностями»[4]. Новая система управления должна была отвечать задаче, выдвигаемой проектом, а именно превращения Закавказья в доходное владение Российской империи. Высшим органом управления РЗК должна была стать своеобразная директория из четырех президентов: главноуправляющего в Грузии И.Ф. Паскевича, тифлисского военного губернатора Н.М. Сипягина, министра финансов Е.Ф. Канкрина и министра внутренних дел А.А. Закревского.

Согласно запискам Н.Н. Муравьева, решающее место в администрации РЗК Грибоедов отводил себе, в том числе, «предоставил он себе право объявлять соседственным народам войну, строить крепости, двигать войска и

[1] Там же. С. 333.
[2] Там же. С. 334.
[3] Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа… Русская литература и общественная мысль первой половины XIXв. Кавказский контекст. М.: Наука, 1990. С. 110–130; Тархова Н.А. О проекте Российской Закавказской компании (по материалам архива И. Ф. Паскевича в РГИА) // Электронный ресурс: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Режим доступа: URL: https://feb-web.ru/FEB/GRIBOED/critics/ptg/ptg-285-.htm (Дата обращения: 16.08.2025)
[4] Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 330.

все дипломатические сношения с соседними державами» [1] . Грибоедов выступал с эти проектом как «административный предприниматель», искавший выгодного карьерного продвижения и использовавший для этого сеть личных каналов влияния. Безоговорочно предложения Грибоедова поддерживал на правах соавтора его проекта молодой (28 лет), но быстро делавший чиновную карьеру Завилейский. В 1828 г., как уже отмечалось, Завилейский занимал должность начальника Казенной экспедиции Верховного Грузинского правительства, а спустя год он уже тифлисский гражданский губернатор.

По словам Н.Н. Муравьева, в Завилейском Грибоедов нашел «пылкого разгласителя и ходатая к склонению умов в его пользу»[2]. Оба автора проекта РЗК были связаны с министром финансов Канкриным, об этом свидетельствует их совместная работа в подготовке статистико-экономического описания Закавказья, изданного в 1836 г. финансовым ведомством[3]. Наконец, в январе 1829 г. Канкрин одобрил уже личный проект Завилейского об открытии в Боржомском ущелье стекольного завода, который стал первым акционерным предприятием на грузинских землях[4].

Еще одним и, пожалуй, наиболее влиятельным союзником Грибоедова являлся ветеран наполеоновских войн, генерал, тифлисский военный губернатор Н.М. Сипягин, проявлявший интерес к поискам путей хозяйственного развития Закавказья. В одном из документов Сипягин писал: «Я полагал бы нужным учредить в Грузии особый комитет, долженствующий быть составленным из людей опытных, хорошо знающих край и имеющих основательные сведения в хозяйственном устройстве. Комитету сему можно предоставить рассмотрение всех способов и строгое исследование тех

[1] Н.Н. Муравьев-Карсский. Записки // Электронный ресурс: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Режим доступа: URL: https://feb-web.ru/feb/griboed/critics/vos29/mur_k_29.htm (Дата обращения: 16.08.2025)
[2] Там же.
[3] Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. Ч. I. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1836.
[4] Маркова О.П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А.С. Грибоедова и П.Д. Завелейского // Исторический архив. Т.VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 341–342.

средств, с которыми можно будет приступить к учреждению разных полезных заведений, без значительных издержек правительства»[1]. Эта мысль обнаруживает очевидное сходство с проектом РЗК. Более того, как показала О.П. Маркова, Грибоедов летом 1828 г. несколько раз встречался с Сипягиным, вполне возможно, в том числе для согласования проекта новой Компании[2].

Однако такая внушительная группа поддержки грибоедовского замысла довольно быстро распалась. Осенью 1828 г. неожиданно умер Н.М. Сипягин. Это была большая потеря для российской администрации в регионе. В донесении императору Николаю I, Паскевич отмечал, что «лишился лучшего помощника по управлению краем»[3]. Похороны Сипягина подчеркивали большую роль покойного военного губернатора: его отпевал экзарх Грузии в главном Сионском соборе, а Паскевич со всем высшим офицерством Отдельного Кавказского корпуса следовал за гробом до могилы[4].

Спустя несколько месяцев в Тегеране трагически погибает сам Грибоедов, растерзанный толпой фанатиков, ворвавшейся в российское посольство. Смерть Сипягина и Грибоедова, очевидно, замедлила, если не остановила продвижении проекта РЗК. Кроме того, у проекта нашлись и влиятельные критики. Близкий к Паскевичу генерал-интендант Отдельного Кавказского корпуса М.С. Жуковский уже в 1828 г. представил подробные «примечания» на проект Грибоедова и Завилейского. Жуковский критиковал проект РЗК с позиций правительства, считал, что усилиями государства в Закавказье за короткий срок сделано уже не мало, а будет сделано еще больше: «Но что от правительства зависит способствовать процветанию края средствами, от правительства зависящими, то есть: законами, правосудием и защитою от внутренних и внешних неприятелей, в том нет никакого

[1] Там же. С. 339.
[2] Там же. С. 337–338.
[3] Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. СПб., Издатель В. Березовский, 1889. С. 267.
[4] Там же.

сумнения, а при таковых пособиях правительства нет сумнения, что и край сей может процвести без насильственных пособий. О сю пору уже видим большую перемену против того, что край сей был прежде»[1]. Жуковский считал пагубной мерой введение монопольных прав РЗК, особенной критике он подвергал ограждения Компании от возможной конкуренции. Не меньше негодовал Жуковский и на административную часть проекта, предполагавшую коллегиальное управление в составе четырех президентов: «Президент по смыслу слова есть лицо первенствующее, и по праву первенства дающее вес и порядок голосам собрания. Кто же будет тут первый? И кто будет решать, когда президенты между собой будут не согласны?»[2].

Проект РЗК, оказавшись под огнем критики и лишившись своих ключевых лоббистов, не получил широкой реализации. Тем не менее, дискуссия о месте региона в административно-политической структуре империи продолжилась.

В 1829 г. началась сенаторская ревизия Закавказского края, которую возглавляли граф П.И. Кутайсов и обер-гауптман Е.И. Мечников. Ревизия была призвана не только расследовать злоупотребления ермоловского времени, но и оценить эффективность местной администрации. При этом сенаторы были сфокусированы на проблеме разнообразия судебно-административных порядков и должны были представить способы к его преодолению[3].

О проведении сенаторской ревизии административных учреждений Закавказья Николая I просил в своем всеподданнейшем рапорте от 16 мая 1829 г. главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевич[4]. Основной причиной неэффективной

[1] Маркова О.П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А.С. Грибоедова и П.Д. Завелейского // Исторический архив. Т.VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 354.
[2] Там же. С. 386.
[3] Блинов И. Ревизия сенаторами Мечниковым и гр. Кутайсовым Закавказского края (начата в 1829 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 6. С. 230.
[4] АКАК. Т. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. С. 18-20.

работы административных учреждений И.Ф. Паскевич считал «*чрезвычайное разнообразие в формах управления*». Под разнообразием главноуправляющий подразумевал использование различных правовых норм и практик (российского законодательства, грузинского судебника царя Вахтанга VI), а также сосуществование несхожих форм организации власти в пределах Южного Кавказа (от окружных начальников до ханов). Управленческая мозаика стала, по мнению И.Ф. Паскевича, надежным прикрытием для систематической коррупции, кумовства и клановости. Все это уничтожало лояльность местного населения к империи и ее институтам: «Народ с ужасом видел, что он в судах не находил защиты, а в начальстве покровительства и, теряя доверенность к правительству, искал нередко удовлетворения самоуправством, а некоторые убегали в отчаянии за границу»[1], - отмечал главноуправляющий.

Паскевич просил императора назначить в край сенаторскую ревизию, которая смогла бы покончить с беспорядками в гражданском управлении. Сенаторская ревизия Южного Кавказа 1829–1831 гг. стала одним из редких примеров почти полного единодушия ревизоров и местной администрации.

В историографии нередко отмечается, что ревизоры и Паскевич поддерживали замыслы министра финансов Канкрина по превращению Закавказья в колониальное владение империи Романовых[2]. Однако позиции Канкрина, с одной стороны, и, Кутайсова, Мечникова, Паскевича, с другой, заметно отличались. Если Канкрин выступал за систему «дистанционного управления» Закавказья, то есть введения особого режима хозяйствования и управления, как бы сохранения политической дистанции между метрополией и регионом, то Паскевич и ревизоры стояли за идею скорейшего и полного слияния Закавказья с остальной империей в административно-правовом

[1] Там же. С. 19.
[2] Зульхарнеев А. Закавказье для России «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона 1820 – 30 гг. // Уральское востоковедение. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 74–82; Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 107–108.

отношении. Это не мешало Паскевичу и сенаторам разделять мысли Канкрина относительно места и роли региона в экономике империи.

Паскевич считал, что Закавказье должно было стать источником сырья для российской промышленности и, соответственно, рынком сбыта промышленных товаров. В отношении к министру финансов Канкрину от 5 октября 1830 г. кавказский главноуправляющий размышлял: «Не должно ли смотреть на Грузию как на колонию, которая доставляла бы грубые материалы (шелк, хлопчатую бумагу и проч.) для наших фабрик, заимствуясь из России мануфактурными изделиями? В противном случае, при учреждении в Грузии таковых же мануфактур, не ослабнет ли естественно взаимная связь оной с Россией? Капиталы же, употребленные Россией на содержание войск в Закавказских провинциях, не будут уже иметь возможности возвращаться в Россию, да и ныне возвращаются только ассигнации, а звонкая монет вся остается, или выходит за границу»[1].

Мечников и Кутайсов усматривали основную проблему в организации управления южной окраины в самовластии и бесконтрольности местного начальства. Ревизоры доносили Николаю I о вопиющем самоуправстве чиновников Верховного Грузинского правительства при поддержке со стороны главноуправляющих. Мечников и Кутайсов приводили множество примеров служебного произвола, который проявлялся в отмене и саботаже высочайших указов, в несоответствии местных административных штатов утвержденным росписям и бюджетам и многом другом[2]. Ревизоры объясняли размах вскрывшихся злоупотреблений низким уровнем чиновников региональной администрации. Для преодоления дефицита квалифицированных чиновников предлагалось дать чиновникам, отправляющимся на Кавказ, особые привилегии и преимущества в дополнение к уже существующим. Функцию контроля над поддержанием высокого уровня регионального чиновничества Мечников и Кутайсов

[1] АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 140.
[2] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 6–7.

предлагали закрепить за Сенатом, которому поручалось восполнять убыль чиновников на Кавказе переводом служащих из других губерний[1].

В 1830 г. И.Ф. Паскевич представил Николаю I очередной рапорт, в котором вновь обозначил наиболее серьезные изъяны имперской администрации на южной окраине империи, всего их оказалось четыре, а именно: «1) Разнообразие и сама организация управления; 2) Неопределительность прав и обязанностей начальствующих лиц; 3) Смешение законов российских с грузинскими и обычаями мусульман; 4) Неуравнительность в податях и беспорядок финансового управления»[2]. Главноуправляющий отмечал, что в одной только Восточной Грузии столько разных форм управления, сколько уездов, то есть шесть. Столь же запутанной была и организация управления на территории Западной Грузии. В Имеретии командующий войсками возглавлял и гражданское управление, а также ведал таможенными делами. Гурия управлялась советом местных князей, решающую роль в котором играл российский военный чиновник[3]. В «мусульманских провинциях» (Бакинская, Дербентская, Карабахская, Кубинская, Шекинская и Ширванская провинции) управление было в руках военных начальников (комендантов) и местных элит, контролировавших гражданское судопроизводство[4]. При этом, функции комендантов не были однозначно ограничены, и они стали «полными властелинами поступать самовольно и безотчетно» [5]. Контролировать администрацию «мусульманских провинций» мог только главноуправляющий, но как признавал И.Ф. Паскевич, «надзор сей неудобен и затруднителен»[6].

[1] Всеподданнейший рапорт П.И. Кутайсова и Е.И. Мечникова от 5 ноября 1831 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.
[2] РГИА. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; АКАК. Т. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. С. 35–39.
[3] Там же. Л. 5.
[4] Рассмотрением уголовных дел занималось российское военное начальство.
[5] РГИА. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
[6] Там же. Л. 3.

Завершая обзор системы управления Закавказьем, И.Ф. Паскевич отметил, что административное устройство «заключает в себе самом источник беспорядков» [1] . Главноуправляющий видел единственную возможность исправления такого тяжелого положения в скорейшем «введении во всех Закавказских провинциях российского образа управления и законов»[2].

И.Ф. Паскевич предложил план нового административно-территориального устройства Южного Кавказа, который предусматривал разделение края на две губернии и одну область. Грузинская губерния проектировалась из десяти уездов, территориально она включала земли бывших Картли-Кахетинского и Имеретинского царств, а также Гурийского княжества. Название второй губернии Паскевич оставлял на усмотрение Николая I (впоследствии она будет названа Дагестанской), губерния проектировалась из восьми «мусульманских» уездов. Наконец, Паскевичем предполагалось создание Армянской области из четырех уездов[3]. При этом губернские присутственные места и должности начальников предлагалось назначить по общероссийскому образцу. В качестве исключения в мусульманских провинциях планировалось учреждение медиаторских судов, которые могли руководствоваться нормами шариата. По мысли И.Ф. Паскевича, унификация судебно-административных институтов и практик должна была обеспечить полноценную интеграцию местного населения в пространство империи: «Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства»[4].

Главноуправляющий понимал, что российское судопроизводство отличается медлительностью и формализовано до предела. Это вызывало недовольство населения, привыкшего к быстрому решению дел, но И.Ф.

[1] Там же. Л. 3.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же. Л. 6–7.
[4] Там же. Л. 8.

Паскевич рассчитывал, что справедливость российского суда докажет свою эффективность и в глазах жителей Закавказья. Николай I поручил рассмотреть проект И.Ф. Паскевича сенаторам-ревизорам – П.И. Кутайсову и Е.И. Мечникову.

Согласно всеподданнейшему рапорту И.Ф. Паскевича от 28 апреля 1831 г. обсуждение его проекта проходило совместно, и ревизоры согласились со всеми основными положениями будущей реформы гражданского управления Закавказья [1]. Проектировалось, что губернская система будет введена в крае лишь с одним крупным дополнением, которое заключалось «в учреждении на месте особого высшего правительства с полной властью по делам управления и суда»[2]. Этот властный институт был обозначен как «Верховное Закавказское правительство», а причинами необходимости его учреждения назывались следующие обстоятельства: «…отдаленность Закавказского края от верховного правительства в России; преграда, поставляемая самой природой Кавказскими горами; опасность путей, препятствующая скорому и беспрерывному сношению с высшими в России местами и новость российского здесь управления»[3].

Обер-гауптман Е.И. Мечникова во второй половине 1831 г. представил дополнения к проекту преобразования Закавказского края. Ревизор был беспощаден к региональной администрации. Мечников писал императору, что управление южной окраиной не имеет ни системы, ни цели, а каждый из начальников проводил курс в согласии лишь с собственным пониманием ситуации и необходимых действий. Бесконтрольная власть главноуправляющих, по словам Мечникова, порождала хаос, местное население оказалось беззащитным, систематически нарушались права собственности и личные свободы. Мечников был уверен, что именно пороки системы управления препятствовали хозяйственному развитию края: «Беспорядки и неразлучные с ними злоупотребления угнетали народ,

[1] АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 53.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 22.
[3] АКАК. Т. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. С. 53.

пресекали все возможные пути к развитию промышленности, которая там не живет, но едва дышит» [1] . Мечников считал необходимым ввести дополнительные преимущества для чиновников, служивших на Кавказе, но его предложения носили нетривиальный характер. Ревизор находил жалованье чиновникам, в том числе судьям, явно недостаточным, но полагал, что не следует отягощать государственную казну дополнительным расходом, а вместо этого предлагал ввести новые пошлины, которые бы оплачивались жителями края при обращении в суд[2].

Мечников предлагал совершенную иную модель, в сравнении с идеями Канкрина, Грибоедова и Завилейского, интеграции южной окраины в систему имперского управления. Ревизор считал, что, во-первых, в Закавказье необходимо ввести стандартную общегубернскую систему управления. Во-вторых, Мечников был уверен в необходимости колонизации края силами как русского дворянства, так и русского крестьянства. Кроме того, Мечников обращал внимание на образовательную политику как на инструмент интеграции местного населения, или «нечувствительного приучения к гражданству»[3].

Все эти меры, по мнению Мечникова, должны были «обрусить край или, говоря аллегорически, спаять его с Россией»[4]. При этом, под обрусением в данном случае, как видно из содержания рассматриваемых документов, понималась административная унификация, а не культурная ассимиляция. Николай I распорядился передать записку Мечникова на рассмотрение Паскевича, который представил свой ответ в декабре 1831 г., уже находясь в Варшаве.

Паскевич, прежде всего, отметил, что дополнения Мечникова нисколько не противоречат проекту, ранее представленному от имени

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
[2] Там же. Л. 116.
[3] Там же. Л. 120; Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. I. Феодальные отношения и колониальный режим, 1827–1843 гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 232.
[4] Там же.

главноуправляющего и сенаторов-ревизоров [1]. Вместе с тем, Паскевич критически отозвался о некоторых пунктах мечниковского дополнения, в том числе о мерах по колонизации Закавказья. Теперь уже бывший кавказский главноуправляющий [2] считал необходимым освободить переселяемых в Закавказье крестьян от крепостной зависимости. По мнению Паскевича, это было необходимо, так как «крепостного права во всех закавказских провинциях, мусульманами населяемых, не существует» [3]. Кроме того, за переселяемых в Закавказье крестьян, отмечал Паскевич, помещик должен был получить если не деньги, то хотя бы рекрутские квитанции, свидетельствующие о выполнении обязательств землевладельца перед государством[4].

В оценках историографии как советского, так и современного периодов проект Паскевича–Кутайсова–Мечникова рассматривается как «колонизаторский» [5]. Однако критерии для подобной оценки не конкретизируются. Между тем, в правительственных кругах предлагались различные проекты организации управления южной окраиной империи. И проект Паскевича–Кутайсова–Мечникова, как было показано, значительно отличался от идей Канкрина и проекта РЗК Грибоедова–Завилейского. И если последние предполагали введение системы «дистанционного управления», подразумевающего особые режимы, как хозяйствования, так и управления, то проект Паскевича–Кутайсова–Мечникова предполагал полное слияние Закавказского края с остальной империей в политико-административном плане при сохранении особого значения региона как

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.
[2] 13 сентября 1831 г. главноуправляющим в Грузии и командующим Отдельным Кавказским корпусом был назначен генерал Г.В. Розен.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 123. Представление об отсутствии крепостного права в социальных отношениях мусульманского населения Закавказья в дальнейшем будет активно дебатироваться на правительственном уровне в ходе реформ сенатора П.В. Гана в 1840–1841 гг. и в период решения «агаларского вопроса» первым кавказским наместником М.С. Воронцовым (1844–1854).
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.
[5] Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX вв. (административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1966. С. 106–107; Зульхарнеев А. Закавказье для России «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона 1820 – 30 гг. // Уральское востоковедение. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 76–77.

перспективного источника сырья и рынка сбыта в экономическом отношении.

Необходимо также отметить, что в это время в российской административной практике номинация «колония» могла применяться для обозначения территорий, отличающихся в политическом и социальном измерениях от губерний европейской части Российской империи. Показательным в этом смысле является письмо оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена начальнику Первого Отделения СЕИВК А.С. Танееву (декабрь 1831 г.): «Высочайше вверенная мне Оренбургская губерния в обширных пределах своих заключая многоразличное народонаселение и знатное богатство природы, возникнув из дикой до сего Башкирии, управляется по положениям и уставам, издаваемым вообще для великороссийских губерний, тогда когда сия, так сказать колония России, ни по устройству, ни по степени образования, не может быть приподоблена ни к одной европейской провинции империи»[1]. Как и Паскевич, Сухтелен после знакомства с доверенным ему регионом предложил проект преобразования Оренбургской губернии. Главной целью проектируемых преобразований Сухтелен видел в предоставлении «средства к общему благоустройству народа, и преподание способов к исполнению в точности законов» [2] . Содержание проекта Сухтелена о преобразовании Оренбургской губернии удивительно схоже с проектом Паскевича и сенаторов-ревизоров по совершенствованию управления Закавказского края. Здесь и новое административное разделение края на две губернии и одну область, и создание главного управления регионом, и определение пределов власти военного губернатора и других начальников, и «выгоды для улучшения положения служащих»[3].

В мае 1831 г. проект, подготовленный Паскевичем и ревизорами Закавказского края, был внесен на рассмотрение Государственного совета,

[1] РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5568. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 2–3.

при этом Николай I рассчитывал, что это дело будет решено быстро. Однако, несмотря на ясно выраженное повеление императора, дело о преобразовании Закавказского края оставалось без всякого движения в следующие два года. За это время наиболее резонансным политическим событием в жизни региона стал Грузинский дворянский заговор 1832 г.

Намерения аристократов-заговорщиков раскрыл один из участников этого тайного общества князь Е.О. Палавандов. Целью заговорщиков, согласно доносу Е.О. Палавандова, было «изгнание русских из Грузии»[1]. Князь Е.О. Палавандов приходился братом грузинскому гражданскому губернатору Н.О. Палавандову, но был известен своим предосудительным поведением. Ему уже приходилось скрываться от российской администрации и представлять ложные доносы. Однако в этот раз его сведения подтвердились. Командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью генерал Г.В. Розен провел расследование, в результате которого различным наказаниям подверглись 38 представителей грузинской аристократии. Дворяне были лишены офицерских званий и отправлены в ссылку. Е.О. Палавандова перевели на службу в исправительный полк, а позднее он оказался в Печорском крае и закончил свои дни (1857 г.) в селении Усть-Цильма[2].

Инициаторами заговора являлись представители грузинского царского дома Багратионов. Наибольшую роль сыграл царевич Окропир Георгиевич (1795–1857) (сын последнего Картли-Кахетинского царя Георгия XII), постоянно поживавший в Москве. В 1829 г. Окропир получил разрешение московского военного губернатора совершить поездку на Кавказские минеральные воды с целью поправить здоровье. Завершив оздоровительный курс, грузинский царевич отправился не обратно в Москву, а в Тифлис. Благовидным предлогом стали уверения Окропира в том, что ему необходимо продолжение лечебных процедур в следующем году. В Тифлисе

[1] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 391–392.
[2] Шадури В. Грибоедов и грузинские литературно-общественные круги 1820-х гг. // Литературное наследство. 1946. Т. 47. С. 277–284.

Окропир встречался с представителями грузинских княжеских фамилий Орбелиани и Эристовыми. Тогда же наметился общий план действий заговорщиков, согласно которому выступление должно было начаться во время следующего приезда царевича Окропира в Тифлис. К этому моменту заговорщикам следовало заручиться поддержкой горожан, некоторых офицеров и чиновников, что позволило бы овладеть Тифлисом и, вероятно, провозгласить Окропира грузинским царем. После этого планировалось перерезать Военно-Грузинскую дорогу и тем самым предотвратить переброску частей российской армии с Северного Кавказа[1].

Кроме дворянства Окропир надеялся и на активное участие грузинского духовенства, которое тяжело переживало потрясения церковной реформы, в том числе ликвидации независимого статуса Грузинской православной церкви. По данным следственной комиссии, учрежденной в Тифлисе и возглавляемой Г.В. Розеном, царевич Окропир просил заговорщиков привлечь к распространению мятежных идей грузинских священников[2]. Учитывая огромный авторитет грузинского духовенства среди местного населения, это был дальновидный и очень опасный для имперской администрации замысел. Активным заговорщиком являлся иеромонах Филадельф Кикнадзе, родившийся в Имеретии, где в 1819–1820 гг. разгорелся уже упоминавшийся Церковный бунт. Филадельф находился при ссыльном грузинском католикосе Антонии II в Нижнем Новгороде. После смерти католикоса, Филадельф вернулся на Кавказ и поступил в Шуамтинский монастырь Телавского уезда Тифлисской губернии. Филадельф Кикнадзе разработал специальный шифр для тайной переписки заговорщиков, а также написал устав тайного общества[3].

Некоторые активные заговорщики учились в Петербурге, где также могли обсуждать политическое будущее Южного Кавказа. Соломон Иванович Додашвили обучался в Санкт-Петербургском университете (1824–

[1] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 399–400.
[2] Там же. С. 400.
[3] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 100. Оп. 1. Д. 58. Л. 7.

1827 гг.). После возвращения на Кавказ С.И. Додашвили занимал должность учителя Тифлисской гимназии, а также редактировал газету «Тбилисис уцхебани» («Тифлисские ведомости»), которая выходила с литературным приложением, где был опубликован, в том числе грузинский перевод пушкинского «Евгения Онегина». Согласно показаниям заговорщиков, именно в доме С.И. Додашвили проходили собрания участников тайного общества[1]. С.И. Додашвили в ходе следствия и суда был признан одним из наиболее опасных заговорщиков и сослан в Вятку, где и умер в 1836 г.

О заговоре знали грузины, проживавшие и служившие в Петербурге. Царевич Дмитрий Юлонович (1803–1845, внук Ираклия II) встречался в столице с грузинскими студентами, офицерами, чиновниками и убеждал их в необходимости восстановления политической независимости Грузии с династией Багратионов на престоле. В ходе следствия некоторые заговорщики (Элизбар и Дмитрий Эристави) прямо указывали на влияние Дмитрия Юлоновича, которое толкнуло их к участию в антиправительственном тайном обществе. О заговоре знал и Степан Иванович Додашвили (родной брат Соломона Додашвили), служивший канцеляристом в пятом департаменте Сената [2] . В Петербурге для расследования каналов связи заговорщиков была создана отдельная следственная комиссия под руководством графа А.Ф. Орлова, который в 1831 г. подавил холерный бунт в столице империи.

В письме к Г.В. Розену от 29 декабря 1832 г. военный министр А.И. Чернышев удивлялся самонадеянности заговорщиков и отмечал «невозможность Грузии отложиться от России собственными силами»[3]. Это замечание выглядит вполне резонно, учитывая малочисленность группы заговорщиков, а также отсутствия у них детального плана действий. Однако, невозможно поверить и в то, что заговорщики, среди которых были опытные офицеры оказались столь наивными мечтателями. В материалах

[1] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 402.
[2] СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
[3] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 392.

следственной комиссии указывается, что заговорщики обсуждали возможность убийства чинов высшей российской администрации, которых планировалось заманить на большой бал. Заговорщики рассчитывали на быстрый захват Тифлиса, за которым должен был последовать и мятеж мусульманского населения в Борчалинской дистанции Грузинской губернии. Заговорщики пытались заручиться поддержкой давнего противника российской власти на Южном Кавказе царевича Александра Ираклиевича, находившегося в Персии. Но беглый Багратион отказался поддержать заговорщиков и прислал ответ, в котором «представлял князьям действовать как хотят»[1]. Вместе с тем, Александр Ираклиевич не отказался от содействия заговорщикам в установлении связей с возможными союзниками. Весной 1832 г. заговорщики надеялись при посредничестве царевича заручиться поддержкой английского представительства в Персии, а также дагестанских горцев во главе с имамом Гази-Мухаммедом.

Польское восстание 1830–1831 гг. воодушевило грузинских заговорщиков, они увидели в нем благоприятный момент для собственного выступления. Грузинский мятеж могли поддержать ссыльные поляки, служившие в Отдельном Кавказском корпусе (около трех тысяч человек), их настроения были предметом особого внимания в служебной переписке Г.В. Розена с А.И. Чернышевым[2].

Заговорщики были близки к началу выступления в 1831 г. но взятие Варшавы российскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича 8 сентября 1831 г. произвело сильное впечатление, и заставило многих грузинских фрондеров отойти от участия в сходках тайного общества. Вероятно, не меньшее впечатление на заговорщиков могли произвести и вести о взятии войсками Отдельного Кавказского корпуса в октябре 1832 г. дагестанского селения Гимры и гибели при штурме имама Гази-Мухаммеда.

[1] Там же. С. 401.
[2] Там же. С. 390–391.

На исходе 1832 г. заговорщики потеряли надежду на успех задуманного, но благоприятная военно-политическая конъюнктура могла возродить заговор и подвигнуть его участников на решительные действия. Российская администрация на Кавказе представляла заговор безнадежной затеей горстки безответственных мечтателей. Г.В. Розен в переписке с А.И. Чернышевым отмечал, что заговорщики не имели влияния и прочных связей «ни в народе, ни в войске»[1]. Не склонны были придавать большое значение грузинскому заговору и в столице империи. Николай I отправил в Тифлис генерала К.В. Чевкина, прочитавшего 29 января 1833 г. пафосную речь перед грузинским дворянским собранием, в которой предостерегал от сочувствия арестованным: «Подобно тому, как всегда усмиряемы были прежние бунтовщики, будут ныне укрощены и преступные злоумышленные заговорщики»[2]. Генерал К.В. Чевкин вошел в состав следственной комиссии в Тифлисе и, по данным агентуры III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, пытался придать заговору масштабный характер, в то время как в отчете российской тайной полиции отмечено, что «…в деле сем было более болтовни, чем существенного»[3].

Грузинский дворянский заговор 1832 г. стал следствием различных внутренних и внешних условий. Его политические цели были напрямую связаны с последствиями вхождениям грузинских царств и княжеств в состав Российской империи. Заговорщики стремились к восстановлению политического значения династии Багратионов и объединению Грузии вокруг Картли-Кахетинского престола. В планах заговорщиков было и возрождение самостоятельного статуса Грузинской православной церкви. Эти идеи могли найти отклик среди населения, о чем говорит опыт предшествовавших волнений в Кахетии и Имеретии. Очевидно, что заговорщики вполне осознавали скудость собственных ресурсов и

[1] СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
[2] АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 394.
[3] Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. С. 101–102.

рассчитывали на благоприятные внешние факторы, среди которых ключевое значение имело Польское восстание 1830–1831 гг. Некоторые надежды предводители заговора связывали с участием царевича Александра Ираклиевича и удачными действиями горцев имама Гази-Мухаммеда на Северном Кавказе.

Но даже самый благоприятный военно-политический расклад вряд ли гарантировал грузинским заговорщикам долговременный успех. Грузинские царевичи Окропир Георгиевич и Дмитрий Юлонович находились в российских столицах, а других явных лидеров, восстание не имело. С большой вероятностью можно предположить, что в случае захвата восставшими Тифлиса среди них возникли бы противоречия и междоусобицы. Это неминуемо привело бы к поражению восстания, многочисленным жертвам и разорению населения.

Тем временем в Петербурге продолжался поиск оптимальной структуры управления южной окраиной империи. В мае 1833 г. Николай I запросил у государственного секретаря В.Р. Марченко сведения о состоянии дела о преобразовании Закавказского края. Выяснилось, что за два года Департамент законов Государственного совета, загруженный многими делами, не смог рассмотреть проект Паскевича–Кутайсова–Мечникова[1].

Сразу после императорского запроса дело двинулось и пошло быстрее. Уже через несколько дней Департамент законов рассмотрел проект Паскевича и сенаторов и в основном одобрил его, внеся некоторые изменения. Однако чиновники департамента, в том числе М.М. Сперанский, видимо, не были уверены во всех проектируемых изменениях, тем более что проект за два года нахождения в делах Государственного совета не стал лучше.

Так родилось решение о передаче проекта «на соображение» главноуправляющего Г.В. Розена[2]. Общее собрание Государственного совета

[1] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. Т. CI. 1900. Выпуски 1–3. С. 27.
[2] Там же. С. 28.

посчитало все замечания Департамента законов к исходному проекту правильными, но не утвердило решение о передаче дела Розену. Теперь уже Государственный совет торопился с окончательным утверждением проекта преобразования Закавказского края, а передача дела Розену могла вновь затянуть процесс. Вместо этого было решено создать специальный Комитет в составе глав ключевых ведомств – венного (А.И. Чернышев), финансов (Е.Ф. Канкрин), внутренних дел (Д.Н. Блудов) и юстиции (Д.В. Дашков). Перед Комитетом стояла задача определить главные принципы управления южной окраиной империи, а затем внести разработанные положения, уставы и штаты на утверждение Государственного совета[1].

Комитет по делам Закавказского края был учрежден 11 июля 1833 г., но начал свою работу только осенью, после того как назначенный Николаем I председателем военный министр А.И. Чернышев вернулся с летних маневров в Старой Руссе. В таком авторитетном источнике как записки М.А. Корфа указано, что Комитет завершил работу только в 1835 г.[2], однако, архивные документы позволяют назвать другую и точную дату – 13 ноября 1834 г. Этим днем датировано письмо военного министра Чернышева к государственному секретарю В.Р. Марченко, с которым на рассмотрение Государственного совета вносились журнал заседаний Комитета и важнейшие положения новой системы управления краем. При этом Чернышев оговаривался, что предложенные Государственному совету бумаги «это первые только черты»[3].

Отметим сразу общие взгляды Комитета на Закавказье как российское владение. Министры вполне в ориенталистском духе фиксировали низкий уровень цивилизационного развития региона: «Закавказский край надлежит считать страной, которая только еще начинает путь к своему образованию, отменять там нечего, потому что ничего еще не существует, но необходимо положить черту между прошедшим и будущим, и введением постоянных

[1] Там же.
[2] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. Т. CI. 1900. Выпуски 1–3. С. 29.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1–2.

законов обеспечить права казны и выгоды новых поселенцев, а коренным жителям, по мере их понятий, указать верный и уже испытанный путь к устройству их будущей гражданской жизни»[1]. Регион в проекте назывался «колонией», то есть территорией, отличающейся от европейской части России, для управления которой необходим особый административный режим.

В журнале заседаний Комитета по делам Закавказского края констатировалось неудовлетворительное состояние региональной администрации, все принятые в этом вопросе постановления признавались неспособными к «постоянному или долговременному действию» [2] . «Погасшие царства, княжества, ханства, уделы сардарей и пашей управляются здесь без всякой между собой общей связи, большею частью местными, на первый случай сделанными распоряжениями в неопределенном ожидании будущего, а между тем удерживают вместе с названиями, старинные пределы свои, как бы с той целью, чтобы некогда возвратиться в первобытное состояние», - отмечали члены Комитета по делам Закавказского края[3].

Отмечалось и неустойчивое положение правительства на Кавказе, высшим представителем которого являлся главноуправляющий, не имевший при себе никакого совещательного института[4] и даже просто полноценного заместителя на случай отъезда или болезни. Кроме того, члены Комитета затруднились в поисках законов, определяющих власть грузинского главноуправляющего и его отношения с высшими и центральными государственными институтами. Не без удивления, судя по тону комитетского журнала, министры обнаружили, что на главноуправляющего не распространяются полномочия генерал-губернатора или наместника,

[1] Там же. Л. 43–44.
[2] Там же. Л. 24.
[3] Там же. Л. 24–25.
[4] О Верховном Грузинском правительстве в журнале Комитета по делам Закавказского края написано следующее: «… есть ни что иное, как соединение, или общее наименование разных частей губернского управления, руководствующихся в действиях своих учреждением о губерниях». См.: РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 26.

поэтому начальнику региональной администрации оставалось руководствоваться лишь долгом верноподданного и собственным пониманием своего места в системе управления империей[1].

Относительно проекта Паскевича и сенаторов-ревизоров члены Комитета по делам Закавказского края посчитали, что введение в пространстве всего Закавказского края общегубернского российского управления преждевременно. В качестве причин такого заключения отмечалось, во-первых, крайнее социально-политическое разнообразие Закавказья, которое повлечет за собой огромное количество исключений и примечаний к действию общего губернского стандарта управления[2]. Во-вторых, подчеркивались проблемы логистики и коммуникаций между уездными и губернскими центрами. В качестве примера указывалось расстояние (500 верст) между Тифлисом как губернским центром и уездными городами Западной Грузии – Кутаиси и Поти[3]. Справедливо отмечалось, что надежному и быстрому сообщению препятствовал и горный ландшафт, как известно, Восточная и Западная Грузия разделены Сурамским горным хребтом.

Комитет по делам Закавказского края предложил новое административно-территориальное разделение южной окраины империи, которую официально решил именовать *Закавказской Россией*[4]. Ее территорию, по мнению министров, следовало разделить на две провинции (губернии) – Черноморскую и Каспийскую. Первая включала в себя все грузинские территории, Армянскую область, а также автономные княжества Абхазии и Мингрелии. Вторая образовывалась из «мусульманских провинций», то есть территорий бывших закавказских ханств и Дагестана[5].

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 25–26.
[2] Там же. Л. 35.
[3] Там же. Л. 36.
[4] Такая номинация отличается от других словосочетаний из имперской истории: «Британская Колумбия», «Французская Африка», «Русская Америка». «Закавказская Россия» указывает не только на принадлежность региона к империи как в указанных случаях (Чья Америка? – Русская), но на полноценное присоединение региона к империи и органичное продолжение ее территории (какая Россия? – Закавказская).
[5] Там же. Л. 44.

Следующим административным уровнем предлагались области, которые, по мысли членов Комитета, должны были стать «соединительной степенью в делах управления между властями центральными и местными»[1]. Черноморская провинция разделялась, согласно проекту Комитета, на Верхнекуринскую область (Восточная Грузия), Рионскую область (Имеретия и Гурия, или Западная Грузия) и Араратскую область (бывшая Армянская область). Каспийская провинция разделялась на две области: Куринскую («мусульманские провинции» кроме территории бывшего Кубинского ханства) и Дербентскую (территория бывшего Кубинского ханства и Дагестан)[2]. Третьим административным уровнем должны были стать уезды, но их число и границы Комитет оставлял «дальнейшему утверждению, по собрании о том подробнейших сведений на месте»[3].

Во главе администрации Закавказской России, согласно проекту Комитета, должен был встать наместник и проектируемое при нем наместническое управление [4] . Наместник определялся как «первое в управлении лицо, которому предпочтительно принадлежит доверенность государя, он по необходимости представлять будет собою главного местного начальника во всех отношениях»,[5] а также как «главный блюститель пользы, спокойствия и благосостояния вверяемого ему края»[6].

Вместе с тем, в соответствии с принципом коллегиальности управления, Комитет указывал, что наместник должен был действовать совместно со своим Советом. Этот принцип комментировался как «установление, служащее у нас повсеместным правилом, принятое и в Грамоте, данной Царству Польскому[7] и необходимое в особенности для того,

[1] Там же. Л. 46.
[2] Там же. Л. 46–47.
[3] Там же. Л. 46.
[4] Там же. Л. 47.
[5] Там же. Л. 50–51.
[6] Там же. Л. 57.
[7] Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», 14 февраля 1832 года. См.: ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VII. СПб., 1833. С. 83–90.

чтобы придать распоряжениям главноуправляющего лица более зрелости и единообразия»[1].

Состав Совета определялся в общем виде: наместник как президент Совета, тифлисский военный губернатор как вице-президент совета и заместитель наместника, представители министерств, «до коих наиболее могут относиться дела тамошнего управления» и представители местных элит, назначаемые особым повелением императора[2].

Предусматривалось, что наместник в исключительных случаях может отменять или изменять общие постановления министров, в том числе игнорировать министерские циркуляры, но все это только в качестве временной меры. Обо всех подобных случаях наместник должен был незамедлительно сообщать в министерства по принадлежности дел с объяснением причин, вынудивших его воспользоваться своими исключительными служебными правами[3].

Проект Комитета по делам Закавказского края предусматривал также значительную роль наместника в работе Главного суда Закавказской России. Наместник рассматривал и утверждал все приговоры Главного суда по уголовным делам, а также рассматривал определения Главного суда по всем гражданским делам, в которых затрагивались вопросы казенной собственности. При этом наместник не имел права отменить решение Главного Закавказского суда, он мог только обратиться к министру юстиции с ходатайством о рассмотрении дела в Общем собрании Правительствующего Сената. По особенно важным судебным делам наместник имел право обратиться к императору, но только через министра юстиции[4].

Проект Комитета по делам Закавказского края содержал множество оговорок о том, что детали нового административного устройства должны

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 52.
[2] Там же. Л. 52–53.
[3] Там же. Л. 38–39.
[4] Там же. Л. 57–58.

быть согласованы с местной администрацией. Проект обсуждался Государственным советом весной 1835 г., по совпадению в это время в столице находился главноуправляющий Г.В. Розен, которого император пригласил к обсуждению проекта преобразований, представленного Комитетом по делам Закавказского края[1].

Розен удивился такому масштабному плану преобразований и, фактически, отклонил его. По словам Корфа, «изобразив трудность учредить управление, свойственное краю и духу его обитателей и вместе примененное к общим постановлениям; необходимость упрочить сперва краю совершенное спокойствие и безопасность, действуя, между тем, непрестанно на изменение закоренелых вредных обычаев частными улучшениями; необходимость также, для полного и подробного положения, привести прежде в известность права, преимущества, обычаи и законы каждой провинции; наконец, затруднения и неудобства, которыми в таком крае, каков Закавказский, грозит слишком рановременное введение предполагаемых учреждений, сколь ни были они полезны, барон Розен полагал: весь проект сообразить сперва на месте»[2].

В историографии отмечается, что Розен был осторожен и считал, что резкое изменение существующего порядка (пусть и далекого от совершенства) только ухудшит положение. Такая медлительность главноуправляющего объясняется в ряде работ его дальновидностью и хорошим знакомством с местными условиями[3]. Представляется, что дело было не только в этом. Есть основания предполагать об альтернативном подходе к управлению южной окраиной, который разрабатывался Розеном в сотрудничестве с министром финансов Канкриным.

---

[1] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. Т. CI. 1900. Выпуски 1–3. С. 29–30.

[2] Там же. С. 30.

[3] Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное…» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 217; Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 110.

Еще в 1832 г. Канкрин просил Розена доставить сведения о населении Кавказского края. 18 июня 1833 г. Розен представил министру «Ведомость народам обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления», составленную в Штабе Отдельного Кавказского корпуса по «новейшим сведениям» [1]. Документ представлял собой многостраничную таблицу с указанием численности отдельных кавказских народов и их отношение к российской власти в регионе («покорны / не покорны»). Общую численность населения Кавказского края (без Кавказской области) в Штабе Отдельного Кавказского корпусу оценили в 2,7 млн человек[2].

Канкрин считал, что определить систему управления и место региона в политической и социально-экономической системе империи следует только после изучения его хозяйственного потенциала и демографических параметров. Это соответствовало общим убеждениям Канкрина, разделявшим идеи камералистов, в том числе концепцию «осмотрительности в управлении», в рамках которой ключевое значение приобретал баланс между теорией и практикой, эмпирическими данными[3].

Во второй четверти XIX в. Кавказ все еще оставался плохо известной и далекой окраиной, поэтому единственным способом получить необходимые сведения о регионе было взаимодействие с местной администрацией. О том, что Канкрин последовательно выстраивал доверительные отношения с администрацией Розена, свидетельствуют письма начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал В.Д. Вольховского к главноуправляющему Розену. Весной 1834 г. Вольховский находился в Петербурге, где при личном участии Николая I обсуждались вопросы

[1] РГИА. Ф. 561. Оп 1. Д. 141. Л. 2–20.
[2] Там же. Л. 20.
[3] Подробнее см.: Мондэй К. Камерализм как источник научного аппарата Е.Ф. Канкрина // Канкрин Е.Ф. Мировое богатство и национальная экономика / сост. А.А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 59–81.

комплектования Отдельного Кавказского корпуса и план на ближайшую летнюю кампанию.

В письме от 27 марта 1834 г. Вольховский сообщал Розену, что встречался с Канкриным, разговаривали о Кавказе и, по словам Вольховского, министр финансов проявил пожелание, «чтобы в мыслях ваших о Кавказе было более единства с ним»[1]. Вольховский рекомендовал Розену воспользоваться этой возможностью: «по мнению лиц, преданных вам, для успешнейшего течения дел необходимо сблизиться с ним (Е.Ф. Канкриным – А.У.)»[2].

В дальнейшем Розен сообщал Канкрину множество подробных сведений о торговле, промышленности и сельском хозяйстве региона. Показательным примером является пространное письмо главноуправляющего к министру на тему таможенных тарифов и транзитной торговли от 24 октября 1835 г., в котором Розен поддержал политику Канкрина, направленную на увеличение таможенных доходов и защиту интересов российских промышленников[3]. Интересно, что в этом отношении Канкрин и Розен были прямыми оппонентами новороссийского генерал-губернатора и в будущем (с 1844 г.) кавказского наместника М.С. Воронцова, выступавшего за порто-франко в Закавказье[4].

В 1835 г. в министерстве финансов завершалась работа над «Обозрением российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», которое было подготовлено благодаря сотрудничеству с региональной администрацией. Вводная часть была озаглавлена «Общий взгляд на Закавказье, как на колонию России, и на состояние Закавказского края в статистическом и финансовом отношениях»[5].

---

[1] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 86. Л. 12.
[2] Там же.
[3] АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 154–158.
[4] Всеподданнейший рапорт М.С. Воронцова, от 11 января 1835 г. // АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 145–152.
[5] Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. Ч. I. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1836. С. 1–89.

Сохранился первоначальный план этой вводной части, который отличается прямолинейностью формулировок и лапидарностью стиля. Авторство этого документа установить затруднительно, но очевидно, что в его подготовке участвовал Канкрин, или же, этот текст составлялся с учетом мнений и оценок главы финансового ведомства. В документе отмечается «цена крови», уплаченная за тридцать лет (с 1801 г.) Кавказской войны. «Пора думать о мерах вознаграждения», - подчеркивается в тексте[1]. Главная идея этого документа заключается в том, что Кавказ для России – это владение, которое должно приносить доходы. В качестве примера указывалось на опыт англичан в Индии; французов в Алжире и так далее. Закавказье рассматривалось как «земледельческая колония, которая бы снабжала метрополию сырыми произведениями юга»[2]. Причину неудач в политике империи на южной окраине автор(ы) документа видели, во-первых, «в равнодушии нашем к краю», во-вторых, «в бездействии духа нашего, удаляющим всякую предприимчивость» и, наконец, в-третьих, «в разъединенности наших действий: нас страшит слово компания, тогда как величайшие дела на пользу и успех разных отраслей промышленности развились и упрочились под влиянием обществ»[3]. Здесь вновь проявилась идея создания компании для хозяйственного управления регионом, наподобие той, проект которой предлагался Грибоедовым и Завилейским. Министерство финансов не предлагало готовой альтернативы управленческой модели края, но в документе содержалось несколько тезисов, позволяющих реконструировать направление размышлений чиновников ведомства. В тексте признавалось, что система управления краем не могла оставаться в существующем виде, а среди причин неудач в интеграции региона отмечалось следующее: «Мы наскоро старались давать всему свой

[1] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 158. Л. 102.
[2] Там же. Л. 106.
[3] Там же; Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. Ч. I. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1836. С. 64

тип, свой характер»[1]. Кроме того, указывалось, что «туземцев рано еще облекать доверенностью правительства»[2], хотя было широко известно, что на низовом уровне управления коренные уроженцы составляют значительное число должностных лиц. «Местных кадры» были представлены и в центральных институтах региональной администрации, причем такая практика имела к тому времени уже долгую историю. Все это можно интерпретировать как критику идеи распространения в Закавказье российских законов и губернских учреждений, направленную против проекта Паскевича–Кутайсова–Мечникова, на основе которого разрабатывались административные преобразования Комитета по делам Закавказского края.

Таким образом, не только Розен, но министерство финансов во главе с Канкриным способствовало задержке преобразований системы управления Закавказья. В 1835–1836 гг. Государственный совет несколько раз обращался к обсуждению этого вопроса, но план преобразований так и не был утвержден. По справедливому замечанию В.Н. Иваненко, первые тридцать лет владения Россией Закавказьем стали периодом, который «характеризуется отсутствием не только какого-либо общего плана, но и сколь-нибудь ясно поставленной цели гражданского управления. Чего собственно требовалось достигнуть: счастья и блага управляемого населения, как это было выражено в манифесте императора Александра I; или интересов и выгод империи, для которой Закавказье предназначалось служить “богатейшей колонией”, как это однажды высказал гр. Канкрин; или “слияния” Закавказья с империей путем введения общих судов, законов, форм и порядков управления, как это казалось Паскевичу, или иной какой-нибудь цели?»[3].

[1] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 158. Л. 103.
[2] Там же.
[3] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. С. 283.

Очевидно, что ответить на этот вопрос должен был император Николай I. От императора зависели как выбор административной модели, так и скорость ее внедрения в жизнь южной окраины. Осенью 1837 г. Николай I отправился на Кавказ для того, чтобы лично ознакомиться с состоянием дел в регионе. К этому времени уже была создана специальная Комиссия во главе с сенатором П.В. Ганом, которой поручалось «сообразить будущее управление краем» с опорой на уже проделанную работу в Комитете по делам Закавказского края и после внимательного изучения местных условий и обстоятельств[1].

Итогом поездки Николая I на Кавказ стала отставка Г.В. Розена и проведение административной реформы П.В. Гана, которая повторяла принципы, изложенные в проекте Паскевича–Кутайсова–Мечникова. Реформа провалилась, но Николай I выбрал стратегию полномасштабной интеграции Кавказа[2]. Региону предстояло стать продолжением внутренних губерний Российской империи, а не земледельческой колонией. В 1844 г. Канкрин выступил с резкой критикой правительственного курса на Кавказе. Министр финансов указывал на огромные расходы, поглощаемые Кавказской войной, и предлагал Николаю I выбор: или сломить сопротивление горцев в кратчайшие сроки, или немедленно прекратить военные действия. Император оставил эту дилемму без ответа. Вскоре Канкрина отправили в отставку (1 мая 1844 г.), а его место занял Ф.П. Вронченко[3].

2.4. Административная реформа П.В. Гана и ее результаты.

В октябре 1847 г. генерал В.О. Бебутов, который спустя месяц займет должность начальника гражданского управления Закавказским краем, писал первому кавказскому наместнику М.С. Воронцову: «Отвержение

[1] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. Т. CI. 1900. Выпуски 1–3. С. 32.
[2] Урушадзе А. Подготовленный провал: сенатор П.В. Ган и административная реформа на Кавказе (1837–1841) // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 138–157.
[3] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: Наука, 2019. С. 221.

крепостного права за Кавказом и, мысль что у мусульман в провинциях живущих <…> не существует даже собственности, родилась в голове преобразователя Закавказского края барона Гана, под влиянием которого состояло тогда главное в здешнем крае управление, а потому сколько трудно теперь убедить Комитет (Кавказский комитет – *А.У.*) в противном – столько сие тягостно для правительства исправить зло, произошедшее от неосновательного на предмет взгляда, этого сановника, накинувшего черную тень на все отрасли управления за Кавказом»[1].

Имя барона Павла Васильевича Гана и для современников, и для историков стало синонимом провалившейся авантюры заведомого дилетанта, который ловкостью царедворца приобрел доверие императора Николая I, но был позорно разоблачен после неудачной попытки реформировать систему гражданского управления на Кавказе в 1841 г.

Наиболее влиятельным источником для подобных реконструкций являются записки М.А. Корфа[2]. Именно на их основе формируются оценки реформы П.В. Гана и в современной историографии[3]. Автору этих строк также приходилось писать о гановской реформе под влиянием М.А. Корфа, а точнее его нарративного свидетельства[4]. При этом, исследователи иногда ограничиваются лишь ироничными замечаниями М.А. Корфа в адрес П.В. Гана, зачастую оставляя без внимания контекст реформы, который подробно зафиксирован в широко цитируемых корфовских записках. В итоге административная реформа 1841 г. представляется замыслом П.В. Гана, а сам он предстает убежденным сторонником управленческого централизма или административной русификации[5]. Но действительно ли он был таковым?

[1] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165. Л. 46.
[2] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. CI. Вып. 1–3. С. 25–56.
[3] См., например: Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 186, 191; Блиева З.М. Кавказская реформа сенатора П.В. Гана // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имели К.Л. Хетагурова. 2018. № 4. С. 7–11.
[4] Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. С. 51–52.
[5] Блиева З.М. Кавказская реформа сенатора П.В. Гана. С. 8.

Насколько справедливо считать неудачу административной реформы провалом П.В. Гана?

Барон П.В. Ган был опытным чиновников. В 1815–1822 гг. он служил в дипломатическом ведомстве, представлял Россию в Италии. После возвращения в Россию занимал должности Курляндского (1824–1827 гг.) и Лифляндского (1827–1829 гг.) гражданских губернаторов. После конфликта с Курляндским и Лифляндским генерал-губернатором Ф.О. Паулуччи П.В. Ган вышел в отставку. Однако тихая жизнь отставника ему была явно не по душе, барон отправился в большое путешествие по Европе, в ходе которого успел послушать лекции в престижном Гейдельбергском университете. На службу П.В. Ган вернулся в феврале 1836 г. получив назначение в Министерство внутренних дел, а спустя год ему доверили завершение административной реформы Закавказья.

П.В. Ган и члены комиссии были снабжены инструкцией Николая I, в которой цель поставленной задачи определялась так: «В государстве обширном тем прочнее связи его частей, чем больше единства в их законах и особенно в формах управления. Тождество начал постигается не многими, единообразие понятно для большинства. При этом главнейшем понятии различные части привыкают считать себя составом одного политического тела, облегчаются успехи общественной службы, сношения частных людей, сближение народов»[1]. Комиссия работала в два этапа: июнь 1837 г. – февраль 1838 г. на Кавказе, а затем до 1840 г. в Петербурге. В ходе первого этапа, чиновники изучали местные условия, в том числе проводя экспедиционные обозрения отдельных территорий. Вернувшись в столицу, П.В. Ган с участием статс-секретаря М.П. Позена и нового главноуправляющего на Кавказе Е.А. Головина дорабатывали первоначальный проект в контакте со столичными чиновниками.

В современной историографии П.В. Гана иногда относят к сторонникам административной централизации. З.М. Блиева характеризует сенатора как

[1] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206. Л. 549.

агента русификаторских идей [1] . Однако, реформа сенатора П.В. Гана строилась на основании хорошо известных принципов – централизации и единообразия. Об идеологии реформы можно судить по гановской «Записке о нынешнем состоянии Закавказского края с программой его улучшений», которая была представлена Николаю I в октябре 1837 г.

В ней автор прежде всего обращает внимание на сложность политического положения южной окраины империи, где военным и гражданским властям приходилось работать в обстановке постоянной военной тревоги. П.В. Ган отмечал, что кавказские начальники «не обращали наблюдения за правилами управления и формами судопроизводства и были в необходимости сосредотачивать в своих руках и отправлять всю власть»[2]. Такое положение П.В. Ган признавал губительным и это его убеждение разделяли все столичные бюрократы, а главное – император Николай I. Записка П.В. Гана написана в прекрасном стиле, в ней переданы не только бюрократические задачи и трудности в планировании и проведении административной реформы, но, вместе с тем, описаны и концептуальные основания. «Различные части управления, образующие целое, расходясь от одного центра, как лучи солнечные, действуют сильно тогда только, когда их свойства, расположения и видоизменения проистекают из одного источника и направляются одним умом»[3], - отмечал П.В. Ган. Достаточно вспомнить уже приведенные выше слова Николая I из разговора с С.В. Сафоновым и станет очевидно, что этот тезис из гановской записки полностью соответствовал представлениям императора об идеальной административной модели империи.

В своей записке П.В. Ган прямо указывал, что его деятельность неразрывно связана с предшествующими попытками провести административные преобразования. По словам П.В. Гана, сенаторы Е.И. Мечников и П.И. Кутайсов, а также И.Ф. Паскевич понимали крайнюю

[1] Блиева З.М. Кавказская реформа сенатора П.В. Гана. С. 8.
[2] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 177. Л. 4.
[3] Там же. Л. 10.

необходимость административных реформ на Кавказе, так как «были поражены несчастным его положением и злоупотреблениями всех родов, проистекавшими от соединения власти, безотчетного произвола и отсутствия строгого наблюдения, которое бы не зависело от влияния местного правительства»[1].

Целью реформы П.В. Гана было создание такой системы управления, в которой «все власти будут действовать единодушно и сообразно с законами, каждая в своем определенном кругу, завися от центральной власти в С. Петербурге, будут подчинены строгой отчетности, не исключая даже вверяемой главноуправляющему власти по части полиции и распорядительной…»[2].

Таким образом, гановская реформа задумывалась в полном соответствии с духом и принципами административных проектов М.М. Сперанского, который сам активно участвовал в разработке административной реформы Закавказья в начале 1830-х гг. Еще больше сходства проект П.В. Гана имел с предложениями Паскевича–Кутайсова–Мечникова. Как и его предшественники, П.В. Ган предложил разделить Закавказье [3] на две большие губернии – Грузино-Имеретинскую и Каспийскую. Единственным значительным отличием от проекта И.Ф. Паскевича была ликвидация самостоятельного административного статуса Армянской области и ее включение в Грузино-Имеретинскую губернию [4]. Сохранил П.В. Ган и идею И.Ф. Паскевича о Верховном Закавказском правительстве, в новом проекте высший коллегиальный орган власти южной окраины империи именовался Главным управлением. В его состав должны были войти главноуправляющий, Закавказский военный губернатор и представители министерств: внутренних дел, финансов, государственных имуществ, юстиции и иностранных дел. «Главное

[1] Там же. Л. 6.
[2] Там же. Л. 27.
[3] В проекте П.В. Гана территория Южного Кавказа именовалась «Закавказской Россией», как и в проекте преобразований Комитета по делам Закавказского края.
[4] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206. Л. 24.

управление представляет собой соединенную власть всех министерств», – отмечалось в проекте Положения об управлении Закавказской Россией[1]. Здесь очевидно влияние административных проектов М.М. Сперанского, в которых совет при губернаторах и генерал-губернаторах играл ровно ту же роль, а именно обеспечивал «сквозную» министерскую вертикаль. Проект реформы предусматривал сохранение практики непрямого управления на некоторых территориях, так, например, в Абхазии, Сванетии и Мингрелии властные прерогативы передавались местным княжеским династиям[2].

В историографии отмечалось, что проект П.В. Гана вызвал критику со стороны столичных сановников, большинство которых предупреждало об опасности поспешного введения российского губернского образца в Закавказье[3]. Но все эти вопросы были и в фокусе внимания гановской комиссии, о чем свидетельствует документ под названием «Основания, принятые при составлении проекта Положения об управлении Закавказской России и причины к принятию их побудившие»[4]. Согласно этому тексту комиссия на месте собирала сведения для ответов на следующие вопросы: «1) до какой степени гражданственности достиг народ в разных частях края?; 2) способен ли он уже принять управление благоустроенное?; 3) не будет ли введение такого управления новостью, могущей возбудить где-либо ропот, или даже ослушание?»[5]. Комиссия Гана пришла к закономерному выводу, что «степень гражданственности» населения Южного Кавказа разнится от одного субрегиона к другому. В качестве наиболее готовых к принятию нового административного стандарта были указаны примеры «жителя Тифлиса или его окрестностей» и «ахалцихского купца», обратным примером комиссия назвала хевсуров и население соседних с Хевсурети горных обществ[6]. По мнению комиссии, в целом население Закавказья было

[1] Там же. Л. 33.
[2] Там же. Л. 201.
[3] См. например: Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное…» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005. С. 218–219.
[4] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206. Л. 249–254.
[5] Там же. Л. 247.
[6] Там же. Л. 248.

готово к введению новых административных правил, риск крупных волнений исключался. Напротив, Ган писал, что скорее такой риск следовало связывать с сохранением старой модели управления, а не с введением новой.

Проект преобразований был рассмотрен и дополнен в ходе соответствующих заседаний Государственного совета и 10 апреля 1840 г. его утвердил Николай I[1]. При этом учитывались не только мнения петербургской министерской элиты, но и докладные записки членов гановской комиссии. Внесенные изменения и дополнения коснулись не смысла реформы, но в большей степени частных вопросов. Поэтому к известному утверждению М.А. Корфа о том, что «прежние проекты Гана оказались совершенно неудовлетворительными, и все, от начала до конца, были переделаны Позеном»[2], следует относиться критически.

На территории Закавказья учреждалась Грузино-Имеретинская губерния и Каспийская область, которые в свою очередь подразделялись на уезды, а все уезды на участки. Высшее управление Закавказья было представлено главноуправляющим, тифлисским военным губернатором и Советом главного управления. В Совет входили главноуправляющий, тифлисский военный губернатор и чиновники, назначаемые непосредственно императором. На Совет возлагались функции надзора за движением дел и контроля законности принимаемых решений[3].

Реформа вводилась в действие с 1 января 1841 г. и поначалу все шло по плану П.В. Гана, который в течение года успел получить щедрые награды от императора и находился в большом фаворе. Но вскоре с южной окраины стали приходить тревожные новости. Барон М.А. Корф так передал это в своих воспоминаниях: «Многое на деле оказалось не соответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое, противное нравам и навыкам жителей, возбудило ропот, недоразумения, вящие

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. С. 237–256.
[2] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. CI. Вып. 1–3. С. 37.
[3] Здесь можно увидеть сходство с административно-территориальной организацией Российской империи, предполагаемой в «Государственной уставной грамоте Российской империи» 1820 г.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–65.

неустройства; партия приверженцев старого порядка полагала всемерные преграды введению нового, частью из личных видов; определенные после преобразования чиновники выказались, по большей мере, или неспособными, или безнравственными; народу, лишенному прежней быстрой азиатской расправы, опутанному неизвестными и чуждыми ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее, чем когда-либо…»[1].

М.А. Корф был не одинок в своей оценке. Начальник VI (Кавказского) жандармского округа полковник В.М. Викторов «доносил не только об общем неудовольствии противу нового учреждения; о худом выборе чиновников; о разных частных беспорядках и злоупотреблениях, но также об опасном положении края»[2]. Однако можно ли однозначно доверять этим и другим свидетельствам тотального провала административной реформы?

Безусловно, работа гановской комиссии была поспешной, о чем красноречиво и справедливо писал М.А. Корф[3]. Сенатор П.В. Ган был человек блестящего образования и «европейской учености», однако, практических навыков ему действительно не хватало. Тревожные отзывы о его работе на Кавказе направлялись местным жандармским управлением в столицу еще в 1837 г. (за три года до введения в действие гановской реформы): «… Ган не знает ни края, ни людей и ни одного из восточных языков; к несчастью он худо окружен из здешних, сколько заметить можно, при уме и при европейской учености, он крайне самонадеян, от сего впадает часто и явно в ошибки»[4]. Мнения П.В. Гана о Кавказе и местном социально-правовом укладе были зачастую поверхностными. Известно, что на замечания относительно специфики правовых обычаев мусульманского населения он отвечал, что «жителям мусульманских провинций вовсе не чужды понятия о выгодах нашего закона и они всегда готовы искать в нем

[1] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. CI. Вып. 1–3. С. 40.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 32.
[3] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. С. 35.
[4] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1156. Л. 9.

правосудия. Местных же законов и обычаев у них вовсе нет, ибо ханы управляли не по законам, а по произволу, милуя и карая только по своей прихоти»[1].

Но надо учитывать, что П.В. Ган фактически только завершил проведение давно разрабатываемой административной реформы, в основу которой были положены предшествующие проекты и конвенциональные для имперской элиты административные принципы. Реформа П.В. Гана на самом деле была и реформой М.М. Сперанского, и реформой И.Ф. Паскевича, и реформой сенаторов Е.И. Мечникова и П.И. Кутайсова, наконец, была она и реформой императора Николая I.

П.В. Ган не являлся убежденным сторонником административной русификации Кавказа, он лишь старался играть роль талантливого и трудолюбивого исполнителя монаршей воли. Вместе с тем он стал настоящим врагом для различных элитных группировок Закавказья, в том числе и влиятельных чиновников, с выгодой пользовавшихся отдаленностью края и спецификой его модели управления. Подобной репутации П.В. Гана сильно способствовало и широко известное его личное участие в падении кавказского главноуправляющего Г.В. Розена[2]. Административная реформа грозила местным элитам и чиновничеству усиленным контролем центральных ведомств, сокращением полномочий местной администрации, введением обязательных правил и порядков. В этой связи необходимо упомянуть записки первого начальника VI жандармского округа А.А. Скалона, введенные в научный оборот Г.Н. Бибиковым. В 1840 г. А.А. Скалон предупреждал шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа и военного министра А.И. Чернышева о существовании оппозиции административной реформе среди российского генералитета и грузинской аристократии: «Отъезд сенатора барона Гана из Тифлиса был сигналом восстания против проекта нового преобразования и против него самого. Кричали, что можно

[1] Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 72.
[2] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. С. 34–35.

верить только сотой доле его изысканий; этот проект, говорили, стесняет власть главноуправляющего… Смешивая намерения враждебных горцев с мирными обитателями равнин, утверждали, что эти племена не могут быть управляемы законами и учреждениями империи»[1], - писал А.А. Скалон.

Между тем, Ган торопился с решением и своих финансовых проблем. Осенью 1841 г. он обратился к Николаю I с просьбой заплатить его долги. «Не краснея, я сознаюсь перед вами государь, в своей бедности, ибо она происходит не от расточительности, но от расходов, необходимых по службе»[2], - писал Ган императору. Реформатор в прошении утверждал, что недостаточное жалованье стало причиной его многочисленных долгов на сумму в 35 тыс. руб., которые Ган занял во время своей службы в Закавказье [3] . В качестве смягчающего обстоятельства Ган приводил информацию о существенной экономии расходов на устройство нового административного управления Закавказьем. По словам Гана, «из суммы от 50 до 100 тыс. руб. сер., ассигнованной на устройство Закавказом нового управления, израсходовано только 13 776 руб.»[4]. Просьба Гана не может не вызывать удивления, учитывая, что во время его работы над административной реформой он получал жалованье на уровне министра (16 тыс. руб. в год), а также щедрые подъемные деньги (12 тыс. руб.)[5]. Тем не менее, император Николай I удовлетворил эту просьбу и 24 октября 1841 г. повелел министру финансов «во внимание к услугам по устройству Закавказского края», оказанным Ганом, отпустить ему сумму в 35 тыс. руб. сер. из государственного казначейства [6] . Это была последняя монаршая милость Гану.

В явных и, видимо, тайных интригах против П.В. Гана участвовал главноуправляющий на Кавказе Е.А. Головин, о чем упоминает и М.А.

[1] Цит. по: Бибиков Г.Н. Создание жандармских учреждений на Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 148.
[2] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 227. Л. 2.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 5.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. Л. 14.

Корф[1]. Реформа проходила на фоне неудачных военных действий генерала П.Х. Граббе в Чечне против имама Шамиля. Это раздражало Николая I, а противникам нового административного порядка давало повод говорить о необходимости сохранения военного управления и поспешности введения на Кавказе гражданских порядков.

В январе 1842 г. на Кавказ снова отправилась ревизия, которую на этот раз возглавлял статс-секретарь М.П. Позен. Показательно, что он был уверен в успешности реформы П.В. Гана и ехал на южную окраину империи убежденный в полном соответствии преобразований «всем вообще потребностям края» [2] . Вскоре после прибытия в Тифлис, М.П. Позен расстался с частью прежних благодушных представлений. Его всеподданнейший рапорт свидетельствовал, что административная реформа была повсеместно введена в действие достаточно успешно и уже показала ряд преимуществ в отношении старого режима. Но, вместе с тем, М.П. Позен признавал, что новая модель управления не отвечает вполне нуждам жителей южной окраины империи. В ходе ревизии местное население неоднократно просило о восстановлении прежних привычных порядков. М.П. Позен отмечал, что П.В. Ган и его комиссия преувеличили «степень гражданственности» населения края, а также недостаточно учли разнообразие социальных норм и правовых обычаев[3].

Сдержанный и в целом благоприятный для П.В. Гана рапорт М.П. Позена неожиданно вызвал гневную реакцию императора. Николай I всю вину за неполный успех реформы возложил на П.В. Гана: «Нельзя без сожаления читать: так искажаются все благие намерения правительства теми лицами, на мнение и опытность которых, казалось, положить можно было»[4], - гласила царская резолюция на рапорте М.П. Позена. Это означало конец карьеры П.В. Гана. И М.П. Позен, и А.И. Чернышев пытались защитить

[1] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. С. 47–48.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 33.
[3] Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. С. 43.
[4] Там же. С. 46.

реформатора, напоминая Николаю I, что реформа разрабатывалась десять лет и ее основные принципы разделялись всеми основными министрами. Все было тщетно, Николай I буквально назначил П.В. Гана единственным виновником провала административной реформы. Реформатор-неудачник еще прослужил в Государственном совете до 1847 г., когда его рапорт об отставке был с удовлетворением принят императором.

2.5. Управление южной окраиной накануне создания Кавказского наместничества.

Император Николай I был одним из немногих представителей династии Романовых, прилагавших систематические усилия к личному участию в делах управления огромной империи. «Своей властной рукой он думал указать направление, по которому должна была развиваться промышленность, двигаться торговля, оживиться обмен ценностей, по которому должно было идти умственное развитие, мысль ученых, литераторов, развитие художества и техники», - красноречиво отметил российский ученый и чиновник Э.Н. Берендтс[1].

Не менее красноречивую оценку Николая I предложил современный американский историк У. Фуллер: «Он (Николай I – А.У.) верил, что должен править, а не быть лишь марионеткой в руках министров, управлявших от его имени. Следовательно он стремился участвовать во всех аспектах политики своей империи. Он окружал себя советниками, известными не только личной преданностью царю, но и тем, что они даже мыслили, как он»[2].

Современников поражала способность императора быстро входить в понимание обстоятельств и условий самых различных сфер государственного управления. Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса В.Д. Вольховский в 1834 г. в письме к корпусному командиру и

[1] Берендтс Э.Н.О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.
[2] Fuller W. Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York: Free Press, 1992. P. 219.

главноуправляющему в Грузии Г.В. Розену удивлялся обширным познаниям Николая I в делах южной окраины: «Я был изумлен с какой быстротой и внимательностью его величество так скоро ознакомился с сим краем: как превосходно о всем судил он и каким прекрасным русским языком!»[1]. Эта оценка имеет особенную ценность, учитывая декабристское прошлое Вольховского.

Намерение быть настоящим самодержцем не только публично декларировалось, но и находило институциональное воплощение. Показательным примером первого следует считать разговор Николая I с директором канцелярии кавказского наместника С.В. Сафоновым, состоявшийся 26 сентября 1846 г. «Не судите о Кавказском крае, как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое. Я к этому стремлюсь и должен стремиться. Я стараюсь, чтобы все истекало отсюда (здесь он показал на свою грудь – *прим*. С.В. Сафонова), чтобы тамошние жители знали и чувствовали, что они зависят от Севера, что на них падают лучи тамошнего солнца и что они получают свою жизнь и свое благосостояние, наравне с другими частями обширного царства русского, от одного светила. Вот к чему я стремлюсь», - так император ответил на проект администрации наместника о введении свободной торговли на Кавказе[2].

Институциональное измерение настойчивого желания Николая I управлять, а не только царствовать воплотилось в возросшей роли императорской канцелярии, и особенно в его III Отделении, созданном уже летом 1826 г. и находившимся, как известно, вне общей системы государственных учреждений[3]. С помощью разветвленной информационной сети, представленной жандармскими офицерами, наблюдавшими за работой губернских администраций, Николай I получал сведения с мест напрямую, в

[1] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 86. Л. 4.
[2] Архив князя Воронцова / ред. П.И. Бартенев. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 387.
[3] Троцкий И.М.III-е Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990; Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856). М.: Квадрига, 2023.

обход министров, мимо центральной бюрократии. Это создавало политический противовес министерскому влиянию и не позволяло бюрократам отодвинуть императора от повседневного управления империей[1]. СЕИВК как личный секретариат императора являлась важнейшим институтом управления в николаевскую эпоху, но отнюдь не единственным учреждением, созданным для непосредственного участия монарха в государственных делах. Как отметил еще М.А. Полиевктов, «наряду с ростом значения Собственной Е.И.В. канцелярии характерной чертой высшей администрации николаевского времени было вообще возникновение отдельных частей и управлений, не входящих в состав министерств и находящихся в непосредственном ведении государя императора…»[2].

Именно через особые комитеты и СЕИВК Николай I долгое время пытался наладить и управление Кавказом. Так, 11 июня 1833 г. был создан Комитет по делам Закавказского края, в задачи которого входил поиск оптимальной модели интеграции региона в общеимперское политическое пространство[3]. Эту работу продолжила Комиссия для составления положения об управлении Закавказским краем в 1837–1840 гг., которая находилась в ведении сенатора П.В. Гана, получившего широкие полномочия и специальные инструкция от императора[4].

В 1842 г. император усиливает свое личное участие в делах управления Кавказом. Причем делает это сразу по нескольким направлениям. Учреждается временное VI Отделение СЕИВК – специальный секретариат, занимавшийся Кавказом. Его возглавил опытный чиновник, статс-секретарь М.П. Позен, но главным начальником являлся военный министр А.И. Чернышев – один из самых близких к императору сановников.

---

[1] Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858 гг. К типологии основ имперского управления. Хельсинки: Aleksanteri inst. Cop., 1998. С. 275–276.
[2] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: Наука, 2019. С. 190.
[3] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет. 1845–1882 // Клио. 1997. № 2. С. 140.
[4] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 206. Л. 549.

Именно Чернышев и Позен играли ключевые роли в управлении Кавказом накануне назначения Воронцова кавказским наместником. Ведущее положение Чернышева вполне объяснимо его высоким статусом военного министра и неформальным положением. Чернышев был близок и Александру I, и Николаю I и часто оказывался незаменимым человеком для самых разнообразных поручений, от дипломатических миссий до разработки новых административных регламентов. Эту характеристику можно дополнить оценкой качеств Чернышева, сформулированную известным исследователем военной истории Российской империи Б. Меннингом, который отмечал, что военному министру Николая I были присущи твердая воля и политическая ловкость, все это в сочетании с «преувеличенным мнением о собственной значимости, нередко проявлявшимся высокомерием и известной мстительностью, были способны изрядно осложнить жизнь тем, кто осмеливался выразить несогласие с генерал-адъютантом императора»[1].

Позен являлся одним из ближайших помощников Чернышева по делам гражданского управления. Как отметил А.В. Мамонов, Позен «в правящих кругах Российской империи был весьма оригинальной и незаурядной фигурой»[2]. Он родился в еврейской семье, но отказался от иудаизма и крестился в лютеранство. Позен начал службу в 1817 г. в Департаменте народного просвещения в Министерстве духовных дел и народного просвещения, которое возглавлял известный государственный деятель александровского времени князь А.Н. Голицын. Карьера Позена получила быстрое развитие после перехода в 1823 г. в финансовое ведомство. Но настоящий взлет Позена связан с его переводом на службу чиновником для особых поручений у князя А.И. Чернышева в 1828 г. Чернышев возглавил Военное министерство в 1827 г. и, как известно, был одним из ближайших сотрудников императора Николая I. «При тонком уме, живом воображении и хорошем пере, он тотчас завладел Чернышевым, умел приобрести всю его

[1] Меннинг Б. А.И. Чернышев: русский Ликург // Русский сборник. Т. 7: Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 88–89.
[2] Мамонов А.В. Несостоявшийся идеолог «оттепели» М.П. Позен // Российская история. 2022. № 4. С. 82.

доверенность и еще в средних чинах был употребляем ко всем важнейшим мерам и особенно ко всем новым предположениям по военному министерству, а потом, сопутствуя несколько раз государю в его путешествиях, сам объявлял уже высочайшие повеления гр. Чернышеву», - отметил в своих дневниковых записях М.А. Корф[1].

В 1836 г. Позена произвели в статс-секретари, что давало право личного доклада императору. Находясь «на апогее милости и силы» Позен очень быстро разбогател, чем вызвал зависть и раздражение великосветской публики[2]. Фаворит императора давал роскошные приемы в собственном доме на Мойке и купил большую дачу на Петергофской дороге[3]. По свидетельству М.А. Корфа, Позену сильно навредила его склонность открыто показывать собственное влияние и богатство. Многочисленные недоброжелатели сумели разрушить репутацию Позена и в обществе, и в глазах Николая I[4]. В феврале 1839 г. Корф предрекал скорый закат карьеры талантливого бюрократа: «Теперь он давно уже не сопровождает государя в путешествиях и вместе с милостию царской потерял почти и весь вес у Чернышева, который стольким ему обязан. Обеспечив свое состояние, Позен давно уже поговаривает об отставке: исполнит ли он это намерение, не знаю, но ясно, что блистательная его карьера уже кончилась и при том гнусном свете, который набросили на него клевета и злословие, для него не воссияет уже никогда солнце милости»[5].

Однако этот прогноз Корфа оказался поспешным. Карьера Позена не просто не закончилась в 1839 г., но вскоре получила новое развитие. Провал реформы Гана, как отмечалось выше, вызвал разочарование и раздражение Николая I. Император в полном соответствии с принципом осуществления всех преобразований исключительно бюрократическими средствами

[1] Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М.: Рубежи XXI, 2010. С. 283.
[2] Там же. С. 283.
[3] Мамонов А.В. Несостоявшийся идеолог «оттепели» М.П. Позен. С. 83.
[4] Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 284.
[5] Там же. С. 284.

отправил Чернышева и Позена с ревизией на Кавказ[1]. Необходимо отметить, что ревизия Закавказского края 1842 г. ранее специально не анализировалась в историографии, однако, ее результаты имели важнейшее значение для определения правительственного курса на южной окраине в 1840-е гг.

Ревизия проходила весной 1842 г. и перед ревизорами была поставлена задача «удостовериться на месте: каким успехом сопровождается практическое действие нового о сем крае учреждении, и, если оно оказывается, где-либо неудобным, то причины сего неудобства кроются ли в самом учреждении, или в образе исполнения?»[2]. Хотя ревизию 1842 г. формально возглавлял Чернышев, которому Николай I предоставил широчайшие полномочия «к устройству гражданского управления в Закавказском крае»[3], именно Позен руководил всей административной работой по ревизии институтов гражданского управления. Чернышев занимался анализом состояния войск Отдельного Кавказского корпуса и составлением программы военных действий на ближайшие годы.

Позен подошел к новой миссии со всей ответственностью, вероятно, понимая, что ее эффектное исполнение может вернуть доверие императора. Позен собрал команду молодых и талантливых чиновников, которые должны были помочь статс-секретарю в ревизионной работе. Среди чиновников, отправившихся на Кавказе вместе с Позеном, были впоследствии известные государственные деятели: В.П. Бутков[4] и П.А. Булгаков[5].

Прибыв в Тифлис в марте 1842 г., Позен немедленно запросил «мнение местного начальства о неудобствах, какие могли оказаться на опыте при

[1] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: «Наука», 2019. С. 176.
[2] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1966. Л. 15.
[3] По записке Военного министра о мерах, принятых им в Тифлисе, по высочайше представленной ему власти к устройству гражданского управления в Закавказском крае // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–2.
[4] В 1840-е–1860-е гг. В.П. Бутков являлся управляющим делами сразу нескольких высших комитетов: Комитета министров, Кавказского комитета, Сибирского комитета и занимал должность государственного секретаря. Подробнее см.: Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917 гг.: биобиблиографический справочник. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 199–202.
[5] В 1840-е–1850-е гг. П.А. Булгаков возглавлял администрацию Тамбовской и Калужской губерний. В 1856 – 1861 гг. являлся генерал-провиантмейстером Военного министерства.

действии нового учреждения»[1]. Письменный ответ ревизор получил от главы региональной администрации главноуправляющего Е.А. Головина, а от Грузино-Имеретинского гражданского губернатора А.А. Скалона и начальника Каспийской области А.А. Иванова Позен принял «подробные словесные объяснения»[2].

Главноуправляющий Головин не стал скрывать, что административный порядок, введенный гановской реформой, не вполне идеален. В своем ответе на запрос Позена он отмечал распухший бюрократический аппарат, неудобные ограничения полицейских функций, а также общую «многосложность и неопределительность административных форм». Вместе с тем, Головин отмечал, что все изъяны новой административной организации не имели радикально-критического значения[3].

Позен не ограничился докладами местных администраторов и самостоятельно предпринял несколько поездок по Закавказью, лично проинспектировав губернские и областные административные институты, в то время как ревизия уездных учреждений была поручена чиновникам, находящимся при Позене[4]. Ревизоры инспектировали губернские и уездные присутственные места и принимали жалобы и просьбы от местного населения. При этом, количество таких обращений превзошло все ожидания. Жалобы сыпались со всех сторон: от местной знати, простых земледельцев, духовенства. Ревизия Позена столкнулась с потоком жалоб, которые были составлены обстоятельно и со знанием дела. Как выяснилось, такие обращения составлялись отставными русскими чиновниками, которые оставались жить на Кавказе, и для которых составление жалоб являлось надежным заработком.

[1] О возникших при ревизии 1842 г. предположениях в отмену или дополнения изданного 10 апреля 1840 г. учреждения для управления Закавказским краем и о данных Военным министерством на месте разрешениях и предписаниях по высочайше предоставленной ему власти // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196а. Л. 58.
[2] Там же. Л. 59.
[3] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196б. Л. 19.
[4] О командировании чиновников для ревизии уездных управлений // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 195. Л. 13.

Ревизия 1842 г. являлась не только инструментом исправления «неудобств» гановской административной реформы, но проводилась также с целью получить новые позитивные сведения о южной окраине, численности ее населения, пространстве, производительных силах. Уездные начальники получили от Позена предписание подготовить статистические описания вверенных им административных единиц. Как отмечал Позен, «описания сии, не подчиненные строгим теоретическим началам, содержат только сведения, практически необходимые при определении мер дальнейшего устройства края»[1].

Позен получил широкие полномочия и мог действовать без оглядки на главноуправляющего Е.А. Головина. Об этом красноречиво свидетельствуют послания ревизора начальнику краевой администрации. «К крайнему прискорбию моему первые сведения, которые я должен сообщить вашему высокопревосходительству из Каспийской области весьма неблагоприятны», - так начиналось письмо Позена кавказскому главноуправляющему Головину от 5 апреля 1842 г., – «в Карабахском уезде бездействие уездного управления, запутанность в делах и совершенное неумение уездного начальника обращаться с жителями, возбудили общий ропот и горькие жалобы, к сожалению, весьма справедливые»[2]. Позен выявил несколько случаев злоупотреблений со стороны уездных чиновников и самостоятельно назначил следствие без предварительного согласования с Головиным[3].

Итоги ревизии 1842 г. были изложены во всеподданнейших рапортах Чернышева и Позена. Рапорт Чернышева имел общеполитический характер, в нем отражены мотивы присоединения и интеграции региона в пространство империи. «В политическом отношении этот край приобретает особенную важность в настоящее время, когда развязка главнейших вопросов современной политики ожидается с Востока, и потому, стоя твердою ногою

[1] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196Б. Л. 25.
[2] Общие распоряжения по ревизии Закавказского края 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 210. Л. 2.
[3] Там же. Л. 2–3.

на границах Турции и Персии, владея большею половиною берегов Черного моря, мы можем всегда иметь весьма сильное влияние на дела Востока», - отмечал военный министр[1].

Кроме стратегических выгод обладания регионом, Чернышев подчеркивал также хозяйственно-экономический потенциал южной окраины: «При необыкновенном плодородии почвы и разнообразии естественных произведений, край этот ожидает только просвещенной деятельности, чтобы развить свои обильные средства»[2]. Далее Чернышев указывал на то, что потенциал региона может быть реализован только в условиях оптимальной модели управления. Преобразования Гана признавались неудачными, их последствия вредными, а перемены в административной организации края необходимыми. Военный министр не скрывал важнейшей роли Позена в ревизии гражданских учреждений и подготовке соответствующих предложений по их реструктуризации, но не забывал напомнить Николаю I о своих собственных усилиях по преодолению тяжелого гановского наследия. Чернышев указывал на необходимость определения статуса и привилегий мусульманской элиты – агаларов и беков, лишившихся своих сословных прав в результате административной реформы Гана[3].

В заключении рапорта военный министр подчеркивал, что «впредь до совершенного успокоения края и по направлению воинственного духа здешних племен, их нравам, обычаям и даже предрассудкам необходимо, чтобы в настоящее время главнейшие должности Закавказом, даже и гражданские, замещаемы были преимущественно лицами военными»[4]. Это показательное замечание, которое, вероятно, было призвано объяснить провал административной реформы 1840–1841 гг., подготовленной и проведенной штатским бюрократом Ганом.

[1] Всеподданнейший рапорт военного министра Чернышева о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196б. Л. 2.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 8–9.
[4] Там же. Л. 14.

Всеподданнейший отчет Позена о проведенной ревизии представляет собой объемный и подробный документ, включающий двадцать отдельных ведомостей (две по Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области и еще восемнадцать по каждому из уездов)[1]. Ведомости включают в себя следующую информацию: личный состав гражданского управления (наличный и штатный); общее количество рассматриваемых в административных институтах дел (решенных и нерешенных); число входящих и исходящих бумаг за 1841 г. (как за первый год после введения нового гражданского устройства); оценка результатов ревизии по общей инструкции для сенаторов-ревизоров[2]. Эти сведения о структурной организации отчета позволяют понять масштаб и системность ревизии Чернышева–Позена, которая была проведена менее чем за три месяца.

В отчете Позена вся система управления Закавказьем представлена в виде трехуровневой пирамиды: главное управление, губернское управление и уездное управление. Ревизия действий самого главноуправляющего не проводилась, Позен лишь отмечал, что делопроизводство по канцелярии главноуправляющего «сопровождается успехом». Наличие неконченых дел (важнейший показатель бюрократической эффективности) в рамках главного управления регионом было связано исключительно с задержками в работе высших и центральных институтов. Особенной медлительностью отличался Сенат, не ответивший на 129 запросов из Тифлиса[3].

На уровне губернских правлений (Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области) ревизия Позена обнаружила серьезные проблемы и «упущения» в делопроизводстве: от медлительности в производстве дел до неудовлетворительного состояния архивов. Однако наиболее серьезные сбои в работе административных институтов ревизия зафиксировала на уездном уровне. Так, например, тифлисская полиция привыкла работать «с

[1] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196б. Л. 15–16.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 26.

чрезвычайной медлительностью», в дербентском уездном управлении «письмоводство найдено в чрезвычайном беспорядке», уездные прокуроры Каспийской области «или остаются в полном бездействии, или затрудняют полицейские управления протестами, очень часто весьма затейливыми»[1].

Позен предложил императору следующие выводы, проведенной в 1842 г. ревизии. Реформа Гана, несмотря на неудачу, считалась необходимой и продуманной. Ее реализация «отвратила прежние произвол, разнообразие и безотчетность во всех отраслях управления» [2] . Проведение гановских преобразований генеалогически связывалось с административными планами И.Ф. Паскевича, а также сенаторов П.И. Кутайсова и Е.И. Мечникова, ревизовавших край в 1830 г.

Реформа Гана и предшествующие ей проекты Паскевича-Кутайсова-Мечникова имели общую цель – введение в Закавказье единой административной системы, сходной с режимом управления внутренних российских губерний. В историографии представлено мнение, что эти планы и проекты свидетельствуют о намерении российского правительства сделать из Закавказья колонию[3]. Однако документы показывают, что цели коронных властей были значительно скромнее и сводились к поиску административного оптимума. Кроме того, идея максимального сближения управленческой модели южной окраины с административным телом остальной империи уже сама по себе отрицает колониальные мотивы, предполагающие особые формы управления и надзора.

Позен писал, что преобразования Гана обеспечили «правильность правительственных форм», но сильно усложнили механизм управления. Увеличилось количество чиновников, тут же возрос объем служебной переписки, производство дел замедлилось, расходы на содержание

[1] Там же. Л. 35–37.
[2] Там же. Л. 42.
[3] Зульхарнеев А. Закавказье для России: «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона 1820 – 1830-е гг. // Уральское востоковедение: Международный альманах. Вып. 3. Екатеринбург: Уральский университет, 2008. С. 74–82.

администрации удвоились[1]. При этом новое управление, по словам Позена, «при всей видимой удобности правительственных форм, не довольно соображено в образе своих действий с характером и обычаями разнородных народов, Закавказский край населяющих»[2].

Особенно это относилось, по мнению Позена, к уездному управлению, которое стояло ближе всего к населению края. Ревизор отмечал, что институты гражданского управления не пользовались доверием местных жителей. «Причины заключаются сколько в недостатках самого учреждения, столько же в неудобном выборе лиц, в отсутствии всякой личной распорядительности со стороны губернского и областного начальства…», - отмечал Позен[3].

Итог отчета Позена звучал как приговор гановским преобразованиям: «Наконец, самое управление, стоящее краю столь важных издержек, не удовлетворяет гражданским потребностям жителей, ни в делах полиции, ни в делах суда, ни в делах хозяйства»[4]. Необходимо отметить, что в отчете Позена слышен и голос местного населения. Ревизор указывал, что неутешительные выводы проверки местных учреждений основаны как на проведенном анализе эффективности административных институтов, так и на «отзывах и просьбах жителей». Как отметил Позен, «они (местные жители – А.У.) оставили те надежды, которые имели при введении нового учреждения, забыли даже все стеснения и злоупотребления прежнего управления, и, приписывая тягости, ощущаемые ими в гражданском быту новому учреждению, во многих местах словесно, а в иных и письменно просили о восстановлении прежнего порядка»[5].

---

[1] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196б. Л. 43–44.
[2] О возникших при ревизии 1842 г. предположениях в отмену или дополнения изданного 10 апреля 1840 г. учреждения для управления Закавказским краем и о данных Военным министерством на месте разрешениях и предписаниях по высочайше предоставленной ему власти // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196а. Л. 59.
[3] Там же.
[4] Всеподданнейший рапорт статс-секретаря Позена о последствиях ревизии 1842 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 196б. Л. 44.
[5] Там же. Л. 45.

Почему местное население не оценило «правильности форм» нового административного устройства? На это вопрос в отчете Позена есть ответ, который можно назвать универсальным для российских управленцев на южной окраине. Речь идет о широко распространенном среди имперских бюрократов мнении о несовпадении уровня гражданского развития жителей региона, с одной стороны, и общеимперских стандартов управления, с другой[1]. В отчете Позена это представлено так: «Неудовлетворительное соглашение распорядка и формы, учреждением предначертанных, со степенью гражданственности жителей… нельзя подчинять одному порядку управления полуобразованного жителя Тифлиса, необразованного имеретина и гурийца, закоснелого в фанатизме мусульманина бывших ханств, воинственного джарца и дикого осетина, обитателя неприступных скал, каждое из сих племен имеет свое понятие о гражданском благосостоянии и каждому оно должно быть доставлено средствами, доступными его понятиями, верованию, привычкам и образу жизни»[2].

Как бы развивая тему необходимости адаптации общеимперских административных режимов к их эксплуатации в местных социально-политических реалиях, Позен специально отметил, что чиновники не получили от Главного управления Закавказского края никаких наказов, то есть сколь-нибудь подробных инструкций. Это привело к тому, что чиновники, «не имея наставлений собственно для вверенных им частей, подчиняют все общему порядку, принятому в русских губерниях, откуда они прибыли на службу»[3]. Позен приводил пример с министерскими циркулярами, которые спускались на уездный и участковый уровень без

[1] В качестве примера можно привести фрагмент из письма А.П. Ермолова к М.С. Воронцову от 10 января 1817 г., в котором «проконсул Кавказа» указывает на несоответствие «несмысленного» грузинского дворянства «кроткому» управлению Александра I: «Я не вижу ни признательности к правлению, устраивающему благо его, ни приверженности к Государю, столько для него милосердому. Исключая небольшое число служащих военных, прочие не стоят тех попечений, которые о них имют. Давно ли был бунт в пользу царевича, которому глупостию и подлостию нет равного. Завтра большая часть Грузии будет за него, если легковерному и несмысленному здешнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благоприятными. Словом, этот народ не создан для кроткого правления Александра, для него надобен скиптр железный». См.: А.П. Ермолов. Кавказские письма, 1816–1860 / Отв. ред. Я.А. Гордин. СПб.: «Звезда», 2014. С. 46.

[2] Там же. Л. 46.

[3] Там же. Л. 47.

критического разбора необходимости их исполнения. Один из таких циркуляров, вокруг которого завязалась служебная переписка, был посвящен рекомендации местным жителям подписаться на русские газеты и альманахи, а также на сбор денег для сооружения памятника Николаю Копернику[1].

Еще одно важное положение в отчете Позена показывало ограниченность власти главноуправляющего как одну из причин неудовлетворительного режима управления южной окраиной. Ревизор отмечал, что начальник региональной администрации не имел полномочий для увольнения чиновников, замешанных в должностных преступлениях. Последние, по данным Позена, стали настоящим бичом края, но бороться с многочисленными служебными злоупотреблениями можно было только через административные расследования, которые «обыкновенно не обнаруживают ничего, а служат новым крайним обременением для жителей»[2].

По мнению Позена, слабосильность регионального управления вела к падению его авторитета в глазах местного населения, привыкшего к более решительному начальству. Очевидно, что этот вывод Позена имел долговременные последствия и подготовил условия для постепенного расширения служебных прав и привилегий главы региональной администрации.

В августе 1842 г. по горячим следам проведенной ревизии Позен и Чернышев подготовили пространный документ – «Предположение о порядке высшего управления делами Закавказского края»[3]. Некоторые ключевые положения этого проекта заслуживают внимания, так как они были реализованы на практике уже спустя несколько месяцев. Необходимо отметить, что в историографии предложения и проекты Позена и Чернышева 1842 г. специально рассматривались лишь в статье В.Н. Мальцева, однако, проведенный историком анализ получился не вполне последовательным, а

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 49.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 1-10.

вывод о переходном характере модели управления регионом в 1842–1845 гг. малосодержательным[1].

В проекте Позена–Чернышева все управление регионом было представлено в виде трехуровневой пирамиды: уездный уровень, губернский/областной, высший[2]. Для оптимизации управления на первых двух уровнях Чернышев поручил главноуправляющему Е.А. Головину разработать специальные инструкции-наказы для чиновников, что позволило бы русским чиновникам-новичкам быстрее адаптироваться к региональным особенностям. Высший уровень управления включал в себя главноуправляющего, Совет Главного управления и генерал-губернатора. Согласно «Предположению о порядке высшего управления делами Закавказского края» в первую очередь необходимо было расширить полномочия главнуоправляющего, которые должны «представлять часть министерской власти, действующей на месте»[3].

Главноуправляющий получал право утверждения решений Совета Главного управления «по всем предметам исполнительной власти», которые ранее утверждались в министерствах. Кроме того, главноуправляющий, согласно проекту Позена-Чернышева, мог самостоятельно назначать и увольнять чиновников без согласования с министрами. Еще одной важной проектируемой привилегией главноуправляющего являлась возможность принятие чрезвычайных мер в «случаях непредусмотренных законом», при этом, каждый раз глава региональной администрации уведомлял об этом непосредственно императора[4].

В качестве противовеса сильному главноуправляющему, проект Позена –Чернышева предусматривал введение должности закавказского генерал-губернатора. Для определения принципов взаимоотношений генерал-губернатора с главноуправляющим и министрами планировалось

[1] Мальцев В. Н. Формирование центральных органов управления Кавказом // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 1. С. 54–60.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 3.

«пересмотреть существующие постановления о генерал-губернаторах» [1]. Отдельно отмечалась важность задачи по предотвращению возможных служебно-иерархических столкновений главноуправляющего с генерал-губернатором, но, как подчеркивалось в проекте, «нельзя не сознаться, что достижение сей цели всего более будет зависеть от личных качеств двух сановников»[2].

Хотя должность закавказского генерал-губернатора так и не была введена, эта идея проекта Позена-Чернышева представляет интерес как еще одно свидетельство настойчивого желания правящего класса империи сохранить баланс между двумя принципами управления – единоначалием и коллегиальностью[3]. Показательна и фиксация Позеном угрозы служебно-иерархических противостояний между различными центрами власти. После введения должности наместника эта потенциальная угроза станет политической повседневностью в контексте отношений кавказского наместника и центральной бюрократии Российской империи.

Принципиальной новацией проекта Позена–Чернышева стало предлагаемое создание высших институтов управления Кавказом. Функции Комитета по делам Закавказского края заметно расширялись: «Впредь этот Комитет должен заниматься рассмотрением всех вообще дел гражданского ведомства Закавказского края. В оный будут поступать все предметы частей исполнительной и законодательной, различаясь только в порядке направления и обработки»[4].

Фиксировалась следующая технология движения дел и порядок обсуждения ключевых вопросов управления южной окраиной. Дела исполнительного характера обсуждались министрами отдельно и в составе Комитета по делам Закавказского края, после чего поступали на высочайшее

[1] Там же. Л. 5.
[2] Там же.
[3] Подробнее см.: Раскин Д.И. Единоначалие и коллегиальность как административный принцип в законотворческой деятельности М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2. С. 102–111.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 7.

рассмотрение и утверждение. Вопросы законодательного характера двигались от императора в Комитет, а затем, после всесторонней проработки в нем, отправлялись на рассмотрение в Государственный Совет[1].

При этом, для обработки законодательных предположений, инициируемых со стороны императора, в составе СЕИВК создавалось дополнительное VI Временное Отделение, которое представляло собой уменьшенную копию II Отделения СЕИВК. Последнее, как известно, было учреждено Николаем I в 1826 г. и занималось кодификацией российского законодательства[2]. Именно VI Временное Отделение СЕИВК должно было стать политическим штабом по интеграции Кавказа в пространство империи. «Для успешнейшего же выполнения сей обязанности, оно сосредоточит в себе подробные и верные сведения о состоянии края, о личном составе управления по всем трем степеням, об успехе в движении дел, о доходах и расходах и проч. Сведения сии будут собираемы, смотря по ближайшей удобности, или через министерства, или через местное главное начальство, по формам предварительно высочайше одобренным», - отмечалось в проекте Позена–Чернышева[3].

В этой конфигурации наиболее влиятельной фигурой оказывался главноуправляющий VI Временным Отделением СЕИВК, который, одновременно, являлся одним из членов Комитета по делам Закавказского края. Кроме того, предполагалось, что один из старших чиновников Временного Отделения займет место управляющего делами Комитета. Место главноуправляющего VI Временным Отделением СЕИВК предназначалось Позену. Статс-секретарь оказывался у руля управления Кавказом при формальном первенстве в Комитете военного министра Чернышева.

Все предположения по организации управления регионом в столице получили поддержку императора Николая I и были закреплены в указе

[1] Там же.
[2] Подробнее см.: Краткий очерк деятельности Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии. 1826–1876. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1876; Майков П. М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии. 1826–1882. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 8.

Сенату от 30 августа 1842 г.[1]. В состав Комитета по делам Закавказского края кроме Чернышева и Позена вошли также: наследник цесаревич Александр Николаевич, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, председатель Департамента законов Государственного Совета Д.Н. Блудов, министр финансов Е.Ф. Канкрин, министр государственных имуществ П.Д. Киселев, министр внутренних дел Л.А. Перовский и министр юстиции В.Н. Панин[2].

Временное Отделение СЕИВК под непосредственным руководством Позена немедленно приступило к активной работе несмотря на то, что Николай I отсутствовал в столице с конца августа до начала октября 1842 г. Как известно, в это время император отправился на юг империи для смотра войск в сопровождении близких генералов А.Ф. Орлова, В.Ф. Адлерберга и французского художника Ораса Верне[3]. Сразу после возвращения в Петербург Николай I получил обстоятельный отчет Позена. По этому документу видны политические амбиции Позена, который рассматривал Временное Отделение СЕИВК в качестве основного и, вместе с тем, связующего звена новой системы управления Кавказом. В отчете подчеркивалось, что Временное Отделение СЕИВК начало осуществлять контроль над действиями кавказского главноуправляющего, с одной стороны, и координировало работу министров по отдельным частям регионального управления, с другой[4]. Как отмечено в отчете, именно во Временном Отделении СЕИВК проходила работа по составлению особой инструкции главному управлению южной окраины[5].

Этот документ, вероятно, стал основой для «Наказа Главному управлению Закавказским краем», который был утвержден императором в ноябре того же 1842 г.[6]. Согласно «Наказу» кавказский главноуправляющий превращался в почти полновластного хозяина края: «Ему поручены все без

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII (1842). Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. С. 891–892.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII (1842). Ч. 1. С. 892; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 314. Л. 41, Л. 44.
[3] Выскочков Л.В. Император Николай I. Жизнеописание. СПб.: Наука, 2022. С. 232–234.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 316. Л. 11–12.
[5] Там же. Л. 13.
[6] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842.

изъятия части управления, дано полное право надзора и разрешения всех случаев, не требующих нового закона; предоставлено определять и увольнять всех чиновников, даже высших и высылать из края вредных лиц»[1].

Министры теперь должны были согласовывать любые нововведения с главноуправляющим. Более того, циркулярные распоряжения министров по новым правилам сообщались не прямо в губернские присутственные места, а в Главное управление края, которое «после должного соображения, передает губернским местам только те из них, в исполнении которых не может встретиться затруднения по обстоятельствам края»[2].

Еще одним документом, расширявшим полномочия начальника региональной администрации, стала «Памятная записка, составленная Николаем I для главного начальника Кавказского края генерал-адъютанта Нейдгардта с программой его деятельности по военной, государственной и дипломатической части» [3] . Главой кавказской администрации и командующим Отдельным Кавказским корпусом в ноябре 1842 г. был назначен генерал А.И. Нейдгардт. Это был педантичный офицер, доказавший свою преданность Николаю I еще при подавлении восстания декабристов[4]. Однако опыта гражданской администрации и глубоких знаний о Кавказе новый главноуправляющий не имел. По воспоминаниям В.С. Толстого: «Всех изумило назначение Нейдгардта командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью, как генерала, не имеющего никакой военной репутации и никогда не управлявшего самостоятельно гражданской частью, в страну где кипела самая трудная война и где сложное гражданское управление еще далеко не устоялось и требовало трудные головоломные соображения к учреждениям остальной империи» [5] . Толстой известен как язвительный мемуарист, но здесь ему

[1] Там же. С. 32; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 42.
[2] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб., 1842. С. 6.
[3] Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия «ТРИТЭ», 2003. С. 375–379; ГАРФ. Ф. 672. Оп.1. Д. 84. Л. 1–9.
[4] Выскочков Л.В. Николай I. Жизнеописание. СПб.: Наука, 2022. С. 93.
[5] Толстой В.С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Т. VII. М.: Российский архив, студия «ТРИТЭ», 1996. С.233–234.

можно верить – Нейдгардта трудно считать самой очевидной кандидатурой на это должность. Компенсировать слабую подготовку Нейдгардта к самостоятельному управлению южной окраиной должна была уже упомянутая подробная инструкция Николая I.

Император ждал от Нейдгардта в военном отношении стойкой обороны уже занятых рубежей на Северном Кавказе и постепенных, но неуклонных улучшений в работе гражданской администрации. В записке, составленной Николаем I, особенно привлекает внимание, что начальник Кавказского края назван «доверенным лицом» самого императора. «Он (кавказский главноуправляющий – *А.У.*) пользуется обширной властью и мне одному дает отчет в своих действиях», - подчеркивал Николай I[1]. Показательными являются и заключительные тезисы императорской инструкции: «Во всех случаях, где генерал Нейдгардт считает сие нужным, он обращается прямо ко мне, и от меня одного получает разрешения, но сего полномочия не употребляет во зло и не обременяет меня не дельными представлениями о предметах, которые сам разрешить может. Развязанный таким образом в своих действиях и свободный от мелочного управления, он имеет время напрягать все свои силы и способности к общей моей цели: помня, что ежели моя доверенность к нему велика, столь важна и его ответственность пред Богом и Государем»[2].

Таким образом, осенью 1842 г. в результате ревизии, проведенной статс-секретарем Позеном, а также при личном участии императора Николая I существенно расширились административные права и привилегии кавказской администрации, главный начальник края был фактически выведен из министерской вертикали и поставлен в прямую связь с императором. Нейдгардт не проявил себя как энергичный и эффективный администратор и уже в декабре 1844 г. покинул свой пост. Но важнее здесь то, что Николай I фактически перешел к управлению Кавказом через лично доверенных и

[1] ГАРФ. Ф. 672. Оп.1. Д. 84. Л. 8.
[2] Там же. Л. 9.

полновластных региональных начальников еще осенью 1842 г. – за два года до назначения М.С. Воронцова кавказским наместником.

Накануне создания Кавказского наместничества в системе управления южной окраиной империи происходили важные перемены, фактически подготовившие события 1844–1845 гг. На протяжении 1842–1844 гг. Николай I существенно расширил полномочия главы региональной администрации. Император рассчитывал тем самым, с одной стороны, объединить в руках главноуправляющего властные полномочия и оставить за собой возможность прямого участия в делах южной окраины, с другой стороны. Эти намерения были во многом продиктованы разочарованием Николая I в предыдущих попытках найти административный оптимум на Кавказе.

Выводы к 2-ой главе. Система государственного управления Российской империи в первой половине XIX в. находилась в неустойчивом равновесии. Для управления разнообразной и многоукладной территорией империи правящей элитой применялись различные административные инструменты и технологии. Наряду с сильной и разветвленной ведомственной системой существовали территории с особым статусом, управляемые наместниками и генерал-губернаторами. Общей стратегии империостроительства не существовало, как не было и общего правительственного курса. Вместо этого видим ведомственную политику и политику генерал-губернаторов. Это приводило к постоянным колебаниям административной деятельности, чехарде среди начальников и общей политической нестабильности. Все эти особенности и противоречия общеимперской системы управления ярко проявились на Кавказе в первой половине XIX в.

Необходимо отметить, что обсуждение оптимальной модели управления южной окраиной проходило в различных правительственных учреждениях, в том числе в специальных комитетах и комиссиях, в состав которых входили высшие сановники империи. Именно специальные комитеты должны были объединить имперский правительственный аппарат и

придать его работе стратегический характер. Уже в этот период обозначились и сотрудничество, и служебно-иерархическое противостояние центральных ведомств и региональной администрации. Впоследствии эти тенденции получат развитие после создания Кавказского наместничества в 1844–1845 гг. Регулярное обсуждение различных проектов расширяло представление имперской элиты о специфике, условиях и обстоятельствах Кавказского края. Присвоение экспертного знания о регионе (или иллюзия подобного экспертного знания) являлось важным фактором в политической борьбе за определение будущего устройства имперских окраин.

Глава 3. Взаимодействие с верховной властью, высшими и центральными государственными учреждениями.

3.1. Назначение М.С. Воронцова кавказским наместником и определение его административных прав и привилегий.

Назначение М.С. Воронцова кавказским наместником в ноябре 1844 г. получило различные интерпретации в историографии. В оценках отечественных авторов начала XX в. «учреждение наместничества» являлось антикризисной мерой, с помощью которой Николай I надеялся улучшить положение на южной окраине империи. Как отметил В.Н. Иваненко, «Кавказ, погубивший репутации Ермолова, Розена, Гана, Головина и Нейдгардта, обратил на себя тревожное внимание государя»[1]. С.С. Эсадзе подчеркнул, что «мотивы учреждения наместничества нигде в точности не объяснены», но смысл в наделении Воронцова статусом наместника историк видел в выражении этим знака полного доверия императора[2]. Наконец, Н.Г. Макиевский-Зубок выделил систематические проблемы в устройстве гражданской администрации на Кавказе как причину создания «наместничества». «Эти-то гражданские дела породили мысль о необходимости выделить Кавказ в особое наместничество, чтобы дать возможность Воронцову, облеченному полным доверием государя, направить их на надлежащую дорогу»[3].

Классик советской историографии Н.П. Ерошкин, напротив, отмечал, что наместничество на Кавказе как специфическая форма административной автономии стала результатом постоянной военной тревоги в регионе: частые войны с Османской империей и Персией и бесконечная Кавказская война[4].

---

[1] Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. С. 347.

[2] Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 83.

[3] Макиевский-Зубок Н.Г. Кавказ и кавказские наместники // Вестник Европы. № 2 (февраль). 1906. С. 633-634.

[4] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: «Высшая школа», 1983. С. 183–184.

Сходную оценку еще ранее высказал А.Ш. Мильман, по мнению которого, «для быстрейшего завершения войны с горцами, усиления кавказской администрации и приближения ее к целям колониального освоения края царское правительство решило расширить полномочия главы российской администрации на Кавказе… учредило кавказское наместничество»[1].

В современной российской историографии создание наместничества интерпретируется как способ преодоления системного кризиса на Кавказе, достигшего своей высшей точки в середине 1840-х гг.[2]. В исследованиях С.С. Лазаряна сформулирована оценка, согласно которой «возобновление института Кавказского наместничества» стало «логическим завершением процесса формирования наиболее адекватной обстоятельствам административно-правовой системы»[3]. Здесь вновь необходимо отметить, что между наместничествами, учрежденными в ходе административной реформы Екатерины II 1775 г. и созданном на Кавказе в 1844 г., нет ни логической, ни документальной связи. Однако важнее другое: российские историки рубежа XIX–XX вв., советская историография и многие современные исследователи сходятся во мнении, что назначение наместника на Кавказ в 1844 г. было подготовлено административной практикой и/или вызвано масштабными проблемами в процессе интеграции окраины в пространство империи Романовых.

Принципиальная другая интерпретация представлена в работах североамериканского историка Э. Райнлендера, по мнению которого Николай I самостоятельно и единолично принял решение об учреждении наместничества и сделал это исключительно для того, чтобы предложить это место Воронцову. При этом, как отметил Райнлендер, Николай I не оценил

[1] Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков. Баку, 1966. С. 129.
[2] Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика в поисках преодоления противоречий (XVIII - начало XXI вв.), исторические очерки. М: ЛЕНАНД, 2015; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. С. 36.
[3] Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова. С. 223.

долговременных последствий учреждения должности наместника с широкими административными правами и привилегиями[1].

Райнлендер особо подчеркнул, что военно-политическая ситуация на Кавказе осенью 1844 г. была не хуже, чем раньше, а по мнению ключевых фигур в центральном управлении Кавказом – Чернышева и Позена – она улучшалась, а не ухудшалась[2]. Николай I, по мнению Райнлендера, принял решение о назначении наместника внезапно, что привело к исключению петербургской бюрократии из процесса определения полномочий нового регионального начальника и принципов его взаимоотношений с остальными институтами управления[3].

Таким образом, в историографии представлены несколько различных интерпретаций обстоятельств назначения Воронцова кавказским наместников. В отечественной историографии с регулярностью воспроизводиться оценка, в соответствии с которой создание наместничества стало следствием военных и административных неудач империи на Кавказе, ухудшающееся политическое положение на южной окраине вынудило Николая I пойти на радикальные перемены. Соответственно, с другой стороны, историк Райнлендер интерпретировал учреждение наместничества как случайность, вызванную желанием императора назначить на Кавказ графа Воронцова.

Представляется, что для понимания комплекса условий и мотиваций действующих лиц в эпизоде назначения Воронцова кавказским наместником необходим другой подход. Любое политическое назначение в абсолютной монархии – это результат борьбы, противостояния придворных групп, или отдельных посредников-лоббистов (фаворитов). Необходимо учитывать, что даже самый талантливый и деятельный абсолютный монарх может управлять

[1] Rhinelander A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 136–137.
[2] Rhinelander A.L.H. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. Vol. 59. No. 1 (Jan., 1981). P. 16.
[3] Ibid. P. 16–17.

большой страной только посредством ближайшего окружения (двора, близких бюрократов или генералов)[1].

Именно в этом контексте следует рассмотреть и назначение Воронцова, которое стало крупнейшим политическим событием в жизни столицы империи в конце 1844 г. по оценке современников, привело к падению одного из самых влиятельных бюрократов николаевской эпохи и запустило продолжительный служебно-иерархический конфликт внутри российского государственного управления[2].

Почему Николай I был так уверен в том, что он угадал с назначением Воронцова? Логичный ответ может заключаться в следующем: Воронцов проявил себя как эффективный администратор в Новороссии и Бессарабии и был знаком с Кавказом, прослужив здесь в 1803–1805 гг. еще под началом П.Д. Цицианова. Именно на это чаще всего указывается в историографии[3]. Кроме того, Э. Райнлендер отмечает также искренние монархические чувства Воронцова, которые были запечатлены на родовом гербе графов Воронцовых – «Semper Immota Fides» («Вечно непоколебимая верность»)[4]. Однако этого мало.

В 1840-х гг. в распоряжении Николая I было достаточно генералов, которые прошли Кавказ и имели большой военно-административный опыт. В качестве примера можно назвать западносибирского генерал-губернатора П.Д. Горчакова, который в 1820–1826 гг. управлял Имеретией, или Н.Н. Муравьева, воевавшего на Кавказе в 1820-х–1830-х гг. под командованием А.П. Ермолова и И.Ф. Паскевича. Принято считать, что Воронцов пользовался личным доверием Николая I, ценившего графа-монархиста. В

[1] Подробнее см.: Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 50–59.
[2] Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003. С. 236–244; Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. I. М.: Захаров, 2005. С. 483.
[3] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. С. 325–328; Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004.С. 229; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1855 гг.). М.: Проспект, 2022. С. 56.
[4] Rhinelander A.L.H. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. Vol. 59. No. 1 (Jan., 1981). P. 15-40; Rhinelander A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 136–137.

этом единодушны мемуаристы николаевской эпохи, а некоторые специально подчеркивают неограниченный характер высочайшего доверия[1]. Однозначно определить источник и природу этой доверенности затруднительно, сколь-нибудь обширная личная переписка Николая I и Воронцова неизвестна. Есть некоторые основания предполагать, что доверие императора могло сформироваться на основе благоприятных отзывов, которые Воронцов получал в отчетах III Отделения. Так в «Нравственно-политическом отчете за 1843 год» Воронцов, который тогда являлся новороссийским генерал-губернатором, охарактеризован следующим образом: «Испытанная благонамеренность графа Воронцова – этого образца русских сановников, кротость его нрава и благоразумные распоряжения приобрели ему всеобщую любовь и уважение новороссийских жителей. Он сделал то, что край, ему вверенный, есть единственный, в котором не слышны жалобы и который, процветая, приходит ежегодно в лучшее устройство и, между тем, менее всех других дает забот правительству»[2].

Вполне ясно, что наместником мог стать только доверенный императору человек с большим военно-административным опытом. Однако не менее важно и то, что кавказский наместник, как личный агент императора, должен был уметь отстаивать свою административную автономию в системе государственных учреждений. Николай I видел, что личная конкуренция различных сановников за влияние могла приводить к общим политическим неудачам, особенно в случае безоговорочного поражения одной из сторон. Здесь показателен пример сенатора П.В. Гана, преобразования которого саботировались главноуправляющим Е.А. Головиным и другими влиятельными региональными начальниками. В свою очередь сам Головин в 1842 г. не смог ничего противопоставить административной ловкости Позена, фактически поставившего региональное

[1] Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. Т. XIX. М.: Студия «ТРИТЭ», 2010. С. 714.
[2] Россия под надзором. Отчеты III Отделения, 1827–1869 / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский архив, студия «ТРИТЭ», 2006. С. 328.

начальство под свой контроль. Простое присвоение статуса наместника не могло стать надежной гарантией сильной и независимой региональной администрации, способной последовательно проводить гражданские преобразования на окраине и оставаться самостоятельной от министерских интервенций. Наместником императора должен был стать человек способный вести диалог с петербургской бюрократией как минимум на равных.

Предшественниками Воронцова были известные боевые генералы, но без систематического опыта административной деятельности за пределами военного ведомства. Необходимо отметить, что в Российской империи первой половины XIX в. военная служба была основной и почти единственной школой управления[1]. Губернии в основном возглавлялись генералами без политических навыков и вкуса к административной деятельности. Это приводило или к быстрой отставке региональных начальников в результате служебно-иерархических атак министров, или к появлению «слепых зон» в системе управления регионом, когда глава администрации перепоручал гражданские дела ближним офицерам и чиновникам и терял контроль. На Кавказе так произошло с Г.В. Розеном, который управлял регионом в 1831–1837 гг. и покинул край на фоне скандала со злоупотреблениями князя А.Л. Дадиани, приходившегося зятем Розену.

Показательно, что служебное падение представителей правящей элиты империи (генерал-губернаторов и министров) происходило при личном участии Николая I. В 1837 г. император посещал Кавказ и получил сведения о многочисленных изъянах и злоупотреблениях в администрации главноуправляющего Розена. Все эти обстоятельства подробно описаны классиком отечественного исторического кавказоведения А.П. Берже, по сведениям которого Розен знал о проступках Дадиани, но не пытался урезонить зятя[2].

[1] Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. С. 83.
[2] Берже А.П. Кавказская старина. Пятигорск: СНЕГ, 2011. С. 278.

Однако император не оценил родственных чувств Розена и Дадиани лишился флигель-адъютантских аксельбантов публично перед строем Эриванского карабинерного полка и тут же был отправлен в бобруйскую ссылку[1]. По словам Берже: «Во время этой раздирающей сцены престарелый и убитый горем Розен стоял около императора и, прильнув головой к царской груди, обливался горькими слезами»[2].

Вполне возможно, что пороки в администрации Розена не стали неожиданностью для Николая I. Еще за несколько лет до драматических событий, описанных Берже, Розен получил такую характеристику в документах III Отделения СЕИВК: «Несправедливо жаловаться на свойства характера главного начальника барона Розена, он добродушен и снисходителен; доступчивостию и правдивостью в начале привлекал всех, но когда общие желания к устроению не совершились, тогда изменилось расположение. По слабости или по несчатию, оказывает излишнюю доверенность некоторым недостойным; выборы его часто ошибочны. Хотя барон старается обнять обстоятельства, хотя недостатки и упущения ему известны, но по нерешимости затрудняется, и не предпринимает полезного, опасаясь, чтобы переменою или исправлением не нанести вреда. От сих разнообразных причин рождается в общем мнении жителей невыгодные понятия, сопряженные с неудовольствием и расстройством»[3].

При личном участии Николая I состоялась и отставка архангельского генерал-губернатора С.И. Миницкого, который в 1825–1826 гг. оказался замешан в махинациях коммерсантов Грибановых, поставлявших недоброкачественный провиант в архангельские адмиралтейские магазины. При этом Миницкому не помогли попытки лично оправдаться перед

[1] Там же. С. 279.
[2] Там же.
[3] Записки о злоупотреблениях на Кавказе, неудовлетворительном составе Особой следственной комиссии в Тифлисе для рассмотрения жалоб на управление Кавказом бароном Розеном, о состоянии торговли, о посещении Николаем I Армении, о князе Чавчавадзе, обвиненном в заговоре и другим вопросам, 1833-1838 гг. // ГАРФ. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Секретный архив). Оп. 3. Д. 1156. Л.3.

императором, а усугубили положение генерал-губернатора многочисленные конфликты внутри региональной администрации[1].

Воронцов выделялся с положительной стороны на фоне других российских губернаторов, что отмечал еще П.А. Зайончковский[2]. Накануне назначения кавказским наместником Воронцов не просто имел опыт управления окраинным регионом, он был заметной и известной фигурой в правящей элите с обширными неформальными связями. Кроме руководства Новороссией Воронцов входил в ряд других совещательных и административных институтов империи. В 1820-е гг. будущий кавказский наместник участвовал в работе Комитета для улучшения правил на брак пеньки и льна и всех вообще товаров, который был учрежден при Департаменте внешней торговли Министерства внутренних дел как следствие жалобы английского правительства на качество российской пеньки. Воронцов также являлся членом Департамента экономии МВД, регулярно представляя записки по различным вопросам хозяйственной и финансовой политики[3].

Воронцов был человеком знаменитым, то есть он был известен множеству людей, которые не имели никаких непосредственных связей с ним и даже объективных причин интересоваться его личностью[4]. По словам С.В. Самойловой: «Характерная черта биографии М.С. Воронцова – его огромная популярность. За всю жизнь он приобрел у различных людей и в разных кругах массу достаточно эклектичных образов. Реальное начало данного процесса можно с уверенностью отнести ко времени нахождения

[1] Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820 – 1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 713–730.
[2] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 149.
[3] Записки М.С. Воронцова по разным предметам // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Кар. № 2. Д. 59. Л. 24.
[4] Лилти А. Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 12.

графа во Франции, когда формируется его образ либерала, служебного фрондера, “оппозиционера предписанному”»[1].

Воронцов был известен как победитель Наполеона в битве при Краоне, как офицер, расплатившийся с французскими бакалейщиками за кутежные долги своих подчиненных, и, наконец, как один из самых богатых людей своего времени. В этом отношении показательна характеристика Воронцова, которую накануне Отечественной войны 1812 г. дал адъютант французского посланника при русском дворе капитан де Лонгерю: «Обладает хорошими познаниями в военном деле и очень любим своими солдатами и вообще всеми офицерами армии. Необычайно богат…»[2].

Кроме военной славы Воронцов был известен как один из лидеров дворянства, выступавшего за проведение реформ, в том числе крестьянской. В 1820 г. Воронцов стал одним из инициаторов создания «особого дворянского общества для изыскания способов к уничтожению крепостного права»[3]. Классик отечественной историографии академик Н.М. Дружинин относил Воронцов к течению «сановного либерализма» второй половины царствования Александра I, отметив присущие Михаилу Семеновичу «буржуазные стремления, английский конституционализм и аристократические симпатии»[4].

На некоторое время Воронцов даже стал неформальным лидером сторонников разрешения крестьянского вопроса, о чем свидетельствует письмо декабриста-экономиста Н.И. Тургенева брату Сергею от 11 мая 1820 г.: «На сих днях я был у гр[афа] Воронцова, и он мне чрезвычайно понравился и потому уже что понимает и чувствует вещи так как должно. Жаль, что он не долго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него»[5].

---

[1] Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995. С. 19.
[2] Валькович А. От резидента в Петербурге… // Родина. 1992. № 6–7. С. 30.
[3] Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 33.
[4] Там же. С. 38.
[5] Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1936. С. 280.

Позднее в своих известных мемуарах «Россия и русские» Н.И. Тургенев вновь подчеркнул значение участия Воронцова в проектах освобождения крепостных крестьян: «Два человека, выдающихся как по занимаемому ими положению, так и по своей просвещенности, граф Воронцов и князь Меншиков, решили однажды всерьез заняться делом освобождения. Я настаиваю на том, что это было сделано всерьез, ибо сим вопросом чаще всего начинают заниматься так называемые филантропы, без конца болтающие об улучшении участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении произвола господ, о пресечении злоупотреблений помещиков властью; но эти пустые фразы свидетельствуют либо о наивности, либо о злой воле тех, кто их произносит. В то время некий господин в Петербурге только и делал, что произносил зажигательные речив пользу крепостных. Было не только полезно, но и необходимо сперва освободиться от таких помощников; поэтому оба названных мною лица прежде всего объявили, что их цель состоит в полном освобождении крестьян»[1]. Сам Воронцов в 1820 г. писал об освобождении крепостных как о «священном и нужном подвиге» российского дворянства[2].

Группа аристократов во главе с Воронцовым планировала вручить императору Александру I проект создания общества для освобождения крепостных. Первоначально император выражал сочувствие этим планам, но в решительный момент переменил свое мнение и в ответ на бумагу, переданную Воронцовым, немедленно ответил: «Здесь никакого общества и комитета не нужно, а каждый из желающих пускай представит отдельно свое мнение и свой проект министру внутренних дел, тот рассмотрит его и, по возможности, даст ему надлежащий ход»[3]. Как отметил С.В. Мироненко, отказ Александра I принять предложение «либеральных помещиков» был

[1] Николай Тургенев. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. С. 252.
[2] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 132.
[3] Там же. С. 135.

продиктован опасениями негативной реакции царского двора и противодействием многочисленной группы аристократов-консерваторов[1].

Несмотря на неудачу этого начинания, Воронцов стал своим в круге российских реформаторов. Известна переписка Воронцова с М.М. Сперанским. В одном из писем, датированном 9 февраля 1826 г., Воронцов показывает свое почтительное отношение к «светилу российской бюрократии»: «Может статься, не в продолжительном времени я буду иметь удовольствие лично с вами видеться, в ожидании же сей приятнейшей для меня минуты, позвольте повторить те чувства совершенного почтения и истинной преданности с коими остаюсь на веки» [2]. Воронцов умел прагматически использовать приобретенные неформальные связи. Летом 1826 г. он, уже будучи новороссийским генерал-губернатором, просит Сперанского, вернувшегося к законотворческой деятельности, поддержать проект о полном восстановлении порто-франко в Одессе [3]. Как известно статус «свободного порта» с правом беспошлинного ввоза и продажи товаров была дарован Одессе сроком на 30 лет 10 мая 1817 г. манифестом Александра I [4]. Соответственно, вокруг города была организована таможенная черта, которая постоянно расширялась. К 1826 г. линия одесского порто-франко ограничивалась Внешним бульваром, и Воронцов добивался расширения зоны свободной торговли. С помощью Сперанского, или без, но новороссийский генерал-губернатор добился расширения одесского порто-франко в том же году[5].

В письме от 20 июня 1833 г. Воронцов не скупится на восхищение работой Сперанского по кодификации российского законодательства: «Вы познакомили всю Россию с многими благодетельными законами и постановлениями, которые многие у нас совсем не знали, а иные знавши,

[1] Там же. С. 136–137.
[2] ОР РНБ. Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 2040. Л.3.
[3] Там же. Л. 4.
[4] Коханский В. Одесса за 100 лет. 1794–1894. Одесса: Типография П. Францова, 1894. С. 59.
[5] Там же.

хотели скрывать»[1]. Воронцов отмечает, что Собрание законов стало «драгоценным подарком Отечеству», а сам Сперанский «обессмертил» свое имя в российской истории[2]. Новороссийский генерал-губернатор приглашал Сперанского в Одессу и Крым: «Для меня было бы истинное удовольствие показать вам сей прекрасный уголок нашей великой империи…». Однако, несмотря на всю неформальность этих отношений Воронцов умел отказывать, если какие-либо предложения не совпадали с его личными интересами. Это видно по вежливому, но решительному отказу помогать другому аристократу-реформатору Н.С. Мордвинову в его земельных спорах в Крыму. За Мордвинова просил Сперанский, но безуспешно[3].

Одновременно Воронцов был в дружеских отношениях с другой группой влиятельных государственных деятелей первой половины XIX в., а именно с А.П. Ермоловым, управлявшим Кавказом в 1817–1827 гг. и А.А. Закревским, занимавшим в разное время посты дежурного генерала Главного штаба, финляндского генерал-губернатора и министра внутренних дел. Отношения Воронцова с ними подробно описаны в монографии М.А. Давыдова[4]. Здесь важно отметить, что будущий кавказский наместник обладал многими социальными валентностями, Воронцов был своим для различных группировок во власти.

Обширные неформальные связи, как и умение противодействовать придворным и служебным интригам, помогали Воронцову сохранять и укреплять собственные позиции в системе управления империи. На рубеже 1820-х–1830-х гг. на пост новороссийского генерал-губернатора, который занимал Воронцов, активно претендовал граф И.О. де Витт, ранее командовавший новороссийскими военными поселениями. Как сообщал Воронцову доверенный ему А.И. Казначеев, занимавший пост Таврического губернатора, в письме от 12 января 1831 г., «Граф Витт давно страдает

[1] ОР РНБ. Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 2040. Л.6.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М.: РГГУ, 1994.

животом от желания быть новороссийским генерал-губернатором. Пользуясь вашим отъездом, он говорит или бредит и пишет все, что только может сделать вам неприятность»[1]. Витт являлся опасным соперником, который также как и Воронцов входил в когорту героев Отечественной войны 1812 г., а также имел большой административный опыт по организации военных поселений[2]. Однако «подвинуть» Воронцова с места новороссийского генерал-губернатора Витту несмотря на все старания не удалось.

Николай I создавал условия для сохранения личного участия в делах южной окраины, и это требовало надежного и устойчивого канала прямой связи монарха с регионом, без бюрократов-посредников и помех с их стороны. И здесь кандидатура Воронцова была вне конкуренции: богатый, знатный, знаменитый и главное – старый оппонент министерского контроля.

Осенью 1844 г. кавказскому главноуправляющему Нейдгардту стали искать замену. По воспоминаниям чиновника А.А. Харитонова, первоначально Николай I предложил место Нейдгардта генералу Д.А. Герштенцвейгу, но он отказался, сославшись на болезнь[3]. Военный министр Чернышев предлагал императору кандидатуры генералов Д.Е. Остен-Сакена и Н.А. Долгорукова. Однако, ни тот, ни другой не устроили Николая I[4]. Здесь отметим, что возможные назначения Герштейнцвейга и Долгорукова могли обернуться большими проблемами. И тот, и другой вскоре покончили жизнь самоубийством: Герштейнцвейг страдал психическим заболеванием, а Долгоруков так вышел из позорной истории растраты казенных денег[5].

Наконец, шеф жандармов и один из ближайших сподвижников императора А.Ф. Орлов обратил внимание царя на новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова[6]. По воспоминаниям чиновника А.А.

---

[1] Казначеев А.И. Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837 гг. М.: Новый хронограф, 2015. С. 83.
[2] Кандаурова Т.Н. Записки генерала графа И.О. Витта по вопросам организации военных поселений // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2015. С. 403–419.
[3] Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 2. С. 104.
[4] Там же.
[5] Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. М.: Университетская типография, 1901. С. 142.
[6] Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 2. С. 104.

Харитонова, Николай I ухватился за это предложение, удивляясь, как ему самому не пришла в голову кандидатура Воронцова.

В ноябрьском (1844 г.) рескрипте Николай I подчеркивал свое особое доверие к Воронцову: «Считаю нужным избрать исполнителем моей непременной воли лицо, облеченное моим неограниченным доверием и соединяющим, с известными военными доблестями, опытность гражданских дел, в сем поручении равномерно важных»[1]. Как будет показано далее, именно доверие императора станет важнейшим козырем Воронцова в служебно-иерархическом противостоянии с центральной бюрократией. «Неограниченное доверие» царя выделяло Воронцова из ряда «обычных» региональных начальников и должно было быть воплощено в его статусе. Кроме того, назначение Воронцова на Кавказ, вероятно, должно было быть оформлено как повышение, а не как простой перевод с окраины на другую окраину. Все эти соображения престижности нового назначения Воронцова нашли отражения в том же николаевском рескрипте: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас, в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моим к вам доверием, не откажитесь исполнить мое ожидание»[2].

Таким образом, для М.С. Воронцова учреждалась новая должность – кавказский наместник. Николай I прекрасно понимал, что сановник в таком почтенном возрасте (Воронцову шел 63-й год), «обладавший морально и материально всем, что только может льстить человеческому тщеславию и самолюбию»[3], мог с энтузиазмом принять новое назначение лишь на эксклюзивных условиях. Символически должность наместника значила больше поста генерал-губернатора, или главноуправляющего. В 1844 г. в Российской империи был только один наместник – наместник Царства

[1] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. I.
[2] Там же.
[3] Корф М.А. Записки. С. 343.

Польского И.Ф. Паскевич, известный царский любимец. Должность кавказского наместника сопрягалась с «неограниченным полномочием», ни один из предшественников Воронцова не получал подобного кредита. Кроме того, номинация «наместник» имела очевидные коннотации не только с высокой административной должностью, но и с титулом как в Московском государстве XVI–XVII вв.[1].

В ноябрьском рескрипте Николай I обещал сохранить за Воронцовым должность новороссийского генерал-губернатора «в справедливом внимании к семейным обстоятельствам»[2]. В историографии это сохранение за Воронцовым главного управления Новороссийским краем лишь констатируется, но не осмысляется. Между тем, других подобных примеров николаевская Россия не знала. Даже успешные администраторы и фавориты императора, как Паскевич, перемещались по имперскому периметру без сохранения прежней должности. Представляет интерес и мотивировка такого решения – «семейные обстоятельства». Под ними, скорее всего, подразумевалось строительство Алупкинского дворца, который являлся очень важным проектом лично для Воронцова. Проектировал воронцовский дворец английский архитектор Э. Блор, который участвовал в строительстве Букингемского дворца; скульптуры для садово-паркового ансамбля заказывались в Италии; растения покупались в Испании[3]. Оторвать Воронцова от любимого проекта было трудно, поэтому Николай I специально отметил в рескрипте, что кавказский наместник мог «ежегодно проводить по несколько месяцев на отдохновении в Крыму в вашем поместье и в кругу вашего семейства»[4].

Официально о назначении Воронцова на Кавказ стало известно в декабре 1844 г. Генерал А.И. Нейдгардт увольнялся по болезни[5], что,

[1] Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII в. М.: Прометей, 2012. С. 39–48.
[2] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. I.
[3] Губайдуллина Е.П., Балинченко А.П. Из истории Воронцовского дворца в Алупке // Русское искусство. 2022. № 2. С. 6–15.
[4] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. I.
[5] О назначении графа М.С. Воронцова наместником кавказским и о правах его по сему званию // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 1.

вероятно, было правдой, учитывая его скорую кончину летом 1845 г. Необходимо отметить, что Воронцов был оставлен в прежних должностях и званиях, то есть он продолжил возглавлять администрацию Новороссии и Бессарабии. Согласно Указу Правительствующему Сенату от 27 декабря 1844 г. император Николай I повелел исправлять должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генералу П.И. Федорову, который состоял «под главным начальством» Воронцова[1].

Как только в Одессе стало известно о новом назначении М.С. Воронцова, к нему хлынули просители о месте рядом с ним. Еще более восторженный прием ожидал М.С. Воронцова в Петербурге. На торжественном обеде в Английском клубе, где собирались в неформальной обстановке виднейшие государственные деятели, в честь нового назначения произносились самые лестные и вдохновенные слова. Всеобщее восхищение Воронцовым даже вызвало некоторое недовольство со стороны Николая I. В феврале 1845 г. в редакцию «Русского инвалида» — официальной газеты Комитета о раненых, а позднее Военного министерства — поступила рукопись статьи «Из письма в Москву», в которой подробно описывался торжественный прием кавказского наместника в Английском клубе столицы. Статью не пропустил в печать лично император, усмотревший неприличные выражения в произнесенных на празднестве речах. Так, генерал Н.Ф. Плаутин, командовавший гусарами лейб-гвардии, выразил «общее признательное чувство, что граф (М.С. Воронцов —А.У.), несмотря ни на лета, ни на тяжкие труды свои, от которых имел бы право теперь успокоиться, снова решился выступить на обширное поприще трудов военных, лишь только общее доверие, выраженное священною волею монарха, воззвало к нему». Напротив этих слов Николай I написал: «вовсе неприлично; благодарить могу я, а никто другой»[2].

[1] Там же. Л. 2.
[2] Успенский И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912. С. 3–7.

Популярность стала для М.С. Воронцова важным ресурсом в борьбе за служебно-иерархическое первенство. Впоследствии он будет способствовать расширению своей публичности, учредив в 1846 г. газету «Кавказ», распространявшуюся в Санкт-Петербурге, Тифлисе и Одессе. На ее страницах регулярно публиковались материалы о поездках и встречах наместника, передавались его речи, печатались благодарные отзывы «с мест». Воронцов являлся одним из немногих вельмож, о которых сочинялись не только ироничные эпиграммы, но и хвалебные песни[1].

Назначение Воронцова на Кавказ, сопровождаемое декларацией его самых широких полномочий, в должности наместника было неожиданностью для Позена, Чернышева и столичной бюрократии. Тем не менее, пока Николай I не давал поводов для мыслей о масштабном переформатировании системы управления южной окраиной. В декабре 1844 г. Позен, вероятно, чувствовал себя уверенно и рассчитывал, что изменения коснутся лишь смены названия должности кавказского начальника с главноуправляющего на наместника. Именно Позену император поручил подготовку нового специального рескрипта с описанием полномочий кавказского наместника и механизма его взаимодействия с правительством[2].

В отличие от Воронцова, Позен не пользовался популярностью в обществе, а скорее, напротив, раздражал столичную публику своими непропорционально большими успехами и влиянием для человека не знатного происхождения. Николаю I неизбежно пришлось бы сделать выбор, так как и Воронцов, и Позен в системе власти императора выполняли равнозначные функции – обеспечивали непосредственное участие монарха в управлении южной окраиной. Позен был явно лишним звеном в новой конфигурации управления Кавказом, он занимал бы место между Николаем I

[1] Песнь кавказских воинов. Тифлис: Военно-походная канцелярия, 1848. С. 5: «Веди ж нас вождь – царем – избранный // Святой России славный сын, // Веди, орел наш, в путь желанный – куда лишь ты нас вел один, // Как поучительно с тобою, // Как радостно нам быть в боях: // Ты юн – с сребристою главою, // Ты бодр – и в старческих годах»; Удовик В. Воронцов. М., 2004. С. 291: «Кто царю сподвижник нужный, // Вождь – правитель городов, // Укротитель Руси южной? // Наш вельможа Воронцов».
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 1.

и Воронцовым, что было бесполезно для первого и недопустимого для второго. Об этом замечательно написано в дневнике А.В. Никитенко: «Позен настолько умен и сознателен, что не мог занимать важное место без влияния, а граф Воронцов не мог допустить, чтобы между ним и государем состоял посредником умный человек»[1].

Пока Позен составлял рескрипт, Воронцов в начале января 1845 г. приехал в Петербург и стал главной темой публичных обсуждений. «Куда ни приезжайте, о чем ни заговорите, речь непременно сведется на Кавказ и нашего петербургского гостя, и в этом говоре услышите вы повсюду одобрительное сочувствие с новым назначением знаменитого война и воспоминание о его прежних славных подвигах…», - отмечал современник[2].

Воронцов приехал в Петербург как полководец-триумфатор, его назначение связывали с началом нового этапа в политике на Кавказе. Чиновники передавали наместнику многочисленные прошения о переводе под его начало, а также проекты замирения и обустройства южной окраины. Коллежский асессор Овощников подготовил пространную записку «О Кавказском крае», в которой перечислял меры для того, чтобы «связать нужды России с Грузией»[3]. Чиновник считал, что грузинские территории следует более последовательно интегрировать в общеимперское пространство прав и обязанностей. «Нельзя не принять в уважение тягостей России в отношении к Грузии. В России помещики, сверх разных государственных сборов, несут рекрутскую повинность в натуре; равно и купечество, сверх таких же сборов, несет гильдейские повинности. В Грузии напротив того, кроме подушно сбора и других мелких сборов, рекрутской повинности не знают, равно и торговый класс людей, составляющий большей частью армян – обогатившихся от Российских войск и гражданских

[1] Никитенко А.В. Дневник. Т. I. 1826–1857. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1955. С. 237.
[2] Успенский И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. С. 3.
[3] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 12. Л. 30.

чиновников, кроме платежа махты и мелких сборов ничего не платит и тем самым в нуждах России не участвует»[1], - писал Овощников.

Овощников предлагал собрать из грузин конную милицию, расходы которой были бы оплачены из средств армянских коммерсантов. Эта мера должна была, по мысли чиновника, избавить правительство от необходимости направлять новые войска на Кавказ. Еще одной важной мерой данного проекта являлось предложение по активизации торговых операций с горцами Северного Кавказа, что должно было помочь приобрести их доверие[2].

Именно торговле как инструменту интеграции Кавказа посвятил свой проект московский мещанин Александр Тимофеев, называвший себя «таинственным лицом среди кавказских горцев». Тимофеев представил свой проект наместнику в конце января 1845 г.: «Зная хорошо горцев, основательно докладываю: что одною войной обезоружить, усмирить и сделать повсеместно спокойными их нельзя, потому что народ свободный, решительно без торгового промысла, не умея чем честным заняться и приобречь себе состояния, от нечево делать только занимаются одним хищничеством, за что наши войска ходют их наказывать, и они в сходстве закона в Алкоране за непременное поставляют кровь за кровь нашим обратно отомстить и так этим повторением не будет конца. Но ежели наше высшее правительство, действительно желает их покорить и усмирить, то можно из них сделать вторых мирных швейцарцов, и их же горы раскопать их же собственными руками; а именно им надо дать честное дело, внести в горы заводскую торговую промышленность»[3].

Тимофеев настойчиво пытался обратить на себя внимание Воронцова многочисленными письмами, в которых он просил наместника снабдить его деньгами и полномочиями для «заведения в горах заводской торговой

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 6.

промышленности»[1]. В одном из писем наместнику Тимофеев любопытно зафиксировал публичную репутацию Воронцова: «Обнадеженный в С. Петербурге значительными особами, что вы добры и ценители усердных и предприимчивых людей, что я на пользу отечества получу от вашего сиятельства всевозможные средства и ограждения от притеснений»[2].

Вероятно, Тимофеев был уверен, что Воронцов рано или поздно, но, все же, обратит свое внимание на его предложения. Прожектер самостоятельно отправился в Тифлис и здесь продолжил уговаривать наместника доверить ему ответственную миссию. Однако отношение чиновников из ближнего круга наместника к Тимофееву, Овощникову и другим подобным административным предпринимателям было предельно ироничным. В июне 1845 г. директор канцелярии наместника С.В. Сафонов писал помощнику начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса и позднее начальнику Кавказской области генералу И.И. Норденстамму: «Может быть, ваше превосходительство найдет несколько свободных минут от ваших занятий и захотите прочитать любопытные и в некоторых местах смешные документы московского мещанина Александра Тимофеева и две записки коллежского асессора Овощникова»[3]. Тимофеев так и не получил от Воронцова никакой поддержки. Такое поведение Воронцова объясняется, в том числе его привычкой доверять только проверенным чиновникам, доказавшим свою преданность и компетентность.

Восторженный прием Воронцова в столице еще больше усилил его политические позиции. В Петербурге были уверены, что знатный, богатый и популярный Воронцов не станет делиться властью с Позеном, который вызывал у столичной публики презрение и зависть[4]. В этих условиях произошло короткое, но показательное служебно-иерархическое столкновение между Воронцовым и Позеном. В современной историографии

[1] Там же. Л. 6.
[2] Там же. Л. 46.
[3] Там же. Л. 35.
[4] Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М.: Рубежи XXI, 2010. С. 283–284.

этот эпизод иногда ретушируется в целях придания образу Воронцова еще больше благородного лоска[1]. Однако без его анализа трудно понять логику принятых Николаем I решений.

Наиболее обстоятельно столкновение Воронцова и Позена изложено в воспоминаниях А.А. Харитонова, которые оказали огромное влияние на интерпретацию этих событий в историографии [2] . Согласно этому свидетельству, Чернышев буквально натравил Воронцова на Позена, напугав наместника тем, что тому придется «сноситься по всем делам гражданского управления» с главой VI Временного Отделения. Поверив Чернышеву, Воронцов, по воспоминаниям Харитонова, умело спровоцировал Позена на неосторожные слова о том, что наместник желает присвоить себе царскую власть. Чернышев и Воронцов подали Николаю I опрометчивые слова статс-секретаря в выгодном им свете и тем самым завершили карьеру Позена[3].

Свидетельство Харитонова яркий и красноречивый источник, но архивные свидетельства его существенно дополняют. Пространством столкновения Воронцова и Позена стало содержание высочайшего рескрипта, который должен был в общих чертах определить место кавказского наместника в системе государственного управления империи.

Позен рассматривал назначение Воронцова как органичное продолжение тех изменений в системе управления Кавказом, которые стали следствием ревизии 1842 г. и проходили под полным контролем статс-секретаря. Скорее всего, в представлении Позена кавказский наместник Воронцов являлся преемником главноуправляющего Нейдгардта, но не более того.

20 января 1845 г. Позен отправил проект царского рескрипта находившемуся в столице наместнику. Судя по письму статс-секретаря, документ уже содержал исправления, внесенные Воронцовым и

[1] Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854). М.: Проспект, 2022. С. 228–229.
[2]См. например: Rhinelander A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 140–144.
[3] Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 2. С. 104–110.

Чернышевым ранее[1]. Ключевые положения проекта царского рескрипта заключались в следующем:

1) Наместнику поручалось высшее гражданское управление как Закавказья, так и Северного Кавказа. Начальство Кавказской области «по всем делам, власть его превышающих, не обращаясь в министерства, представляет» наместнику[2].
2) Император поручал наместнику вопрос о влиянии командующего войсками Кавказской линии на гражданское управление Кавказской области. Наместник имел в этом вопросе две опции: ограничения или полной отмены участия командующего Кавказской линии в делах областного управления.
3) В рескрипте подтверждалось право наместника (по примеру прав главноуправляющего в Закавказском крае) разрешать на месте все административные вопросы в пределах министерской дискреции и представлять решению императора дела, которые находились за пределами этих полномочий[3].
4) За Воронцовым закреплялась потенциальная возможность расширить политические права и привилегии наместника после ознакомления с положением дел в крае.

23 января наместник вернул проект рескрипта статс-секретарю, сообщив в сопроводительном письме, что документ «совершенно согласен с тем, что было положено между нами и князем Александром Ивановичем (Чернышевым – А.У.)»[4]. Однако далее оказалось, что Позен и Воронцов сильно разошлись в определении правил взаимодействия между наместником и петербургской бюрократией. Позен полагал, что наместнику достаточно иметь возможность решения текущих дел, относящихся к сфере министерских компетенций. Это в общем виде делало власть наместника

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 53.
[2] Там же. Л. 50.
[3] Там же. Л. 54.
[4] Там же. Л. 54.

«властью министерской, действующей на месте»[1]. По замыслу Позена, наместник не мог быть выведен из управленческой вертикали. Чиновник предлагал Николаю I выбрать, к кому наместник будет обращаться по вопросам, превышающим его полномочия: непосредственно к императору, к министрам «по принадлежности», к управляющему Временным VI Отделением СЕИВК (т.е. к самому Позену)[2]. В представлениях Позена, наместник по своему статусу и функциям в системе государственного управления лишь немного превосходил главноуправляющего.

Этот подход совершенно не устраивал Воронцова, который не рассматривал себя как преемника Нейдгардта. Воронцов составил собственную редакцию рескрипта, который Позену доставил секретарь наместника М.П. Щербинин. Если редакция Позена подчеркивала преемственность статуса и функций наместника и главноуправляющего, то воронцовский вариант подчеркивал разрыв традиции: «Все те дела, которые по существующему ныне порядку, представлялись от Главного управления Закавказским краем на разрешение министров, предоставляется вам (наместнику – *А.У.*) разрешать на месте. Движение и разрешение дел законодательных подчиняется порядку, ныне существующему»[3]. Важнейшим дополнением был четвертый пункт воронцовского проекта высочайшего рескрипта: «Сверх того предоставляется вам (кавказскому наместнику – А.У.), когда вы найдете нужным, принимать на месте все меры, обстоятельствами требуемые, донося прямо мне (императору – А.У.), как о действиях ваших, так и о причинах, к ним вас побудивших»[4].

Это положение давало Воронцову абсолютно беспрецедентные права и полномочия, ранее никогда не присваивавшиеся региональным администраторам в Российской империи. В таком виде рескрипт резко разрывал связь наместника с предшествующим административным опытом, а

[1] Там же. Л. 57.
[2] Там же. Л. 58.
[3] Там же. Л. 61.
[4] Там же. Л. 62.

главное делал позицию Позена и возглавляемого им Временного Отделения СЕИВК излишней.

Совершенно не ожидавший такого поворота Позен неосторожно заметил секретарю Воронцова, что его начальник в этом случае получит власть подобную царской [1]. М.П. Щербинин поспешил доложить М.С. Воронцову об отзыве статс-секретаря. Наместник немедленно поставил в известность императора и заручился поддержкой военного министра и председателя Закавказского комитета А.И. Чернышева. Уже на следующий день Позена вызвали для объяснения в дом Воронцова. Последовавший разговор между наместником, военным министром, статс-секретарем и вызванным для подтверждения слов Позена о желании Воронцова узурпировать царскую власть Щербининым привел к отставке главы VI Временного отделения императорской канцелярии[2]. Необходимо отметить, что покровитель Позена военный министр Чернышев не попытался защитить статс-секретаря, а, напротив, стал на сторону Воронцова. С этого эпизода началась история служебной коалиции кавказского наместника и военного министра, которая оставалась в неизменной силе вплоть до отставки Чернышева в 1852 г. Э. Райнеландер справедливо отметил множественные параллели в карьерах Чернышева и Воронцова: они были приблизительно одного возраста, оба выдвинулись в период Наполеоновских войн, имели опыт административного управления на окраинах империи и, наконец, оба достигли большого политического влияния в государстве Романовых [3]. К этому необходимо добавить, что беспрецедентные служебные права и привилегии кавказского наместника не особенно тревожили главу военного ведомства, в отличие от других министров. Кавказская война шла с переменным успехом, а до окончательной победы над горцами было еще очень далеко. Возможность уступить ответственность за возможные военные неудачи наместнику было для Чернышева надежной гарантией от обвинений

[1] Щербинин М. П. Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. М.: Типография Грачева и К, 1876. С. 19.
[2] Корф М.А. Записки. С. 345–346; Щербинин М. П. Воспоминания. С. 20.
[3] Rhinelander A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. London; Buffalo, 1990. P. 144.

в провале. В отношении же дел гражданского управления многое решалось в профильном комитете, который возглавлял военный министр.

Проект высочайшего рескрипта рассматривался на заседании Комитета по делам Закавказского края 27 января 1845 г. Заседание проходило в доме Чернышева, который председательствовал на этом собрании. Комитет в составе министра финансов Ф.П. Вронченко, министра государственных имуществ П.Д. Киселева, министра внутренних дел Л.А. Перовского и министра юстиции В.Н. Панина «принял высочайшую волю к надлежащему исполнению». Министры усомнились лишь в необходимости подчинять «во всех подробностях» наместнику Кавказскую область, которая «управляется теперь на общих началах, для внутренних губерний предписанных»[1], но даже это скромное замечание министров впоследствии осталось без внимания.

Спустя три дня решение Комитета было утверждено Николаем I. Любопытным свидетельством борьбы различных подходов к содержанию рескрипта является его заглавие при публикации – «О усилении прав главноуправляющего гражданской частью на Кавказе»[2]. В то время как содержание рескрипта было посвящено служебным правам и привилегиям кавказского наместника. Воронцов стал почти самовластным правителем огромной области – Большого Юга Российской империи, простиравшегося от Дуная до Аракса. Статус наместника на символическом уровне наделял положение Воронцова в системе государственного управления империей эксклюзивными характеристиками.

Позен подал в отставку и, по воспоминаниям Харитонова, причиной стал отказ императора принять статс-секретаря с традиционным личным докладом по средам[3]. Однако с большей вероятностью на решение Позена могло повлиять резкое изменение конфигурации модели управления южной окраины, в которой ключевое место занимал наместник как основной личный агент императора. Честолюбивый Позен, вероятно, тяготился прилипчивой

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 66.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XX. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1846. С. 151–152.
[3] Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 2. С. 104–110.

ролью второго плана в системе управления, и Кавказ был для него последней возможностью занять более престижную позицию в правительственной иерархии.

Столичная публика узнала об отставке Позена 31 января 1845 г. и встретила эту новость «бесконечными толками»[1]. Враждебно настроенное к Позену петербургское общество приветствовало его падение и не скупилось на комплименты Воронцову. По свидетельству М.А. Корфа, многочисленные враги статс-секретаря «возопили, что если бы Воронцову и не удалось ничего сделать на новом его поприще, то одним удалением Позена он уже оказал огромную государственную заслугу государю и России»[2].

Конфликт с Позеном стал первым, но далеко не последним подобным эпизодом во взаимоотношениях кавказского наместника и центральной бюрократии. Воронцов и его преемники находились в ситуации перманентного противостояния с министрами по различным вопросам административных прав, привилегий и иерархий.

Назначение Воронцова кавказским наместником стало следствием нескольких обстоятельств. Во-первых, расширение прав начальника региональной администрации началось еще в 1842 г. и было связано с результатами ревизии Чернышева–Позена. Во-вторых, остановив свой выбор на кандидатуре Воронцова, Николай I оказался вынужден предлагать что-то новое и эксклюзивное, учитывая занимаемый Воронцовым генерал-губернаторский пост и его высокий неформальный статус при дворе. Таким образом, появление института Кавказского наместничества в системе государственного управления не было вызвано каким-то кризисом политики империи на южной окраине, как это традиционно отмечается в отечественной историографии. При этом Николай I не имел готового решения проблемы прав и полномочий кавказского наместника. Определить место наместника в системе управления должны были военный министр

[1] Там же.
[2] Корф М.А. Записки. С. 240.

Чернышев и статс-секретарь Позен при участии Воронцова. Петербургские сановники не были исключены из этого процесса, как полагал Райнлендер. Но в ходе этой коммуникации Позен, выдерживавший линию, определенную в 1842 г., проиграл в борьбе с Воронцовым при враждебном нейтралитете Чернышева. Парадоксально, но учреждение Кавказского наместничества было подготовлено усилиями Позена, который выступал сторонником укрепления полномочий региональной администрации.

Позен как бюрократ планировал уравновесить сильного главноуправляющего/наместника столичными институтами контроля – VI Отделением СЕИВК и специализированным комитетом. Различные институты управления, по зымыслу Позена, могли не только объединить политические векторы различных ведомств в единый правительственный курс, но и создать сбалансированную административную систему. Вместо этого на Кавказ был назначен полновластный наместник императора, которому были подчинены все присутственные места и все чиновники всех ведомств и управлений.

3.2. Ближайшие сотрудники первого кавказского наместника: карьерные траектории, служебные и личные качества.

Собираясь в Тифлис в начале 1845 г., М.С. Воронцов обращался к своим знакомым, которым доводилось служить на Кавказе. Одним из них был Е.А. Головин, занимавший в 1837–1842 гг. должности главноуправляющего в Грузии и командующего Отдельным Кавказским корпусом. Головин рекомендовал Воронцову некоторых чиновников и офицеров, а также отметил, что «для успехов на Кавказе три важнейшие потребности: люди, люди, люди. Там не всякий годится...»[1].

[1] Письмо генерала от инфантерии Е.А. Головина командиру Отдельного Кавказского корпуса и наместнику Кавказа генералу от инфантерии М.С. Воронцову с изложением своего мнения на характер военных действий против горцев, 24 января 1845 г. // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сб. док. / сост. Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х. Х. М.: Эхо Кавказа, 2005. С. 336.

К моменту назначения кавказским наместником М.С. Воронцов уже был ветераном имперской администрации. За два десятилетия управления Новороссией и Бессарабией вокруг Воронцова сложился определенный круг доверенных чиновников. В историографии большой популярностью пользуется определение «чиновник воронцовской школы», которое распространяется на широкий круг гражданских администраторов, служивших под началом Воронцова[1]. Некоторые из них отправились на Кавказ сразу вслед за патроном, или присоединились позднее.

Необходимо отметить, что группа ближайших доверенных сотрудников первого кавказского наместника как организованная структура фиксировалась современниками. В одном из анонимных доносов Александру II на Воронцова эта группа была названа «гнусными клевретами Воронцова»[2], а затем и партией: «”Полу-министр, полу-невежда” подписывал все, знаемое и незнаемое, в угодность своей и жениной партии. Чтобы удовлетворить своим и жены своей слабостям, Воронцов как старый плут, под гнетом которого давно уже, прежде 1845 года стонал и весь новороссийский края, тактически размерял все свое управление за Кавказом, и зная преступные свои и любимцев своих привычки, заранее, при самом отъезде своем в Грузию, в 1845 году испросил от отца вашего индульгенцию и вас самих тогда же поставил свидетелем, чтобы никого не преследовать, кто будет беззаконничать и обирать и казенные, и частные деньги и имения»[3].

Действия первого кавказского наместника и его окружения могли не соответствовать установленным законом нормам, но нашей целью не является правовой анализ работы региональной администрации. В этом

[1] Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 144–147; Кравчук А.С., Непомнящий А.А. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора // Пространство и время. Электронный научный альманах. 2016. Т. 12. Вып. 1 // Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dmitriy-vasilievich-naryshkin-k-biografii-tavricheskogo-grazhdanskogo-gubernatora/viewer (Дата обращения: 21.06.2025)

[2] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 74. Л. 5.

[3] Анонимное письмо Александру II с отрицательным мнением об увольнении Муравьева и деятельности на Кавказе Воронцова и Барятинского, 5 августа 1856 г. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 74. Л. 5.

параграфе предпринята попытка реконструкции формальных и неформальных ресурсов власти кавказского наместника, представленных его ближайшими сотрудниками, объединенными личностью наместника.

Воронцов начал собирать вокруг себя знакомых и доверенных чиновников уже в январе 1845 г., то есть сразу после нового назначения. И это объяснялось репутацией южной окраины. Кавказ воспринимался современниками как регион, пронизанный казнокрадством и клановостью[1]. Это стереотипное восприятие края было особенно характерно для Воронцова и его преемника на посту кавказского наместника Н.Н. Муравьева-Карсского.

Формированию подобного стереотипа способствовали как слухи, окружавшие южную окраину империи, так и громкие разоблачения, вроде уже упоминавшегося дела полковника командира Эриванского карабинерного полка князя А.Л. Дадиани (1837 г.), который за многочисленные злоупотребления был лишен чинов и званий и отправлен в ссылку. Впечатляющими были и отчеты начальника регионального жандармского округа А.А. Скалона, который в записке «О положении жителей Эриванского и Нахичеванского уездов и о мерах по восстановлению хозяйственного их быта» (1840 г.) писал: «Что сказать о злоупотреблениях лиц местного управления? Они необъятны! И чего было ожидать народу, какой надеяться защиты, когда старшины его назначались за деньги, когда окружные начальники покупали свои места, когда саамы правители области с откупщиками и комиссионерами делили плоды кровавых трудов земледельца» [2] . Особенно отличился, по сведениям Скалона, начальник Армянской области полковник Г.С. Сумбатов. Он «пользовался, говорят, всеми случаями и размерами для утоления жадного своего корыстолюбия… он часто с восторгом высыпая червонцы в таз, перемывает их с наслаждением в теплой воде с мылом»[3].

[1] Воспоминания Щербинина. С. 700–701.
[2] Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826 – 1856). М.: Квадрига, 2023. С. 272.
[3] Там же.

Вновь назначенные начальники края приезжали в Тифлис с чувством недоверия к местной администрации и элитам. Именно эта логика вела к необходимости перетаскивания за собой на Кавказ доверенных и проверенных бюрократов. Эти же обстоятельства приводили к принятию и других, зачастую крайне противоречивых решений. Так, Воронцов распорядился поставить у входа в дом кавказского наместника большой ящик для сбора жалоб, среди которых были и ложные доносы, как показало дело командира Грузинского гренадерского полка полковника Ю.А. Копьева[1].

Кроме чиновников в ближний круг первого кавказского наместника входили и военные. Это абсолютно закономерно, учитывая, что перед Воронцовым стояла двуединая задача: переломить ход Кавказской войны и добиться расширения лояльности населения через выстраивание оптимальной модели взаимодействия между имперскими административными институтами и местными жителями. При этом, Воронцов почти не имел возможности привезти с собой на Кавказ доверенных генералов.

Это было невозможно, в том числе и по причине специфических условий Кавказской войны. После четырех десятилетий военного противостояния в регионе сложилась особенная корпорация солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса – «настоящих кавказцев»[2]. Для ветеранов Кавказской войны было свойственен скептицизм, если не презрение, к новичкам, которых именовали «фазанами» и считали «пришельцами из России»[3]. Воронцову необходимо было самостоятельно наладить отношения с генералами-«кавказцами», подтвердить свой символический авторитет и, тем самым, укрепить свой формальный статус главнокомандующего.

[1] Дело флигель-адъютанта Копьева. Рассказ из времени управления Кавказом кн. Воронцовым. 1845–1850 // Русская старина. 1873. Т. VII. № 4. С. 534–546.
[2] Подробнее см.: Урушадзе А.Т. «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 10 (42). М.: Аспект-Пресс, 2017. С. 157–184.
[3] Там же.

Соответственно, среди доверенных сотрудников Воронцова следует выделить две группы – чиновники и военные – и рассмотреть их отдельно. Необходимо отметить, что при назначении Воронцова на Кавказ не предполагалось создание нового административного аппарата. Кавказское наместничество было представлено наместником и его канцелярией. Разветвленный и многочисленыйн административный аппарат Кавказского наместничества сформируется уже при преемниках Воронцова[1].

Согласно первому параграфу «Правил об отношениях кавказского наместника» от 6 января 1846 г., «все вообще, находящиеся в Закавказском крае и Кавказской области, правительственные места и лица, как принадлежащие к общему губернскому управлению, так и отделенные от него, вполне подчиняются наместнику кавказскому» [2] . Таким образом, кавказский наместник возглавлял уже сложившуюся администрацию, которая ему подчинялась, но не создавалась заново. Наместник занимал место между императором и региональной бюрократической машиной.

Решение дел гражданского управления Кавказским краем при М.С. Воронцове преимущественно проходило в канцелярии наместника, директором которой являлся многократно проверенный в службе и верности Степан Васильевич Сафонов. Он начал карьеру в 1825 г. в канцелярии М.С. Воронцова, который в это время занимал должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. С.В. Сафонов, как и другой влиятельный чиновник кавказской администрации – Михаил Павлович Щербинин – являлись креатурами Воронцова, который оценил их деловые способности еще до назначения кавказским наместником, а затем привез их с собой в Тифлис. Отметим, что интервенция «новороссийских» чиновников на Кавказ при вступлении Воронцова в должность наместника не стала массовой.

Тем не менее, ключевую роль играли именно «новороссийские» чиновники-ветераны. Степан Васильевич Сафонов начал карьеру в 1825 г. в

[1] Подробнее см.: Абазов А.Х. Главное управление и Совет Наместника Кавказского (1858): предпосылки образования, структура и объем полномочий // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 4. С. 37–48.
[2] Правила об отношениях кавказского наместника. СПб.: Военная типография, 1846. С. 5.

канцелярии Воронцова, который в это время занимал должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Кроме того, Сафонов долгое время был личным секретарем наместника, а также находился при Воронцове во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Сафонов был близок к таврическому губернатору А.И. Казначееву – одному из ключевых сотрудников Воронцова в «новороссийский» период[1]. Служа у Воронцова, Сафонов успел получить известность и как талантливый публицист. В 1837 г. в Одессе были опубликованы его записки «Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете “Ифигения”»[2]. Это сочинение Сафонов посвятил своему патрону: «Его сиятельству графу Михаилу Семеновичу Воронцову, как слабый знак душевной признательности за многое». Записки Сафонова стали еще одним результатом его служебной деятельности. Дело в том, что это поездка была предпринята Воронцовым по повелению Николая I с целью «обозреть восточные берега Черного моря», а Сафонов был одним из группы чиновников, сопровождавших новороссийского генерал-губернатора.

Михаил Павлович Щербинин вошел в ближний круг Воронцова совсем молодым человеком в 1825 г., когда ему еще не исполнилось и восемнадцати лет. Щербинин сопровождал Воронцова в служебных поездках и путешествиях, а в 1828–1829 гг., как и Сафонов, разделял со своим патроном военные тяготы[3]. К 1844 г. Щербинин исполнял обязанности чиновника особых поручений при Воронцове в чине статского советника, а также являлся директором Главного статистического комитета Новороссийского края.

Служебный перевод чиновников был непростой задачей, но Воронцов успешно с этим справился, сохранив за любимцами все материальные условия. Сафонов служил по Министерству внутренних дел, и его необходимо было откомандировать на Кавказ. Наместник обратился с этой

[1] Казначеев А.И. Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837. С. 41.
[2] Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса: Городская типография, 1837.
[3] Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. С. 6–9.

просьбой к императору Николаю I[1]. В случае с Щербинином необходимо было сначала причислить чиновника к МВД, а затем командировать его на Кавказ с сохранением за ним должности директора Главного статистического комитета Новороссийского края. С этой просьбой Воронцов ходатайствовал к министру Л.А. Перовскому 7 января 1845 г. Соответствующее представление Перовского получило высочайшее соизволение, и Щербинин отправился в Тифлис[2].

Летом 1846 г., просматривая список гражданских чиновников по Департаменту общих дел МВД, Николай I обратил внимание, что Щербинин имеет благоприобретенные имения и 1145 крестьян. Управляющий Первым отделением СЕИВК А.С. Танеев передал кавказскому наместнику вопрос императора: «Чем нажил Щербинин такое имение и что он делает, состоя при вашем сиятельстве?»[3]. В своем ответе Воронцов сообщал Танееву, что Щербинин получил имение в наследство от своей тетки А.М. Щербининой (дочь Е.Р. Дашковой). Статус благоприобретенной собственности объяснялся тем, что А.М. Щербинина отписала свои имения Воронцову с условием передачи его М.П. Щербинину после достижения им возраста, открывающего право на владение имуществом[4]. Кроме того, Воронцов сообщал, что Щербинин «неотлучно» находился при нем с 1825 г., исполнял «все возлагаемые на него поручения, многие из которых требовали особого доверия, всегда с отличием занимался частной и конфиденциальной перепиской»[5]. На Кавказе Сафонов занял место директора канцелярии наместника, а Щербинин возглавил походную канцелярию Воронцова, продолжив «неотлучно» сопровождать своего патрона.

Как директор канцелярии наместника Сафонов находился в переписке с управляющим делами Кавказского комитета В.П. Бутковым по широкому кругу вопросов управления Кавказским краем: от вопроса об особых

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 5. Л. 2–3.
[2] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 6. Л. 1–2.
[3] Там же. Л. 23.
[4] Там же. Л. 24.
[5] Там же. Л. 25.

мундирах чиновников кавказской администрации до определения стратегии противостояния министрам и главноуправляющим. Отношения управляющего делами Кавказского комитета и директора канцелярии кавказского наместника были доверительными, но официальными. В.П. Бутков на многое в работе воронцовской администрации смотрел критически, но писал об этом не С.В. Сафонову, а Ю.А. Гагемейстеру, отмечая, что сообщать свои предложения по усовершенствованию работы наместнической канцелярии непосредственно ее директору «весьма неловко» [1]. Но это не мешало совместной работе двух талантливых чиновников-канцеляристов.

За годы, проведенные с Воронцовым, Сафонов приобрел его полное доверие. Наместник поручал главе своей канцелярии самые ответственные миссии, в том числе представление интересов Кавказского края лично перед императором. В «Архиве князя Воронцова» опубликована запись разговора С.В. Сафонова и Николая I, которая датирована 28 сентября 1846 г. Глава канцелярии наместника свободно и аргументировано представлял позицию Воронцова по многочисленным административным и финансовым вопросам [2]. И хотя убедить царя в необходимости дать Кавказу режим свободной торговли Сафонову не удалось, содержание этой информативной беседы показывает высокий статус собеседника императора в политической системе наместничества. Щербинин был с наместником в Даргинской экспедиции 1845 г., а в следующем году, уже в чине действительного статского советника, назначен директором походной канцелярии и секретной части воронцовской канцелярии[3]. Щербинин находился рядом с наместником во всех поездках по Кавказскому краю.

В 1851 г. при непосредственном и сильном покровительстве кавказского наместника, Сафонов был произведен в тайные советники и

[1] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с управляющим канцелярией наместника С.В. Сафоновым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 82.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. С. 383–408.
[3] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С.XXXIV; ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 6. Л. 31–32.

назначен сенатором[1]. На новом месте службы Сафонов также не затерялся и стал известен ревизией Пензенской губернии в 1858–1859 гг.

После перехода Сафонова на службу в Сенат именно Щербинину было поручено управление канцелярией наместника. Эта перемена в кавказской администрации была встречена частью чиновничества с энтузиазмом. По воспоминаниям кавказского чиновника-ветерана В.А. Дзюбенко: «Со вступлением его (М.П. Щербинина – *А.У.*) в должность, дела по управлению пошли быстрее, направление их стало благотворнее, без натяжек, без криводушия и без всяких измышлений»[2].

В начале 1855 г., когда М.С. Воронцов уже покинул Кавказ, Щербинин оставался на службе в крае, но его карьера могла погибнуть при новом наместнике Н.Н. Муравьеве, который в феврале 1855 г. написал открытое письмо А.П. Ермолову с критикой положения дел на южной окраине[3]. Ожидалось, что новый наместник проведет тотальную ревизию воронцовского наследия, в том числе ждали и перебора чиновников.

Михаил Семенович не забыл и не бросил Щербинина. В письме к Буткову от 19 января 1855 г. бывший кавказский наместник назвал Щербинина «30-летним сослуживцем и истинным другом»[4]. В своем послании Воронцов сообщал, что советует Щербинину «сойтись» с Н.Н. Муравьевым, но сомневается в возможности этого и, фактически, просит содействия о переводе своего верного чиновника и друга на службу в Сенат, «как то было сделано для С.В. Сафонова». Воронцов признавался, что сам уже не имеет возможности представить чиновника к новому назначению и надеется на помощь Буткова. При этом Михаил Семенович подчеркивал значение этого дела в таких словах: «… я прибегаю к вам с покорнейшей просьбой дать мне ваше мнение, как поступить в пользу Щербинина, которого я люблю от всей души и с которым я уже теперь 30 лет служу в

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 6. Л. 31–33.
[2] Воспоминания В.А. Дзюбенко // Русская старина. 1879. Т. XXIV. Вып. 4. С. 670.
[3] Письмо Н.Н. Муравьева к А.П. Ермолову // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 542–543.
[4] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником М.С. Воронцовым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 23.

самых близких отношениях»[1]. 24 января 1856 г. Щербинина произвели в тайные советники и назначили на службу в Сенат. Тем самым он полностью повторил карьерный путь, проделанный пятью годами ранее Сафоновым.

После того как в 1851 г. Щербинин занял должность Сафонова, то есть возглавил канцелярию наместника, освободилось место начальника походной канцелярия Воронцова. Это место занял статский советник Иван Федорович Золотарев – еще один чиновник, который был хорошо знаком Воронцову еще по Новороссии. Золотарев поступил на службу в канцелярию новороссийского генерал-губернатора 12 октября 1839 г.[2]. Золотарев был сыном московского купца третьей гильдии Федора Михайловича Золотарева, который умер в 1845 г. и оставил детям довольно неплохое наследство. Как свидетельствует формулярный список чиновника Золотарева, он совместно с братом и сестрами владел землей и домом в Москве общей стоимостью 30 тысяч рублей. Золотарев получил отличное образование, он закончил Московский университет действительным студентом (низшая ученая степень), а также Дерптский университет уже кандидатом камеральных и политических наук[3].

Воронцов использовал Золотарева как чиновника особых поручений еще на службе в Новороссийском крае, отправляя его в продолжительные служебные командировки «для производства следствий по разным делам»[4]. Золотарев был перемещен в штат канцелярии первого наместника уже 28 февраля 1845 г. в чине титулярного советника. В марте 1846 г. назначен состоять при директоре канцелярии Сафонове старшим чиновником по секретной части. При этом, согласно штатному расписанию канцелярии наместника, Золотарев получил сразу трех помощников[5]. Повышение Золотарева связано с его важной миссией. В конце 1845 г. Воронцов

[1] Там же. Л. 30.
[2] Формулярный список о службе коллежского асессора И.Ф. Золотарева, 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 50. Л. 2–3.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Штат канцелярии наместника кавказского, 1 марта 1846 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 53. Л. 1–3.

инициировал обсуждение вопроса о свободной торговле на Кавказе. Введение беспошлинного режима могло привести к недовольству московских купцов и фабрикантов, для которых Кавказ был одним из перспективных рынков сбыта. Император Николай I внимательно относился к деловым интересам богатого московского купечества. Именно Золотарев, сын московского купца, должен был убедить друзей и знакомых своего отца в том, что введение свободной торговли на Кавказе благо, а не зло[1]. Кроме того, Золотарев должен был представить наместнику сведения о реальных торговых оборотах русского купечества с Кавказским краем. Воронцов рассчитывал, что Золотарев сможет открыть незначительность торговых операций, а значит подтвердить справедливость фритредерского курса наместника. Весной 1846 г. Золотарев провел множество встреч с купечеством в Москве, встречался с чиновниками московского отделения Мануфактурного совета и везде сталкивался с единодушным мнением о том, что объемы торговли московского купечества с Кавказом достигают нескольких миллионов рублей ежегодно, а введение свободной торговли в регионе сильно навредит российской промышленности и финансовым интересам купечества. «Вообще сколько не толкуй, не спорь, не объясняй дело, все это ни к чему не поведет и все смотрят в разные стороны… Положительно утверждают, что отпуск русских произведений Закавказ доходит до суммы 5 млн, благоразумнейшие скидывают миллион и крепко стоят за цифру 4 млн. Судя по единогласию всего торгующего класса, последний итог можно считать за подходящий к истине, и как мне кажется из всего того, что я мог узнать здесь, цифра 3 млн руб. сер. будет положительна справедлива», - писал Золотарев кавказскому наместнику 18 мая 1846 г. из Москвы [2] . Московское купечество, как отмечено в письме Золотарева, единодушно изъявляло желание «начать торговые дела на Кавказе в

[1] Формулярный список о службе коллежского асессора И.Ф. Золотарева, 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 50. Л. 3.
[2] Письмо титулярного советника И.Ф. Золотарева кавказскому наместнику М.С. Воронцову, 18 мая 1846 г. // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 135.

обширнейшем размере» [1]. Основная полемика по вопросу о свободной торговле развернулась между министрами и наместником в Кавказском комитете. Добиться успеха, на фоне позиции влиятельного московского купечества, наместнику не удалось.

Однако это не сказалось на служебной карьере Золотарева. 11 января 1849 г. он стал старшим чиновником особых поручений при наместнике. В этой должности Золотарев занимался следствиями по должностным преступлениям, в том числе в составе комиссии, расследовавшей обстоятельства дела о хищениях казенных средств в Джаро-Белоканском округе. О близости чиновника к наместнику говорит то, что Золотарев сопровождал Воронцова во время поездок в Петербург и выполнял служебные поручения в столице империи.

Особняком среди руководителей канцелярии наместника стояла фигура ее вице-директора, статского советника Павла Гавриловича Щастливцова. Дело в том, что Щастливцов до 1846 г. не служил у Воронцова, но это не помешало ему занять одну из ключевых позиций в канцелярии наместника и пользоваться доверием начальника, который отмечал усердную службу чиновника [2]. Щастливцов получил образование в Екатеринославской семинарии и начал службу 15 марта 1814 г. учителем в Екатеринославском уездном училище. В 1820 г. он перешел в Екатеринославское губернское правление, где состоял при гражданском губернаторе. В 1828 г. Щастливцов был переведен на службу в корпус жандармов и занял должность секретаря III (с 1832 г. – IV, Виленского) жандармского округа. Щастливцов выдвинулся по службе в 1831–1842 гг. исполняя должность секретаря Комиссии для определения степени вины лиц, участвовавших в польском восстании 1830–1831 гг. Эта комиссия также известна как «Комиссия Долгорукова» по имени виленского генерал-губернатора Н.А. Долгорукова (1831–1840 гг.). 30 ноября 1846 г. Щастливцова произвели в статские

[1] Там же. Л. 136.

[2] Формулярный список о службе вице-директора канцелярии кавказского наместника, статского советника Павла Гавриловича Щастливцова, 1849 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 391. Л. 599.

советники и назначили вице-директором канцелярии кавказского наместника. В 1849 г. чиновник уже носил ордена Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени с короной, Св. Станислава 2-й степени и знак беспорочной службы за тридцать пять лет[1].

Одно из ключевых должностей в канцелярии наместника занимал начальник ее счетного отделения и казначей Василий Тимофеевич Беляев. Согласно воспоминаниям А.А. Харитонова, именно Беляев заведовал выдачей заемных денег из экстраординарной суммы, находившейся в распоряжении наместника: «Не знаю почему, но все просьбы чиновников и разных неслужащих лиц, преимущественно из местной аристократии, о заимообразных пособиях докладывались князю Воронцову не директором канцелярии, а казначеем Беляевым, который обыкновенно произносил своим хохлацким выговором: “Отчего же не дать, ваше сиятельство, нуждающемуся чоловику, коли можно”. Заискивающие у Беляева называли его ваше превосходительство, когда он был еще статским советником, но потом он дослужился до настоящего превосходительного чина и вышел в отставку с порядочным состоянием» [2] . Харитонов отзывался о Беляеве пренебрежительно и назвал его в своих воспоминаниях «шутом гороховым»[3]. Однако формулярный список Беляева свидетельствует о том, что это был опытный и способный чиновник. Беляев начал службу в 1820 г. канцеляристом в Екатеринославской межевой конторе, после упразднения которой в 1829 г. перешел в Симферопольскую межевую контору уже столоначальником. Спустя два года Беляева назначили начальником этой конторы по «способностям и хорошей нравственности»[4]. В феврале 1833 г. Беляев оказался под непосредственным началом новороссийского генерал-губернатора Воронцова, поступив на службу столоначальником Таврической межевой комиссии, находившейся в Одессе. Здесь Беляев составил себе

[1] Там же. Л. 585.
[2] Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 75.
[3] Там же. С. 74.
[4] Формулярный список о службе начальника счетного отделения и казначея канцелярии наместника кавказского, надворного советника Василия Беляева, 1849 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 391. Л. 87.

репутацию «отличнейшего чиновника». Летом 1836 г. Воронцову пришлось расстаться с расторопным и надежным Беляевым, которого перевели на Кавказ – в канцелярию главноуправляющего Г.В. Розена. Особым расположением Беляев пользовался у главноуправляющего Е.А. Головина, который назначил чиновника весной 1841 г. походным казначеем главного Дагестанского отряда, находившегося под командованием самого главноуправляющего. Как указано в беляевском формулярном списке чиновнику поручались дополнительные задачи «особой важности», которые всегда выполнялись блестяще[1]. 31 декабря 1842 г. Беляев получил должность казначее при главноуправляющем Закавказским краем и через год был произведен в коллежские асессоры. С приездом на Кавказ Воронцова верный Беляев получил назначение начальником счетного отделения и казначеем канцелярии наместника и вскоре по представлению начальника пожалован орденом Св. Анны 3-й степени (30 июня 1846 г.) и Св. Анны 2-ой степени (29 апреля 1848 г.)[2].

Отдельно необходимо остановиться на чиновниках особых поручений, состоявших в штате канцелярии кавказского наместника. По крайне мере двое из них сделали успешную карьеру. Речь идет об Алексее Федоровиче (Фридриховиче) Крузенштерне и Александре Павловиче Николаи. А.Ф. Крузенштерн воспитывался в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, но еще до окончания полного курса 6 апреля 1828 г. поступил на службу в Семеновский полк, в котором дослужился до поручика. В 1837 г. Крузенштерна был уволен из полка по болезни[3]. Гражданскую службу Крузенштерн начал в том же году столоначальником Департамента государственных имуществ. Службу на Кавказе Крузенштерн начал летом 1839 г. в Комиссии для обозрения государственных имуществ Закавказского края. В марте 1841 г. чиновник определен советником в Грузино-

[1] Там же. Л. 93.
[2] Там же. Л. 97.
[3] Формулярный список о службе старшего чиновника особых поручений при наместнике кавказском коллежского советника Алексея Крузенштерна, 1849 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 391. Л. 301.

Имеретинскую палату государственных имуществ. Спустя два года Крузенштерна заметил главноуправляющий А.И. Нейдгардт и сделал своим старшим чиновником особых поручений[1].

В этой же должности и в чине надворного советника Крузенштерн перешел в канцелярию кавказского наместнику. Воронцов поручал почти детективные задачи. Осенью 1845 г. чиновник одновременно разбирался в обстоятельствах запутанного дела о жалобах жителей Сигнахи на местного участкового заседателя князя Абхазова[2], а также в причинах крестьянских недоимок в Грузино-Имеретинской губернии[3]. В 1847 г. Крузенштерн ревизовал Землю Черноморского казачьего войска для расследования дела о конфликте вокруг откупов на рыбную ловлю. В августе–сентябре 1847 г. Крузенштерн разбирался в обстоятельствах вооруженного конфликта владетельного князя Абхазии М.Г. Шервашидзе и владетелем Мингрелии Д.Л. Дадиани за селение Бахулан[4]. В 1849 г. Крузенштерн заседал в Комиссии об устройстве городского хозяйства в Закавказском крае, а также участвовал в работе Тифлисского уездного комитета по определению отношений между грузинскими помещиками и их крестьянами. Со всеми этими разнообразными миссиями и задачами Крузенштерн успешно справлялся, о чем свидетельствуют регулярные отличия, получаемые от начальства.

Работоспособность Крузенштерна и точность формулировок его служебных рапортов высоко ценились Воронцовым и его приемникам на посту кавказского наместника. В 1858 г. Крузенштерн занял должность начальника Гражданского управления Закавказья. Спустя два года Крузенштерн стал статс-секретарем, а в 1860-е–1870-е состоял при I Отделении СЕИВК в чине тайного советника[5].

---

[1] Там же. Л. 305.
[2] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 80–90.
[3] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122 («О поручении коллежскому асессору Крузенштерну собрать сведения введена ли новая податная система в Грузино-Имеретинской губернии, 6 июля – 16 октября 1845 г.»).
[4] Там же. Л. 318.
[5] Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е июня 1878 года. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1878. С. 102.

Александр Павлович Николаи начал службу в «новороссийской» канцелярии Воронцова в 1840 г. и был одним из тех, кто последовал за своим начальником на Кавказ. В 1845 г. Николаи принимал участие в неудачном Даргинском походе и находился при наместнике. Воронцов назначал Николаи членом различных комиссий и комитетов, занимавшихся решением хозяйственных и финансовых вопросов: Комиссия для освидетельствования в Тифлисе городских фонтанов и водопровода, Комиссии для ревизии книг и отчетов Закавказского девичьего института и поверки правильности произведенных расходов, Комиссии для освидетельствования зданий Тифлисской казенной аптеки[1]. Более высоких должностей Николаи достиг уже после того, как Воронцов покинул Кавказ. В 1859–1861 гг. Николаи являлся членом Совета кавказского наместника. Небольшой перерыв в кавказской службе Николаи случился в 1861–1863 гг., когда он занимал должность товарища министра народного просвещения.

В 1863 г. Николаи занял должность начальника Главного управления кавказского наместника, на котором прослужил до 1875 г. В эти годы Николаи стал правой рукой для великого князя Михаила Николаевича – кавказского наместника в 1862–1880 гг. О высоком статусе Николаи говорит то, что именно его великий князь Михаил Николаевич оставлял временно исполняющим обязанности наместника в свои отлучки с Кавказа.

При канцелярии кавказского наместника в 1845–1848 гг. служил князь Василий Викторович Кочубей – сын известного государственного деятеля, канцлера В.П. Кочубея (1768–1834), с которым Воронцов был хорошо знаком [2] . Вполне возможно, что служба Василия Викторовича при канцелярии наместника была связана с воспоминаниями Воронцова о приятельских отношениях с графом Кочубеем.

[1] Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917: биобиблиографический справочник. Т. 2: М–Э. СПб.: Нестор–История, 2024. С. 139–140.
[2] ОР РНБ. Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 2040 («Письма М.М. Сперанскому», 28 мая 1823 г. - 20 июля 1833 г.). Л. 3.

Как и Николаи, Василий Кочубей назначался наместником для рассмотрения различных хозяйственных и финансовых дел. В марте 1846 г. Кочубей занимался анализом сметы Закавказского девичьего института. Рапорт Кочубея был выполнен основательно и беспристрастно. Чиновник специально отмечал, что за короткое время, отведенное на рассмотрение сметы, он не успел провести подробного исследования цен на предметы, указанные в смете, а также не мог «вполне судить о действительных потребностях института в данных предметах»[1]. Общий вывод Кочубея был критическим: смета составлена «неопределительно», по примерным данным, а этого нельзя допускать, так как цель сметы «достигается только при решительном назначении потребной на каждый предмет суммы»[2]. Кочубей предлагал некоторые новаторские преобразования по организации бюджета Закавказского девичьего института, среди которых отметим идею создания «экономического капитала института» [3] . Этот капитал должен был сформироваться из платы за обучения своекоштными воспитанницами и впоследствии приносить доход. Фактически речь идет в данном случае о создании эндаумента (целевого капитала). Одним из результатов проверки сметы, проведенной Кочубеем, стало создание в январе следующего 1847 г. специальной комиссии для полной ревизии работы Закавказского девичьего института, в которой, как указано выше, заседал Николаи.

В январе 1847 г. Воронцов поручил Кочубею возглавить специальную временную комиссию по расследованию злоупотреблений в деле продажи съестных припасов в Тифлисе. Комиссия Кочубея должна была: «обозреть мясные лавки и удостовериться в правильной продаже разных сортов и доброты мяса»; выяснить «продолжают ли базарники взымать с поселян, привозящих припасы, прежние поборы, а также узнать существует ли по прежнему вмешательство посредников при продаже сельскими и здешними промышленниками припасов»; определить придерживаются ли перекупщики

[1] ОР РГБ. Ф.178. Оп. 1. № 6871. Ед. хр. 5. Л. 1.
[2] Там же. Л. 1–2.
[3] Там же. Л. 2.

закупочных правил, а также «не происходит ли со стороны перекупщиков других беспорядков, клонящихся к возвышению цен»; и, наконец, «поверить у торговцев съестных припасов весы и меры»[1].

Поводом к созданию «съестной» комиссии стали жалобы тифлиссцев о том, что лучшее мясо достается «важным особам», которые пользуются своим влиянием и контролируют рынки города. Кочубей посчитал эти жалобы «неосновательными»: «Мясо здесь разделывается по таксе только на два сорта и каждый покупатель почти всегда требует лучших частей, но так как для потребления всего города требуется только десять быков в сутки, а в постные дни еще менее, то невозможно всех уделить филейной частью, и весьма натурально, что продавец оставляет лучшие части для тех из своих покупщиков, которые постоянно запасаются у него»[2]. Вместе с тем, в периоды падежа скота и недостатке подножного корма, когда мясо становилось дефицитным товаром полицейские чины, как отмечал Кочубей в своем рапорте, «допускали горожан после только уделению кусков, требуемых из домов высших особ»[3]. Основную причину недостатка мяса и его невысокого качества Кочубей видел не в кумовстве, а в отсутствии запасов сена и мелкости местной породы скота: «в российских губерниях приводимый скот на бойню весит от 25 до 28 пудов, здесь большая часть быков имеет только от 10 до 12 пудов»[4].

Как известно, Воронцов уделял особое внимание развитию сельского хозяйства южной окраины, в том числе заведению здесь новых пород скота. Весной 1850 г. было открыто Кавказское общество сельского хозяйства, первое заседание которого прошло в доме наместника под председательством Воронцова и в присутствии 79 членов общества[5]. Президентом общества являлся Воронцов, а вице-президентом – начальник гражданского управления краем В.О. Бебутов. Секретарем был избран уже

[1] Там же. Л. 1.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Кавказ. 1850. № 29 (от 12-го апреля). С. 114.

знакомый нам И.Ф. Золотарев: одним из членов Совета общества по предложению наместника назначен М.П. Щербинин [1]. Очевидно, что в правление Кавказского общества сельского хозяйства мог войти и Кочубей, но он умер в январе 1850 г. в Петербурге от туберкулеза.

Несколько лет на Кавказе служил и младший брат Василия Викторовича Кочубея – Сергей Викторович Кочубей. Он занимался поиском и разработкой месторождений каменного угля, который Воронцов считал «вторым золотом» [2]. В конце 1846 г. С.В. Кочубей открыл Ткибульское месторождение каменного угля, его активная разработка замет велась как во второй половине XIX в., так и в советский период. При этом, по воспоминаниям А.А. Харитонова, Кочубей прошел путь от Кубани через Кавказский хребет, то есть через земли непокорных горцев, переодетым в «черкесское платье»[3].

Из чиновников, служивших в Новороссии, а после оказавшихся в составе администрации первого кавказского наместника необходимо отметить А.М. Фадеева – отца известного публициста Р.А. Фадеева и деда выдающегося реформатора С.Ю. Витте. Андрей Михайлович прошел большой служебный путь и успел прослужить в различных институтах администрации. В 1815–1818 гг. А.М. Фадеев занимал должность товарища главного судьи Новороссийской конторы опекунства; в 1818–1834 гг. он уже председатель Екатеринославской конторы иностранных поселенцев. Находясь на этой должности, А.М. Фадеев близко сошелся с М.С. Воронцовым. Летом 1825 г. чиновник сопровождал Новороссийского генерал-губернатора в путешествии по поселениям иностранных колонистов обширного края. Осенью того же года Воронцов доверил Фадееву встречу императора Александра I в Молочанских колониях Таврической губернии[4].

[1] Кавказ. 1850. № 30 (от 15-го апреля). С. 118.
[2] Подробнее об каменном угле в деятельности М.С. Воронцова см.: Сметанин Д. В. Угольный «эксперимент» в административной деятельности графа М. С. Воронцова во второй четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 1(68). С. 129–141.
[3] Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 117.
[4] Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867. М.: Кучково поле, 2017. С. 103–105.

В 1835 г. чиновника переводят в Астраханскую губернию на позицию главного попечителя калмыцкого народа, а спустя четыре года Фадеев вновь поменял место службы и отправился в Саратовскую губернию, где в 1841–1846 гг. исполнял обязанности гражданского губернатора. Связь чиновника с Воронцовым в эти годы не прервалась, а скорее только усилилась. Дело в том, что в Саратовской губернии находились крестьянские хозяйства, которыми владел новороссийский генерал-губернатор. Воронцов просил Фадеева содействовать в доставлении сведений о состоянии этих хозяйств и их управлении. Судя по содержанию писем Михаила Семеновича к саратовскому губернатору за 1842–1843 гг., Андрей Михайлович охотно исполнял просьбы своего бывшего начальника[1]. Показательно, что об этих связях с Воронцовым воспоминания Фадеева умалчивают.

В 1846 г. в результате многочисленных ревизорских проверок и должностных расследований, которыми саратовского гражданского губернатора изводил министр внутренних дел Л.А. Перовский, Фадеев попросил увольнения от должности. О своем отчаянном положении Фадеев известил С.В. Сафонова, с которым был знаком по службе в Новороссии. Директор воронцовской канцелярии доложил о положении Фадеева Михаилу Семеновичу, и кавказский наместник нашел место для старого сослуживца, помогавшего с хозяйственными хлопотами, в Совете главного управления Закавказского края. Отметим, что назначению чиновника на Кавказ препятствовал Л.А. Перовский и окружение министра внутренних дел, о чем известно из переписки В.П. Буткова и С.В. Сафонова[2]. Дальнейшая карьера Фадеева была связана с Кавказом: в 1848 г. его произвели в действительные статские советники; в 1850 г. он получил должность управляющего

[1] Письма Новороссийского генерал-губернатора Михаила Семеновича Воронцова Андрею Михайловичу Фадееву о служебных делах, о крестьянах саратовских имений М.С. Воронцова, и о разрешении Р.А. Фадееву проживать в Тифлисе // РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–7.

[2] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с управляющим канцелярией наместника С.В. Сафоновым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 137.

экспедицией государственных имуществ при Главном управлении Закавказского края, а в 1858 г. получил тайного советника[1].

Важное место в ряду ближайших сотрудников Воронцова занимал его личный доктор Эраст Степанович Андреевский. Это один из самых известных российских медиков первой половины – середины XIX столетия, современник и критик Н.И. Пирогова. Андреевский стал личным врачом Воронцова в 1830-х гг. и приобрел большое влияние на своего пациента. Это влияние, по отзывам современников, выходило далеко за пределы медицинских услуг. «Андреевский был единственный человек, имевший на Воронцова влияние, которым он позволял себя иногда пользоваться для своих личных видов и выгод. Происходило это от того, что князь Михаил Семенович, сильно заботившийся о своем здоровье, веровал в Андреевского как в доктора, безгранично и, подчиняясь всем его медицинским требованиям, не мог отказать ему и в таких ходатайствах, которые до него вовсе не касались. Такое вмешательство его в чужие дела порождало разные столкновения, кончавшиеся обыкновенно не в пользу тех, кто вступал с ним в борьбу», - так вспоминал о воронцовском докторе А.А. Харитонов[2].

Не менее красноречивы воспоминания А.М. Дондукова-Корсакова, служившего в 1846–1852 гг. адъютантом наместника: «А[ндреевского] вообще никто не уважал и не любил. Он необыкновенно ловко, особенно в последние годы, умел пользоваться слабостями князя и, женившись на грузинке, служил орудием для многих несправедливых и даже вопиющих дел в пользу известных личностей и фамилий, покровительствуемых князем. Он не был, в сущности, дурной человек, и сердце было у него доброе, но он обладал в высшей степени духом интриги, был до крайности раздражителен и не разбирал никаких средств для достижения своей цели. Он компрометировал князя так часто и во многом, не скрывая своего вредного влияния, что положительно много пристрастных и даже неблаговидных

[1] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. XXXII.
[2] Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. 1894. Кн. 3. С. 127.

распоряжений наместника были плодом подпольных действий А[ндреевского]»[1].

Наряду с неформальной ролью фаворита кавказского наместника, Андреевский с 1846 г. занимал и важную должность в управлении южной окраины, он возглавлял Медицинское управление гражданского ведомства на Кавказе. Его назначение состоялось при активном покровительстве Воронцова. В июне 1846 г. наместник обратился к председателю Кавказского комитета Чернышеву с проектом объединения разнообразных и разрозненных медицинских учреждений на Кавказе в одно управление и под единым началом «опытного чиновника из медиков» [2] . Речь шла об объединении врачебных управ, карантинов и аптек Закавказья и Кавказской области в общей управленческой структуре. При этом, для создания регионального медицинского управления Воронцов предлагал ликвидировать Ставропольскую аптечную инспекцию, ресурсы которой планировалось передать новому институту.

В письме к Чернышеву кавказский наместник не называл имени Андреевского как кандидата на должность управляющего медицинской частью и напротив специально указывал, что оставляло выбор этого чиновника за Чернышевым и министром внутренних дел Л.А. Перовским[3]. Последний не возражал против преобразований медицинской части на Кавказе, но уведомил Чернышева о неудачном опыте назначения чиновника с подобными правами и функциями, который имел место в Восточной Сибири в 1826–1836 гг. Тогда восточносибирским медицинским начальником был назначен штаб-лекарь Эрнст. «Мера эта не принесла однако же ожидаемой пользы, и затем должность инспектора медицинской части в Восточной Сибири была упразднена как излишняя» [4], - отмечал Перовский в ответе Чернышеву от 23 сентября 1846 г. Таким образом вопрос

[1] Князь Михаил Семенович Воронцов. Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. СПб.: Типография Стасюлевича, 1902. С. 18.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 315. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же. Л. 10.

о создании нового медицинского управления на Кавказе был решен и оставалось только определить чиновника, который бы его возглавил. 31 января 1847 г. Воронцов уведомил Чернышева, что назначил Андреевского временно исполняющим обязанности начальника кавказской медицинской части, «впредь до назначения на это место особого чиновника»[1]. В феврале того же года Перовский сообщил Чернышеву об отсутствии «в виду чиновника, который при желании занять должность управляющего медицинской частью на Кавказе, имел бы нужные для того качества»[2].

В октябре 1847 г. Андреевскому утвердили жалованье, положенное по новой должности, в дополнение к уже имевшемуся у него содержанию. Андреевский продолжал служить на Кавказе пока Воронцов оставался наместником. После ухода Воронцова в отставку его доктор последовал за ним в Одессу. Андреевский намеревался написать воспоминания о Воронцове, но, увы, дальше отдельных коротких фрагментов и набросков дело не пошло[3].

Многочисленные административные реформы и модернизация гражданской жизни Кавказского края требовали опытных чиновников, способных выдерживать серьезные должностные нагрузки. Не меньшее значение имело личное доверие наместника. В условиях служебно-иерархического противостояния с министрами и главноуправляющими[4], М.С. Воронцов на ключевые места предпочитал назначать проверенных и давно знакомых ему людей. Первый кавказский наместник был щедр на награды и представления к повышению – это стимулировало и усердную работу, и верность его партии. Как писал В.П. Бутков Ю.А. Гагемейстеру: «Думаю, что при 4 тыс. рублей серебром всегда можно иметь хороших

[1] Там же. Л. 17.
[2] Там же. Л. 23.
[3] Записки Э.С. Андреевского. Под ред. с предисловием и примечаниями С.Л. Авалиани. Т. III. Одесса: Типография акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1914. С. 353–362.
[4] Подробнее см.: Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs. царские министры (1844 –1853) // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 31–39.

работников в Совете, особенно князю Михаилу Семеновичу, охотнику и награждать, и поощрять»[1].

В окружении кавказского наместника были как чиновники, с которыми Воронцов был давно знаком по службе, так и сотрудники, которые оказались в ближнем кругу по рекомендации. Среди воронцовских адъютантов выделялись два князя – А.М. Дондуков-Корсаков и М.Б. Лобанов-Ростовский. Первого наместнику рекомендовал А.И. Нейдгардт, а второго советовал Е.А. Головин. Надо отметить, что обе рекомендации оказались вполне оправданными. Дондуков-Корсаков был одним из самых близких молодых офицеров к наместнику, о чем говорит частое упоминание его имени в немногословном дневнике Воронцова за 1845–1854 гг.[2]. Лобанов-Ростовский за несколько лет службы с Воронцовым показал свои обширные знания Кавказского края и был полезен как эксперт и член Комиссии по обозрению магометанских народов Кавказской области. Однако не всегда рекомендации оказывались удачными. Головин также рекомендовал Воронцову декабриста В.С. Толстого, который за время службы чиновником по особым поручениям при наместнике в 1850–1854 гг. ничем особенно не отличился, но оставил иронические воспоминания о местных начальниках, в том числе о Воронцове: «Князь Михаил Семенович от природы не был одарен никакими мало мальски выдающимися дарованиями, но, особенно в возмужалом возрасте, он служил примером как разумное и прекрасное воспитание и образование в состояние обратить самое обыкновенное существо в замечательного государственного деятеля», - отметил мемуарист[3].

Рассмотрим группу военных, входивших в ближайшее окружение первого кавказского наместника. В партии М.С. Воронцова важную роль

[1] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с управляющим канцелярией наместника С.В. Сафоновым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 74.
[2] Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова. С 1845 по 1854 г. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902.
[3] Толстой В.С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Т. VII. М.: Российский архив, студия «ТРИТЭ», 1996. С. 234.

играли три генерала: В.О. Бебутов, М.З. Аргутинский-Долгорукий, Н.С. Завадовский. Василий Осипович Бебутов занимал вторую по важности (после наместника) должность в российской администрации на Кавказе – начальник Гражданского управления Закавказским краем. На этом посту он сменил генерала П.А. Ладинского, уволенного от службы 8 ноября 1847 г.[1]. При этом, именно на Петра Антоновича Ладинского первоначально очень рассчитывал Воронцов. Ладинский, как и Воронцов, служил на Кавказе еще под началом П.Д. Цицианова, но в отличии от будущего кавказского наместника продолжил служить на южной окраине. Здесь он приобрел административный опыт, управляя Шамшадильской областью. В 1842 г. Ладинский, уже как признанный эксперт-«кавказец», сопровождал военного министра Чернышева, ревизовавшего регион, после неудачной реформы Гана.

Уже 1 января 1845 г. Ладинский был произведен в генерал-лейтенанты и указом Николая I назначен начальником Гражданского управления Закавказского края[2]. Однако немедленно отправиться к новому месту службу Ладинский не смог. В письме к Воронцову от 31 января 1845 г. новоиспеченный начальник Гражданского управления жаловался на тяжелую болезнь, которая, по словам Ладинского, «едва не прекратила дни мои»[3]. Здесь же Ладинский писал о своем стесненном финансовом положении и невозможности предпринять длительное и дорогое путешествие в Тифлис. Заинтересованность Воронцова в Ладинском проявилась в быстром решении обнаружившихся материальных проблем последнего. Кавказский наместник в день получения жалобного послания Ладинского обратился к Чернышеву с просьбой «об исходатайствовании от щедрот государя императора необходимого пособия»[4]. Спустя всего два дня Чернышев писал Воронцову о положительном решении этого вопроса: император повелел выдать

[1] АКАК. Т. X. С. VI–VII.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 678. Л. 5.
[3] Там же. Л. 19.
[4] Там же. Л. 17.

Ладинскому на подъем единовременно шесть тысяч рублей из Государственного казначейства[1].

О доверии наместника к Ладинскому свидетельствует масштабность и сложность задач, поручаемых начальнику Гражданского управления. Ладинский возглавил работу по решению «агаларского вопроса», то есть определению владельческих прав агаларов и беков. Проделав титаническую работу, Ладинский уже в феврале 1846 г., представил проект положения об обязанностях поселян и владельцев на землях в мусульманских провинциях и Каспийской области[2]. Воронцов был очень доволен служебным рвением Ладинского, в письме Николаю I от 8 марта 1846 г. наместник настойчиво подчеркивал роль начальника Гражданского управления в этом деле: «принимая за оный ответственность (проект положения об обязанностях поселян и владельцев на землях в мусульманских провинциях и Каспийской области – А.У.), я не смею брать на себя какой-либо лишней похвалы. В подробностях онаго и в познании многосложных прав, обстоятельств и обычаев разных провинций мусульманского сословия, главной помощью был мне генерал-лейтенант Ладинский, которому столь давно известен сей край, и который несколько раз был употреблен по этому самому делу. Военный министр лично мне сказал в С. Петербурге, что он много ему помогал во время посещения им мусульманских провинций, а здесь я достоверно узнал, что это посещение имело самые благодетельные последствие и что прибытие к ним и слова князя Чернышева в 1842 году, можно сказать, единственно остановили общий ропот и страх, и дали надежду на лучшее положение в будущем и на благодетельное внимание вашего императорского величества в пользу магометанских ваших подданных. Все, что я мог по сему делать было: внимательное рассмотрение всех обстоятельств и сведений, из всего предложенного мне генерал-лейтенантом Ладинским, беспрестанные

[1] Там же. Л. 20–21.

[2] О способах существования лиц высшего мусульманского сословия в Закавказском крае и о взаимных отношениях владельцев земель к живущим на них поселянах, 26 марта 1845 г. – декабрь 1846 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 162. Л. 5.

сношения с ним о сем предмете и расспросы о каждой статье особо, вместе и с другими, как из наших военных начальников, долго и отлично служивших в сих провинциях, так и с некоторым числом из более влиятельных и более просвещенных из самих беков»[1].

Однако затем отношения Воронцова и Ладинского внезапно, но решительно испортились. Отставка последнего стала следствием его открытого фрондирования против наместника и ближайшего воронцовского окружения. Петр Антонович Ладинский считал, что его незаконно отрешили от участия в делах административного управления краем и говорил об этом открыто[2]. По воспоминаниям А.А. Харитонова, начальник гражданского управления жаловался на всевластие воронцовского любимца Сафонова[3].

Кроме того, Ладинский замешкался с расследованием о резонансной пропаже почтового чемодана, в котором было 40 тыс. руб. серебром[4]. Вина подозреваемых в похищении казенных денег князя Яссе Андронникова и чиновника Форостовского так и не была доказана. Окончательно отношения с наместником Ладинский испортил неудачным поздравлением Воронцова со взятием аула Салты, кровопролитное сражение за который продолжалось с 25 июля по 15 сентября 1847 г. В письме к наместнику Ладинский привел известную библейскую цитату: «Не нам, не нам, а имени Твоему». По мнению современников, Воронцов понял это как намек на то, что не его полководческий талант, упорство и храбрость привели к победе, а Божья воля[5]. Вполне возможно, что Воронцов действительно мог принять эти довольно безобидные слова за тяжелое оскорбление. Наместнику нужна была военная победа после неудачи Даргинского похода 1845 г. и такое обесценивание его военного триумфа дорого стоило неосторожному Ладинскому.

---

[1] Там же. Л. 26–27.
[2] Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 71–72.
[3] Там же.
[4] По отношению наместника кавказского об исследовании случившейся в 1844 году пропажи почтового чемодана с 40 тыс. руб. серебром // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 207. Л. 3.
[5] Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 71–72.

Сомнения в способностях Ладинского высказывал в письмах к наместнику и А.П. Ермолов: «Не знаю, где приобрел он (П.А. Ладинский – *А.У.*) знание гражданских дел, но прежде не отличался он подобными способностями»[1], - писал бывший «проконсул Кавказа» еще в феврале 1846 г. Спустя год А.П. Ермолов положительно оценил перемену в воронцовской администрации: «Не думаю, чтобы можно жалеть об удалении Ладинского, который знал хорошо дела, но только одни плутовские. Я хорошо знаю эту знаменитость, весьма способную быть шпионом! В Бебутове ты можешь иметь человека верного и дельного»[2].

Назначение В.О. Бебутова было рискованным шагом кавказского наместника. Дело в том, что Василий Осипович фигурировал в деле о поддельных документах, которые выдавались Ахалцихским правлением туркам, переселяемым с территории, отошедшей к Российской империи по Адрианопольскому миру 1829 г. М.С. Воронцов ходатайствовал в Кавказский комитет о прекращении дела, но этого удалось добиться только после благосклонного вмешательства императора Николая I, что избавило В.О. Бебутова от продолжения следствия и возможного суда[3].

Воронцов не ошибся. Новый начальник гражданского управления стал ключевой фигурой не только в администрации края, но и в партии наместника. Отметим, что принимать участие в разрешении крупных административных проектов В.О. Бебутов начал еще до своего официального назначения. Уже в октябре 1847 г. наместник отправил Бебутову для отзыва бумаги по «агаларскому вопросу»[4].

Василий Осипович подчеркивал свою полную лояльность наместнику даже в личной переписке с высоко ценившим его А.П. Ермоловым, который безуспешно провоцировал начальника гражданского управления на опасную

[1] Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 116.
[2] Там же. С. 188.
[3] Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 73.
[4] Письма генералов // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165. Л. 46.

откровенность вопросами о причинах отставки двоюродного брата – Сергея Николаевича Ермолова – с поста тифлисского военного губернатора[1].

В годы наместничества на Кавказе М.С. Воронцов стремился реализовать проект «нового человека» для службы на южной окраине империи. Открытие новых учебных заведений и перевод на регулярную основу практики обучения кавказских уроженцев в высших российских учебных заведениях – все это было направлено на создание универсальных бюрократов. В.О. Бебутов и М.З. Аргутинский-Долгорукий являлись выпускниками Тифлисского благородного училища и служили примером успешности имперской социальной инженерии. Поэтому имена этих двух генералов были неслучайно упомянуты наместником в речи на торжественном открытии Кавказского учебного округа 5 апреля 1849 г.[2].

Бебутов принимал участие во всех нововведениях, которые сопровождали деятельность наместника. В 1850 г. в Тифлисе было учреждено Кавказское общество сельского хозяйства. Его президентом был избран Воронцов, а вице-президентом Бебутов[3]. Первым региональном отделом Императорского русского географического общества в 1851 г. стал кавказский с центром в Тифлисе. Покровителем отдела был кавказский наместник, а его помощником и председателем отдела выступил Бебутов[4]. Василия Осиповича связывали с наместником не только формальные, но, вероятно, и дружеские отношения. Об этом отчасти свидетельствует то, что по воспоминаниям А.М. Дондукова-Корсакова, служившего в 1846–1852 гг. адъютантом Воронцова, именно Бебутов обычно составлял компанию наместнику за вечерней карточной игрой[5].

М.З. Аргутинский-Долгорукий показал себя в годы наместничества М.С. Воронцова и как талантливый боевой генерал, и как эффективный

[1] Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1872. Т. V. Кн. 5. С. 442.
[2] Кавказ. 1849. № 18. (от 30 апреля). С. 70.
[3] Кавказ. 1850. № 30. (от 15 апреля). С. 118.
[4] Кавказ. 1853. № 14. (от 21 февраля). С. 57.
[5] Дондуков-Корсаков А.М. Князь Михаил Семенович Воронцов // Старина и новизна. Вып. 5. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. С. 123.

администратор. Огромный военный опыт Моисея Захаровича в противостоянии с горцами на Северо-Восточном Кавказе во многом определил его место среди ближнего воронцовского круга. Наместник, как известно, особенно ценил в подчиненных практический военно-административный опыт. После нескольких экспедиций, предпринятых М.З. Аргутинским-Долгоруким в 1845–1846 гг. в Дагестане, 1 января 1847 г. он был назначен Дербентским военным губернатором, а спустя несколько месяцев занял должность командующего войсками Прикаспийского края, включавшего территорию Дербентской губернии с Самурским и Даргинским округами[1]. В том же году М.З. Аргутинский-Долгорукий сыграл ключевую роль в битве за Салты, которая завершилась победой Отдельного Кавказского корпуса. По ходатайству наместника генерал был награжден престижным орденом Белого Орла[2]. В следующем году за снятие осады с аула Ахты М.З. Аргутинского-Долгорукова пожаловали в кавалеры одного из высших российских орденов Св. Александра Невского. М.С. Воронцов в личных беседах с Николаем I отмечал успешность действий М.З. Аргутинского-Долгорукова. Об этом он писал Моисею Захаровичу летом 1849 г.: «Вы можете себе вообразить, как лестно говорить об вас и об ваших делах и государь ожидает с нетерпением известий о движениях ваших»[3].

Аргутинский-Долгорукий определял тактику военных действий Отдельного Кавказского корпуса на самом сложном театре Кавказской войны – в Дагестане и Чечне. Между ним и наместником сложились доверительные отношения, о чем свидетельствует их оживленная партикулярная переписка за 1849–1853 гг. Именно Аргутинскому-Долгорукому кавказский наместник поручил своего сына Семена Михайловича, служба которого была одной из постоянных тем переписки Михаила Семеновича и Моисея Захаровича. Так, в августе 1849 г. Аргутинский-Долгорукий сообщал наместнику: «Князь

[1] Кавказский календарь на 1856 год. Тифлис: Канцелярия кавказского намстника, 1855. С. 574.
[2] Там же.
[3] Частная переписка генерал-адъютанта князя Аргутинского-Долгорукова с главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом светлейшим князем М.С. Воронцовым и случайно с некоторыми другими лицами // ОР РНБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

Семен Михайлович служит с большим усердием и отправляет свои обязанности с отличною точностью. Об этом я докладываю вашему сиятельству не как родителю Семена Михайловича, а как нашему главнокомандующему, потому что капитан князь Воронцов вполне заслуживает это мое засвидетельствование как молодой человек с молодеческим духом и как строгий исполнитель службы. Он жалеет постоянно только о том, что до сих пор здесь не представлялся ему еще случай к такому отличию, которое дало бы ему право на внимание начальства, им лично заслуженное»[1].

М.С. Воронцов ценил внимание, которое М.З. Аргутинский-Долгорукий оказывал его сыну, но иногда главнокомандующему приходилось ограничивать усердие своего верного подчиненного. В сентябре 1849 г. М.С. Воронцов писал: «Теперь остается мне благодарить вас (М.З. Аргутинского-Долгорукова – *А.У.*) еще раз за все ваши милости Семену Михайловичу. Я боюсь, что чин полковника для него получить рано, но в таком случае пусть дадут ему 2-го Анну»[2].

Наместник поручил Аргутинскому-Долгорукому вести секретные переговоры со знаменитым наибом Шамиля Хаджи-Муратом, который вышел на российские позиции 23 ноября 1851 г. М.С. Воронцов был недоволен подобным исходом, так как рассчитывал использовать Хаджи-Мурата против имама Шамиля, в письме к М.З. Аргутинскому-Долгорукому еще от 24 ноября 1851 г. наместник подчеркивал, что «Гаджи-Мурат хотя бы был и слаб, но показывая зубы Шамилю гораздо нам полезнее в Аварии, нежели оставив ее и явившись к нам»[3]. В положении почетного пленника Хаджи-Мурат оказался не нужен М.С. Воронцову, что во многом предопределило скорую гибель бывшего наиба Шамиля.

О близких, неформальных отношениях, которые связывали наместника с М.З. Аргутинским-Долгоруким, говорят и некоторые красноречивые детали

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 134.

их переписки. Еще в конце 1840-х гг. здоровье командующего войсками Прикаспийского края в результате многочисленных военных экспедиций, проводимых в тяжелых условиях, сильно пошатнулось. Моисея Захаровича консультировал личный врач наместника Э.С. Андреевский[1], сам имевший значительное влияние на работу воронцовской администрации, как это было показано выше. Свои послания М.З. Аргутинскому-Долгорукому наместник завершал эксклюзивной формой подписи: «приятель ваш князь Воронцов».

Николай Степанович Завадовский с 1848 г. занимал важнейший пост командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. В воспоминаниях генерала М.Я. Ольшевского образ Н.С. Завадовского непригляден, но его возвышение прямо связывается с покровительством наместника: «Он (Н.С. Завадовский – *А.У.*) до того умел ходить на задних лапках и прикидываться тихим простачком, что очарованный его скромностью и безграничною покорностью граф Воронцов видел в нем честнейшего и преданного слугу царского… Осыпанный ласками и почестями своего мощного патрона, нельзя сказать, чтобы он оставил по себе добрую память»[2]. Н.С. Завадовский быстро оценил администратвиное влияние первого кавказского наместника и стремился войти в доверенный круг. Об этом свидетельствует восторженный тон его писем к М.С. Воронцову, который отчасти подтверждает и оценку М.Я. Ольшевского. В декабре 1845 г., поздравляя наместника с Новым годом, Николай Степанович писал: «Вполне счастливый милостями вашего сиятельства, я об одном только молю всевышнего творца – да хранит он под святым покровом своим драгоценную жизнь вашу на многие лета, для славы всей России, для блага Кавказского края!»[3]. Послания Н.С. Завадовского прямолинейны и льстивы, но, разумеется, связывать покровительство М.С. Воронцова только с ними – чрезвычайное упрощение. Наместник, вероятно, надеялся на возможность мирного покорения черкесов. С этой целью на Кубани устраивалась меновая

[1] Там же.
[2] Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 141.
[3] Письма генералов // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165. Л. 59–59об.

торговля, велись переговоры с черкесской знатью. Н.С. Завадовский предпринимал усилия в этом направлении, и наместник рассчитывал на его опытность и связи с коренным населением.

Кавказ, как и другие окраины Российской империи, управлялся военными, поэтому наличие доверительных отношений с генеральской элитой было определяющим фактором прочности и эффективности власти наместника. В.О. Бебутов, М.З. Аргутинский-Долгорукий и Н.С. Завадовский занимали ключевые позиции в системе региональной администрации, и все они были связаны с М.С. Воронцовым патрон-клиентскими отношениями. Фронда, которая могла сформироваться вокруг П.А. Ладинского, была заблаговременно обезглавлена его отставкой.

Кавказское наместничество как институт управления в 1845–1854 гг. состоял из наместника и его канцелярии. Наместник возглавлял всю систему местного управления, но чиновники местной администрации равно как генералы и офицеры Отдельного Кавказского корпуса оставались на своих местах. Наместнику предстояло выстроить отношения с местными военными и чиновниками, проведшими на кавказской службе не один год, с чистого листа. В 1845 г. Воронцова на Кавказе знали очень мало, он служил здесь недолго и еще в годы П.Д. Цицианова (1802–1806). Все это предопределило большой административный вес канцелярии наместника, которая являлась административным штабом управления регионом в 1845–1854 гг. Именно в канцелярии наместника находились нити управления регионом, а также связь с Кавказским комитетом, которую поддерживал С.В. Сафонов через оживленную деловую переписку с В.П. Бутковым.

Среди сотрудников канцелярии наместника можно выделить три группы чиновников. Во-первых, доверенные лично Воронцову чиновники, которые переехали в Тифлис вслед за ним. Наиболее заметными в этой группе были С.В. Сафонов и М.П. Щербинин, которых связывала с Воронцовым не только служба, но и личная преданность. Для них наместник был патроном, от которого зависели и карьера, и жизнь. Во-вторых, не менее

значимой группой среди чиновников наместничества были молодые люди, имевшие обширные связи, которые Воронцов мог использовать в своих административных интересах. Речь идет о сыновьях В.П. Кочубея и представителе московского купечества И.Ф. Золотареве. Необходимо отметить, что служба в канцелярии наместника представителей имперской элиты подчеркивала высокий статус кавказского наместничества в системе государственного управления. Наконец, в-третьих, еще одну группу чиновников канцелярии наместничества составляли опытные бюрократы, которые благодаря назначению Воронцова получили возможность претендовать на щедрые награды и ускоренное продвижение по карьерной лестнице. Для наместника же чиновники-ветераны были незаменимы в организации административного контроля и решении повседневных задач по управлению сложным регионом с иноэтничным населением.

Среди военных доверенностью наместника кроме В.О. Бебутова пользовались начальник войск на Кавказской линии Н.С. Завадовский и командующий войсками в Чечне и Дагестане М.З. Аргутинский-Долгорукий. Под началом последнего служил единственный сын наместника С.М. Воронцов и служил успешно. Необходимо отметить, что Воронцов в управленческой работе главным образом рассчитывал на силу личных связей. Это оказалось эффективной стратегией в условиях Кавказа середины XIX в., но и приводило к неоправданным решениям, порожденным всевластием ближайших сотрудников наместника.

Напротив, отсутствие доверия между наместником и генералом П.А. Ладинским привело к конфликту и отставке последнего. Это показывает, что управление наместнчиеством строилось на патерналистских основах, где личная преданность, или как минимум полная лояльность наместнику ценились больше других качеств.

«Semper immota fides» («Вечная непоколебимая верность») – написано на фамильном гербе Воронцовых. М.С. Воронцов, безусловно, был предан династии Романовых и на протяжении всей жизни служил Российской

империи. Но была и другая преданность – верность своей партии. Кавказский наместник последовательно отстаивал интересы своих сотрудников, способствовал их карьере, обеспечивал протекцию в периоды служебной турбулентности. На Кавказе ему удалось сформировать надежную патронажную сеть, которая исключала оппозицию и была основой регионального самовластия наместника. Формирование верной фракции было необходимо и в контексте противостояния с министерской бюрократией, связи которой с местными институтами пресекались или предельно формализовались. Верность клиентов обеспечивалась повышениями, наградами и материальным достатком. Система, созданная М.С. Воронцовым, оказалась долговечной. Его преемники также опирались в столице на Кавказский комитет и его управляющего, а в пределах наместничества – на те же корпорации и отдельных лиц, которым покровительствовал и первый кавказский наместник.

3.3. Император, великие князья и кавказский наместник.

Воронцов был назначен на должность кавказского наместника императором Николаем I, соответственно, и вопрос отрешения от этой должности был всецело в руках монарха. Также как это было при назначениях генерал-губернаторов. Однако назначение Воронцова сопровождалось конфликтом со статс-секретарем М.П. Позеном, фактически Николай I пожертвовал Позеном, являвшимся заметной фигурой в кругу высшей столичной бюрократии. Это выделяло назначение Воронцова, которое стало заметным событием публичной жизни Петербурга. Падение Позена символизировало и особенное доверие императора к первому кавказскому наместнику.

Это доверие Николай I подчеркивал как официально, так и частным образом. В известном разговоре с директором канцелярии наместника С.В.

Сафоновым, император несколько раз возвращался к мысли о правильности сделанного им выбора: «Опять повторяю, не прав ли я, назначив на это место князя Михаила Семеновича? Я решительно говорю, что для Кавказа у меня нет другого человека как он, а для Царства Польского князя Ивана Федоровича[1]»[2].

Как и в предшествующие назначению кавказского наместника годы Николай I много и активно участвовал в управлении регионом. Кавказский комитет возглавлял один из ближайших сподвижников императора военный министр А.И. Чернышев [3]. Негласным заместителем Чернышева как председателя Кавказского комитета являлся другой любимец царя – министр государственных имуществ П.Д. Киселев [4]. Именно Киселеву поручалось передавать обращения наместника к императору и подносить на высочайшее утверждение журналы заседаний Кавказского комитета при отлучках Чернышева из Петербурга [5]. Еще одним показателем вовлеченности императора в дела южной окраины стало назначение наследника цесаревича Александра Николаевича членом Кавказского комитета, по выражению Николая I, «я посадил туда (в Кавказский комитет – А.У.) своего сына»[6]. Самодержец подчеркивал, что в Кавказском комитете «ни одна бумага не проходит мимо меня… я бы и сам хотел постоянно там присутствовать, но разорваться не могу»[7].

В высочайшем рескрипте 30 января 1845 г. кавказскому наместнику предоставлялось право прямого обращения к императору. Такое право имели и генерал-губернаторы, но реализовать его они могли только двумя способами: во время императорских путешествий или пользуясь личной

[1] Иван Федорович Паскевич (1782–1856) – граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), наместник в Царстве Польском в 1832–1856 гг.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 397.
[3] Эпоха Николая I / под ред. М.О. Гершензона. М.: Проспект, 2025. С. 47–48.
[4] Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. С. 14–15.
[5] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 144.
[6] Там же. С. 385.
[7] Там же.

аудиенцией монарха [1] . Возможности коммуникации с самодержцем у кавказского наместника были значительно шире. Воронцов регулярно обращался к императору с всеподданнейшими рапортами и письмами по наиболее важным вопросам управления южной окраины. Николай I за время наместничества Воронцова не посещал Кавказ, но несколько раз принимал наместника в Петербурге (зимой 1851 и 1852 гг.). В 1850 г. Кавказ посетил цесаревич Александр Николаевич, его приезд стал большим событием для региона и позволил Воронцову показать край императору через наследника. Кроме того, ежегодные отчеты наместника доставлялись непосредственно Николаю I, который неизменно отвечал на них. Необходимо отметить, что непосредственно императору доставлялись и всеподданнейшие рапорты Воронцова как главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, в которых наместник подробно информировал монарха о ходе военных действий против имама Шамиля и его сторонников на Северном Кавказе. Продолжавшаяся в регионе Кавказская война, безусловно, привлекала особое внимание Николая I, что позволяло наместнику постоянно поддерживать личную коммуникацию с царем. Далее рассмотрим эти и другие примеры взаимодействия императора и кавказского наместника подробнее.

Провожая своего наместника на Кавказ, император просил Воронцова сообщить о благополучном прибытии в Тифлис и вступлении в командование войсками и управление регионом. 26 марта 1845 г. Воронцов в своем первом всеподданнейшем рапорте как главы региональной администрации сообщал императору: «После личного объяснения с генералом Нейдгардтом о всех подробностях здешнего края и по получении от него возможных сведений, принял командование Отдельным Кавказским корпусом и вступил в должность наместника кавказского»[2].

[1] Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820 – 1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 116.

[2] АКАК. Т. X. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1885. С. 3.

Воронцов не стал откладывать разработку масштабных социальных и административных преобразований в регионе и, несмотря на отнявшую много сил Даргинскую экспедицию 1845 г.[1], уже в 1845–1846 гг. представил в Кавказский комитет сразу несколько больших проектов. Весной 1846 г. кавказский наместник несколько раз обращался к императору с всеподданнейшими рапортами о проектах правовой реабилитации и поземельных прав мусульманской региональной элиты (беков и агаларов)[2]. Император мог поторопить с решением этого дела председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева, что значительно ускоряло рассмотрение «агаларского вопроса». Расчет Воронцова оказался верен, уже 6 декабря 1846 г. именным указом кавказскому наместнику поземельные права беков и агаларов были восстановлены[3].

Летом 1846 г. кавказский наместник просил императора обратить внимание на проекты административно-территориального устройства Кавказа[4]. Наместник предлагал выделить из большой Грузино-Имеретинской губернии Имеретинскую область, а также из Каспийской области выделить дополнительно Дагестанскую область[5]. Воронцов вновь рассчитывал на ускоренное рассмотрение этого вопроса Кавказским комитетом, наместник специально указывал, что планирует ввести новую административную раскладку региона уже в 1847 г. Однако в этом случае у самого Николая I нашлось сильное личное мнение по представленному наместником проекту. Во-первых, император указал на необходимость общего наименования административно-территориальных единиц, образующих государственное пространство, поэтому области следовало именовать губерниями. Во-вторых, Николай I повелел определять номинации новых губерний не по

[1] Подробнее см.: Лисицына Г.Г. Поход гр. М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год) // Россия в Кавказской войне. Вып. 2 / Отв. ред. Я.А. Гордин. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 3–14; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. С. 190–191.
[2] Там же. С. 11–12.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. С. 618–619.
[4] Всеподданнейший рапорт М.С. Воронцова императору Николаю I, 24 августа 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп 2. Д. 345. Л. 1–5.
[5] Там же.

национальному или географическому принципу, а в соответствии с именем губернского города[1]. Таким образом, в 1847 г. территория Кавказского края была унифицирована и состояла из следующих губерний: Тифлисской, Кутаисской (Имеретинская область в проекте Воронцова), Шемахинской (бывшая Каспийская область), Дербентской (Дагестанская область в проекте Воронцова) и Ставропольской (бывшая Кавказская область).

Еще большее внимание Николая I, как уже было отмечено, привлекали рапорты Воронцова как главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса. Ответные высочайшие рескрипты отличались особенно возвышенным стилем. В 1845 г. император выражал полное удовлетворение результатами Даргинской экспедиции в таких словах: «Вы вполне постигли и исполнили этим первейшие желания моего сердца»[2]. Этим же рескриптом Николай I возводил Воронцова в потомственное княжеское достоинство.

В схожем стиле выдержаны высочайшие рескрипты Николая I, последовавшие на известия о взятии оплотов горцев Шамиля в Дагестане аулов Салты (1847 г.) и Гергебиля (1848 г.). «В победе, ныне вами одержанной, равно как и во всех мерах и распоряжениях ваших, моим желаниям и ожиданиям вполне соответствующих, я с живейшим удовольствием вижу залог будущего преуспеяния края, управлению вашего вверенного, и тем с большим и истинным чувством изъявляю вам совершенную мою признательность за столь примерное, с самоотвержением, не щадя здоровья, служение ваше»[3], - откликался царь на взятие Салты. В высочайшем рескрипте на взятие Гергебиля Николай I выразил Воронцову «неизменную благосклонность»[4].

Николай I, как известно, особенно высоко оценивал военные успехи. Именно известия о военных победах, взятии важных опорных пунктов вызывали в императоре чувство доверия к командующим. Кавказский

[1] Выписка из журнала Кавказского комитета, 30 ноября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп 2. Д. 345. Л. 181–188.
[2] АКАК. Т. X. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1885. С. 313–314.
[3] Там же. С. 325.
[4] Там же.

наместник, находившийся буквально в центре театра военных действий, не имел недостатка в поводах для сообщения о победах, реальных и мнимых. Последнее в наибольшей степени относится к Даргинской экспедиции, официально признанной большой победой. Сообщения о походе и его итогах осенью 1845 г. регулярно печатались в «Русском инвалиде» и носили победно-триумфальный характер[1]. Успех военной операции должны были подтвердить и щедрые награды, которые получили все его участники. Воронцов, как отмечено выше, был удостоен титула князя, офицеры повышения и/или ордена, солдатам раздали деньги.

Вместе с тем, в российском обществе распространилось мнение о провале военной экспедиции. Столицы не верили официальным сведениям. Московские разговоры о походе в Дарго стали предметом обсуждения в переписке двух старых приятелей А.П. Ермолова и М.С. Воронцова[2]. «Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуему и окруженному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и дать ему еще большую власть; что, если требовано неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, и еще оставался бы страх, что может прийти сам главный начальник и поправить, буде бы что не хорошо было сделано. Безрассудно говорят, будто бы теперь горцы несравненно сильнее будут сопротивляться всякому из генералов, когда за потери их, хотя, впрочем, значительные, нанесено нам не менее чувствительное поражение. Рассказчики выставляют потерю трех генералов, утверждая, что это без сильного поражения быть не могло. К сему присоединяются будто из получаемых писем заимствованные сведения, которых нет без сумнения. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобой дух должен упасть необходимо и что это, конечно,

[1] Русский инвалид. 1845. № 142 (28 июня), № 152 (10 июля), 153 (11 июля); Известия с Кавказа за 1845 г. // ОР РГБ. Ф.178.1. Кар. 11148. Ед. 14.
[2] Подробнее см.: Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Москва: РГГУ, 1994. 191 с.

не легко поправить»[1], — писал Ермолов наместнику Воронцову 31 августа 1845 г.

В письмах Ермолова можно найти множество указаний на критическое отношение московской публики к походу в Дарго: «… немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами», — подчеркивалось в послании к Н.Н. Муравьеву от 10 октября 1845 г.[2]. Нет сомнений, что Воронцов был уязвлен недоверием к его победным реляциям и тяжело переносил язвительную критику Ермолова, на которую тот, несмотря на многолетнюю дружбу, не скупился. Однако эти слухи, видимо, никак не сказывались на доверии императора своему кавказскому наместнику.

Воронцов направлял Николаю I рапорты с описанием военных действий, в которых наместник участвовал непосредственно. Привлекает внимание подробное изложение наместником инженерных работ по возведению укреплений и станиц: «Земляные работы по устройству вала вокруг этой станицы я нашел почти совершенно оконченными, небольшой отряд, собранный на этом пункте, успел в течении менее 20-ти дней насыпать довольно значительной профили брустверов, в окружности до 1, 200 саж.; теперь приступлено будет без замедления к водворению там казачьих семейств, переселяемых в новую станицу» [3] , - сообщал Воронцов из Владикавказа во всеподданнейшем рапорте от 25 июня 1846 г. Очевидно кавказский наместник рассчитывал, что такого рода детали будут интересны военному инженеру Николаю I. В этом проявлялась и политическая опытность Воронцова, который знал о чем и как следует писать императору.

Всеподданнейшие отчеты Воронцова по управлению регионом доставлялись через канцелярию Кавказского комитета, но «в собственные руки его императорского величества» [4] . Следует отметить, что губернаторские отчеты давно привлекают внимание отечественных

[1] Ермолов А.П. Кавказские письма, 1816–1860. СПб.: Журнал «Звезда», 2014. С. 462–463.
[2] Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 464.
[3] Там же. С. 320.
[4] Письмо директора канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонова управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову, 1 января 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2.

историков. Отчеты рассматривают и как источники разнообразной социально-экономической информации о жизни регионов Российской империи, и как опыт взаимодействия институтов власти и управления различных уровней, и как политические программы губернаторов [1] . Безусловно, отчеты первого кавказского наместника также могут быть рассмотрены через эту разнообразную оптику, однако, в контексте исследуемой здесь проблемы взаимодействия главы региона в государственной системе управления особенно важен взгляд на этот источник как на определенный «сценарий власти». В отличие от «сценариев власти», проанализированных в классическом исследовании Р. Уортмана[2], в случае отчета кавказского наместника перед нами не миф, ритуал или церемония, а делопроизводственная практика.

Итак, отчет кавказского наместника отправлялся не министру внутренних дел, как в случае с губернаторскими отчетами, а лично государю императору. Это еще раз подчеркивало особое место кавказского наместника и фиксировало его самостоятельность от министерской опеки. Николай I лично изучал отчет наместника, об этом свидетельствует отношение председателя Кавказского комитета и военного министра Чернышева кавказскому наместнику от 16 января 1849 г.: «Государь император изволил рассматривать во всей подробности, с величайшим любопытством и удовольствием отчет вашего сиятельства по гражданскому управлению Кавказским краем за вторую половину 1846 г., 1847 и 1848 годы»[3]. Отчеты за трехлетний период к тому времени были уже не новым форматом организации контроля и определения новых задач администрации.

[1] Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М.: Наука 1977. С. 125–144; Минаков А.С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник. М.: Наука, 2013. С. 37–55; Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2(38). С. 5–24; См. также специальный номер журнала «Новое прошлое / The New Past» (2021. № 1).

[2] Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004.

[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 22. Л. 205.

Главноуправляющий в Грузии Г.В. Розен (1831–1837) также отчитывался за трехлетие 1832–1834 гг.[1].

Император сделал пометки в отчете, на сопроводительном всеподданнейшем донесении наместника написал «очень удовлетворительно»[2]. Все это Чернышев аккуратно и подробно сообщал Воронцову. Тем самым, отчету, а значит и всему изложенному в документе уже была дана оценка, причем самая важная – оценка монарха. И только спустя месяц после высочайшей оценки работы кавказского наместника, управляющий делами Кавказского комитета В.П. Бутков отправлял отчет Воронцова министрам, которым ничего не оставалось как отметить, что отчет «весьма замечательный»[3].

В процедуре рассмотрения отчета кавказского наместника подтверждалось привилегированное место Воронцова в системе государственного управления как личного агента императора, стоявшего фактически вне регулярного контроля центральной бюрократии. Отчеты главноуправляющих в Грузии, а затем кавказских наместников хранились в канцелярии Кавказского комитета и в случае необходимости могли быть выданы для ознакомления в служебных целях. Так, в 1850 г. директор канцелярии Военного министерства П.А. Вревский на протяжении нескольких месяцев изучал трехлетний отчет М.С. Воронцова[4].

Воронцов обращался к императору и с просьбами личного характера. В январе 1853 г. кавказский наместник просил Николая I об увольнении своего сына генерал-майора С.М. Воронцова, служившего в Отдельном Кавказском корпусе. Как объяснял в письме Воронцов просьба о продолжительном увольнении (на 3–4 месяца) сына была связана с тяжелой болезнью его жены Марии Васильевны Столыпиной. С.М. Воронцов должен был сопровождать больную супругу во Францию, к лучшим специалистам по подобным

[1] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 158. Л. 3–16.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 22. Л. 205.
[3] Там же. Л. 213.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 22. Л. 266–269.

болезням в то время[1]. Высочайшее разрешение было получено. После возвращения из отпуска С.М. Воронцов находился в действующей армии и принимал участие в обороне Севастополя в 1854–1855 гг.

В конце 1853 г. уже сам наместник попросился в продолжительный отпуск, связывая его необходимость со слабым здоровьем, которое, по словам Воронцова, «ежедневно слабеет»[2]. Николай I согласился на просьбу Воронцова «с крайним сожалением». И, скорее всего, это не формальная любезность монарха. Дело в том, что начавшаяся Крымская война с ее разнообразными театрами военных действий, обнаружила в Российской империи дефицит генералов, которым можно было поручить самостоятельное командование крупным армейским соединением. Именно об этой проблеме писал Николай I в ответном письме кавказскому наместнику, указывая, что достойных корпусных командиров у него «не в изобилии»[3]. В этих обстоятельствах отпуск Воронцов был для императора совершенно некстати, но в уважение долголетней службы наместника Николай I не мог отказать.

Перед отъездом из Тифлиса, Воронцов отправил императору пространное письмо от 30 января 1854 г., в котором наместник предельно откровенно излагал свои страхи насчет вступления в войну на стороне Османской империи англичан и французов. Воронцов писал, что появление англо-французского флота в Черном море сделает невозможным выход из портов российских военных кораблей. Наместник предсказывал потерю всех укреплений на восточном берегу Черного моря и опасался англо-французско-турецкого десанта в Абхазии или Западной Грузии. «Я, может быть, ошибаюсь, и дай Бог, чтобы я ошибся, но я не могу не предвидеть всего того, что я здесь излагаю, и мой священный долг есть говорить вам то, что я по совести полагаю за правду, даже с опасением сделать вам тем неудовольствие, и опять всеподданнейше повторяю и, как выше сказано, дай

[1] АКАК. Т. X. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1885. С. 60.
[2] Там же. С. 92.
[3] Там же. С. 340.

Бог ошибочно, что для сохранения не только могущества, но и доброго имени России в здешней стране необходимо, ежели только возможно, не допустить до разрыва с западными морскими державами, которые, не рискуя ничем, могут сделать нам здесь самый ужасный вред, пагубным последствие которого нельзя предвидите ни пределов, ни конца»[1], - писал царю его кавказский наместник. Отвечая на вопрос Николая I о талантливых генералах, способных к самостоятельному командованию, Воронцов обращал внимание императора на начальника главного штаба войск на Кавказе генерала А.И. Барятинского[2], впоследствии кавказского наместника в 1856–1862 гг.[3].

Воронцов отправлялся в Карлсбад, где надеялся поправить свое физическое состояние, его в должности командующего Отдельным Кавказским корпусом и управляющего гражданской частью на Кавказе заменил генерал Н.А. Реад, для которого наместник составил подробную инструкцию и по военным, и по гражданским делам[4]. Заграничное лечение не помогло Воронцову, он чувствовал себя хуже и 11 октября 1854 г. из Дрездена написал императору письмо, в котором просил отставки со всех занимаемых постов[5]. Николай I отпустил Воронцова со службы, заверив в своей неизменной благосклонности и сохранив за ним звание генерал-адъютанта и место в Государственном совете[6].

В ноябре того же года Николай I назначил на должность кавказского наместника, со всеми правами, утвержденными ранее за первым кавказским наместником Воронцовым, командующего Гренадерским корпусом Н.Н.

[1] Там же. С. 342.
[2] Там же. С. 343. По словам Воронцова: «Военные достоинства князя Барятинского известны здесь всем и, смею думать, В.И.В. известны. Он приобрел большой опыт и в военном деле вообще, и в познании края и пользуется общей доверенностью…».
[3] Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: «Центрполиграф», 2007.
[4] АКАК. Т. X. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1885. С. 92–100.
[5] Там же. С. 103–104.
[6] Там же. С. 104.

Муравьева. Генерал Н.А. Реад принял командование 3-м корпусом и погиб в битве на Черной речке 4 августа 1855 г.[1].

Здесь же рассмотрим взаимоотношения первого кавказского наместника и великих князей. В середине XIX в. влияние великих князей на различные отрасли управления империей становилось все более заметным. Сыновья императора Николая I, как и их отец, лично интересовались особенностями организации государственного управления и путями совершенствования ключевых военно-политических институтов империи. В воспоминаниях внука Николая I великого князя Александра Михайловича (1866–1933) есть показательные рассуждения: «Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич (Старший), артиллерией, которая была в ведении моего отца (великого князя Михаила Николаевича – А.У.), и военным флотом, во главе которого стоял мой другой дядя – великий князь Константин Николаевич» [2] . Сам великий князь Александр Михайлович родился в Тифлисе, когда его отец великий князь Михаил Николаевич занимал должность кавказского наместника.

Кавказом интересовался и великий князь Константин Николаевич. Первое его знакомство с южной окраиной империи случилось в августе 1845 г., когда в ходе путешествия по Черному морю на фрегате «Флора» Константин Николаевич зашел в Сухумскую бухту. Это событие, видимо, произвело сильное впечатление на великого князя. В письме Николаю I он отмечал: «Вот мы вступили в первый раз на кавказскую землю. Это была особенно приятная минута»[3].

В дальнейшем Константин Николаевич проявлял устойчивый интерес к различным вопросам интеграции Кавказ в состав Российской империи, его

[1] Участие генерала Н.А. Реада в битве на Черной речке упоминается в знаменитом произведении Л.Н. Толстого «Песня про сражение на реке Чёрной 4 августа 1855 года»: «Туда умного не надо // Ты пошли туда Реада».
[2] Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 18.
[3] Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М.: Прометей, 2019. С. 198–199.

интересовали как ход военных действий, так и гражданское управление южной окраиной. Осенью 1851 г. великий князь Константин Николаевич и его жена Александра Иосифовна по совету врачей отправились зимовать в Венецию. Однако даже вдали от центра имперского управления Константин Николаевич целенаправленно занимался изучением административной системы империи и различных практик управления. Из Венеции Константин Николаевич писал министру внутренних дел Л.А. Перовскому, оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому, восточносибирскому генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву-Амурскому и кавказскому наместнику М.С. Воронцову[1].

В октябре 1851 г., еще до отъезда в Венецию, Константин Николаевич отправил Воронцову проекты нового Морского устава, над разработкой которого работал специальный комитет, возглавляемый великим князем. «В полной уверенности, что вам приятно получить известие о трудах имеющих целью устройство и улучшение наших военных сил, не только сухопутных, но и морских, посылаю вам экземпляры помянутых проектов в доказательство искреннего моего уважения», - писал Константин Николаевич кавказскому наместнику в письме от 1 октября 1851 г.[2]. В этом же письме великий князь просил Воронцова сообщать новости с Кавказа: «Мне было бы особенно приятно получать по временам на берегах Адриатического моря известия о ваших кавказских делах, по подвигах наших воинов под начальством доблестного вождя их и о мирных трудах его по гражданской части на пользу обширного и столь разнообразного края»[3].

Тон и лексика писем великого князя Константина Николаевича были далеки от формальных обращений и сухих отношений. Для этой переписки характерен личный стиль общения, Константин Николаевич обращается к Воронцову как к более опытному администратору и прославленному

[1] Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М.: «Русский мир», 2002. С. 64–65.
[2] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 5.
[3] Там же. Л. 6–7.

полководцу. Кавказский наместник довольно подробно сообщал великому князю о военных действиях на Кавказе, давал характеристику имаму Шамилю и его наибам.

В одном из писем Константин Николаевич выражал желание приехать на Кавказ: «Одна из любимейших моих надежд есть надежда совершить со временем путешествие по Кавказу. Весьма желал бы я исполнить это предприятие под вашим руководством и пользуясь вашими советами» [1]. Великий князь даже приступил к подготовке своего путешествия, попросив Воронцова составить для него специальный библиографический список сочинений о Кавказе. Такой аннотированный библиографический список под названием «Обозрение источников для познания Кавказа» был составлен по поручению наместника писателем и ученым В.А. Соллогубом, являвшимся, в том числе редактором «Записок Кавказского отдела Русского географического общества». Реализации «любимейшей надежды» Константина Николаевича помешала Крымская война (1853–1856).

Воронцов присылал великому князю отчеты об управлении регионом, обстоятельно отвечал на уточняющие вопросы, отправлял уставы образовательных и благотворительных институтов [2]. Наместник был довольно откровенен в переписке с Константином Николаевичем, отмечал многочисленные трудности в управлении регионом. В начале 1852 г. Воронцов сообщал великому князю, что его медленный ответ на письма объясняется запущенностью дел по гражданскому управлению, которая проявлялась ежегодно по причине продолжительной «походной жизни» наместника[3].

Константин Николаевич даже пытался развлечь Воронцова рассказами о Венеции и ее фортификационных укреплениях. В одном из писем великий князь спрашивал мнения кавказского наместника «о достоинствах и недостатках» системы венецианских укреплений, добавляя при этом: «Быть

[1] Там же. Л. 8–9.
[2] Там же. Л. 30–40.
[3] Там же. Л. 21.

может занятие этим предметом послужит вам минутным отдыхом и развлечением среди утомительной административной деятельности»[1].

Переписка Константина Николаевича и Воронцова продолжалась вплоть до смерти последнего в 1856 г. Однако, она не приобрела политического характера, Воронцов не пытался воспользоваться личными отношениями с великим князем в административных целях. Хотя сам Константин Николаевич неоднократно заявлял о своем «искреннем желании» выступить на стороне кавказского наместника в качестве лоббиста его «полезных предначертаний». В письме Воронцову от 8 марта 1853 г. великий князь отмечал свою «полную готовность способствовать вашей полезной деятельности всеми зависящими от меня средствами» [2] . При этом, Константин Николаевич имел такие возможности не только в рамках морского ведомства, но и как член Кавказского комитета с 1852 г.

Письма великого князя Константина Николаевича свидетельствуют о высоком неформальном статусе Воронцова при императорском дворе и в неофициальной иерархии высших сановников. Такое положение выделяло кавказского наместника в ряду других региональных администраторов.

3.4. Кавказский наместник и Кавказский комитет.

Специальные комиссии и комитеты, создававшиеся в разное время и для решения различных политических вопросов, играли важную роль в системе управления Российской империи первой половины – середины XIX в. Такие институты создавались в дополнение властной вертикали, но зачастую сильно меняли ведомственный расклад сил и процедуры принятия решений по разнообразным вопросам. Император Николай I регулярно прибегал к созданию специальных комитетов как управленческой технологии. Комитеты создавались для межведомственной координации и

[1] Там же. Л. 28.
[2] Там же. Л. 65.

преодоления невидимых, но вполне реальных межминистерских перегородок. Кроме того, работа в различных комитетах открывала дополнительные карьерные возможности для талантливых чиновников. Как правило деятельность комитетов проходила на виду у императора, и чиновники получали возможность отличиться в «бюрократических боях».

Николаевскую эпоху отличает избыток этих институтов: Комитет 6 декабря 1826 г., Комитет охранения общей безопасности, Комитет о раскольниках и отступниках, Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников, секретные комитеты по крестьянскому делу, секретные комитеты по финансовым делам, секретные комитеты по делу униатов, секретные еврейские комитеты.

Во множестве открывались и территориальные комитеты, то есть особые институты, призванные найти оптимальные модели управления окраинами и траектории их интеграции в общее политическое пространство империи Романовых. Подобные институты управления выделяли некоторые окраинные территории империи, которые превращались в регионы с особым статусом. В историографии неоднократно отмечалось, что подобные комитеты выполняли функции «своеобразных территориальных министерств»[1].

В царствование Николая I функционировали: Первый и Второй Сибирские комитеты (1821–1838; 1852–1864); Комитет по делам Царства Польского (1831–1841); Комитет Западных губерний (1831–1848) и, наконец, «кавказские» комитеты – Комитет по делам Закавказского края (1833–1845); Кавказский комитет (1845–1881).

Кавказские комитеты, как сибирские решали различные задачи, поэтому их не стоит рассматривать в качестве одного института под разными названиями. Первый Сибирский комитет был создан для рассмотрения отчетов М.М. Сперанского по обозрению Сибири и обсуждения содержания

[1] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 252.

предстоящих административных преобразований региона [1]. Второй Сибирский комитет создавался в ответ на результаты ревизии Западной Сибири, проведенной в 1851 г. генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым[2].

История кавказских комитетов во многом отражает условия и обстоятельства появления и работы сибирских институтов Комитет по делам Закавказского края создавался для подготовки и проведения масштабной административной реформы в 1830-е гг. В новой структуре управления южной окраины, в основных чертах сформировавшейся в 1845 г., ключевое значение имело взаимодействие кавказского наместника с Кавказским комитетом – высшим территориальным институтом управления.

Кавказский комитет был образован в феврале 1845 г. вместо Комитета по делам Закавказского края и упраздненного VI Временного отделения императорской канцелярии[3]. При этом Кавказский комитет объединил в себе оба учреждения. В Кавказский комитет поступали дела и документы, рассматривавшиеся ранее не только Комитетом по делам Закавказского края, но и VI Временным Отделением СЕИВК. Так в марте–апреле 1845 г. на практике оформилось решение о регулярной передаче в Кавказский комитет годовых отчетов подведомственных министерствам и главным управлениям государственных учреждений Закавказского края и Кавказской области [4]. Ранее эти годовые отчеты доставлялись в VI Временное Отделение СЕИВК[5].

Кавказский комитет был призван выполнять функции особенного высшего правительства для Кавказа и, одновременно, выступать связующим элементом между тремя центрами власти – императором, наместником и министрами [6]. В состав комитета входили главы основных министерств:

[1] Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2011. № 1. С. 10.
[2] Сибири в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 107.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XX. Ч. I. СПб., 1846. С. 168.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 738. Л. 1–2.
[5] Там же.
[6] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845 – 1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 154.

военный министр А.И. Чернышев, министр финансов Ф.П. Вронченко, министр внутренних дел Л.А. Перовский, министр юстиции В.Н. Панин, министр государственных имуществ П.Д. Киселев. В заседаниях принимал участие наследник престола цесаревич Александр Николаевич, шеф жандармов А.Ф. Орлов, председатель департамента законов Государственного совета Д.Н. Блудов, а также управляющий делами комитета статский советник В.П. Бутков. В таком составе комитет проработал вплоть до 1852 г.[1]. Необходимо отметить, что должностной состав Кавказского комитета был им полностью унаследован от предшественника – Комитета по делам Закавказского края[2].

Заседания Кавказского комитета проходили нерегулярно. На основании записок Чернышева в комитетскую канцелярию можно восстановить особенности повседневной работы «кавказского правительства». Чернышев намечал день и время проведения заседания Кавказского комитета и отправлял записку в канцелярию для сбора сведений о том насколько назначенный день и час удобен членам комитета и нет ли в это время других важных заседаний правительственных институтов[3]. Канцелярия Кавказского комитета отправляла повестки для министров в соответствующие ведомственные канцелярии. Наследника престола цесаревича Александра Николаевича Чернышев приглашал сам.

Заседания, как правило, назначались не чаще, чем раз в два месяца. Кроме членов комитета Чернышев по согласованию с императором приглашал некоторых других важных лиц. Так на некоторые заседания в 1845–1846 гг. приглашался государственный канцлер и министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Время от времени члены комитета под разными предлогами пропускали заседания. Причинами могли быть отлучка из столицы по личным делам, или «другие важные занятия»[4].

[1] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет // Клио. 1997. № 2. С. 140.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. С. 891–892.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп 1. Д. 748. Л. 5.
[4] Там же. Л. 7.

Нерегулярность заседаний Кавказского комитета приводила к путанице. Чернышев встречался с министрами, входившими в Кавказский комитет, на заседаниях Государственного Совета или Комитета министров и мог в личном разговоре назвать дату очередного заседания, которая не совпадала с датой, обозначенной в повестке, рассылаемой министрам канцелярией комитета. Это приводило к дополнительной переписке, канцелярии министров обращались в канцелярию комитета с такими вопросами: «Когда именно назначено заседание Кавказского комитета? Военный министр в собрании Государственного Совета объявил министру финансов, что заседание будет в четверг, а между тем в полученной его высокопревосходительством повестке, оное назначено на среду. Сведение сие крайне необходимо для заблаговременного распределения занятий министра»[1].

Кавказский комитет не имел отдельного специального помещения для проведения своих занятий. Заседания проходили в доме военного министра и председателя комитета, чиновники канцелярии не имели отдельных кабинетов и работали либо у Чернышева, либо у себя дома[2]. Все это мало походило на бюрократическое учреждение. Такая внешняя обстановка работы Кавказского комитета, как представляется, имела большое значение. Чернышев и другие члены комитета представали на этих заседаниях скорее как вельможи, а не как бюрократы. Как вельможи члены Кавказского комитета могли опираться на личные неформальные договоренности не меньше, чем на регламенты, правила и, наконец, законы.

В начале февраля 1845 г. было утверждено Положение о канцелярии Кавказского комитета, которое несколько уточнило и дополнило функционал самого комитета[3]. Министры и главноуправляющие должны были вносить в Кавказский комитет все дела, предполагавшие изменения законодательства в отношении Закавказского края и Кавказской области. Ключевыми фигурами

[1] Там же. Л. 16.
[2] Там же. Л. 15.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XX. Ч. I. СПб., 1846. С. 168–169.

в Кавказском комитете являлись его председатель и управляющий делами – Чернышев и Бутков соответственно. Председатель Кавказского комитета занимал позицию посредника между императором, министром и наместником. Император мог отправить на рассмотрение в Кавказский комитет всеподданнейшие донесения и отчеты наместника, а тот в свою очередь имел право непосредственного обращения к председателю комитета для инициирования обсуждения вопросов, превышающих его полномочия. В свою очередь уже председатель комитета выносил запросы наместника на обсуждение и решение комитета. Однако на практике, прежде чем провести обсуждение на заседании комитета Чернышев запрашивал мнение отдельных министров и выступал модератором в обмене мнений между министрами и наместником. Часто министры с незначительными оговорками соглашались с инициативами и запросами наместника и тогда обсуждения в комитете проходили формально. Министры поручали экспертизу различных вопросов профильным департаментам своих ведомств, за взаимодействие с которыми отвечал управляющий делами Кавказского комитета[1].

Вся первая половина 1845 г. прошла в работе по уточнению круга занятий Кавказского комитета. Его главным конкурентом выступал Комитет министров, где в это время продолжали рассматриваться дела южной окраины. Так в июне 1845 г. Комитет министров рассматривал вопрос контроля над недоимками по различным губерниям, в том числе Закавказскому краю и Кавказской области. Понадобился высочайший циркуляр, закреплявший рассмотрение всех дел южной окраины в Кавказском комитете. Более того, этим циркуляром подчеркивалось, что кавказские дела необходимо было выделять из обсуждения общеимперских проблем и рассматривать отдельно в соответствующем комитете: «Если какое-либо дело требует принятия общих мер во всех частях империи, в том числе в Закавказском крае и Кавказской области, то вопрос о

[1] Там же.

распространении сих мер на Закавказский и Кавказский край отделять от общего дела и вносить в Кавказский комитет»[1].

С расширением объема деловой переписки Кавказского комитета все более значимой становилась роль канцелярии. Постепенно именно управляющий делами Кавказского комитета Владимир Петрович Бутков выходил на первый план в работе Кавказского комитета. Это было связано как с делопроизводственными талантами самого Буткова, так и с большой нагрузкой Чернышева, который в декабре 1848 г. возглавил Комитет министров в дополнение к обязанностям военного министра и председателя Кавказского комитета [2] . Ключевой фигурой в обсуждении вопросов управления Кавказом становился управляющий делами Кавказского комитета. Если для министров заседания Кавказского комитета были дополнительными занятиями к основной работе по должности, то для управляющего делами комитета эта работа была главным содержанием и смыслом деятельности. Именно управляющий делами первым получал запросы наместника, мнения министров, а также вел переписку с этими и другими должностными лицами. Одной из наиболее важных функций управляющего делами было представление мнений и позиций министров на заседаниях Кавказского комитета [3] , которые главы ведомств посещали нерегулярно и с большой неохотой. Управляющий делами Кавказского комитета при наличии определенных навыков мог представить соображения министра в выгодном или, напротив, невыгодном для наместника свете. От бойкости пера и остроты языка управляющего делами зависело решение многих дел Кавказского комитета. Поддержка управляющего делами во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника через Кавказский комитет.

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 800. Л. 3.
[2] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 264–265.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266. Л. 2.

Буткова можно считать одним из самых талантливых чиновников-канцеляристов в истории Российской империи. Показателен быстрый рост Буткова в чинах: 1834 г. – коллежский секретарь; 1835 г. – титулярный советник; 1837 г. – коллежский асессор; 1840 г. – надворный советник; 1842 г. – коллежский советник; 1844 г. – статский советник; 1846 г. – действительный статский советник. Отметим, что столь быстрое служебное возвышение можно сравнить лишь с карьерами офицеров в эпоху наполеоновских войн[1].

1 января 1850 г. В.П. Бутков был назначен управляющим Комитета министров с сохранением обязанностей по управлению делами Кавказского комитета, а спустя ровно год усердного чиновника пожаловали в статс-секретари[2]. В марте 1850 г. император Николай I назначил В.П. Буткова управляющим делами Секретного комитета о раскольниках и отступниках от православия[3].

Бутков занимал множество ответственных постов: управляющий делами Кавказского комитета, управляющий делами Сибирского комитета, управляющий делами Комитета министров, председатель Особой комиссии для изготовления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства и судоустройства. Однако Буткову не довелось руководить деятельностью высших или центральных государственных институтов. Этим объясняется дефицит специальных работ о жизни и карьере В.П. Буткова в современной историографии.

Ему и его выдающимся профессиональным качествам посвящены несколько страниц монографии А.В. Ремнева о Комитете министров[4],

[1] Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 15–18.

[2] Формулярные списки о службе чиновников Канцелярии Комитета министров за 1851 год // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 10–18.

[3] О назначении управляющего делами Кавказского комитета, действительного статского советника Буткова помощником управляющего делами Комитета министров, с оставлением при настоящей должности. Здесь же о назначении его управляющим делами Комитета министров и Секретного комитета о раскольниках, а также об отчислении от 1-го отделения СЕИВК // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 188. Л. 21.

[4] Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). С. 257–262.

управляющим делами которого Бутков являлся в 1850–1853 гг., а в период с 1 мая 1849 г. по 1 января 1850 г. исправлял должность помощника управляющего делами Комитета министров. Упомянут Бутков и в статье Г.Г. Лисицыной об институциональном формировании и функциях Кавказского комитета[1].

Буткову удалось превратить сугубо канцелярскую, техническую во многом позицию управляющего делами Кавказского комитета в ключевой пост посредника-медиатора в противоречивых, а порой и прямо враждебных отношениях кавказского наместника и министров – членов этого высшего территориального комитета. Это делает необходимым более подробное обращение к биографии чиновника.

Владимир Петрович Бутков родился 10 апреля 1813 г. в семье известного историка-кавказоведа и лингвиста П.Г. Буткова, который, кроме ученых занятий, служил в должности правителя канцелярии главноуправляющих в Грузии К.Ф. Кнорринга (в 1801–1802 гг.) и П.Д. Цицианова (в 1802–1803 гг.). В 1869 г. уже после смерти П. Г. Буткова были опубликованы его «Материалы для новой истории Кавказа» в трех томах[2].

Будущий бюрократ получил образование в престижном Санкт-Петербургском высшем училище (с 1830 г. Вторая Санкт-Петербургская гимназия), учениками которого в разное время также являлись: В.Н. Коковцев, А.Ф. Кони, Н.Н. Миклухо-Маклай и др. Бутков учился прилежно, в период обучения он подготовил несколько крупных сочинений, в числе которых «О совестном суде» и «О пользе наук». Первое из них посвящено губернской реформе Екатерины II 1775 г. и введению в судебно-административную практику совестных судов, идею которых юный Бутков оценивал положительно: «Совестный суд поставлен посредником между подсудимым и законом. Подавая надежду и утешение первому, и, смягчая

[1] Лисицына Г. Г. Кавказский комитет. 1845–1882 // Клио. Межвузовский журнал для ученых. 1997. №. 2. С. 140–148.

[2] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I–III. СПб.: Типография императорской академии наук, 1869.

строгости последних, благодетельное учреждение сие не может и не должно отягощать ничьей судьбы, но ему поручается совестный разбор, осторожное и милосердное окончание дел на него возложенных»[1].

Важные штрихи к интеллектуальной биографии Буткова добавляет его ученическое сочинение «О пользе наук», в котором он рассуждал о цивилизации и варварстве: «К сожалению, несмотря на далеко распространившуюся образованность по всем частям света, есть еще люди, стоящие на границе между человечеством и бессловесными животными. И сколь малым они отличаются от диких животных ими поражаемых! Умственные силы их не простираются далее самой низкой чувственности; нравы их грубы и суровы, страсти необузданны, кровожадны»[2]. Очевидно, что Бутков вполне органично мог принять веру в цивилизаторскую миссию Российской империи на Кавказе. Впоследствии именно Буткову был поручен надзор за успехами кавказских уроженцев, обучающихся в университетах империи.

Служебную карьеру Бутков начал в канцелярии Военного министерства, где его приняли на должность письмоводителя «без производства жалованья, впредь до усмотрения его способностей» [3] . Способности молодого чиновника превзошли ожидания начальства. Первым свидетелем неутомимости Буткова в канцелярской работе стал директор канцелярии Военного министерства М.М. Брискорн: «…Бутков в особенности заслуживает внимания по хорошим его способностям…», – писал он военному министру А.И. Чернышеву 24 июня 1833 г., испрашивая согласия начальника на выплату трудолюбивому работнику единовременного жалованья в размере 750 рублей[4]. С этого момента награды в виде орденов (в том числе иностранных) и денежных выплат стали постоянными спутниками службы талантливого чиновника-канцеляриста.

[1] Ученические статьи В.П. Буткова // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
[2] Там же. Л. 8.
[3] Дело о службе члена государственного совета В.П. Буткова // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.
[4] Там же. Л. 7.

22 апреля 1834 г. Бутков «в награду отличной усердной службы» был произведен в коллежские секретари, а три дня спустя его назначили на должность помощника начальника особой экспедиции по делам общим и секретным канцелярии Военного министерства[1]. С этого времени Бутков был постоянно на виду у военного министра Чернышева. В 1835 г. Буткова назначили правителем дел специального Комитета для поверки и составления Свода военных постановлений. Кодификация военного законодательства, начиная с актов петровской эпохи, являлось трудной задачей, связанной с напряженной бюрократически-канцелярской работой. Составление Свода военных постановлений было в целом завершено к началу 1838 г. Деятельность Буткова была отмечена орденом Св. Станислава 2-ой степени.

15 мая 1838 г. Буткова перевели из канцелярии Военного министерства в Военно-походную канцелярию императора, как указано в формулярном списке чиновника, «для производства дел и особых занятий по редакции продолжения Свода военных законов»[2]. Именно Буткову была поручена редакция Свода и контроль над его печатанием[3]. Со всем этим чиновник вновь справился блестяще, что было поощрено выплатой 5 тысяч рублей ассигнациями[4]. В последующие несколько лет (1839–1840 гг.) Бутков работал над составлением продолжений к Своду военных постановлений и алфавитного указателя к нему. В 1839 г. Бутков вновь был отмечен начальством за успешную работу по кодификации военных постановлений. Статс-секретарь Позен писал военному министру Чернышеву 10 февраля 1839 г.: «Коллежский асессор Бутков известен вашему сиятельству примерной службой своей и в новой должности оправдал все мои ожидания. Он так ведет себя, так неусыпно и охотно трудится, так ознакомился со

[1] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 2.
[2] Формулярный список действительного статского советника В.П. Буткова за 1851 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 2.
[3] Свод военных постановлений. Ч. I–V. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1838–1839.
[4] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 6.

всеми подробностями военного управления – необходимое условие успеха в настоящей его должности – что я считаю долгом воспользоваться первым открывшимся случаем для улучшения его содержания. В полном убеждении, что Бутков заменяет собой нескольких чиновников, я имею честь испрашивать разрешения вашего сиятельства, обратить ему прибавок к жалованью означенные 1500 рублей, не определяя на счет их особого чиновника, в котором я при неусыпной деятельности Буткова не предвижу надобности»[1]. Военный министр согласился с предложением Позена. 6 декабря 1839 г. Буткову за «отлично усердную службу и неутомимые труды по продолжению Свода военных законов» было объявлено благоволение императора Николая I[2].

Весной 1841 г. Бутков впервые занял должность управляющего делами Комитета об устройстве Закавказского края, подменив на время коллежского советника П.А. Булгакова, который отправился в отпуск. Осенью того же года Бутков вновь временно заменил Булгакова в этой должности. С 1841 г. деятельность Буткова будет тесно связана с политикой на южной окраине. Расширение полномочий чиновника в эту сторону было связано как с его давней службой под началом Позена и Чернышева, так и с тем, что Владимир Петрович приходился сыном известного российского ученого-кавказоведа Петра Григорьевича Буткова.

В 1842 г. Позен, собиравшийся отправиться на Кавказ с ревизией, просил Чернышева отпустить с ним двух наиболее талантливых чиновников Комитета по делам Закавказского края – Булгакова и Буткова[3]. Бутков получил предписание Позена, в котором определялись обязанности чиновника в рамках ревизии гражданского устройства Закавказского края: «Для успешнейшего производства высочайше порученной мне ревизии, признавая необходимым предварительно обревизовать уездные и участковые

[1] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1. Л. 59–60.
[2] Формулярный список действительного статского советника В.П. Буткова за 1851 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 2.
[3] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1. Л. 88.

управления, я поручаю вам ревизию уездов: Дербентского и Кубинского Каспийской области и Джаробелоканского Грузино-Имеретинской губернии. Посему имеете вы немедленно отправиться в Дербент и Кубу, осмотреть лежащие по тракту участковые управления сих уездов, а по прибытии в сии города, находящиеся там присутственные места и заведения. Окончив ревизию сих двух уездов, вы должны прибыть в Баку, и ожидать моего туда приезда. Отсюда вы отправитесь со мною в Старую Шемаху и по окончании тех занятий, которые будут там на вас возложены, поедите в Новые Закаталы, и, обревизовав лежащие по тракту участковые управления, уездные присутственные места и заведения Джаробелоканского уезда возвратитесь в Тифлис»[1]. Буткову поручалось составить подробную отчетную ведомость и ревизии уезда, а также подготовить его статистический обзор.

После возвращения в Тифлис, Позен поручил Буткову заняться ревизией делопроизводства Тифлисской городской полиции[2]. Бутков с успехом справился со всеми возложенными на него задачами. Рапорты Буткова о проведенной им ревизии уездных судов, казначейств и полиции представляют собой многостраничные документы с обилием цифр и фактов[3]. Он был ревизором обстоятельным и беспощадным. Так, например, несмотря на все старания телавского уездного начальника выгородить себя и объяснить допущенные по службе упущения, Бутков в рапорте Позену отметив неспешность работы окружного суда, добавил, что «с движением новых дел заметна также чрезвычайная медленность, как в рассмотрении старых»[4].

По итогам ревизии 15 августа 1842 г. Буткова пожаловали в коллежские советники. Несмотря на регулярные награды и благоволения начальства, Бутков долгое время оставался на вторых ролях в канцеляриях Военного министерства и других учреждениях, связанных с Чернышевым.

[1] Там же. Л. 114.
[2] Там же. Л. 113.
[3] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1. Л. 120–132.
[4] Там же. Л. 114.

Выйти из тени Булгакова и Позена было очень трудно. Но в 1843–1844 гг. обстоятельства сложились в пользу Буткова. В декабре 1843 г. Булгакова назначили Тамбовским гражданским губернатором, в том же году Буткова сделали управляющим Комитетом по делам Закавказского края. Отставка Позена, последовавшая после его конфликта с Воронцовым в январе 1845 г., еще больше упрочила положение Буткова как главного канцеляриста военного министра Чернышева.

Таким образом, Бутков к середине XIX в. уже являлся одним из самых влиятельных чиновников Российской империи, он постоянно контактировал с министрами и их канцеляриями, находился в поле зрения военного министра и императора. При этом Буткова связывали с кавказской администрацией неформальные и доверительные отношения. В противостоянии кавказского наместника и министров по разнообразным вопросам административного устройства и гражданского развития южной окраины империи, управляющий делами Кавказского комитета был неизменно на стороне наместника Воронцова. Переписка Буткова с главой воронцовской канцелярии С.В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа1845 г. по 7 марта 1852 г.[1]. Эта переписка отличается откровенностью, которая ясно показывает, на чьей стороне оставались предпочтения Буткова.

Бутков стремился сосредоточить рассмотрение всех дел относительно законодательных преобразований на южной окраине империи в Кавказском комитете. Это существенно повышало возможность их решения в пользу Тифлиса. Однако не являлось гарантией успеха. Уже первое столкновение с министром финансов Ф.П. Вронченко в Кавказском комитете по вопросу введения на Кавказе свободной торговли закончилось поражением кавказского наместника. Заметим, что именно министерство финансов являлось основным оппонентом кавказской администрации на протяжении всего существования наместничества на Кавказе. Министр финансов порой

[1] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

отказывал наместнику даже в выплате пособий и пенсий в размере, определенном Тифлисом. Предвидя жесткое сопротивление министров по ходатайствам наместника, Бутков писал Сафонову: «…я с своей стороны готов сделать все, чтобы исполнить желания вашего превосходительства и буду всемерно стараться сделать то, о чем вы изволите писать; но не скрою от вас, что успех дела не всегда зависит от одного меня…»[1].

Управляющий делами Кавказского комитета увлекся противостоянием с министрами и главноуправляющими, некоторые его высказывания идут намного дальше описания повседневной бюрократической работы. Так, например, в послании Сафонову от 28 июня 1846 г. Бутков, подчеркивая зловредность министров в деле управления южной окраины, отметил: «Я убежден, что не взирая на все полномочия, данные наместнику, край до тех пор не сможет устроиться, пока, хотя на время, не получит того отдельного управления, какое имеют Польша и Финляндия; одним словом – пока министры не лишатся права говорить о делах кавказских. Я знаю, что это невозможно, но убежден, что это необходимо»[2].

Управляющий делами Кавказского комитета действовал в пользу наместника не по одному только корпоративному раскладу, но, вероятно, и по собственному убеждению. В его письмах Сафонову есть фрагменты, которые невозможно представить порождением исключительно служебной лести: «Давно уже занимаясь делами Кавказа, я никогда с таким наслаждением не ожидал оттуда почты и не читал тамошних бумаг, как теперь. В каждом слове, в каждой строчке князя Михаила Семеновича видно одно: благодетельное желание чистой, истинной пользы этому несчастному краю. В короткое управление его сиятельства положено начало стольким добрым намерениям, что одно исполнение их заставит край вечно благословлять имя князя Михаила Семеновича. Как русского меня восхищает

[1] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 31.
[2] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с управляющим канцелярией наместника С.В. Сафоновым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 152.

еще и то, что князь так заботлив о развитии тех даров, коими природа наградила Кавказ»[1].

Несмотря на опасность позиции Буткова, которая провоцировала конфликты с министрами, недовольными активной поддержкой многочисленных начинаний Воронцова на Кавказе, служебное положение чиновника и его служебный авторитет только укреплялись. В самом начале 1847 г. В.П. Бутков был произведен в действительные статские советники, а спустя год получил статусный подарок императора – золотую табакерку, украшенную бриллиантами с вензелевым изображением царского имени[2]. Такая награда – знак личного расположения императора к чиновнику, эксклюзивное отличие, которое в этом отношении более значимо, чем формальные повышения в чинах и представления к орденам.

Еще год спустя, Буткова пожаловали орденом Св. Станислава 1-ой степени. Большим карьерным продвижением отмечены 1849–1850 гг., когда Бутков вначале был назначен помощником управляющего делами Комитета министров, а затем и управляющим делами самодержавного правительства. 1 января 1851 г. Бутков был пожалован в статс-секретари, в которые обычно производились только особенно доверенные министры. Звание статс-секретаря, как уже отмечалось, давало право личного доклада царю.

Что же мотивировало с каждым годом возраставшего в чинах и влиянии Буткова лоббировать интересы кавказского наместника и его администрации? Во-первых, управляющий делами Кавказского комитета являлся креатурой военного министра Чернышева, который находился в неофициальной коалиции с Воронцовым. С этой стороны Бутков точно придерживался курса своего ближайшего начальства. Во-вторых, на глазах столичного чиновника обрушилась карьера другого влиятельного бюрократа

[1] Там же. Л. 19.
[2] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 17.

статс-секретаря Позена, который стал жертвой борьбы Воронцова за максимальную независимость от опеки министров и главноуправляющих[1].

Падение Позена в иерархической схватке с Воронцовым стало неизбежным при условии полного доверия Николая I, которое оказалось важнейшим и, пожалуй, решающим ресурсом кавказского наместника в борьбе за власть. Это прекрасно понимал Бутков, занявший место отставленного Позена, «держитесь и держитесь крепко князя Михаила Семеновича. Он теперь всемогущ полным к нему доверием государя», - советовал летом 1845 г. Бутков чиновнику министерства финансов и ученому Ю.А. Гагемейстеру, служившему в это время на Кавказе[2]. Находясь на стороне Воронцова как доверенного лица императора, Бутков сам входил в пространство монаршего доверия. Золотая табакерка от императора здесь важнейшее свидетельство доверия царя, а не безделушка в череде служебных «трофеев» Буткова. Все это объясняет проворонцовское усердие управляющего делами Кавказского комитета.

Отметим, что продвижение Буткова по Табели о рангах, а также укрепление его авторитета в неформальной сфере, привели к изменению тональности в отношениях управляющего делами Кавказского комитета с преемниками Воронцова на посту кавказского наместника. Если первый кавказский наместник обращался лично к Буткову только по «техническим» вопросам (о назначении выплат чиновникам, устройству кавказских уроженцев в столичные университеты), то А. И. Барятинский уже обсуждал с управляющим делами принципиальные вопросы устройства управления на южной окраине империи[3]. Бутков занимался подбором кадров для административных институтов Кавказского наместничества и по-прежнему лоббировал интересы Тифлиса в Петербурге.

[1] Подробнее см.: Корф М.А. Записки. С. 337–338; Щербинин М. П. Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. С. 19–20.
[2] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с управляющим канцелярией наместника С.В. Сафоновым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 45.
[3] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 13.

3.5. Кавказский наместник и министры.

Внутри государственного аппарата Российской империи с начала XIX в. боролись два направления, которые по-разному решали вопрос о центре тяжести административной системы. Дж. Ле Донн определил это противоречие как столкновение «территориального» и «функционального» (министерского, ведомственного) принципов управления. По мнению Ле Донна министерства были заинтересованы в монополизации власти на всей территории империи и добились полного уничтожения оппозиции региональных институтов администрации в 1850-х гг., когда «происходит завершение формирования министерской системы и достигнут апогей унитарного государства»[1]. Ле Донн удачно определил основную линию противостояния различных центров власти. Кроме того, историк показал, что министерская реформа 1802–1811 гг. отнюдь не автоматически привела к административному доминированию новых ведомств[2]. Но действительно ли к середине XIX в. «функциональный» принцип управления, воплощенный в министерской вертикали, приобрел доминирующий характер в российской государственной системе?

Напряженные отношения между министрами и региональными административными начальниками неоднократно фиксировались в историографии. А.В. Ремнев ярко показал, как различные инициативы восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева в середине XIX в. наталкивались на противодействие со стороны Министерства иностранных дел и Министерства финансов[3].

Как известно, создание министерств и широкие полномочия министров критиковались многими влиятельными лицами александровского царствования. В «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин критиковал единоначалие министров, которое могло обернуться произволом

[1] LeDonne J. Forging a Unitary State. Russia's Management of the Eurasian Space, 1650–1850. Toronto: University of Toronto Press, 2020. P. 8.
[2] Министерская система в Российской империи / Отв. сост. Д.И. Раскин. М.: РОССПЭН, 2007.
[3] Ремнев А.В. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 152–160.

и привести к принятию ошибочных решений: «Скажут, что министр все делает и за все ответствует; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах весьма тесных. Например, министр внутренних дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже разуметь предметы столь различные?»[1].

Общая критика министерской системы представлена в записке министра юстиции Д.П. Трощинского (1814–1817) «О неудобствах, происходящих от государственного управления по форме единоличной, введенной закрытием коллегий и отменою коллежского обряда и подтвержденной общим учреждением министерств 1810 и 1811 годов», в которой отмечается как бесконтрольность министров, с одной стороны, так и их почти полная зависимость от ведомственных чиновников[2]. Во многом критически на министерскую систему, вероятно, смотрел и император Александр I. Об этом говорит логичное предположение Л.Ф. Писарьковой о знакомстве императора с запиской Трощинского и последовавшем затем его возвращении на службу[3].

Критика и объективные недостатки министерской системы привели правительство Александра I к идее масштабной местной реформы 1820-х гг. и созданию в ее рамках института генерал-губернаторской власти[4]. Начало николаевского царствования ознаменовано обратной тенденцией – к сокращению генерал–губернаторств. Комитет 6 декабря 1826 г. под руководством В.П. Кочубея и М.М. Сперанского, призванный проанализировать проекты государственного устройства предыдущего

[1] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 58.

[2] Сенин А.С. Становление министерской системы управления в России // Новый исторический вестник. 2003. №. 1(9). С. 34.

[3] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2014. С. 32.

[4] Подробнее см.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М., 2001; Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторская в начале 1820-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 68–82; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. С. 332–344; Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 89–164.

царствования и найти оптимальную политическую модель, пришел к выводу о том, что повсеместное существования генерал-губернаторств «едва ли может принести истинную пользу». Как отмечалось в журнале заседания Комитета от 4 мая 1827 г.: «Желаемый порядок в губерниях тогда только учредится, когда будут постановлены точные и единообразные правила для всех мест управления и суда, когда места сии зависеть будут от одного центрального верховного правительства, которое бы руководствовало каждого по одинаковым началам и, так сказать, единым движением» [1]. Исключение из этого общего порядка допускались только для имперских окраин, в том числе Кавказа[2].

Однако это не означало победу министерств в их борьбе за монополизацию административной власти. Для николаевского времени характерно разложение министерского управления до состояния полураспада, вызванного появлением множества специальных временных комитетов, а также превращением канцелярии императора в институт личного управления монарха[3]. Как уже отмечалось, эти усилия Николая I были направлены на сохранение возможности личного участия царя в государственных делах, способом обхода бюрократии и бюрократических процедур.

Вопреки общей схеме, предложенной Ле Донном, в 1850-х гг. Российская империя оказалась близка к большому и повсеместному возвращению власти всесильных генерал-губернаторов и, соответственно, существенному сокращению министерских служебных прав и полномочий. Накануне отмены крепостного права влиятельные сановники империи, в число которых входили глава редакционных комиссий Я.И. Ростовцев, главноуправляющий III Отделения СЕИВК В.А. Долгоруков, председатель Государственного совета А.Ф. Орлов, выступили с инициативой тотального

[1] Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. СПб.: Государственная типография, 1891. С. 145–146.
[2] Там же. С. 146.
[3] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М.: Наука, 2019. С. 181.

распространения института генерал-губернаторов на время проведения крестьянской реформы[1].

Это предложение было продиктовано «страхами и опасениями» крестьянских волнений, представлявшихся вполне возможными на фоне ограниченности планируемых преобразований. Именно генерал-губернаторы, наделенные всеми полномочиями, должны были обеспечить безопасность империи в тяжелый период масштабных социально-экономических преобразований. Александр II разделял это мнение и 17 мая 1858 г. поручил министру внутренних дел С.С. Ланскому составить инструкцию генерал-губернаторам. Однако Ланской вместо инструкции генерал-губернаторам составил пространную записку о вреде передачи власти региональным начальникам. По мнению министра, генерал-губернаторы привнесут в систему управления «двойственность, поколеблют и ослабят полезное влияние губернаторов, возбудят бесплодные и даже вредные столкновения с высшими учреждениями и… усложнят производство дел и переписок»[2].

М.М. Шумилов, подробно разобравший этот эпизод, отметил, что рискованные действия Ланского, фактически отказавшегося выполнять царское повеление, следует объяснить свойственной всем министрам служебной ревностью к генерал-губернаторам [3] . Однако этого явно недостаточно для столь рискованного демарша, после которого Ланской оказался на грани отставки. Дело в том, что еще в 1856 г. министр внутренних дел Ланской был вынужден стерпеть служебное унижение со стороны одного из региональных начальников, а именно кавказского наместника.

Ланской обратился в Кавказский комитет с запросом «Где должно быть сосредоточено высшее заведывание и направление духовных дел армянского

[1] Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х–начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. С. 34.
[2] Там же. С. 35.
[3] Там же.

вероисповедования?». Именно Кавказский комитет оставался единственным центральным правительственным институтом, через который министры могли добиться ограничения полномочий кавказского наместника. Председательствовал в Кавказском комитете в тот момент А.Ф. Орлов, который совмещал сразу несколько постов, в том числе главноуправляющего Третьего Отделения СЕИВК. Кроме того, А.Ф. Орлов занимался и дипломатической деятельностью, в 1856 г. он возглавлял российскую делегацию на Парижском мирном конгрессе. Как уже отмечалось, при всеобщей занятости наиболее влиятельных членов Кавказского комитета на первую роль вышел управляющий делами этого комитета В.П. Бутков. Неформальные симпатии Буткова, как известно, в противостоянии министров и кавказских наместников были целиком на стороне последних.

Бутков подготовил в соответствующем виде доклад Орлова по вопросу министра Ланского, который и был представлен императору Александру II 10 августа 1856 г. Император указал, что вопрос об управлении Армянской церковью должен разрешаться на основании «Правил об отношениях кавказского наместника» 1846 г. В ответе на запрос министерства внутренних дел председатель Кавказского комитета Орлов так передавал решение Александра II: «Государь император изволит находить, что все, как вышеизложенные, так и другие постановления о правах и отношениях наместника, должны распространяться вполне и на всех вообще состоящих в крае, управлению наместника вверенном, чинов, мест и установлений, не только Армяно-Григорианского, но и всех других иноверческих исповеданий; что на этом основании Армяно-Григорианские патриарх и Синод должны быть в полном ведении наместника к нему одному должны входить со своими представлениями, от него одного получать все разрешения и мимо его ни с кем в Министерстве внутренних дел сношений не иметь…»[1].

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 87. Л. 24–25.

Вопрос об управлении Армянской церковью был самым решительным образом разрешен Высочайшим повелением 10 августа 1856 г., заставившим МВД отступить и зафиксировавшим большую служебно-иерархическую победу Тифлиса над министрами. Спустя два года Ланской отказался составлять инструкцию генерал-губернаторам прекрасно понимая, что полтора десятка «кавказских наместников» по всей территории империи кардинальным образом изменят соотношения сил в государственной системе.

Таким образом, анализ взаимоотношений кавказского наместника и министров представляет исследовательский интерес не только в связи с его общей историографической неразработанностью, но и в широком контексте развития государственного управления Российской империи.

Высочайшим рескриптом кавказскому наместнику 30 января 1845 г., как отмечено в «Справке по делу об определении прав наместника кавказского», «определена власть его, но не указана ни степень влияния министров на дела Закавказского края и Кавказской области, ни общий порядок сношений его с министрами»[1]. Для подробного определения места кавказского наместника в государственной системе империи, определения его отношений с высшими, центральными и местными институтами власти и администрации была необходима разработка подробного и систематического документа. Именно таким документом стали «Правила об отношениях кавказского наместника», обсуждение которых заняло весь 1845 г.

Этим документом должны были разрешиться три основных вопроса. Во-первых, к кому следовало обращаться кавказскому наместнику по вопросам, которые превышали его власть? Во-вторых, в чем именно должно состоять влияние министров на дела в пределах территории Кавказского наместничества? В-третьих, могут ли министры требовать от подчиненных им ведомств, расположенных на Кавказе, отчетной и справочной документации?

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 26.

В Петербурге ожидали мнения Воронцова об оптимальном порядке отношений наместника с высшими и центральными учреждениями. Предполагалось, что наместник представит свое видение этого порядка после ознакомления с состоянием вверенного ему региона на месте. Мнение Воронцова изложено в его отношении к председателю Кавказского комитета Чернышеву от 10 декабря 1845 г. Кавказский наместник подчеркнул необходимость составления и утверждения особых правил его отношений с министрами и главноуправляющими: «Польза службы и правильное течение дел требуют определительных на этот счет правил, дабы как в настоящем, так и в будущем времени удалить всякого рода затруднения, недоразумения и потерю времени»[1].

В письме к Чернышеву кавказский наместник Воронцов последовательно ответил на три основных вопроса, обозначенных выше. Во-первых, наместник указал, что по вопросам, превышающим его полномочия, «ближе и удобнее относиться» к председателю Кавказского комитета. От последнего зависел дальнейший порядок решения подобных дел: докладывать непосредственно императору, или вносить эти дела на рассмотрение Кавказского комитета с предварительным запросом мнения соответствующих министров. При этом, как отмечал Воронцов, наместник должен был иметь право писать министрам частным образом для предварительного обсуждения различных вопросов регионального управления. Кроме того, Воронцов стремился сохранить за собой право, обозначенное в высочайшем рескрипте, обращения к императору, как прямо и непосредственно, так и через председателя Кавказского комитета[2].

На второй вопрос о влиянии министров Воронцов отвечал решительно и резко, «влияние министров вовсе уже прекращается… никакие распоряжения министров, до каких бы предметов они не касались, без предварительного и утвердительного согласия наместника, даже и в виде

[1] Там же. Л. 88–89.
[2] Там же. Л. 90.

временных мер, допускаемы быть не должны»[1]. Более того, общеимперские циркуляры министров получали силу для Закавказского края и Кавказской области только после их одобрения наместником, соответственно, наместник должен был иметь право остановить действия циркулярных распоряжений министров во вверенном ему регионе.

Воронцов дал понять, что не потерпит даже минимального вмешательства центральной бюрократии в работу региональной администрации. «Не находя нужным исчислять здесь все те предметы, по которым должно быть устранено влияние министров на дела здешнего края, можно назвать некоторые из них… конфискационные дела по таможенной части, не должны быть представляемы, как теперь делается, в Департамент внешней торговли, а могут быть разрешаемы наместником. Губернские прокуроры не должны также представлять министру юстиции, как теперь делают, протесты свои на решения судебных мест. Протесты эти рассматриваются в Закавказском совете, и наместник утверждает, или не утверждает оные, следовательно переписка с министром юстиции совершенно излишня», - в таком категоричном тоне Воронцов писал Чернышеву[2].

Исключение из общего запрета министерских интервенций Воронцов предусматривал только для министра финансов. Это объяснялось тем, что Кавказский края являлся частью имперской финансовой системы, именно из государственной казны финансировался весь региональный аппарат управления, Отдельный Кавказский корпус, общественные нужды, в том числе коммунальное городское хозяйство, пути сообщения, почта и так далее. Кавказский наместник считал, что региону необходим централизованный финансовый контроль, а замена его на особый институт

[1] Там же. Л. 90–91.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 92–93.

регионального финансового управления неибежно обернулась бы «большими неудобствами, затруднениями и новые расходами казны»[1].

Не третий вопрос, о том могут ли министры требовать от своих региональных учреждений отчетов и справок, Воронцов отвечал менее радикально. Наместник предполагал, что в отчетно-справочных материалах могут нуждаться финансовое ведомство и министерство юстиции, в случаях же других министерств это приведет в основном к умножению переписки и бесполезной подготовки многостраничных отчетов, которые, как подчеркивал Воронцов, «часто никто не читает» [2] . Воронцов являлся противником бюрократизма и обширной делопроизводственной переписки, об этом свидетельствуют его неоднократные попытки сократить бумажный оборот.

Кроме ответов на три основных вопроса Воронцов спрашивал Чернышева о порядке назначения пенсий и представлений о знаках отличия беспорочной службы. Наместник хотел бы рассматривать вопрос пенсий с председателем Кавказского комитета, а знаки беспорочной службы обсуждать с министрами.

В заключении своего письма Чернышеву кавказский наместник описывал причины, которые вынуждали его отстаивать служебно-иерархическую независимость от министерской опеки: «…меня руководствует не желание менее безотчетного управления, но благо высочайше вверенного мне края и уверенность, что от соединения здесь на месте всех отраслей управления и немедленного разрешения предметов, о которых нельзя иметь много понятия за несколько тысяч верст, много значит скорое и правильное течение дел, доставление всякому по возможности немедленного удовлетворения, и, наконец, управление сообразное с благодетельными видами нашего августейшего монарха»[3].

[1] Там же. Л. 92. См. также: Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. С. 111–112.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 92.
[3] Там же. Л. 195.

Отношение Воронцова с описанием основ взаимодействия кавказского наместника с министрами и главноуправляющими было доложено Чернышевым императору Николаю I, который почти во всем одобрил эти предложения. Император лишь настоял на том, чтобы министры продолжили получать сведения и справки с подведомственных учреждений на Кавказе «для общей связи дел государственного управления»[1]. В ходе обсуждения правил взаимодействия наместника с министерствами и главными управлениями Николай I высказался за подчинение Воронцову VII Округа военных поселений и VIII Округа путей сообщения[2]. При этом, Воронцов неофициально запросил описание путей сообщения в пределах Кавказского края у главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий П.А. Клейнмихеля еще в январе 1845 г. Тогда же этот подробный обзор и был передан наместнику при весьма любезном письме Клейнмихеля[3].

На этом обсуждение правил взаимодействия кавказского наместника с петербургской бюрократией завершилось. «Правила об отношениях кавказского наместника» были утверждены императором 6 января 1846 г. и циркулярно разосланы министрам и главноуправляющим.

«Правила об отношениях кавказского наместника» имеют лишь отдаленное отношение как к IV Главе «Учреждения для управления губерний Российской империи» (7 ноября 1775 г.) «О должности государева наместника», так и к «Проекту учреждения наместничеств» (1816 г.). Екатерининские наместники должны были выступать прежде всего протекторами закона и защитниками отверженных и угнетенных, «словом сказать, нося имя государева наместника, должен он бы показать в поступках своих доброхотство, соболезнование и любовь к народу»[4]. Надо отметить, что министерств в екатерининское время еще не существовало, поэтому в «Учреждениях об управлении» ничего не сказано о взаимодействии

[1] Отношение председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева кавказскому наместнику М.С. Воронцову, 6 января 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 108.
[2] Там же. Л. 109.
[3] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–16.
[4] Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М.: Печатано при Сенате, 1775. С. 19.

наместников (генерал-губернаторов) с центральными ведомствами. Это еще раз говорит о том, что считать Кавказское наместничество, созданное в 1785 г. в ходе административной реформы Екатерины II и учреждение должности кавказского наместника в 1844 г. непосредственно связанными явлениями совершенно неоправданно[1].

Согласно 56 параграфу «Проекта учреждения наместничеств» 1816 г. порядок отношений наместников и министров оставался прежним, то есть «министерства имеют посылать предписания свои по-прежнему присутственным губернским местам и лицам по принадлежности и получать от них донесения непосредственно»[2]. В то время как первый параграф «Правил об отношениях кавказского наместника» подчинял все находящиеся в Закавказском крае и Кавказской области административные институты и их чиновников кавказскому наместнику[3]. Под начало наместника передавались и ведомственные округа: Инженерный, Военных поселений, Путей сообщения, а также строительные комиссии и комитеты. Единственное исключение было допущено в отношении VI округа корпуса жандармов, который остался в подчинении своего шефа А.Ф. Орлова[4].

Все «правительственные места и лица» к какому бы ведомству не принадлежали должны были входить со служебными представлениями только к наместнику. Это означало, что связи региональных ведомственных отделений с министерствами полностью разрывалась, как на это и рассчитывал Воронцов.

По особо важным делам наместник делал представления непосредственно императору, а по другим вопросам управления, превышающим его полномочия, он обращался к председателю Кавказского комитета. Тот, в свою очередь, или вносил представления наместника на

[1] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. С. 325; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854). М., 2022. С. 56.
[2] Проект учреждения наместничеств, 1816 г. // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1. / Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 48.
[3] Правила об отношениях кавказского наместника. СПб.: Военная типография, 1846. С. 5.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 126.

заседания Кавказского комитета, предварительно запросив мнения министров, или же передавал министрам для дальнейшей разработки. Согласно шестому параграфу «Правил» Воронцов получил право предварительного согласования различных вопросов регионального управления с отдельными министрами «по принадлежности», ответы которых направлялись прямо наместнику.

Согласно восьмому параграфу «Правил»: «Все бе изъятия распоряжения министров и главноуправляющих отдельными частями, по Закавказскому краю и Кавказской области, а также все циркуляры их, сообщаются не губернским или областным местам и лицам, но одному только наместнику. Мимо его и без его согласия, ни одно распоряжение не может быть предписано к исполнению по Закавказскому краю и Кавказской области. Распоряжения министров и главноуправляющих, как частные, так и циркулярные, он (кавказский наместник – А.У.) приводит в исполнение в таком только случае, если не встретит каких-либо к этому затруднений»[1]. Специально предусматривалось, что наместник мог признать любой министерский циркуляр невозможным к исполнению во вверенном ему регионе, но должен был уведомить об этом председателя Кавказского комитета.

Связь ведомственных учреждений на Кавказе со столичными министерствами ограничивалась исключительно доставлением срочных ведомостей и отчетов. И даже губернские прокуроры, по новым «Правилам», направляли свои протесты не министру юстиции, а наместнику. Необходимо отметить, что уже в конце 1846 г. Воронцов инициировал рассмотрение вопроса о сокращении срочных сведений в министерства и главные управления[2].

Единственным министром, сохранившим административное влияние на региональные отделения, являлся глава финансового ведомства. Министр

[1] Правила об отношениях Кавказского наместника. С. 9.
[2] Подробнее см. ниже.

финансов оставлял за собой ревизию и контроль отчетности по казенным доходам и расходам. Таким образом, все обсуждаемые вопросы взаимодействия наместника и министров были решены в пользу Воронцова.

Кавказский наместник получил широчайшие административные права и привилегии, которые превращали его в фигуру почти совершенно независимую от высших и центральных институтов власти и государственного управления. В этом отношении кавказский наместник оказывался значительно более самостоятелен в сравнении с другими генерал-губернаторами и наместниками Российской империи первой половины–середины XIX столетия.

Генерал-губернаторы Европейского Севера, как показала В.В. Ефимова, несмотря на попытки стать полноценными «министрами на местах», так и не смогли минимизировать роль центральных ведомств в управлении своими регионами[1]. В июле 1821 г. архангельский генерал-губернатор А.Ф. Клокачев подал императору Александру I записку «относительно должности генерал-губернатора», в которой с досадой отмечал: «В последствии времени, с учреждения министерств и их департаментов образованы по губерниям разные части, которые не токмо не зависят уже от губернского правления в своих действиях, но управляясь непосредственно департаментами министерскими, составляют в губерниях особое владычество, и губернаторы, хотя считаются еще и доныне хозяевами губернии, но на сии отдельные части никакого влияния не имеют и как бы нарочито устраняются от надзора и наблюдения за сими новыми местами»[2]. Генерал-губернатор Клокачев взывал к императору о расширении полномочий региональных начальников: «Генерал-губернатору не присвоится от того излишней власти, когда подчинятся под его надзор все без изъятия места в губерниях, высочайше ему вверенных состоящие, и что

[1] Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820 – 1830 гг.). С. 124–143.
[2] Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Под ред. Н. Дубровина. Вып. 7. СПб.: Государственная типография, 1895. С. 197–198.

они во всех отношениях находиться будут под наблюдением и надзором его яков главного в губернии контроля» [1] . Клокачев отмечал, что при существующем порядке, основанном на нормах «Общего учреждения министерств» 1811 г.[2], генерал-губернатор сам находился под надзором у министров и это не только затрудняло его эффективную работу, но и оскорбляло его высокое звание[3].

Записка Клокачева, как и другие подобные записки генерал-губернаторов, были отправлены в архив. В качестве общих правил для генерал-губернаторов вплоть до 1853 г. продолжали пользоваться устаревшими екатерининскими «Учреждениями для губерний». В мае 1853 г. Николай I утвердил «Общую инструкцию генерал-губернаторам», которая не распространялась на кавказского наместника, что еще раз говорит о его особом месте в системе государственного управления империи. Кроме того, согласно «Общей инструкции» служебно-иерархический статус и положение генерал-губернаторов были скромнее позиции наместника. В параграфе 33 «Общей инструкции» указывалось, что генерал-губернатор имел право непосредственного обращения к императору, но оно ограничивалось только особенно важными делами или сопровождалось уведомлением министров и главноуправляющих[4]. Статус генерал-губернатора и кавказского наместника сближался в том, что, как и в случае с наместником, распоряжения министров и главноуправляющих по инструкции 1853 г. должны были передаваться губернским местам только через генерал-губернатора. Однако и здесь предусматривался иной порядок, согласно которому, срочные распоряжения центральных ведомств могли передаваться непосредственно на места, и генерал-губернатор лишь ставился об этом в известность[5].

[1] Там же. С. 206.
[2] Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. / Под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1988. С. 120–121.
[3] Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. С. 206–207.
[4] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXVIII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1853. С. 263.
[5] Там же. С. 264.

Административная самостоятельность кавказского наместника оказывалась больше и в сравнении с наместниками Царства Польского. Если до ноябрьского восстания 1830 г. значимую роль в управлении Польшей играли Государственный совет Царства Польского и польское правительство, в том числе ведомства финансов и юстиции, то после восстания усилилось административное влияние имперских министерств. Так, в 1839 г. Министерство народного просвещения контролировало преподавательский состав и содержание образовательных программ школ и училищ Варшавского учебного округа[1]. В то время как Кавказский учебный округ, созданный в 1848 г., находился под полным контролем кавказского наместника и попечителя округа.

Таким образом, кавказского наместника в 1845–1854 гг. следует считать наиболее независимым и самовластным региональным администратором в Российской империи. Это независимое положение обеспечивало не только особый статус наместника, но и вызывало служебную ревность и иерархическую конкуренцию со стороны министров. «Правила об отношениях кавказского наместника» в этом контексте являлись не гарантией независимости, а скорее лишь инструментом для ее отстаивания от интервенций со стороны центральной бюрократии. Важным фактором являлась и географическая отдаленность Кавказа от центра империи. Тифлис был в два с половиной раза дальше от Петербурга (2800 верст), чем Варшава (1200 верст) и в семь раз дальше, чем Гельсингфорс (400 верст). Кроме того, Тифлис был отделен от внутренних российских губерний стеной Большого Кавказского хребта, а Военно-Грузинская дорога далеко не всегда была открыта для проезда. Сложная логистика и растянутость коммуникаций способствовали расширению административных полномочий региональных властей.

[1] Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 91.

Большой интерес представляет анализ политического расклада сил во взаимодействии наместника, Кавказского комитета и министров. Очевидно, что официальный Петербург не являлся монолитом, Кавказский комитет, как и другие профильные коллегиальные учреждения, отличался политической неоднородностью. Это создавало условия для появления неформальных коалиций и лоббирования интересов, в том числе со стороны региональных политических тяжеловесов.

По отзывам современников, Воронцов с большой ревностью относился к своим служебным правам. Отметив светский демократизм наместника, М.А. Корф подчеркнул такую особенность его личности: «… тот же Воронцов, когда дело шло о его правах, о его власти, о чем-нибудь для него существенном, становился в высшей степени щекотлив и заносчив, так что поступки его доходили до дерзости, даже до забвения обыкновенных условий учтивости»[1]. Но схожие оценки современники давали и министрам, входившим в Кавказский комитет, где определялось решение наиболее важных вопросов управления южной окраины империи.

Председатель Кавказского комитета и военный министр А.И. Чернышев был сильным «аппаратным» игроком и в совершенстве владел навыками придворно-политической интриги. Эти качества Чернышев продемонстрировал еще в противостоянии с донским атаманом А.К. Денисовым в период разработки «Положения об управлении Донского войска» (1819–1836) и графом В.В. Орловым-Денисовым. По словам современника, «на стороне первого (А.И. Чернышева – А.У.) был перевес гибкости его характера и дипломатической ловкости. Борьба оказалась вскоре неровною. Чернышев не только достиг своих ближайших целей, свергнув Денисова с поста атаманского и загородив навсегда дорогу к нему для Орлова-Денисова, но и сам вскоре уже не имел надобности в этом посте, а занял более высокий. На этой высоте он в течении почти 30 лет имел

[1] Корф М.А. Записки. С. 344.

непосредственное и громадное влияние на каждую перемену и назначение атаманов»[1].

Еще один член Кавказского комитета председатель департамента законов Государственного совета Д.Н. Блудов считался близко знавшими его людьми «поверхностным, болтливым, охотником до беспочвенных идей и до воздушных замков, которые он принимает за гениальные создания мысли»[2]. Однако эти не самые лучшие для государственного деятеля качества не помешали Блудову долгие годы (1832–1864) занимать высшие посты в империи (министра юстиции, министра внутренних дел, председателя Государственного совета) и снискать расположение двух императоров.

Министры, заседавшие в Кавказском комитете, а также другие главы ведомств с различной степенью вовлеченности участвовали в обсуждении вопросов управления и развития южной окраины империи. Именно Кавказский комитет стал пространством служебно-иерархической конкуренции центральной бюрократии и наместника. При этом, министры были в худшем положении, как уже было показано выше, заседания Кавказского комитета являлись для них дополнительной нагрузкой, порой министры даже пытались устраниться от участия в работе комитета. О психологическом состоянии и рабочем настрое министров, переходивших из одного заседания в другое, дают представление дневниковые записи министра внутренних дел П.А. Валуева (1861–1868): «2 марта. Комитет министров. Потом комитет Кавказский… 9 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. От Польского я уехал… 23 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский, от которого я уехал»[3]. Тем не менее, министры зачастую успевали вникать в суть обсуждаемых вопросов и формулировали серьезные возражения на запросы наместника, или же

[1] Попов Г.А. Мое прошедшее или воспоминания одного простого смертного // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.178. Оп. 1. Д. 10808. Л. 31-32.
[2] Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. I. М.: Захаров, 2005. С. 547.
[3] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 25–26, 29.

выступали с обширными исправлениями и дополнениями к проектам, поступающим из Тифлиса.

Важнейшую роль в работе Кавказского комитета играл его председатель. В 1845–1856 гг. комитет возглавлял военный министр А.И. Чернышев, в котором кавказский наместник М.С. Воронцов нашел сильного союзника. Красноречивая характеристика роли и места Чернышева в государственном аппарате николаевской эпохи дана в воспоминаниях известного чиновника А.Н. Куломзина: «А какая сила была князь Чернышев, бывший военный министр, рассказывали достоверно люди: когда какой-либо член Государственного совета начинал излагать в общем собрании Государственного совета (кн. Чернышев был его председателем) мнение, с которым князь не был согласен, то Чернышев поднимал лорнет и только пристально начинал разглядывать говорившего, и последний умолкал»[1].

Воронцов всегда обращался с запросами и предложениями в Кавказский комитет через Чернышева, соответственно, и ответы Кавказского комитета доставлялись от имени его председателя. Официальная переписка председателя Кавказского комитета и кавказского наместника учтива, но совершенно нейтральна. Чернышев регулярно представлял просьбы и прошения Воронцова на имя императора, отправлял предложения о нововведениях на Кавказе к предварительному рассмотрению в министерствах, в обратном направлении передавал наместнику повеления императора и отзывы министров. Очевидно, что коммуникация с Чернышевым была удобна для Воронцова. Это позволяло наместнику избегать прямого столкновения с министрами и подчеркивало особый статус регионального начальника.

Еще одной влиятельной фигурой в системе управления Кавказом на протяжении первой половины – середины XIX в. являлся министр финансов. Южная окраина Российской империи долгое время де-факто обладала финансовой автономией. Расходы и доходы Закавказского края не вносились

[1] Куломзин А.Н. Пережитое: воспоминания / Сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2016. С. 236.

в общую государственную смету вплоть до 1840 г., хотя соответствующие попытки предпринимались финансовым ведомством на протяжении 1830-х гг.[1]. Пользуясь чрезвычайными обстоятельствами, связанными с Кавказской войной и первоначальным устройством российской администрации на вновь присоединенных территориях, региональное начальство постоянно запрашивало выделение финансовых средств в фактически безотчетное использование. При этом, каких-либо надежных сведений о местных доходах и сборах не существовало, а имеющиеся оставались в регионе и также растрачивались без всякого внешнего контроля. Вкупе с неудачно складывающейся Кавказской войной, требовавшей постоянного внимания и пополнения войск, регион к 1830-м гг. превратился в большую проблему внутренней политики империи. Комитет по делам Закавказского края в 1834 г. констатировал «безвыгодность» региона, под которой подразумевалось следующее: «… Закавказский край не дает государству настоящих доходов и требует издержек более нежели приносит. Он не дает ни рекрут, ни сильной помощи к защите, все сии невыгоды время от времени увеличиваются и требуют сильнейших пожертвований в денежных расходах и в людях, возросших ныне до значительности»[2].

Финансовая бесконтрольность была удобным инструментом поддержания высокого статуса региональной администрации среди местного населения. Как отмечал главноуправляющий Г.В. Розен, «тот начальник, который будет здесь ограничен положительными расходами по смете, потеряет влияние на все народы и племена, а потом и повиновение их; власть его уничтожится, и он должен будет отказаться от всяких полезных в сем крае предприятий» [3] . Одним из немногих долговременных результатов неудачной административной реформы П.В. Гана 1840 г. стала централизация финансового управления на Кавказе.

[1] Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 109.
[2] Дополнения к образованию Закавказского края, 25 ноября 1834 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 222–223.
[3] Цит. по: Правилова Е.А. Финансы империи. С. 109.

Следующим шагом правительства должна была стать налоговая реформа, однако, предложения П.В. Гана в этом отношении были отвергнуты министерством финансов. Новая податная система проектировалась на основе идей председателя Грузино-Имеретинской казенной палаты Н.П. Безака, представленных в Комитет по делам Закавказского края осенью 1842 г. Согласно предложениям Безака на всей территории Закавказского края вводилась единая податная система, которая предполагала различные уровни налогового обременения в зависимости от площади хозяйств, численности их обывателей и принадлежности (государственные земли, помещичьи земли)[1]. Уже 13 января 1843 г. Комитет по делам Закавказского края в целом одобрил проект Безака с учетом дополнений министров финансов и государственных имуществ. Введение податной системы планировалось после уточнения сведений на местах и согласования с кавказским главноуправляющим. Комитет настаивал на том, чтобы все подати и сборы, предъявленные к платежу, состояли в одной общей сумме. Это должно было стать барьером как на пути злоупотреблений сборщиков, так и обезопасить казну от массовых «темных» недоимок. Кроме того, особо подчеркивалось, что все натуральные повинности желательно было обратить в денежные[2].

Новая податная система была введена в сентябре 1844 г. и уже в ближайшие годы привела к формированию сбалансированного бездефицитного бюджета. В тоже время, как отметила Е.А. Правилова, податная реформа не решила задачи повышения доходов региона, «значительную часть доходов составляли субсидии центрального казначейства» [3] . Это взгляд из Петербурга, точка зрения финансового ведомства. Если же оценить введение податной реформы из Тифлиса, со

[1] Подробнее см.: Краткое обозрение ныне существующей системы доходов в Грузино-Имеретинской губернии, 20 октября 1842 г. // РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 256. Л. 3–12; Правилова Е.А. Финансы империи. С. 259–260.
[2] Выписка из журнала Комитета по делам Закавказского края от 13 января 1843 г. // РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 256. Л. 64.
[3] Правилова Е.А. Финансы империи. С. 262.

стороны местной имперской администрации, то более важным параметром являлось экономическое состояние населения после проведения реформы.

В июле 1845 г. директор канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонов обращается к чиновнику особых поручений, состоявшему при воронцовской канцелярии, А.Ф. Крузенштерну с просьбой «собрать сведения и удостовериться, введена ли новая податная система в уездах в полном ее объеме, с каким успехом поступают подати и земский сбор, нет ли жалоб на неуравнительность раскладки, и не имеют ли поселяне, в особенности казенные каких-либо притеснений при взносе податей»[1]. А.Ф. Крузенштерн в это время находился в служебных разъездах по Сигнахскому и Телавскому уездам Грузино-Имеретинской губернии, что позволили чиновнику оперативно собрать данные о введении новой податной системы и положения населения в новых условиях. В рапорте от 16 октября 1845 г. Крузенштерн докладывал, что в двух осмотренных им уездах новая податная система введена в полном объеме, весь оклад податей и земского сбора равнялся по Телавскому уезду – 22 821 руб. 50 коп.; по Сигнахскому уезду – 41 796 руб. 50 коп. Это были очень низкие оклады в сравнении с уездами внутренних российских губерний. Крузенштерн отмечал, что новая податная система внесла понятные правила налогообложения и поэтому более выгодная обывателям, особенно в сравнении с прежними обязательными хлебными взносами в магазины, при которых крестьяне подвергались «неисчислимым притеснениям и обману»[2].

Вместе с тем, Крузенштерн отмечал ряд проблем крестьянской жизни, которые неизбежно приведут к росту недоимок. «Действительно по собранным мною сведениям», - писал чиновник - «крестьяне затрудняются в уплате подати чистыми деньгами, потому что в них у жителей Кахетии всегда недостаток. Причиною этого недостатка я полагаю в беспрерывном отвлечении от сельских работ здешних жителей службою в милиции и на

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.

кордонной линии в огромном количестве, отбываемых ими повинностей в натуре, а также отчасти в беспечности их характера. Между тем недостаток денег влечет за собой постепенное разорение крестьян, ибо ко сроку взноса подати они обращаются к капиталистам, в здешних местах почти исключительно армянам и занимают нужные деньги. Деньги эти они получают не иначе, как с условием уплаты произведениями, хлебом или вином, полагая им цену в половину против настоящей. Таким образом новый урожай каждого года не исправляет положения крестьян, а неурожай угрожает им совершенным разорением. Подобное положение крестьян встречается здесь так часто, что многие из них, забыв минувшее горе, жалеют о прежней податной системе, столь для них не выгодной. Впрочем, несправедливо было бы принимать описанное положение крестьян одной новой податной системы, ибо она введена слишком недавно, но как вследствие ее требуются от крестьян чистые деньги, то, она, увеличив прежние долги их, способствует стеснению обывателей в сем отношении»[1].

Незначительный хозяйственный потенциал местных хозяйств препятствовал резкому росту налоговых доходов. Подати и негативные условия постоянной военной тревоги сковывали развитие крестьянских хозяйств. Таким образом, получался замкнутый круг: государство, устанавливая льготные налоговые ставки, недополучало деньги в бюджет, а крестьяне, обложенные денежными и натуральными повинностями, не имели возможности повысить рентабельность собственных хозяйств. Эта проблема находилась в фокусе внимания финансового ведомства на протяжении всей второй половины XIX в., но так и не получила окончательного разрешения. Налоговая реформа 1900 г., предусматривающая уравнительность налогообложения, стала последней попыткой империи достичь баланса доходов и расходов на Кавказе[2].

[1] Там же. Л. 2–3.
[2] Подробнее см.: Правилова Е.А. Финансы империи. С. 268–270.

Отдельным сюжетом в истории финансовой политики империи на Кавказе является вопрос о финансах и финансовой автономии Кавказского наместничества. Учреждение наместничества в 1844–1845 гг. и широчайшие полномочия наместника, оказавшегося вне ведомственного контроля, могли отменить наметившиеся в 1840-е гг. тенденции централизации региональных финансов. Как уже отмечалось, на Кавказе предполагалось создание особой ревизионной финансовой инстанции, управление которой планировалось поручить наместнику[1]. Однако против создания такого института выступил сам М.С. Воронцов, в отношении к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву наместник писал: «Доходы Кавказа, поступающие в казну, не могут покрыть всех расходов, а из сего естественно следует, что должны быть вспомогательные суммы из других источников государственных доходов, не входящих в пределы наместничества, ассигнование которых на может быть иначе сделано, как по соглашению с министерствами. Это доказывает, что расходы Кавказа, имеют связь с суммами посторонних ведомств, и что отчетность по этим суммам для надлежащих сличений, должна поступать неотъемлемо в министерства, которые тогда только могут видеть правильность выполнения вспомогательных расходов, когда будут участвовать в ревизии счетов. Ревизионная инстанция в Тифлисе не может этого делать и едва достаточно будет для Государственного контроля предоставляемая ею отчетность; ибо она в состоянии принять на себя удостоверения в принятии доходов и расходов только в подведомственных наместнику местах»[2]. Наместник в данном случае не пытался отстоять местнические интересы, или ввести какую-то «гибридную систему» управления финансами региона, как полагали Э. Райнлендер и Е.А. Правилова[3]. Воронцов открыто признавал, что интеграция Кавказского края в общеимперское пространство полностью зависела от субсидий различных

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671. Л. 34–35.
[2] Там же. Л. 67–68.
[3] Rhinelander A. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1990. P. 155; Правилова Е.А. Финансы империи. С. 112.

ведомств, что предопределяло необходимость сохранения централизованного финансового контроля.

За годы наместничества Воронцова на Кавказе пост главы финансового ведомства занимали два человека – Ф.П. Вронченко и П.Ф. Брок. При этом, большая часть воронцовской декады пришлась на время Вронченко во главе одного из самых влиятельных министерств Российской империи: 1844–1852 гг. Историографический образ Вронченко сложился под влиянием П.А. Зайончковского, который в своей классической монографии «Правительственный аппарат самодержавной России в XIXв.» представил министра финансов малообразованным и недалеким бюрократом[1]. Такой образ Вронченко у П.А. Зайончковского получился на основе воспоминаний современников, действительно крайне критичных в отношении главы финансового ведомства. Основываясь на содержательных воспоминаниях сенатора К.И. Фишера, П.А. Зайончковский отметил, что единственным качеством позволявшим Вронченко выдвинуться в министры была его полная послушность воле императора Николая I. Фишер вспоминал как Вронченко удалось уверить царя в том, что тот «сам отличный министр финансов и что ему нужен только секретарь»[2]. В этом, по мнению Фишера, проявлялись глупость и лакейство Вронченко, однако, такое поведение министра можно интерпретировать иным образом. Как известно, Николай I стремился управлять империей самостоятельно и этот самодержавный настрой монарха, видимо, хорошо чувствовал Вронченко. Здесь можно искать причины поведенческой стратегии министра финансов, который присваивал себе статус личного агента императора, намеренно избегая роли бюрократического лидера. Секретарь царя в николаевской системе мог значить больше министра.

Если расширить материал анализа деятельности Вронченко на посту министра финансов и включить сюда материалы делопроизводства, то перед

[1] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 117–118.
[2] Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. С. 172.

нами окажется фигура энергичного и опасного для конкурентов в борьбе за власть и влияние государственного деятеля. Сразу после утверждения «Правил об отношениях кавказского наместника» Вронченко поспешил отправить этот документ в департаменты своего министерства для сведения и отзыва. И хотя это и не было инициативой Вронченко – согласно «Правилам об отношениях наместника» министр финансов и кавказский наместник должны были отрегулировать принципы взаимодействия с учетом оставления за финансовым ведомством права запрашивать справки и отчеты от региональных присутственных мест – глава финансового ведомства подошел к этой задаче основательно и воспользовался открывшимся окном возможностей.

Ответы департаментов Министерства финансов представляли содержательную бюрократическую критику утвержденной императором новаторской управленческой системы. Департамент разных податей и сборов сообщал в канцелярию министра финансов, что «означенные правила, подчиняя все действия без изъятия всех мест и лиц, находящихся в Закавказском крае и Кавказской области непосредственно кавказскому наместнику, без всякого влияния и участия главного начальства того ведомства, к коему те места и лица, по общей связи дел мест того края с местами прочих губерний империи принадлежат, едва ли не возродит значительных затруднений в самом производстве дел и медленности в течении оных»[1].

В качестве примеров указывались случаи, когда дело касалось не только учреждений, подчиняющихся кавказскому наместнику, в частности Кавказской казенной палаты, но одновременно и казенной палаты другой губернии. Это могли быть дела о переходе лиц податных состояний, о переселении крестьян, о переводах податных платежей. В таких случаях требовались общие распоряжения, иначе «дело не будет иметь единства и остановится».

[1] РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 323. Л. 62.

Тот же департамент фактически угрожал Кавказской области, подчиненной наместнику, винным (вернее водочным) эмбарго. Чиновники финансового ведомства указывали, что в области нет ни одного винокуренного завода и она снабжается вином из великороссийских губерний. Потребность области в вине определялась местным начальством в кооперации с откупщиками, которые и выбирали вино для поставки. Но определение предприятий, заготавливающих вино для Кавказской области, зависело от министерства финансов «ибо ему только может быть известна выгода и возможность заготовления вина, на тех или других заводах»[1]. Чиновники предлагали следующий нехитрый порядок: заготовка вина для Кавказской области производится по распоряжению министра финансов на основе ведомости кавказского наместника о винных потребностях региона. Этот, на первый взгляд, пустяк оборачивался значительным отступлением от принципов административной автономии наместника, которые отстаивал Воронцов. Кроме того, Департамент государственного казначейства беспокоился о своевременной доставке отчетности по Закавказскому краю и Кавказской области[2], а департамент горных и соляных дел о контроле над деятельностью Тифлисской окружной пробирной палатки[3].

Собрав внушительное число подобных управленческих рисков и угроз, Вронченко в марте 1846 г. обратился в Кавказский комитет с запросом о путях устранения многочисленных бюрократических сбоев, возникших с введением в силу «Правил об отношениях кавказского наместника». Последовавшее обсуждение привело к утверждению Николаем I в декабре 1846 г. «Правил об отчетности в суммах по Закавказскому краю и Кавказской области» и «Правил о снабжении питейных сборов Кавказской области вином». Уже первый параграф «Правил об отчетности» оставлял ревизию «всякого рода счетов и отчетов» по Закавказскому краю и Кавказской области на прежнем основании, то есть в ведении министерства финансов.

[1] Там же. Л. 64.
[2] Там же. Л. 76.
[3] Там же. Л. 70.

Оставление за финансовым ведомством права запрашивать отчеты было оговорено в заключительном параграфе «Правил об отношениях кавказского наместника», но принятый по итогу регламент шел дальше в деле сохранения влияния министерства в регионе. Согласно пятому параграфу «Отчетных правил»: «Если в департаментах при составлении смет и ревизии счетов и отчетов по Закавказскому краю и Кавказской области, встретится надобность в каких-либо справках, сведениях и объяснениях, то, для выиграния времени, предоставляется департаментам, в виде изъятия и единственно только по делам, относящимся до смет и ревизии, требовать сведения прямо от правительственных мест и лиц Закавказского края и Кавказской области…»[1].

Еще одним документом, сохранявшим служебную связь Министерства финансов с региональными ведомственными институтами, стали «Правила для снабжения питейных сборов Кавказской области вином», по которым предусматривалась возможность прямого обращения центральной бюрократии к Кавказской казенной палате, с уведомлением наместника только постфактум[2].

Во второй половине 1846 г. Кавказский комитет рассматривал несколько больших и чрезвычайно важных проектов, представленных региональной администрацией, в том числе дело о правах мусульманской элиты (беков и агаларов), новое устройство таможни и карантинов. Проекты, связанные с новой ораганизацией торговли, были особенно важны для наместника. Воронцов на протяжении всей жизни считал торговлю важнейшей сферой государственного управления. Сохранилась записка Воронцова «О состоянии Новороссийского края», написанная им в 1825 г. В этом документе генерал-губернатор выделил «три рода затруднений при управлении» регионом. Во-первых, затруднения по естественным причинам, к которым Воронцов относил засухи, неурожаи и саранчу. Эти бедствия «опустошали несчастные области Южной России в последние два года и

[1] Там же. Л. 224.
[2] Там же. Л. 225.

привели большую часть жителей в крайне неимущее состояние». Во-вторых, «неустройства и беспорядки, водворившиеся в крае новом и необразованном». И в-третьих, упадок внешней и внутренней торговли «от чего коммерческий класс людей, столь драгоценный везде, а тем более в областях новых, почти весь разорился и умножил бедствия, постигшие земли далее: ибо если что и родилось, то произведениям сим никакой не дают цены»[1]. Спустя двадцать лет Воронцов оставался убежденным сторонником развития торговли как ключевого инстурмента имперской политики.

Наместник отправил в Петербург для представления «торговых» проектов директора своей канцелярии С.В. Сафонова и чиновников особых поручений И.А. Дюкруасси и А.А. Уманца. Кроме того, Воронцов в личном письме просил содействия министра государственных имуществ П.Д. Киселева, с которым наместника связывала давняя дружба[2]. Составной частью проекта преобразований таможенно-карантинной системы в регионе являлось ходатайство наместника о восстановлении в черноморских портах Кавказа порто-франко – пятипроцентного таможенного сбора с заграничных товаров. Такой льготный тариф действовал на Кавказе в 1821–1831 гг. и был отменен в интересах российского купечества. Воронцов был известным сторонником свободной торговли и близко наблюдал развитие товарооборота между Одессой и Кавказом в конце 1820-х гг., занимая должность новороссийского генерал-губернатора[3]. Именно к этому положительному опыту апеллировал Воронцов в своем ходатайстве. Кроме того, наместник указывал, что снижение тарифа позволит ограничить контрабанду, которая была настоящим бедствием Кавказского края.

Однако усилия Воронцова не увенчались успехом. На пути проекта кавказского порто-франко встал министр финансов Вронченко, заявивший, что правительству следует больше думать об интеграции Кавказа с остальной

[1] Записки М.С. Воронцова по разным предметам // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Кар. № 2. Д. 59. Л. 74.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 131.
[3] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. С. 127.

империей, а не о развитии торговли региона с заграницей. Этого же мнения придерживался и император. В уже неоднократно упоминавшемся разговоре с Сафоновым 28 сентября 1846 г. Николай I на аргументы директора воронцовской канцелярии о благотворности учреждения порто-франко ответил: «Вы желаете, предоставляя Закавказскому краю свободную торговлю, заставить жителей онаго быть уверенными, что все хорошее получают они нет от России, а из вне, и вместо слития края, стремитесь к разъединению»[1]. Ходатайство Воронцова о свободной торговле на Кавказе отклонили. Слабым утешением для наместника стало введение беспошлинного транзита европейских товаров, следующих из черноморских портов через Тифлис в Персию[2].

Именно Ф.П. Вронченко оставался наиболее опасным критиком предложений Воронцова в Кавказском комитете на протяжении 1845–1852 гг. Материалы делопроизводства Кавказского комитета показывают Вронченко как умелого игрока в межведомственных служебно-иерархических столкновениях, глупость и лакейство здесь совсем не заметны.

Несмотря на статус наместника, Воронцов получал содержание сопоставимое с довольствием его предшественников – грузинских главноуправляющих. Министр финансов Ф.П. Вронченко в письме от 18 февраля 1846 г. уведомил Воронцова об увеличении его оклада столовых денег с 3 362 руб. 40 коп. до 7 715 руб. 52 коп., такой же оклад назначался Е.А. Головину и А.И. Нейдгардту[3]. С одной стороны, это показывает более высокий статус грузинских главноуправляющих в сравнении с генерал-губернаторами. С другой, очевидно, что Воронцов мог претендовать на более солидное содержание, но учитывая его личное состояние в этом не было никакой необходимости. Воронцов и его жена Елизавета Ксаверьевна

[1] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 388.
[2] Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. 1894. Кн. 3. С. 116.

[3] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 103. Л. 30.

являлись крупнейшими помещиками в империи. В их совместной собственности находилось более 50 тыс. крестьянских душ в различных российских губерниях, а также недвижимость в Петербурге, Москве, Одессе, Симферополе и на южном берегу Крыма[1].

Важной финансовой привилегией кавказского наместника являлся ежегодный отпуск в его распоряжение суммы на «чрезвычайные расходы по устройству Закавказского края» в размере 114 285 руб. сер. Такая сумма отпускалась с 1838 г. В исследовании Е.А. Правиловой указано, что «отчетность по расходованию этих сумм практически отсутствовала»[2], но это не вполне соответствует действительности. Наместник регулярно представлял отчеты о состоянии этих средств в Кавказский комитет. Эти отчеты позволяют реконструировать структуру и направления расходов наместника.

Согласно отчету за 1845 г., наиболее крупные суммы были потрачены на ремонт крепостей и укреплений – 26 498 руб.; на исправление и устройство региональных путей сообщения – 15 420 руб.; на исправление и содержание публичных зданий и водопроводов – 4 694 руб.[3]. Часть средств шла на содержание должностных лиц и административного персонала: приставы горских народов получили 3 187 руб.; переводчики при воинских начальниках обошлись в 986 руб.; на добавочное жалованье и порционные деньги офицерам, чиновникам и нижним чинам ушло 553 руб.; на командировочные расходы офицеров и чиновников «по устройству края» было потрачено 1558 руб.; на единовременные пособия неимущим местным жителям пошло еще 907 руб.[4].

Сумма «на чрезвычайные расходы» была не единственным дополнительным источником финансовых средств Кавказского наместничества. Сумма в 15 286 руб. сер. отпускалась Воронцову ежегодно в

[1] Формулярный список кавказского наместника М.С. Воронцова, 1846 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 103. Л. 52–54.
[2] Правилова Е.А. Финансы империи. С. 112.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 699б. Л. 13–14.
[4] Там же. Л. 12–15.

январе на год вперед с пояснением «для известного его императорскому величеству употребления»[1]. Регулярно наместнику отпускалась и еще одна сумма из Грузино-Имеретинской казенной палаты в размере 14 286 руб. сер., назначавшаяся, как правило, в начале года высочайшим повелением «к производству негласным образом»[2].

В декабре 1848 г. эти средства были объединены в один капитал и именовались – «суммой на разные полезные предприятия и устройство Кавказского края» [3]. Выделяемая ежегодно сумма в распоряжение наместника никогда не растрачивалась целиком, на следующий год переходил значительный остаток. Этот остаточный капитал, насчитывавший к 1848 г. 406 585 руб., был внесен в Государственный заемный банк в качестве вклада для получения доходов в виде ежегодных процентов [4]. Необходимо отметить, что вклад приносил заметный ежегодный доход, по данным отчета за 1849 г. он составил 2 696 руб. сер.[5].

По мере роста «суммы на разные полезные предприятия и устройство Кавказского края» росли и траты наместничества на развитие региональной инфраструктуры. Согласно отчету за 1849 г. на устройство судоходства по р. Риони потрачено 27 000 руб.; на пути сообщения потратили 24 588 руб.; на содержание почтовых станций – 14 765 руб.; на водопровод, сооружение фонтанов и бассейнов – 10 757 руб. Заметно выросли расходы наместника на дополнительное жалованье и командировочные расходы, в 1849 г. по этой статье потратили 25 386 руб. [6]. Очевидно, что, распоряжаясь такими внушительными капиталами, наместник не только способствовал развитию края, но и укреплял лояльность местных элит, а также военных и чиновников.

---

[1] Об отпуске разных сумм наместнику кавказскому Воронцову // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 103. Л. 40.
[2] Там же. Л. 29.
[3] О расходах суммы, назначенной на разные полезные предприятия и устройство Кавказского края в 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 315. Л. 29.
[4] Правилова Е.А. Финансы империи. С. 112.
[5] О расходах суммы, назначенной на разные полезные предприятия и устройство Кавказского края в 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 315. Л. 30.
[6] Там же. Л. 31–32.

Никакого внешнего аудита средств, отпускаемых в распоряжение наместника, не проводилось. Угроза такой проверки неожиданно появилась в начале 1855 г. уже после отставки Воронцов с поста наместника. В январе 1855 г. Воронцов признавался в письме В.П. Буткову, что детальное рассмотрение расходов наместника из экстраординарной суммы может привести к необходимости денежной компенсации, которую будут вынуждены платить сын Воронцова и другие его наследники[1]. Сделанные расходы должен был рассмотреть Кавказский комитет и Воронцов писал в связи с этим Буткову: «Не знаю, что поэтому будет сделано, но надеюсь как я высказал, что со мною будет поступлено справедливо и по прежним примерам, и что мне не придется быть под взысканиями за такие отпуски, которые я делал по чистой совести для прямой выгоды края и по высочайшей доверенности мне данной»[2]. Воронцов рассчитывал на помощь Буткова в благоприятном рассмотрении сделанных бывшим наместником распоряжений по отпуску денег из экстраординарной суммы за девять лет наместничества. В заключении письма Воронцов подчеркивал, что обращается к Буткову «с полной доверенностью, потому что с самого начала моего служения на Кавказе, я имел беспрестанные опыты и доказательства всегдашнего вашего желания справедливо помогать главному кавказскому начальству в трудном и многосложном там служении»[3].

Расходы, сделанные Воронцовым на посту кавказского наместника, были проверены Кавказским комитетом и утверждены императором, взысканий не последовало. Экстраординарная сумма в 114 285 руб. сер. ежегодно отпускалась и последующим наместникам – Н.Н. Муравьеву-Карсскому и А.И. Барятинскому – являясь не только ресурсом финансовой автономии, но и символом особого статуса Кавказского наместничества в системе управления империи.

[1] Письмо М.С. Воронцова В.П. Буткову, 17 января 1855 г. // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 33.
[2] Там же. Л. 34.
[3] Там же. Л. 35.

Кавказский комитет должен был способствовать интеграции южной окраины в общеимперское политическое пространство. Одним из важнейших измерений интеграции являлось обеспечение действия общих судебно-правовых норм. За это направление в Кавказском комитете отвечали министр юстиции В.Н. Панин и главноуправляющий II Отделением СЕИВК, а также председатель департамента законов Государственного совета Д.Н. Блудов. Оба сановника активно участвовали в работе Кавказского комитета в случае рассмотрения дел по их профилю. Показательным является рассмотрение запроса кавказского наместника «О неудобстве ввести по Закавказскому краю новое уголовное уложение во всем его объеме», продолжавшееся больше года: с августа 1846 г. и по октябрь 1847 г. Следует отметить, что «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», вступившее в силу 1 марта 1846 г., стало итогом многолетней работы (1836–1845 гг.) Министерства юстиции и II Отделения СЕИВК. «Уложение» состояло из 2224 статей, как отмечается в юбилейном историческом очерке о деятельности ведомства, «соединением в одном кодексе всех действовавших в то время карательных постановлений была в значительной мере облегчена возможность ознакомления с ними, и сверх того более точным установлением меры наказания за совершенное преступное деяние был положен предел прежнему произволу суда в этом отношении»[1].

22 июля 1846 г. Воронцов обратился к Чернышеву с просьбой об исходатайствовании соизволения императора на использование в Закавказском крае не нового «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», а имевшихся правил, которые оставляли определение наказания в руках администрации региона различных уровней, в том числе уездного [2] . При этом Воронцов ссылался на мнение Совета Главного управления Закавказского края, выписку из журнала заседания которого от 25 мая 1846 г. наместник также отправил Чернышеву. Совет Главного

[1] Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902. Исторический очерк. СПб.: Сенат. тип., 1902. С. 73.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 22 июля 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 329. Л. 1.

управления Закавказского края доказывал, что использование в регионе нового уголовного уложения излишне, так как с судебными функциями успешно справляется администрация региона. Определение наказания же носит индивидуальный характер, что предопределено сложностью и запутанностью социальных отношений населения Закавказья. При этом, выписка из журнала Совета содержала крайне неудачную формулировку: «В настоящее время неудобно ввести Уголовное положение во всем его объеме по здешнему краю, а необходимо принять ныне в руководство только те статьи сего уложения, в коих определяются наказания за преступления и проступки, так как неуместно бы было производить здесь наказания разные от тех, которые приняты для всей империи»[1].

Блудов, получивший на рассмотрение и мнение документы по этому делу, заметил этот странный пассаж и в своем ответе написал следующее: «Сие заключение вероятно принято Советом единственно по недоразумению… в Уложение по самому назначению и наименованию онаго только и могу заключаться постановления о преступлениях и проступках и о следующих за оные наказаниях» [2] . Глава департамента законов Государственного совета предлагал Чернышеву сообщить кавказскому наместнику об этом «недоразумении» и просить его представить дополнительные разъяснения в Кавказский комитет. Министр юстиции Панин полностью согласился с мнением Блудова и также просил прислать дополнительные объяснения наместника для обсуждения дела в Кавказском комитете[3].

В марте 1847 г. Воронцов отправил Чернышеву еще одну выписку из журнала заседания Совета Главного управления Закавказским краем от 5 декабря 1846 г., в котором региональная администрация разъясняла, что выражение «распространить на Закавказский край только те статьи нового Уложения о преступлениях и наказаниях, в которых определяются наказания

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 329. Л. 2–2об.
[2] Там же. Л. 9.
[3] Там же. Л. 14.

за преступления и проступки» подразумевало необходимость ввести на Кавказе виды наказаний, включенные в «Уложение», а вот мера этих наказаний может быть или усилена, или смягчена по местным условиям и обстоятельствам[1]. За разбой и пленопродавство Совет считал необходимым карать смертной казнью «для обуздания диких свойств народа», в то время как нанесение раны холодным оружием в драке, «в здешнем крае не должно считаться преступлением, а только проступком»[2].

Совет Главного управления Закавказским краем и кавказский наместник стремились получить право самостоятельно определять наказание за совершенные жителями региона противоправные действия. С позиций кавказской администрации это было необходимо в условиях неопределенной социальной структуры и правовых отношений, ведь даже вопросы о привилегиях грузинского дворянства и мусульманской элиты (агаларов и беков) еще не были решены. Для Министерства юстиции такой отход от норм «Уголовного уложения» мог выглядеть как судебно-правовой произвол.

Министр Панин поручил рассмотреть предложения наместника статс-секретарю М.А. Корфу. Барон Корф являлся противником разнобоя в правительственной политике, а также критически относился к личным (неформальным) отношениям в государственных делах[3]. Корф признавал, что «при разности нравов, образа жизни и степени просвещения» главному кавказскому начальству следует предоставить возможность входить в высшие институты власти и управления с представлениями об усилении, или смягчении наказаний, но не следует делать это систематически и в тех случаях, когда «в отступлениях от общих постановлений не оказывается прямой нужды»[4]. Далее Корф показывал бессмысленность ужесточения наказаний за разбой, так как по «Уложению» разбой и торг невольниками

[1] Там же. Л. 20.
[2] Там же.
[3] Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. С. 181–182.
[4] Отношение министра юстиции В.Н. Панина председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 16 июля 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 329. Л. 24.

карался ссылкой и каторгой, которые по справедливому замечанию Корфа для жителей Кавказа были едва ли не более страшным наказанием, чем смертный приговор. Равно и в специальном уменьшении наказания за раны, нанесенные в драке, по мнению Корфа, особой нужды не было: «Уложением» предусматривалось за этот проступок непродолжительное тюремное заключение. Привлекает внимание заключение мнения Корфа по этому вопросу: «Если же справедливо, что в составлении карательных законов должно всегда иметь в виду укоренившиеся в народе понятия, то неоспоримо, без сомнения, и то, что одною из главнейших целей сих законов должно быть не потворство суровым предрассудкам и понятиям ложным, а постепенное искоренение их и чрез то умягчение и исправление самых нравов народных»[1].

В итоге кавказская администрация оказалась вынуждена ввести в действие «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. полностью. Единственное чего удалось добиться наместнику и Совету Главного управления Закавказского края так это оставить за собой возможность входить с представлениями в Кавказский комитет об «особых изъятиях из общего Уложения», в случаях, когда это будет действительно необходимо[2].

Напряженность в отношениях кавказского наместника и министра юстиции В.Н. Панина проявлялась в работе Кавказского комитета и в других случаях. При подготовке административной реформы Закавказья 1846–1847 гг. М.С. Воронцов обратился к императору Николаю I через А.И. Чернышева с предложением сократить отчетность региональных присутственных мест губернского уровня перед министерствами и главными управлениями. Наместник вновь указывал, что срочные донесения, ведомости и отчеты, которые ежемесячно отправляются в Петербург «никто не читает»[3]. Кроме

[1] Там же. Л. 25.
[2] Там же. Л. 27–28.
[3] Справка Кавказского комитета «Об устройстве отчетности губернских мест на Кавказе», 7 ноября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 1–2.

того, правления и канцелярии двух новых губерний Кутаисской (Имеретинской области по проекту Воронцова) и Дербентской (Дагестанской области по проекту Воронцова) создавались в усеченном штате, и наместник опасался, что они окажутся перегружены напрасной отчетно-справочной работой, в то время как движение других дел замедлится. Император и Чернышев согласились с доводами кавказского наместника и предложили ему определить какие именно отчеты и ведомости следовало сократить, а какие оставить. Воронцову также поручалось предварительно согласовать эти списки с каждым из министров и затем представить общий проект на монаршее утверждение[1].

Спустя полтора года весной 1848 г. кавказский наместник уведомил председателя Кавказского комитета о согласовании сокращения отчетно-справочных ведомостей с большинством министров. Исключение составил министр юстиции Панин, который продолжал требовать полных периодических отчетов с мест[2]. Воронцов передал Чернышеву и общие табели отчетности, доставление которой в министерства было решено оставить в ходе разработки этого вопроса в Совете Главного управления Закавказского края. Все министры согласились с предложениями кавказской администрации, даже всегда придирчивый Вронченко ограничился лишь незначительными замечаниями. Исключением стал только Панин. Министр юстиции писал Чернышеву, что согласен с сокращением отчетов, но в таком случае предлагал кавказскому наместнику «принять на себя обязанность главного надзора за судебными местами» южной окраины. Кроме того, Панин в ультимативном тоне писал Чернышеву о своей готовности получать необходимые отчеты и справки по региональным судебным учреждениям от кавказского наместника[3]. В случае согласия с этими предложениями Панина кавказский наместник мог оказаться в подчиненном положении. Получалось,

[1] Отношение председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева кавказскому наместнику М.С. Воронцову, 8 ноября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 4–5.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышева, 19 марта 1848 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 6–7.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 41–42.

что кавказский наместник как главный надзиратель за местными судами регулярно отчитывался бы перед министром юстиции.

Воронцов поступил иначе. Главный надзор за судебными учреждениями Кавказа он поручил начальнику гражданского управления Закавказского края В.О. Бебутову, которому вверялась и подготовка отчетов, требуемых Паниным. Наместник же лишь отсылал эти отчеты в Министерство юстиции [1] . Таким образом, Воронцов сохранил свое независимое положение вне ведомственной вертикали и добился еще большого сжатия влияния центральной бюрократии на региональные правительственные учреждения.

Выводы к 3-й главе. Одним из основных политических ресурсов в Российской империи являлось доверие и, прежде всего, доверие императора. Надо заметить, что этот ресурс, как и положено элементу политической жизни, находился в постоянной динамике. Царское доверие приобреталось и терялось, укреплялось и таяло. Показательным примером значения доверия в политической системе Российской империи является Кавказское наместничество. Во многом благодаря личному доверию Николая I кавказскому наместнику М.С. Воронцову удалось занять эксклюзивное положение в государственной системе империи. Во-первых, М.С. Воронцов после назначения кавказским наместником в 1844 г. сохранил в своих руках управление Новороссийским краем. Во-вторых, политический статус кавказского наместника был выше статуса министров империи. Это проявлялось как в полном контроле наместника над всеми правительственными учреждениями Кавказского края, так и в особом режиме взаимодействия с Кавказским комитетом.

В служебно-иерархических противостояниях с министрами кавказский наместник пользовался политической неоднородностью высшей российской бюрократии. Министры, как правило, не могли действовать сообща, каждый

[1] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 9 августа 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 60.

из них преследовал собственные цели и исходил из личного политического опыта. В Петербурге у кавказского наместника были такие сильные политические союзники как военный министр и председатель Кавказского комитета А.И. Чернышев и министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Особое значение имела поддержка, оказываемая региональной администрации, со стороны управляющего Кавказского комитета В.П. Буткова.

Кавказский наместник находился вне ведомственной вертикали и являлся личным агентом императора, перед которым отчитывался и от воли которого зависел. Для императора Николая I это создавало возможность прямого управления делами далекой окраины в обход громоздкой центральной бюрократии. Наместник же был свободен от докучливой министерской опеки, выступал безоговорочным «хозяином» Кавказа. Если позиции наместника в Петербурге усиливались неформальной коалицией с некоторыми из министров и управляющим делами Кавказского комитета, то в повседневной административной деятельности М.С. Воронцов опирался на доверенных чиновников, занимавших ключевые посты в канцелярии кавказского наместника, которая, в свою очередь, являлась управленческим центром Кавказского наместничества.

Глава 4. Взаимодействие с местными государственными учреждениями.

4.1. Кавказский наместник и Совет Главного управления Закавказским краем.

Реформаторская деятельность М.М. Сперанского закрепила в административной практике Российской империи два важнейших принципа – единоначалие и коллегиальность. В 1811 г. Сперанский разработал «Общее учреждение министерств», которое продолжало оставаться актуальным до 1917 г.[1]. По «Общему учреждению» предусматривалось создание при министрах коллегиального института – совета министра, в который входили главы министерских департаментов и отдельно приглашенные начальником ведомства эксперты[2]. Совмещение единоначалия, воплощенного в фигуре министра, и коллегиальности, представленное советом, не должно было привести к конкуренции в принятии решений. Замыслом Сперанского было обеспечение своеобразной административной симфонии, гарантирующей принятие согласованных решений по наиболее важным вопросам управления и предохраняющей от произвола отдельных лиц[3].

По аналогии с центральным управлением выстраивалась и схема администрации губернского уровня. Проект учреждения наместничеств 1816 г. включал пятую главу «Образование наместнического совета», в которой описывался механизм формирования этого коллегиального института. В шестой главе «Порядок производства дел в наместническом совете» фиксировался круг вопросов, рассматривающихся в совете: «Дела по исполнению высочайших повелений, указы Правительствующего Сената и

[1] Раскин Д.И. Единоначалие и коллегиальность как административный принцип в законотворческой деятельности М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2. С. 102–111.
[2] Там же. С. 104.
[3] Там же.

предписания министров, также дела, требующие разрешения в случаях, превышающих власть губернатора и губернских правлений»[1].

В необходимости создания при сильной единоличной власти административного начальника коллегиального института-катехона М.М. Сперанский убедился, управляя Сибирью в 1819–1821 гг. Как сибирский генерал-губернатор Сперанский столкнулся с масштабными злоупотреблениями – казнокрадством и взяточничеством. По итогам ревизии, проведенной Сперанским, под суд были отданы два губернатора (томский и иркутский) и 48 чиновников, всего к различным противозаконным операциям оказались причастны 681 человек, среди которых 174 чиновника и 256 «инородческих начальников»[2].

Вернувшись в столицу, Сперанский активно включился в законодательную деятельность, направленную на модернизацию системы управления империи. Одним из итогов его работы стало утвержденное императором Александром I в 1822 г. «Сибирское учреждение», согласно которому коллегиальные советы как антидоты единоличного произвола появились на всех уровнях регионального управления: Советы Главного управления при генерал-губернаторе, губернские и окружные советы. Совет Главного управления, кроме того, был призван встроить генерал-губернатора в вертикаль власти и обеспечить его связь с высшими и центральными институтами власти и управления[3]. Этому замыслу соответствовал порядок формирования Совета Главного управления, в который входили кроме генерал-губернатора (на правах председателя) представители важнейших министерств – внутренних дел, юстиции и финансов[4].

Административные проекты Сперанского определили управленческие преобразования в Сибири, но также повлияли на развитие

[1] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1. / Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 51-53.
[2] Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 85.
[3] Там же. С. 89–90.
[4] Там же.

административного порядка на южной окраине империи. Б.П. Миловидов обратил внимание, что «Сибирское учреждение» стало основой для «Учреждения для управления Кавказской областью» (6 февраля 1827 г.) и «Учреждения для управления Бессарабской области» (29 февраля 1828 г.): «Важной особенностью, заимствованной из сибирского законодательства, был областной совет во главе с областным начальником, составленный из председателя областного управления, председателя казенной палаты, председателя областного суда, предводителя дворянства и прокурора (§ 13 Учреждения для управления Кавказской области)»[1].

При этом, на территории Закавказья принцип коллегиального управления был реализован еще в 1801 г. в Положении об управлении Восточной Грузией[2]. Во главе региональной администрации находился главнокомандующий, в фигуре которого совмещалось командование над войсками и руководство гражданскими делами. Ближайшим помощником главнокомандующего являлся правитель – российский чиновник, отвечавший за последовательность всех гражданских дел и защиту общеимперской законности.

Наряду с принципами единоначалия в управлении Восточной Грузии присутствовала и административная коллегиальность, которая воплотилась в Верховном грузинском правительстве. Этот институт управления включал, в том числе представителей грузинской аристократии и должен был стать гарантией преемственности в процессе транзита власти. Верховное грузинское правительство состояло из четырех экспедиций: исполнительной, казенной и двух судебных – по уголовным и гражданским делам[3]. В 1838 г. Верховное Грузинское правительство закрыли, а вместо него был создан Совет Главного управления Закавказским краем[4]. По утвержденному

[1] Миловидов Б.П. Тезисы доклада «М. М. Сперанский и реформы гражданского управления на Кавказе в 1820-1830-е годы» // Электронный ресурс: URL: https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2017/02/tezisy-doklada-b-p-milovidova-seminar-russia-30-05-2019.pdf (Дата обращения: 21.07.2025)
[2] ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. XXVI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 784.
[3] Там же. С. 784–785.
[4] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. С. 237–245.

императором Николаем I в 1840 г. «Учреждению для управления Закавказским краем» Совет Главного управления состоял из главноуправляющего, тифлисского военного губернатора и членов по высочайшему назначению, число которых не ограничивалось [1]. Функции Совета были разнообразны: 1) контроль над деятельностью губернских учреждений; 2) разработка и представление правительству проектов, требующих законодательных изменений; 3) утверждение городских и земских доходно-расходных смет; 4) рассмотрение прав и преимуществ различных сословий[2]. Совет Главного управления Закавказским краем имел право обращения в Сенат и министерства через главноуправляющего. Последнее соответствовало замыслу Сперанского о включении региональных администраторов в общую систему управления и отвечало интересам центральной бюрократии.

К моменту назначения М.С. Воронцова кавказским наместником состав Совета Главного управления претерпел некоторые изменения. Во-первых, в ноябре 1842 г. должность тифлисского военного губернатора была упразднена за ненадобностью, а его место в Совете занял начальник гражданского управления Закавказского края[3]. Во-вторых, тогда же состав Совета был сокращен до пяти членов, причем три из них были военными офицерами и два являлись гражданскими чиновниками. Военные занимались сверх своих регулярных обязанностей учебными заведениями, таможнями и почтой, а гражданским чиновникам поручалось «заниматься исключительно обработкой новых предположений по гражданскому устройству»[4].

Согласно Высочайшему рескрипту от 30 января 1845 г. на имя Воронцова, вместо кавказского наместника постоянным председателем Совета главного управления назначался начальник гражданского управления.

---

[1] Там же. С. 240.

[2] Там же. С. 241; Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. С. 304.

[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII. Ч. 2. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. С. 151.

[4] АКАК. Т. IX. Тифлис: Типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. С. 394.

Наместнику поручалось «определить какие именно дела могут быть разрешаемы самим Советом и по каким затем делам должен он испрашивать у вас (кавказского наместника – А.У.) разрешения»[1]. Это очень важное решение. Воронцов дальновидно отказался от председательствования в Совете Главного управления Закавказского края полностью возложив эту обязанность на начальника гражданского управления, сначала на П.А. Ладинского, а после его увольнения в 1847 г. на В.О. Бебутова. В этом решении вновь заметно желание Воронцова оставаться вне властной вертикали, восходящей к высшим и центральным институтам управления империей. В тоже время, такая практика отличает кавказского наместника от других региональных администраторов Российской империи, возглавлявших губернские советы и правления и активно взаимодействовавших с ними. Здесь важно подчеркнуть, что генерал-губернаторы и губернаторы оставались внутренним составным элементом общего присутствия губернского правления и не были вышестоящей инстанцией[2]. Отметим, что губернаторы во второй четверти XIX в. стремились превратить губернские правления в свои исполнительные канцелярии[3], но региональные начальники продолжали оставаться частью этой системы, а значит были включены в структуру подчинения, венчаемую министерствами по принадлежности рассматриваемых дел.

Воронцов контролировал состав Совета Главного управления, что было необходимо в целях пресечения его самостоятельности. Роль первой скрипки как в Совете Главного управления, так и в целом в кавказской администрации попытался сыграть генерал П.А. Ладинский. Это вполне объяснимо, учитывая, что Ладинский был всего лишь двумя годами младше Воронцова и большую часть долгой служебной карьеры провел именно на Кавказе. Вероятно, кавказскому наместнику было не очень уютно

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XX. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1846. С. 151–152.
[2] Любичанковский С.В. Губернское правление и губернатор: механизм совместного функционирования (1892-1917 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 1. № 1. С. 48.
[3] Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 88.

чувствовать себя под присмотром «старого кавказца». В письмах к министру государственных имуществ и своему другу П.Д. Киселеву кавказский наместник не раз подчеркивал, что принимал те, или иные решения самостоятельно и в противоречии с мнением Ладинского[1], который, как уже отмечалось, считался в Петербурге главным экспертом по кавказским делам.

Вскоре между наместником и начальником гражданского управления, председательствовавшим в Совете Главного управления, образовался заметный дефицит доверия. Воронцов поручал все значимые дела по гражданскому управлению директору своей канцелярии С.В. Сафонову и Ладинский публично выражал недовольство этими действиями наместника, утверждая, что его фактически отстранили от должности[2]. Недовольный своим положением Ладинский стал просить Воронцова об увольнении, и наместник в итоге согласился. В конце 1847 г. генерал Ладинский покинул Тифлис и, как оказалось, покинул не только должность, но и службу. В письме к Киселеву кавказский наместник Воронцов откровенно признавался: «По многим причинам, которые было бы слишком долго излагать в этом письме, его отъезд не только не огорчил меня, но даже стал необходимым, ибо между ним и мной больше не было доверия»[3]. Остаток жизни Ладинский провел в своем имении в Таврической губернии, где и скончался в 1865 г.

На место начальника гражданского управления и председателя Совета Главного управления Воронцов рекомендовал верного и, главное, безмерно благодарного за прекращение дела о фальшивых документах В.О. Бебутова. Сенатор А.А. Харитонов вспоминал, что назначение Бебутова, участие которого в махинациях 1829 г. в Армянской области многие помнили, стало большой неожиданностью[4].

Наместнику нужен был надежный и предсказуемый Совет Главного управления, Бебутов смог это обеспечить. Другим долговременными

[1] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 153–156.
[2] Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. 1894. Кн. 4. С. 71–72.
[3] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. С. 157.
[4] Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. 1894. Кн. 4. С. 72.

членами Совета были заслуженные военные и чиновники, не имевшие никакого желания играть с наместником в политику. Генерал И.А. Реутт (1786–1855) проявил себя как храбрый и распорядительный офицер в Кавказской войне, а также в войнах с Персией и Османской империей, он также имел богатый опыт административной работы на Кавказе, но при этом умел оставаться незаметным. В 1842–1849 гг. Реутт возглавлял Совет Закавказского девичьего института и вплоть до своей смерти заседал в Совете Главного управления, где подменял Бебутова в кресле председателя во время отлучек начальника гражданского управления. Статский советник Василий Николаевич Семенов являлся выпускником Царскосельского лицея и заседал в Совете Главного управления с 1842 г., а с 1847 г. заведовал учебной частью на Кавказе. Благодаря Воронцову Семенов в 1849 г. получил престижную должность попечителя Кавказского учебного округа. Заседал в Совете Главного управления и грузинский князь А.Г. Чавчавадзе, заведовавший почтой Закавказья, но 7 октября 1846 г. он трагически погиб: лошадь понесла и опрокинула дрожки. В том же году Совет пополнился бывшим саратовским гражданским губернатором А.М. Фадеевым, который был хорошо знаком Воронцову еще по службе в Новороссийском крае.

В содержательных воспоминаниях А.М. Фадеева есть и описание работы Совета Главного управления Закавказского края в этот период. «Служба моя в самом начале оказалась вовсе нетрудной, особенно при сравнении с бесчисленными заботами и неприятностями на саратовском губернаторстве; а что лучше всего – ответственности никакой, потому что все постановления Совета исполнялись не иначе как по утверждении их наместником»[1], - отмечал Фадеев. Это мемуарное описание работы Совета Главного управления соответствует сведениям материалов делопроизводства. Наместник поручал Совету дела, связанные с изменениями законодательства, среди них можно упомянуть вопрос о статусе и поземельных правах беков и агаларов и проект нового административного устройства Закавказского края,

[1] Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867. М.: Кучково поле, 2017. С. 241.

обсуждавшийся в 1846–1847 гг. Силами Совета разрабатывались проекты этих и других масштабных преобразований. Затем Воронцов и, вероятно, чиновники канцелярии наместника вносили правки в проекты, после чего кавказский наместник обращался к императору, или к председателю Кавказского комитета, указывая, что предлагаемые решения насущных вопросов были «обсуждены в Совете Главного управления и мною одобрены» [1] . К письму наместника прикладывался или журнал соответствующего заседания Совета Главного управления[2], или справки и другие документы, подготовленные его членами[3].

Таким образом, Воронцов использовал Совет Главного управления для создания образа коллегиальности принимаемых решений, но при этом подчеркнуто дистанцировался от этого института. Это позволяло наместнику оставаться вне конвенциональных иерархий и, вместе с тем, работа Совета в значительной степени разгружала Воронцова и его канцелярию от большой бюрократической нагрузки, связанной с подготовкой проектов многочисленных преобразований. Совет Главного управления Закавказского края в этом виде просуществовал до 1858 г., когда А.И. Барятинский провел масштабную реформу администрации Кавказского наместничества[4].

4.2. Кавказский наместник и военные губернаторы.

В результате административной реформы Закавказского края 1846–1847 гг. территория региона оказалась разделенной на четыре губернии: Тифлисскую, Кутаисскую, Дербентскую и Шемахинскую[5]. Во главе этих

[1] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 19 марта 1848 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 6.
[2] Журнал Совета Главного управления Закавказским краем, 22 июня 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 6–25.
[3] Предложения Совета Главного управления о сокращении периодических отчетностей в Закавказском крае // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 375. Л. 8–13.
[4] Абазов А.Х. Главное управление и Совет наместника кавказского (1858): предпосылки образования, структура и объем полномочий // Кавказология. 2019. № 4. С. 37–48.
[5] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXI. Ч. 2. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. С. 647–648.

губерний были поставлены военные губернаторы. Взаимоотношения М.С. Воронцова и военных губернаторов закавказских губерний представляют собой еще один пример уникальности места кавказского наместника в системе государственного управления Российской империи. Кроме того, как уже отмечалось в историографии [1], институт военных губернаторов практически не изучался и анализ особенностей взаимодействия кавказского наместника и военных губернаторов может отчасти восполнить этот пробел.

Военные губернаторы управляли различными регионами империи Романовых в конце XVIII–начале XX в. преимущественно на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Объем полномочий военных губернаторов продолжительное время не был определен[2]. Некоторая ясность была внесена в начале царствования Александра I, когда указом 9 сентября 1801 г. «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам» несколько соседних губерний объединялись под властью военных губернаторов, которых по этому документу насчитывалось десять[3]. Спустя два года в 1803 г. Александр I указал, что военные губернаторы по своему статусу равны наместникам или генерал-губернаторам согласно «Учреждению для управления губерний» 1775 г. [4]. Военные губернаторы возглавляли как военную, так и гражданскую администрацию, высочайше вверенных им территорий.

В ходе обсуждения административного устройства Закавказского края в 1846 г. император Николай I и военный министр, а также председатель Кавказского комитета А.И. Чернышев пришли к мнению о необходимости сблизить номинации закавказских административных единиц с

[1] Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 157.
[2] В литературе можно встретить указание, что описание должности военных губернаторов содержалось в уставе «О полевой пехотной службе», 29 ноября 1796 г. См.: Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 158.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 775–778; Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 69.
[4] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 541–542.

общепринятыми в империи. Так вместо планируемых кавказским наместником новых областей (Имеретинской и Дагестанской) появились новые губернии – Кутаисская и Дербентская. Первоначально планировалось, что Кутаисскую губернию возглавит гражданский губернатор, а в Дербентскую, учитывая, что на ее территории проходили активные военные действия, а из всех губернских учреждений существовала только канцелярия губернатора (областного начальника), будет назначен военный губернатор[1]. Однако кавказский наместник предложил именовать начальников новых губерний военными губернаторами, «ибо все сии губернии по настоящему своему положению (как и весь здешний край) требуют, чтобы власть их главного начальника имела влияние и на военное ведомство, в губерниях сих расположенное, этим устранятся многие неудобства, встречающиеся до сего времени как от столкновения властей в крае, где беспрестанно гражданское и военное ведомства, должны взаимно содействовать одно другому, так и в частых случаях по гражданскому управлению, где требуется распоряжение лица, облеченного властью и военного»[2]. Это предложение наместника полностью совпало с мнением Николая I. В итоге тифлисским военным губернатором был назначен бывший грузино-имеретинский гражданский губернатор, генерал С.Н. Ермолов[3]; шемахинским военным губернатором назначили бывшего начальника Каспийской области, генерала А.Е. Врангеля; дербентским военным губернатором поставили командующим войсками в Южном Дагестане, генерала М.З. Аргутинского-Долгорукова[4]. Некоторая заминка возникла в назначении кутаисского военного губернатора, которая объяснялась тем, что кандидатура генерала А.М. Эспехо, предлагаемая Воронцовым, не сразу встретила поддержку Николая I.

[1] Доклад А.И. Чернышева «Об устройстве губерний на Кавказе», 21 сентября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 141–142.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 6 декабря 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 208.
[3] Приходился двоюродным братом знаменитому «проконсулу Кавказа» А.П. Ермолову.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 267.

Дело в том, что генерал Эспехо навлек на себя царское неудовольствие еще в 1837 г., управляя Имеретией. Николай I снял его с этой должности после поездки по Кавказу. Несколько лет Эспехо находился при Генеральном штабе. Эспехо происходил из знатного испанского дворянства, за время службы в России он так и не выучил русский язык и плохо разбирался в законодательстве и служебных регламентах, именно на это указывал Николай I в разговоре с директором канцелярии кавказского наместника С.В. Сафоновым[1].

Эспехо был хорошо знаком Воронцову по службе в Новороссии, кроме того, за испанца на русской службе выступал начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу. В 1846 г. Эспехо проживал с семьей в Одессе, находился не у дел, его материальное положение было крайне тяжелым[2]. Несмотря на все это Николай I сопротивлялся назначению Эспехо. Но и наместник был упорен в своем желании. 10 января 1847 г. Воронцов обратился к Чернышеву «с покорнейшей просьбой не отказать в благосклонном ходатайстве» перед императором о назначении Эспехо кутаисским военным губернатором, по словам кавказского наместника, его протеже «совершенно знаком во всех отношениях с сим краем и нравами жителей, а потому и вполне будет соответствовать по опытности своей предполагаемому мною ему назначению»[3]. Николай I все-таки уступил своему наместнику и указом от 25 января 1847 г. назначил генерала Эспехо кутаисским военным губернатором[4].

После того как все военные губернаторы были назначены необходимо было определить их отношения к кавказскому наместнику. Кроме того, вскоре выяснилось, что в Тифлисе есть несколько начальников, которые претендовали на исполнение обязанностей военного губернатора в административной столице Закавказского края. 17 января 1847 г. Воронцов

[1] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 393–394.
[2] Там же. С. 394.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 229.
[4] Там же. Л. 232.

как главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом спрашивал военного министра Чернышеву кому следует исполнять обязанности военного начальника в Тифлисе: военному губернатору Тифлисской губернии или начальнику гражданского управления, которому военный губернатор был подчинен по гражданской части[1]? В своем ответе Чернышев указал на третий вариант: по военному управлению города Тифлиса начальником являлся его комендант генерал Ф.И. Бриземан фон Неттиг. При этом, Чернышев оставлял за Воронцовым право выбора старшего начальника по военному управлению Тифлиса на время отсутствия в нем главнокомандующего[2].

25 марта 1847 г. Николай I утвердил инструкцию кавказским военным губернаторам[3]. По этой инструкции военные губернаторы состояли в ведомстве Военного министерства и в военном отношении подчинялись главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса, а по гражданскому управлению находились в подчинении кавказского наместника и начальника гражданского управления[4]. Все их функции в самом сжатом виде были суммированы в пункте 8 инструкции: «Военные губернаторы имеют неусыпное попечение о безопасности, тишине и спокойствии»[5].

Несмотря на то, что военные губернаторы назначались указом императора, Воронцов контролировал такие назначения, продвигая на эти места доверенных генералов. В этом отношении показателен подробно описанный выше случай назначения на должность кутаисского военного губернатора генерала Эспехо. Однако столь хлопотное для наместника назначение Эспехо трудно назвать удачным. Дело в том, что Эспехо спустя всего несколько месяцев после вступления в должность умер (30 ноября 1847 г.) и наместнику пришлось срочно искать ему замену.

---

[1] Отношение главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцова к военному министру А.И. Чернышеву, 17 января 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 235.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 236.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1848. С. 235–237.
[4] Там же. С. 235.
[5] Там же. С. 236.

Влияние, которое Воронцов как кавказский наместник имел на назначение военных губернаторов, сходно с активным участием генерал-губернаторов в определении кандидатур на губернаторские должности. Историк А.С. Минаков привел в своей монографии множество примеров, когда протекция генерал-губернаторов оказывалась не менее значимой, чем позиция министра внутренних дел, или мнение императора[1].

Кутаисским военным губернатором назначили храброго боевого генерала К.Я. Белявского, участника Даргинской экспедиции, в которой он командовал авангардом. «Генерал Белявский оказался блистательным авангардным начальником; личная его храбрость увлекала вперед вверенные ему войска и преодолевала всякие препятствия; но не умел он умерять свои порывы и, идя все вперед, легко забывал, что за ним следует колонна, которая быстро двигаться не может, но связь с которой сохранять необходимо», - такую характеристику дал генералу в своих воспоминаниях о Даргинском походе А.П. Николаи[2].

Почти сразу после назначения Белявского кутаисским военным губернатором (11 января 1848 г.) у него случился острый конфликт с вице-губернатором подполковником М.П. Колюбакиным. В марте 1848 г. Белявский отлучился из Кутаиса в поездку по делам службы и поручил управление губернией вице-губернатору Колюбакину, управлявшего губернией после смерти Эспехо и до назначения Белявского. После возвращения Белявского в Кутаис Колюбакин не явился к военному губернатору с рапортом, объяснив это тем, что был фактически отстранен начальником от вопросов управления, а, кроме того, был болен и не мог надеть мундир[3].

Белявский счел это личным оскорблением и написал пространное письмо директору канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонову, в котором возмущался нерадивым поведением вице-губернатора. Письмо

[1] Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть. С. 126–127.
[2] Даргинский поход. Из воспоминаний барона А.П. Николаи. М.: Университетская типография, 1890. С. 4.
[3] Рапорт кутаисского вице-губернатора М.П. Колюбакина, 16 марта 1848 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 211. Л. 5.

Белявского написано очень эмоционально и откровенно, что является большой редкостью в служебной переписке, поэтому имеет смысл привести здесь значительный фрагмент этого текста: «Вступив в управление Кутаисской губернией 11-го прошедшего января, я с того числа по настоящее время не видел, чтобы вице-губернатор имел какие-либо определенные занятия по службе, то есть решительно он ничем не занимается; хотя уверяет всех, что я ему препятствую заниматься, тогда как я дал ему полную свободу действовать как ему заблагорассудиться. При обзоре же здешних правительственных мест, о котором я имел уже честь донести господину наместнику кавказскому, я вполне убедился во многих неправильных действиях по губернскому правлению, как покойного генерал-майора Эспехо, так и управлявшего после его смерти губернией подполковника Колюбакина, (на что, если потребует необходимость, будут представлены мною факты не опровергаемые). Это было поводом, что при отъезде моем в разные места губернии, для исполнения воли его сиятельства князя Михаила Семеновича, не мог я предоставить Колюбакину в отсутствие мое полное распоряжение делами губернии, как это было в управление предместника моего, тем более, что в служебных достоинствах его, я при ревизии дел не имел случая удостовериться. Относительно же того, что Колюбакин не явился ко мне под предлогом болезни, воспрепятствовавшей ему надеть мундир, то это совершенно несправедливо, потому что из сведений, какие губернатор обязан иметь как высший полицейский чиновник в губернии, не только о служебных достоинствах своих подчиненных, но и о частной жизни каждого из них, мне известно, что Колюбакин в день возвращения моего из Озургет был да и теперь совершенно здоров. Все это вместе взятое вынуждает меня предварить ваше превосходительство, что при предстоящих поездках моих для обревизования уездов вверенной мне губернии я найдусь в необходимости, по причинам вышеизложенным, управление губернией поручать не вице-губернатору, как человеку не желающему вовсе понимать порядка подчиненности и привыкшему повелевать, а не подчиняться, но

председателю Кутаисского губернского суда, присовокупляя при этом, что к Колюбакину не могу я для пользы службы иметь никакого уже, после известных мне данных на счет образа его действий, доверия»[1]. В заключении письма Белявский просил Сафонова довести его письмо до сведения наместника.

Вскоре Воронцов ответил Белявскому и просил его отправить Колюбакина в Тифлис для личных объяснений с наместником. Вместо Колюбакина исправлять должность кутаисского вице-губернатора Воронцов отправил чиновника своей канцелярии статского советника А.А. Борзенко[2]. В чем состояли личные объяснения Колюбакина наместнику неизвестно, однако, уже в следующем 1849 г. он был назначен тифлисским вице-губернатором[3]. Белявский же прослужил кутаисским военным губернатором еще только два года и в 1850 г. был премещен на должность начальника 2-ой пехотной дивизии. Воронцов способствовал назначению на должность кутаисского военного губернатора своего бывшего адъютанта князя А.И. Гагарина, который занимал эту должность дважды в 1851–1853 гг., а затем в 1857 г. При этом, второе назначение Гагарина в Кутаис закончилось трагически. 20 октября 1857 г. сванетский князь Константин Дадешкелиани заколол Гагарина прямо в губернаторской приемной[4].

Князь Гагарин был переведен в Кутаис с поста военного губернатора Дербента и управляющего Дербентской губернией, который занял еще один адъютант Воронцова кавалерийский генерал Ю.Ф. Минквиц. Кавказский наместник покровительствовал своим адъютантам, что подтверждают хлопоты Воронцова по назначению обоим вновь назначенным военным губернаторам дополнительных подъемных денег. В письме к председателю

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 211. Л. 2.
[2] Распоряжение кавказского наместника М.С. Воронцова о направлении статского советника А.А. Борзенко в Кутаис для исполнения обязанностей вице-губернатора Кутаисской губернии, 6 июня 1848 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 211. Л. 14.
[3] Впоследствии М.П. Колюбакин получил известность на посту Бакинского военного губернатора, который он занимал в 1863–1872 гг. При нем Баку получил новый архитектурный облик благодаря работе архитектора К.Г. Гиппиуса.
[4] Подробнее см.: Урушадзе А.Т. Сванетская междоусобная война XIX века: имперский порядок и княжеская вендетта // Journal of Caucasian Studies (JOCAS). 2017. Vol. 3, № 5. С. 111–132.

Кавказского комитета и военному министру А.И. Чернышеву от 14 августа 1850 г. наместник указывал, что «отправление князя Гагарина и Минквица к назначенным должностям сопряжено со значительными издержками, которые не могут покрываться пособием, определенным законами для подобных случаев»[1].

В том же 1850 г. кутаисским вице-губернатором наместник назначил старшего адъютанта штаба Отдельного Кавказского корпуса полковника Н.П. Колюбакина, приходившегося младшим братом М.П. Колюбакина, который ранее на этом же посту конфликтовал с кутаисским военным губернатором Белявским. Как и старший брат Н.П. Колюбакин отличался трудным характером. В 1834 г. будучи поручиком Оренбургского уланского полка он открыто ослушался приказа полкового командира и неоднократно его оскорбил. За этот проступок Н.П. Колюбакин был разжалован в рядовые и отправлен в ссылку на Кавказ. В составе войск Отдельного Кавказского корпуса за отличие в боях с горцами Н.П. Колюбакин вернул офицерское звание и проявил как военные, так и административные способности. В октябре 1850 г. Н.П. Колюбакина произвели в полковники[2]. В начале 1860-х гг. Н.П. Колюбакин займет должность кутаисского военного губернатора.

Уже перед самым своим отъездом из Тифлиса в 1854 г. Воронцов обратился к Чернышеву с просьбой ходатайствовать перед императором о выдаче Минквицу, продолжавшему занимать прежнюю должность в Дербенте, единовременного пособия в размере его годового жалованья, составлявшего 3 тыс. руб. сер. Минквиц, по словам Воронцова, «по своему положению в провинции соседней к племенам, коих постоянные усилия стремятся к водворению там беспорядков и смут, будучи вынужден к чрезвычайным расходам, задолжал и не имея никакого состояния ни сам по себе, ни за женой, находится в крайнем затруднении»[3]. Спустя несколько

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 311. Л. 16.
[2] Формулярный список старшего адъютанта штаба Отдельного Кавказского корпуса полковника Н.П. Колюбакина, 1850 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 466. Л. 2–6.
[3] О денежном пособии дербентскому военному губернатору Минквицу, 7 апреля 1855 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 311. Л. 18.

месяцев ходатайство было удовлетворено и Минквиц получил дополнительное годовое жалованье, что поправило его запутанные финансовые дела.

Воронцов контролировал назначения военных губернаторов и не допускал их самостоятельных связей с центральной бюрократией. Попытки установления прямых отношений с Петербургом со стороны кавказских военных губернаторов немедленно пресекались наместником. В августе 1847 г. наместник разослал военным губернаторам циркуляр, в котором отмечалось, что ведомости о поступивших на службу молодых чиновниках дворянского происхождения, а также ходатайства о производстве наиболее достойных из них представляются в столицу исключительно через кавказского наместника. Циркуляр уничтожил наметившуюся практику отправки указанных ведомостей и ходатайств на рассмотрение императора в комплекте с всеподданнейшими докладами военных губернаторов[1]. Тем самым наместник стремился недопустить формирования вокруг военных губернаторов сетей из доверенных им чиновников. Потенциально это могло бы упрочить положение военных губернаторов и превратить их в самостоятельные фигуры, способные составить оппозицию власти наместника. Воронцов решительно и беспощадно ликвидировал любые альтернативные центры власти в регионе – «все правительственные места и лица» должны были не только подчиняться наместнику, но и полностью зависеть от его воли и прихотей.

Единственным прямым каналом связи военных губернаторов со столицей империи оставались всеподданнейшие доклады императору, которые, как правило, не привлекали большого внимания со стороны Николая I, внимательно читавшего отчеты кавказского наместника. Ежегодные отчеты военных губернаторов об управлении и состоянии вверенных им губерний отправлялись не министру внутренних дел или

[1] Циркуляр военным губернаторам Кавказского края, 16 августа 1847 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 103. Л. 54–55.

военному министру, а в Кавказский комитет, где ими занимался лояльный кавказскому наместнику В.П. Бутков.

Необходимо отметить, что в подборе кандидатур на должности военных губернаторов совершенно не участвовал министр внутренних дел. Решение принималось императором и наместником, причем как показывает случай Эспехо, наместнику удавалось протащить своего кандидата даже при сопротивлении самодержца. Военными губернаторами назначались, в том числе бывшие адъютанты Воронцова, которым наместник оказывал покровительство. Для Гагарина и Минквица кавказский наместник был не просто начальником, но еще и патроном, от которого зависела карьера, а иногда и жизнь.

В историографии неоднократно отмечалось сходство в функциях и статусе военных губернаторов и генерал-губернаторов [1] . Подчинение закавказских военных губернаторов кавказскому наместнику и едва ли не определяющее влияние последнего на назначения на эту должность еще раз свидетельствует о высочайшем статусе Воронцова в системе государственного управления, превосходившем положение любого из региональных начальников николаевской эпохи.

4.3. Кавказский наместник и управление Новороссийским краем и Ставропольем.

При назначении на должность кавказского наместника Воронцов сохранял за собой «главное начальство» над новороссийскими губерниями и Бессарабией. Можно сказать, что Воронцов продолжал «дальнее» управление Новороссией и Бессарабией, в то время как «ближнее» было поручено генералу П.И. Федорову. Воронцов считал необходимым покровительствовать своему заместителю. В начале января 1846 г.

[1] Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 69; Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 162.

кавказский наместник обратился к министру государственных имуществ и члену Кавказского комитета П.Д. Киселеву с просьбой помочь Федорову обрести связи в Петербурге. Воронцов писал, что Федоров уже двадцать лет не бывал в Петербурге и не знаком со столичными сановниками. Особенно Воронцов опасался министра внутренних дел Л.А. Перовского, который, по его мнению, мог перенести свою недоброжелательность к кавказскому наместнику на исправляющего должность новороссийского генерал-губернатора [1]. Вероятно, покровительство Воронцова и в этом случае показало себя эффективным, Федоров управлял Северным Причерноморьем на протяжении десяти лет до 1854 г.

При этом, Воронцов и находясь в Тифлисе не упускал из своих рук управление Новороссией и Бессарабией. Федоров оставлял за кавказским наместником окончательное решение наиболее важных вопросов управления, в том числе в делах, связанных с выделением финансовых средств, проведением крупных торговых операций, развитием черноморского пароходства [2]. Летом 1846 г. Воронцов просил Чернышева о ходатайстве перед императором об открытии при канцелярии кавказского наместника особого Новороссийского стола в составе столоначальника, двух его помощников и двух писцов [3]. Надо отметить, что финансировать работу дополнительного стола канцелярии кавказского наместника (2 тыс. 200 руб. сер. в год) Воронцов предложил за счет доходов Одессы, «для которой такой незначительный и временный расход не может быть обременительным»[4].

Николай I запросил по этому вопросу мнение министра внутренних дел. Перовский отметил, что «по строгой справедливости» расходы на содержание новороссийского стола наместнической канцелярии следовало отнести на счет государственной казны, а не одного, пусть и богатого, города. Но Перовский здесь же оговорился об известных затруднениях по

[1] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. С. 35.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 11 июня 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 308. Л. 1.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 2.

увеличению сметы государственных расходов и в итоге не увидел никаких препятствий в исполнении предложений Воронцова[1].

Отдельный Новороссийский стол был образован в составе канцелярии кавказского наместника как временная мера, «до тех пор, пока Новороссийский и Кавказский край будут иметь одного общего главного начальника» [2] . Новороссийский стол исправно работал до отставки Воронцова с поста кавказского наместника и был упразднен вскоре после нее.

Обратимся к анализу роли кавказского наместника в управлении Ставропольем. Кавказская губерния (область) была образована в составе Кавказского наместничества указом Екатерины II от 5 мая 1785 г.[3]. Новая административно-территориальная единица включала шесть уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Губернским городом был определен Екатериноград, который являлся казачьей станицей. Здесь была устроена резиденция кавказского наместника генерала П.С. Потемкина[4]. В 1787 г. Кавказскую губернию «осматривали» сенаторы А.Р. Воронцов и А.В. Нарышкин и в своем донесении о результатах проверки отмечали благополучное состояние местной администрации: «Имеем счастье донести, во-первых, о присутственных местах Кавказской области, что оные нашли мы вообще в желаемом порядке и исправности, течение дел как уголовных, так и гражданских, согласующееся с высочайшим вашего императорского величества учреждением, как то мы видели из многих просмотренных от разных судов определений, а особливо в наместническом правлении поспешное дел отправление и установленный порядок соблюден в точности»[5].

---

[1] Там же. Л. 3–4.
[2] Отношение председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева кавказскому наместнику М.С. Воронцову, 2 августа 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 308. Л. 9.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 388.
[4] Дальний родственник знаменитого Г.А. Потемкина, пользовался покровительством всесильного екатерининского фаворита.
[5] РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 31. Л. 1об.

Тем не менее, в том же году столица наместничества была перенесена в Георгиевск, а затем в Астрахань. Эта нестабильность, проявившаяся уже в первые годы существования Кавказской губернии (области), стала постоянной характеристикой административного устройства Предкавказья в конце XVIII–первой половине XIX в. Следует отметить, что начальникам Кавказской губернии в конце XVIII в. приходилось заниматься сложными административными задачами, которые можно вслед за японским исследователем К. Мацузато назвать этнополитикой [1]. В донесениях наместника И.В. Гудовича за 1792–1793 гг. описаны переговоры с кабардинской знатью, вопросы устройства родовых судов и расправ для местного населения, а также конфликты, связанные с миграцией, захватом имущества, земельными тяжбами[2].

В царствование Павла I Астраханская губерния поглотила Кавказскую[3], но уже при Александре I в 1802 г. они вновь были разделены[4]. При этом, главным начальником этих двух губерний был назначен П.Д. Цицианов, который также являлся инспектором войск Кавказской линии и главноуправляющим в Грузии. Гражданские губернаторы находились под началом П.Д. Цицианова, но во время его отсутствия в указанных губерниях имели права прямого обращения в Сенат и министерства «по роду дел им подлежащих»[5]. Таким образом, в 1802 г. впервые территория Северного Кавказа управлялась из закавказской административной столицы империи Тифлиса, однако, главы Кавказской и Астраханской губерний сохранили самостоятельность, так как Цицианов в годы своего управления (1802–1806 гг.) находился почти исключительно к югу от Большого Кавказского хребта.

[1] Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской Империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Сборник статей / Редакторы-составители Герасимов И.В., Глебов С.В., Каплуновский А.П. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 427–458.
[2] РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. Л. 40–41об.
[3] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXIV. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 229–230.
[4] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. С. 363–364.
[5] Там же. С. 363.

Согласно генеральной карте 1804 г. Кавказская губерния состояла из пяти уездов: Георгиевского, Моздокского, Кизлярского, Александровского и Ставропольского[1]. Южная граница губернии проходила по Кубани и Тереку; северные пределы по рекам Манычу и Куме; на западе Ставропольский уезд упирался в земли Черноморского казачьего войска; на востоке естественной границей служил берег Каспийского моря. В 1818 г. губернию ревизовали сенаторы Б.А. Гермес и Д.Б. Мертваго. Сенаторская ревизия выявила множество пороков в работе губернской администрации. «По приезде в Кавказскую губернию, увидел я не губернию, а хутор… Дела производятся не столько злонамеренно, сколько глупо. Люди все дрянь, и те томятся бедностью и болезнями. Город губернский (Георгиевск – *А. У.*), как нарочно учрежден в таком месте, коего хуже на всем пространстве губернии найти нельзя»[2], - возмущался сенатор Мертваго.

Итогом ревизии стало новое административное переформатирование. В 1827 г. Кавказская губерния была преобразована в Кавказскую область[3]. По административной практике Российской империи область отличалась от губернии сокращенным количеством институтов местного управления, то есть в области могло не быть казенной палаты, палаты государственных имуществ, губернских правлений и т.д. Это означало, что в область назначается меньше чиновников, а найти достаточное количество хороших бюрократов для южной окраины империи было трудно. Областное устройство было компактным и недорогим. Согласно новому административному устройству, Кавказская область расширялась за счет включения земель Черноморского войска, новым губернским городом назначался Ставрополь, главным начальником области оставался грузинский главноуправляющий [4] . При этом, областное управление состояло из начальника области и областного совета. Начальник Кавказской области

[1] Генеральная карта Кавказской губернии, 1804 г. // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.
[2] Мертваго Д. Б. Записки. 1760–1824. М.: Русский архив, 1867. С. 334.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. II. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 107–108.
[4] Там же. С. 108–109; К истории высшего гражданского управления Кавказского края // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 363. Л. 6.

обязательно являлся военным, отвечавшим за безопасность на областной территории. Фактическим руководителем Кавказской области был начальник войск на Кавказской линии.

В начале 1840-х гг. оживились правительственные дискуссии об устройстве Кавказской области. Согласно высочайшему рескрипту кавказскому наместнику от 30 января 1845 г. Воронцову не только подчинялись все присутственные места Закавказского края и Кавказской области, но и предлагалось «по прибытии на место» решить можно ли отменить влияние военного начальника Кавказской линии на управление Кавказской областью, или следует лишь ограничить это влияние «известными пределами» [1] . Эта задача была актуализирована в ходе подготовки административно-территориальной реформы Закавказья 1847 г.[2]. В том же году Кавказская область стала именоваться Ставропольской губернией, но других значимых изменений не произошло. Губернская администрация во главе с гражданским губернатором по-прежнему подчинялась командующему войсками на Кавказской линии, над которым стояла фигура кавказского наместника как главного начальника[3]. Получилась громоздкая и многоступенчатая система[4].

В начале 1853 г. отчасти именно сложная конфигурация управления Ставропольской губернии, предполагавшая принятие решений как минимум тремя должностными лицами (губернатором, командующим войсками на Кавказской линии и наместником) привела к трагическим событиям в имении помещиков Калантаровых Маслов Кут Пятигорского уезда Ставропольской губернии, печальным итогом которых стал самый массовый расстрел восставших крепостных крестьян орудийным огнем[5]. Погибло и

[1] АКАК. Т. X. С. 2.
[2] Всеподданнейший Доклад председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева, 21 сентября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 345. Л. 142–143.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1848. С. 396.
[4] Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь: Государственный архив Ставропольского края, 2008. С. 70–71.
[5] Судавцов Н.Д. Масловокутские бунтовщики // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 83–91.

умерло от полученных ран около двухсот человек. Показательно, что гражданский губернатор А.А. Волоцкой, командующий Кавказской линией Н.С. Завадовский и кавказский наместник М.С. Воронцов не владели полной информацией о масловокутском бунте и не представляли масштабов расстрела[1].

На территории Кавказской области проживали ногайцы, трухмены (туркмены) и калмыки. Эти сообщества вели кочевой образ жизни, но при этом уже с начала XIX столетия несли кордонную службу на Кавказской линии. Российские власти обсуждали необходимость перевода кочевников Предкавказья к оседлости, однако, дефицит сведений о социально-правовом укладе этих сообществ не позволял начать масштабные преобразования. Весной 1846 г. по распоряжению Воронцова была создана специальная Комиссия по обозрению магометанских народов Кавказской области. В нее вошли офицеры, которые были известны как исследователи Кавказа: полковник Г.Д. Петрусевич, открывший в регионе залежи высококачественного литографского камня, а также подполковник Х.Е. Папандопуло, собравший позднее внушительную коллекцию памятников казачьей материальной культуры. Членом этой комиссии был назначен и адъютант кавказского наместника князь М.Б. Лобанов-Ростовский[2].

Задачи комиссии были определены в предписании командующего войсками на Кавказской линии и исправляющего должность начальника Кавказской области генерала Н.С. Завадовского: «… предлагаю вам, объехав магометанские народы, войти в подробности их быта, свойства и порядка отбывания повинностей, разборов по делам, порядка общественных их выборов, действия местных властей, народных и начальственных прав, нужд и недостатков; сообразить потом прилагаемы у сего свод предположений магометанского управления и других лиц и свод степных магометанских обычаев и законов, со всеми местными обстоятельствами и представить мне

[1] Там же.
[2] Письмо кавказского наместника М.С. Воронцова его адъютанту князю М.Б. Лобанову-Ростовскому, 15 апреля 1846 г. // ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

свои замечания: какие из сих предположений могут быт допущены или изменены с действительною пользою, и какие сверх того, признаются нужными по собственному вашему разумению для успешнейшего достижения дела правительства – благоустройства магометан»[1].

Различные проекты преобразования устройства кочевников Кавказской области в это время рассматривались в специальном комитете. Для проверки «основательности» этих административных предложений и была создана Комиссия по обозрению магометанских народов Кавказской области. Кроме того, эта комиссия имела и ревизионную функцию, как было отмечено в предписании-инструкции Завадовского: «При исполнении сего поручения, вы можете встретить жалобы на местное магометанское начальство или обнаружить какие-либо неправильные действия. В таких случаях я разрешаю вас, делать надлежащие дознания, прекращать беспорядки и настоять, чтобы обиженные были немедленно удовлетворены. Разрешаю вас также, если найдете нужным ревизовать приставства и получать от них все сведения в каких будете иметь надобность. О действии по жалобам и беспорядкам, предлагаю доносить мне; в случаях особой важности представлять о наряде формальных следствий и даже об удалении от должностей таких лиц, которые окажутся неблагонадежными. Но защищая обиженных, не оставьте обращать внимание и на несправедливые жалобы, не редко доходившие до начальства, особенно от так называемых народных поверенных, из видов собственной пользы и представить мне заключение о мерах к прекращению напрасных нареканий на начальство»[2]. Таким образом, Воронцов фактически назначил ревизию мусульманского управления Кавказской области.

Уже 1 июня 1846 г. Лобанов-Ростовский отправил Воронцову докладную записку с описанием состояния кочевых сообществ Кавказской области и обзором предлагаемых мер по организации управления. К наиболее существенным мерам следует отнести, во-первых, введение

[1] ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.
[2] Там же. Л. 3.

строгого контроля над выборами родовых старшин и родовых поверенных, во-вторых, замену части повинностей денежными сборами, в-третьих, введение запрет на проведение денежных сборов без ведома приставского управления, в-четвертых, предложение об улучшении материального положения чиновников мусульманского управления [1] . Эти и другие предложения комиссии рассматривались в дальнейшем другими комитетами и комиссиями, регулярно создававшимися для обновления правил управления кочевыми народами Кавказской области (с 1847 г. Ставропольской губернии).

Выводы к 4-й главе. Кавказский наместник возглавил весь региональный правительственный аппарат за исключением VI округа Отдельного корпуса жандармов. Формальное главенство кавказского наместника дополнялось назначениями доверенных Воронцову военных и гражданских чиновников на ключевые должности в местных государственных учреждениях. В 1847 г. один из ближайших сподвижников наместника генерал В.О. Бебутов возглавил Совет Главного управления Закавказским краем. Должности военных губернаторов занимали, в том числе бывшие адъютанты М.С. Воронцова, находившиеся в полной зависимости от кавказского наместника. Необходимо подчеркнуть, что в назначениях на важнейшие административные должности в регионе почти не принимал участие министр внутренних дел. Это было совершенно нетипично для российской административной практики, в привычных рамках которой именно глава МВД оказывал решающее влияние на подбор кандидатур на губернаторские должности. Вразрез с этим административным обычаем и интересами МВД, наместник согласовывал позиции военных губернаторов с императором при посредничестве председателя Кавказского комитета.

Для значительной части высокопоставленных военно-административных чинов Кавказского края наместник являлся не просто

[1] ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13; Записки о Кавказе 1840-х – 1850-х гг. князя М.Б. Лобанова-Ростовского / Сост. С.Е. Павлова. М.: Древлехранилище, 2010. С. 48–49.

формальным начальником, а выступал в роли патрона, с которым их связывали давние отношения, и от которого зависели служебное продвижение и материальное благополучие. Все это несомненно укрепляло политические позиции наместника как в регионе, так и в отношениях с официальным Петербургом.

Глава 5. Взаимодействие с региональными элитами и служилыми корпорациями.

5.1. Кавказское наместничество и региональные элиты.

В процессе присоединения различных территорий Большого Кавказа Российская империя взаимодействовала с разнообразными региональными элитными группами. Северокавказские аристократические группы, многочисленное грузинское дворянство, менее многочисленная, но влиятельная армянская аристократия, а также богатое армянское купечество, мусульманские владетели и верхушка закавказских ханств – вот основные элитные группы Южного Кавказа. Отдельно следует отметить огромное значение, которое имели грузинское и армянское духовенство, а также мусульманские духовные лидеры как институты религиозного авторитета, обладавшие многочисленной и верной паствой, инфраструктурой и финансами.

Социально-правовая интеграция этих групп и институтов проходила различными путями. Неизменным оставалось только то, что все они должны были пройти через процедуры подтверждения своих сословных прав и привилегий, или, как в случае с религиозными институтами, получить место в административной структуре империи, а значит включиться в регулярные системы иерархии и подчинения.

Необходимо отметить, что последовательная инкорпорация закавказских элит началась раньше, чем стартовали сходные по масштабу и содержанию процессы на Северном Кавказе. Это было связано с событиями Кавказской войны, которая долгое время препятствовала установлению на Северном Кавказе гражданского управления. Систематически имперская администрация приступила к разбору сословно-поземельных прав горцев Северного Кавказа только в начале 1860-х гг. Подготовка и проведение

земельной реформы на Северном Кавказе растянулись на десятилетие[1]. Эти преобразования выходят за рамки рассматриваемого в диссертации взаимодействия первого кавказского наместника с региональными сообществами. При этом, история инкорпорации отдельных северокавказских элитных групп берет свое начало в XVI в., когда сформировался институт выезда на службу московскому государю кабардинских князей и узденей[2].

Российские правители смотрели на элиты окраин как на ресурс контроля местной социальной среды. В известной работе Р. Круза убедительно и ярко показано как российское правительство «превратило мусульман в активных участников повседневной работы самодержавной власти, строительства и поддержания империи на местах»[3].

Такой подход соответствовал отношению правительства к элите имперского ядра – русскому поместному дворянству. В правление Николая I, как отметил еще М.А. Полиевктов, вполне оформился взгляд на дворянство «как на сословие государственной службы»[4]. Показательна речь Николая I 26 марта 1848 г. к депутатам петербургского дворянства: «Господа! У меня полиции нет, я ее не люблю: вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит. Если и в моих имениях вы усмотрите притеснения и беспорядки, то убедительно прошу вас, не жалея никого, немедленно мне о том доносить. Будем идти дружною стопою, будем действовать единодушно, и мы будем непобедимы»[5].

---

[1] Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 215–218.

[2] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963; Сокуров В. Черкесский кондотьер Ивана Грозного. Князь Махошоко Каноков // Родина. 2011. № 11. С. 55–58; Казаков А.В. Черкесы на российской государственной и военной службе. Нальчик.: «Эльбрус», 2017. Кожев З.А. Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVI вв. Нальчик: КБНЦ РАН, 2019.

[3] Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 10.

[4] Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: Наука, 2019. С. 239.

[5] Николай I / Сост. В.В. Лапин, Я.А. Гордин. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2023. С. 512.

Именно Николай I регламентирует и систематизирует работу дворянских собраний. Поводом к разработке Положения о дворянских обществах 6 декабря 1831 г.[1] стала неупорядоченность дворянских собраний, которая стала заметна еще в конце царствования Александра I. В уточнении нуждался как порядок выборов в дворянские собрания, так и их функции[2]. Николай I в Манифесте о порядке дворянских собраний подчеркивал, что дворянство являлось «первой подпорой престола» [3] . После определения точных правил работы его собраний русское дворянство, по мысли законодателя, «устремится с новым рвением к исполнению одной из важнейших своих обязанностей, избранию чиновников истинно достойных имени блюстителей общественного порядка и правосудия»[4].

На южной окраине империи подтверждение сословных прав и привилегий местного дворянства и настройка работы его корпоративных институтов долгое время не двигались с места. Это было связано с продолжавшимся военным противостоянием в регионе и недостатком административных ресурсов. Такая ситуация создавала политическое напряжение и грозила потерей управляемости. Одной из приоритетных задач, которую перед первым кавказским наместником М.С. Воронцовым поставил император Николай I в январе 1845 г., была необходимость найти решение проблемы полноценной интеграции региональных элит в общеимперское социально-правовое пространство[5].

Инкорпорация грузинского дворянства растянулась на полстолетия. Записки о николаевской России французского писателя и путешественника Астольфа де Кюстина содержат множество ироничных характеристик о порядках в империи Романовых. Француз изобразил царский двор полным нелепостей, дурновкусия, спеси и плебейства. Но даже на этом фоне выделяется описание некой грузинской царицы, которую де Кюстин встретил

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1832. С. 248–273.
[2] Полиевктов М.А. Николай I. С. 239.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1832. С. 248.
[4] Там же.
[5] АКАК. Т. X. С. 11.

при дворе Николая I: «Несчастная женщина бесславно прозябает при дворе тех, кто отнял у нее корону. Она внушила бы мне глубочайшую жалость, если бы не походила так сильно на восковую фигуру из музея Курция. Лицо у нее обветренное, как у солдата, проведшего жизнь в походах, а наряд смехотворен. Мы слишком охотно смеемся над несчастьем, когда оно предстает перед нами в уродливом виде; став смешным, несчастье теряет право на сострадание. Слыша о плененной царице Грузии, готовишься увидеть красавицу, видишь же нечто противоположное, а ведь сердце человеческое очень скоро делается несправедливым к тому, что не нравится глазам: в этом угасании жалости мало великодушия, но, признаюсь, я не мог сохранять серьезность, заметив на голове у царицы нечто вроде кивера, украшенного весьма своеобразной вуалью; остальной наряд был выдержан в том же духе, что и головной убор, причем если все придворные дамы явились на бал в платьях со шлейфами, то восточная царица надела платье укороченное и расшитое без всякой меры. Одеяние ее было настолько безвкусно, лицо выражало такую смесь скуки и низкопоклонства, черты были настолько безобразны, а манеры настолько неловки, что она вызывала разом и смех, и страх»[1].

Вероятно, речь в этом фрагменте идет о Нино Георгиевне Багратион-Дадиани, дочери последнего грузинского царя Георгия XII и жене владетельного князя Мегрелии Григола Дадиани (1770–1804). Это была сильная и властная женщина, которая правила Мегрелией после смерти мужа и до совершеннолетия старшего сына Левана V Дадиани (1804–1846). Нино Георгиевна вынуждена была покинуть Мегрелию по политическим и семейным соображениям, и была принята при высочайшем дворе. Здесь, как видно из записок де Кюстина, она не смогла полноценно интегрироваться в высший свет, стать своей в кругу петербургской аристократии. Этому мешали как культурная дистанция, так и ее зависимое материальное положение. В судьбе правительницы Мегрелии отразились сложные и

[1] Кюстин А. Россия в 1839 г. Т. I. М.: Издательство Сабашниковых, 1996. С. 186.

противоречивые обстоятельства интеграции грузинского дворянства в социально-политическое и культурное пространство Российской империи.

Особенностью положения грузинской дворянской корпорации являлась его двойственность. С одной стороны, многочисленный грузинский нобилитет выступал одним из основных партнеров имперской администрации на Кавказе. То есть, грузинское дворянство было политически важной частью региональной элиты. С другой стороны, грузинская знать постепенно превращалась в часть общеимперской элиты. Грузины успешно интегрировались в командный состав армии и занимали высокие посты в российской администрации, примерами в этом отношении могут служить Лашкаришвили-Бибилури (Лашкаревы) и Багратионы, среди которых было множество российских генералов, губернаторов и дипломатов. При этом представители двух этих фамилий оказались в России еще до вхождения Восточной Грузии в состав империи Романовых. Потомки имеретинского царя Арчила II (1647–1713) и царя Картли Вахтанга VI (1675–1737) возглавляли грузинскую колонию в Москве. Здесь в 1739 г. родился С.Л. Лашкарев – известный российский дипломат екатерининской эпохи и отец П.С. Лашкарева (генерал, герой войны 1812 г.), С.С. Лашкарева (тайный советник, член Совета министра иностранных дел), Г.С. Лашкарева (генерал, в разное время возглавлял несколько губерний, первоприсутствующий сенатор). Грузинские аристократы, родившиеся в России, входили в имперскую элиту, они стали элементом формирующегося имперского общества. Это наглядно продемонстрировал П.Д. Цицианов (Цицишвили), который в 1802–1806 гг. командовал российскими войсками на Кавказе. В своем ответе на дерзкое послание северокавказских горцев Цицианов заявил: «Вы верно думаете, что я грузинец и вы смеете так писать! Я родился в России, там вырос и душу русскую имею»[1].

Однако, упразднение грузинского царского дома в 1801 г. и переезд его членов в Санкт-Петербург и Москву изменили ситуацию. В российских

[1] Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: «Звезда», 2000. С. 59.

столицах появились грузинские аристократы, которые не собирались терять связь с соотечественниками на Южном Кавказе и статус представителей царского дома. Багратионы продолжали выдавать грамоты на землю и дворянские/княжеские права, то есть вели себя как законные правители. Для грузинской региональной элиты это было особенно актуально в условиях, когда имперская администрация затянула процесс подтверждения сословных прав. Российскому правительству необходимо было решить двуединую задачу: ограничить влияние Багратионов-эмигрантов и интегрировать грузинских князей и дворян в российскую дворянскую корпорацию.

В историографии специально эти вопросы не рассматривались, при этом ряд исследований очерчивают важные контексты. Процесс подтверждения сословных прав грузинского дворянства по опубликованным источникам был рассмотрен Г.М. Давидяном, который пришел к выводу, что имперская администрация стремилась, прежде всего, упорядочить социальные отношения и тем самым обеспечить управляемость регионом[1]. Однако мотивы российских властей были сложнее, что и будет показано ниже.

М.А. Волхонский изучил правительственные меры по социально-экономической поддержке грузинского дворянства в годы правления Александра III (1881–1894) и доказал, что успешность действий региональной администрации все больше зависела от степени их соответствия с общеимперским внутриполитическим курсом[2]. Изучение региональной политики на фоне или в связи с общей государственной политикой представляется перспективной исследовательской оптикой. Здесь будут приведены свидетельства, фиксирующие такую корреляцию и в первой половине – середине XIX в.

[1] Давидян Г.М. Формирование сословий в Грузии в XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 4. С. 41–56.
[2] Волхонский М.А. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 903–918.

Наконец, распространенной оценкой в историографии является тезис об ускоренной интеграции грузинского дворянства в общероссийскую элиту в силу конфессиональной близости, общности православной веры[1]. Это положение не выглядит бесспорным и, как будет показано, мотив единоверия являлся лишь одним из факторов имперской политики в этом вопросе.

В 1783 г. между Восточной Грузией (Картли-Кахетией) и Российской империей был заключен Георгиевский трактат. По этому договору Россия обеспечивала военно-политический протекторат, а картли-кахетинский царь Ираклий II обязывался следовать фарватеру российской внешней политики[2]. Девятый артикул этого договора гарантировал грузинским князьям и дворянам все «преимущества и выгоды» российского благородного сословия[3]. Ираклий II представил списки грузинских князей и дворян, права которых подлежали подтверждению. Всего в них значились 63 княжеские фамилии и 321 дворянская[4]. Российская империя не смогла защитить Картли-Кахетию от разорительного нашествия персидского правителя Ага Мохаммед-хана в 1795 г. Преемник Ираклия II царь Георгий XII стал искать возможность для более тесной интеграции Восточной Грузии в империю Романовых. В 1801 г. Александр I принимает решение о полном включении Картли-Кахетии в состав своей империи. В Манифесте к грузинскому народу от 12 сентября 1801 г. российский император также гарантировал сохранение прав грузинской дворянской корпорации: «каждый пребудет при преимуществах состояния своего, при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно»[5].

Лишь незначительная часть грузинских князей и дворян из списка Ираклия II успела получить признание своих прав. Вскоре процесс

[1] Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 122.
[2] Пайчадзе Г.Г. Георгиевский трактат. Тбилиси: Мецниереба, 1983; Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014.
[3] Под стягом России: Сборник архивных документов. М., Русская книга, 1992. С. 243.
[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 9.
[5] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 783.

подтверждения прав грузинского дворянства был приостановлен. Российская бюрократия разглядела проблему в том, что девятый артикул Георгиевского трактата 1783 г. должен был выполняться в соответствии с нормами Жалованной грамоты дворянству 1785 г., но закон, как известно, не может иметь обратной силы. Поэтому нахождение в списке царя Ираклия II не могло являться достаточным основанием для подтверждения прав и состояния. Стала необходима новая процедура юридической фиксации сословных привилегий. К этому имперские власти подталкивала и активность представителей бывшего картли-кахетинского царского дома. Как уже отмечалось, сыновья Ираклия II и Георгия XII охотно выдавали свидетельства о дворянском происхождении и грамоты на земельные наделы. Грузины, получившие такие документы, частным порядком переводили их на русский язык в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а затем представляли эти бумаги в Герольдию[1].

Царевичи Багратионы формировали патрон-клиентские сети, увеличивали число своих сторонников. Эти ресурсы могли быть использованы ими в борьбе за восстановление власти грузинского царского дома. Идея реставрации родилась в кругу многочисленных наследников Ираклия II и Георгия XII. В 1820 г. лидерами грузинских роялистов в российских столицах стали двоюродные братья Дмитрий Юлонович (внук Ираклия II и сын царевича ЮлонаИраклиевича) и Окропир Георгиевич (внук Ираклия II и сын последнего грузинского царя Георгия XII). Именно они идейно возглавили провалившийся заговор 1832 г., который должен был по замыслу его участников завершиться реставрацией царского дома Багратионов[2].

Антиправительственные замыслы не мешали Дмитрию Юлоновичу и Окропиру Ираклиевичу регулярно обращаться к официальным российским властям с просьбами об увеличении казенного содержания и другой

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 16. Л. 18.
[2] Jones S. Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832 // The Slavonic and East European Review. 1987. Vol. 65, No. 1 (Jan., 1987). P. 53–76.

материальной помощи. В 1822 г. Дмитрий Юлонович просил министра внутренних дел В.П. Кочубея назначить ему отдельное содержание[1]. Просьба была удовлетворена, Дмитрию Юлоновичу назначили содержание в 3050 руб. в год[2]. В 1822–1826 гг. Окропир Ираклиевич получал крупные суммы из казны в беспроцентный заем для постройки каменного дома в Москве[3].

Несмотря на покровительство и поддержку, которые правительство оказывало представителям грузинского царского дома, практика несанкционированной выдачи грамот на дворянство и собственность сильно беспокоила имперские власти. Грузинские царевичи ставили под сомнение суверенитет российской короны, личными пожалованиями производили новое дворянство. При этом такая практика в глазах российской бюрократии была абсолютно незаконной, а выданные царевичами грамоты не могли иметь юридической силы.

Указ Правительствующего Сената от 4 февраля 1820 г. стал результатом сотрудничества правительства и региональной администрации в деле пресечения неконтролируемого производства грузинского дворянства. В этом документе фиксировался порядок подачи и рассмотрения дел по признанию княжеского и дворянского статуса[4]. Прошения и свидетельства о благородном происхождении необходимо было представлять в Грузинское дворянское депутатское собрание, учрежденное в 1818 г. в Тифлисе. Затем списки дворян и князей отправлялись на утверждение в Верховное грузинское правительство, состоявшее из чиновников российской администрации. Финальным актом было представление грузинским главноуправляющим проверенных и утвержденных списков в Герольдию.

Однако в указе Сената не было прямого запрета на выдачу дворянских грамот грузинскими царевичами и, вероятно, подобные прецеденты продолжались. В феврале 1821 г. Комитет министров посвятил отдельное

[1] Мать Дмитрия Юлоновича Саломея Ревазовна получала на воспитание детей ежегодно проценты от капитала Юлона Ираклиевича, сумма которого достигала 120 тыс. руб.
[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 11. Л. 2–10.
[3] РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 4. Л. 1–37.
[4] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXXVII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 45.

заседание этой проблеме. Глава МВД В.П. Кочубей высказал решительный запрет на выдачу дворянских грамот и свидетельств грузинскими царевичам: «Поставлено было в виду и самих членов бывших царских домов, отклонять от себя выдачу кому-либо свидетельств на дворянское происхождение и поставить себе за правило – свидетельств таких никому не выдавать», - отмечено в журнале Комитета министров от 21 февраля 1821 г.[1].

Однако прямой правительственный запрет не остановил грузинских царевичей, которые продолжили выдавать документы на титулы и земли. В качестве примера можно подробнее остановиться на деле князя Евстафия Цицианова. Осенью 1822 г. князь Е.Д. Цицианов обратился к министру внутренних дел В.П. Кочубею с просьбой вернуть имение Доеси в фамильную собственность. По словам князя Цицианова, это имение было пожаловано царем Ираклием II его отцу сардару (военачальнику) князю Давиду Цицианову за успешные действия против князя Захария Цицианова, бежавшего в 1788 г. в Османскую империю. До побега З. Цицианова имение Доеси принадлежало ему. После смерти Д. Цицианова имение отошло в собственность грузинскому царевичу Юлону, который регулярно выплачивал наследникам князя Д. Цицианова доходы с него. В 1804–1805 гг. грузинские царевичи были высланы из Грузии во внутренние губернии империи, а все их имения отошли казне. В 1820 г. дети изменника Захария Цицианова добились присвоения Доеси, что оставило наследников Давида Цицианова без значительной доли материального достатка. «Как из представляемой при сем в переводе грамоты явно видно, что та часть имения отцом моим сардаром князем Цициановым кровью своею выслужена, которую по святым законам у нас отнять нельзя, то всепокорнейшее прошу вас благодетеля, благоволите отнестись к главнокомандующему Грузии (А.П. Ермолову – А.У.), дабы он вошел о сем в рассмотрение и правосудием его как престарелая мать наша

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 16. Л. 19–20.

царевна Мария, так и дети ея не были бы лишены того имения, кровью отца моего выслуженного»[1], - писал Евстафий Цицианов главе МВД.

Свидетельство, которое князь Е. Цицианов прилагал в качестве доказательства к своему письму, было подтверждено грузинскими царевичами, проживавшими в Петербурге – Иоанном Георгиевичем, Багратом Георгиевичем, Луарсабом Юлоновичем и Фарнаозом Ираклиевичем [2] . Кочубей передал это обращение на рассмотрение региональной администрации, которую в это время возглавлял главноуправляющий А.П. Ермолов. В ответе Ермолова зафиксировано явное раздражение и недовольство подобными просьбами: «Князь Евстафий Цицианов никаких основательных доказательств на претендуемое им имение не представил. Ибо грамоты на оные данные от царевичей Юлона и Александра, как неутвержденные царем, не могут иметь никакой силы, а тем менее нельзя принимать в основание свидетельства пребывающих в России грузинских царевичей, из коих Луарсаб даже и родился после составления грамоты, пожалованной царевичем Юлоном. Следовательно, такие свидетельства, не имеют вероятия, служат только поводом к неправильным искательствам, напрасно затрудняют правительство…»[3].

Одновременно с ограничением несанкционированной выдачи дворянских грамот проходил процесс уточнения титулов членов бывших царских домов Картли-Кахетии и Имеретии. В 1812 г. при определении в Пажеский корпус детей имеретинского царевича Георгия Давидовича министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын спрашивал у министра внутренних дел О.П. Козодавлева: «Как именовать детей царевича, просто ли князьями имеретинскими, или имеют они особую фамилию и как именовать также детей грузинских царевичей?»[4]. Ответ, зафиксированный в журнале Комитета министров, определил титулы и фамилии потомков

[1] Там же. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3–4.
[3] Там же. Л. 9.
[4] Там же. Л. 23.

грузинских царских домов: «Детей покойного имеретинского царевича Георгия, определенных в Пажеский корпус, именовать просто: князьями Имеретинскими, а детей царевичей грузинских – князьями Грузинскими»[1]. Это решение должно было свидетельствовать об интеграции Багратионов в российскую аристократию, а также символически лишало их статуса наследников политической традиции независимых царств.

Однако новые имена и титулы Багратионов закрепились за ними не сразу. 12 августа 1819 г. в «Русском инвалиде» был напечатан высочайший приказ о производстве в ротмистры Лейб-гвардии казачьего полка царевича Багратиона. Вскоре выяснилось, что в ротмистры был произведен сын грузинского царевича Иоанна Георгиевича Григорий, которого следовало именовать не царевичем, а лишь князем Грузинским. Временно управлявший в это время министерством внутренних дел А.Н. Голицын поспешил сообщить об ошибке дежурному генералу Главного штаба А.А. Закревскому[2].

Подтверждение прав имеретинского дворянства стало не меньшей проблемой для империи. 25 апреля 1804 г. царь Имеретии Соломон II присягнул на верность императору Александру I и подписал так называемую Элазнаурскую конвенцию. Имеретинский правитель передавал себя и свое царство «в вечное и верное рабство и подданство Российской державе»[3]. В присяжном листе Соломона II были упомянуты только 11 княжеских фамилий, абсолютное большинство благородных имеретинских фамилий не попали в этот документ. Между тем, только упоминание в присяжном листе 1804 г. считалось российской администрацией достаточным основанием для автоматического подтверждения прав и состояний. Остальные знатные имеретинские фамилии должны были представить документальные доказательства своего статуса и ожидать решения в установленном порядке. Имеретинский случай осложняло то, что Соломон II по условиям

[1] Там же. Л. 26.
[2] Там же. Л. 27.
[3] Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803–1806 гг. СПб.: Типография Департамента уделов, 1866. С. 252.

Элазнаурской конвенции сохранил за собой царский титул, а значит и возможность пожалования во дворянство. Ситуация изменилась в 1810 г., когда Имеретинское царство было ликвидировано российской администрацией, а ее территория стала Имеретинской областью. Преобразование стало следствием неудачного восстания под руководством Соломона II, который рассчитывал с помощью Османской империи и наполеоновской Франции ликвидировать российский суверенитет на Южном Кавказе. Соломон II переоценил как свои силы, так и решимость своих союзников, в результате чего был вынужден бежать в Трапезунд, где и умер в 1815 г. Однако, в 1804–1810 гг. он продолжал выдавать грамоты на дворянство и земельную собственность. В 1828 г. российский Сенат признал все эти грамоты недействительными. Сенаторы посчитали, что эти документы не могут иметь юридической силы, так как после заключения Элазнаурской конвенции имеретинский правитель уже не имел полного права владения[1].

Но просто лишить прав состояния имеретинских дворян было для имперской администрации невозможно. Во-первых, многие представители имеретинской элиты служили офицерами в императорской армии и чиновниками в институтах управления. Во-вторых, в прокламации к населению Имеретии от 20 февраля 1810 г. генерал Ф.Ф. Симанович именем императора Александра I обещал, что «имеретинское духовенство, князья, дворяне и народ останутся при всех своих правах, преимуществах и владении своей собственностью»[2].

В том же году в Имеретии провели присягу на верность российскому престолу, и эти присяжные листы позднее были признаны законным основанием для подтверждения сословных прав. Процедура же подтверждения княжеского и дворянского статуса для имеретинской элиты была такой же, как и в отношении картли-кахетинской знати:

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 20.
[2] АКАК. Т. IV. С. 233.

документальные подтверждения необходимо было представить в Грузинское дворянское депутатское собрание и ждать решения властей.

Бюрократическая процедура подтверждения княжеского или дворянского состояния оказалась крайне затруднительной для грузинской знати. Государственная традиция Картли-Кахетии и Имеретии не знала специальных институтов (наподобие российской Герольдии), ведавших делами дворянского сословия, награждениями почетными титулами и выполнявших другие подобные функции. Производство в княжеское и дворянское достоинство на грузинских землях не было никак систематизировано и проводилось произвольно по царскому решению. Многие царские грамоты на княжество или дворянство погибли в огне бесконечных захватов и набегов, которые являлись трагической повседневностью грузинских земель в XVII–XVIII вв. В итоге большей части многочисленного грузинского дворянства просто нечего было предоставить российским властям для подтверждения своих прав.

Такое положение привело к двум последствиям. Во-первых, процесс подтверждения сословных прав грузинской знати затянулся, и это вызывало ропот и недовольство в адрес имперской администрации. Во-вторых, в Тифлисе возникли подпольные лаборатории по производству фальшивых документов на княжеское и дворянское достоинство. В 1830 г. региональная администрация создала особую следственную комиссию, которая проверила около 500 актов, из которых 25 оказались фальшивыми и еще 51 грамота признана «ничтожной», то есть не имеющей законной силы[1]. Эти результаты заставили российское правительство пересмотреть порядок подтверждения прав грузинской знати.

Главное управление Закавказским краем разработало проект нового порядка подтверждения княжеских и дворянских прав. В 1839 г. этот проект был передан на обсуждение и утверждение в Сенат. Согласно проекту, грузинская знать должна была представить доказательства благородного

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 52.

происхождения в Грузинское дворянское депутатское собрание, которое проверяло соответствие представленных документов формальным требованиям и затем передавало списки княжеских и дворянских фамилий с протоколами своих заседаний на утверждение в Совет Главного управления Закавказским краем. После прохождения всех подробных проверок главноуправляющий краем передавал дворянские списки в Герольдию. Изменилась не только процедура подтверждения прав, но и требования к подтверждающим документам. Теперь упоминание фамилии в списке царя Ираклия II было недостаточно для признания княжеских прав, они должны были быть подкреплены соответствующими грамотами. В тоже время, упоминание в присяжном листе Соломона II считалось достаточным для присвоения княжеского достоинства. Дворяне, которые не упоминались в списках Ираклия II и Соломона II обязывались для подтверждения прав получить письменные свидетельства князей и/или дворян своего уезда, уже прошедших процедуру нобилитации[1].

Проект новых правил задержался в Сенате на пять лет. Очевидно, что дело было не только в медлительности российской бюрократии, но и в значении, которое придавалось подтверждению сословных прав правительством и императором Николаем I. Подтверждение сословных прав и состояния населения южной окраины империи считалось основной целью российской политики в регионе. Именно так это было сформулировано в «Наказе Главному управлению Закавказским краем» (1842 г.)[2]. Одним из столпов империи являлись привилегии и права дворянства, поэтому в «Наказе» подчеркивалось значение интеграции населения Кавказа в общероссийскую социальную структуру. Главному управлению Закавказским краем поручалось «определить права и обязанности различных состояний, равно как взаимные отношения их, применяясь к гражданским

[1] Там же.
[2] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842. С. 9.

состояниям империи, но без всякого противодействия вековым понятиям жителей»[1].

Российское дворянство (как и другие дворянские корпорации европейских стран) не только обладало благосостоянием и высоким положением в обществе, но и управляло страной [2]. После введения Учреждения о губерниях 1775 г. дворянская корпорация стала частью государственного аппарата [3]. Дворяне контролировали местные институты самоуправления. К этому необходимо добавить и роль дворян-помещиков как «даровых полицмейстеров» по известным словам Николая I [4]. Принадлежность к дворянской корпорации в полиэтнической империи было неразрывно связано с производством надэтнического (наднационального) самосознания. Все это превращало процесс доказательства благородного происхождения из бюрократической рутины в важнейший политический и символический акт[5].

Сразу после приезда в Тифлис в марте 1845 г. кавказский наместник М.С. Воронцов получил несколько обращений грузинского дворянства с просьбами об утверждении прав на княжеское и дворянское достоинство. «Еще во время проезда моего чрез Имеретинскую область и тотчас по приезде в Тифлис, я получил несколько просьб и записок об утверждении прав на дворянское и княжеское достоинство»[6], - писал Воронцов военному министру и председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву в сентябре 1845 г.

Отметим, что новый порядок подтверждения прав все еще не был введен в действие. В 1844 г. проект сенатского указа был отправлен главноуправляющему Грузии А.И. Нейдгардту (1842–1844).

[1] Там же. С. 10.
[2] Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. С. 23.
[3] Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 121.
[4] Ляшенко Л. Александр II, или история трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 11.
[5] Хёе Х.П. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 152.
[6] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 1.

Главноуправляющий не решился брать на себя ответственность и поручил Грузинскому депутатскому собранию обсудить проектируемые нормы сенатского указа. К приезду М.С. Воронцова обсуждение все еще не закончилось. Воронцов обратил внимание Кавказского комитета на то, что незавершенность процесса нобилитации грузинского дворянства осложняла проведение регулярных дворянских выборов. Хотя именно выборные дворяне могли стать для коронной администрации эффективным подспорьем в условиях недостатка квалифицированных чиновников. В письме к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву от 5 апреля 1846 г. наместник указывал, что последние дворянские выборы проводились на грузинских территориях в 1838 г., а в 1841 г. региональная администрация решила отложить выборы до утверждения порядка доказательства сословных прав в Грузино-Имеретинской губернии[1].

В 1845 г. Воронцов попытался провести новые дворянские выборы в полном соответствии с общим Положением о дворянских обществах 6 декабря 1831 г., но это попытка провалилась. Оказалось, что общеимперское положение необходимо модифицировать и дополнить с учетом местных особенных условий и обстоятельств. Воронцов поручил тифлисскому грузинскому дворянскому собранию немедленно заняться разработкой правил о выборах[2].

Наместник передал обсуждение сенатского указа о подтверждении сословных прав из дворянского собрания в Совет Главного управления Закавказским краем и в дальнейшем лично участвовал в возобновлении интеграции грузинской знати в правовое и социальное пространство империи. Воронцов считал, что грузинская элита являлась основной опорой империи на Кавказе[3].

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 260. Л. 1–2.
[2] Всеподданнейший доклад председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева «О дворянских выборах в Грузии», 24 апреля 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 260. Л. 3–4.
[3] Рахаев Дж. Я. Этнические элиты Закавказья в имперской политике России // Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 112.

Совет Главного управления признал порядок подтверждения сословных прав грузинской знати, описанный в сенатском указе, неудобным для исполнения и предложил другой план. По мнению чиновников региональной администрации, необходимо было создать две специальные комиссии по разбору соответствующих дел – в Тифлисе и Кутаисе. В первой рассматривались бы дела восточногрузинской знати, а во второй имеретинского (западногрузинского) дворянства. В этом предложении угадывается последовавшее в 1846 г. разделение Грузино-Имеретинской губернии на Тифлисскую и Кутаисскую. Предполагалось, что в состав комиссий войдут представители «законной» грузинской знати от каждого из уездов и один чиновник, назначенный наместником.

Система доказательств благородного происхождения расширилась и стала вариативной. Как и ранее в качестве доказательств принимались упоминания в списке Ираклия II и имеретинских присяжных листах 1810 г. Подтвердить княжество/дворянство заявителей могли члены комиссий. Претенденты, неизвестные членам комиссий, обязаны были представить документальные свидетельства. Теперь в расчет принимались не только грамоты на княжество/дворянство, но грамоты на крестьян и имение, а также грамоты на присуждение вознаграждения за кровную обиду. Последнее нуждается в дополнительном пояснении. Дело в том, что в 1703–1709 гг. царь Картли Вахтанг VI кодифицировал грузинские законы – Сборник законов царя Вахтанга являлся основным источником правоприменительной практики грузинских земель в XVIII в. После вхождения грузинских царств и княжеств в пространство Российской империи Законы Вахтанга VI продолжали применяться в гражданском производстве.

Осенью 1845 г. разбором Законов Вахтанга VI занималось II Отделение СЕИВК во главе с Д.Н. Блудовым и, как отмечено в журнале заседаний Кавказского комитета от 22 ноября 1845 г., «отделение рассмотрело в подробности, по каждой статье Вахтанговых законов согласны ли они с духом нашего законодательства и с теперешними местными

обстоятельствами…»[1]. Благодаря этой работе выяснилось, что по Законам Вахтанга VI цена крови простолюдинов и знатных отличалась, таким образом, по объему материального вознаграждения за кровь можно было довольно точно установить социальный статус человека[2].

Как доказательство княжеских прав принимались акты о выдаче царских дочерей в замужество за представителя соответствующей фамилии. Еще одной важной новацией нового порядка подтверждения сословных прав грузинского дворянства стало введение процедуры «местного дознания». В спорных ситуациях, связанных с дефицитом документальных свидетельств, искатель прав мог представить письма дворян и князей своего уезда с подтверждением законности его притязаний. Соответственно, комиссия могла отправить в этот уезд своих членов для проверки подлинности представленных свидетельств[3].

В октябре 1845 г. предложения Совета Главного управления Закавказским краем после их одобрения со стороны наместника поступили на обсуждение в Кавказский комитет. Члены Кавказского комитета в целом поддержали идею создания двух специальных комиссий для разбора дел грузинской знати. Дебатировались только два локальных вопроса: состав комиссий и порядок утверждения результатов их работы. Министр внутренних дел Л.А. Перовский и исполняющий должность министра юстиции В.А. Шереметев сомневались в объективности грузинских дворян из состава комиссий. Главы МВД и МЮ опасались, что комиссии погрязнут в кумовстве и коррупции и предлагали увеличить число русских чиновников в их составе. Предлагалось направить в каждую комиссию по одному чиновнику от МВД и МЮ, которые бы следили за объективностью работы и в случае своего несогласия могли иметь право докладывать об этом главам своих ведомств[4].

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 477.
[2] Законы Вахтанга VI. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 15.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 4.
[4] Там же. С. 40–41.

С критикой этих предложений выступили министр государственных имуществ П.Д. Киселев и главноуправляющий II Отделения императорской канцелярии Д.Н. Блудов, которые указали на то, что подобные доклады чиновников центральных ведомств противоречили принятым в январе 1846 г. «Правилам об отношениях кавказского наместника». В этом документы было указано: «Кавказскому наместнику поручается главный надзор за действиями всех вообще мест и лиц, находящихся в Закавказском крае и Кавказской области, и подчиненных ему к какому бы ведомству они не принадлежали. Сии места и лица, по всем вообще делам, входят с представлениями, установленным порядком, к одному только наместнику»[1]. Д.Н. Блудов предложил назначить в комиссии дополнительно двух чиновников – одного по выбору глав МВД и МЮ и другого по указанию наместника. В случае несогласия с решениями, принятыми большинством членов комиссий, чиновники центральных ведомств имели право приобщить к протоколу заседания свое особое мнение. Эти предложения были приняты Кавказским комитетом.

Вопрос о порядке утверждения дворянских списков, подготовленных комиссией, Кавказский комитет разрешить не смог. П.Д. Киселев полагал, что наместник должен представить списки на высочайшее утверждение через Сенат. Л.А. Перовский настаивал на более детальном рассмотрении итогов работы комиссий в Сенате, а затем и в Государственном совете. Окончательно определение порядка было отложено.

21 марта 1846 г. Кавказский комитет утвердил предложение Совета Главного управления Закавказским краем о создании двух специальных комиссий по разбору дел о дворянских правах, а 30 марта последовал императорский указ об их учреждении. Комиссии создавались как временные на два года с возможностью продления срока их работы на один дополнительный год[2].

[1] Правила об отношениях кавказского наместника. СПб.: Военная типография, 1846. С. 6–7.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 134.

Комиссии приступили к работе только год спустя: Кутаисская открылась 2 марта 1847 г.; Тифлисская начала работу 6 мая 1847 г. Эта пауза потребовалась для определения состава комиссий, разработки инструкции наместника о порядке работы, решения вопросов материального обеспечения членов комиссий. Председателем Кутаисской комиссией был назначен князь Туманов, занимавший должность губернского прокурора в чине надворного советника. Тифлисскую комиссию возглавил князь Г.Е. Эристов, генерал и сенатор Российской империи. Наместник отметил, что Г.Е. Эристов «пользуется общим доверием и уважением всего грузинского дворянства и известен своей опытностью и беспристрастностью» [1]. Оба председателя комиссий представляли имперскую элиту и, вместе с тем, являлись частью сообщества грузинской этнической элиты. Этими назначениями Воронцов подчеркивал свое доверие к грузинскому дворянству.

Для Кутаисской комиссии потребовались дополнительные инструкции, так как ей предстояло кроме дел имеретинской знати рассмотреть и дела гурийского дворянства. О последнем Воронцов написал всеподданнейший рапорт императору Николаю I, в котором отметил, что гурийское дворянство заслуживает равных прав с имеретинским. Наместник считал достаточным для решения этой задачи расширить состав Кутаисской комиссии за счет введения представителей от двух гурийских участков Кутаисской губернии – по два князя и два дворянина [2]. Николай I повелел рассмотреть это предложение Воронцова в Кавказском комитете. Министры не нашли препятствий и полностью согласились с предложениями наместника[3].

Кроме того, определение прав имеретинского и гурийского дворянства оказалось сопряжено с разделом имений князей (тавадов) и дворян (азнауров). Дело в том, что часть западногрузинского дворянства получила земельные наделы и крестьян не от царя, а от князей (тавадов) и находилась в зависимости от последних. Раздел тавадов и их азнауров необходим был не

[1] Там же. Л. 248.
[2] Там же. Л. 171.
[3] Там же. Л. 175.

только для возможности точного определения сословных прав этой группы грузинского дворянства, но и для того, чтобы избавить западногрузинское крестьянство от двойной зависимости, которая, по мнению Воронцова, «препятствовало свободному развитию сельской промышленности и увеличению народного богатства»[1].

Согласно «Правилам для разграничения имущественного права между имеретинскими и гурийскими тавадами и принадлежащими им азнаурами», высочайше утвержденными 7 декабря 1848 г., предполагалось, что раздел имущества и прав на крестьян должен был носить добровольный характер, но в случае конфликтов назначалась посредническая комиссия[2]. Если же, и при посредниках тавад и азнаур не могли согласовать условия раздела, то их «разводом» должна была заняться Кутаисская комиссия, которая в спорных случаях назначала следствие. Это следствие поручалось одному из помощников местного уездного начальства и двум членам комиссии, заслушивающим присяжные показания шести тавадов и шести азнауров, «заслуживающих доверия» [3] . Необходимо отметить, что показания принимались как на русском, так и на грузинском языке, что должно было обеспечить объективный характер расследования. Итогом следствия было решение комиссии о том, «какую часть обязан азнаур из имения своего предоставить в пользу помещика за свое освобождение» [4] . При этом, представители бывших правящих домов в Гурии и Имеретии, то есть Гуриели и Багратионы за освобождение своих азнауров получали половину их имения, «так как они, до введения в сих провинциях русского

[1] Письмо кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 15 февраля 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 199.
[2] Правила для разграничения имущественного права между имеретинскими и гурийскими тавадами и принадлежащими им азнаурами. СПб.: [б.и.], 1848. С. 1.
[3] Там же. С. 2.
[4] Там же. С. 3–4. Были установлены нормы от пятой части по половины имения: «1) Половина азнаурского имения, если предки азнаура вместе с оным были пожалованы предкам тавада, или если имение подарено самим тавадом или его предкам; 2) Третья часть, если неизвестно: с имением ли пожалованы были предки азнаура или без онаго, и если тавад наследственно владеет азнауром; 3) Четвертая часть, если предки азнаура или он сам были пожалованы без имения; 4) Пятая часть, если предки азнаура или сам он приобрели имение, или если оно перешло сему последнему в наследство от лица, таваду не принадлежащего».

правительства, владели азнаурами и их имениями не на общем с тавадами основании, но на правах удельных князей»[1].

Работа по разделу или «разводу» князей (тавадов) и дворян (азнауров) была прямо связана с подтверждением сословных прав. Это усложняло и замедляло работу Кутаисской комиссии, которая ко всему прочему была обязана принимать апелляции от азнауров, недовольных условиями раздела[2].

Грузинские князья и дворяне, занятые в процедуре определения сословных прав своих соотечественников, получали жалованье и квартирные деньги. Члены комиссий работали поочередно по три месяца, при этом единовременно в комиссиях должно было присутствовать не менее половины от общего числа заседателей[3].

Тифлисская и Кутаисская комиссии отчитывались перед наместником, а тот в свою очередь ежемесячно отправлял ведомости «об успехах комиссий» в Кавказский комитет. Общее число дел, поступивших на рассмотрение в комиссии точно оценить затруднительно. Дела поступали на протяжении всего срока работы комиссий, многие из них рассматривались неоднократно. Кроме того, были случаи расширения действия комиссий. Осенью 1847 г. общество осетинских дворян и старшин Нарского участка Осетинского округа подало кавказскому наместнику просьбу рассмотреть в Тифлисской комиссии их документы на дворянство, полученные от грузинских царей[4]. Минимальное количество дел, которое поступило на рассмотрение в каждую комиссию можно определить следующими цифрами: не менее 700 дел о княжеском достоинстве и не менее 8 тысяч дел о дворянском достоинстве[5].

В июне 1849 г. комиссии были закрыты. Нерассмотренными остались несколько десятков дел о дворянских правах, при этом дела о княжеских правах были рассмотрены без остатка. Дворянские списки были разделены на

[1] Там же. С. 4.
[2] Там же. С. 6.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 206–208.
[4] Там же. Л. 369.
[5] Там же. Л. 352–460.

пять категорий. В первую категорию вошли княжеские и дворянские фамилии, права которых комиссии посчитали бесспорными. Вторую категорию составили фамилии, признанные в комиссиях, но не единогласным решением. Третью и четвертую категорию составили дела, рассмотрение которых планировалось продолжить в депутатских собраниях. Наконец, в пятую категорию вошли лица, которым было отказано в правах благородного сословия, по Тифлисской губернии таких насчитывалось 677, а по Кутаисской 668[1].

Наместник опасался затягивания процесса утверждением списков, что было неизбежно в случае их рассмотрения в Сенате, поэтому предлагал передать списки на рассмотрение в Кавказский комитет с участием чиновников, специально прикомандированных от Министерства юстиции и Сената. В письме председателю Кавказского комитета и военному министру А.И. Чернышеву от 11 мая 1850 г. М.С. Воронцов подчеркивал, что залогом объективной работы комиссий является значительно число отказов в признании дворянских прав[2]. Наместник мог контролировать процесс проверки списков в Кавказском комитете благодаря неформальным связям с управляющим делами комитета В.П. Бутковым. Однако Николай I принял другое решение. Император повелел учредить специальную временную комиссию в Петербурге под руководством сенатора Г.П. Митусова. Эта комиссия приступила к работе уже 1 августа 1850 г. и завершила рассмотрение дворянских списков в ноябре того же года.

6 декабря 1850 г. именные посемейные списки грузинских княжеских и дворянских родов были утверждены высочайшим рескриптом на имя кавказского наместника Воронцова. Утверждение списков открыло возможность выборов в местные дворянские депутатские собрания. Дворянство Кутаисской губернии (Западной Грузии) получило такое право впервые. Предводителем дворянства Кутаисской губернии был избран

[1] АКАК. Т. X. С. 49.
[2] Там же. С. 50.

гурийский князь Леван Гуриели [1] . Это событие имело огромное символическое значение. Дело в том, что Имеретия до вхождения в состав Российской империи являлась царством со столицей в Кутаиси, в то время как Гурия имела лишь статус княжества. Имеретинской элите было свойственно пренебрежительное отношение к гурийской знати как второстепенной, уступавшей в знатности. Избрание гурийца в предводители губернского дворянства показывало преодоление региональных этнических иерархий и фиксировало интеграцию грузинского дворянства в общеимперскую аристократическую корпорацию.

Необходимо отметить, что решительные действия властей по завершению процесса нобилитации грузинского дворянства совпали с реформированием 1-го Грузинского пешего полка – отдельного добровольческого военного подразделения, состоявшего из грузин. В мае 1849 г. полк был переименован в Грузинскую дружину, командный состав получил равные права с офицерами регулярных отрядов Кавказского корпуса. Кроме того, дружинники получили казенные форму и вооружение, а раненым назначалась пенсия[2].

В том же 1849 г. для охраны Кахетии, часто подвергавшейся набегам дагестанских горцев, была сформирована Грузинская конная дружина [3] . Вероятно, именно долгожданное решение проблемы подтверждения сословных прав могло способствовать большей лояльности грузин в отношении коронной власти и ее военно-политических целей.

Особым расположением и покровительством Воронцова пользовался грузинский аристократический род Орбелиани. По воспоминаниям крупного чиновника, служившего под началом первого кавказского наместника А.М. Фадеева, Воронцов познакомился с Орбелиани в 1805 г., когда служил на Кавказе под командованием П.Д. Цицианова. Князья Орбелиани были

[1] Там же. С. 878.
[2] Хроника Грузинской дружины // Кавказ. 1853. № 46 (24 июня). С. 202.
[3] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. С. 342–343.

проводниками Воронцова, проезжавшего через Лорийскую степь. Во время этого путешествия Орбелиани убедили Воронцова, в том, что эти земли являются их родовым имением.

В годы наместничества на Кавказе Воронцов предпринял серьезные усилия для формально-юридического закрепления Лори за Орбелиани. Несмотря на все старания наместника, дело затянулось, и Орбелиани не могли вступить во владение[1]. Сменивший Воронцова на посту наместника Н.Н. Муравьев, занялся критическим пересмотром решений своего предшественника. В начале 1856 г. Муравьев заметил очевидные юридические нестыковки в притязаниях Орбелиани на Лори и запросил Кавказский комитет о пересмотре решения [2] . Обращение Муравьева оставалось без движения в Кавказском комитете больше года. Скорее всего, такая нерасторопность Кавказского комитета объясняется вмешательством Воронцова, который в письме Буткову от 14 сентября 1854 г. подробно описывал проблемы Орбелиани с лорийскими имениями[3].

В 1857 г. в Кавказский комитет решил окончательно передать Лори во владение Орбелиани. Ранее об этом Воронцов неформально договорился с новым кавказским наместником А.И. Барятинским на коронации Александра II летом 1856 г.[4].

Одним из фаворитов наместника являлся Макарий Фомич Орбелиани[5], которого в своих письмах и дневнике Воронцов именовал просто Мамука. Современники отмечали храбрость, ум и обходительность воронцовского любимца[6]. Мамука Орбелиани часто сопровождал наместника в регулярных прогулках верхом по Тбилиси и окрестностям[7]. В августе 1853 г. Мамука

[1] Подробнее см.: Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867. М.: Кучково поле, 2017. С. 309–314.
[2] По представлению Наместника Кавказского генерал-адъютанта Муравьева о спорных между казною и князьями Орбельяновыми землях, находящихся в Александропольском уезде Эриванской губернии // РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. Д. 80. Л. 37.
[3] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником М.С. Воронцовым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 25–31.
[4] Фадеев А.М. Воспоминания… С. 313.
[5] Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921). Биографический справочник. Киев: [Б.и.], 2001. С. 129.
[6] Фадеев А.М. Воспоминания… С. 356.
[7] Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова. С 1845 по 1854 г. // Старина и новизна. Кн. V. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. С. 83.

Орбелиани попал в крайне неприятную историю, которая могла грозить ему не только окончанием карьеры, но и потерей родового имущества. В Елизаветпольском уезде, начальником которого являлся Орбелиани, была ограблена почта с крупной казенной суммой. Оказалось, что любимец наместника отправил дорогой груз ночью лишь в сопровождении небольшого конвоя, который с легкостью перебили бандиты. В Кавказский комитет поступил донос на Орбелиани с подробным описанием его служебной халатности. Обсуждался вопрос взыскания всей потерянной суммы в виде секвестра фамильных имений Орбелиани.

Но и здесь Воронцов не оставил Орбелиани без своего высокого покровительства. В письме к бывшему начальнику своей канцелярии и сенатору С.В. Сафонову от 3 августа 1854 г. Воронцов с редкими для него искренностью и эмоциональностью отмечал, что происшествие с Мамукой Орбелиани «задело» его «до глубины сердца» [1]. Воронцов считал, что несправедливое преследование «доброго Мамуки и его милого семейства» вызывает «уныние и печаль всего грузинского дворянства». Воронцов просил Сафонова: «… поговори, не теряя ни минуты с нашим почтенным Владимиром Петровичем (Бутковым – *А.У.*), ты знаешь все, что касается до Мамуки, до его семейственных дел и вообще до грузинского дворянства»[2]. Воронцов добавлял, что в случае успеха, Сафонов «заслужит благодарность не только всех знакомых, но и всей Грузии».

Благодаря покровительству Воронцова Мамука Орбелиани счастливо избежал разорительного взыскания. Первый кавказский наместник не только спасал Орбелиани от неприятностей, но также устраивал их личную жизнь, укреплял родовые матримониальные связи. В феврале 1851 г. большой тифлисской новостью стал брак кутаисского военного губернатора князя А.И. Гагарина с княжной А.Д. Орбелиани (Настенька Орбелиани). По воспоминаниям информированного чиновника администрации наместника

[1] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником М.С. Воронцовым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 22.
[2] Там же.

А.А. Харитонова, семья Настеньки Орбелиани, и она сама отказывали многим женихам в надежде дождаться предложения от настоящего русского князя[1]. Благодаря брачному посредничеству Воронцова Орбелиани вновь получили то, что хотели.

В 1848 г. после десятилетнего перерыва в грузинских губерниях империи состоялись дворянские выборы. Предводителем грузинского дворянства Тифлисской губернии «почти единогласно» был избран генерал Д.Ф. Орбелиани – старший брат Мамуки Орбелиани[2]. По словам современника, «князь Дмитрий Орбелиани во времена Воронцова был губернским предводителем дворянства. Это был почтенный, старый, простой господин, тип старика грузина. Его все любили за его простоту и добродушие»[3].

Орбелиани сохранили свое влияние и при других наместниках. В 1859 г. князь Г.Д. Орбелиани возглавил Совет кавказского наместника А.И. Барятинского и на этом посту с успехом разработал проект земельной реформы на Северном Кавказе, которая проводилась в крае с 1863 г.[4].

В одном из писем к Буткову первый кавказский наместник отмечал, что решение «Лорийского дела» в пользу Орбелиани имело огромное значение: «первая фамилия Грузии будет обеспечена и не будет принуждена, как теперь, обращаться к разорительным займам у армянских капиталистов»[5]. Очевидно, что влиятельные грузинские аристократические фамилии смогли укрепить свое материальное положение. Этому способствовало как покровительство наместника, так и высокое положение их представителей в региональной администрации.

Однако, материальное положение большей части грузинского дворянства было не столь безоблачным. Новый статус требовал

[1] Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская Старина. 1894. Т. LXXXI. Вып. 5. С. 145.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 3 мая 1848 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 260. Л. 8–9.
[3] Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1897. Т. XCII. Вып. 10. С. 444.
[4] Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 217.
[5] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником М.С. Воронцовым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 27.

материальных подтверждений. Это совпало с серьезными изменениями стандартов и уровня потребления, империя принесла на Кавказ новые соблазны. Грузинская элита стремилась соответствовать этим изменениям, зачастую не заботясь о долговременных последствиях собственной финансовой беспечности. Некоторые современники даже упрекали Воронцова в намеренном разорении грузинского дворянства: «Привлекая к себе таким образом всех из бедных слоев населения, от детей до стариков, он вновь использовал систему, лестную и разорительную для высшего слоя общества. Он часто давал у себя вечера и официальные балы, на которые приглашал самые известные и уважаемые семьи. Эти семьи, взамен приглашая к себе наместника, генералов и высокопоставленных чиновников, тратили на это больше, чем могли себе позволить. Так Воронцов своими балами, костюмами и восточной пышностью уничтожил ресурсы грузинского дворянства», - вспоминал Матеуш Гралевский, поляк, служивший в Отдельном Кавказском корпусе в середине XIX в.[1].

И хотя такие влиятельные и богатые дома как Орбелиани, Эристовы, Багратионы-Мухранские и некоторые другие успешно интегрировались в имперскую элиту, основная масса грузинского дворянства мало походила на русских помещиков даже среднего достатка. В этом отношении показательно свидетельство известного мемуариста В.А. Инсарского, служившего в канцелярии кавказского наместника А.И. Барятинского в 1857–1862 гг.: «Здесь, кстати, заметить, что князь Воронцов, бесспорно величайший из администраторов, сочинил на Кавказе одну из самых непонятных вещей. По рассказам, которые я слышал на Кавказе, грузинские цари были люди очень простые. Царствование их отличалось патриархальным преимущественно характером. Так, например, царь, со всем штатом, при нем состоящим, отправлялся к которому-либо из своих подданных и пировал у него несколько дней, потом отправлялся к другому и т. д. Подданные, которых посещал царь, резали для него баранов, варили пилав, поили его вином. При

[1] Гралевский М. Кавказ. Мемуары о двенадцатилетней неволе. Тбилиси: Артануджи, 2023. С. 437.

царе находились различные приближенные, под названием тавадов, азнауров и т. п. Казалось бы, чересчур достаточным самих царей туземных уподобить нашим князьям и только; я видел много так называемых грузинских царевен, да и кто их не видал в Петербурге? Страсть и ужас! Что тут царского? Впрочем, если по каким-либо политическим соображениям нужно было грузинским царям и царевнам сохранить их звание, то Господь с ними! Но совершенно уже непонятно, почему князь Воронцов нашел нужным и справедливым все толпы, при царях находившиеся, произвести в князья и дворяне. От этого произошло, что в Тифлисе что ни шаг, то князь! Я уж не говорю о том, что все департаменты и другие присутственные места набиты князьями; князья попадаются даже между извозчиками. О дворянах и говорить нечего: украсть лошадь или корову для дворянина ничего не стоит, и, кажется, сами грузины плохо понимают значение и достоинство дворянина, как оно понимается в цивилизованном мире. Таким образом, почти одним росчерком пера князь Воронцов превратил значительную часть грузинского населения в князей и дворян, к немалому удивлению, не только моему лично, но и всех старожилов кавказских из числа русских»[1].

Долгую и трудную историю нобилитации грузинского дворянства невозможно свести к «одному росчерку пера», как это сделал В.А. Инсарский, но его свидетельство показывает взгляд современников, согласно которому именно Воронцову грузины были обязаны долгожданному подтверждению сословных прав и привилегий.

Грузинская аристократия не желала расставаться с Воронцовым. В 1853 г., в начале Крымской войны, когда он попросил у императора Николая I отпуск для поправления здоровья, на прием к наместнику пришел князь Г.Е. Эристов, возглавлявший Тифлисскую комиссию по подтверждению дворянских прав, и просил Воронцова остаться. По воспоминаниям В.А. Соллогуба, наместник ответил Эристову, что чувствует себя все хуже и боится умереть. На это старый грузинский князь запальчиво возразил: «Ну,

[1] Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1897. Т. XCII. Вып. 10. С. 443.

так и умри, и умри! Но ты русский солдат и не можешь во время войны оставлять свой пост!»[1].

Необходимо отметить, что российские власти на протяжении первой половины XIX в. проявляли большую лояльность в отношении грузинского дворянства. Это особенно заметно в сравнительной перспективе. Польское восстание 1830–1831 гг. привело к «разбору шляхты» в западных губерниях. В 1840-х гг. в Киеве и Вильне специальными ревизионными комиссиями лжедворянами были признаны свыше 157 тыс. шляхтичей[2]. Грузинский дворянский заговор 1832 г., а затем Гурийское восстание 1841 г. вкупе с популярностью мятежного царевича Александра Ираклиевича среди значительной части грузинского дворянства не привели к серьезному ужесточению политики со стороны официальных властей. Напротив, грузинское дворянство получило привилегированные условия подтверждения своих сословных прав в годы наместничества Воронцова.

Взаимодействие с армянскими элитами. Грузинское дворянство по мере интеграции в имперский социум оказывалось во все более сложном положении. Вслед за российскими административными институтами приходили новые бытовые привычки, стандарты потребления и представления о престиже. Местные аристократы пытались соответствовать новым обстоятельствам и условиям, но при дефиците имеющихся средств, охотно и непродуманно прибегали к займам у армянских купцов, в том числе под залог имений. На этой почве между грузинской аристократией и армянским купечеством возникали конфликты, имевшие место уже в наместничество М.С. Воронцова.

Показательным в этом отношении можно считать запутанный конфликт в Сигнахи, природа которого долгое время оставалась загадкой для коронных властей. Весной–летом 1844 г. жители Сигнахи начали

[1] Воспоминания графа В. А. Сологуба // Исторический вестник. 1886. Т. XXVI. № 11. С. 284.
[2] Трояновский К.В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты Западных губерний в правительственной политике России в первой половине XIX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 57.

забрасывать грузино-имеретинского губернатора и кавказского главноуправляющего жалобами на участкового заседателя князя Абхазова и полицейского комиссара Михайлова[1]. Абхазов обвинялся в притеснениях армянского населения Сигнахи и содействии в злоупотреблениях Михайлова, который, в свою очередь, пропускал армян-торговцев на сигнахский рынок только после получения крупной взятки[2].

Расследование дела затянулось, несколько следователей, назначенных главноуправляющим, по разным причинам отказались от него. Наконец, полковнику Луценко удалось выяснить, что большая часть жалоб является подлогом, за которым стоит группа из семи армянских коммерсантов, недовольных грузинским князем Абхазовым. Предприниматели подделывали просьбы и жалобы жителей Сигнахи, а также доверенности на подачу коллективных жалоб от лица местного населения[3]. Теперь уже армянским коммерсантам грозили суд и тюрьма, их дело должен был рассмотреть Телавский уездный суд.

Сигнахские армяне обратились с несколькими просьбами к М.С. Воронцову, сразу после приезда наместника в Тифлис, а также написали начальнику его канцелярии С.В. Сафонову: «В необходимости нашлись осмелиться припасть к стопам вашего превосходительства как особы ограждающей невинных своей милостью, и просить не оставить нас покровительством своим, впредь до получения от его сиятельства разрешения на просьбы наши, сделать распоряжение приостановить действие уездного суда требованием нас и тем избавить от видимой гибели и разорения»[4]. Воронцов остановил судебное дело и поручил провести новое расследование своему чиновнику особых поручений А.Ф. Крузенштерну.

Крузенштерн в рапорте Сафонову от 2 октября 1845 г. написал, что семеро армян были преданы суду напрасно и являлись совершенно

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
[2] Там же. Л. 6–7.
[3] Там же. Л. 73.
[4] Там же.

невиновными. Истинной причиной беспорядков в Сигнахи стала, по заключению Крузенштерна, взаимная неприязнь грузинского дворянства и армянского купечества: «Абхазов, как грузинский князь, пострадал как почти все собратья его по беспечности своей, от расчетов армян, которые конечно берут огромные проценты, когда дают деньги взаймы без надлежащего обеспечения в уплате. Пользуясь предоставленной ему властью, князь Абхазов, степень образования которого не допускает беспристрастия, всячески мстил армянам и представлял действия их начальству в самом черном виде. Армяне, видя в нем непримиримого врага, начали употреблять все средства, чтобы отделаться от него»[1]. Как известно, Крузенштерн впоследствии сделал успешную карьеру на Кавказе и в 1858 г. занял должность начальника гражданского управления. Его рапорты отличались точностью формулировок и аргументированностью обобщений. По мнению Крузенштерна, случай в Сигнахи следовало считать системной проблемой региона: «Хотя армяне в денежных делах стараются извлекать по возможности большие выгоды и иногда бывают причиной разорения тех лиц, которые нуждаются в их помощи, однако же, было бы несправедливо приписывать это исключительно жадности и корыстолюбию их характера. Причина тому в обстоятельствах края, в недостатке капиталов, отчего и проценты огромны, наконец, в беспечности и в совершенном отсутствии коммерческого ума у грузин, все обстоятельства такие, которыми армяне умеют отлично пользоваться, составляя единственный промышленный и торговый класс в здешнем крае»[2].

Хроническая проблема бедности и, как следствие, задолженности грузинского дворянства впоследствии будет обсуждаться на правительственном уровне. В 1884 г. грузинским дворянам дарованы значительные льготы на погашения долгов, а в 1890 г. в Тифлисе было

[1] Там же. Л. 88–89.
[2] Там же. Л. 89.

открыто отделение Дворянского земельного банка[1]. Поддержка грузинского дворянства мотивировалась социальной солидарностью поместного дворянства всей империи, а также известной верностью грузин престолу Романовых. Последнее было особенно важно на фоне усиливающихся подозрений и фобий правительства относительно преданности армян.

Несмотря на все эти меры, грузинские дворяне продолжали беднеть, а их имения переходили в руки армянских предпринимателей, что считалось региональной имперской администрацией «весьма нежелательным явлением». В 1895 г. главноначальствующий на Кавказе С.Д. Шереметев, описывая бедственное положение грузинской аристократии, фиксировал угрозу «появления пролетариата из высшего сословия, который всегда является громадным бременем, как для общества, так и для государства»[2].

Первый кавказский наместник поддерживал грузинское дворянство, но не отталкивал и армянское купечество. Воронцов понимал, что слишком прямолинейная поддержка близких в конфессиональном и социальном отношениях грузинских аристократов в ущерб интересам армянской деловой элиты может привести к катастрофическим последствиям.

Финансы и коммерция Кавказа почти тотально контролировались армянами, по словам генерала М.Я. Ольшевского, служившего на южной окраине империи в 1840-х–1860-х гг.: «Главные богачи и хозяева Тифлиса – армяне; в их руках сосредотачивается вся торговля» [3] . Армянские коммерсанты разбогатели на государственных подрядах. Именно армяне снабжали Отдельный Кавказский корпус провиантом, строили в Тифлисе и других крупных городах Закавказья общественные здания и даже взымали налоги, получив подряд от государства[4].

[1] См. подробнее: Волхонский М.А. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 903–918.
[2] Всеподданнейшая записка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе С.Д. Шереметева, 20 декабря 1895 г. // ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
[3] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866. СПб.: «Звезда», 2003. С. 296.
[4] Дадаян Х. Торгово-экономическое присутствие армян в Тифлисе (позднее средневековья – 1918 г.) // 21-й век. 2009. № 3. С. 84–85.

В 1846 г. армянский купец и почетный гражданин Тифлиса Г.И. Тамамшев при поддержке М.С. Воронцова получил четырехлетний контракт на поставки вина и водки в Отдельный Кавказский корпус[1]. В следующем году купец Тамамшев начал строительство караван-сарая в центре Тифлиса на Эриванской площади, в котором расположились театр и торговые павильоны.

По данным «Кавказского календаря», в Тифлисе в 1847 г. всего насчитывалось 1926 ремесленников, из которых 1448 были армянами[2]. Тифлис в XIX – начале XX вв. был городом имперской бюрократии и армянского капитала. Совершенно неслучайно выдающийся грузинский просветитель, известный как «Отец Отечества» И.Г. Чавчавадзе (1837–1907) признавался: «Не тянет меня в Тифлис, не тянет – не лежит у меня сердце к родному городу»[3].

Именно армянские предприниматели вложили огромные суммы в развитие Тифлиса в середине XIX в. За короткий срок из небольшого города, на котором лежала тяжелая печать многочисленных разорений, Тифлис превратился в настоящую столицу с мощеными улицами, общественными зданиями, разнообразной развлекательной инфраструктурой и магазинами. Сердцем нового Тифлиса стал Головинский проспект - «вымощенный каменными плитами с аллеями из душистой белой акации, освещенный газовыми фонарями, этот проспект был одним из главных мест гулянья и отдыха горожан»[4]. Гости столицы Кавказского наместничества часто сравнивали Головинский проспект Тифлиса с Невским проспектом Петербурга[5].

Среди армянских коммерсантов наибольшей доверенностью Воронцова пользовались Иван Мирзоев, Овсеп Мириманянц (Мириманов) и Вардан

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Ч. 2. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1850. С. 238.
[2] Кавказский календарь на 1847 год. Тифлис: Типография наместника кавказского, 1846. С. 163.
[3] Вардосанидзе В. Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии «двуликого Януса» // Города империи в годы Великой войны и революции / Сборник статей под ред. А.И. Миллера, Д. Черного. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 414.
[4] Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М., 1990. С. 96.
[5] См. например: Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866. С. 190.

Аршакуни. Этих предпринимателей кавказский наместник регулярно представлял к наградам и почетным званиям в Кавказский комитет, не скупясь на подробные описания их вклада в развитие региона. В письме к управляющему делами Кавказского комитета Буткову от 6 октября 1852 г. кавказский наместник настойчиво просил сделать все возможное для награждения Мирзоева орденом Св. Анны 2-ой степени: «Я убедительно прошу ваше превосходительство не отказать доставить просимую мною для него награду»[1]. При этом, Мирзоев уже несколько лет носил орден Св. Станислава 4-ой степени, также полученный при покровительстве наместника. В послании кавказского наместника к Чернышеву подробно описаны заслуги армянского коммерсанта: «Во время семилетнего моего управления Кавказом, я находил всегда в Мирзоеве не только человека готового содействовать правительству всякий раз, когда я к нему обращаюсь, но еще и человека, полезного своими советами, устраняющего собственную личность и всегда готового помогать мне для интересов казны… Кто бы не был на моем месте, я или другой, необходимо всегда будет обращаться к советам Мирзоева и к его весу в общественном мнении»[2].

Иван Мирзоев в схожем ключе упоминается и в инструкции, которую Воронцов составил для генерала Н.А. Реада в начале 1854 г., когда отправился в продолжительный отпуск для «поправления здоровья». «Между армянами торговцами есть лица, которые заслуживают особенного внимания, как-то почетные граждане Аршакуни и Мириманов, содержащие с выгодою и для себя, и для правительства огромный рыбный откуп в Сальянах, здешний голова Свешников[3] и, в особенности, губернский секретарь и дворянин Иван Мирзоев, человек опытный, усердный и всегда готовый, как можно с меньшою для себя выгодой, быть полезным правительству. <…> Вообще я могу вам рекомендовать его, как человека верного и полезного во всех

[1] Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником М.С. Воронцовым // РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 12.
[2] Там же. Л. 15–16.
[3] Свечников Аветик Богданович – избран городским головой Тифлиса осенью 1853 г. и занимал эту должность до 1856 г. См.: Карапетян С. Мэры Тифлиса. Ереван: Издательство «Гитутюн», 2003. С. 46–47.

отношениях, он из здешних жителей более всех имеет знакомство и кредит в Москве»[1].

Надо заметить, что не только Мирзоев среди армянских коммерсантов имел связи в Москве. В 1847 г. купцы Никита Шах-Мурадьянц и Макар Гулиянц открыли в Тифлисе Коммерческий дом: «Обязанности этого дома состоят в том, чтобы за самую умеренную плату исполнять комиссии корреспондентов, как-то отправлять шелк и разные товары в Москву, или продавать в Тифлисе, делать переводы сумм, покупать и отправлять товары, получать и продавать их»[2]. В руках армянского купечества находились финансово-экономические и торговые связи Закавказья с остальной империей.

Воронцов поддерживал взаимовыгодные отношения и с духовными лидерами Кавказского края. Как известно, независимость Грузинской православной церкви была ликвидирована еще в 1811 г. и место грузинских патриархов-католикосов заняли экзархи, назначаемые Синодом из числа русских иерархов[3]. Самостоятельный же статус Армянской церкви во главе с католикосом всех армян был сохранен. В историографии принято отсчитывать историю регулярного взаимодействия армянского католикоса и империи Романовых с 1828 г., когда Эчмиадзин – армянский духовный центр и местопребывание главы армянской апостольской церкви – перешел под российский контроль в результате Русско-персидской войны 1826–1828 гг. Однако, армянский католикос стал участником имперских внутриполитических процессов еще в 1801 г. В начале XIX в. за эчмиадзинский престол боролись два кандидата – настоятель Эчмиадзинского монастыря Давид и Константинопольский архиепископ Армянской церкви Даниил. За первым стояли персидские армяне и вассал

[1] АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 97–98.
[2] Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1851. С. 190.
[3] Подробнее см.: Рыбаков А.Л. В «области кесаря» проблемы статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века) // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия с истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 274–315.

шаха правитель Эриванского ханства Мухаммед-хан Каджар. Второй являлся кандидатурой османских армян и султана Селима III[1].

Руководил действиями российских властей в регулировании армянских внутрицерковных противоречий главноуправляющий в Грузии и командующий российскими войсками в регионе генерал П.Д. Цицианов (1802–1806). Он получил лишь общие инструкции от императора Александра I в двух рескриптах от 8 и 26 сентября 1802 г. и действовал во многом самостоятельно. О широте политического маневра П.Д. Цицианова можно судить по тексту императорского рескрипта: «Относительно патриарха сего (армянского католикоса Даниила I – А.У.) нужно будет на месте исследовать о всех обстоятельствах разделения, так сказать, всей нации армянской между партией его и патриарха Давида, соперника его. Вскоре по вступлении моем на престол, первый признан мною в сане его и по предложению моему признан также и Портой Оттоманской, на основании том, что по избранию его при блаженной памяти императоре, родителе моем, Порта по желанию его согласилась дать берат (инвеститурная грамота османского султана – А.У.) патриарху Иосифу, ЕИВ угодному, но как смерть постигла патриарха сего, то во взаимство поведения поспешил и я признать Даниила. Поступя на меру сию, неудобным признаю какую либо сделать тут отмену, а потому и поручаю вам покровительствовать упомянутого патриарха, почитая меру сию приличною к сохранению должного почтения к державе, постановлению сему споспешествовавшей; но ежели бы паче чаяния нашли вы, что патриарх Даниил действительно, как соперники его представляют, нации армянской неприятен и что удержание его на престоле Эчмиадзинском важные неудобства для края того произвести может, то я ожидать буду от вас обстоятельного извещения и купно с ними усмотрений ваших, каким образом с достоинством империи иной порядок вещей установлен там быть может»[2].

[1] Riegg S. Russia’s Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca: Cornell University Press, 2020. P. 45.
[2] АКАК. Т. II. Тифлис, 1868. С. 8–9.

П.Д. Цицианов не стал идти против выбора императора Александра I и вскоре всеми силами поддерживал притязания Даниила. По словам П.Д. Цицианова из всеподданнейшего рапорта Александру I: «По собрании достоверных сведений приемлю смелость уверительно донести В.И.В., что народ армянский в Грузии более предан к патриарху Даниилу, нежели ко лже-патриарху Давиду»[1]. Здесь важно, что именно мнение грузинских армян являлось решающим аргументом для определения политических действий Российской империи. Грузинская аристократия выражала недовольство ликвидацией символов политического суверенитета и депортацией членов царской семьи Багратионов. Поддержка тифлисских армян в этих условиях приобретала для местной российской администрации все большее значение.

Благодаря покровительству П.Д. Цицианова, а затем его преемника на посту главы региональной российской администрации И.В. Гудовича Даниилу удалось занять эчмиадзинский престол в 1807 г. Главноуправляющий в Грузии продолжал фактически единолично регулировать отношения с армянским католикосом и в последующие годы. Министерство иностранных дел, созданное в 1802 г., выполняло функцию передатчика информации между императором Александром I и российской администрацией на Кавказе. В письме товарища министра иностранных дел А.Н. Салтыкова к И.В. Гудовичу от 29 января 1809 г. подчеркивалось, что правительственная политика в отношении выбора католикоса основана, прежде всего, на «общем желании армянского народа». При этом, А.Н. Салтыков отмечал, что И.В. Гудовичу «лучше известно положение всех обстоятельств тамошнего края»[2]. Этот тезис, артикулируемый в начале XIX в. со стороны центральных ведомств, впоследствии станет одним из главных риторических приемов начальников региональной администрации в борьбе с увеличивающимся контролем петербургской бюрократии.

[1] Там же. С. 274.
[2] АКАК. Т. III. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1869. С. 81.

Центральные ведомства Российской империи продолжали играть роль посредников между императором и главноуправляющими в Грузии в политических взаимоотношениях с армянскими католикосами до 1828 г., то есть до присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств (Восточной Армении). Туркманчайский мирный договор (10 февраля 1828 г.) завершил Русско-персидскую войну 1826–1828 гг. и среди прочего зафиксировал переход Эчмиадзина, находившегося на территории Эриванского ханства, под юрисдикцию Российской империи[1]. Если ранее армянские католикосы опасались отправляться в Эчмиадзин из-за угрозы персидского плена[2], а российские власти не могли вполне рассчитывать на лояльность главы армянской церкви, находившегося на территории государства-конкурента за влияние на Кавказе, то теперь ситуация кардинально поменялась.

Во-первых, как справедливо отметил П. Верт, с 1828 г. армянский католикос оказался под контролем Российской империи, государства, которое для Османской империи и Персии являлось главным противником. Следовательно, крупные армянские общины в этих мусульманских державах «опасались слишком открыто признавать свою духовную подчиненность Эчмиадзину»[3]. Подобное признание могло навлечь на них гонения и репрессии. Обособление армянских общин, проживавших в разных государствах, стало еще более очевидным на фоне войн Российской империи с османами и персами в 1826–1829 гг. Во-вторых, не менее значимым последствием присоединения к России исторической Восточной Армении с Эчмиадзином стала интеграция армянского католикоса и возглавляемой им церкви в политические структуры империи. Если до 1828 г. армянский католикос был связан с российской внутренней политикой лишь тонкой нитью отношений с грузинскими главноуправляющими, то после – вся

[1] Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 215.
[2] АКАК. Т. IV. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского 1870. С. 171.
[3] Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 181.

Армянская церковь должна была стать продолжением имперских административных структур.

Первым эту идею сформулировал И.Ф. Паскевич, возглавлявший российскую администрацию на Кавказе в 1827–1831 гг. В письме к начальнику Главного управления духовных дел иностранных исповеданий Д.Н. Блудову от 16 ноября 1828 г. И.Ф. Паскевич указал на междоусобицы армянского духовенства и слабую общую управляемость Армянской церкви. В практическом отношении он предлагал «заняться теперь же составлением положительных правил вообще для главного управления Армянской церковью, определив в точности, в чем состоять должны власть патриарха, Синода и епархиальных епископов, и назначив пределы сей власти»[1]. И.Ф. Паскевич призывал Д.Н. Блудова не откладывать включение Армянской церкви в имперские структуры и отдельно отмечал, что это лучше всего сделать при лояльном католикосе Ефреме I (1810–1830). Грузинский главноуправляющий предупреждал, что строптивый и самостоятельный католикос может стать большим препятствием к проведению административной реформы Армянской церкви. Под большим подозрением И.Ф. Паскевича находился архиепископ Нерсес (Аштаракеци), который имел большую и сплоченную группу сторонников. В итоге И.Ф. Паскевичу удалось отправить Нерсеса в Бессарабию, где тот возглавил местную армянскую епархию. Однако, спустя пятнадцать лет в 1843 г., когда сам И.Ф. Паскевич был уже наместником в Польше, архиепископа Нерсеса избрали католикосом Армянской апостольской церкви.

Предложение И.Ф. Паскевича о разработке специального законодательства по интеграции Армянской церкви в российскую систему было принято императором Николаем I. Ключевую роль в определении порядка выбора католикоса, его утверждения и общей модели управления Армянской церковью играли Главное управление духовных дел иностранных исповеданий во главе с Д.Н. Блудовым и Министерство иностранных дел,

[1] АКАК. Т. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. С. 262.

возглавляемое К.В. Нессельроде. Ими были составлены общие принципы интеграции Армянской церкви, которые расширял и дополнял специально созданный И.Ф. Паскевичем в Тифлисе Комитет об устройстве управления делами Армянской церкви. В его состав вошли: начальник Армянской области генерал В.О. Бебутов, архимандрит Армянской церкви Серафим, профессор Сирбид, а также как управляющий делами комитета коллежский асессор Очкин[1]. Этот комитет уже в марте 1830 г. представил «Проект устройства управления духовными делами армян в России»[2].

В дальнейшем проект дорабатывался на протяжении еще нескольких лет. Итогом такой продолжительной работы (1829–1836) по изучению и кодификации установлений Армянской церкви стало «Положение об управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России» от 11 марта 1836 г.[3]. Необходимо отметить, что разработка «Положения» проходила параллельно с правительственными усилиями по интеграции греко-католиков западных и юго-западных окраин Российской империи. Император Николай I придерживался принципа единого государственного пространства и был последовательным противником политических и правовых автономий. В духе этой политики реализовывались и проекты по интеграции различных не православных конфессиональных институтов в имперские структуры. В 1839 гг. Николаю I удалось ликвидировать Брестскую церковную унию, которая была официально отвергнута на Полоцком соборе униатского духовенства. Униаты (более 1,5 млн чел.) перешли в управление ведомства православного исповедания[4]. В этом контексте следует рассматривать и новые правила по управлению Армянской церковью.

Согласно «Положению», выборы католикоса проходили по многоступенчатой системе. Каждая епархия армянской церкви избирала двух

---

[1] Там же. С. 283.
[2] Там же. С. 285.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XI. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1837. С. 194–209.
[4] Романчук А.А. Предпосылки упразднения Унии в Российской империи в 1839 г. // Труды Минской духовной академии. 2017. С. 246–247 // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-uprazdneniya-unii-v-rossiyskoy-imperii-v-1839-g/viewer (Дата обращения: 03.08.2025).

депутатов (духовного и светского), которые отправлялись в Эчмиадзин. Надо отметить, что внутри Российской империи были выделены шесть армянских епархий: Нахичеванская и Бессарабская, Астраханская, Эриванская, Грузинская, Карабахская и Ширванская[1]. В то время как турецких епархий насчитывалось 45. Это давало турецким армянам полный и решительный перевес на выборах католикоса, в сумме они имели 90 голосов из 115[2]. Такой расклад повлиял на избрание нового католикоса в 1858 г., когда в выборах впервые активное участие принимали представители турецких армян.

Депутаты от епархий совместно с эчмиадзинской духовной администрацией и местными монахами сначала избирали четырех кандидатов на патриарший престол. Затем, в ходе второго этапа голосования из четырех избирались два кандидата. Именно эти две кандидатуры представлялись собранием российскому императору через главу кавказской администрации и Министерство внутренних дел. Самодержец назначал католикоса из двух представленных претендентов. После избрания католикос должен был присягнуть на верность престолу Романовых. Такая процедура ставила главу армянской церкви в подчиненное зависимое положение. В «Положении» были зафиксированы и другие ограничения прав католикоса. Так, в случае если католикос намеревался покинуть Эчмиадзин более чем на четыре месяца, то он был обязан просить на это разрешение российского императора через Министерство внутренних дел.

Центральный институт администрации Армянской церкви – Эчмиадзинский синод – формировался католикосом совместно с коронной администрацией. Глава церкви представлял царю через грузинского главноуправляющего и МВД для утверждения по две кандидатуры на каждое место. Новые монастыри, церкви и семинарии могли быть открыты исключительно с санкции местной имперской администрации и МВД. Учебные планы, а также внутренний распорядок армянских духовных

[1] Не все из них находились на Кавказе. Нахичеванская и Бессарабская, а также Астраханская епархии не подчинялись кавказской администрации как находившиеся за пределами Кавказского края.
[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 80. Л. 3.

семинарий проходили обязательную процедуру утверждения в имперских административных институтах. Все эти многочисленные бюрократические путы должны были обеспечить лояльность армянского католикоса, за которой пристально следили региональные начальники и МВД.

«Положение» 1836 г. ставило армянского католикоса и его церковь в тройное подчинение: на региональном уровне – от Главноуправляющего в Грузии; на общеимперском – от МВД и, наконец, на высшем – от российского императора. В практическом отношении управление, контроль и надзор за Армянской церковью совместно осуществляли грузинский главноуправляющий и директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД[1]. Еще одно заинтересованное ведомство – Министерство иностранных дел – в 1830-е – 1840-е гг. прилагало усилия по восстановлению духовного авторитета Эчмиадзина в армянских общинах Османской империи. Российскому посольству в Стамбуле в 1836 г. удалось добиться от армянского константинопольского патриарха Иосифа признания первенства эчмиадзинского престола, который поминался в армянских церквях Османской империи, но без упоминания имени армянских католикосов[2]. Два центральных российских ведомства полностью контролировали переписку армянского католикоса с константинопольским патриархом и турецкими армянами. Сильный имперский контроль вкупе со слабой связью католикоса и заграничных армян делали проблематичным использование главы Армянской церкви как фактора дипломатической борьбы за влияние на Востоке.

В середине XIX в. стало очевидно, что католикос, избранный при участии турецких армян, будет значительно эффективнее во внешнеполитической борьбе, чем исключительно «российский» католикос. Начал обсуждаться и еще один принципиальный вопрос о подданстве католикоса – должен ли главой Армянской церкви быть только подданный

[1] В 1832 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий в составе Министерства внутренних дел Российской империи.
[2] АКАК. Т. VIII. С. 298.

российского императора? Решение этих вопросов во многом определяло влияние различных имперских ведомств в системе управления Армянской церковью. Участие в выборах католикоса заграничных армян и допуск к ним кандидатур из армянских епархий Османской империи вели к повышению роли Министерства иностранных дел. В то время как выборы католикоса только российского масштаба выводили на первый план местную кавказскую администрацию и МВД. При такой конфигурации МИД продолжал продвигать влияние «российского» католикоса среди армян Османской империи без всяких перспектив достичь хоть сколь-нибудь заметного успеха.

Система межведомственного управления Армянской церковью, установленная «Положением» 1836 г., была фактически разрушена после учреждения института кавказского наместника и закреплением за ним широчайших служебных прав и привилегий в 1844–1846 гг.

М.С. Воронцов выстроил открытые, едва ли не дружеские отношения с католикосом Нерсесом V, который, еще будучи архиепископом, так нервировал И.Ф. Паскевича. Нерсес V с большим почтением и радушием встречал наместника и его жену Е.К. Воронцову в Эчмиадзине, а также организовал пышный прием 6–7 октября 1850 г. цесаревичу Александру Николаевичу. Католикос даже выписал московского повара для организации питания наследника и его свиты [1]. Воронцов не оставался в долгу и благожелательно встречал просьбы католикоса и армянского духовенства. Так, летом 1845 г. наместник ходатайствовал к председателю Кавказского комитета и военному министру А.И. Чернышеву о возобновлении каменной армянской церкви в Нухе[2]. В отчете об управлении Кавказом за 1846–1848 гг. Воронцов писал: «Назначение патриархом всех армян Нерсеса имело самое полезное влияние на устройство Армянской церкви и привидение дел ее в порядок» [3]. Наместник хорошо осознавал внешнеполитическое значение

[1] Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V-й и князь Михаил Семенович и княгиня Елизавета Ксавериевна Воронцовы, в их частной переписке. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1898. С. 40–41.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 825. Л. 1–3.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 22. Л. 64; АКАК. Т. X. С. 857.

армянского католикоса. В том же отчете Воронцов с оптимизмом отзывался о планах Нерсеса V открыть в Эчмиадзине Духовную армянскую семинарию: «Это учреждение будет иметь весьма выгодные последствия, как собственно для армянского духовенства, так и в политическом отношении, ибо нет сомнения, что армяне из Константинополя, Индии и других мест Востока будут присылать в Эчмиадзин для образования своих детей» [1]. Однако, реализовать эту задумку Нерсесу V не удалось. Влиятельный духовный армянский образовательный центр в пределах Российской империи появился только в 1858 г. в Феодосии, где было открыто Халибовское армянское училище.

Воронцов поощрял культурно-просветительские инициативы армянского духовенства. В 1846 г. к наместнику обратился настоятель Нарошенской церкви в Тифлисе и инспектор городской армянской народно-духовной семинарии Г.С. Патканов с просьбой об издании литературной газеты на армянском языке «Арарат». Патканов планировал издавать газету на собственные средства, однако, дать ход этому делу Воронцов смог только в 1849 г., когда на Кавказе с открытием учебного округа в Тифлисе заработал цензурный комитет[2].

Против нового издания решительно выступил министр народного просвещения С.С. Уваров, который считал, что в «Арарате» будут печататься, в том числе политические статьи. Кроме того, С.С. Уваров указывал на императорское повеление от 7 февраля 1832 г., по которому было «воспрещено дозволять какие-либо новые повременные издания, без особого высочайшего разрешения, и, при испрашивании такого разрешения, повелено представлять его императорскому величеству подробное изложение предметов, долженствующих входить в состав предполагаемого издания и обстоятельные сведения об издателе»[3].

---

[1] АКАК. Т. X. С. 857.

[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 14 июля 1849 // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.

[3] Мнение министра народного просвещения С.С. Уварова на издание газеты «Арарат» // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266. Л. 3.

Кавказский комитет встал на сторону наместника и армянского священника Патканова, в журнале комитета от 20 сентября 1849 г. зафиксировано следующее решение: «Комитет, усматривая из доставленных наместником кавказским сведений, что политические статьи в газете “Арарат” будут перепечатываемы из газет, издаваемых в России, и что прочие статьи оной газеты будут состоять из местных сведений и известий о торговле, не встречает препятствий к изданию оной, а потому и полагает дозволить священнику Патканову издавать в Тифлисе газету на армянском языке, под названием “Арарат”»[1].

Газета «Арарат» издавалась в Тифлисе до последовавшего в 1852 г. отъезда армянского священника Патканова в Нахичевань-на-Дону. Отметим, что здесь его судьба сложилась тяжело. Патканов активно включился в местную общественную деятельность, примкнув к одной из двух враждовавших между собой армянских партий. В итоге священник стал жертвой клеветы, его лишили сана и отправили в ссылку. Добиться реабилитации Патканову удалось только десять лет спустя[2].

Воронцов поддерживал партнерские отношения и с общиной армян-католиков. Это особая религиозная группа, возникшая в результате унии, согласно которой часть армянского населения признала верховный духовный авторитет Папы Римского, но сохранила обряды, принятые Армянской апостольской церковью. Армяне-католики появились на территории Российского государства в XVIII в., первоначально в городах Северного Кавказа – Моздоке и Кизляре. Сюда они переселились из Османской империи и Персии во второй четверти XVIII столетия, а затем новая волна переселенцев прибыла из Крыма после присоединения полуострова в 1783 г.[3].

[1] Выписка из журнала Кавказского комитета, 20 сентября 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266. Л. 4.
[2] Веселовский Н. Керопэ Петрович Патканов (1833–1889) // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1891. Т. V. Вып. II–IV. С. 247–248.
[3] Амбарцумов И.В. Армяно-католический вопрос в Российской империи в начале XX в. // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 85–86.

Армяне-католики поддержали Россию в войнах с Османской империей и Персией в 1826–1829 гг., на этом фоне между Петербургом и Римом установились прочные дипломатические связи [1] . Армяно-католическая епархия возникла в Российской империи в 1839 г. и включала территорию Закавказья. В 1844 г. управляющим всеми армяно-католическими приходами Закавказья был назначен архимандрит П. Шагулов из Ахалциха. Духовный лидер армян-католиков Закавказья не владел русским языком, поэтому его взаимодействие с коронными властями было сильно затруднено. Летом 1845 г. при участии Воронцова к Шагулову назначили специального письмоводителя-переводчика, владевшего русским и армянским языками[2].

Кавказские наместники продолжали играть определяющую роль в процессе интеграции Армянской церкви в государственное пространство Российской империи на протяжении 1850-х–1860-х гг. По инициативе кавказского наместника А.И. Барятинского (1856–1862) выборы армянского католикоса в 1858 г. прошли при личном участии двух делегатов от армян Османской империи, а католикосом был избран константинопольский патриарх Маттеос. А.И. Барятинский рассчитывал преодолеть разрыв между российскими и турецкими армянами, возникший после Крымской войны 1853–1856 гг., но ни Маттеос I (1858–1866), ни его преемник Геворг IV (1866–1882) так и не стали продолжением имперских внутри- и внешнеполитических институтов. Как отметил А.П. Николаи в «Записке о выборах армянского католикоса» (1883 г.), оба католикоса стремились «придать патриаршеской власти характер не только высшего духовного, но и светско-национального главенства над армянской нацией, при возможно полной независимости от нашего правительства»[3].

Преемникам Воронцова не удалось поддерживать добрые отношения с армянскими католикосами, в отношениях российского правительства и

[1] Korten C. Private Partners: Cooperation between Russia and Rome in the Crisis of the Armenian Catholic Church, 1827–1830 // The Slavonic and East European Review. 2014. Vol. 92. № 4. P. 653–673.
[2] Журнал Кавказского комитета, 22 июня 1845 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 126.
[3] РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 80. Л. 8.

Эчмиадзина накапливались взаимное недовольство и претензии. Армянские католикосы тяготились опекой имперской администрации, а российское правительство негативно воспринимало дефицит лояльности со стороны Эчмиадзина.

Неудачной попыткой разрешить многочисленные противоречия стала секуляризация имущества Армянской церкви в 1903 г., которая едва не привела к полному разрыву отношений империи и католикоса Мкртича I. Относительная нормализация была достигнута только в 1905 г. стараниями нового кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова, убедившего императора Николая II в необходимости отменить секуляризацию имущества Армянской церкви.

Среди правящего класса Российской империи на протяжении второй половины XIX в. росли опасения армянского сепаратизма. Обсуждались различные ограничения, в том числе устранение чиновников-армян из административных институтов Закавказья [1] . Воронцов имел обширные неформальные связи с армянской элитой и отдельными влиятельными лицами. Это позволяло первому кавказскому наместнику надежно контролировать армянское сообщество и не опасаться появления антиправительственных заговоров. Передать этот персональный социальный капитал преемникам Воронцова на посту кавказского наместника было невозможно и, не обладавшие схожими по масштабу сетями доверия региональные начальники, быстро утратили контроль над ситуацией. В итоге армяне из влиятельной и лояльной группы превратились в сомнительных союзников, находившихся под постоянным подозрением. Взаимное недоверие армянской элиты и коронных властей приводило к региональным политическим кризисам.

Отношения с мусульманскими элитами региона. На части присоединенных к Российской империи территорий Закавказья мусульмане

[1] Конфиденциальное письмо министра внутренних дел Д.А. Толстого морскому министру И.А. Шестакову, 7 ноября 1883 г. // РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3853. Л. 1.

или преобладали, или составляли значимую долю в общей численности населения (Северный Азербайджан, Восточная Армения, Тао-Кларджети). Мусульмане проживали во всех крупных городах региона, в том числе в административной столице Российской империи на Кавказе – Тифлисе. Мусульманские владетели правили ханствами Восточного Закавказья, которые находились в вассальной зависимости от Каджарской империи (Персии)[1]. Значительная собственность принадлежала духовным центрам, пользовавшимся социально-политическими привилегиями и имевшими большой символический авторитет. Показательным примером являлась шиитская мечеть Биби Хейбат («Госпожа Величество»). В усыпальнице (турба, *араб.*) этого религиозного комплекса были похоронены многие известные политические и духовные лидеры Восточного Закавказья, в том числе выдающийся правитель Кубинского и Дербентского ханств Фатали-хан (1736–1789)[2]. Элитой закавказских мусульман являлась «феодальная» аристократия ханств и исламское духовенство.

Российские власти, как в Тифлисе, так и в Петербурге понимали политическую значимость взаимодействия с мусульманскими сообществами Закавказья в условиях продолжающегося противостояния с Османской империей, Персией и горцами Северного Кавказа, объединенными идеей газавата. При этом, если на Северном Кавказе абсолютное большинство мусульман являлись суннитами, то к югу от Большого Кавказского хребта ситуация была сложнее – численность суннитов и шиитов была сопоставимой[3].

Систематический обзор политики Российской империи по управлению мусульманскими общинами Кавказа дал выдающийся историк-востоковед Д.Ю. Арапов, который обоснованно отметил, что принципы

[1] Гянджинское, Карабахское, Бакинское, Кубино-Дербентское, Ширванское, Талышское, Нахичеванское и Эриванское ханства.

[2] Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 5. М.: Восточная литература, 2012. С. 41.

[3] В 1830 г. в Закавказье проживало 178 тыс. суннитов и 120 тыс. шиитов. См.: Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. С. 66.

правительственной конфессиональной политики зависели от событий Кавказской войны и динамики военно-политической конкуренции с великими исламскими державами[1].

В настоящем исследовании этот тезис развивается на основе впервые вводимых в научный оборот исторических свидетельств. Кроме того, к числу факторов, влияющих на «исламскую политику» российских властей, следует отнести процесс поиска оптимальной административной модели управления регионом. Различные административные программы предполагали и различные решения вопросов управления мусульманскими общинами. Активность региональной администрации во многом определялась личностью главного начальника края, который мог прямо влиять на определение политического курса в отношении мусульманского населения.

Еще одним важным контекстом являются дискуссии о российском ориентализме. Э. Саид не стал включать в свой анализ Российскую империю, ограничившись рассмотрением британского и французского колониального опыта[2]. Это стало условием разворачивания дискуссии о применимости концепции ориентализма к истории Российской империи[3]. Конвенциональным стало мнение о возможности использования саидовских идей, но с рядом аналитических оговорок. В качестве примера подобной ограниченной эксплуатации ориентализма следует назвать монографию Ф. Мосташари. Исследовательница отметила «недоразвитость» российского ориенталистского дискурса, причиной которой выступала двойственность идентичности самой империи Романовых, сомневавшейся в себе как органичной части Запада, то есть Европы[4].

Наконец, еще одной задачей является анализ не только «исламской» имперской политики в регионе, но и описание мусульманских элит Южного

[1] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи. С. 66–67.
[2] Edward W. Said. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.
[3] Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 273–359.
[4] Mostashari F. On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. London, New York: Tauris, 2006. P. 8–10.

Кавказа как субъектов истории региона. В историографии заметен дефицит такого рода описаний, продиктованный прежде всего спецификой источников, большая часть которых создана имперскими административными институтами. В итоге мусульманские элиты выступают преимущественно в качестве объектов преобразовательных и регулирующих действий имперских властей разного уровня. Выход из этой привычной парадигмы труден и может показаться искусственным. Тем не менее, обширность и хорошая сохранность имперского документального наследия позволяет искать новые интерпретационные подходы.

«Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничижающих человечество. Когда возвращусь из Персии, введу перемену в образе их управления», — так выражал свое отношения к ханствам Восточного Закавказья А.П. Ермолов в письме к М.С. Воронцову от 24 февраля 1817 г.[1]. Ермолов, назначенный годом ранее главой российской администрации на Кавказе, собирался после завершения персидского посольства модернизировать систему управления на землях «феодальных» ханств. В том же письме Ермолов проговаривался, что лояльные имперской власти ханы могли сохранить свой статус и владение. Эталоном «правильного» хана по Ермолову являлся правитель Ширвана Мустафа-хан, с которым Ермолов планировал «уметь ладить»[2]. Но уже в 1819 г. Ермолову стали известны связи Мустафы-хана с Каджарами, а также тайная поддержка, которую ширванский правитель оказывал дагестанским горцам-повстанцам[3]. Спустя год Мустафа-хан бежал в Персию, а Ширванское ханство было упразднено российскими властями.

[1] Ермолов А.П. Кавказские письма, 1816–1860. СПб.: «Звезда», 2014. С. 58.
[2] Там же.
[3] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб.: Склад издания у В.А. Березовского, 1888. С. 447.

Независимые и полунезависимые «феодальные» ханства появились в Восточном Закавказье в результате междоусобиц, последовавших за смертью великого персидского правителя Надир-шаха в 1747 г. Правители Гянджинского, Карабахского, Бакинского, Ширванского, Нахичеванского, Эриванского, Кубино-Дербентского, Тылышского ханств номинально признавали себя вассалами Персии. Ханы пытались укрепить государственный аппарат, предпринимались попытки создания постоянных армий, но правителям не хватало ресурсов. В итоге ханская власть сильно зависела от «феодальных» группировок, представители которых занимали наиболее важные посты в политической структуре владений. Ханства конкурировали между собой, поэтому их политический альянс был исключен. Выдающийся советский историк-востоковед И.П. Петрушевский назвал период существования ханств, то есть вторую половину XVIII – первую треть XIX в. «временем торжества феодальной раздробленности»[1].

Закавказские ханы входили в российское политико-правовое пространство на условиях отказа от персидского вассалитета и признания верховной власти династии Романовых[2]. Российская империя меняла власть на абсолютную лояльность. И это было довольно щедрое предложение, учитывая судьбу Картли-Кахетинского царства, упраздненного сразу после вхождения в состав Российского государства в 1801 г. Лояльные и верные ханы могли облегчить империи бремя управления вновь присоединенными регионами, сохранение «старого режима» экономило средства российской казны. Кроме того, переход ханов под власть российского царя было зримым выражением военно-политического поражения Каджаров. Пророссийские ханы служили лучшей политической агитацией, мусульманское население должно было привыкнуть к новому политическому раскладу в регионе.

[1] Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. С. 87–88.
[2] Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 135.

Ханам предстояло выбрать сторону в российско-персидском противостоянии, от этого выбора зависело их политическое будущее. Как и Мустафа-хан Ширванский большинство закавказских владетелей пытались вести двойную игру: демонстрировали лояльность российской администрации и сохраняли контакты с Каджарской империей. Ханам в основном удавалось поддерживать этот хрупкий политический баланс до приезда на Кавказ Ермолова. Новый российский начальник решил, что за ханами необходимо внимательно надзирать и в случае малейших подозрений жестоко наказывать.

Важнейшая роль в этой ермоловской политике принадлежала генералу В.Г. Мадатову, который занимал должность окружного начальника в Карабахском, а затем Шекинском и Ширванском ханствах. Окружной начальник являлся представителем российской администрации, введение этой должности создало в ханствах ситуацию двоевластия. Мадатов и другие окружные начальники должны были подготовить мирную и тихую ликвидацию ханств. Этот план Ермолов описывает в послании к дежурному генералу Главного Штаба А.А. Закревскому от 19 февраля 1817 г.: «С ханом[1] умно ладит[2], и я надеюсь с пособием со стороны его успеть ханство Карабахское по смерти хана обратить в российский округ. К сему приуготовляются там разные люди, и, может быть, даже достанем бумагу от хана, что он после себя не допускает никакого наследства, а ханство поручит милосердию государя»[3].

Ермоловская политика по упразднению ханств в правовом отношении являлась противозаконной. Ханы заключили с Российской империей договоры, которые предусматривали сохранение их владений и возможность передачи их по наследству. Ермолову приходилось искать оправдания своих действий. Кавказский главнокомандующий в переписке с министрами указывал на материальные выгоды от введения прямого российского

[1] Мехти Кули-хан Карабахский (1806–1822).
[2] Речь идет о В.Г. Мадатове.
[3] Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 53.

управления в ханствах, а также ссылался на ненадежность ханов как союзников[1].

Наиболее противоречивой оказалась история с ликвидацией Карабахского ханства. В 1822 г. Мехти Кули-хан Карабахский бежал в Персию и его ханство упразднили. Наиболее подробно обстоятельства этого эпизода были проанализированы азербайджанским историком Э. Исмаиловым, который привел множество аргументов, доказывающих, что побег хана стал итогом политической интриги, задуманной Ермоловым и реализованной Мадатовым[2]. Дело в том, что Мадатов как уроженец Карабаха рассчитывал возглавить местную российскую администрацию и с этой целью планомерно выдавливал Мехти Кули-хана. Ермолов поддерживал своего сподвижника: «Не надо упускать случая, ибо Мадатов в том же ханстве Карабахском за то заслужит, а время недалеко, чтобы избавиться [от] глупого и гнусного правления ханов. Тут Мадатов будет надобен»[3], – отмечал «проконсул Кавказа» в письме Закревскому от 1–2 июня 1819 г. В письме к тому же Закревскому, написанном спустя два года после бегства карабахского владетеля, Ермолов подчеркивал, что Мадатов «сделал для службы великую весьма пользу, ибо умел искусно сжить с рук хана»[4].

Усидеть на ханском престоле Мехти Кули-хану не помогли даже щедрые земельные подарки, преподнесенные Мадатову. Ермолов лично хлопотал о высочайшем разрешении Мадатову принять эти подношения, которое и было получено. Впоследствии этот случай стал одной из претензий, предъявленных Ермолову со сторону сменившего его на Кавказе И.Ф. Паскевича – фаворита императора Николая I. Паскевич крайне негативно оценивал политику Ермолова в отношении закавказских ханов. В рапорте Николаю I Паскевич писал, что Ермолов «выгнал трех ханов плохим обхождением» и этим подорвал доверие местного мусульманского населения

[1] Там же. С. 283.
[2] Исмаилов Э. Ханы Карабахские: происхождение рода, подчинение ханства Российской империей и упразднение ханской власти // Кавказ & Глобализация. 2014. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 160–165.
[3] Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 181.
[4] Там же. С. 335.

к российскому правительству [1] . Досталось и Мадатову. В изложении Паскевича обстоятельства бегства Карабахского хана представлены так: «Генерал-майор Мехти-Кули-хан Карабахский, пребывая всегда в непоколебимой приверженности к России, по назначении начальником в Карабахе князя Мадатова, претерпевал от него многие оскорбления, о коих он говорил публично шаху персидскому: сначала князь Мадатов стращал его ссылкою в Сибирь, за что и дана ему от хана дарственная на имение и крестьян; потом, желая совершенно истребить его, подсылал людей отравить его, и не имевши в сем успеха, приказал шушинскому татарину Насиру в ночное время сделать выстрел по полковнику Джафар-Кули-Аге, который и был ранен. Поступок сей князь Мадатов приписал хану и приказал приближенным его сказать ему, что он будет схвачен и отправлен в Сибирь; и хотя хан, как и сам говорит, в руках был русских и Мадатов весьма легко мог поймать его, но как видно опасался улики и чтобы хан не вывел все действия его наружу. Мехти-Кули-хан прибыл к шаху, все вышеписанное рассказал публично и извинялся, что так долго не разумел русское правительство»[2].

Ермолов бесславно покинул Кавказ в марте 1827 г. в разгар Русско-персидской войны 1826–1828 гг. и оставшуюся жизнь провел в глухой отставке. Несмотря на то, что ликвидация ханств была признана правительством незаконным самоуправством восстанавливать власть местных владетелей новая российская администрация во главе с И.Ф. Паскевичем не стала. Вновь присоединенные по условиям Туркманчайского мирного договора 1828 г. Эриванское и Нахичеванское ханства были в том же году преобразованы в Армянскую область.

Мехти Кули-хан во время войны 1826–1828 гг. проявил себя неожиданно лояльно. Он не только отказался оказывать военную и пропагандистскую поддержку Каджарам, но и вывел в Карабах около 3 тыс.

[1] Ермолов, Дибич и Паскевич. 1826–1827 // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 723.
[2] Там же. С. 726.

семейств, признавших себя российскими подданными. Вероятно, Мехти Кули-хан рассчитывал на восстановление своего статуса наследственного карабахского владетеля. Но вместо этого бывший хан получил от российского правительства «лишь» солидную пенсию в 4 тыс. руб. золотом и зажил в Карабахе «в качестве пенсионера и частного владельца, сохраняя всю кротость своего нрава и не показывая никакого властолюбия»[1].

После смерти Мехти Кули-хана в 1845 г. Кавказский комитет по ходатайству кавказского наместника М.С. Воронцова назначил пенсию вдове хана Бадир-Джаган-бегум и передал во временное владение ханские имения его дочери Хуршид-Банум-бегум[2]. Необходимо отметить, что Кавказский комитет отказался отдавать ханские имения в наследственную собственность Хуршид-Банум-бегум, так как вопрос о правах владения землями и привилегиями мусульманской аристократии еще не был разрешен.

В ходе подготовки масштабной административной реформы 1840 г. комиссия сенатора П.В. Гана «открыла» отсутствие прав собственности у мусульман Южного Кавказа, что привело как к провалу тщательно готовившейся реформы, так и к потоку жалоб недовольных мусульман, в один момент лишившихся традиционных прав и статуса.

Реформа Гана предполагала изъятие земельной собственности у мусульманской элиты, взамен которой назначалось денежное жалование. Именно так произошло с имениями полковника русской службы и кубинского бека Ага-бека Садыкова. После смерти Садыкова в 1840 г. его земли отошли в казну, хотя владел он ими на законных основаниях, получив права в 1811 г. из рук кавказского главноуправляющего А.П. Тормасова (1809–1811) «за усердие к службе русскому правительству и взамен отнятого у отца его бывшим кубинским ханом»[3]. Вдова Садыкова не смирилась с утратой имений и начала долгое разбирательство. Заступником прав

[1] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Ред. И.П. Петрушевский. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 45–46.
[2] Там же. С. 47.
[3] Там же. С. 42.

мусульманской элиты выступил наместник Воронцов, удачно игравший роль «лорда-протектора» региональной знати. Благодаря посредничеству Воронцова в 1847 г. имения Садыкова были возвращены его наследникам из казны[1].

Прошения о восстановлении прав на земельную собственность от мусульманского дворянства поступали регулярно. Но не все они удовлетворялись. Неудачей завершилась попытка сыновей Мустафы-хана Ширванского вернуть имения отца. В 1847 г. наследниками ширванского владетеля была подана соответствующая просьба, но Кавказский комитет посчитал невозможным возвращение земель из казенного управления, в котором они на тот момент находились уже 28 лет[2].

В историографии представлены различные сведения о попытках М.С. Воронцов уже весной 1845 г. привлечь на российскую сторону некоторых влиятельных наибов Шамиля. В рапорте императору Николаю I от 12 апреля 1845 г. кавказский наместник описывал усилия командования Отдельного Кавказского корпуса по налаживанию диалога с Даниял-беком Илисуйским, Кебет-Мухаммадом (Кибит-Магомой), Джемалом Чиркеевским [3] . В Петербурге поддерживали действия наместника, направленные на раскол среди ближайших сподвижников имама Шамиля. В письме военного министра А.И. Чернышева к М.С. Воронцову от 30 апреля 1845 г. среди прочего можно прочитать: «Государь император, вполне одобряя все вообще действия вашего сиятельства, с целью отделить от Шамиля главных его приверженцев, изволит полагать, согласно с мнением Вашим, что успех начатых с Даниэль-беком сношений хотя подвержен сомнению, но мог бы принести существенную пользу» [4] . Как известно переговоры российского командования с Даниял-беком Илисуйским в 1845–1847 гг. зашли в тупик.

[1] Там же. С. 45.
[2] АКАК. Т. X. С. 291.
[3] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 487–488.
[4] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов / Сост. Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х. М.: «Эхо Кавказа», 2005. С. 342.

Даниял-бек настаивал на возвращение ему владетельных прав и восстановлении Илисуйского султаната, а этого считалось невозможным российской администрацией. В итоге Даниял-бек в августе 1859 г. сдался кавказскому наместнику А.И. Барятинскому, а затем подробно описал обстоятельства своей жизни в автобиографии, которая была напечатана в газете «Кавказ» в 1861 г.[1].

Истории Даниял-бека и Хаджи-Мурата привлекали внимание как современников, так и исследователей, однако, более масштабной, но гораздо менее известной являлась деятельность российской администрации по интеграции закавказской мусульманской элиты. Именно интеграция мусульманской элиты Закавказья, представленной многочисленными беками, агаларами, султанами оказалась наиболее сложной задачей для имперской администрации.

Сословные права мусульманской знати не были подтверждены, как и ее права на землю. Согласно ермоловскому «Положению об агаларах» 1818 г. последние лишались наследственного права на владение землями и получении доходов от селений. Агалары превращались в чиновников, которых российская администрация была вольна отставить от должности и даже подвергнуть телесным наказаниям[2].

Игнорировать настроения мусульманского дворянства – агаларов и беков – имперская администрация не могла, многие из них были офицерами Отдельного Кавказского корпуса и занимали важные должности в региональной системе управления. М.С. Воронцов действовал как заступник и ходатай мусульманской знати и проводил политику ее социальной реабилитации. В прагматическом отношении это было крайне необходимо, так как именно беки и агалары контролировали крестьянские общины. Лояльное мусульманское дворянство осуществляло судебно-полицейские функции на местах, что обеспечивало стабильность имперского

[1] Об отношениях Даниел-бека к Шамилю // Кавказ. 1861. № 8 (от 26 января). С. 45–46.
[2] Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX–начало XX в.): документы / Сост. А.А. Ганич. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 16–17.

суверенитета. О необходимости сохранения за дворянством этой функции писал Бебутов в послании Воронцову от 31 октября 1847 г.: «… если не теперь, то по крайней мере в последствии нужно предоставить эти лицам исправительную полицейскую власть в маловажных проступках; подобное право необходимо по тому более уважению, что низший класс за Кавказом в особенности между мусульманами, скорее согласиться принять тотчас наказание от своего владельца, нежели таскаться для разбирательства за несколько десятков верст к уездному начальству»[1]. Кроме того, многие беки эффективно организовывали пограничную кордонную стражу. В 1848 г. границу с Каджарской империей прикрывали отряды конных нукеров (чепар) численностью в 400 всадников, мобилизованных на службу из Ленкоранского уезда Шемахинской губернии. Пограничные нукеры и их семьи (всего 152 семейства) были освобождены от всех казенных податей, а непосредственными командирами этих отрядов были местные шемахинские беки[2].

На необходимость разобраться с правами агаларов и беков внимание Воронцова обратил сам император Николай I в январе 1845 г. Наместник начал подготовительную работу для решения этой задачи еще до своего отъезда на Кавказ и, как отметил Воронцов позднее, «тогда удостоверился, что эти важные интересы края дурно поняты и требуют перемены» [3]. Наместник «удостоверился» в этом при участии военного министра и председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева, который еще 20 января 1845 г. переслал Воронцову проект о правах агаларов, подготовленный А.И. Нейдгардтом, с важной припиской о том, что император Николай I сомневается в его «удовлетворительности» и рассчитывает на более обстоятельные предложения, на основе внимательного изучения местных условий[4].

[1] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 165. Л. 46об.
[2] Кавказ. 1848. № 14 (от 3 апреля). С. 55.
[3] Всеподданнейший рапорт кавказского наместника М.С. Воронцова, 9 марта 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 1.
[4] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

На вопросе реабилитации сословных прав мусульманской элиты и его обсуждении в Кавказском комитете необходимо остановиться подробнее. Оправданием этого служит современное состояние историографии, находящейся под сильным влиянием коротких замечаний на этот счет А.П. Берже, сделанных им во вводной части к десятому тому «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» (1885). А.П. Берже отметил, что Воронцов стремился создать из агаларов и беков «мусульманскую аристократию, которая служила бы нам верным оплотом против враждебных затей соседственных с Закавказьем Персии и Турции»[1]. Но вместо этого, как считал А.П. Берже, «создал сословие, далеко нам не дружелюбное, ничтожное по своему значению и нетерпимое населением за нескончаемые притеснения и угнетения»[2]. Вину за этот «провал» Берже полностью перекладывал на генерала П.А. Ладинского, «который, выставляя факты в ложном и извращенном виде, ввел его (Воронцова – А.У.) в ошибку, чем подготовил и собственное свое падение»[3].

Эта оценка А.П. Берже оказалась, как и многие другие его мнения, чрезвычайно влиятельной в историографии. В современных работах она продолжает устойчиво воспроизводиться[4]. Между тем, обстоятельства обсуждения «агаларского вопроса», которое продолжалось на протяжении двух лет, значительно сложнее и содержательнее тезисов А.П. Берже, сформулированных полтора столетия назад.

Через месяц после приезда в Тифлис, Воронцов 25 апреля 1845 г. передал все документы по «агаларскому вопросу» начальнику гражданского управления краем генералу П.А. Ладинскому, особенно указав на то, что это «важный для края предмет»[5]. Во всеподданнейшем рапорте императору Воронцов отмечал опыт, усердие и обширные познания Ладинского, все это

[1] АКАК. Т. X. С. VI.
[2] Там же.
[3] Там же. С. VII.
[4] Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. С. 529–530.
[5] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.

должно было «принести пользу и указать средства привести это дело к желаемому концу»[1].

Уже 6 июня 1845 г. Ладинский представил наместнику обстоятельный рапорт, в котором отмечал: «Рассматривая дело агаларское, я нашел, что, не взирая на неоднократные меры, принимавшиеся правительством к привидению в определительную известность лиц, сословие это составляющих, поступают беспрестанно от агаларов жалобы не непомещение их в составленных списках – жалобы часто справедливые»[2]. Ладинский критиковал предшествующую региональную администрацию за отход от духа и буквы манифестов императоров Павла I и Александра I, декларировавших сохранение всех прав и состояний новых подданных. Начальник гражданского управления Закавказья считал, что беков и агаларов необходимо уравнять в правах и не делать между ними каких-либо различий. Еще более важным, по мнению Ладинского, являлось выравнивание прав агаларов и беков с правами и привилегиями грузинского дворянства и армянских меликов. Это означало, что за беками и агаларами необходимо было подтвердить не только их личные права (жизнь, честь, участие в управлении на уездном и губернском уровнях), но и имущественные права. «Если же права их будут определены с ограничением против дворянских преимуществ высшего сословия России и Грузии, что и должно неминуемо последовать по местным обстоятельствам края, то всякое маловажное отступление подаст неблагонамеренным из беков повод к сильным неудовольствиям, чрез это возродится в этом сословии еще большая недоверчивость к правительству и отчуждение; между тем как, утвердив за ними их собственность и вслед затем определив их обязанности к правительству, права личные и вещественные, с какими бы то ни было ограничениями, можно с уверенностью надеяться, что неудовольствий не последует, но преданность сословия, обеспеченного положительно,

[1] Всеподданнейший рапорт кавказского наместника М.С. Воронцова, 9 марта 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 1–2.
[2] АКАК. Т. X. С. 3.

связанного личными выгодами с пользами правительства, упрочившего их благосостояние, утвердится и послужит полезным примером для неспокойных теперь племен Дагестана», - писал Ладинский наместнику[1].

По мнению Ладинского правительству следовало закрепить имущество беков и агаларов, которым они владели на момент установления российской власти. Исключением их этого общего правила была мусульманская знать, участвовавшая в антиправительственных действиях и лишенная за это имущества. Таким бекам и агаларам империя, как отмечал Ладинский, ничего не должна[2]. Ладинский считал, что оптимальным вариантом решения имущественных прав агаларов мог быть следующий алгоритм. Во-первых, объявить жителям всех селений, которые поступят в надел агаларов, что все это население считается «казенными поселянами», а земля также является казенной. Во-вторых, пожаловать именем императора эту казенную землю в потомственное владение агаларам. В-третьих, повелеть населению платить агаларам традиционную повинность малуджехат – десятую часть урожая. В-четвертых, денежные сборы на содержание агаларов, «как тягостные для поселян», отменить[3].

Ладинский видел в агаларах полицейскую и военную силу, способную стать важным ресурсом в условиях хронической недоуправляемости южной окраины империи: «Я убедился опытом в продолжении двадцати двух летней прежней мое службы в Грузии, что при нашествиях на оную враждебных соседей, по малочисленности наших тогда здесь войск, влиянием агаларов на народ совершались самые важные услуги его правительству, несмотря на единоверство с неприятелем жителей татарских дистанций. <…> они (беки и агалары – А.У.) как высшее сословие, должны быть обязаны всегдашнею готовностью к службе по призыву правительства и потом содействовать во всех мерах к благосостоянию народа, прекращать в своих деревнях, где

[1] Там же. С. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.

имеют жительство, грабежи и разбои…» [1] . Начальник гражданского управления даже предлагал в будущем заменять русских чиновников наиболее ответственными из агаларов.

В общем виде эти предварительные основы решения «агаларского вопроса» получили одобрение наместника. Ладинский отправился обследовать земли татарских дистанций и Елизаветопольский уезд Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области в сопровождении двух десятков офицеров и чиновников, отряженных для этой работы наместником.

Проделав титаническую работу, Ладинский в феврале 1846 г., то есть менее чем через год, представил проект положения об обязанностях поселян и владельцев на землях в мусульманских провинциях и Каспийской области[2]. Воронцов передал проект Ладинского в Совет Главного управления, отметив его значение: «Прошу Совет заняться немедленно обсуждением этого важного дела и заключение свое представить мне»[3]. Проект рассматривался в Совете Главного управления при участии беков из Карабаха и Шеки[4]. В ходе этих обсуждений в проект были внесены лишь незначительные изменения и дополнения. Уже 9 марта кавказский наместник отправил проект Положения о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области и о взаимных отношениях между поселянами и владельцами земли на утверждение императора Николая I. Во всеподданнейшем рапорте Воронцов отмечал, что это Положение даст агаларам «новую жизнь и возбудит в них новое усердие к русскому правительству» [5] . Подчеркнем, что в рамках «агаларского вопроса» определялись права и привилегии трех этносоциальных групп – беков, меликов и агаларов. Однако, проект Ладинского уже в своем названии ограничивался лишь беками в социальном

[1] Там же. С. 7.
[2] О способах существования лиц высшего мусульманского сословия в Закавказском крае и о взаимных отношениях владельцев земель к живущим на них поселянах, 26 марта 1845 г. – декабрь 1846 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 162. Л. 5.
[3] Там же.
[4] Всеподданнейший рапорт кавказского наместника М.С. Воронцова, 9 марта 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 2.
[5] Там же. Л. 4.

смысле и Каспийской областью в территориальном измерении. На это позднее обратили внимание члены Кавказского комитета.

Проект, представленный Воронцовым, в своих основных принципах соответствовал изначальной программе Ладинского[1]. Земли с их населением утверждались за их владельцами на момент вхождения в состав Российской империи. При этом, отобранные в казну за преступления имения прежним владельцам не возвращались (Глава 1, параграфы 1–2.). Но имения, конфискованные в казну в рамках административной реформы сенатора П.В. Гана в 1840 г. без судебного решения, возвращались прежним владельцам в прежнем виде (Глава 1, параграф 3). Все крестьяне-поселенцы в мусульманских провинциях получили общую номинацию «поселян, живущих на владельческой земле» (Глава 1, параграф 7). Это означало, что они не являются крепостными или рабами. Данный принцип развивался и в других частях проекта: «Владелец не может живущих на его земле поселян отчуждать от своего имения отдельно от земли» (Глава 9, параграф 37). Необходимо отметить, что в отдельных вопросах допускался правовой плюрализм. Так о разделе имения в проекте сказано следующее: «В разделе имения между наследниками владелец может руководствоваться сверх российских законов, правилами в шариате на этот предмет существующими, а равно и адатом, или местным обычаем» (Глава 9, параграф 39). Проект Ладинского предусматривал не только наказания для поселян-бунтарей, но и пределы таких наказаний. Владелец имел право совершать телесные наказания в отношении подвластных ему поселян, а именно бить их розгами или палками. Вводился лимит – не более двадцати пяти ударов (Глава 11, параграф 47).

Николай I передал проект Ладинского на рассмотрение в Кавказский комитет, при этом, император отметил, что возвращение земель и прав состояния агаларам должно было быть представлено не в качестве простой

[1] Проект Положения о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области и о взаимных отношениях между поселянами и владельцами земли // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 14–22.

реабилитации, а как особый высочайший дар, особая монаршая милость[1]. Кроме того, император посчитал наиболее удобным присвоить бекам и агаларам единую сословную номинацию – дворян. Новые дворяне-мусульмане обязывались, по мысли Николая I, нести воинскую службу «в возмездие за дар земли». В этом агалары и беки сближались с российским «служилым дворянством», например, с донским казачьим дворянством, которое также несло воинскую службу в обмен на право владения землей[2].

Члены Кавказского комитета согласились с основными принципами проекта, представленного кавказским наместником. Особенно подчеркивалась необходимость показать агаларам, что возвращение земель не является уступкой со стороны правительства, но есть дар «от щедрот государя императора»[3]. Кавказский комитет обратил внимание, что в проекте Ладинского речь шла только о правах беков и просил разъяснений о причинах такого отделения беков от агаларов и меликов. Кроме того, члены комитета посчитали, что следует расширить территориальное измерение проекта и распространить его нормы на Эриванский, Нахичеванский и Ахалцыхский уезды Грузино-Имеретинской губернии. И, наконец, Кавказский комитет задавался вопросом об основаниях, на которых мусульманское дворянство должно было служить в обмен на землю по примеру донского казачьего дворянства[4]. Кроме этих основных вопросов министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ предложили множество правок уточняющего характера, которые объединялись в единый свод. Из них можно выделить опасения, которые высказал глава финансового ведомства Ф.П. Вронченко об угрозе

[1] Выписка из журнала Кавказского комитета, 30 марта 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 53.
[2] Подробнее см.: Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX в. - начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018.
[3] Выписка из журнала Кавказского комитета, 30 марта 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 55.
[4] Там же. Л. 56.

сокращения государственных доходов в результате передачи казенных земель во владение агаларам[1].

Кавказский наместник в ответ сообщил председателю Кавказского комитета о распространении проекта Ладинского не только на беков, но и на все высшее мусульманское сословие, включая агаларов, султанов и меликов. Также Воронцов уточнил, что в территориальном отношении проект может действовать как в Каспийской области, так и в упомянутых уездах Грузино-Имеретинской губернии. Кавказский наместник не усмотрел каких-либо затруднений в деле привлечения беков и агаларов на военную службу в обмен на владение землей, по словам Воронцова, «беки и агалары всегда охотно являлись на военную службу по призыву начальства, а на будущее время, без сомнения, будут идти с большой готовностью»[2]. На опасения министра финансов по поводу сокращения государственных доходов от передачи казенной земли агаларам наместник предположил, что некоторое сокращение неизбежно, но оно не могло быть значительным. В дополнении к этому Воронцов напомнил, что при старом порядке агаларам выплачивалось содержание в размере 30 тыс. руб. сер. от доходов, поступавших с их земель, переданных казне. Наместник вполне оправданно отметил фиктивность такого дохода и незначительность его «потери»[3].

В апреле 1846 г. Воронцов приехал в Шемаху, где объявил о восстановлении прав высшего мусульманского сословия и новых милостях императора Николая I. Наместник торжественно сообщал в Петербург о восторге, охватившем местную знать и многочисленных клятвах в верности российскому престолу. Этим Воронцов значительно сократил свободу маневра Кавказского комитета, ведь обсуждение проекта еще продолжалось.

[1] Примечания министра финансов на проект Положения о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области и о взаимных отношениях между поселянами и владельцами земли, 18 апреля 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 65–66.
[2] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышева, 21 апреля 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 104–105.
[3] Там же. Л. 105.

Вероятно, как будет показано ниже, этот демарш Воронцова вызвал сильное раздражение министров.

В историографии принято указывать, что рескриптом Николая I от 6 декабря 1846 г. была проведена реабилитация прав и привилегий беков и агаларов. Последовавшее через год «Положение о взаимных отношениях агаларов и поселян, живущих на землях, возвращаемых агаларам и утверждаемых за ними» считается продолжением упомянутого императорского рескрипта [1]. Однако внимательное изучение документов Кавказского комитета позволяет пересмотреть эту интерпретацию. Дело в том, что проект Ладинского, представленный в Кавказский комитет Воронцовым, включал в себя как общие положения, декларирующие возвращение агаларам и бекам имущественных прав на землю, так и обстоятельное описание взаимных отношений землевладельцев и поселян. Некоторые из этих норм были приведены и прокомментированы выше. Что же заставило правительство разделить общий проект на две части и утвердить их отдельно с разницей по времени в год?

30 ноября 1846 г. Кавказский комитет вновь рассматривал дополненную версию проекта Ладинского, в который вносились изменения и дополнения по мере получения их от министров. Члены комитета усмотрели в проекте два «главных предмета»: во-первых, вопрос об утверждении земли за беками, меликами и агаларами и, во-вторых, вопрос об определении отношений землевладельцев и поселян, проживающих на этих владениях[2]. По первой части члены Кавказского комитета, вероятно, планировали обсудить порядок возвращения бекам и агаларам земли и состояния. Альтернативой общему утверждению являлась выборочная реабилитация «по усмотрению правительства». Однако, Воронцов уже успел объявить мусульманской элите о возвращении имущества в общем порядке в ходе поездки в Шемаху. В журнале Кавказского комитета подчеркивалось, что

[1] Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1965. С. 139.
[2] Выписка из журнала Кавказского комитета, 30 ноября 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 473.

отступление от уже объявленного порядка «поставит наместника в положение самое затруднительное»[1].

По второму из обозначенных «предметов» Кавказский комитет посчитал предложения наместника, представленные в проекте Ладинского, неудовлетворительными. Министры внутренних дел, юстиции и государственных имуществ показали, что порядок отношений между землевладельцами и поселянами, предлагаемый в проекте Ладинского, слишком тягостен для населения владельческих имений. По мнению членов Кавказского комитета, статус поселян не соответствовал замыслу Николая I о превращении их в «свободных сельских обывателей». Министры указывали, что, согласно проекту, поселяне не только облагались десятиной, но и должны были нести другие повинности, в том числе исполнять обязанности домашней прислуги[2].

Члены Кавказского комитета пришли к общему мнению, что новые правила взаимных отношений не облегчат, а ухудшат положение поселян. Особенно это касалось населения агаларских имений, переданных в казну в 1840–1841 гг., теперь им предстояло нести новые и более тяжелые повинности. Вполне возможно, что Кавказский комитет тем самым выражал опасения на счет каких-либо крестьянских выступлений, которые могли произойти на фоне введения новых обязанностей.

Решением Кавказского комитета «агаларский вопрос» был разделен на две части. Возвращение земель бекам и агаларам предлагалось узаконить высочайшим рескриптом на имя кавказского наместника, а определение взаимных отношений землевладельцев и поселян отложить для дополнительного изучения и переработки[3]. Николай I согласился с мнением Кавказского комитета.

Высочайший рескрипт кавказскому наместнику «О поземельных правах беков, меликов и агаларов» от 6 декабря 1846 г. восстанавливал

[1] Там же. Л. 474.
[2] Там же. Л. 474–475.
[3] Там же. Л. 475.

имущественные права представителей высшего мусульманского сословия, а также армянских меликов[1]. Закавказской элите возвращались все земли, которыми они владели до присоединения к Российской империи, за исключением конфискованных в наказание за совершенные преступления. Агаларам прекращались денежные выплаты, назначенные в ходе гановской реформы взамен прав на земельные наделы. Земли, переданные российским правительством во временное пользование бекам, меликам и агаларам, могли перейти в их потомственное владение по решению императора, основанному на представлении кавказского наместника. Владельцам земли поручался «надзор за порядком и благочинием между поселянами и полицейское ими управление»[2]. Эти и другие положения высочайшего рескрипта соответствовали первой части проекта генерала Ладинского. В то время как решение вопроса о взаимных отношениях высочайшим рескриптом откладывалось до «определения их особым положением»[3].

Воронцов принял высочайший рескрипт к исполнению, но, вместе с тем, подготовил обстоятельный ответ на замечания министров ко второй части проекта Ладинского о взаимных отношениях землевладельцев и поселян. Наместник резко раскритиковал замечания министров в письме к Чернышеву от 16 декабря 1846 г., особенно досталось министру внутренних дел Л.А. Перовскому[4]. Воронцов упрекал министров в отвлеченном взгляде на обсуждаемые проблемы, в невозможности применения «к здешнему делам общих европейских теорий об устройстве общества»[5]. Наместник язвительно отмечал, что читал мнения министров по обсуждаемому вопросу «сколько с удивлением, столько и с опасением на счет последствий»[6]. Кроме того, Воронцов объяснял, что задержка в утверждении правил взаимных

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. С. 617–619.
[2] Там же. С. 618–619.
[3] Там же. С. 618.
[4] Отношение кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 16 декабря 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 473. Л. 488–491.
[5] Там же. Л. 488.
[6] Там же.

отношений мусульманского дворянства и крестьянского населения может привести к негативным последствиям, среди которых выделял проблемы в организации и регулировании полевых работ, а также то, что агалары, уже лишившиеся денежного содержания от правительства, еще не получили права на десятую часть урожая своих имений [1]. В ответном послании Чернышев заверял Воронцова, что Кавказский комитет лишь ожидает от наместника новой редакции правил и после их получения в столице «они будут рассмотрены и утверждены без промедления». Не менее показательно как Чернышев убеждал Воронцова в том, что отдельные мнения министров, доставляемые наместнику, не имеют решающего значения, а сообщаются ему только «для сведения и соображения»[2].

Уже 17 декабря 1846 г. Воронцов представил Чернышеву проект Положения о взаимных отношениях владельцев земли и живущих на оной поселян в Каспийской области[3]. Наместник сопроводил проект обширным письмом председателю Кавказского комитета, в котором подробно аргументировал свое несогласие с предложениями и оценками членов комитета. Прежде всего, Воронцов указывал, что повинности, определенные в первоначальном проекте Ладинского, нельзя считать чрезмерно тягостными для поселян имений, возвращенных бекам и агаларам: «В России и в других землях состояние свободного поселянина гораздо более зависимо от владельца земли и повинности более тягостны. Кто из казенных крестьян, живущих на помещичьих землях, не платит части урожая по условию, или обычаю, существующему в крае? Во многих местах России, даже проезжие платят не только за корм скота, но даже и за водопой»[4].

Важным аргументом наместника в дискуссии по «агаларскому вопросу» была ссылка на полное соответствие планируемых мер с местной социально-правовой традицией. Как писал Воронцов, «самое главное, что

[1] Там же. Л. 491.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2 Д. 234. Л. 473. Л. 495.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 21–30.
[4] Там же. Л. 4.

следует иметь в виду, что в Положении, мною составленном, нет ничего нового, все существует в стране издавна, освящено веками, обратилось в обычай и закон»[1]. Наместник отвергал претензии Кавказского комитета в намерении установить в регионе крепостное право. Действительно, подобные упреки со стороны членов комитета могли казаться Воронцову, как известному участнику обсуждений крестьянского вопроса еще в царствование Александра I, не только несправедливыми, но и оскорбительными. Взгляд Воронцова на отношения землевладельцев и поселян скорее можно охарактеризовать как своеобразный патерналистский ориентализм. Вот показательный в этом отношении фрагмент из письма наместника председателю Кавказского комитета: «Главная цель в определении положительных прав и обязанностей поселян, заключалась в том, чтобы отклонить их от неминуемого бродяжничества, тунеядства, нищеты и своеволия, которым народ здешний так подвержен, если не будет над ним близкого, так сказать полицейского надзора людей, в том интересующихся, обязанных ответственностью и имеющих на него нравственное влияние и, наконец, если народ не будет связан условиями и лишениями, следующими за их безотчетным произволом, чего посредствам полицейских чиновников достигнуть никак нельзя»[2].

В заключении письма Чернышеву кавказский наместник настойчиво повторял необходимость скорейшего утверждения поземельных отношений владельцев и поселян, считая, что промедление в этом деле гораздо опаснее, чем сохранение в проекте Положения какой-либо незначительной уступки мусульманской элите[3]. 7 февраля 1847 г. Воронцов обратился к Николаю I с просьбой утвердить Положение о взаимных отношениях владельцев и поселян в мусульманских провинциях Закавказского края[4]. При этом, наместник предлагал объявить об этом решении с особой торжественностью,

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 5.
[3] Там же. Л. 19.
[4] Там же. Л. 42–43.

приурочив такую царскую милость ко дню тезоименитства императрицы Александры Федоровны в апреле 1847 г. [1] . Председатель Кавказского комитета А.И. Чернышев уведомил кавказского наместника письмом от 4 марта 1847 г., что император Николай I повелел передать проект Положения на предварительное обсуждение министрам «по принадлежности», а после получения их отзывов отправить проект на утверждение в Кавказский комитет, «сообщив при этом случае министрам, что его величеству весьма желательно дабы означенное дело было кончено и утверждено в течении апреля месяца»[2].

Однако несмотря на все эти усилия Воронцова, решение вопроса затягивалось, министры регулярно находили новые недостатки в проекте наместника. Весной 1847 г. Кавказский комитет принял решение отделить поземельные права беков от поземельных прав агаларов и предложил наместнику альтернативные варианты документов, утверждающих отношения мусульманской элиты и зависимых поселян. 20 апреля 1846 г. Николай I утвердил положение Кавказского комитета о порядке исполнения проекта «О взаимных отношениях беков и поселян в Шемахинской и Дербентской губернии»[3].

7 мая 1847 г. Воронцов вновь пишет Чернышеву и просит его содействия в окончательном разрешении поземельных прав мусульманской элиты. Кавказский наместник отмечал, что затягивание утверждения отношений агаларов с подвластным населением пагубно сказывается на ситуации в регионе, среди всех жителей мусульманских провинций, как подчеркивал наместник, росло недоверие к имперской администрации. Воронцов признавался в письме, что поторопился с заявлениями, сделанными им в Шемахе в апреле 1846 г.: «Я кажется пообещал от имени императора больше, чем мне было разрешено сделать, однако, вы знаете, если я сказал или сделал что-либо не так, как мне было приказано, я

[1] Там же. Л. 43.
[2] Там же. Л. 44.
[3] Там же. Л. 257–258.

предпочитаю, по крайней мере, обойти несколько незначительных пунктов, которые не слишком испортят общей пользы, чем оставаться в нынешнем бездействии перед лицом всех подозрений, опасений за будущее и распространяемой повсюду клеветы»[1].

Как видно, задержка в обсуждении проекта решения «агаларского вопроса» была связана не только с содержанием предложений, подготовленных Воронцовым и Ладинским, но и с опрометчивым поведением кавказского наместника, действовавшего в важном политическом деле вопреки мнению Кавказского комитета и без высшей санкции императора. И наместник, и начальник гражданского управления Закавказьем вполне понимали, что противостояние с Петербургом принимает опасный оборот.

17 июля 1847 г. начальник гражданского управления Закавказского края генерал Ладинский представил наместнику обстоятельный рапорт по рассматриваемому делу, в котором подробно и довольно откровенно изложил свою позицию. Ладинский еще раз повторил, что составленный им проект основан на многолетнем изучении края и личном знакомстве «почти с каждым семейством беков и агаларов»[2]. Однако, Ладинский несколько раз в своем рапорте повторил тезис о невозможности подготовки и проведения реформы без «предварительного познания целей правительства» [3] . Последние, по словам Ладинского, были ему совершенно неизвестны, поэтому он, «руководствуясь верноподданическим долгом», в своем рапорте еще раз аргументировал необходимость утверждения проекта в том виде, в котором он был представлен. Ладинский не соглашался с несколькими важными изменениями, которые были внесены в проект Кавказским комитетом[4]. По мнению Ладинского, не соответствовала местным условиям

[1] АКАК. Т. X. С. VIII.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 206.
[3] Там же. Л. 207.
[4] Кавказский комитет предлагал внести изменения в параграфы 27 и 43 и отказаться от параграфов 28 и 31 Положения о взаимных отношениях владельцев земли и живущих на оной поселян в Каспийской области. Эти параграфы регулировали повинности и налоги, взымаемые в пользу владельцев земли с кочующих и полукочующих поселян.

и идея отдельных положений для беков и агаларов, разновременность утверждения прав мусульманской элиты могла вызвать междоусобицы. Если поземельные отношения беков к тому времени уже прошли обсуждение в Кавказском комитете, то отношения агаларов и их поселян еще только предстояло обсудить. В качестве выхода из этой ситуации Ладинский предлагал опубликовать без согласования с Кавказским комитетом временное положение о поземельных правах агаларов. Начальник гражданского управления пугал наместника бесконечными переменами в содержании исходного проекта и «ропотом недовольных», который «станет возрастать все более и более»[1].

Воронцов поблагодарил Ладинского за обстоятельный и откровенный рапорт, но не посчитал возможным распространять проект без учета изменений, предложенных Кавказским комитетом, «нам на это не дано права», - специально отмечал наместник[2]. Отверг наместник и предложения Ладинского о публикации правил поземельных отношений агаларов без положительного решения Кавказского комитета, как подчеркивал Воронцов, «ибо на это мы не имеем права» [3] . Письмо Воронцова отчетливо свидетельствует о желании наместника завершить этот служебно-иерархический конфликт. При этом, наместник изменил свою позицию по некоторым ключевым вопросам. Если ранее он вслед за Ладинским был склонен уравнивать статус и права беков и агаларов, то в письме начальнику гражданского управления наместник, уже следуя мнению Кавказского комитета, отвергал эту идею: «Агаларов во всем сравнить в правах с беками, я не считаю ни справедливым, ибо они не пользовались прежде равными с сими последними преимуществами, ни возможным»[4].

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 220.
[2] Копия с письма наместника кавказского генерал-лейтенанту Ладинскому, 26 августа 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 224.
[3] Там же. Л. 227.
[4] Там же. Л. 229.

Не менее показательно и то, что Воронцов отправил председателю Кавказского комитета Чернышеву свою переписку с Ладинским[1]. По всей вероятности, тем самым наместник желал показать, что, во-первых, его поспешные действия были вызваны радикальным настроем начальника гражданского управления Закавказского края и, во-вторых, продемонстрировать свою системную лояльность на фоне «бунтаря» Ладинского. Это подтверждает и частное письмо Чернышеву, которое Воронцов отправил 12 октября 1847 г. из Владикавказа. В нем наместник утверждает, что не следовал слепо идеям Ладинского и вносил в проекты о поземельных отношениях мусульманской знати серьезные изменения. Воронцов сетовал на запутанность военных и гражданских дел, которыми ему приходилось заниматься и отмечал крайнее упорство Ладинского в отстаивании собственного мнения. В письме Воронцова содержалось и прямое обвинение в адрес Ладинского: «Он предложил мне ни больше, ни меньше, как обнародовать указ о беках с некоторыми изменениями, неодобренных комитетом, и, в тоже время, обнародовать положения об агаларах с несколькими пунктами, противоречащими духу инструкций комитета, то есть он поставил бы меня в противоречие и даже прямое неподчинение приказам, исходящим от императора, чего я остерегался и всегда буду остерегаться»[2]. Судьба Ладинского оказалась решена, можно сказать, что его отставка, последовавшая в декабре 1847 г., стала ценой примирения кавказского наместника и Кавказского комитета.

Проект положения о поземельных отношения агаларов и населения их имений рассматривался Кавказским комитетом 4 декабря 1847 г. Изменения, внесенные в проект под давлением комитета, предусматривали право свободного и ежегодного перехода агаларских поселян от одного владельца к другому, «тем самым вполне достигается цель, предположенная комитетом

[1] Там же. Л. 257–262.
[2] АКАК. Т. X. С. VIII.

при прежних суждениях по этому делу»[1]. 28 декабря «Положение о взаимных отношениях агаларов и поселян» утвердил император Николай I[2].

Впоследствии положения о поземельных отношениях мусульманской элиты и их поселян изменялись и дополнялись в 1852 г., а осенью 1861 г. несколько ключевых параграфов «Положения о взаимных отношениях агаларов и поселян», определяющих надзор и управление агаларов, в подвластных им селениях были отменены. Такое решение было принято после запроса кавказского наместника А.И. Барятинского к управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову, в котором отмечалось: «С пожалованием агаларам земель, они не оправдали ожиданий правительства и ничем не доказали благотворного своего влияния на подчиненный им народ; те же из них, которым вверено управление деревнями, не только не заботятся преследовать преступников, но напротив нередко скрыть преступные действия своих односельцев и таким образом употребляют во зло дарованную им власть»[3]. Здесь же А.И. Барятинский писал о том, что положение поселян в их отношениях с агаларами близко к крепостной зависимости, это признавалось вредным и опасным в условиях повсеместного прекращения подобных порядков в империи.

Таким образом, в истории «агаларского вопроса» сходятся сразу несколько важных сюжетов. Во-первых, обсуждение планируемых реформ стало поводом к одному из самых масштабных служебно-иерархических столкновений кавказского наместника и министров, входивших в состав Кавказского комитета. Во-вторых, социальные преобразования в регионе являлись одной из самых сложных задач как для местной власти, так и для центрального правительства. В-третьих, разные подходы к решению «агаларского вопроса» определялись не только региональными условиями, но и общим курсом внутренней политики. Если в николаевскую эпоху дворяне-помещики рассматривались правительством как она из главных опор

[1] Выписка из Журнала Кавказского комитета, 4 декабря 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 282.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXII. Ч. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1848. С. 931–936.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 482б. Л. 368.

существующего порядка, то в царствование Александра II это было уже не столь очевидно.

Если задачи по восстановлению имущественных прав мусульманской элиты были решены в середине XIX в., то этого же нельзя сказать о проблеме ее интеграции в российское дворянство. Высочайшим рескриптом от 6 декабря 1846 г. кавказскому наместнику поручалось разработать механизм определения личных прав мусульманского дворянства, «применяясь в сем отношении, по мере возможности, к правам благородному дворянству российскому присвоенным» [1]. Региональная администрация пошла по проверенному пути создания специальных смешанных комиссий для разбора дворянских прав и привилегий, в состав которых входили как российские чиновники, так и представители местных элит. В 1847 г. в Тифлисе и Кутаисе начали свою работу комиссии по определению прав грузинского дворянства. Такие же по структуре и функциям комиссии планировалось создать и для подтверждения прав мусульманской элиты. Однако, создание бекских комиссий откладывалось. Тифлисская и Эриванская комиссии начали свою работу только в 1865 г., позднее открылись Бакинская и Шушинская комиссии. Отметим, что окончательного решения вопрос о личных правах агаларов и беков в Российской империи так и не получил[2].

Неопределенность прав и изъятие имений иногда провоцировало представителей мусульманской знати к измене. 26 июня 1855 г. подполковник Омар-бек Касымханов бежал в Карс вместе с конвоем в 30 нижних чинов Конно-Мусульманского полка № 2 [3]. Побег Касымханова оказался резонансным, о нем докладывали военному министру, канцелярия кавказского наместника завела дело «О бегстве подполковника Омар-бека с 30 всадниками к туркам». Наследственное имение Омар-бека Касымханова было изъято в казну за уход его отца в Персию. Взамен отнятых земель

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. С. 618–619.
[2] Этнические элиты в национальной политике России. С. 139–140.
[3] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 462. Л. 2.

Касымханов получал ежегодное скромное содержание в 500 руб. серебром, которое едва покрывало его обязательные расходы. Несколько раз Касымханов обращался с просьбой вернуть ему отцовские имения, но несмотря на долгую и верную службу всякий раз получал отказ. «Он часто меж своими, и даже русскими, роптал на то, что ему не возвращают отцовского имения, подобно другим, несмотря на все его старания» [1], - отметил в своем рапорте шемахинский военный губернатор С.Г. Челяев. Еще одной причиной измены Касымханова следствие считало его связи с известным исламским проповедником Ахмед-эфенди, который часто навещал Омар-бека в Шемахе. Именно беседы об исламе с Ахмед-эфенди изменили образ жизни Омар-бека. Мусульманский аристократ перестал пить вино, стал меньше общаться с русскими сослуживцами и почти все свободное время проводил за чтением Корана. «По всем этим обстоятельствам можно полагать, что к измене его побудительною причиною был фанатизм, внушаемый новым учением, а может быть отчасти и недостаток его состояния»[2], - написано в заключении рапорта Челяева.

Отдельно необходимо рассмотреть взаимодействие первого кавказского наместника с исламскими духовными лидерами в контексте политики Российской империи по интеграции мусульманского «духовенства» в государственные административные структуры. Прежде всего необходимо отметить, что духовный авторитет в исламе имел неформальный характер. Исламской религиозной традиции чужда идея духовенства как института с развитой иерархией и единственного источника доктринального авторитета [3]. Российские региональные администраторы стремились привлечь на свою сторону исламских духовных лидеров, которые выступали в качестве доверенных посредников и обеспечивали лояльность мусульманского населения. Российская администрация проявляла

[1] Там же. Л. 31.
[2] Там же. Л. 32.
[3] Bulliet R. Islam: The View from the Edge. New York: Columbia University Press, 1994. P. 194.

удивительную последовательность в поддержке и доверии однажды выбранным исламским духовным лидерам.

В 1822 г. А.П. Ермолов назначил ахундом Тифлиса Мухаммеда-Али Гусейнзаде – сына Сальянского кадия. Мухаммед-Али получил почетный титул шейх-уль-ислама (араб. «старейшина ислама»). В этом статусе Мухаммед-Али прослужил 24 года и «постоянно отличался усердием и преданностью русскому правительству»[1]. Шейх-уль-ислам всеми силами старался удержать мусульман Южного Кавказа в мире и спокойствии в ходе Русско-персидской войны 1826–1828 гг. и призывал добровольцев вступать в пророссийские ополчения – мусульманские полки. За эти заслуги Мухаммед-Али получал жалованье в 500 руб. серебром в год и мог рассчитывать на сохранения содержания после выхода в отставку. В 1846 г. Мухаммед-Али «будучи преклонных лет и обремененный большим семейством» попросил об увольнении. Просьба шейх-уль-ислама уже была удовлетворена, и пенсия в 300 руб. серебром в год получила высочайшее одобрение, но оказалось, что заменить Мухаммеда-Али некем. Он продолжал отправлять должность тифлисского шейх-уль-ислама до 1852 г., когда наконец бы заменен главным кадием Сальянского участка Ахмедом Гусейновым[2].

Еще одним подобным примером является история авторитетного шиитского муджтахида (исламский богослов) Ага-Мир-Феттаха, который перешел на российскую службу в феврале 1828 г. и был назначен начальником мусульманского духовенства в Закавказье. Преданность и полезность службы Ага-Мир-Феттаха была оценена российской администрацией очень высоко[3]. В 1831 г. он получил в пожизненное владение 15 деревень в Ширванской провинции[4]. Однако, Ага-Мир-Феттах требовал большего, конфликтовал с кавказской администрацией и

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 244. Л. 1.
[2] Там же. Л. 13.
[3] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи. С. 90–91.
[4] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Ред. И.П. Петрушевский. Ч. 2. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 313.

самовольно отлучался в продолжительные и дальние путешествия[1]. В 1842 г. муджтахид бежал в Персию, объяснив свой поступок неожиданной и одновременной смертью сыновей, которая поразила его и сделала невозможным продолжение жизни в Тифлисе. Ага-Мир-Феттах просил разрешения императора Николая I остаться в персидских пределах, но заверял, что продолжит полезную России службу в приграничном Тебризе[2]. Ага-Мир-Феттаха исключили из российского подданства и запретили въезд в пределы империи, но оставили денежное содержание в 3 тыс. руб. золотом в год. Эти решения были направлены на то, чтобы исключить возможность политически вредного влияния муджтахида на население мусульманских провинций российского Южного Кавказа[3].

Согласно «Наказу Главному управлению Закавказским краем» [4], кавказскому начальству вменялось в обязанность «покровительствовать всем вероисповеданиям, по законам империи в недрах ее терпимым, и наблюдать, чтобы духовные школы удовлетворяли потребностям народа и, в тоже время, соответствовали целям и видам правительства»[5]. В 1842 г. Николай I поручил министру внутренних дел Л.А. Перовскому и кавказскому главноуправляющему А.И. Нейдгардту разработать правила исламских школ, существующих при мечетях, а также положение «об устройстве магометанского духовенства»[6]. Попытки составить документ для управления мусульманским духовенством региона предпринимались начиная с середины 1830-х гг., но все они были признаны неудачными[7]. Осторожный Нейдгардт не проявил административного энтузиазма и в письме к Перовскому предостерег от введения каких-либо масштабных новаций, которые могли бы «противостоять вековым обычаям» [8]. Кавказский главноуправляющий

[1] Там же. С. 315–322.
[2] Там же. С. 331–332.
[3] Там же. С. 333–335.
[4] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842.
[5] Там же. С. 10.
[6] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 601. Л. 2.
[7] Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX – начало XX в.). Документы / Сост. А.А. Ганич. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 32–34.
[8] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 601. Л. 3.

предлагал подождать «удобнейшего времени» для разработки и введения положения по управлению мусульманским духовенством.

Видимо боясь обвинений в бездеятельности, Нейдгардт писал в Петербург, что имеет собственную программу по надзору за исламским духовенством. Эта программа заключалась в следовании классическому принципу имперской политики divide et impera. Нейдгардт считал, что проще всего контролировать исламское духовенство, управляя конфликтами между духовными лидерами. Испытательным полигоном этой политики стал Шушинский уезд Каспийской области, где враждовали мулла Мирза Абдул Расим и кадий Мирза Касым. Нейдгардт разграничил их полномочия, формально санкционировав двоевластие. Система Нейдгардта предполагала, что исламские духовные лидеры будут следить за действиями друг друга и заниматься взаимным доносительством[1].

Сменивший Нейдгардта кавказский наместник Воронцов понимал, что для эффективного управления регионом необходимы компетентные чиновники, обладающие соответствующими знаниями[2]. Одним из тех чиновников, которых Воронцов отобрал для службы на Кавказе стал ученый-востоковед Н.В. Ханыков, служивший в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел[3]. Переплетение научных занятий и государственной службы в карьере Ханыкова может рассматриваться в качестве примера российского ориентализма, о котором дискутировали Н. Найт и А. Халид[4].

Ханыков стал основным экспертом Главного управления кавказского наместника по «мусульманским делам». В переписке с председателем Кавказского комитета и военным министром А.И. Чернышевым Воронцов называл Ханыкова «особым доверенным чиновником». Ученый разрабатывал

[1] Там же. Л. 8–9.
[2] Урушадзе А.Т. Образование в политике М. С. Воронцова на Кавказе (1844—1854 гг.): место и значение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 15.
[3] Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 50.
[4] Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 310–343.

важнейшие административные проекты, в том числе «Положение о мусульманском духовенстве Алиева учения» 1849 г. Подготовка «Положения» включала восьмимесячную научную экспедицию Ханыкова по Южному Кавказу с целью сбора статистических сведений о мусульманском духовенстве региона. Летом 1849 г. ханыковский проект обсуждался в Кавказском комитете и не получил одобрения. Проекту помешали, во-первых, ведомственная конкуренция кавказского наместника и министра внутренних дел и, во-вторых, сфокусированность только на шиитском духовенстве[1].

Несмотря на неудачный исход обсуждения в Кавказском комитете карьера Ханыкова развивалась успешно. В 1851 г. в Тифлисе начал свою работу Кавказский отдел императорского русского географического общества и Ханыков занял должность помощника председателя отдела (В.О. Бебутов). Впоследствии Ханыков руководил российским консульством в Тавризе и возглавлял Хорасанскую экспедицию 1858–1859 гг. Обширное научное и публицистическое наследие Ханыкова, вероятно, позволяет говорить о нем как об одном из представителей корпорации ученых-ориенталистов по Саиду. В статье «Перевод мусульманских постановлений о войне» Ханыков противопоставляет «рациональное» христианство и «фанатичный» ислам, наделяя это извечное столкновение чертами цивилизационного конфликта: «Но благодаря бога, теперь уже мусульманский фанатизм погасает: с Севера и Юга христианство под знаменами Англии, России и Франции, все более и более успокаивает его порывы»[2]. Ханыков писал и о «дикости» мусульман Кавказа, и о «восточной лености»[3].

Продвижение Российской империи на Южном Кавказе и серия поражений, которые потерпели османские и персидские армии в русско-турецких и русско-персидских войнах первой четверти XIX в. изменили

[1] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи. С. 94–96.
[2] Кавказ. 1846. № 20 (от 18 мая). С. 79–80.
[3] Кавказ. 1850. № 20 (от 11 марта). С. 77.

положение мусульманских общин региона. Российской имперской администрацией мусульмане Закавказья рассматривались как культурно чуждое и потенциально мятежное население вновь присоединенных территорий. Османы и Каджары видели в мусульманских элитах своих верных сторонников и рассчитывали на их поддержку в каждой очередной попытке военного реванша.

Российское правительство рассчитывало на эффективность практик непрямого управления и первоначально сохранило многочисленные «феодальные» владения Южного Кавказа в неприкосновенности. Ханам гарантировались их права и привилегии, но только на условиях абсолютной лояльности. Однако, как уже отмечалось, в результате антиханской политики А.П. Ермолова к 1828 г. мусульманская аристократия лишилась остатков политического суверенитета в регионе. В сравнительном контексте действия имперской администрации в пространстве «мусульманского мира» следует считать осторожными, российские администраторы избегали решительных трансформаций традиционных исламских социально-политических укладов. Это особенно заметно на контрасте со стремительной ликвидацией Картли-Кахетинского царства в 1801–1802 гг. и не менее решительного упразднения автокефалии Грузинской православной церкви в 1811 г.[1].

5.2. Кавказский наместник и Отдельный Кавказский корпус.

К середине XIX в. Отдельный Кавказский корпус представлял собой самобытную военно-служилую корпорацию, с выработанными на протяжении долгого времени статусами, иерархиями и ритуалами [2]. Кавказский наместник являлся и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, однако, эффективность управления этим военным

[1] Рыбаков А.Л. В «Области кесаря»: Проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 113–151.
[2] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX в. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. С. 129–186.

подразделениям во многом зависела от способности наместника завоевать популярность в армейских кругах, являться не только формальным командиром, но военным вожаком. Прежде чем перейти к описанию взаимоотношений наместника и солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса необходимо рассмотреть исторические особенности складывания этого военного подразделения и формирование его особого статуса, военной культуры и духа.

Впервые российские регулярные войска появились в Закавказье в ходе Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.). Петровский бросок на берега Каспийского моря являлся попыткой изменить традиционные маршруты евразийской торговли и захватить богатые шелком персидские провинции – Гилян и Мазендеран. Экспорт персидского шелка на европейские рынки через руки российских коммерсантов сулил казне баснословные прибыли. Как отметил И.В. Курукин: «Восточный бизнес манил, как созданный Пушкиным образ таинственной шамаханской царицы в “Сказке о золотом петушке”»[1].

Русские купцы активно торговали в персидских городах, но путь через Дагестан с караваном товаров был опасен и порой заканчивался несчастьем. В 1719 г. здесь был ограблен русский купец и дипломат Андриан Лопухин. Этот случай упоминался в донесении посла тарковского шамхала Мамет-бека Алыпкачева [2] . Показательно, что непосредственным поводом к началу военной экспедиции стало разграбление российской торговой фактории в Шемахе. «Предлагай шаху старому или новому, или кого сыщешь, по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали»[3], – инструктировал Петр I российского консула в Иране Семена Аврамова.

[1] Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2019. С. 17.
[2] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. С. 27.
[3] Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. I. XVI–XVIII вв. / сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. С. 87.

Операционным центром и стратегической базой Персидского похода являлась Астрахань. Именно Астрахань выступала ключевым узлом торгового пути, который по мысли императора мог соединить Среднюю Азию и Кавказ с новой российской столицей – Санкт-Петербургом. Астраханская губерния была образована в 1717 г. по повелению Петра I путем выделения территорий из Казанской губернии. В состав новой административной единицы были включены обширнейшие территории Нижней Волги, Волго-Уральского междуречья и Предкавказья. Само учреждение Астраханской губернии было во многом связано с провалом военной экспедиции князя А.Б. Черкасского (1716–1717), посланной в Среднюю Азию императором Петром I с целями отыскания старого русла реки Амударьи, склонения хивинского и бухарского ханов в российское подданство и устройства вдоль пути русских крепостей. Следственная комиссия Правительствующего Сената, проанализировав обстоятельства гибели отряда А.Б. Черкасского, пришла к выводу, что одной из ее главных причин были не проблемы военной подготовки, а плохая управляемость территорией, вследствие удаленного административного центра (Казань). Таким образом, военная неудача русской армии в Средней Азии подтолкнула центральные власти России к реорганизации административно-территориальной системы.

В год образования Астраханской губернии в нее входили города: Астрахань, Гурьев Яицкий (в настоящее время – Атырау), Саратов, Дмитриевск (в настоящее время – Камышин), Петровск, Самара, Симбирск (в настоящее время – Ульяновск), Сызрань, Терский город, Царицын (в настоящее время – Волгоград), Красный Яр, Черный Яр и Кизляр с прилегавшими местностями. Астраханская губерния оказалась в 1717 г. в числе двух губерний в России, не имевших внутреннего деления на провинции и уезды. Это объяснялось крайней малочисленностью оседлого населения губернии и тем обстоятельством, что кочевники не находились в подчинении местной губернской администрации. Для оседлых жителей

административными центрами являлись ближайшие к ним городки-крепости, являвшимися самостоятельными административно-территориальными единицами, совмещавшими военные и гражданские функции.

В первой четверти XVIII в. в Астраханской губернии отсутствовали крестьянские населенные пункты. Основное население здесь составляли ведшие кочевой образ жизни калмыки и ногайцы. Русское население было малочисленно, представлено военно-служилыми людьми и рыбаками. Служилые люди (стрельцы, казаки, драгуны, пушкари) проживали в Астрахани и нескольких городках, а рыбацкое население – в маленьких поселках, разбросанных по побережью Каспийского моря.

Кочевавшие на обширных степных просторах губернии калмыки, ногайцы, казахи и др. считались подданными России, но фактически проводили независимую политику и не подчинялись российской администрации. Кочевники часто нарушали договора с российским руководством и совершали набеги на городки и немногочисленное мирное население.

Чтобы удержать регион в орбите российского влияния и дать толчок его социально-экономическому и политическому развитию, необходимы были дополнительные людские ресурсы, которые могли быть получены только путем организации переселений в регион оседлого населения, однако успех этого дела напрямую зависел от решения вопросов безопасности переселенцев на новом месте жительства. В силу данных причин проблемы заселения и укрепления безопасности губернии на многие годы стали приоритетными в политике центральных властей и губернской администрации на астраханской окраине.

В июле–августе 1722 г. войска Петра I прошли по территории Дагестана. Несмотря на поддержку ряда местных феодальных владетелей во главе с шамхалом тарковским Адиль-Гиреем, российские войска встретили ожесточенное сопротивление со стороны некоторых других горских лидеров. 19 августа 1722 г. правитель Утамышского султаната Султан-Мамут атаковал

позиции, занимаемые войском Петра I, но был разбит. Султанат был полностью разорен, российская армия сожгла семь селений, включая столицу владения Утамыш, в котором было уничтожено 500 дворов[1]. «… сделали изо всего его владения феэрверк»[2], – сообщал 30 августа Петр I в письме Сенату.

На Кавказе российская армия, привыкшая к европейской войне со шведами, столкнулась с совершенно иным противником. В «Походном журнале 1722 года», который вел Петр I, привлекает внимание характеристика нового противника, вызывающего чувство неподдельного удивления своей непохожестью, странностью: «Зело удивительно сии варвары бились: во обществе нимало не держались, но бежали; а партикулярно десператно бились, так что, покинув ружье, якобы отдаваясь в полон, кинжалами резались, а один во фрунт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки»[3].

В дальнейшем российской армии придется не раз столкнуться с большими трудностями, связанными с военным покорением горских обществ Северного Кавказа. Уже в конце XVIII в. среди русских офицеров – участников многочисленных походов против горцев – сформируются устойчивые представления об особом «кавказском способе войны», овладение которым следует за получением многолетнего опыта войны на Кавказе.

Персидский поход стал большим испытанием для российской армии, действовавшей в непривычном климате и сложных ландшафтных условиях. Местный климат оказался самым страшным противником войска Петра I. Сам российский самодержец признавал, что, несмотря на короткую дистанцию предпринимаемых переходов, они сопровождались крайне неблагоприятными обстоятельствами, снижавшими боеспособность его

[1] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 41.
[2] Там же.
[3] Походный журнал 1722 г. СПб.: [б.и.], 1855. С. 11.

армии: «Марш сей, хотя не далек, только здесь труден от безкормицы лошадям и великих жаров…»[1].

Именно комплекс сложных природно-логистических условий (невозможность наладить надежные коммуникации с базами снабжения, падеж лошадей, болезненность в войсках) заставил Петра I прекратить удачно складывавшуюся экспедицию. Запись в царском «Походном журнале» от 29 августа 1722 г.: «Был генеральный конзилий что делать, на котором все согласно положили письменное мнение, что иттить назад, понеже провианту только на месяц имели»[2].

С Петром I уходила только часть войска. В крупнейших из захваченных городов (Дербент, Баку и др.) были оставлены сильные русские гарнизоны, составившие Низовой корпус, служивший на каспийских берегах до 1735 г. Значительную часть времени командующие Низовым корпусом проводили поближе к центрам снабжения и пополнения – в Баку и Дербенте.

Несмотря на вынужденное прекращение Персидского похода, условия мира с Персией, заключенного 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге были выгодны России. Петру I удалось добиться всех своих геополитических целей. Согласно второй статье мирного трактата, персидский шах уступал российскому императору «в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабат…»[3]. Южная российская граница за короткое время продвинулась за реку Аракс, вытянувшись вдоль всего западнокаспийского побережья.

Но эти очертания российской границы вскоре изменились. Наследники царя-реформатора не смогли закрепить под российским суверенитетом отторгнутые от Персии провинции. Согласно Рештскому трактату от 13 февраля 1729 г., Россия уступала шаху Астрабад и Мазендаран с единственным условием недопущения передачи этих провинций третьей

[1] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 41.
[2] Походный журнал 1722 г. С. 13.
[3] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. С. 192.

державе[1]. В 1732 г. Персии был возвращен Гилян, а по Гянджинскому трактату, заключенному 10 марта 1735 г., Российская империя возвращала Дербент и Баку[2]. В преддверии очередной войны с Османской империей российское правительство решило обезопасить себя от угрозы со стороны Персии, дорого заплатив за «вечную союзную дружбу»[3].

Граница Российского государства откатилась обратно на север – к реке Сулак. Здесь еще в 1722 г. Петр I основал крепость Святого Креста. Она должна была играть роль главного военного оплота России на Северном Кавказе. Но укрепления возводились в спешке, что стало причиной многочисленных инженерных дефектов[4]. Новым центром империи на юге стал основанный в 1735 г. Кизляр. Этот город был не только военной опорой России на Кавказе, но и важным торговым рынком. Богатство Кизляра в разное время манило таких борцов с российской гегемонией, как шейх Мансур, Шамиль и Зелимхан Харачоевский.

К 1745 г. из полков бывшего Низового корпуса в штатном расписании состояли восемь – Куринский (с 1784 г. – Тифлисский полк, а затем Тифлисский гренадерский), Кабардинский, Апшеронский, Ширванский, Низовский, Нашебургский, Навагинский и Тенгинский[5]. Впоследствии все эти полки за исключением Низовского и Нашебургского станут главной ударной силой Отдельного Кавказского корпуса, а с 1857 г. Кавказской армии.

В 1760-е гг. началось активное сооружение Кавказской линии, которая стала своеобразной двигающейся стеной, оттеснявшей коренное население все дальше в горы. При укреплениях создавались пограничные гарнизонные батальоны. В относительно короткий срок в 1769–1780-е гг. в предкавказской степи было построено более 30 военных укреплений. Для их заселения, а

[1] Там же. С. 195.
[2] Там же. С. 208.
[3] Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. I. XVI–XVIII вв. С. 159.
[4] Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). С. 117–118.
[5] Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. С. 3.

также новых поселений, возникших под защитой крепостей, активно привлекались донские и волжские казаки, отставные военные, однодворцы и государственные крестьяне.

Самобытным подразделением российской армии стал сформированный в 1769 г. Московский легион, состоявший из четырех батальонов пехоты, шести кавалерийских эскадронов, отдельного казачьего отряда и артиллерийской команды. В состав Московского легиона вошел и Грузинский гусарский полк, сформированный в 1741 г. из грузинских дворян-эмигрантов. Московский легион действовал на Северном Кавказе и подчинялся командующему войсками на Кавказской (Азово–Моздокской) линии генералу И.Ф. фон Медему [1] . В 1775 г. Московский легион расформировали, но практика создания специальных автономных армейских корпусов для военных действий на Кавказе вскоре была расширена. Уже в 1777 г. были сформированы Кубанский легкий корпус и Астраханский корпус. Главной задачей новых корпусов являлась защита южных границ империи. В 1780-е гг. политическая нестабильность в Крыму и набеги горцев на Кавказскую линию привели к укреплению состава российских войск, располагавшихся на Кавказе. Астраханский корпус в 1782 г. был переименован в Кавказский[2].

Для русских солдат и офицеров, крестьян-переселенцев незнакомые и невиданные ранее природно-климатические условия стали основой развития представлений о Кавказе как об «иной» земле. При этом «инаковость» кавказского пространства со временем приобрела и символический характер. В одном из кавказских рассказов Л.Н. Толстого, русский офицер — ротный командир Болхов, определяя мотивы выбора места службы, указывает на «престранное предание про Кавказ, будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей»[3].

[1] Там же. С. 8.
[2] Там же. С. 11.
[3] Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. II. М.: Художественная литература, 1979. С. 65.

Русский человек – это человек равнины, открытого простора. Резкая смена пространственной горизонтали (равнины) на пространственную вертикаль (горы) вызывало смешанные чувства восторга и страха. Именно горы стали символом Кавказа для русского человека в XIX в. и во многом остаются подобным символом и ныне. «Радикальная смена рельефа» — как отмечает Я.А. Гордин, — «была не главной, но достаточно важной составляющей взаимоотношений русского человека и Кавказа»[1]. Прямое противопоставление равнины и гор нередко встречается в литературных произведениях современников кавказских событий. В стихотворении А.С. Грибоедова «Хищники на Чегеме» привлекает внимание следующее четверостишие: «Двиньтесь узкою тропою! // Не в краю вы сел и нив. // Здесь стремнина, там обрыв, // Тут утес – берите с бою»[2]. Не менее выразительно произведение Я.П. Полонского[3] «На пути из-за Кавказа», в котором подчеркивается оппозиционность двух типов пространств русского и кавказского: «Выси гор, в облака погруженные // Расступитесь! Приволье станиц… // Расстилаются степи зеленые… // Я простору не вижу границ // И душа на простор вырывается // Из под власти кавказских громад… // Колокольчик звенит – заливается // Кони юношу к северу мчат»[4].

Природно-климатические условия кавказского региона были не только предметом вдохновения русских поэтов[5], но и серьезным противником, едва ли не более опасным и непримиримым чем отряды горцев. В сочинении В.И. Мочульского[6] «Война на Кавказе и Дагестан» автор, служивший в 1834–1838 гг. на Кавказе, и занимавшийся разведывательной деятельностью на территории имамата, среди причин затягивания Кавказской войны первой

[1] Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008. С. 28.
[2] Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т.II. СПб.: Нотабене, 1999. С. 232.
[3] Яков Петрович Полонский провел на Кавказе несколько лет в качестве домашнего учителя (1846–1852 гг.), а, кроме того, был помощником редактора газеты «Закавказский вестник».
[4] Кавказ в русской поэзии. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1986. С. 43.
[5] А.С. Пушкин в Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенному к Н.Н. Раевскому-младшему, называет гору Бештау своим «новым Парнасом». Подробнее см.: Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. М.: Гелиос, 2006. С. 150–151.
[6] Виктор Иванович Мочульский (1810–1871 гг.) более известен как видный российский энтомолог, впервые описавший множество видов насекомых. На Кавказе В.И. Мочульский служил офицером Генерального штаба.

отмечал «препятствия природы» [1] . Непривычные к продолжительным маршам в горной местности солдаты Отдельного Кавказского корпуса быстро истощали свои силы, не имея возможности настигнуть отряды горцев. В.И. Мочульский так описывал состояние солдат после многих часов горных переходов: «Люди от изнеможения падают и с неописуемой жадностью ищут по безводным горам воды для утоления жажды, а холодный ключ или ручей есть гибель для отряда. Солдаты бросаются к оному толпами и многие умирают от неумеренно утоленной жажды. Тут ни приказания, ни сила не в состоянии удержать несчастных – это борьба за жизнь»[2].

Условия ведения войны, особенности местных климата и ландшафта становились для русских войск на Кавказе непременной и неотделимой частью противной стороны. В одном из своих многочисленных трудов, посвященных войне на Кавказе, Д.А. Милютин писал о военных действиях здесь как о «покорении неприязненного края» [3] . В ходе масштабных экспедиций в горы, действующие отряды русской армии сталкивались с огромными трудностями, связанными с транспортировкой артиллерии и движением обозов. Узкие горные тропинки даже после их расширения саперами позволяли провозить только легкие орудия и лишь на одном колесе катившимся по тропинке, в то время как другое удерживалось силой солдатских рук при помощи канатов. Армейские части разбивали лагерь прямо под открытым небом, в отсутствии застрявшего на очередном перевале обоза, не имея средств укрытия от проливного дождя и порывистого, холодного ветра[4].

Русской армии на Кавказе необходимо было приспосабливаться как к противнику, так и к природно-климатическим условиям театра войны. Уже к концу первой четверти XIX в. внешний вид солдат и офицеров Отдельного

[1] Мочульский В.И. Война на Кавказе и Дагестан / Ред. Касумов С.М., Хапизов Ш.М. Махачкала: [б.и.], 2012. С. 21.
[2] Там же. С. 22.
[3] ОР РГБ. Ф. 169. К. 19. Ед. хр. 5. Л. 7.
[4] Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год. / Сост. Лисицына Г.Г., Миловидов Б.П. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 103–104.

Кавказского корпуса мало соответствовал уставным стандартам. Эмиссар Николая I, полковник Ф.Ф. Бартоломей, инспектировавший кавказские войска императора в 1826 году, в своем рапорте отметил: «Люди не выправлены, не обучены, и только мундиры, изредка надеваемые (ходят здесь большей частью в разорванных шинелях, бурках, архалуках, в черкесских шапках и проч.), заставляют иногда догадываться, что это должны быть солдаты»[1]. Кавказ оказывал на русских солдат влияние сходное с воздействием американского Дикого Запада на колонистов-фронтирсменов, которые расстались с «цивилизованными одеждами» и облачились в «охотничью куртку и мокасины»[2].

В ходе военного противостояния империи и горцев заимствования носили взаимный характер. Если русские солдаты и офицеры облачались в более удобный и больше подходящий местным условиям костюм или его отдельные элементы, то в отрядах имама Шамиля с начала 1840-х гг. начали появляться командно-должностные звания и военные награды. Среди знаков отличия имели место: круглые и треугольные медали, серебряные эполеты и темляки, «полузвезды». Исследователи сходятся во мнении, что наградная система войск имама Шамиля развивалась под влиянием соответствующей практики русской армии. Как отмечает Х.М. Доного: «О непосредственном влиянии русской наградной системы на горскую говорит и то, что в ряде надписей встречается слово “медаль” и награда в виде темляка – по образцу анненского или георгиевских темляков»[3].

Эти и другие взаимные заимствования материальных комплексов и их частей носили ограниченный характер. Параметры противостояния (ожесточенность, длительность) были заданы принципиальным антагонизмом двух различных символических практик – модернизированной имперской и традиционной горской. Кавказская война стала войной

[1] Цит. по: Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. С. 226.
[2] Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. С. 15.
[3] Доного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2005. С. 59.

взаимного непонимания[1]. Русской армии — европейскому механизму, основанному на точном и тотальном воспроизводстве дисциплинарных техник, противостояло ополчение горских социумов – военная организация, фундаментом которой были традиции предков, своеобразного горского рыцарства и агональный дух. Такое положение приводило к многочисленным трагическим случаям[2], следствием которых было ожесточение сторон и эскалация конфликта.

С проблемой отсутствия «общих правил игры» пришлось столкнуться и местной коронной администрации, которая в начале XIX в. не отличилась эффективностью. Чиновники, не понимавшие местных языков, население, внезапно столкнувшееся с новыми и невиданными ранее порядками судопроизводства и управления. Все это порождало крайнюю степень недоверия и отчужденности. Сложившееся положение лаконично описал главнокомандующий в Грузии П.Д. Цицианов (1803–1806): «Для них все ново, для нас все странно»[3].

Противоборствующие стороны были не только взаимно «другими» («чужими»), но и испытывали острый и столь же взаимный дефицит знаний друг о друге. «Проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, в первые годы своей службы на Кавказе, не стеснялся признавать скудость собственных познаний о крае и его жителях. Так, в письме к М.С. Воронцову он писал: «Я в такой земле (на Кавказе – А.У.), где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей»[4].

Взаимное незнание обрекало участников противостояния на изучение и переоценку друг друга в пространстве южнороссийского фронтира, в ходе

[1] Подробнее см.: Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 5–16.
[2] Один из случаев взаимного непонимания, приведший к серьезным политическим последствиям, описан Джоном Баддели: Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2010. С. 123-124.
[3] АКАК. Т. II. С. 46.
[4] Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Сост.: Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2011. С. 29.

контактов разнообразного типа: вооруженного столкновения, торговых операций, медицинской помощи, плена и суда[1]. Результаты амальгамизации описанных различий и сближения «непохожостей» были бы невозможны без еще одного (наряду с пространством) фундаментальным условием. Речь идет о времени Кавказской войны и его свойствах.

С материалистической точки зрения категория времени не более чем фикция. Времени, по сути – нет. Существует лишь движение материи в пространстве, а все остальное проблемы и следствия воображения. Движение материи в первой половине – середине XIX столетии не отличалось по сегодняшним меркам высокой скоростью. Нормативы скорости, установленные для российских ямщиков в 1824 г., составляли от восьми верст в час осенью до двенадцати зимой. На преодоление российских просторов даже в экстремальных случаях тратилось изрядное количество времени. О вторжении Наполеона в Твери узнали только 10 июля, спустя месяц после форсирования Немана Великой армией 12 июня 1812 года.

«Кавказ от России далеко…» — это замечание из письма[2] князя Д.И. Святополка-Мирского, написанного в 1855 г. Кавказ не только воспринимался, но и являлся далекой, почти «заморской» периферией, по которой передвигаться было не только утомительно, но и опасно. Для путешествия по Кавказу необходимо было иметь сильный эскорт, но и при нем нельзя было чувствовать себя вполне безопасно. Офицеры Отдельного Кавказского корпуса иронизировали: «Чтобы видеть в Чечне высокие шесты с кусками на них красной и желтой материи; надгробия наездников; простую саклю кутанов (хуторов) или колючий тын засеянной кукурузою поляны, нужно несколько батальонов и орудий в прикрытие. Так путешествовать не в

[1] Подробнее об особенностях проникновения российского судопроизводства на Кавказ см.: Абазов А.Х. Особенности правогенеза у народов Центрального Кавказа в условиях включения в состав Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия. 2. 2011. № 4. С. 124–125.

[2] Это письмо являлось ответом на письмо Н.Н. Муравьева, назначенного в конце 1854 года Кавказским наместником. Н.Н. Муравьев адресовал свое письмо А.П. Ермолову. Письмо содержало негативную характеристику порядков службы на Кавказе и состояния Отдельного Кавказского корпуса.

силах ни один английский лорд; но я, служа в рядах русской армии, видел эти виды за сходную, пустую плату: рискуя потерять голову»[1].

В начале XIX в. о событиях, происходящих на Кавказе, мало что знали не только в столицах империи, но и в губерниях непосредственно к нему примыкающих. Молодой А.Х. Бенкендорф, служивший на Кавказе вместе с будущим Кавказским наместником М.С. Воронцовым, 5 марта 1804 г. писал из Херсона: «На линии по крайней мере говорили о тамошнем крае, но здесь счастливые и беспечные малороссиянки едва знают, что войска наши в Грузии, а еще менее, что несчастный этот край окружен войною»[2]. О жизни на Кавказе образованная российская публика узнавала с большим опозданием, а дошедшие сведения часто бывали ошибочными. В первой половине XIX века географическая периферийность сопровождалась неизменной спутницей – информационной периферийностью. Это хорошо выражено А.С. Грибоедовым в «Письме к издателю “Сына Отечества”»: «Теперь представьте моё удивление: между тем, как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки Русского инвалида, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а, следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадовался, но, что же прочел?»[3]. А.С. Грибоедов негодовал по поводу ложной информации, о якобы происшедшем в Тифлисе восстании. Поэт завершил свое письмо ироничным укором в адрес столичной публики: «... если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может называться краем забвения, то

[1] Сливицкий И.А. Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38. С. 145.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. М.: Университетская типография, 1889. С. 15.
[3] Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1956. С. 401.

позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно»[1].

К середине XIX в. положение почти не изменилось. Жители внутренних губерний Российской империи по-прежнему имели о Кавказе довольно смутные представления. В русские гарнизоны, расквартированные в крепостях и редутах многочисленных укрепленных линий, приходили письма с указанием таких адресов: «В крепость Новороссию, что в земле Горских народов, на Абазинских островах»[2].

Периферийность региона, как и в случае с некоторыми другими окраинами Российской империи, имела не только пространственное, но и временно*е* измерение[3]. Оторванность Кавказа от остального тела империи искривляла течение времени. Гарнизоны укреплений, расположенных на Кавказской линии, лишь изредка получали «что-то в роде книг, а иногда и изорванный Инвалид[4], о котором уже давно забыли в России»[5]. Новости внутренней и внешнеполитической жизни страны доходили до русских солдат и офицеров, служащих на Кавказе, самым причудливым образом: «… я помню мы тогда только узнали о поездке государя императора в Англию, когда прочли высочайший приказ о производстве нашего знакомого, подписанный в Лондоне»[6].

Если считать в отношении Сибири XIX в. уместной метафору о замороженном времени, которое остановило или притормозило движение огромного края[7], то говоря о Кавказе, справедливо будет заметить, что местное течение времени (для русских солдат и чиновников) было погружено в духоту и скуку однообразия повседневной жизни. Безысходная скука, порождающая лень и праздность, рефрен многочисленных записок, заметок и

[1] Там же. С. 404.
[2] Кавказ. Выдержка из походных записок // Кавказ. 1848. № 41. (от 9 октября). С. 166.
[3] Ремнев А.В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и в Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 229.
[4] Газета «Русский инвалид». Издавалась в Санкт-Петербурге в 1813-1917 гг.
[5] Дзержек Г. Четыре месяца на Лабинской линии. Выдержка из писем // Кавказ. 1848. № 26. С. 101-102.
[6] Там же.
[7] Ремнев А.В. «Короткий» XIX век Сибири. С. 229.

воспоминаний солдат и офицеров гарнизонной службы на Кавказе. Скуку можно назвать одной из главных героинь «Очерков Кавказа и Закавказья» И.А. Сливицкого: «Лето 1846 года было самое жаркое и скучное, изо всех которые я провел в Закавказском крае. Жили мы сиднем в Закаталах. Эти Закер-Талы, переделанные на русский лад, построенные в 1829 году, на месте кладбища разоренного аула, предлагали нам очень немного удобства и веселья. Солдатские домики низкие и тесные, так нерасчетливо принаровленные к жаркому климату, заставляли потом чела платить за удовольствие, жить под их соломенными крышами. Лихорадка напоминала о себе унылыми звуками барабана и флейты, скорбных прощаний солдат, провожавших своего собрата в последнюю, вечную казарму – могилу. В нагретом до духоты воздухе, казалось веяло скукою. Подвергаясь климатическому влиянию, мы ленились как кровные азиатцы и скучали как истинные англичане; и чтобы сколько-нибудь разцветить однообразие нашей жизни, изобретали джарские обеды в садах, глазели на торговой улице на шорников, нашивающих русские абазы на татарские женские пояса, и на кузнецов, подковывающих без станка, крепких горских лошадей; болтали с лезгинами-чапарами (курьерами), которые прохаживаются целый день праздно, в кошах и заломанных папахах и купались в Тальском ручье, где всегда было в избытке воды, когда, во время маршей, нам случалось переходить через него, и очень мало, когда хотелось освежить расслабленные жарою члены в его холодных струях. Но скоро и эти средства не скучать, невыносимо прискучили» [1] . Офицеры Отдельного Кавказского корпуса проводили долгие, жаркие дни «шатаясь из одного угла в другой» в поисках «хоть какой-нибудь крохи для развлечения»[2].

Долгая и изнурительная гарнизонная служба быстро, а главное совершенно неожиданно сменялась продолжительными и еще более

[1] Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 40. С. 161. О скуке в жизни на Кавказе см. так же: Мелешко Е. Отрывки из путевых заметок по Гурии // Кавказ. 1849. №. 9. С. 34; Жизнь в Баку // Кавказ. 1853. № 37. С. 151.
[2] Клочек из походной жизни // Кавказ. 1849. № 4. С. 13.

тягостными военными экспедициями в горы. Со временем в солдатской повседневной жизни на Кавказе были выработаны особые приметы времени. Барометром движения отрядов Кавказского корпуса служили сухари. Офицеры тщательно высчитывали количество завезенных в гарнизон сухарей: «… если привезено на три дня, то не миновать нам оставаться; если же на десять и более, то двинемся вперед»[1].

Важным эпизодом истории Кавказской войны являлась проблема управления мирными горцами – населением Северного Кавказа, которое добровольно признало верховенство российских властей. Зачастую речь шла о горских сообществах, выходивших к позициям российских войск и тем самым прекращавших военное сопротивление, рассчитывая на переход к мирной жизни. Еще в 1830 г. российские власти потребовали от кавказской администрации карту, на которой мирные общества горцев, присягнувшие на верность белому царю, были бы отделены от горцев немирных. Карта была составлена, и большая часть Северного Кавказа окрасилась в умиротворяющий зеленый цвет, обозначавший покорных подданных империи. Но командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал И.Ф. Паскевич вместе с картой представил специальный рапорт, поясняющий, что линия, «проведенная на карте зеленой краской, означает пределы народов, принесших присягу на верноподданность государю императору, но сие не значит, чтобы они были покорены, ибо многие из них часто нарушали присягу свою, которую давали, уступая временной необходимости во время бывших против них военных экспедиций…»[2].

Контролировать мирных горцев часто оказывалось существенно сложнее, чем противостоять горцам немирным. Это приводило к перманентной нестабильности мирного статуса присягнувших на верность горцев, которые под давлением различных обстоятельств отказывались от

[1] Там же.
[2] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. С. 256–257; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 25-26.

ранее объявленной лояльности. Подобные случаи практически и символически понижали авторитет коронной власти, а в Петербурге известия об «изменах» горцев вызывали раздражение и недовольство местным начальством.

В начале 1842 г. командующий Черноморской береговой линией генерал-лейтенант И.Р. Анреп обратился в Военное министерство Российской империей с вопросом: «Должно ли принимать покорность горных обществ по частям, или не иначе как от целого общества нераздельно?»[1]. За И.Р. Анрепом на Кавказе закрепилась репутация чудака и фантазера, еще будучи начальником Лезгинской кордонной линии (1839–1841 гг.) он отправился покорять горцев не силой оружия, а своим красноречием. В воспоминаниях ветерана Кавказской войны генерала Г.И. Филипсона об И.Р. Анрепе среди прочего написано, что «воображение уносило его часто за пределы действительности»[2]. Но в этот раз к вопросу донкихотствующего генерала в Петербурге отнеслись со всей серьезностью. Отсутствие решительного успеха в деле «умиротворения» неспокойной южной окраины требовало поиска эффективных подходов к распространению и надежному закреплению имперского суверенитета.

Поводом к вопросу И.Р. Анрепа стала присяга шапсугского фамильного объединения Ачмез. Начальник Черноморской береговой линии писал военному министру о рисках принятия подданства от небольших групп горцев, и предлагал принимать изъявления покорности только со стороны сильных обществ, которые могли бы увлечь за собой под покровительство «белого царя» соседей, а не стать жертвой очередного набега непокорных. Также И.Р. Анреп отмечал необходимость установления общих правил принятия покорности горцев и учреждения в лояльных обществах российского управления[3].

[1] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 1.
[2] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Вып. 1. С. 200.
[3] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 1.

Военный министр А.И. Чернышев, согласно воле императора, потребовал заключения по вопросу, поднятому И.Р. Анрепом, от командующего войсками на Кавказской линии и начальника Кавказской области генерала П.Х. Граббе. Павел Христофорович был не только талантливым офицером, но и упрямым честолюбцем, способным согласиться только с собственным мнением. К началу 1842 г. он почти открыто конфликтовал с корпусным командиром генералом Е.А. Головиным по вопросу о главной цели весенне-летней военной кампании на левом фланге Кавказской линии[1].

П.Х. Граббе, сославшись на «чрезвычайное разнообразие горских обществ», отверг возможность установления единообразных правил «принятия покорности» и предложил оставить решение этих задач местным начальникам, которые должны были уведомлять свое высшее начальство о каждом новом случае «замирения». Императору аргументы П.Х. Граббе показались убедительными. Но полностью положиться на командиров различных отрядов, несущих службу на Кавказской линии, в деле определения условий горской покорности Николай I счел невозможным и вредным. Царь справедливо считал, что его генералы, не имеющие никакого ясного руководства, «неизбежно будут вовлекаемы в распоряжения разнообразные, несогласные между собою, ни в цели, ни в средствах, а потому вредные по своим последствиям» [2] . Поэтому Николай I самостоятельно определил общие принципы, на которых следовало принимать покорность горцев.

17 февраля 1842 г. в Тифлис Е.А. Головину было отправлено послание с изложением нескольких ключевых пунктов за подписью А.И. Чернышева, но по характеру текста видно, что военный министр позволил себе лишь прилежно пересказать императорские повеления. Генералам П.Х. Граббе, И.Р. Анрепу, И.Н. Тараканову (командующий войсками в Южном

[1] Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 406–407.
[2] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 2.

Дагестане), Ф.К. Клюки-фон-Клугенау (командующий войсками в Северном Дагестане) и Г.Е. Шварцу (начальник Лезгинской кордонной линии) была отправлена копия этого письма военного министра.

Во-первых, император не видел никаких препятствий к принятию покорности со стороны отдельных семейных объединений и селений горцев. «Распространение владычества нашего на Кавказе непосредственно зависит от несогласия между горцами. Ныне же все почти горские общества соединились против нас и в этом положении дел необходимость указывает приступить к безотлагательным мерам для возможного уменьшения числа неприятелей и поселения между ними внутренней вражды и раздоров»[1] – фиксировал монаршее указание А.И. Чернышев.

Во-вторых, главной причиной частых нарушений горцами присяги Николай I признавал их недостаточную защиту от немирных соседей. Поэтому принимать в подданство следовало «те только горные общества, земли коих непосредственно прилегают к нашим линиям, так что оборона их против всяких внешних покушений, может быть устроена надежным образом. Напротив того, не принимать изъявление покорности от племен, коих земли находятся вне связи с занятыми нами линиями и которых посему мы не можем оборонять безусловно, ибо подобная покорность оставалась бы, как и доселе безпоследственною (так в тексте – А.У.)»[2].

В-третьих, мирных горцев необходимо было убедить, что, переходя на сторону коронных властей, они не будут терпеть притеснения и их земли останутся за ними: «Удостоверить покоряющиеся общества в прочности их водворения в пределах ими занимаемых»[3].

В-четвертых, мирным горцам разрешалось «впредь до общего гражданского устройства всех племен Кавказа» руководствоваться местными правовыми обычаями по всем делам за исключением уголовных. Общее наблюдение за их благополучием должен был осуществлять пристав из

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же.

офицеров русской службы. Приставская система управления к этому времени получила широкое распространение на Северном Кавказе[1].

В-пятых, мирные горцы освобождались от всех личных повинностей кроме защиты собственных селений и имущества, которую они должны были обеспечить совместно с отрядами Кавказского корпуса. «Сверх того, в видах обороны своих жилищ, горцы обязаны, там, где это будет признано возможным и не противно их обычаям, содействовать нашим войскам к постройке укреплений, которые признаны будут необходимыми, поставкой рабочих, приготовлением строительных материалов, и выставкой подвод, не иначе, как за установленную плату»[2] – отмечал военный министр.

Эти же условия распространялись на горцев, ушедших с берегов Терека и Лабы и принимавших участие в набегах на укрепления и поселения Кавказской линии. Им разрешалось вернуться на прежнее место жительства, но прежде они должны были с оружием в руках выступить против свободных горцев, продолжавших борьбу с империей. Таков был залог доверия для новых подданных, определенный Николаем I.

В отправленные из столицы на Кавказ правила допускались «частные изменения» в соответствии с местными обстоятельствами и нуждами. Генералам поручалось «привлекать горцев всеми зависящими от них способами к изъявлению добровольной покорности»[3].

Но усилия имперской администрации не давали искомого результата. Побеги присягнувших горцев продолжались. Некоторые горские общества нарушали данную русскому царю присягу по несколько раз. Показателен пример бесленеевцев, которые приняв присягу повторно всем обществом под предводительством своего князя Айтека Канокова и выдав аманатов летом 1843 г., уже менее чем через год вновь изменили российским властям. По поводу этого происшествия А.И. Чернышев писал в Тифлис А.И. Нейдгардту

[1] Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. С. 60–64.
[2] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504.
[3] Там же. Л. 4.

от имени императора: «… это служит новым доказательством сколь бесполезно и даже вредно безусловное переселение в пределы наши горцев, изъявивших сомнительную покорность. Подобные переселения могут достигнуть цели лишь при строгом соблюдении двух главных условий: ограждения переселенцев от внешних насилий и обеспечения будущего их поведения надлежащими ручательствами. В противном случае – не защищая их от покушений неприятеля, мы представляем повод к невыгодному заключению о слабости нашей, а полагаясь на шаткую преданность переселенцев, мы явно вдаемся в обман» [1] . Под «надлежащими ручательствами» верности чаще всего подразумевалось участие мирных горцев в военных предприятиях войск Отдельного Кавказского корпуса.

Определять политику в отношении горцев, перешедших на сторону коронных властей, приходилось и М.С. Воронцову. Особенно актуальной эта задача стала в начале 1850-х гг., когда военное давление войск Отдельного Кавказского корпуса и нарушение традиционных хозяйственных связей заставляли горцев выходить на линию российских укреплений и присягать на подданство. Командование Кавказской линии уведомляло штаб в Тифлисе о таких выходах и, вместе с тем, отмечало бедственное состояние горцев, оставшихся без средств к существованию. В этих случаях кавказский наместник разрешал отпуск провианта горцам из военных складов и финансирование «обустройства выходящих из гор жителей» за счет казенных сумм[2]. Как отмечал командующий Левым флангом Кавказской линии генерал В.М. Козловский в письме обер-квартирмейстеру Отдельного Кавказского корпуса генералу Н.И. Вольфу от 11 июня 1852 г.: «Получив личное приказание от его светлости главнокомандующего не отказывать выходящим из Чечни семействам в пособии провиантом и зная, что без отпуска им этого довольствия, всякое переселение из гор может прекратиться, ибо

[1] Там же. Л. 111.
[2] Доклад Штаба войск Кавказской линии и Черномории начальнику Штаба Отдельного Кавказского корпусу П.Е. Коцебу, 1852 // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 1; Рапорт командующего войсками в Прикаспийском крае И.Д. Орбелиани кавказскому наместнику М.С. Воронцову, 9 мая 1852 г. // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 19–19об.

действительно переселенцы сии в первое время сами себя содержать не могут, я в этом уважении распорядился означенным 63-м семействам отпускать провиант по положению с 1 мая по 1 сентября сего года, по числу 192-х душ полной дачи и 34-х половинной, из Грозненского провиантского магазина…»[1].

Перешедшие на российскую сторону горцы получали поддержку российской военной администрации и в случае потери хозяйственного имущества и рабочего скота в результате набега «немирных» горцев. Один из таких случаев также описан в рапорте генерала В.М. Козловского генералу Н.И. Вольфу от 19 июля 1852 г.: «Тепли-кичинцы, по большей части выходцы из Чечни не давние, при всей своей несостоятельности, были всегда слишком слабы чтобы иметь средства к самому скудному скотоводству, хлебопашеству и сенокосу, ибо находясь очень близкими к неприятелю, содержащему их во всегдашнем страхе, подвергаются разорению при малейшей неосторожности, а для хлебопашества и сенокоса далее версты от укрепления мест занимать не могут. При таких обстоятельствах неприятель, воспользовавшись на днях их отсутствием на покосе за р. Сунжу, захватил у них почти весь рабочий скот и лишил их этим всякой возможности не только заготовить сена на зиму, но и собрать хлеб, которым думали некоторые семейства обеспечит себя на этот год. Это поставило меня в необходимость всем тепли-кичинским жителям разрешить с первого июля отпуск казенного провианта и я, сообщая о сем вашему превосходительству, для доклада главнокомандующему, имею честь покорнейше просить ходатайства вашего у его светлости, о продолжении им сего довольствия на целый год, как совершенно необходимого к пропитанию сих горцев, при такой их крайности»[2].

Такая политика командования Отдельного Кавказского корпуса способствовала выходу горцев и принятию ими российского подданства. За

[1] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 554. Л. 36.
[2] Там же. Л. 52–52об.

1852 г. на Кавказскую линию вышли 1740 горцев – мужчин, женщин и детей [1] . Это было существенно больше, чем численность выходов за предыдущие годы. Кроме того, горцы выходили не только целыми сообществами, но и небольшими семейными группами. Выход горцев подрывал ресурсы имамата Шамиля и приближал окончание Кавказской войны.

За годы Кавказской войны среди российских военных и чиновников сформировалась особая субкультура – «настоящие кавказцы». Это социальное явление впервые было зафиксировано М.Ю. Лермонтовым. Прекрасный знаток особенностей края, изъездивший его вдоль и поперек — «от Кизляра до Тамани», еще в первую свою ссылку, он не только участвовал в экспедициях регулярных войск, но и возглавлял полупартизанский отряд, состоящий из казаков и волонтеров. «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия» — отмечал М.Ю. Лермонтов в своем известном очерке «Кавказец»[2]. Это произведение М.Ю. Лермонтов писал специально для выходившего в 1841–1842 гг. альманаха физиологических очерков «Наши, списанные с натуры русскими», но оно не был напечатано по цензурным соображениям[3].

Японский исследователь К. Норимацу полагал, что лермонтовское описание «настоящего кавказца», который «есть существо полурусское, полуазиатское» и «вполне понял нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств»[4] — это «не что иное, как воплощение размывания границы между Россией и Азией» [5] . Но «гибкость кавказца», позволяющая адаптироваться к новым условиям жизни,

[1] Там же. Л. 14.
[2] Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969. С. 337.
[3] Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сб. статей / Под. ред. Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 297–298.
[4] Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 337.
[5] Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма. С. 298.

скорее свидетельствует не о размывании границ, а о деформации идентичности.

Движущей силой дрейфа самоидентификации ветеранов кавказской службы были как особенности региона и местной жизни, описанные выше, так и эксклюзивные навыки и умения, приобретаемые на Кавказе, и отличавшие «кавказцев» от новобранцев «из России». Уже в первые годы XIX в. военные действия русской армии на Кавказе именовались «кавказским способом войны», а дальновидные офицеры, незнакомые с азами этого искусства предпочитали подобно графу де Рошешуару, участнику кубанской экспедиции генерала С.Г. Гангеблова 1809 года, «ни в чем не уклоняться от мудрых наставлений» опытных командиров[1].

Корпоративная идентичность «настоящих кавказцев» формировалась во многом на основе оппозиции «Россия – Кавказ», а образом «другого» или «чужого» служил офицер, временно прикомандированный к частям Кавказского корпуса. Таких армейских и гвардейских офицеров на Кавказе именовали «фазанами» и относились к ним с трудно скрываемой неприязнью. Новички, часто занимавшие высокие должности, своими неумелыми распоряжениями ставили под удар «коренных кавказцев», а кроме того, препятствовали карьерному продвижению ветеранов.

В «Проделках на Кавказе» — книге, о которой военный министр А.И. Чернышев сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда» — устами пехотного капитана, «старого кавказца» дана такая характеристика командированного офицера-новичка: «По милости этих новичков мы и терпим уроны: смотрите пожалуйста, только с неделю приехал он сюда, сроду не слыхал свиста пуль, ему двадцать восемь лет – а кричит уже, что никто здесь ничего не смыслит, учит, как взяться, чтобы покорить черкесов, как вести войну, и не слушает меня, сорокалетнего старика, меня, который преждевременно поседел в походах и двадцать два года слушаю свист

[1] Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 340–341.

горских пуль! Он считает меня еще трусом! Придется опять лезть не щадя себя. Жаль моих старых солдат: их и то уже осталось мало; а что с рекрутами? Еще осрамишься с ними и – к черту долголетняя, испытанная служба! <…> Давно ли по милости другого новичка потерял я сорок человек моей роты, да каких молодцов, моих сослуживцев! Правда, он сам не рад был, что завел нас бог весть куда. Где ему водить людей на горную брань! Он весь век книжки читал, воевал по ландкартам, а о горах и горцах и не слыхивал: ох уж эти мне книжки, стратегии!..»[1]. Именно «присланные из России» были главной преградой для столь желанного и заслуженного повышения в глазах «кавказцев»: «Дура! Зачем не попала ты мне в лоб? Одним разом всему бы конец! Что мне в жизни? Буду штаб-офицером, деться некуда! Без службы жить не могу; в полковые командиры и думать нечего; в батальонные также не попаду, туда переводят из России, присылают все людей образованных, ученых: что нашему брату? Вакансии штаб-офицерской почти не бывает!»[2].

Новички в среде «кавказцев» были не только объектом неприязни, но и предметом иронии и даже насмешек. По прибытии в Ставрополь офицеры становились лакомой добычей для местных коммерсантов, которые «с особенным искусством продают самых тощих лошадей, за настоящих карабахских, часто персидской породы, и на этом основании, получают последние деньги с героев нашего времени»[3].

Еще не добравшись до места службы, молодые офицеры уже оставались без необходимых денежных средств и вынуждены были оставаться на месте в ожидании передачи денег от родных. Настроения и ожидания, царившие среди новичков, саркастично описаны одним из современников: «Предаваясь пылкости своего воображения, каждый из юных героев не сомневается даже в том, что горские завалы падут ниц перед его

[1] Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. С. 161.
[2] Там же. С. 162.
[3] Дзержек Г. Четыре месяца на Лабинской линии // Кавказ. 1848. № 26. С. 101.

храбростью, в вознаграждение которой, они уже видят вдали светлое облако, рассыпающиеся над ними градом крестов»[1].

В общении с новичками «настоящие кавказцы» символически демаркировали пространство Кавказа и России: «Да – продолжал он с улыбкою покровительства, с какою иногда говорят старые Кавказцы новичкам – вы все господа, *приехавшие из России (курсив мой – А.У.)*, воображаете, что по *нашим дорогам* можно прогуливаться как по Невскому. Нет, докладую Вам, *там* будочники берегут вашу особу, а *здесь* надобно надеяться на собственные руки, на умение владеть оружием и никогда на проводников, негодяи при первом выстреле вас оставляют»[2].

В «настоящего кавказца» солдата или офицера Кавказского корпуса превращало не чтение произведений А.А. Бестужева-Марлинского или внешнее подражание облику горцев, а овладение специфическими навыками, основанными на практическом знании, военном опыте. Первыми советами «кавказца» новичку были следующие наставления: «Никогда в дорогу не ездите без оружия и учитесь им владеть, как владеют горцы: важная вещь, скоро выхватить из чехла винтовку и обнажить вовремя шашку; одевайтесь по азиятски (так в тексте – *А.У.*), и изучайте местные обычаи – пригодится; если есть возможность проехать на коне, никогда не меняйте его на тележку. Верхом вы царь местности – в случае нападения можете отделаться одною джигитовкою; а на повозке вы точно пленник, тут скорее надобно надеяться быть убитым, чем убить. Да не забудьте, что в местах не безопасных, где нужно проехать тихо, не кричите и не болтайте всякой вздор»[3].

Подчеркнутая дистанция в общении с «новичками из России» дополнялась особенностями коммуникации внутри сообщества «настоящих кавказцев». Отдельный Кавказский корпус славился беспрецедентной демократичностью отношений солдат и офицеров. Между собой они прежде

[1] Там же. С. 102.
[2] Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 41. С. 166.
[3] Там же.

всего были «сослуживцами» и только потом «подчиняющими» и «подчиняющимися»: «… Постоянная готовность к боевым действиям отражалась на всем укладе жизни кавказских войск, вырабатывая в них выносливость в походах, закаленность в боях и выдающуюся отвагу, стяжавшую громкую славу кавказским войскам. Главная причина этого успеха лежала в том общении солдата и офицера, которое вырабатывалось в течении беспрерывного ряда годов совместной походной и боевой жизни, когда переносились одинаково всеми и голод, и холод, и все прочие лишения. Офицер и солдаты представляли два лагеря, но не враждебных, а дружественных, связанных невидимыми узами доверия, любви и покровительства друг другу…»[1]. Групповая идентичность модифицировала формальные, уставные армейские порядки, выступая одновременно как маркер идентичности и механизм адаптации универсальных правил.

Разнообразие природно-климатических условий Кавказа, а также многофункциональный характер службы в крае (походная, сторожевая, гарнизонная) способствовали формированию специализации качеств, как рядового, так и офицерского состава Кавказского корпуса. В воспоминаниях о Даргинской экспедиции 1845 года граф К.К. Бенкендорф отметил: «Естественно, что один полк превосходно действует в лесах, другой, благодаря быстроте своего хода, в горах; один офицер провел долгие годы в борьбе с чумой на турецкой границе, другой – в административной службе Закавказья, третий – всю жизнь провел в борьбе с лихорадкой и спячкой, на службе гарнизона в небольшом форте морского побережья; один – на биваках в ледниках лезгинских гор, другой – в преследовании конных партий черкес на Кубани; некоторые офицеры провели всю жизнь в Чечне, в этой стране вечной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца,

[1] Цит. по: Савельев А.Е. Гарнизонная и походная жизнь офицеров отдельного Кавказского корпуса // Кавказский сборник. Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2010. С. 126.

другие – в Дагестане – стране всевозможных лишений, но где легко создаются репутации, блистательные карьеры и легко дается успех»[1].

В тоже время, вместе со своеобразным «разделением труда» ветераны Кавказской войны имели и общие отличительные черты (от прочих частей армии Российской империи). Солдаты-«кавказцы» часто вступали в бой с противником не плотными рядами, колоннами, а «одиноко или в составе лишь не многих товарищей»[2]. Это формировало у рядовых «кавказцев» чувство самостоятельности и ответственности, развивало индивидуальные боевые навыки: зоркость, осторожность, ловкость.

Прагматизм и самостоятельность характера «настоящего кавказца» проявлялась и в повседневной походной жизни. Солдаты экспедиционных отрядов, забирающихся в высокогорья и труднодоступные ущелья, не могли рассчитывать на обоз и услужливость маркитантов. Служба на Кавказе приучила их самостоятельно добывать все необходимое. Практичность «кавказца» особенно заметна на фоне бытовой беспомощности солдата-новичка: «Зимою в трескучий мороз, где-нибудь на горных возвышенностях Чечни, когда от холода зуб на зуб не попадает – кавказский солдат пришел на стоянку, составил ружья и не ждет ни расчета, ни приказания, чтобы сходить по воду, за соломой, за дровами, — скинул с плеч ранец – и чрез несколько минут уже тащит полено или хворост, котелок воды или вязку сена: постель, закуска и топливо у него готовы. Пока *русских пришельцев* (*курсив мой* – А.У.) соберут и укажут, где и как рубить, что брать в ауле, а чего не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Когда же пришла очередь стать ему на часы, он встряхнулся и готов, да еще подсмеивается над новичками»[3].

В.В. Лапин справедливо обратил внимание на высокую степень корпоративной конкуренции полков Отдельного Кавказского корпуса, которые сражались вместе десятилетиями: «Одним из мощных двигателей в

[1] Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. 2001. С. 253.
[2] Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1876. С. 375.
[3] Там же. С. 376.

кавказской войне стала соревновательность между солдатами различных полков. Если накануне в бою отличались, например, апшеронцы, то на следующий день куринцы, кабардинцы и навагинцы делали все возможное, чтобы “не поддаться”»[1]. Добавим к этому, что корпоративная конкуренция солдат-«кавказцев» не замыкалась уровнем полка. Для «кавказского солдата» не менее важны были «честь и достоинство роты»[2]. Указанные уровни корпоративности не мешали «настоящим кавказцам» чувствовать себя частью общего целого – Отдельного Кавказского корпуса. Об этом говорит то, что после реорганизации корпуса в Кавказскую армию (в 1857 г.) «старые кавказцы» предпочитали говорить, что служат в Отдельном Кавказском корпусе[3]. Это не просто прихоть или дань традиции со стороны «стариков-кавказцев». Образование Кавказской армии сопровождалось увеличением численности русских войск на Кавказе, небывалым наплывом новичков «из России». Этот «потоп» грозил размыванию сложившихся отношений, той же устоявшейся корпоративности. Использование старого наименования – «Отдельный Кавказский корпус» — было попыткой сохранения ускользающих традиций, а возможно и своеобразным паролем, отделяющим «своего» от «чужого».

К характерным чертам солдата-«кавказца» необходимо отнести еще два важных качества. Необходимость противостоять не только горцам, но и природным, климатическим условиям Кавказа сделала солдата Кавказского корпуса настоящим тружеником, «с которым никогда не сравнится самый трудолюбивый поденщик»[4]. Кроме участия в боях, солдаты разбирали завалы, строили мосты, наводили переправы в самых экстремальных условиях. Важной частью солдатской службы на Кавказе являлась и рубка леса, ставшая темой одного из рассказов Л.Н. Толстого[5].

[1] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне. С. 285.
[2] Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году. С. 377.
[3] Андреев В. Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1876. С. 3.
[4] Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году. С. 379.
[5] Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 2. С. 50–85.

Те же обстоятельства и особенности службы предопределили и легендарную неприхотливость «кавказских» солдат. Как выразился один из участников Лезгинской экспедиции 1857 года: «Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то отдельный корпус никогда бы не существовал»[1]. Неприхотливость «настоящих кавказцев» была особенно заметна на фоне высокого боевого духа и оптимистичной атмосферы частей корпуса. В воспоминаниях о Дагестанском походе 1843 года, мемуарист отметил, что, несмотря на все лишения и тяжелые условия похода: «Идут не усталые ряды воинов, но бодрые и веселые, с пением, музыкой и вечными шуточками балагуров, которых всегда много между нашими Кавказскими солдатами»[2].

Для офицеров-«кавказцев» знание местных языков, обычаев, ношение горской одежды или оружия было не просто внешним подражанием или романтическим увлечением, но способом выжить. Александр Пустогородов – «настоящий кавказец» и герой уже упоминавшегося произведения «Проделки на Кавказе», на вопрос о причинах своего следования местным традициям и правилам жизни отвечал «…что он в Азии уважает азиатские обычаи, и оттого изучил их»[3].

Русские, долго воевавшие на Кавказе, высоко ценили различные познания горцев. Офицеры-ветераны Кавказского корпуса в случае ранений часто прибегали к помощи врачей из мирных горских аулов, предпочитая их услуги полковым лекарям[4].

Атмосфера службы на Кавказе была чужда строгому формализму. Неуставной внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса [5]

[1] Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году. С. 372.
[2] Из воспоминаний о походе в Дагестан, в 1843 году // Кавказ. 1850. № 70 (от 6-го сентября). С. 277.
[3] Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. С. 133.
[4] Подробнее о горской народной медицине в XIX в. см: Манышев С.Б. Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6. С. 29-33.
[5] Внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса производил на заезжих офицеров неизгладимое впечатление. Один из них на основе увиденного даже нарисовал, ставшую известной карикатуру, которая «изображала солдата в изодранном мундире на распашку, в синих холщевых широких шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской папахе на голове, с боку висел маленький котелок, и вместо манерки –

дополнялся особенностями взаимоотношений в офицерской среде. Офицеры-«кавказцы» отличались склонностью к критике начальства. Современники называли это «кавказской болезнью», которая заключалась «в порицании и осуждении всякого начальника, каким бы он не был, единственно только потому, что он – начальник»[1]. Вместе с тем, в ходе Кавказской войны случалось, что старшие по званию добровольно уступали командование по различным причинам. Один из таких случаев произошел при осаде войсками имама Шамиля укрепления Ахты в 1848 г. После тяжелого ранения командира гарнизона полковника Рота его место должен был занять следующий по чину офицер. Но оставшиеся в строю старшие офицеры: майор Старосила и капитан Жорж, единодушно изъявили желание подчиниться молодому капитану Новоселову, «который, по молодым летам и крепкому сложению, казался способнее»[2].

Условия войны на Кавказе трансформировали русскую армию почти до неузнаваемости. Отдельный Кавказский корпус стал самобытной субкультурой «настоящих кавказцев». Ветеран Кавказской войны, князь Д.И. Святополк-Мирский в письме к Кавказскому наместнику Н.Н. Муравьеву, датированном 13 марта 1855 года, писал: «Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию: это скорее воинственный народ, создаваемый Россиею и противопоставленный воинственным народам Кавказа, для защиты России. Такое положение дел не заведено никем, оно создалось силою обстоятельств, после многих неудачных попыток усмирения здешнего края»[3].

Особое чувство общности, выражавшееся в номинации «настоящий кавказец», являлось продуктом набора условий, в первую очередь природно-географических. Формирование и развитие товарищества «кавказцев» было

болталась травянка (в жару хорошо сохраняющая воду, из пород тыквы)». См.: Андреев В. Воспоминания из Кавказской старины. С. 8–9.

[1] Цит. по: Савельев А.Е. Гарнизонная и походная жизнь офицеров отдельного Кавказского корпуса. С. 118.

[2] Описание и анекдоты осады Шамилем в 1848 году укрепления Ахты // Кавказ. 1850. № 21 (от 15-го марта). С. 82.

[3] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

локализовано территорией и хронологически ограничено эпохой Кавказской войны.

Воронцов возглавил Отдельный Кавказский корпус по приезду в Тифлис в марте 1845 г. Служебные отношения Воронцова как главнокомандующего были определены лично императором Николаем I высочайшим именным указом от 31 января 1845 г., который содержал выписку из проекта устава о правах и власти главнокомандующего армией[1]. «Главнокомандующий есть непосредственный и полный начальник армии, всех ее управлений и чинов, не исключая и членов императорской фамилии, если бы они прибыли в армию», - указано в первом пункте выписки[2]. Кавказский наместник как главнокомандующий пользовался широкими правами назначения и увольнения офицеров, награждения отличившихся и представления к орденам и повышениям в чинах. Особо оговаривались и чрезвычайные полномочия главнокомандующего армией в военное время, а войны на Кавказе продолжалась на протяжении всех лет наместничества Воронцова. «Главнокомандующий армией в военное время представляет лицо императора и облекается властью его величества»[3] – это положение дополняло и усиливало и без того беспрецедентные полномочия Воронцова как кавказского наместника. Главнокомандующий имел право в военное время в губерниях и областях увольнять чиновников городской и земской полиции, предавать провинившихся военному суду, а также утверждать приговоры последнего[4].

Войска Отдельного Кавказского корпуса были дополнительно усилены частями 5-го пехотного корпуса, Николай I рассчитывал, что с этими силами Воронцов сможет переломить ход Кавказской войны. План военной кампании на 1845 г. разрабатывался в Петербурге при личном участии Николая I и в самом общем виде изложен в записке императора. Этот

[1] АКАК. Т. X. С. 309–311.
[2] Там же. С. 309.
[3] Там же. С. 310.
[4] Там же.

документ определял три шага для войск Отдельного Кавказского корпуса: «1) Разбить, буде можно, скопища Шамиля; 2) Проникнуть в центр его владычества; 3) В нем утвердиться»[1]. Последовательное выполнение этих трех действий должно было принудить горцев к капитуляции и завершить военные действия на Левом фланге Кавказской линии. Резиденцией имама Шамиля в это время являлся чеченский аул Дарго, который и предстояло взять Отдельному Кавказскому корпусу под командованием Воронцова.

В своем первом приказе по Отдельному Кавказскому корпусу Воронцов подчеркивал, что уже воевал в регионе и хорошо знал «кавказские войска»: «Сорок лет тому назад, я также начал службу на Кавказе под начальством знаменитого князя Цицианова; был с ним под Елисаветполем; был с храбрым Гуляковым на Алазани и в Закаталах; опять с Цициановым при покорении Имеретии; потом на знойных полях эриванских и зимою в снежных горах осетинских. С молодых лет я научился и привык удивляться подвигам храбрых воинов кавказских. Теперь предстоит мне вновь служить с вами. Ежели будет нужно сражаться с непокорными горцами, вы опять будете те же, каковыми всегда были. С племенами покорными мы будем вести себя мирно и дружелюбно. Жители Кавказа Должны столько же любить и уважать нас во время мира, сколько бояться в военных действиях, если таковые на себя навлекут»[2]. Отдельный Кавказский корпус, как уже было показано, являлся особой военной корпорацией, обладавшей самобытными идентичностью и военной субкультурой. Воронцов сразу заявлял о себе как о «старом кавказце», многое повидавшем и готовым к новым испытаниям.

Тем не менее, бывалые «кавказцы» встретили Воронцова с некоторой настороженностью. Решительный план найти и разбить Шамиля в горах не встретил воодушевления у высших офицеров Отдельного Кавказского корпуса. Об этом Воронцов откровенно сообщал военному министру

[1] Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе (около 1845 г.) // Русская старина. Т. XLVIII. 1885. Вып. 10. С. 210.
[2] АКАК. Т. X. С. 311.

Чернышеву в письме от 25 апреля 1845 г.: «Если бы даже полученное мною приказание действовать в этом году наступательно, прежде чем вновь приняться за устройство передовой Чеченской линии, было противно моему мнению, как не согласны с ним все здешние генералы, то все же я бы исполнил его с тем же рвением; но я откровенно говорю здесь всем, что это также и мое мнение и что мне кажется неблагоразумным избегать встречи с Шамилем и возможности нанести ему вред, что устроит наши дела лучше всего. Если Богу неугодно будет благословить нас успехом, мы все-таки сделаем наш долг, не будем виноваты и обратимся тогда — несколько позже к методической системе, которая принесет плоды, но, разумеется, не так скоро, как в том случае, когда мы одержали бы успех в борьбе с самим Шамилем»[1].

Николай I связывал надежды на быстрое и решительное изменение неблагоприятного хода Кавказской войны с Воронцовым как главнокомандующим Отдельного Кавказского корпуса. Кроме того, решительных военных действий от нового командующего ожидало и общество. Перед отъездом на Кавказ, Воронцов запрашивал мнения своих предшественников, и они поддерживали идею перехода к активным военным операциям в регионе. Е.А. Головин в письме Воронцову от 24 января 1845 г. отмечал: «Заключение ваше, что оставаться в сем году в бездействии было бы для нас крайне вредно, не подлежит ни малейшему сомнению. Я всегда убежден был, что всякое покушение ограничиться на Кавказе одною обороною или только отпором должно обратиться к нашему ущербу. Теперь это менее, нежели когда-нибудь, возможно» [2] . Воронцов оказался в заложниках огромного монаршего доверия, беспрецедентных военно-политических полномочий, собственной славы победителя Наполеона и общественного мнения. Отказаться от прямолинейного плана военной

[1] Цит. по: Лисицына Г.Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 7.

[2] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов / сост. Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х. М.: Эхо Кавказа, 2005. С. 334.

кампании 1845 г. было невозможно. При этом, уверенность в успехе у самого главнокомандующего быстро сменялась сомнениями и даже пониманием безнадежности предприятия. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Воронцова (от 26 мая 1845 г.) его старому другу А.П. Ермолову, находившемуся с 1827 г. в отставке, но продолжавшего следить за событиями на Кавказе: «Будем искать Шамиля; но даст ли он нам случай ему вредить, один Бог это ведает. По крайней мере мы сделаем все, что можем, и ежели бы был какой-нибудь благоприятный случай, постараемся им воспользоваться. Боюсь, что в России вообще много ожидают от нашего предприятия; но ты хорошо знаешь положение вещей и особливо местности. Надеюсь, что мы ничего не сделаем дурного; но весьма может статься, что не будет возможности сделать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тут не было. Можешь вообразить, как пламенно желаю найти возможность сделать какую-нибудь удачу; последствия от оного были бы самые важные и благоприятные; но не могу не признаться, что ежели Шамиль так умен, как уверяют, то он нам такого случая не даст. Впрочем, что Бог даст! Надобно покориться его священной воле»[1].

Даргинская экспедиция стала важнейшим испытанием не только для солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса, но и для Воронцова. От его действий в ходе этого похода зависел его личный авторитет в войсках и, прежде всего, среди генералов-«кавказцев». Некоторые из них почти прямо проявляли свое недовольство новым главнокомандующим. Речь идет в первую очередь о генерале И.М. Лабинцове (1802–1883) почти всю жизнь воевавшего на Кавказе. К 1845 г. он прошел путь от прапорщика до генерал-майора, получив все повышения и награды за боевые заслуги и отличия. Лабинцов командовал одним из самых прославленных полков Отдельного Кавказского корпуса – Кабардинским пехотным. Приведем несколько характеристик генерала по свидетельствам современников. Ветеран

[1] Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 294–295.

Кавказской войны, генерал М.Я. Ольшевский оставил такое описание: «Вот этот среднего роста, крепкого сложения с толстою шеей, с простоватым, ничего не выражающим, лицом, едущий на маленькой довольно плохой лошадке, в засаленном сюртуке, ситцевой рубашке и курящий отвратительную сигару, которая вас одуряет, — это герой Кавказа, генерал Лабынцов. Он очень скуп, а потому у него и лошадь плохая, и засаленный сюртук, и ситцевая грязная рубашка, и курит он одуряющую сигару. Генерал Лабынцов грубый брюзга, всегда угрюмый, недовольный, насупившийся, вечно ругающийся. Но если он нелюбим посторонними и подчиненными, то уважаем ими за мужественную храбрость и неустрашимость. Солдаты его боятся и недолюбливают, но охотно идут с ним в бой, потому что знают, что с ним не попадут в беду; а если и случится беда, то знают, что Иван Михайлович постоит и за себя, и за них. И действительно много опасностей пережил генерал Лабынцов во время продолжительной своей службы на Кавказе, но, кроме контузии камнем при штурме Сурхаевой башни под Ахульго, не был ни разу ранен. Не даром солдаты считали его заговоренным от пуль и ядер»[1].

В полковой истории Кабардинского пехотного, написанной А.Л. Зиссерманом, о Лабинцове написано следующее: «Суровый, строгий начальник, грубый в обращении, он умел, однако, приобрести в полку среди офицеров горячих приверженцев, а солдаты боготворили его и готовы были за ним в огонь и воду. Он, вообще, всегда горою стоял за своих подчиненных, любил солдат и заботился об них, как отец, хотя подчас бывал и жесток. В отношениях к высшему начальству Лабынцов держал себя с большим достоинством, без тени какого-либо подобострастия; напротив, вечно был всеми недоволен, постоянно ворчал, несмотря что все оказывали ему особое уважение»[2].

[1] Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. 1893. Т. LXXIX. Вып. 8. С. 117.
[2] Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. II. СПб.: Типография В. Грацианского, 1881. С. 241.

Генерал Лабинцов стал лидером группы офицеров, критически настроенных в отношении нового главнокомандующего. Уже во время Даргинской экспедиции Лабинцов позволил себе такие слова в отношении Воронцова: «Нам нужен главнокомандующий, а прислали нам генерал-губернатора»[1]. Однако мужество и храбрость, проявленные Воронцовым в Даргинском походе, совершенно переменили мнение о нем. По воспоминаниям А.М. Дондукова-Корсакова большое значение имел эпизод, когда во время разговора Воронцова и Лабинцова рядом с ними упала граната, которая могла убить или сильно покалечить обоих. «Первым движением князя было посмотреть в глаза Лабинцева, а сего последнего пристально впереться в глаза князя – в таком безмолвном испытании прошло несколько секунд. Гранату, между тем, не разорвало, потому что скорострельная трубка выскочила при падении. Князь, рассмеявшись, протянул Лабинцеву руку и сказал: “теперь можно посмотреть, куда легла граната”. С тех поря не слыхал я, чтобы Лабинцев когда-либо дурно отзывался о князе Воронцове, как военном»[2], - отметил в воспоминаниях о Даргинском походе А.М. Дондуков-Корсаков. Еще один участник похода Н.П. Беклемишев дополнил этот эпизод объятиями военных и фразой, которой после этого Лабинцов характеризовал главнокомандующего: «Однако он солдат!»[3].

В Даргинском походе Воронцов стал своим для солдат Отдельного Кавказского корпуса. Главнокомандующий проявил качества, которые особенно ценились среди «настоящих кавказцев»: доступность в обращении и неприхотливость. Воронцов обходил войска на привалах и ночевках, разговаривая с солдатами о былых походах и случаях из солдатской жизни. Порой это приводило к курьезным случаям. Проговорив довольно долго с одним из солдат, Воронцов затем спросил, как того зовут. «Как же вы меня

[1] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Вып. 3. С. 109.
[2] Мои воспоминания 1845-1846 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Книга 6. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1903. С. 154.
[3] Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 547.

не знаете? Весь полк и весь Кавказ знают Бандуру!»[1], - последовал гордый солдатский ответ.

Еще один показательный эпизод передан в воспоминаниях Н.П. Беклемишева. В Даргинском походе Воронцов лично возглавил одну из атак на укрепленный завал, который мюриды Шамиля устроили с целью блокировки войск Отдельного Кавказского корпуса. «Говорят, что тут Воронцов был истинно великолепен. Все соединилось, чтобы придать ему чарующее величие. Высокая благородная наружность, седина волос, большой белый крест на груди, спокойное полуулыбающееся лицо, боевая слава его имени, торжественность минуты: все соединилось, чтобы потрясти самого равнодушного человека. Солдаты встали. “Ну что, – сказал граф, – Отдохнули! Молись Богу! Ура! За мной!”. И выхватив турецкую саблю, которую носил в походе, побежал к завалу. Мгновенно встрепенулось все. Не только батальоны, раненые, маркитанты, денщики, черводары, все, кто только тут был, все в каком-то опьянении закричали – “ура!”, и как поток прорвавшейся плотины, ринулись вперед, опередили Воронцова»[2]. Завал был взят, главнокомандующий стал своим для многих ветеранов Кавказской войны.

В июле 1845 г. М.С. Воронцов взял Дарго, но Шамиль и его мюриды не собирались сдаваться. В итоге российский отряд был вынужден оставить Дарго. На обратном пути войска наместника понесли большие потери: из 12-тысячного отряда 4 тысячи погибли или были ранены, в том числе три генерала и десятки офицеров[3].

Однако в официальных сообщениях Даргинская экспедиция была признана большой победой: «Вы вполне оправдали мои ожидания, проникнув в недра гор дагестанских, считавшихся доселе неприступными. Приняв личное начальство над главным отрядом, вы собственным примером непоколебимой твердости и самоотвержения указали войскам путь к

[1] Там же. С. 58.
[2] Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 545.
[3] Там же. С. 23.

подвигам незабвенным»[1], — отмечал Николай I в высочайшем рескрипте кавказскому наместнику. Сообщения о походе и его итогах летом 1845 г. регулярно печатались в «Русском инвалиде» и также носили победно-триумфальный характер [2]. Успех военной операции должны были подтвердить и щедрые награды, которые получили все его участники. М.С. Воронцов был удостоен титула князя, офицеры повышения и/или ордена, солдатам раздали деньги.

Вместе с тем, в российском обществе распространилось мнение о провале военной экспедиции. Столицы не верили официальным сведениям. Московские разговоры о походе в Дарго стали предметом обсуждения в переписке двух старых приятелей А.П. Ермолова и М.С. Воронцова [3]. «Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуему и окруженному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и дать ему еще большую власть; что, если требовано неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, и еще оставался бы страх, что может прийти сам главный начальник и поправить, буде бы что не хорошо было сделано. Безрассудно говорят, будто бы теперь горцы несравненно сильнее будут сопротивляться всякому из генералов, когда за потери их, хотя, впрочем, значительные, нанесено нам не менее чувствительное поражение. Рассказчики выставляют потерю трех генералов, утверждая, что это без сильного поражения быть не могло. К сему присоединяются будто из получаемых писем заимствованные сведения, которых нет без сумнения. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобой дух должен упасть необходимо и что это, конечно, не легко поправить»[4], — писал Ермолов наместнику Воронцову 31 августа 1845 г.

---

[1] АКАК Т. X. С. 313–314.
[2] Русский инвалид. 1845. № 142 (28 июня), № 152 (10 июля), 153 (11 июля); Известия с Кавказа за 1845 г. // ОР РГБ. Ф.178.1. Кар. 11148. Ед. 14.
[3] Подробнее см.: Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Москва: РГГУ, 1994. 191 с.
[4] Ермолов А.П. Кавказские письма, 1816–1860. СПб.: Журнал «Звезда», 2014. С. 462–463.

В письмах А.П. Ермолова можно найти множество указаний на критическое отношение московской публики к походу в Дарго: «… немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами», — подчеркивалось в послании к Н.Н. Муравьеву от 10 октября 1845 г.[1]. Нет сомнений, что М.С. Воронцов был уязвлен недоверием к его победным реляциям и тяжело переносил язвительную критику А.П. Ермолова, на которую тот, несмотря на многолетнюю дружбу, не скупился.

Тем не менее, поход в Дарго официально описывался как если не триумф, то пример мужества и стойкости Отдельного Кавказского корпуса и его командира. «Кому из наших читателей не памятен или по крайней мере не известен подробно славный Даргинский поход, где, под личным начальством главнокомандующего, храбрые войска Кавказского корпуса преодолели все трудности, какие только может представить движению людей дикая, гористая местность, не редко касающаяся линии вечных снегов, перерезанная почти девственными лесами и топкими болотами и защищаемая отважным врагом, хорошо знающим театр войны и умеющего пользоваться выгодами его с верностью инстинкта горных племен»[2], - отмечалось в газете «Кавказ» спустя пять лет после похода.

Даргинская экспедиция стала не первой неудачей российской армии на Кавказе, достаточно указать на поражения генерала П.Х. Граббе в 1842–1843 гг. У Дарго был и другой результат: в ходе этого похода Воронцов превратился в настоящего военного лидера Отдельного Кавказского корпуса. Репутацию «отца-командира» наместник эффективно поддерживал и в дальнейшем. Он внимательно относился к нуждам солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса, особенно если считал их службу честной и полезной. Примером может быть свидетельство А.М. Дондукова-Корсакова, который в своих воспоминаниях упоминает случай коменданта Темиргоевского укрепления полковника Генига. Этот офицер пользовался

[1] Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 464.
[2] Кавказ. 1850. № 31. (от 19 апреля). С. 122.

всеобщим уважением и поддерживал хорошие отношения со многими адыгскими аристократами, «он, по азиатскому обычаю приезжих одарял богатыми подарками, оружием или лошадями и тем поддерживал свое влияние между непокорными племенами»[1]. Гениг честно служил, но жил неоправданно широко, когда пришло время сдавать батальон оказалось, что в его кассе недоставало до 4 тыс. руб. казенных денег. Полковнику грозил суд и бесславное завершение долгой и трудной кавказской военной карьеры. Воронцов погасил долг Генига из собственных средств[2].

В тоже время, служебная нерадивость вызывала раздражение главнокомандующего. Весной 1852 г. объектом критики Воронцова стали офицеры донских казачьих полков, служившие на Кавказе три года до очередной смены. «В донские казачьи полки, командируемые на Кавказ, назначаются и присылаются офицеры даже в чине есаула, неодобрительного поведения, которым не только не может быть поручена никакая команда, но которые, оставаясь в должности при штаб-квартирах, производят беспорядки и служат только отягощением для полковых командиров… Главные и частные начальники вверенного мне корпуса не один раз докладывали мне об этом большом неудобстве, и, наконец, сам я во время объездов края, имел случай удостовериться, сколь тягостны для службы и особенно на Кавказе такие офицеры»[3], - писал наместник донскому наказному атаману М.Г. Хомутову. Неспособные к службе донские офицеры были высланы обратно на Дон, в списке значилось шесть сотников, семь есаулов и два хорунжих[4].

В ответном послании от 14 апреля 1852 г.[5] М.Г. Хомутов изложил причины такого широкого распространения пьянства среди офицеров Войска Донского. Наказной атаман указал на социальное расслоение внутри

[1] Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. Князь Михаил Семенович Воронцов. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. С. 26.
[2] Там же.
[3] Письмо главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцова наказному донскому атаману М.Г. Хомутову, 17 марта 1852 г. // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 7.
[4] Там же. Л. 3.
[5] Письмо наказного донского атамана М.Г. Хомутова главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса М.С. Воронцову, 14 апреля 1852 г. // РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 10.

донского казачьего сообщества как на исходную причину офицерских пороков. Богатые и образованные казаки устраивались на службу в гвардию, прежде всего в казачий Атаманский его императорского высочества наследника полк, или в артиллерию и штабы. Бедным и необразованным казакам оставалась одна дорога – полевые полки, которые регулярно снаряжались для несения службы на Кавказе. На службе эти офицеры испытывали постоянные лишения и материальную нужду. Часть своего жалованья они отправляли на Дон семьям, а остававшегося содержания не хватало на существование достойное офицера. Поэтому многие донцы-офицеры «находили себе стол в общем котле со своими подчиненными»[1]. Это приводило казаков к фрустрации, психологическому надлому. Хомутов так описывал их состояние: «Офицер от постоянного влияния на него недостатков, не в силах будучи бороться с ними, упадает в духе и забывает обязанность своего звания, а от забвения ему остается один шаг к пороку и к уничтожению всех добрых правил и всех достоинств, требуемых от офицера» [2] . Полковые командиры пытались исправить поведение своих офицеров, но чаще всего эти попытки оставались безрезультатными. Запивших жалели и не отдавали в военный суд, а просто ждали окончания трехлетнего срока службы в надежде больше никогда не повстречаться с несчастным пьяницей. После того как цикл служебной очереди донских казаков совершал свой оборот, эти же «недостаточные» казаки-офицеры, обязанные 25-летним сроком службы, вновь отправлялись на Кавказ, теперь уже в составе других полков, и история повторялась. Еще одной причиной неизбежности дурного поведения среди офицеров-донцов Хомутов считал то, что на Дону все мужское казачье население было призвано на военную службу. Он писал Воронцову: «Я часто думаю – если бы на все дворянство какой-нибудь губернии, на пример, Московской, более других образованной, подобно Войску Донскому, надеть шарфы и эполеты и заставить их служить,

[1] Там же.
[2] Там же.

то сколько бы среди онаго оказалось недостойным носить звание офицера»[1]. Причины порочного поведения казачьих офицеров, которые вы делил М. Г. Хомутов, можно условно назвать социальными. Действительно, трудное материальное положение донцов-офицеров являлось подходящей атмосферой для развития глубокой психологической депрессии, а вслед за ней и различных видов порочного поведения. «Недостаточные» были среди донских казаков и раньше, но именно на Кавказе донцы впадали в особенно тяжелое морально-психологическое состояние. Доказательством этого являются случаи дезертирства и суицида или его попыток, которые стали заметным явлением службы донцов на южной окраине Российской империи.

Критика Воронцова повлияла на проведение реформы службы донских казачьих полков на Кавказе. Первоначально проект формирования постоянных штабов донских полков на Кавказе появился еще в середине 1840-х гг. Предполагалось, что штабы будут нести постоянную службу, и это позволит опытным офицерам передавать навыки «кавказского способа войны» новичкам. Этот же принцип планировалось применить и в отношении состава донских полков, обновляя их на треть ежегодно. Наблюдая за службой ветеранов, новобранцы должны были легче адаптироваться к войне с горцами. Проект получил одобрение военного министра А.И. Чернышева, но встретил решительное сопротивление наказного атамана М.Г. Власова, по мнению которого новый порядок нарушал традиционные принципы службы донских казаков. Опасения М.Г. Власова были не напрасны: в среде донского казачества распространились слухи о том, что учреждение постоянных полковых штабов на Кавказе является предвестием нового массового переселения сюда казаков[2]. Проект остался лишь проектом, но его обсуждение продолжилось, расколов донцов на противников и сторонников реформы. Среди последних был особенно заметен боевой казачий офицер и публицист И.И. Краснов, который в статье,

[1] Там же. Л. 11.
[2] Краснов И. И. Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. 1861. № 9. С. 141.

опубликованной в журнале «Военный сборник», описал многочисленные преимущества новой организации казачьей службы на Кавказе и заметил: «этим одним способом мы избавились бы от тех напрасных кровавых жертв, которые постоянно платили горцам»[1].

Эффективность непрерывной службы донских офицеров на Кавказе получила практическое подтверждение на примере Я. П. Бакланова. Будучи в 1847 г. майором, он получил в командование Донской казачий полк № 20. Через три года полк вернулся на Дон, но Бакланов по личному ходатайству наместника Воронцова остался на Кавказе и стал командиром Донского полка № 17, который пришел на смену полка № 20[2]. За годы, проведенные в постоянных столкновениях с горцами, Я.П. Бакланов приобрел большой опыт в войне на Кавказе, под его командой донские полки успешно противостояли набегам мюридов Шамиля. Сам Бакланов отмечал в воспоминаниях: «Имея вернейших лазутчиков и платя им хорошие деньги, я всегда был вовремя предупрежден о движении горцев; нападал с моим полком и уничтожал так, что горцы к исходу 1853 г. прекратили свои налеты на наши пределы»[3].

В конце 1850-х гг. обсуждение проекта о постоянных штабах донских полков на Кавказской линии возобновилось. Его итогом стало утверждение в 1860 г. «Правил о третной смене служащих на Кавказской линии донских полков». И.И. Краснов писал об этом в пафосно-патетическом стиле: «Встретим же радостно новый порядок смены донских полков как зарю возрождения их к лучшему»[4]. Реформа явно запоздала, Кавказская война заканчивалась, но опыт Бакланова подтвердил как верное направление преобразований, так и справедливость критики Воронцова организации службы донских казаков на Кавказе.

---

[1] Там же. С. 142.

[2] Моя боевая жизнь: (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанные собственной его рукой) // Русская старина. 1871. Т. 3. № 1. С. 8.

[3] Там же. С. 8–9.

[4] Краснов И. И. Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. 1861. № 9. С. 158.

На Кавказе Воронцов упрочил свою репутацию популярного в войсках начальника, которая была характерна для него на протяжении всей долгой службы. Это подтверждается разнообразными свидетельствами. Весной 1848 г. в Тифлисе было издано стихотворение «Песнь Кавказских воинов» – своеобразный гимн Отдельного Кавказского корпуса. Отметим, что издание сочинения сопровождалось стихотворным же переводом на грузинский язык[1]. В «Песне» Воронцов представлен в качестве вождя Отдельного Кавказского корпуса: «Веди ж нас вождь – Царем избранный // Святой России славный сын, // Веди, орел наш, в путь желанный, // Куда лишь ты нас вел один!»[2]. Необходимо отметить и то, что в «Песне» подчеркивается личное мужество и физическая выносливость Воронцова, которые он демонстрировал в многочисленных походах, возглавляемых им лично: «Как поучительно с тобою, // Как радостно нам быть в боях, // Ты юн – с сребристою главою, // Ты бодр – и в старческих годах»[3]. Важнейший элемент образа Воронцова-командира – щедрость: «И как отец – ты с восхищеньем // Монарха милости всем льешь»[4].

«Песнь кавказских воинов» являлась не единственным поэтическим сочинениям, посвященным Воронцову. В 1849 г. на страницах газеты «Кавказ» было опубликовано «Известие с урочища Гамбор». Гамборы – это селение в Кахетии, которое закрывало вход в одноименное ущелье, являвшееся традиционным маршрутом набегов дагестанских горцев на Восточную Грузию. Соответственно, сильный гарнизон в Гамборах играл роль заслона на пути регулярных вторжений. Кавказский наместник совершал регулярные объезды ключевых укреплений, среди которых было и урочище Гамборы. В ходе одной из таких встреч офицеры гарнизона обратились к командиру Отдельного Кавказского корпуса с поэтическим посвящением следующего содержания: «Когда на высотах Краона, //

[1] Кавказ. 1848. № 17. (от 24-го апреля). С. 70.
[2] Песнь кавказских воинов. Сочинение Ивана Маркова с переводом на грузинский язык Дмитрия Кипиани. Тифлис: Типография военнопоходной канцелярии, 1848. С. 3–6.
[3] Там же. С. 4.
[4] Там же. С. 5.

Громили вы Наполеона, // И пали тысячи врагов // От наших северных штыков, // Тогда сочувствуя Герою // Артиллеристы молодцы, // За вами все рвалися к бою, // Как за орлом его птенцы. // Ужель мы от них отстанем? // Нет! По следам богатыря, // Как деды наши, бурей грянем // За Бога, Веру и Царя! // Товарищи! Герой маститый, // Он здесь, он с нами в этот миг, // Наш воевода знаменитый, // Наш доблестный архистратиг! // Помолимся владыке Света, // Подымем чашу богу сил, // Да здравствует на многие лета // Царя Наместник Михаил! // Ура!»[1].

Воронцов выступал в образе опытного и заслуженного полководца, которому приходилось сражаться с самыми опасными противниками и побеждать их. В офицерских посвящениях Воронцов представал полулегендарным героем, славе которого соответствовала трудная задача «замирения Кавказа».

Вместе с тем, Воронцов иногда поручал офицерам Отдельного Кавказского корпуса и невоенные задачи, которые требовали проявления особых навыков и умений. Примером является работа по разбору и систематизации кавказских архивов, которая была развернута в регионе вскоре после назначения первого кавказского наместника. Распоряжение о проведении первого обозрения архивов были даны наместником уже летом 1846 г. Это поручение было первоначально возложено на старшего учителя Ставропольской гимназии П.И. Хицунова. Общее руководство архивными изысканиями осуществлял директор канцелярии наместника С.В. Сафонов, который являлся также членом Общества истории и древностей Новороссийского края.

Очевидно, что работа П.И. Хицунова продвигалась медленно. Первые отчеты о его экспедициях были опубликованы только весной 1848 г. на страницах газеты «Кавказ». Некоторые пассажи из отчета П.И. Хицунова отчасти проливают свет на мотивацию кавказского наместника по проведению археографических работ в крае: «Многие бумаги, отдельно

[1] Кавказ. 1849. № 49 (от 3-го декабря). С. 194.

взятые, иногда не важны сами по себе, но в связи с другими, подобно буквам азбуки, взаимно себя подкрепляют и составляют полный исторический смысл: из таких частностей черпаются для истории интересные подробности и на них основываются общие результаты. Нет сомнения, что многие забытые в пыли бумаги могут быть также полезны и для справок канцелярских, и для соображений начальства»[1]. Разбор архивных бумаг осуществлялся не только в научно-просветительских интересах, но и предполагался к использованию при решении административных задач. Это вполне закономерно учитывая дефицит информации о крае и его жителях, который испытывала имперская администрация.

В ходе обследования П.И. Хицунову удалось составить общее описание архивных комплексов Кизляра и Георгиевска. Военный архив при канцелярии кизлярского коменданта долгое время находился в удручающем состоянии. По сведениям П.И. Хицунова: «До 1842 года кипы дел онаго свалены были на полу безпорядочными кучами и безпощадно были истребляемы и расхищаемы на разные домашние потребности»[2]. Только в 1842 г. тогдашний комендант Кизляра князь Шаховской обратил внимание на бумаги канцелярии. Документы были разобраны и систематизированы хронологически, а именно погодно. Кипы документов были перевязаны и помещены в отдельную комнату. По замечанию П.И. Хицунова: «Впрочем не довольно поместительной для такого количества дел»[3].

Немногим лучше было и состояние документов, хранящихся в Георгиевске. Ко времени экспедиции П.И. Хицунова в местном архиве находились дела не позднее 1785 г. При относительно неплохой сохранности бумаг способ их хранения вызывал у командированного учителя Ставропольской гимназии настоящее отчаяние: «…помещение столь неудобно и тесно, что их (документы – А.У.) принуждены были сложить в огромную кучу и набить ими всю комнату без всякого порядку. Делам нет

[1] Кавказ. 1848. № 14 (от 3-го апреля). С. 56.
[2] Кавказ. 1848. № 16 (от 17-го апреля). С. 65.
[3] Там же. С. 66.

никаких описей; они не перенумерованы и не подшиты, но связаны по годам смотря по времени поступления каждой бумаги»[1].

Практически в одно время с П.И. Хицуновым для обследования кизлярского и георгиевского архивов была направлены офицеры Генерального штаба. В новейшей литературе отмечается деятельность российских офицеров по сбору сведений о различных районах Кавказа для составления докладных записок начальству, а также участие военных в подготовке статистических описаний региона[2]. Но им приходилось вести и археографическую работу.

В самом начале 1847 г. для разбора архивов и составления описей дел в Кизляр и Георгиевск были командированы подполковники Генерального штаба Д.С. Бибиков и Гросман соответственно. Мотивы такого приказа описаны в письме Начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу Временно командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории К.Я. Белявскому: «Господин главнокомандующий (М.С. Воронцов – А.У.) желая собрать возможно полные сведения о постепенном устройстве Кавказской линии и современных военных действиях…»[3].

Офицеры должны были составить описи дел означенных архивов. Интересен вопрос о наличии сходного служебного опыта. Если о карьере Гросмана сведений обнаружить не удалось, то Д.С. Бибиков известен лучше. Он служил на Кавказе в 1836–1848 гг. В начале 1840-х гг. Бибиков, занимавший должность секретаря канцелярии по управлению мирными горцами при штабе войск Кавказской линии, выступил с инициативой записи и изучения обычного права горцев Северного Кавказа[4]. Это было связано с необходимостью интеграции местных правовых обычаев в региональную

[1] Там же.
[2] Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII–начало XIX в. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2011; Колосовская Т.А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ставрополь, 2017.
[3] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 39. Л. 3.
[4] Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 31–32.

административную систему. Таким образом, Бибиков имел определенный опыт научно-исследовательской работы.

Начальство торопило подполковников. Гросмана обязали управиться с архивными работами в течении двух недель. Бибиков получил дополнительные инструкции по составлению аннотаций к делам «которые имеют какую-либо важность в военном отношении, то есть объясняющие историю края и распоряжения местного начальства по управлению линиею, равно донесений об экспедициях против горцев, о сношениях с горцами, о замечательных происшествиях, распоряжениях о возведении укреплений, проложении военных сообщений и т.п.»[1].

Гросман отправился в Георгиевск уже 22 января 1847 г. Бибикова задержали другие служебные обязанности, и отбыть в Кизляр он смог только 28 января 1847 г. С самого начала архивная экспедиция Гросмана складывалась благополучнее. Так продолжалось и далее.

Контролировал работу двух офицеров обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса Н.И. Вольф, который фактически и руководил главным кавказским штабом. Яркую характеристику Н.И. Вольфа дал в своих воспоминаниях М.Я. Ольшевский: «По самолюбию своему желая доказать, что можно управлять такой сложной машиной, как Кавказский главный штаб, без способных помощников, он, несмотря на свои способности и полное знание края, достиг этого только в половину. В текущей переписке не было застоя, тем более что сам Вольф мастерски владел пером. Но нельзя сказать, чтобы все сложные дела зрело обдумывались и направлялись по истинному пути. Притом Вольф был не начальником штаба, а истым бюрократом и кабинетным деятелем. Он избегал всех приемов, никуда не выезжал и нигде не показывался»[2].

Первый рапорт Н.И. Вольфу Гросман написал уже 11 февраля 1847 г. Офицер Генерального штаба нашел георгиевский архив в ужасном

[1] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 39. Л. 6.
[2] Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 299.

состоянии. Бумаги «валялись кучами» без всякой систематизации, описей и журналов этим документам не было. Гросман начал с раскладывания бумаг по годам и составления их описей. Офицер предпринимал попытки систематизации документов и по содержанию. В рапорте он отмечал: «Я взял на себя этот труд единственно только потому чтобы спасти Георгиевский архив от окончательного уничтожения, ибо он может служить богатым источником тому, кто бы взял на себя труд написать историю Кавказской линии»[1]. Как и П.И. Хицунов, Гросман отмечал, что в георгиевском архиве хранятся дела не позднее 1785 г. За неделю подполковник успел разобрать и систематизировать дела до 1793 г. Кроме того, Гросман отмечал, что две недели, отведенные ему на архивную работу, совершенно недостаточны. Сетовал офицер и на неподходящее помещение, в котором содержались бумаги: «… стены коего уже обрушиваются, в коем нет оконных рам, а в одной комнате даже втекает вода с улицы, бумаги лежат в воде и при той же небрежности здешнего воинского начальника к сохранению его, то чрез несколько лет он уже существовать не будет»[2].

Работа Гросмана по разбору и описи архивных дел в Георгиевске замедлилась после его назначения обер-квартирмейстером Чеченского отряда (март 1847 г.). Подполковник должен был вести обширную переписку отряда, которая занимала почти все его время. Тем не менее, опись дел с 1785 по 1796 гг. Гросман успел представить начальству в апреле 1847 г., а завершить работу предполагал осенью, после роспуска Чеченского отряда. В регулярных рапортах Н.И. Вольфу Гросман описывал трудности, встречаемые в его работе: «К сему я считаю долгом донести, что пересмотр здешнего архива, таким образом как я понял предписание начальника Главного штаба, я один не могу окончить даже в один год. <…> донесения какого-нибудь земского суда Тамбовского наместничества лежат перемешаны с донесениями о положении дел в Персии, какое-нибудь

[1] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 39. Л. 13.
[2] Там же.

прошение об украденной корове лежит вместе с бумагами, относящимися к штурму Измаила. Кроме сего видно, что так как архив часто переносился из одного строения в другое, то большая часть бумаг потеряны, остальные, у многих половина оторвана»[1].

Рапорты Гросмана произвели впечатление на тифлисское начальство. В письме к П.Е. Коцебу от 28 мая 1847 г. В.С. Сафонов отметил, что архивные изыскания силами учителей местных учебных заведений будут начаты в Ставрополе и Моздоке, а Гросману и Бибикову будут найдены помощники, отличающиеся любознательностью и опытностью в подобных делах[2].

В отличии от исполнительного Гросмана Бибиков прислал свой первый рапорт Н.И. Вольфу только в сентябре 1847 г. Бибиков объяснял проявленную неспешность своим нахождением в действующем отряде генерала Р.К. Фрейтага. Подполковник жаловался на то, что совершенно не имеет способностей к занятиям такого рода. На прочтение одного листа документа, относящегося к XVIII столетию, у него по собственному признанию порой уходил целый день[3]. Всего в кизлярском архиве Бибиков насчитал 1100 дел. Офицер полагал, что на разбор и составление описей к такому количеству бумаг будет мало даже года усердной работы. Н.И. Вольфа такие объяснения Бибикова не устроили. Корпусной обер-квартирмейстер в жесткой форме требовал скорейшего доставления описей дел кизлярского архива, приводя в пример успех подполковника Гросмана. Опись делам кизлярского архива Бибиков смог представить только в феврале 1848 г. Причем эта опись охватывала дела до 1771 г. Бибиков оправдывал такую выборочность следующим образом: «… описание это доведено до 1771 года, то есть до того времени, когда Кизляр перестал быть местопребыванием Главного управления здешнего края. С тех пор в Кизлярском архиве находятся только дела частного управления, из которых

[1] Там же. Л. 15.
[2] Там же. Л. 52.
[3] Там же. Л. 63.

нельзя видеть ни хода постепенного утверждения нашего на Кавказе, ни получить понятий об общих военных действиях»[1].

Между тем, осенью того же года с описями, составленными Гросманом, ознакомился Воронцов. Некоторые дела наместника заинтересовали особо, и он пожелал ознакомиться с ними подробнее. Гросману было поручено подготовить дела к отправке в Тифлис. Всего в Тифлис из Георгиевска было отправлено 22 тюка архивных дел. Оставшийся архивный фонд был перевезен в другое здание. Дела, доставленные в Тифлис, Н.И. Вольф поручил подполковнику Рудоновскому, который должен был «составить из них извлечение о предметах наиболее важных или интересных в военном или историческом отношении»[2].

С середины XIX в. знания о Кавказе стали накапливаться значительно интенсивнее в сравнении с предыдущими десятилетиями. Немаловажной частью этого процесса были кратко охарактеризованные первые архивные экспедиции на Кавказе. Деятельность офицеров Отдельного Кавказского корпуса стала своеобразной репетицией масштабных работ, проведенных в 1860–1880-х гг. Кавказской археографической комиссией.

Для рядовых солдат Отдельного Кавказского корпуса Воронцов являлся последней надеждой в случаях произвола начальства. Об этом свидетельствует солдатская грамотка рядовых четвертой роты Апшеронского пехотного полка. Солдаты писали наместнику, что давно привыкли к тяготам службы на Кавказе: «Драться с татарвой нам нипочем, рады животы положить за царя и за вашу светлость, когда угодно, служба царская тоже нипочем, вальными работами нас больно изнурили, дома строй начальству полковому командиру, то другие строения, ну да и то ставим, хотя многие от такого изнурения пошли в чистую отставку на тот свет»[3]. Солдатское терпение было почти бесконечным, но и оно закончилось, когда полковое начальство стало регулярно присваивать жалованье рядовых, в том числе

[1] Там же. Л. 79.
[2] Там же. Л. 86.
[3] ОР РНБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.

деньги, пожалованные солдатам от наследника престола цесаревича Александра Николаевича во время его путешествия по Кавказу осенью 1850 г. «Не вытерпеть нам стало, забурлили было, сказали по начальству, да все нипочем, все один другому мирволят»[1], - писали апшеронцы Воронцову о своих безуспешных попытках добиться справедливости. В четвертой роте постоянно менялись командиры, каждый из которых отмахивался от солдатских просьб и жалоб. Наконец, апшеронцы попытались заявить о несправедливости на полковом смотре, но и это не помогло, «да вишь сказали и строго приказали кто хочет жить на этом свете так молчи и говори всем доволен, и все получали, а кому надоело жить, так, пожалуй, показывай претензию»[2]. Последней надеждой на восстановление справедливости стал наместник, написать грамоту которому солдатам посоветовал священник: «пошлите, сказывает, грамоту наместнику кавказскому его светлости князю Воронцову, он для солдат что твой и отец родной, не попустит в обиду солдат всем удовольствует»[3]. «Вот, помолясь Богу, и посылаем тебе отец наш родной ваша светлость вот эту грамотку, помилуй, спаси и заступись за нас солдат твоих кавказских, прикажи нас не обижать да удовольствовать всем чем обидел нас ротный командир капитан князь Багратион и другое начальство»[4], - обращались солдаты-апшеронцы к Воронцову.

Установить последствия этой солдатской просьбы к Воронцову, а именно завершилась ли эта история в пользу обиженных начальством рядовых четвертой роты Апшеронского полка по известным документам не удалось. Однако, в контексте истории отношений первого кавказского наместника и Отдельного Кавказского корпуса показателен сам случай подобного обращения и образ Воронцова как солдатского покровителя и защитника.

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 56.

Писали Воронцову с различными просьбами и казачьи сообщества Северного Кавказа. В мае 1845 г. казаки Гребенского казачьего полка обратились к наместнику с просьбой разрешить службу старообрядческих священников в казачьих станицах. Гребенцы указывали, что получили разрешение на приглашение священников из Иргизских старообрядческих монастырей в 1805 г. благодаря посредничеству министра внутренних дел В.П. Кочубея. «Ныне же вопреки всего того, по причине изменения от времени на Кавказе местного начальства, как военного, так и гражданского и духовного, новое начальство, не имея в виду тех правил, на коих основана терпимость в Гребенском полку старообрядческих священников, делает воспрещение нам иметь таковых, отчего в полку и прекращено как бракосочетание, крещение и погребение мертвых, так и прочие исправления христианских треб», - писали казаки кавказскому наместнику[1]. Дело в том, что в 1843 г. была открыта Кавказская епархия Русской православной церкви и возглавивший ее епископ Иеремия начал активную миссионерскую деятельность, в том числе в старообрядческих казачьих станицах. В поисках защиты от епископа Иеремии гребенцы и обратились к наместнику: «Сиятельнейший граф! Общество Гребенского полка все единодушно просит ваше сиятельство как особу, заботящуюся о благе человечества обратить милосердное и отеческое воззрение как на дело благоугодное самому Богу и принять просьбу эту с таким вниманием, с каким она и прежде была принята от бывших наших благотворителей. Смеем льстить себя надеждой, что новая сия милость, которую просим при получении возродит сугубую ревность и усердие в Гребенских войнах к подвигам военным и повинностям гражданским и да прославится имя вашего сиятельства в чувствах потомков Гребенского полка»[2]. Гребенский казачий полк занимал важнейшее место в системе Кавказской линии, казаки нужны были наместнику в

[1] Просьба обществ Гребенского полка (на имя Воронцова) о разрешении сохранить в полку старообрядческих священников, май 1845 г. // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 36 («Воронцовы»). Оп. 2. Картон № 2. Д. 47. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.

противостоянии с горцами. Религиозные притеснения могли не только подорвать боевой дух гребенского казачества, но и спровоцировать волну дезертирства, которое и без того являлось заметной проблемой войск Отдельного Кавказского корпуса. Уже эти прагматические соображения заставляли Воронцова обратить внимание на обращение гребенцев. Наместник во всеподданнейшем рапорте Николаю I доложил о притеснениях гребенцев со стороны епархиального начальства и о возможных негативных последствиях этого. В итоге в 1845 г. все православное духовенство линейных казачьих станиц, включая Гребенский казачий полк, было отделено от Кавказской епархии и подчинено обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса Лаврентию Михайловскому. Н.Н. Великая отметила, что «эта мера усилила позиции старообрядчества на Тереке»[1].

5.3. Кавказский наместник и чиновничество Кавказского края.

Изучение российской бюрократии от управленческой элиты высших и центральных правительственных институтов до канцелярских служителей губернских присутственных мест сохраняет свое научное значение, которое было отмечено еще П.А. Зайончковским в классической работе «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.»[2]. Систематическое исследование чиновничества Кавказского края ранее не проводилось, поэтому характеристику отношений первого кавказского наместника и региональной бюрократии необходимо предварить вводными замечаниями.

Присоединение Восточной Грузии, а затем и других (суб)регионов Кавказа стало большим вызовом для российской бюрократии. Выстраиванию новой системы управления препятствовало множество объективных обстоятельств: местное языковое и этническое разнообразие, сложные природно-ландшафтные условия края, отдаленность Кавказа от имперских

[1] Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII - начале XX в. // Православие в исторических судьбах Юга России. Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов н/Д.: [Б.и.], 2003. С.30–43.
[2] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 3.

столиц, постоянная военная угроза. Как известно, бюрократические институты отличают те же свойства, которые характерны и для армейской организации: строгая иерархия, беспрекословное подчинение младших по званию старшим, следование формальным регламентам и правилам.

В России бюрократия активно развивалась с петровского времени, когда все силы государства были направлены на борьбу с внешним противником, поэтому схожесть и даже неразделимость военного и гражданского управления в империи Романовых особенно заметны. «Возникновение бюрократии связано с утверждением абсолютизма в России в первой четверти XVIII в. и дальнейшим выдвижением на историческую арену дворянства. Отличительными чертами бюрократии этого времени были: 1) систематическое и иерархическое разделение функций между отраслями государственного управления, а внутри управлений между отдельными чиновниками; 2) введение принципов комплектования и прохождения службы чиновниками в зависимости от личной выслуги, способностей и образования, а не по привилегиям, даваемым “породой”, т.е. принадлежностью к определенному слою класса феодалов; 3) изменение материального обеспечения чиновников, выразившееся в замене поместного и натурального жалованья постоянными денежными окладами»[1], - в общем вполне справедливо отмечал еще С.М. Троицкий.

По словам Е.В. Анисимова, «связь “распорядка”, то есть управления и обороны, военного дела, была самая прямая, не говоря уже о том, что различия в исполнении служилым человеком (особенно на высоких должностях) военных и гражданских обязанностей с давних времен были весьма условны: сегодня он воевода на поле боя, а завтра – воевода в уездной канцелярии» [2] . На Кавказе чиновники фактически находились на войне: затянувшееся и казавшееся бесконечным военное противостояние с горцами

[1] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 5.
[2] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 106.

периодически дополнялось войнами с Османской империей и Персией. Многим кавказским чиновникам приходилось участвовать в военных походах, о чем свидетельствуют их формулярные списки. Значительная часть регионального чиновничества комплектовалась из бывших военных, которые были уволены из армии по болезни и ранениям.

Все эти особенности жизни и службы чиновника на южной окраине империи долгое время препятствовали привлечению на вновь присоединенные территории достаточного количества квалифицированных бюрократов. Необходимо отметить, что сложности в притоке бюрократии в первой половине XIX в. испытывали все окраины Российской империи. Русский чиновник являлся по удачному выражению А.И. Миллера, «ленивым империалистом»[1] и с большой неохотой отправлялся служить на имперские окраины, а при подходящей возможности, как правило, торопился покинуть отдаленную провинцию. Российское правительство пыталось изменить такое отношение чиновников к службе на окраинах государства, закрепляя за ними многочисленные служебные преимущества: от выдачи подъемных денег до ускоренного чинопроизводства. Уже в правление Александра I служба в Восточной Грузии давала возможность ускоренного чинопроизводства, поэтому многие чиновники ехали за чином коллежского асессора, который давал потомственное дворянство[2].

Это принесло противоречивые результаты, чиновники действительно стали поступать на службу в кавказские административные институты, но после получения необходимого чина стремились (часто безуспешно) найти другое, более комфортное место службы. Описывая население Тифлиса, А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» отметил: «Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином

[1] Это определение было предложено А.И. Миллером в ходе дискуссий на конференции «Управление и управляемость в Российской империи XVIII – начала XX в.», которая проходила 9–11 ноября 2023 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

[2] С 1845 г. чин коллежского асессора стал давать только личное дворянство. Подробнее см.: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России, XVIII–начало XX в. СПб.: «Искусство–СПб», 1999. С. 140–141.

асессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание»[1]. Тяжелые условия службы на окраине империи приводили многих чиновников к депрессии и пьянству. Кроме того, на протяжении первой половины XIX в. в регионе вспыхивали смертоносные эпидемии, уносившие жизни, в том числе российских бюрократов. В Георгиевске, который имел статус губернского города в 1802–1822 гг., появилось огромное кладбище, называемое «кладбищем коллежских асессоров»[2]. Здесь обрели покой многие чиновники, приехавшие на Кавказ за получением заветного чина, но ставшие жертвой лихорадки или беспробудного пьянства.

В николаевское время внимание правительства к гражданской службе увеличилось. По словам Л.Е. Шепелева, «для Николая I была очевидна необходимость спешного наведения порядка в организации государственной службы»[3]. Преимущества для чиновников, служивших на окраинах империи, получили систематизацию и регламентацию. Согласно указу «Об определении на службу чиновников по гражданской части в Кавказской области, Грузии, закавказских провинциях, Сибири и Олонецкой губернии» от 30 марта 1832 г. предусматривались преимущества двух уровней: при определении на службу и в продолжении службы[4]. При определении на службу все чиновники, переезжавшие в указанные регионы переводом из других мест, получали следующие чины, но не выше чина коллежского советника включительно. При этом специально оговаривалось, что повышение в чине невозможно в случае перевода из губернии, где служба была сопряжена с подобными же преимуществами[5]. То есть, переходить на службу из Сибири на Кавказ и обратно, перескакивая всякий раз в новый чин было невозможно. Более того, чиновник, получивший при переводе повышение в чине, был обязан прослужить на новом месте от трех до шести

[1] Пушкин А.С. Сочинения. Т. 3. М.: Художественная литература, 1987. С. 388.
[2] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу, составленный по поручению командующего войсками округа. М.: URSS, 2012. С. 238.
[3] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России, XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство–СПб», 1999. С. 170.
[4] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1833. С. 179–181.
[5] Там же. С. 180.

лет, а в противном случае лишался полученного ранее чина. Чиновники, отправляющиеся на окраины, получали единовременно от трети до половины жалованья «не в зачет», то есть помимо назначенного регулярного денежного содержания. Снабжались чиновники и прогонными деньгами для быстрого прибытия к отдаленному месту службы.

В продолжении службы на указанных окраинах чиновники имели право на ускоренное чинопроизводство. Бюрократам не дворянского происхождения сокращался срок выслуги для получения чина коллежского асессора из титулярных советников на половину, то есть шесть лет вместо двенадцати[1]. Получалось, что потомственное дворянство стоило шести лет службы на имперских окраинах. Любопытно, что чиновники, получившие коллежского асессора при переводе в Олонецкую губернию, не могли быть представлены в следующий чин раньше шестилетнего срока службы в регионе. Чиновники, прослужившие на Кавказе и в Сибири не менее десяти лет, имели право «на обращение в пенсию третьей части получаемого им по последнему месту жалованья; прослуживший двадцать лет – получает половину, а прослуживший тридцать лет – полную пенсию»[2].

В 1834–1835 г. в порядке гражданской службы произошли большие перемены. Во-первых, существенные изменения были внесены в «Табель о рангах», появилось новое «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно»[3]. Во-вторых, было подготовлено и утверждено «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе»[4]. Эти изменения сделали необходимой корректировку законодательства о преимуществах службы на окраинах империи.

26 мая 1835 г. было утверждено «Положение о преимуществах службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказской»[5]. Как и указ 30 марта 1832 г. новый закон вводил

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. С. 172.
[4] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. IX. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1835. С. 656–665.
[5] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. X. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1836. С. 639–641.

преимущества двух уровней: при определении и в продолжении службы. Согласно «Положению», чиновники, отправляющиеся на службу в Сибирь и на Кавказ, больше не могли рассчитывать на производство в следующий чин, как это было по предыдущим правилам. Преимущества при определении сводились к материально-финансовым выгодам: чиновники получали годовое жалованье не в зачет, а также двойные прогоны на все расстояние до места назначения. Однако оговаривалось, что чиновники должны были прослужить на означенных окраинах не менее года, в противном случае годовое жалованье пришлось бы вернуть казне[1]. В продолжении службы сибирские и кавказские чиновники могли также в основном рассчитывать на дополнительное денежное довольствие и ускоренное представление к наградам. Чиновники, прослужившие «беспорочно» пять, десять, пятнадцать и двадцать лет получали соответствующие прибавки к жалованью от его четвертой части до полного размера. Прослужившие в Сибири или на Кавказе двадцать пять лет получали двойной оклад к годовому жалованью. Представляется, что таких ветеранов бюрократической службы было не очень много.

В формулярных списках кавказских чиновников удалось обнаружить лишь один подобный пример. Горный чиновник П.Ф. Семянников начал службу на Кавказе в 1806 г. учеником маркшейдера (горного инженера) Грузинской горной экспедиции[2]. На протяжении четырех десятилетий П.Ф. Семянников служил с усердием и за это время занимал различные должности, в том числе управляющего Алавердского медеплавильного завода, управляющего Грузинским горным казначейством, а также длительный срок служил в Ахалцыхском областном правлении. 11 мая 1843 г. «по уважении долговременной службы, постоянного усердия и бескорыстия» Семянникова ему назначили полное добавочное жалованье по

[1] Там же. С. 639–640.
[2] Формулярный список чиновника особых поручений Тифлисской палаты государственных имуществ П.Ф. Семянникова, 1847 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 33.

окладу занимаемой должности чиновника особых поручений при Тифлисской палате государственных имуществ[1].

Прибавка полагалась не только к жалованью действующим чиновникам, но и к пенсии бюрократов, вышедших в отставку. Размер прибавки также определялся сроком, который чиновник отдал службе на окраине Российской империи[2]. За десятилетнюю беспорочную службу на Кавказе и в Сибири чиновника могли представить к награждению орденами. Региональное начальство могло удостоить чиновников, прослуживших на окраинах не менее десяти лет, наградой в виде земельного надела, размер которого определялся особенными положениями[3].

Необходимо отметить, что земельные наделы на Кавказе получали также армейским и флотские офицеры, при этом, земля отдавалась не в виде награды, «но преимущественно в интересах наибольшего заселения и процветания невозделанных и пустынных местностей»[4]. С инициативой наделения морских офицеров земельными наделами на Кавказе выступил в 1867 г. кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич.

В апреле 1840 г. было утверждено новое положение «О преимуществах чиновников, служащих за Кавказом»[5], которое вводило новые ограничения материально-финансовых выгод службы на южной окраине империи. Отправлявшиеся в Закавказье чиновники и канцеляристы, не имевшие чина, получали по-прежнему двойные прогоны до нового места службы, однако, по прибытии и определению к должности им выдавался не в зачет только полугодовой оклад жалованья, а вторая половина доставалась только по прошествии года[6]. Если ранее чиновники и канцеляристы обязаны были прослужить на Кавказе не менее года, иначе лишались подъемных денег, то

[1] Там же. Л. 55–55 об.
[2] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. X. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1836. С. 640.
[3] Там же. С. 641.
[4] Отношение Главного командира Черноморского флота и николаевского военного губернатора Б.А. фон Глазенапа управляющему Морским министерством Н.К. Краббе, 7 октября 1867 г. // РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5284. Л. 1–2.
[5] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. С. 267–268.
[6] Там же. С. 267.

по новым правилам срок обязательной службы увеличивался до трех лет. Бюрократ, покинувший южную окраину раньше этого срока, «подвергался взысканию выданного ему пособия для обращения в казну»[1]. В продолжении службы чиновники могли рассчитывать на лечение в военных госпиталях в случае болезни, а дети усердных и честных чиновников принимались на обучение в Тифлисскую гимназию и Закавказский девичий институт за счет казны[2]. Сходные преимущества были распространены и на чиновников Кавказской области по «Высочайше утвержденному положению о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи» от 9 июня 1842 г.[3].

Постоянное обновление служебных преимуществ, которые распространялись на чиновников и канцеляристов, выезжавших на Кавказ, показывает, что целью законодателя было сокращение количества бюрократов-авантюристов – охотников на быстрое получение чина и/или единовременного годового оклада. Региону были необходимы чиновники и канцеляристы, готовые к продолжительной службе на Кавказе. Только проведя здесь хотя бы несколько лет чиновник приобретал навыки общения с местным населением и разбирался в особенностях устройства региональной администрации. Однако на Кавказ зачастую ехали чиновники, которые не смогли найти себе место во внутренних губерниях империи, или те, от которых таким образом избавлялось прежнее начальство.

Об этом свидетельствует письмо главноуправляющего А.И. Нейдгардта министру внутренних дел Л.А. Перовскому от 25 января 1843 г., в котором начальник региональной администрации описывал дефицит квалифицированных кадров в чиновном корпусе, управляемой им окраины: «Преимущества, дарованные положением 10 апреля 1840 г. служащим здесь чиновникам и возвышение окладов их содержания в сравнении с внутренними российскими губерниями, не исполнили вполне ожиданий

[1] Там же.
[2] Там же. С. 268.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII. Ч. 1. СПб.: СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. С. 438–443.

правительства, ибо начальство здешнее не имеет другой возможности судить о благонадежности вызываемых лиц кроме обыкновенной аттестации в послужных их списках, весьма недостаточной для безошибочного заключения о качестве чиновника, последствие чего есть то, что весьма многие чиновники, по определении к месту, оказываются по способностям своим, а часто и по нравственности, совершенно бесполезными для службы, но к увольнению их от таковой, до истечения определенного трехлетнего срока, встречается препятствие, по решительной невозможности взыскать с них, полученного ими за приезд сюда пособия, почему и терпятся они по необходимости на службе, тем еще более, что начальство не может быть уверено, чтобы на места их поступили чиновники благонадежнейшие, новый же расход со стороны казны во всяком случае неизбежен»[1].

В качестве исправления этого очевидно пагубного положения Нейдгардт предлагал две меры. Во-первых, гражданские губернаторы тех губерний откуда направлялись чиновники на Кавказ должны были проверять качество бюрократов и только убедившись в их деловых способностях и благонадежности ходатайствовать о служебном переводе. Во-вторых, вторую половину годового оклада Нейдгардт предлагал выплачивать чиновникам не через год, а после трех лет службы[2]. Эти предложения статс-секретарь М.П. Позен, управлявший VI Временным Отделением СЕИВК, доложил императору Николаю I, который повелел рассмотреть эти предложения в Комитете по делам Закавказского края[3]. Комитет рассмотрел это дело уже 1 апреля 1843 г. и полностью поддержал предложения Нейдгардта, оставив на за кавказским главноуправляющим возможность выдавать вторую половину годового оклада отличившимся чиновникам ранее трехлетнего срока[4]. Тем не

[1] Отношение главноуправляющего Закавказским краем А.И. Нейдгардта министру внутренних дел Л.А. Перовскому, 25 января 1843 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 427а. Л. 3.
[2] Там же. Л. 4.
[3] Выписка из доклада статс-секретаря М.П. Позена «Относительно изменения положения о преимуществах службы Закавказом» // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 427а. Л. 5–8.
[4] Отношение статс-секретаря М.П. Позена главноуправляющему Закавказским краем А.И. Нейдгардту, 9 апреля 1843 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 427а. Л. 13–14.

менее, чиновники продолжали обращаться с просьбами о переводе непосредственно к кавказскому начальству.

Преимущества по службе действительно привлекали чиновников из внутренних губерний Российской империи и наряду с теми, которые пытались покинуть Кавказ как можно скорее, были и бюрократы, прослужившие в регионе десятки лет. Одним из таких являлся чиновник В.А. Дзюбенко, начинавший службу в Кобылянском уездном суде (Полтавская губерния) канцеляристом в 1824 г., когда ему самому было всего четырнадцать лет[1]. В своих воспоминаниях Дзюбенко отмечал: «У меня с 15 лет начала кружиться голова от различных рассказов о Грузии и о преимуществах тамошней службы и вот едва мне исполнилось 17 лет, как я решился осуществить мечты моего детства» [2] . Дзюбенко и три его сослуживца-чиновника в 1829 г. написали прошение о переводе на Кавказ, в Тифлис они прибыли в июле того же года.

Согласно формулярному списку Дзюбенко, за служебный переезд на Кавказ он был произведен в коллежские регистраторы и назначен в Исполнительную экспедицию Верховного Грузинского правительства [3] . Дзюбенко проявил себя выносливым и умным сотрудником, что обеспечило ему регулярное повышение в чинах. В 1832 г. за выслугу лет он произведен в губернские секретари; в 1835 г. получил коллежского секретаря; в 1837 г. Дзюбенко произведен в титулярные советники; в 1844 г. повышен в коллежские асессоры – цель многих чиновников, отправлявшихся на Кавказ[4].

Кроме быстрого чинопроизводства служба Дзюбенко была отмечена в 1839 г. признательностью министра внутренних дел «за усердную службу», а начальство доверяло чиновнику разнообразные и ответственные должности. В 1834 г. Дзюбенко работал в Комиссии «о делателях фальшивых царских

[1] Формулярный список о службе коллежского асессора В.А. Дзюбенко, 1847 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 77–78.
[2] Воспоминания В.А. Дзюбенко. Полувековая служба за Кавказом // Русская старина. 1879. Т. XXV. Вып. 8. С. 638.
[3] Формулярный список о службе коллежского асессора В.А. Дзюбенко, 1847 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 78.
[4] Там же. Л. 78–82.

документов», расследовавшей многочисленные случаи изготовления поддельных грамот на дворянство и княжество, которые пользовались большим спросом у грузинского населения, вынужденного подтверждать права на собственность и достоинство[1]. В 1841 г. по распоряжению сенатора П.В. Гана чиновника назначили лесничим Грузино-Имеретинской губернии[2]. К приезду на Кавказ наместника М.С. Воронцова Дзюбенко служил в Грузино-Имеретинской (с 1846 г. – Тифлисской) палате государственных имуществ.

Формулярные списки чиновников Тифлисской палаты государственных имуществ показывают, что сослуживцами Дзюбенко были еще несколько чиновников, переведенных на южную окраину по своему прошению и прослужившие здесь многие годы. Коллежский асессор М.И. Кривецкий перешел на службу в Кавказскую область в 1827 г. из Киевской казенной палаты; коллежский секретарь А.Р. Манзюков начинал службу в Бессарабии в 1819 г. и был переведен в 1826 г. по своему прошению на службу в Кавказскую область[3].

Ветераном кавказской службы являлся и начальник Тифлисской палаты государственных имуществ Н.С. Орловский, образ которого известен по воспоминаниям А.Л. Зиссермана: «… некто Никита Степанович Орловский, человек весьма почтенный, но бюрократ до ногтей, всю жизнь свою, с двенадцатилетнего возраста, проведший в канцеляриях, начав мальчиков бегающим за водкой и бубликами для старых подьячих, в Чернигове кажется, поднявшись затем до должности казначея в канцелярии главных начальников Грузии, наконец назначенный управляющим палатой, украшенный несколькими орденами и с властью казнить и миловать всех своих подчиненных. К чести его, однако, должно сказать, что работал он сам

[1] Там же. Л. 80.
[2] Там же. Л. 81.
[3] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 12–28.

чуть ли не больше всех своих чиновников и ни в каких злоупотреблениях никто никогда его не заподозревал»[1].

Эта характеристика влиятельного текста А.Л. Зиссермана верна лишь отчасти и формулярный список Н.С. Орловского ее существенно корректирует. Орловский действительно начинал службу в Чернигове в 1809 г. канцеляристом городового магистрата[2]. Однако Орловский вовсе не провел всю жизнь в канцеляриях как писал Зиссерман. В Заграничных походах 1813–1814 гг. Орловский служил волонтером в действующей армии, а уже в 1816 г. он был определен на службу в Кавказскую казенную палату. Орловский являл собой пример служаки, который был одинаково хорошо и в канцелярии, и в полку. В 1826–1828 гг. Орловский принял участие в Русско-персидской войне, после завершения которой служил помощником казначея в Хойском комитете по приему персидской контрибуционной суммы[3]. За время долгой службы на Кавказе Орловский много раз отмечался начальством как усердный сотрудник, а 3 сентября 1846 г. ему было объявлено благоволение императора Николая I, что еще раз подчеркнуло его заслуги и высокий служебный статус[4].

Вместе с тем, на южной окраине империи далеко не все чиновники показывали себя с лучшей стороны. Местное начальство активно избавлялось от множества чиновников, замеченных в пьянстве и недостойном поведении. Кавказские главноуправляющие имели право высылать за пределы Кавказского края любого неугодного чиновника[5]. При этом, высылаемые пытались оспорить справедливость дисциплинарных мер, которыми были подвергнуты. Это было оправданно, учитывая, что чиновники писали доносы на сослуживцев в корыстных целях служебного продвижения. Распространены были и случаи сведения личных счетов, а

[1] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе, (1842-1867). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879. С. 16.
[2] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 84.
[3] Там же. Л. 85–87.
[4] Там же. Л. 91.
[5] О высылке из Закавказского края чиновников, отставных военных и гражданских за дурное поведение. 5 июля 1843 – 18 февраля 1852 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

также неприязни на национальной почве. Последнее заметно по многочисленным случаям доносительства чиновников-поляков на русских бюрократов и наоборот[1].

Высылка провинившихся чиновников превратилась для местной администрации в отдельную проблему. Дело в том, что для высылки за пределы края необходимо было найти транспорт, караул, обеспечить высылаемых теплой одеждой, все эти расходы покрывались за счет казенных средств. Кроме того, некоторые из чиновников требовали прогонных денег, как, например, титулярный советник Егор Алексеев, высылаемый осенью 1843 г. за «буйство и пьянство»[2]. Некоторые из высылаемых чиновников оставались без необходимых бумаг и денег и просто пропадали в казачьих станицах неподалеку от Екатериноград, через который проходила дорога из Тифлиса во внутренние российские губернии[3].

Несмотря на регулярную высылку неугодных чиновников их число в Закавказье продолжало оставаться значительным. Это создавало дополнительные проблемы. Во-первых, опустившиеся чиновники роняли авторитет российских властей среди местного населения. Во-вторых, отставленные с служебных мест чиновники зарабатывали составлением жалоб и доносов от лица местных жителей, недовольных правилами и порядками, или действиями администрации. Такие правильно составленные жалобы требовалось рассмотреть и дать на них соответствующие ответы, а в многих случаях и провести расследование, что сильно обременяло региональные институты управления. В октябре 1844 г. в Тифлисе находилось двадцать отставных чиновников, которых власти характеризовали как «пьяниц и развратников»[4]. Высылка не избавляла власти от проблемы отставных чиновников. По словам главноуправляющего А.И. Нейдгардта: «Цель не достигается: ибо хотя Закавказский край и избавляется

[1] Там же. Л. 18–19.
[2] Там же. Л. 60–61.
[3] Там же. Л. 66.
[4] Там же. Л. 237.

от тунеядцев, снискивающих себе здесь пропитание сочинением ябеднических просьб и даже мошенничеством, но высланные чиновники остаются в равную же тягость местам куда будут доставлены, ибо, не имея и там никаких средств к жизни, продолжают прежние занятия»[1]. Поэтому А.И. Нейдгардт в 1844 г. предлагал предавать отставных чиновников плохого поведения военному суду и отправлять на военную службу. Однако, этот вопрос тогда не получил окончательного разрешения: министр внутренних дел Л.А. Перовский 30 января 1845 г. запросил мнение кавказского наместника М.С. Воронцова[2].

Таким образом, на время назначения Воронцова кавказским наместником среди местного чиновничества сложилась группа ветеранов гражданской службы, которая отчасти напоминала военную субкультуру старослужащих Отдельного Кавказского корпуса. Вместе с тем, далеко не все чиновники успешно адаптировались к местным условиям и эффективно отправляли службу.

Кавказский наместник, как было показано выше, проводил активную политику гражданского переустройства региона. Это требовало укрепления кадрового потенциала административного аппарата. Вместе с Воронцовым на Кавказ переехали не только его ближайшие сотрудники, но и более широкий круг чиновников, получивших новые назначения. Однако «новороссийского потопа» не произошло.

Данные «Ведомостей о переменах в личном составе Главного управления Закавказского края» за 1846–1847 гг. показывают, что переводы чиновников из Новороссии на Кавказ были относительной редкостью. В 1846 г. зафиксировано три таких случая, при этом речь идет о назначениях на позиции контролера Счетного отделения канцелярии наместника (наместником назначен титулярный советник Федоровский, ранее служивший в Одесской конторе коммерческого банка), областного

[1] Там же. Л. 238.
[2] Там же. Л. 298–299.

архитектора Каспийской области (назначен Одесский городовой архитектор Камбиаджио) и участкового заседателя Уканашхарского участка Сигнахского уезда (назначен отставной прапорщик Павловский, ранее служивший помощником управляющего Еврейскими колониями Херсонской губернии)[1]. Среди молодых чиновников канцелярии наместника только один из двенадцати ранее служил в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а еще один являлся выпускником Одесского лицея Ришелье[2].

Согласно формулярным спискам чиновников канцелярии кавказского наместника на 1849 г. среди них было три выпускника Ришельевского лицея или гимназии при нем: титулярный советник В.С. Андреевский, служивший у Воронцова с 1830 г.; титулярный советник К.М. Богданов-Каминский, служивший под началом Воронцова с 1833 г. и молодой губернский секретарь Ф.Е. Булатов, поступивший на службу в 1848 г.[3]. С учетом общей численности канцелярии наместника в 55 чиновников, в том числе переводчиков, «новороссийцы» были не самой заметной группой[4]. Сведения о социальном происхождении, вероисповедании и образовании чиновников канцелярии кавказского наместника приведены в приложении.

Назначение Воронцова наместником спровоцировало новую волну обращений о служебных переводах на Кавказ. У Воронцова была репутация щедрого начальника, но убедиться в этом смогли только немногие из чиновников, просивших перевода. В делах канцелярии кавказского наместника сохранилось более трех десятков таких прошений только за 1848–1850 гг. Всем чиновникам было отказано с одинаковой мотивировкой: «Нет вакансий»[5].

[1] О переменах в личном составе Главного управления Закавказского края // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 211. Л. 6; Л. 59; Л. 63.
[2] Там же. Л. 70.
[3] Формулярные списки о службе чиновников Канцелярии наместника кавказского и чиновников особых поручений за 1849 год // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 391. Л. 1–280.
[4] Штат канцелярии наместника кавказского, 1 марта 1846 г. // ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 53. Л. 1–3.
[5] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 192. Л. 9–11.

И только коллежский советник Яков Ивченков был обнадежен директором канцелярии наместника Сафоновым, ответившим, что чиновнику дополнительно сообщат об открытии вакансий в Тифлисе или Ставрополе. Такой ответ не был случайностью. Дело в том, что Ивченков в 1831–1842 гг. служил в администрации Воронцова в Новороссийском крае, а затем еще два года прослужил в Тифлисе губернским прокурором. В 1844 г. чиновника перевели в Саратов, где он и прослужил до 1847 г., когда его отправили служебным переводом в Петербург. «…Не располагая оставаться на службе в С. Петербурге по слабости здоровья и не привычке к суровому северному климату, я приемлю смелость утруждать особу вашего сиятельства вспокорнейшею просьбою о принятии меня на службу под известное всему свету милостивое и благодетельное начальство вашего сиятельства в соответственную должность какую я уже занимал в Ставрополе или Тифлисе», - писал Ивченков 18 декабря 1847 г.[1]. Ивченков особо отмечал, что его хорошо знают многие из чиновников-«кавказцев», а о службе в Саратове мог отозваться А.М. Фадеев как бывший саратовский губернатор. Тем самым Ивченков показывал себя как своего для Воронцова. Очевидно, что кавказский наместник осознанно стремился окружить себя проверенными и доверенными людьми. Чужакам в воронцовской администрации места не было.

Не удавалось перевестись на Кавказ даже тем чиновникам, которые предлагали дополнительные умения и навыки. Показательно в этом отношении прошении о переводе на Кавказ канцелярского служащего межевого департамента Сената Константина Павловича Бараниуса. Чиновник писал, что перевод необходим ему «для поправления расстроенного здоровья». В качестве своего козыря Бараниус подчеркивал готовность «в свободное время преподавать уроки на фортепиано в тамошнем институте

[1] Там же. Л. 9.

благородных девиц или в других тифлисских школах»[1]. Многостороннему чиновнику в переводе отказали.

Отметим, что отказ получали и те чиновники, которые обращались с рекомендациями от министров. Министр финансов Ф.П. Вронченко обратился к наместнику 8 июля 1848 г. о переводе служащего по Департаменту мануфактур и внутренней торговли титулярного советника Федорова, который хотел переместиться на Кавказ по семейным обстоятельствам. Вронченко отмечал, что Федоров служил в Департаменте с 1842 г. и «при весьма хороших способностях и отличной нравственности, отправлял службу с постоянным усердием и вполне благонадежен». Однако и Федорову в службе у наместника отказали «по неимению вакансий»[2].

При этом на Кавказ переводились чиновники, о которых наместник сам просил у министров и главноуправляющих. Уже летом 1845 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев отправил на Кавказ двух землемеров А.М. Вигуру и Ф.С. Полухтовича. Надо отметить, что последний окончил курс Лесного и межевого института с отличием, его имя значилось на почетной мраморной доске среди лучших выпускников[3].

Служебные переводы чиновников, как уже отмечалось, были сопряжены с большой перепиской. Николай I считал, что хаотическая миграция чиновников вносила сумятицу в работу государственного аппарата и тормозила разрешение дел. В 1846–1847 гг. под личным контролем императора составлялся общий список всем гражданским чинам империи, эта работа потребовала введения моратория на служебные перемещения чиновников, который продлился с 1 мая 1846 г. по 20 января 1847 г. В это время увольнения чиновников и смена места службы были возможны только с уведомлением министров и I Отделения СЕИВК[4]. При этом, сами

[1] Там же. Л. 49.
[2] Там же. Л. 92.
[3] Формулярный список о службе губернского секретаря Ф.С. Полухтовича, 1847 г. // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 179. Л. 22.
[4] Список с высочайшего повеления наместнику кавказскому от 1 мая 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 267. Л. 4–6.

министры, обязанные предоставить списки чиновников своих ведомств, запрашивали эти сведения от подчиненных региональных институтов через кавказского наместника[1]. Для того, чтобы избежать дублирования функций и путаницы при назначении и увольнении чиновников 1 сентября 1846 г. в составе Первого Отделения СЕИВК был создан Инспекторский департамент гражданского ведомства, который осуществлял общий контроль за перемещением и увольнением чиновников. Кавказский наместник и сибирские генерал-губернаторы должны были извещать Инспекторский департамент о всех перемещениях чиновников, производимых во вверенных регионах[2].

Воронцов являлся последовательным сторонником подготовки чиновников из местных уроженцев. И здесь наместник действовал по двум направлениям. Во-первых, уже в 1845 г. Воронцов вновь инициировал вопрос о распространении служебных преимуществ, закрепленных положением 10 апреля 1840 г., на чиновников из местных жителей. Здесь Воронцов продолжил усилия Нейдгардта в решении этого вопроса. Итогом продолжительной служебной переписки между Петербургом и Тифлисом, продолжавшейся больше двух лет, стало решение Кавказского комитета о частичном распространении служебных преимуществ на чиновников из числа «туземцев» [3] . Формулировки решения Кавказского комитета показательны и красноречивы, поэтому заслуживают пространного цитирования: «… главная и существенная цель преимуществ, установленных положением 1840 года, состоит как в том, чтобы привить на службу в Закавказский край хороших и способных чиновников из России, так и в том главнейше, чтобы удержать таких чиновников на службе в этом крае. Чиновники сии, оставляя свое родство и семейства в России, не имея прочной оседлости Закавказом, не привыкшие к климату онаго, без всякого

[1] Отношение министра финансов Ф.П. Вронченко кавказскому наместнику М.С. Воронцову, от 30 апреля 1846 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 267. Л. 25.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 267. Л. 25. Л. 74.
[3] Выписка из журнала Кавказского комитета, 2 октября 1847 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 427а. Л. 97–100.

сомнения должны быть вознаграждены за все те лишения, коим подвергаются во время службы в этом отдаленном крае. Чиновники из туземцев находятся совершенно в ином положении и служа Закавказом, не подвергаются никаким особым лишениям, поэтому было бы несправедливо чиновникам из туземцев предоставить все те преимущества, коими пользуются русские чиновники»[1]. Тем не менее, Кавказский комитет отметил, что «правительство особенно заботиться об образовании из туземцев хороших чиновников собственно для службы в Закавказском крае» и это обстоятельство продиктовало необходимость распространения на эту группу чиновников некоторых служебных преимуществ, в том числе: сокращение сроков выслуги, право на лечение в военных госпиталях и воспитание детей в учебных заведениях за счет казны[2]. Утверждение за чиновниками из местных уроженцев служебных преимуществ подтверждало их высокий статус и престиж государственной службы.

Во-вторых, наместник провел масштабную реформу школьного образования на Кавказе. Если в конце 1845 г. общее число обучающихся в заведениях министерства народного просвещения равнялось – 2265[3], то к концу правления М.С. Воронцова на Кавказе, а именно к 1854 г. оно достигло – 4683[4].

В 1848 г. учебные заведения южной окраины империи были объединены в систему Кавказского учебного округа. Структурными элементами нового учебного округа стали пять дирекций училищ (Тифлисская, Кутаисская, Шемахинско-Дербентская, Ставропольская и Черноморская), которые осуществляли непосредственный контроль деятельности 21 уездных училищ и 10 приходских[5].

[1] Там же. Л. 97.
[2] Там же. Л. 98.
[3] Кавказский календарь на 1846 год. Тифлис: Типография наместника кавказского, 1845. С. 145.
[4] Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1854. С. 540–541. Здесь мы учитывали и учеников мусульманских учебных заведений.
[5] Модзалевский Л.Н. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1880. С. 26.

До объединения российских школьных заведений в систему Кавказского учебного округа отдельные институты образования сталкивались с серьезными трудностями, которые нередко оборачивались временным закрытием или полным прекращением работы училища. В 1744 г. было основано осетинское подворье, при котором усилиями православного духовенства была открыта школа для «осетинского юношества». Спустя двадцать лет осетинское подворье, ставшее комиссией, было переведено в Моздок. Переезд неблагоприятно сказался на работе школы, которая прекратила свою деятельность в 1777 г. После значительного перерыва эстафету в 1793 г. принимает основанная при моздокской архиерейской кафедре «школа для детей горских жителей».

В 1788 г. в Екатериноградe было открыто главное губернское народное училище. На Кавказ из Петербурга отправили учителей: Я. Лянзиховского (арифметика, геометрия, механика, физика, латинский и русский языки), А. Столева (география и история), Ф. Шпаковского (русский язык), А. Стасевича (рисование)[1]. Училище в Екатериноградe успешно проработало два года до лета 1790 г., в школе обучались 45 учеников. Но в 1790 г. управление Кавказского наместничества было перенесено в Астрахань – новый военно-административный центр российского Северного Кавказа. Екатериноградский уезд упразднили, а его территорию поделили между другими уездами Кавказского наместничества. Училище по предложению правителя Кавказского наместничества генерала С.А. Брянчанинова было перенесено в Кизляр, но там не прижилось – учеников набралось только семь. Еще большей проблемой стала логистика. За жалованьем учителя должны были ежемесячно ездить в Астрахань, а это путь в более чем 300 километров. Школьные наставники просили помощи у генерала С.А. Брянчанинова, но тот не ответил на их прошение. В отчаянии учителя написали письмо в Комиссию о народных училищах, которую возглавлял граф П.В. Завадовский: «При сих горьких и скучных обстоятельствах жизни

[1] РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.

нашей просили мы губернатора астраханского яко попечителя нашего об удовлетворении в таковых нуждах наших, но не получив никакого решения, принужденными нашлись просить высоко учрежденную комиссию воззреть отечески на сие прошение наше, и признав нас не нужными в сих местах, по причине имеющегося ныне быть главного народного училища в Астрахани, уволить в военную службу ее императорского величества, не оставляя при сем благодеянием своим, яко даром следуемым за трудами, какие мы полагали при воспитании юношества в науках» [1] , - писали учителя екатериноградского народного училища. Граф Завадовский запросил разъяснений у генерала Брянчанинова. Глава северокавказской администрации объяснил провал школьного дела в Кизляре недостатком учеников и денег, а завершил ответное послание так: «остающихся екатериноградского главного народного училища учителей, куда прикажите возвратить, имею честь от вас, милостивый государь, ожидать уведомления»[2]. Учителям нашли новые места, история екатериноградского народного училища на этом завершилась.

В день торжественного открытия Кавказского учебного округа 5 апреля 1849 г. Воронцов завершил свое выступление такими словами: «Зная волю государя, я, согласно ей, и по собственному убеждению, желаю, прошу начальство округа, и буду настаивать, чтобы языки русский и местные были главными, безусловными предметами преподавания, чтоб каждый туземец знал хорошо по-русски, а каждый бы русский знал непременно не менее двух языков здешних. Тогда только мы будем иметь вполне способных офицеров и чиновников» [3] . Воронцов, фактически, «цитировал» речь императора Николая I, который на торжественном открытии Ставропольской гимназии 18 октября 1837 г. так напутствовал учеников: «Желаю, чтобы плоды занятий вы употребили с пользою и сделались достойными чиновниками»[4].

[1] Там же. Л. 8.
[2] Там же. Л. 11.
[3] Кавказ. 1849. № 18. С. 70–71.
[4] Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский: Типография губернского правления, 1887. С. 10.

Распространение русского языка как государственного являлось важнейшей задачей имперской администрации. Ее пытался решить еще П.Д. Цицианов, руководивший Кавказским краем в 1802–1806 гг., в одном из его рапортов Александру I отмечалось, что инструкции российской администрации оставались для местного населения «загадочными письменами». Степень управляемости региона напрямую зависела от количества русскоговорящих. Гимназическое образование было достаточно для овладения русским и другими местными языками. Но даже выпускники лучших кавказских гимназий – Тифлисской и Ставропольской – могли занимать лишь самые скромные административные должности. Для обретения более высоких чинов необходимо было получение университетского образования.

«Положение» о Кавказском учебном округе не предполагало открытия в крае высшего учебного заведения[1]. Причины этого вполне очевидны. Организация высшего учебного заведения требовала соответствующих профессорско-преподавательского состава, инфраструктуры, а значит и материальных затрат принципиально иного масштаба (по сравнению с учреждением гимназий и училищ). Между тем, Кавказ являлся тяжелым бременем для российской казны. Содержание постоянно увеличивающегося Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. Кавказской армии), ущерб от набегов горцев на Кавказскую линию, экстраординарные расходы кавказского наместника – все это было причиной недовольного беспокойства финансового ведомства империи. Расходы на Кавказскую войну по данным, приводимым И.С. Блиохом, значительно увеличились в 1845 г., когда общая сумма расходов по Военному и Морскому министерствам выросла с 75,5 млн руб. до 81,4 млн руб.[2]. В 1847 г. на Кавказе с целью преодоления бюджетного дефицита даже была создана Особая комиссия по увеличению местных

[1] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIII. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1849. С. 96–112; РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 38.
[2] Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. С. 254.

доходов и сокращению расходов на гражданское управление в Закавказском крае[1].

В условиях, когда Кавказский край был объят войной, всерьез рассчитывать на приезд в Тифлис маститой столичной профессуры было невозможно. И это вторая важная причина, которая не позволяла даже начать обсуждение вопроса об открытии на Кавказе высшего учебного заведения. Идею университета для южной окраины стали разрабатывать только в начале XX в. Предпоследний кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков лоббировал открытие в Тифлисе политехнического института, но не преуспел.

После создания Кавказского учебного округа Воронцов поручает его попечителю В.Н. Семенову разработку проекта положения о воспитании кавказских и закавказских уроженцев в высших и специальных учебных заведениях империи. Отметим, что уроженцы Кавказского края отправлялись на обучение в столичные университеты уже с 1803 г.[2], но М.С. Воронцов решил придать этой практике больший масштаб и закрепить ее законодательно. В письме к военному министру и председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву от 13 апреля 1849 г. наместник отмечал, что имевшиеся на тот момент положения об обучении закавказских жителей в столичных учебных заведениях устарели и не отвечают правительственным интересам: «При всей благотворности этой меры, цель, для которой она установлена, не вполне достигается сколько потому что она не довольно точно и ясно определена, сколько и потому, что между различными постановлениями, относительно воспитания Закавказских уроженцев с 1843 года изданными, не имеется надлежащей общей связи»[3].

Проект В.Н. Семенова, предполагавший утверждение своеобразной квоты на места в российских университетах для «кавказских воспитанников»

[1] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. С. 113.
[2] Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. С. 16.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 113.

в количестве 150, обсуждался на заседании Кавказского комитета 31 мая 1849 г. Заслушивались также и мнения начальников ведомств: министра народного просвещения С.С. Уварова, министра государственных имуществ П.Д. Киселева, министра финансов Ф.П. Вронченко, министра юстиции В.Н. Панина и главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями П.А. Клейнмихеля.

Наиболее критичным оказался отзыв С.С. Уварова. Министр народного просвещения усомнился в необходимости создания запасного капитала из денежной суммы от мест, оставшихся вакантными, то есть из тех 150, которые предполагались для зачисления уроженцев Кавказа. Семеновский проект предусматривал, что нерастраченные на обучение «кавказских воспитанников» казенные деньги будут использоваться для приобретения дополнительных учебных пособий и научных командировок лучших студентов в зарубежные университеты. Уваров полагал, что это приведет только к дополнительным финансовым издержкам без всякого практического оправдания: «… отправление же в чужие края, преимущественно на Восток, отличнейших из кавказских и закавказских воспитанников, для усовершенствования в науках, и вовсе, по-моему мнению, не должно иметь места, потому что правительство имеет в виду приготовление для того края не академиков и не профессоров, а только достойных учителей гимназий и способных по различным частям управления чиновников, которых образование в высших и специальных учебных заведениях империи, приспособленное к местным потребностям края, совершенно достаточно для принесения всей ожидаемой от них практической пользы»[1]. Подход Уварова был утилитарен и отличался щепетильностью в финансовой стороне дела. Министр просвещения раскритиковал идею организации общих языковых классов для всех «кавказских воспитанников». Вероятно, задумка принадлежала Воронцову как большому поклоннику ланкастерской системы

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 42.

взаимного обучения. Но Уваров увидел в этом только большие логистические и организационные неудобства.

Министр государственных имуществ П.Д. Киселев предложил включить в число высших учебных заведений для приема «кавказских воспитанников» Горыгорецкий земледельческий институт, расположенный в Могилевской губернии. «Институт сей есть единственное в России высшее учебное заведение по части сельского хозяйства»[1] - подчеркивал Киселев.

В.Н. Панин, возглавлявший министерство юстиции, передал в Кавказский комитет пожелания попечителя Императорского училища правоведения принца П.Г. Ольденбургского, который, как и Уваров, выступил против общих языковых классов, «ибо воспитанники будут отвлекаемы тогда от уроков, преподаваемых в тоже время в заведениях; а при том частые выходы из оных в общие классы и оттуда обратно подвергнут молодых людей неизбежному в этом случаю развлечению»[2].

Главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями П.А. Клейнмихель выступил против наделения управляющего делами Кавказского комитета В.П. Буткова ревизорскими функциями. Согласно проекту, Бутков имел права посещать «кавказских воспитанников» в учебных заведениях и лично контролировать их успеваемость и поведение. Клейнмихель увидел в этом недоверие к своему ведомству и ультимативно писал А.И. Чернышеву: «… я на таковой посторонний надзор в частях высочайше вверенного мне управления, как недопускаемый и в военно-учебных заведениях, согласиться не могу»[3].

Обсудив проект Семенова и замечания министров, члены Кавказского комитета внесли несколько изменений в исходный документ. Во-первых, мнение Уварова о запасном капитале как о напрасной растрате казенных денег было признано обоснованным и верным. «Особого запасного капитала из сумм, остающихся от неполного числа воспитанников, не учреждать

[1] Там же. Л. 48.
[2] Там же. Л. 91.
[3] Там же. Л. 97.

вовсе, обращая остатки сии в пользу Государственного казначейства»[1], - записано в Журнале заседаний Кавказского комитета. Отказались и от идеи общих классов, что также можно считать свидетельством влиятельности министра народного просвещения. В изначальный проект были внесены и другие менее значимые изменения. 11 июня 1849 г. на Журнале Кавказского комитета с обсуждением проекта Семенова император Николай I написал: «Быть посему»[2].

«Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи» было опубликовано 21 июля 1849 г.[3]. Сто шестьдесят молодых уроженцев Кавказа обучались в восемнадцати российских высших учебных заведениях. Прием «кавказских воспитанников» проходил ежегодно. Они «приуготовлялись», прежде всего, для занятия различных, в том числе и высших государственных должностей на Кавказе. Кроме того, часть «кавказских воспитанников» приобретала знания необходимые для «содействия успешному развитию в крае торговли и промышленности»[4]. Российские власти рассчитывали на то, что «кавказские воспитанники» освоят знания, необходимые им в дальнейшей повседневной работе, а, значит, они не должны были отвлекаться на знания «праздного» характера. Поэтому курс обучения для них зачастую отличался от стандартного. В частности, было решено «… для облегчения воспитанников, освободить их от изучения некоторых европейских языков, как например: немецкого и английского, и других предметов, в их будущем назначении вовсе ненужных»[5].

Привлекает внимание, что меньше всего мест для «кавказских воспитанников» было отведено в Академии художеств и Санкт-Петербургском технологическом институте – по два. И если минимальное

[1] Там же. Л. 160.
[2] Там же. Л. 161.
[3] ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1850. С. 313–323; РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 191.
[4] Там же. С. 313–314.
[5] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 160.

количество мест в Академии художеств легко объяснялось эксклюзивностью, предоставляемых этим учебным заведением знаний, то причина минимального числа вакансий в Технологическом институте диктовалась печальным опытом его выпускников.

В журналах Кавказского комитета сохранились сведения о непростых судьбах двух воспитанников Санкт-Петербургского технологического института – Сараджеве и Третилове. Оба они отправились на обучение (за счет казенных сумм администрации Кавказского края) в Санкт-Петербург еще до введения в силу Положения 1849 г. Сараджев окончил курс обучения в 1844 г. Годом окончания этого же учебного заведения Третиловым на основе косвенных данных можно определить 1848 г.[1].

Вернувшись в родной Тифлис, Сараджев не нашел фабрик и заводов, управлению которыми он обучался[2]. Оставшись без служебного места, Сараджев был обречен на жалкое существование. Настоящим спасением для Сараджева и других выпускников столичных университетов, оставшихся без постоянных занятий, было повышенное к ним внимание. Местные уроженцы с университетским образованием в Тифлисе были редким явлением.

Сараджев обратил на себя внимание Воронцова, который определил выпускника Технологического института преподавателем в Тифлисскую гимназию. Но Сенат отказался утверждать выпускника в службе по «учебной части». В тоже время Сараджев не мог быть исключен из подушного оклада. Все эти обстоятельства могли привести к крайне плачевным последствиям. Кавказский наместник продолжил попытки устроить жизнь Сараджева и найти какое-то применение его знаниям, что свидетельствует об остром кадровом дефиците российской администрации в крае. Обратившись в Кавказский комитет, наместник нашел благожелательный отклик. Члены комитета сочли возможным оставить за Сараджевым должность в Тифлисской гимназии. Кроме того, было решено, что практика обучения

[1] Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 239.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 250.

«кавказских воспитанников» в институте будет продолжена, но впредь следовало «приготовлять их, не к управлению фабриками и заводами, а к занятиям собственно ремеслами и мастерствами существенно необходимыми и полезными для края»[1].

Еще один выпускник Санкт-Петербургского технологического института Н. Третилов столкнулся с теми же проблемами, что и Сараджев[2]. Вернувшись из Петербурга на Кавказ в 1848 г.[3], Третилов также остался без постоянных занятий. Как и в истории с Сараджевым, кавказский наместник нашел применение знаниям еще одного выпускника Санкт-Петербургского технологического института на учительском поприще. Третилов занял должность учителя Нальчикской школы[4]. Казус Сараджева–Третилова, по всей видимости, стал поводом к сокращению до минимума числа «кавказских воспитанников» в Санкт-Петербургском технологическом институте.

Несмотря на описанные выше протесты П.А. Клейнмихеля, Кавказскому комитету, в лице управляющего делами В.П. Буткова, поручался надзор за обучением «кавказских воспитанников». И эту функцию Бутков исправлял довольно усердно, внимательно отслеживая соблюдение университетским начальством принципа особенных образовательных траекторий, которые вводились для уроженцев Кавказа. Управляющий делами Кавказского комитета присутствовал на экзаменах «кавказских» студентов, а если В.П. Бутков не имел возможности лично наблюдать за университетскими испытаниями, то на экзамены отправлялся другой чиновник комитета[5].

«Кавказские воспитанники» должны были овладеть языками, распространенными на южной окраине империи: уроженцы Северного

[1] Там же. Л. 251.
[2] Вполне возможно, что Сараджев и Третилов были знакомы. По крайней мере, можно утверждать, что около двух лет они проучились в одном учебном заведении.
[3] Или в 1849 г.
[4] Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 239.
[5] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 42. Л. 9.

Кавказа учили татарский (кумыкский) и черкесский языки, а студенты из Закавказья овладевали грузинским и татарским [1] . Это освобождало «кавказских» студентов от изучения других иностранных языков и «вспомогательных предметов». На Кавказе остро не хватало переводчиков, а русских переводчиков с местных языков почти не было. Российскому начальству приходилось полагаться на переводчиков из местных жителей, но они зачастую плохо владели русским, и это не снимало проблемы трудности перевода. В одном из номеров газеты «Кавказ» за 1853 г. отмечалось: «Переводчик – туземец, зная местный язык, не вполне и даже слабо знает и понимает русский язык. От того кавказское начальство не всегда может достигнуть цели при сношении с туземцами, для объявления им благих мер правительства; отсюда иногда возникают недоразумения с обеих сторон, имеющие часто вредные последствия, особенно в военное время. Недостаток этот ощутителен и в административном отношении особенно в местах, где бывают частые набеги непокорных, как на Кумыкской плоскости, в Чечне, в Дагестане и за Кубанью»[2]. Для обучения переводчиков в учебных заведениях открывались новые специальные классы. Так, в 1851 г. при Новочеркасской гимназии было открыто отделение восточных языков, где преподавались арабский, аварский, а также тюркские языки[3].

Большая часть студентов училась посредственно, едва дотягивая до средних отметок и это не удивительно, учитывая новизну условий и сложность университетской учебной программы. Наместник и чиновники Кавказского комитета внимательно следили за учебными курсами, которые предлагались «кавказским воспитанникам», предпринимались все усилия для освобождения студентов от предметов, актуальность которых на их будущем месте службы представлялась сомнительной.

[1] Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи // ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1850. С. 319.
[2] Кавказ. 1853. № 17. (от 8-го апреля). С. 107.
[3] Там же. С. 108.

4 июля 1850 г. Бутков обратился к попечителю Казанского учебного округа генералу В.П. Молоствову за разъяснениями о причинах изучения «кавказским воспитанником» студентом восточного отделения Казанского университета М. Исмаиловым английского и французского языков. На обращение управляющего делами Кавказского комитета последовал неожиданный ответ. Начальство историко-филологического факультета университета подтвердило, что студент обучался «непрофильным» языкам и другим дополнительным предметам, а именно: русской истории и истории общей литературы. Но это обучение велось «без всякого принуждения, но единственно из собственного прямого желания усвоить себе познания, составляющие важную принадлежность общего образования и дополняющие познания в восточной словесности, и что занятия Измайлова вспомогательными предметами, при хороших его способностях, нисколько не служили к ущербу его занятиям главными предметами»[1].

Бутков и другие чиновники Кавказского комитета присматривали за «кавказскими воспитанниками» не только в Петербурге, но также ездили в продолжительные и регулярные командировки для наблюдения за устройством их повседневной жизни и учебными успехами в Москву и Харьков[2]. Жизнь «кавказских воспитанников» находилась под пристальным надзором как Кавказского комитета в Петербурге, так и кавказского наместника и его канцелярии в Тифлисе. Директор наместнической канцелярии С.В. Сафонов находился в постоянной переписке с управляющим делами Кавказского комитета и одной из ее постоянных тем был обмен информацией о студенческих успехах и неудачах. Кроме того, ведомости об учебных делах и поведении студентов регулярно публиковались официальной газетой «Кавказ» [3] , поэтому обучение «кавказских воспитанников» являлось фактически делом общественным, за которым следила вся южная окраина Российской империи.

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 79. Л. 7.
[2] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 15. Л. 15–17.
[3] См. например: Кавказ. 1849. № 43. (от 1-го октября). С. 159.

Полученное уроженцами Кавказа образование было источником служебных привилегий и фактором, способствующим карьерному росту. Чиновники кавказской администрации, которые приобрели классный чин степенью «действительного студента», регулярно представлялись к повышению после двухлетнего служения[1].

Статус «кавказского воспитанника» был настолько высок, а связанные с ним служебные преимущества столь завидны, что уроженцы Кавказа, прошедшие обучение в столичных высших учебных заведениях до 1849 г., оказывались во много худшем положении. Некоторые из них стремились получить желаемый статус посредством ходатайства влиятельных лиц. Показателен в этом смысле пример князя К.И. Багратиона-Мухранского. Окончивший в 1842 г. учебный курс Императорского училища правоведения князь поступил на службу в Сенат. Летом 1849 г. Воронцов обратился к главе Кавказского комитета Чернышеву с просьбой о переводе К.И. Багратиона-Мухранского на Кавказ, а именно на должность председателя Эриванского губернского суда [2] . Вместе с тем, кавказский наместник просил распространить в отношении будущего подчиненного все льготы, касавшиеся «кавказских воспитанников». Однако в этом вопросе Кавказский комитет проявил принципиальность и отклонил просьбу Воронцова[3].

К началу 1880-х гг. «кавказские воспитанники» играли видную роль в администрации южной окраины Российской империи. Они исправляли должности председателей Тифлисской судебной палаты и окружных судов, занимали места в администрации наместника и губернаторов. Проект преодоления кадрового дефицита, предложенный Воронцовым, и основанный на принципах полезности знаний и экономии казенных средств позволил империи получить «нового человека» – чиновника с профильным высшим образованием, специально подготовленного для службы на Кавказе.

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 185.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 287. Л. 1.
[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 287. Л. 25. Отметим, что спустя восемь лет в 1857 г. К.И. Багратион-Мухранский, к тому времени ставший статским советником и членом Совета Главного управления Закавказского края получил служебные льготы благодаря ходатайству А.И. Барятинского.

Воронцов проводил в отношении лояльных империи уроженцев Кавказа политику позитивной дискриминации, которая включала создание наиболее комфортных условий для получения образования и занятия должностей в администрации края. Участие представителей местного населения являлось безопасной формой самоуправления южной окраины, тем самым империи удалось включить автохтонные элиты в процесс империостроительства.

Единственной идеологией воронцовского образовательного курса была практическая полезность. Получившие образование кавказские уроженцы сохраняли свою этническую идентичность и избегали обрусения. Этого же курса придерживались и преемники первого кавказского наместника – князь А.И. Барятинский (1856–1862) и великий князь Михаил Николаевич (1862–1881).

Воронцов покровительствовал чиновникам, оказывал поддержку в трудных обстоятельствах. Действительный статский советник В.Н. Семенов, назначенный попечителем Кавказского учебного округа в 1849 г., некоторое время не мог вступить в должность на фоне разгоревшегося вокруг него скандала. В марте 1849 г. наместник получил письмо от жены чиновника Вяхирева, в котором она утверждала, что Семенов лишил ее невинности, когда она воспитывалась в Закавказском девичьем институте. Семенов с 1847 г. управлял учебной частью этого учебного заведения. Как следует из письма Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву это дело получило огласку, по Тифлису поползли слухи о развратных действиях Семенова, уже назначенного наместником попечителем учебного округа[1]. Воронцов потребовал от Семенова объяснений и чиновник последовательно, приводя доказательства, отверг все обвинения. Наместник встретился с

[1] Письмо кавказского наместника М.С. Воронцова председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву, 21 марта 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 158. Л. 1–2.

Вяхиревой и «лично доказывал несправедливость сделанного ею доноса», однако и она стояла на своем[1].

Воронцов поручил расследование этого дела одному из лучших чиновников своей канцелярии А.Ф. Крузенштерну, быстро установившему обстоятельства и причины доноса Вяхиревой. Оказалось, что к доносу Вяхиреву, урожденную Ланге, склонил ее муж чиновник Вяхирев, который пожелал вступить в брак с другой женщиной для чего ему и понадобился развод. При этом, Вяхирев шантажировал свою жену тем, что раскроет властям служебные упущения ее отца, приведшие к растрате казенных средств[2]. В итоге честное имя Семенова было восстановлено, и он вступил в управление Кавказским учебным округом, а чиновник Вяхирева и его новая возлюбленная повитуха Титц были выслана из региона.

Среди чиновников были и недовольные, обиженные наместником. Среди подобных случаев привлекает внимание история коллежского секретаря И. Добрылева, служившего в Шемахинской губернии. В 1848 г. за служебные проступки он был выслан Воронцовым из Кавказского края. Однако Добрылев не смирился с этим решением наместника и подал жалобу на Воронцова и Шемахинского военного губернатора А.Е. Врангеля в Сенат. Добрылев в жалобе отмечал, что стал жертвой ложных доносов, на основании которых наместник и принял решение о его высылке. Добрылев называл это решение незаконным и требовал реабилитации – возвращения на службу в Шемахинскую губернию, а также выплату компенсации за понесенные им путевые издержки[3]. В Сенате жалобу чиновника Добрылева приняли, а затем передали на рассмотрение и заключение министра внутренних дел Л.А. Перовского[4].

Жалоба чиновника могла привести к большому служебно-иерархическому столкновению между наместником и министрами юстиции и

[1] Там же. Л. 3.
[2] Там же. Л. 25–29.
[3] Отношение министра юстиции В.Н. Панина управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову, 20 марта 1849 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 61. Л. 3–4.
[4] Там же. Л. 4.

внутренних дел. Этого удалось избежать только благодаря оперативному вмешательству Чернышева, который в докладе об этом деле императору Николаю I отметил, что еще согласно «Наказу Главному управлению Закавказским краем» 1842 г. главноуправляющему было дано право высылать из региона «вредных лиц»[1], среди которых «преимущественно русские чиновники, высылаемые за дурное поведение, ябедничество и тому подобные предосудительные поступки»[2]. Император, по словам Чернышева, «изволил удивляться» решению Сената и поручил министру юстиции «предложить Правительствующему Сенату дабы жалоба Добрылева была оставлена без всякого движения и чтобы Сенат впредь не только не входил, но даже вовсе не принимал к своему рассмотрению, а оставлял без всякого движения все жалобы, какие только будут поступать в оный на неправильное удаление из Закавказского края разных лиц, по власти главному там начальству предоставленной»[3].

Как и его предшественники, М.С. Воронцов регулярно пользовался своим правом высылки неугодных чиновников за пределы Кавказского края. При этом, наместник отказался от идеи А.И. Нейдгардта о предании провинившихся чиновников военному суду с последующим назначением в военные части. «Я полагаю лучшим и удобнейшим оставить это дело в настоящем положении и руководствоваться общими постановлениями, изложенными на этот предмет в уставе о предупреждении преступлений. Применение и исполнение этих статей в здешнем крае, не может встретить особенных препятствий, между тем главное местное начальство, сохраняя предоставленное ему право высылать отсюда людей, пребывание которых будет признано вредным, должно пользоваться оными с тщательностью, дабы, с одной стороны, частым употреблением этой меры, не отяготить те места, куда будут высланы, означенные чиновники, а, с другой стороны, не

[1] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842. С. 35.
[2] Доклад председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева императору Николаю I // РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 61. Л. 5–6.
[3] Там же. Л. 7.

обременить экстраординарную сумму значительными издержками на высылку их из края», - отмечал М.С. Воронцов в письме к министру внутренних дел Л.А. Перовскому от 19 марта 1845 г.[1].

Только в 1849 г. из Тифлиса были высланы тринадцать отставных чиновников, офицеров и нижних чинов. В докладе начальника гражданского управления Закавказского края В.О. Бебутова описывались причины высылки: «… так как они без исключения будучи преданы пьянству и другим порокам, и находясь по несколько раз под судом, лишены оттого возможности вступить в службу, а с тем вместе и средств к существованию, находясь так сказать в нищенском состоянии, шатаются праздно, по ночам производят шум и драки, ходят в рубищах с просительными листами, составленными от чужих имен с выдуманными несчастьями… пишут ябеднические прошения и занимаются без различия всем, что только может доставить им средство к удовлетворению их дурных наклонностей» [2] . Высылаемые сопровождались до Новочеркасска откуда могли далее направиться в другие российские губернии по своему желанию.

Выводы к 5-й главе. Воронцов проявил себя как талантливый администратор-«этнополитик», наместник умело балансировал между различными элитными группами, поддерживая в каждой из них необходимую лояльность для стабильного функционирования имперских институтов управления. Воронцовскую модель управления этническим разнообразием региона можно описать как кооперацию через разделение сфер и обязанностей. Особенно ярко этот принцип нашел воплощение в регулировании интересов грузинского дворянства и армянского купечества. При этом, Воронцов почти не прибегал к «этническому бонапартизму», то есть противопоставлению интересов различных групп, следы подобной риторики заметны только в частной переписке наместника. Дополнительное пространство для маневра кавказскому наместнику предоставляли старые

[1] ЦИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 300–301.
[2] Там же. Л. 346.

связи как с региональной элитой, так и с отдельными духовными и политическими лидерами. В этом смысле режим управления регионом в наместничество Воронцова являлся во многом персоналистским, что сильно ограничивало возможности воспроизводства региональной стабильности при следующих наместниках и главноначальствующих.

Кавказский наместник не только возглавлял гражданское управление региона, но и являлся главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом. Важнейшей задачей, которая стояла перед ним как главнокомандующим являлась победа над имамом Шамилем и его мюридами. К середине XIX в. на Кавказе сложилась особая военная корпорация «настоящих кавказцев» – ветеранов Кавказской войны. В ходе Даргинской экспедиции 1845 г. Воронцову удалось завоевать авторитет среди офицеров и солдат Отдельного Кавказского корпуса. Ежегодно Воронцов проводил по полгода в походах и сражениях, что отвлекало его от гражданских дел, но способствовало формированию его культа в войсках. О Воронцове сочинялись песни и стихотворения как о «вожде» Отдельного Кавказского корпуса. Солдаты рассматривали главнокомандующего как верховного защитника в конфликтах с непосредственным командованием и писали Воронцову грамотки с просьбой отстоять их попранные права.

К середине XIX в. на Кавказе среди местного российского чиновничества сформировалась группа ветеранов административной работы наподобие сообщества «настоящих кавказцев» в Отдельном Кавказском корпусе. Этому способствовали служебные преимущества, введенные еще при Александре I и систематизированные в царствование Николая I. Кавказ продолжал оставаться привлекательным местом службы, поток прошений не прекратился и в 1840-е гг., однако, большая их часть отклонялась. В годы наместничества Воронцова кадровый потенциал административного аппарата Кавказского края укреплялся за счет ограниченного притока чиновников из внутренних губерний и столиц империи. В долгосрочной перспективе большое значение имел перевод практики обучения уроженцев

региона в российских высших учебных заведениях за казенный счет. «Кавказские воспитанники» являлись объектом особой заботы как наместника, так и управляющего Кавказским комитетом В.П. Буткова. Со временем именно «кавказские воспитанники» стали основой региональной администрации губернского уровня.

Заключение

Кавказское наместничество стало административным институтом, в котором отразились многие характерные черты государственного управления Российской империи. Прежде всего это видно в неустойчивом распределении функций между наместником и центральными институтами, которое порождалась универсальностью наместничества, совмещении в нем всех вопросов управления: от маленьких административных назначений до больших законодательных проектов. В итоге процесс управления имперской окраиной превращался в «административную вермишель», что особенно хорошо заметно по разнообразным и разномасштабным делам фонда Кавказского комитета. Вероятно, идеальная модель управления Кавказом, какой она представлялась императору Николаю I, предусматривала четкое разделение сфер ответственности в системе взаимодействия между Кавказским наместничеством и Кавказским комитетом и должна была решать главную проблему – объединение власти для проведения общего политического курса. При этом Кавказский комитет объединял бы различные ведомства и координировал их работу в региональной перспективе, а наместник держал руль управления по определенному совместными усилиями курсу. За Кавказским комитетом закреплялись вопросы стратегического характера; наместник осуществлял тактическое управление без мелочной опеки и не оглядываясь в сторону далекой столицы.

Однако на практике все оказалось иначе. Кавказский комитет в силу специфики своего состава и особенностей отношения его членов к заседаниям в нем как к дополнительной нагрузке, так и не стал высшим региональным правительством. Политическая инициатива полностью принадлежала наместничеству, которое выступало с проектами модернизации региона во всех областях его развития. Кавказский комитет оставался в роли контролера и критика многочисленных инициатив

кавказского наместника. Такая конфигурация отношений провоцировала служебно-иерархические столкновения, то есть идея объединения усилий различных ведомств и властей порождала бесконечные административные противоречия и конфликты.

Почвой для этих столкновений стала нерешенная в Российской империи проблема передачи власти на места. В министерствах считали, что излишняя самостоятельность и всевластность региональных администраторов, то есть наместников и генерал-губернаторов, опасна и вредна. Согласно этому мнению, которое, судя по источникам, приведенным в диссертации, разделял и Николай I, региональные начальники наивно считали дела вверенных им территорий самыми важными, а их быстрое и выгодное разрешение обязательным и безотлагательным. Наместники и генерал-губернаторы как бы не видели всей картины государственного управления и, как следствие, тянули неоправданное количество ресурсов и полномочий на себя, лоббировали местнические интересы и всем этим вносили разлад в работу правительственного аппарата. С другой стороны, сами наместники и генерал-губернаторы были уверены в том, что столичные сановники не имели даже приблизительных представлений о масштабности региональных управленческих вызовов. Рефреном в многочисленных документах, исходящих от наместников и генерал-губернаторов, звучала мысль о невозможности управления окраинами из далекого Петербурга.

Служебно-иерархические столкновения кавказских наместников с центральными ведомствами схожи с конфликтами между министерствами и сибирскими генерал-губернаторами. Особенно ярко это видно на примерах западносибирского генерал-губернатора П.Д. Горчакова (1836–1850) и восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского (1847–1861). П.Д. Горчаков за стремление к самовластью даже получил прозвище «омский паша». Получив генерал-губернаторский пост, П.Д. Горчаков добился права в исключительных случаях обращаться напрямую к императору, минуя министерства. Он настойчиво требовал расширения своих

служебных прав и привилегий, оправдывая их необходимость специфическими условиями Сибири и ее отдаленностью от имперской столицы. В одном из писем П.Д. Горчаков дал резкую отповедь министру внутренних дел А.Г. Строганову: «Вы ни мне, ни моим предместникам не начальник и не судья, что нет закона, подчиняющего генерал-губернаторов вашему сиятельству… а потому покорнейше прошу вас, милостивый государь, на будущее время предоставить суждение о моей службе его императорскому величеству»[1]. Как и М.С. Воронцов, П.Д. Горчаков «воевал» с Министерством финансов, в своем случае – за право контролировать дела Алтайского горного округа [2] . Западносибирский генерал-губернатор добивался и контроля над деятельностью прокурорского надзора. П.Д. Горчаков достиг желаемого после большого конфликта с Министерством юстиции, урегулировать который пришлось императору Николаю I.

Схожей линии поведения в отношении министерств следовал восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский (1847–1861). Несмотря на то, что к моменту своего «сибирского» назначения Н.Н. Муравьев был самым молодым генерал-губернатором в России (за несколько дней до принятия должности ему исполнилось 38 лет), он начал действовать самостоятельно и энергично. Прежде всего, новый генерал-губернатор провел масштабные кадровые перестановки, сменив большую часть иркутской губернской администрации. Н.Н. Муравьев распекал провинившихся чиновников в грубой форме, что стало причиной многочисленных доносов со стороны обиженных бюрократов. Здесь надо отметить, что Николай I еще в 1846 г. запретил начальникам губерний издеваться и оскорблять подчиненных чиновников, соответствующий

[1] Цит. по*:* Ремнев А.В. «Омский паша» – генерал-губернатор князь П.Д. Горчаков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2008. № 14. С. 281.
[2] Там же.

циркуляр был подготовлен и распространен министром внутренних дел Л.А. Перовским[1].

Главным противником Н.Н. Муравьева в столице, как и в случаях М.С. Воронцова и П.Д. Горчакова, было финансовое ведомство. Проблемы случались и в отношениях с Военным министерством, которое зачастую игнорировало представления восточносибирского генерал-губернатора о повышениях и наградах. В письме к брату В.Н. Муравьеву (в разное время занимавшему должности Псковского, Олонецкого и Костромского губернатора) Н.Н. Муравьев так описывал свое положение в противостоянии с министрами и главноуправляющими: «Никто еще в таком странном положении, как я, не находился, и причина простая: меня выхватил из рядов сам государь и поставил так высоко, что заметили меня и другие, с которыми я однако ж ничего общего иметь не могу… я с ними не родня, не сват и круга их не ищу, поэтому я для них не сносен, а от государя очень далек… а дело у меня важное, где бы надо явное неограниченное доверие»[2]. Однако, подобным неограниченным монаршим доверием, которое имел М.С. Воронцов, Н.Н. Муравьев обладал только в царствование Николая I. С вступлением на престол Александра II 18 февраля 1855 г. его амбициозные предложения наталкивались на противодействие министров и не находили понимания у императора Александра II, который в письме к великому князю Константину Николаевичу от 16 ноября 1858 г. отмечал: «Жаль, что при всех его (Н.Н. Муравьева. – А.У.) достоинствах, которые никто более меня не умеет ценить, он постоянно стремится к достижению такой власти, которая сделала бы его независимым от центральных управлений, чего я никак допустить не могу»[3]. Недостаток царского доверия вкупе с противодействием министерской бюрократии заставили Н.Н. Муравьева покинуть пост восточносибирского генерал-губернатора. Положение

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 266. Л. 3.
[2] Цит. по: Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. С. 144–145.
[3] Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавное правительство. С. 260.

Воронцова как кавказского наместника выделялось тем, что он имел широкие неформальные связи в Кавказском комитете и в министерской среде, что позволило ему с большей успешностью отстаивать свою административную самостоятельность.

Государственное управление в николаевское время внешне оставалось стабильным, его основу составляли министерсткая система, императорская канцелярия и губернская администрация. Однако под видимой стройностью и твердостью власти скрывалась ожесточенная борьба за политическое первенство. Ведомственные интересы оставались основным мотивом в работе правительственного аппарата. Такая ситуация определялась несколькими факторами. Во-первых, влияние министров и региональных начальников в системе управления зависело от степени личного доверия монарха. Именно доверие императора являлось главным политическим ресурсом и инструментом подавления оппонентов. Во-вторых, как среди министров, так и на региональном уровне управления отсутствовала политическая однородность. Влиятельные администраторы придерживались различных политических взглядов, что не могло не порождать конкуренцию и столкновения в процессе их взаимодействия. Вместе с тем, неоднородность управленческой элиты способствовала складыванию как долговременных, так и ситуативных коалиций. Это хорошо видно на примере взаимодействия Кавказского наместничества с высшими и центральными институтами власти и управления. Важным обстоятельством, зачастую обеспечивающим перетягивание административного каната на сторону наместничества, являлась неформальная коалиция М.С. Воронцова с военным министром и председателем Кавказского комитета А.И. Чернышевым, которая основывалась на сходстве их биографий и административного опыта. Еще одним союзником кавказского наместника в Кавказском комитете являлся министр государственных имуществ П.Д. Киселев, с которым М.С. Воронцова связывало старое личное знакомство. Министры, входившие в состав Кавказского комитета, крайне редко

выступали сообща с критикой различных представлений наместника, что также являлось следствием политической неоднородности. Рассмотрение вопросов управления южной окраиной в Кавказском комитете представляло собой сумму ведомственных мнений, а не согласованную правительственную позицию.

В середине XIX в. в системе государственного управления Российской империи проявляется столкновение двух традиций: «старой», основанной на патримониальном всевластии сановников, и «новой», представленной формирующимся классом профессиональных бюрократов. Это столкновение, как правило, иллюстрируется через дихотомию «люди – институты», в которой противопоставляются личные связи и установленные прописанные правила и процедуры (это в узком смысле и есть институты). По мнению ряда исследователей в николаевское время зародилась и выдвинулась на заметные роли группа профессиональных бюрократов, получивших высшее образование и рассматривавших свою службу как императивное следование абстрактным праву и закону, а не служение царю и династии. В дальнейшем именно появление профессиональных бюрократов-«законников» подготовило Судебную реформу 1864 г.[1].

Нарастающая бюрократизация государственного управления проявлялась и в работе институтов управления Кавказом, однако, принимала другие формы. Речь идет о возрастании роли чиновников, руководивших повседневной работой канцелярий административных институтов. Во главе Кавказского наместничества и Кавказского комитета находились сановники – политические тяжеловесы николаевской России. Здесь необходимо отметить, что в 1845–1854 гг. Кавказский комитет по организации своей работы являлся скорее клубом высших сановников империи, чем ведомственным бюро. Заседания назначались по приглашению и проходили в доме председателя А.И. Чернышева. Члены Кавказского комитета часто

[1] См.: Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 19–20.

пропускали заседания комитета и ограничивались присылкой своих мнений в письменном виде. И А.И. Чернышев, и М.С. Воронцов чурались регулярной бюрократической работы, выражавшейся в неконтролируемом потоке бумаг. В условиях роста объема делопроизводственной переписки, которая не только связывала различные административные центры, но и являлась пространством принятия управленческих решений, на первые роли выдвинулись чиновники, отвечавшие за эти процессы – управляющий делами Кавказского комитета В.П. Бутков и директор канцелярии кавказского наместника С.В. Сафонов. При этом, как В.П. Бутков, так и С.В. Сафонов охотно служили своим покровителям, обменивая служебное усердие на карьерное продвижение и отличия. Чиновники не пытались поставить дела в строгие рамки закона и формальных правил, они использовали свои знания и опытность канцелярских дельцов для эффективного продвижения политических интересов своих патронов-покровителей.

Воронцов как кавказский наместник стремился расставить на ключевые места в региональном административном аппарате доверенных лиц, зачастую лично обязанных ему своим материальным достатком и высоким положением. И в этом проявлялось еще одно сходство наместничества с самодержавием. Наместничество, как и самодержавие не могло быть введено в бюрократические рамки, кавказский наместник по своей политической «природе» являлся «отражением» самодержавной власти. Учреждение должности наместника являлось «собиранием власти», а не «собиранием земель». Появление кавказского наместника в системе государственного управления усиливало незримое присутствие императора на южной окраине и символизировало административное недоверие монарха к министерской системе. Именно это вызывало служебную ревность министров, рассматривавших наместничество как административную аномалию.

Между тем, преемники М.С. Воронцова продолжили борьбу за административную автономию, которая в годы наместничества

Н.Н. Муравьева-Карсского (1854–1856), А.И. Барятинского (1856–1862), великого князя Михаила Николаевича (1862–1881) приобрела новые формы и содержание. При этом, последующие наместники придерживались во взаимоотношениях с центральной бюрократии стратегии, определенной Воронцовым. А.И. Барятинский опирался на В.П. Буткова в Кавказским комитете, причем значение последнего выросло. Бутков подбирал чиновников в канцелярию Барятинского, а также консультировал кавказского наместника по широкому кругу вопросов от проектов административных преобразований до стиля написания отдельных делопроизводственных бумаг[1]. В 1850-х гг. влияние Буткова на решение различных вопросов управления в Кавказском комитете достигло апогея. Об этом свидетельствует переписка управляющего делами Кавказского комитета и кавказского наместника, в которой Бутков не без гордости отмечал свои многочисленные бюрократические победы над министерской оппозицией. В одном из писем Бутков сообщал Барятинскому, что 4 декабря 1856 г. в заседании Кавказского комитета было решено двадцать восемь дел и все решены «согласно вашим мнениям, не взирая на разные толки и рассуждения»[2].

Должность наместника на Кавказе рассматривалась как престижная и представляющая множество возможностей. Все кавказские наместники пользовались почти безграничным личным доверием императоров. Это место соотносилось с управленческой независимостью в административном смысле и командованием Кавказской армией – одной из самых боеспособных в империи. В переписке с А.И. Барятинским великий князь Константин Николаевич отметил, «вы, князь, управляете как наместник государя целым царством»[3]. Великий князь Михаил Николаевич сразу после своего назначения на Кавказ, которое состоялось 6 декабря 1862 г., писал уходящему в отставку Барятинскому: «Назначение мое наместником

[1] РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 13. Переписка В.П. Буткова об управлении Кавказским наместничеством с наместником А.И. Барятинским, 23 сентября 1856 – 26 сентября 1861 г. Л. 1–10.
[2] Там же. Л. 8.
[3] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 440. Л. 19–20.

кавказским и командующим Кавказской армией, для меня весьма лестно, как выражение доверия государя и потому еще, что получаю в командование первую армию в мире!»[1].

Кавказские наместники по традиции, заложенной еще М.С. Воронцовым, были щедры на награды чиновникам. Однако, в империи действовали строго определенные нормы количества ежегодных представлений к наградам. В середине XIX в. высшая норма представлений для министерств и управлений составляла 1 награду на 43 чиновника. Для Восточной Сибири и Царства Польского норма составляла 1 награду на 25 чиновников. Великий князь Михаил Николаевич просил увеличить наградную норму для Кавказского края до «рекордного» значения – 1 награда на 22 чиновника. Кавказский комитет счел возможным установить для южной окраины «восточносибирскую» норму – 1 награда на 25 чиновников. Но Александр II не утвердил решение Кавказского комитета и поручил рассмотреть дело повторно в Комитете министров, где посчитали, «что применение к Кавказскому и Закавказскому краю принятой для Восточной Сибири нормы 1 награды на 25 чиновников предоставило бы слишком большие преимущества для служащих в сем краю лиц, и потому полагал достаточным ограничить число ежегодных наград для Кавказского и Закавказского края 100 наградами по правилам, что будет соответствовать 1 награде на 32 чиновника» [2] . Это решение Комитета министров было утверждено императором 11 октября 1868 г.

Однако, «война за награды» на этом не закончилась. Спустя год Михаил Николаевич вновь обратился в Кавказский комитет с ходатайством об увеличении числа наград для чиновников Кавказского края. Великий князь указывал, что в общем количестве чиновников региона не были учтены сотрудники Главного управления кавказского наместника и чиновники для особых поручений, состоящие при наместнике, общее число которых

[1] Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. С. 337.
[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 110. Л. 14.

достигало двух сотен. Дело было вновь передано в Комитет министров, где на этот раз согласились с доводами кавказского наместника: наградная норма была увеличена до «западносибирского» стандарта – 1 награда на 30 чиновников ежегодно. Кроме того, великому князю удалось добиться внесения в смету регионального гражданского управления сумму в 14 тыс. руб. для денежного награждения отличившихся чиновников. Министр финансов М.Х. Рейтерн согласился на дополнительные расходы, но с условием, «чтобы не были уже испрашиваемы особые высочайшие повеления на выдачу в награды еще каких-либо дополнительных сумм»[1].

Кавказский наместник считался патроном южной окраины. Популярность и военно-политическая эффективность наместничества были главными факторами его продолжительного существования в системе государственного управления Российской империи. Для многих современников наместничество являлось эталоном эффективного управления Кавказом. Генерал Л.И. Меликов, фактически руководивший краем в последние годы пребывания в регионе великого князя Михаила Николаевича, накануне упразднения наместничества в 1881 г. отметил, что на Кавказе необходима «власть, не только останавливающая всевозможные правонарушения, но и непосредственно руководящая и указывающая способы действия» [2] . За этими словами легко угадывается мысль о невозможности управления южной окраиной по столичным министерским планам и указаниям, губительности сведения функций местного управления к задачам полицейского контроля.

Спустя четырнадцать лет главноначальствующий на Кавказе С.А. Шереметев (1890–1896) отметил во всеподданнейшей записке императору Николаю II от 20 декабря 1895 г.: «Но я бы не исполнил долга верноподданного и почел бы недостойным вашего, государь, всемилостивого доверия, если бы не заявил, что упразднение по высочайшему повелению 22

[1] Там же. Л. 33.
[2] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 321. Л. 6.

ноября 1881 г. должности наместника, изменив коренным образом значение власти главного начальника края, поставило его в условия совершенного другие, как по отношению к центральным органам государственного управления, так и к местным их учреждениям, не предоставив ему при этом, соответственно усложнившимся условиям жизни, достаточных способов к достижению важнейших обязанностей по управлению краем»[1]. На документе есть пометы великого князя Михаила Николаевича, который после Кавказа занимал должность председателя Государственного совета (1881–1905). Прямо напротив процитированного пассажа великокняжеская помета следующего содержания: «Не могу не согласиться с этим взглядом».

Кавказское наместничество было упразднено в 1881–1882 гг. по различным причинам: дороговизна содержания наместника в Тифлисе, победоносное окончание Кавказской войны, а также отсутствие у Александра III под рукой подходящего доверенного человека для подобного назначения[2]. Однако в начале XX в. в системе управления Российской империи появились два наместничества. В 1903 г. было образовано Дальневосточное наместничество, а в 1905 г. восстановлено Кавказское наместничество, которое просуществовало вплоть до коллапса империи Романовых в 1917 г.

Неоспоримым достижением учреждения Кавказского наместничества стало преодоление «чехарды главноуправляющих». За сорок три года, прошедших с 1801 г., то есть установления российской администрации в Восточной Грузии и до 1844 г., назначения М.С. Воронцова кавказским наместником в Тифлисе сменилось двенадцать главноуправляющих. Между 1844 г. и 1881 г., когда наместничество было упразднено, то есть за тридцать семь лет, сменилось всего четыре наместника. Стабилизация системы управления благотворно сказалась на интеграции региона в общеимперское пространство. Кавказское наместничество, учрежденное как

[1] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. Л. 2.
[2] Волхонский М.А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С.171-189.

административный институт с особым статусом, оказалось эффективным инструментом для управления воюющим регионом империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные документы.

Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Архив КБИГИ):

Ф. 1. Оп. 2. Д. 15.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. 109 (Третье Отделение Собственной его императорского величества канцелярии). Оп. 3. Д. 74, 1156.

Ф. 586 (В.А. Плеве). Оп. 1. Д. 363.

Ф. 649 (Великий князь Михаил Николаевич). Оп. 1. Д. 139.

Ф. 672 (Николай I). Оп. 1. Д. 83, 84.

Ф. 722 (Великий князь Константин Николаевич). Оп. 1. Д. 430.

Ф. 792 (М.Б. Лобанов-Ростовский). Оп. 1. Д. 1.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Научно-исторический архив СПбИИ РАН):

Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 2. Кар. № 2. Д. 47, 59.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ):

Ф. 178 (Музейное собрание). Оп. 1. Ед. хр. 5, Ед. хр. 14, Ед. хр. 10808.

Ф. 169 (Милютины). К. 19. Ед. хр. 5, 7.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ):

Ф. 32 (М.З. Аргутинский-Долгорукий). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4.

Ф. 731 (М.М. Сперанский). Оп. 1. Д. 2040.

Ф. 646 (Г.В. Розен). Оп. 1. Д. 86.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 4. Д. 165.

Ф. 23 (Кавказские дела). Оп. 1. Д. 31, 37.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 561 (Особенная канцелярия министра финансов по секретной части). Оп. 1. Д. 141, 158, 177, 206, 227, 323.

Ф. 730 (Комиссия об учреждении народных училищ). Оп. 1. Д. 120.

Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел). Оп. 138. Д. 80, 87.

Ф. 932 (А.А. Дондуков-Корсаков). Оп. 1. Д. 321.

Ф. 1100 (Фадеевы). Оп. 1. Д. 13.

Ф. 1147 (Непременный (Государственный) совет). Оп. 1. Д. 266.

Ф. 1250 (Дела и бумаги председателей и членов Государственного совета). Оп. 2. Д. 10, 12, 13.

Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 45.

Ф. 1268 (Кавказский комитет). Оп. 1. Д. 1, 4а, 9а, 195, 196а, 196б, 210, 314, 316, 321, 427а, 601, 678, 699б, 738, 748, 765, 800, 858; Оп. 2. Д. 1, 2, 207, 211, 234, 244, 260, 267, 308, 315, 329, 345, 375, 482б; Оп. 3. Д. 17, 22, 42, 50, 61, 79, 158, 188, 266, 287; Оп. 4. Д. 311, 315, 466; Оп. 8. Д. 80; Оп. 26. Д. 8, 9.

Ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел). Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 3, 4, 11, 16.

Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). Оп. 5. Д. 15, 179, 391.

Ф. 1377 (Ревизия сенаторов П.И. Кутайсова и Е.И. Мечникова Закавказского края). Оп. 1. Д. 5.

Ф. 1399 (Карты, планы и чертежи Петербургского сенатского архива). Оп. 1. Д. 63.

Ф. 1409 (Собственная его императорского величества канцелярия). Оп. 1. Д. 3351. 1820 г.; Оп. 2. Д. 5568.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):
Ф. 14719 (Главный штаб Кавказской армии). Оп. 3. Д. 39, 445, 462, 504, 554.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ):
Ф. 410 (Канцелярия Морского министерства). Оп. 2. Д. 3853.
Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства). Оп. 3. Д. 5284.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН):
Ф. 100 (Н.Ф. Дубровин). Оп. 1. Д. 58.

Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ):
Ф. 4 (Канцелярия кавказского наместника). Оп. 1. Д. 5, 11, 56, 122, 162; Оп. 3. Д. 12; Оп. 7. Д. 5, 6, 53, 103, 192, 211.

2. Законодательные акты.

1. Законы Вахтанга VI. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 335 с.
2. Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб.: Военная типография, 1842. 44 с.
3. Правила для разграничения имущественного права между имеретинскими и гурийскими тавадами и принадлежащими им азнаурами. СПб.: [б.и.], 1848. 8 с.
4. Правила об отношениях кавказского наместника. СПб.: Военная типография, 1846. 11 с.

5. ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XX. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 1034 с.
6. ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 1085 с.
7. ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 1072 с.
8. ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 875 с.
9. ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 1122 с.
10. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. II. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. 1561 с.
11. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. IX. Отделение. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1835. 891 с.
12. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VI. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1832. 846 с.
13. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1833. 1492 с.
14. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. VII. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1833. 1492 с.
15. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. X. Ч. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1836. 918 с.
16. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XI. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1837. 895 с.
17. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. Отделение. 1. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. 961 с.
18. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. 960 с.
19. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XV. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. 981 с.

20. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. 915 с.
21. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XVII. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1843. 915 с.
22. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XX. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1846. 1045 с.
23. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXI. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. 669 с.
24. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXI. Отделение. II. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1847. 739 с.
25. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXII. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1848. 950 с.
26. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIII. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1849. 665 с.
27. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1850. 635 с.
28. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXIV. Отделение. II. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1850. 669 с.
29. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXVIII. Отделение. I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1853. 704 с.
30. ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXXV. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1860. 960 с.
31. Свод военных постановлений. Ч. I–V. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1838–1839.

3. Сборники документов, публикации источников.

1. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник

документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012. 399 с.
2. АКАК. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. 827 с.
3. АКАК. Т. II. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. 1238 с.
4. АКАК. Т. III. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1869. 767 с.
5. АКАК. Т. IV. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. 1019 с.
6. АКАК. Т. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. 1187 с.
7. АКАК. Т. VI. Ч. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1874. 957 с.
8. АКАК. Т. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. 1011 с.
9. АКАК. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. 1033 с.
10. АКАК. Т. IX. Тифлис: Типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. 979 с.
11. АКАК. Т. X. Тифлис: Типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. 982 с.
12. Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. 1275 с.
13. Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. М.: Университетская типография, 1889. 502 с.
14. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М.: Университетская типография, 1892. 536 с.
15. Взятие Тифлиса Ага-Магомед-ханом в 1795 году. Из записок царевича Теймураза. Тифлис: Изд. К. Н. Бегичева, 1895. 26 с.

16. Две записки царевича Давида «О лучшем устройстве Грузии» // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. I. / Ред. Н.А. Бердзенишвили. Тбилиси: [Б.и.], 1942.
17. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 786 с.
18. Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX – начало XX в.): документы / Сост. А.А. Ганич. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 492 с.
19. Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе (около 1845 г.) // Русская старина. Т. XLVIII. 1885. Вып. 10. С. 210–212.
20. Записки о Кавказе 1840-х–1850-х гг. князя М.Б. Лобанова-Ростовского / Сост. С.Е. Павлова. М.: «Древлехранилище», 2010. 114 с.
21. Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. 765 с.
22. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 718 с.
23. Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. 549 с.
24. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. I. XVI–XVIII вв. / сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. 679 с.
25. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. I. Феодальные отношения и колониальный режим, 1827–1843 гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 463 с.
26. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Ред. И.П. Петрушевский. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 478 с.

27. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг Наме. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1950. 160 с.
28. Мочульский В.И. Война на Кавказе и Дагестан / Ред. Касумов С.М., Хапизов Ш.М. Махачкала: [б.и.], 2012.
29. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов / Сост. Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х. М.: Эхо Кавказа, 2005. 552 с.
30. Николай I / Сост. В.В. Лапин, Я.А. Гордин. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2023. 672 с.
31. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. Ч. I. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1836.
32. Песнь кавказских воинов. Сочинение Ивана Маркова с переводом на грузинский язык Дмитрия Кипиани. Тифлис: Типография военно-походной канцелярии, 1848. 12 с.
33. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли», 1905. 359 с.
34. Под стягом России: Сборник архивных документов. М., Русская книга, 1992. 431 с.
35. Походный журнал 1722 г. СПб.: [б.и.], 1855. 194 с.
36. Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия «ТРИТЭ», 2003.
37. Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. Т. XIX. М.: Студия «ТРИТЭ», 2010.
38. Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. / Под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1988.

39. Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. 703 с.
40. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 355 с.
41. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II: (1792–1796). Вильна: Вилен. комис. для разбора древ. актов, 1903. 352 с.
42. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. СПб.: Государственная типография, 1891.
43. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб.: Государственная типография, 1894.
44. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / Под ред. Н. Дубровина. Вып. 7. СПб.: Государственная типография, 1895.
45. Социально-экономическая история Грузии 1801–1920 гг. Источники и материалы. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. I. (составитель – П.В. Гугушвили). Тбилиси: Издательство Государственного университета им. Сталина, 1937.
46. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 244 с.
47. Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е июня 1878 года. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1878. 17 с.
48. Успенский И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912. 7 с.
49. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М.: Печатано при Сенате, 1775. 215 с.
50. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб: Типография О.И. Бакста, 1869. 296 с.

4. Источники личного происхождения.

1. Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1872. Т. V. Кн. 5. С. 431–456.
2. Андреев В. Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1876. С. 1–122.
3. Беклемишев Н.П. Поход графа Воронцова в Дарго и «Сухарная экспедиция» в 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 535–550.
4. Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 271 с.
5. Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1876. С. 369–412.
6. Воспоминания В.А. Дзюбенко // Русская старина. 1879. Т. XXIV. Вып. 4. С. 637–670.
7. Воспоминания графа В. А. Сологуба // Исторический вестник. 1886. Т. XXVI. № 11. С. 282–293.
8. Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. М.: Университетская типография, 1901. 202 с.
9. Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова. С 1845 по 1854 г. // Старина и новизна. Кн. V. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902.
10. Гралевский М. Кавказ. Мемуары о двенадцатилетней неволе. Тбилиси: Артануджи, 2023. 644 с.
11. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Петроград: Академия наук, 1917. 395 с.
12. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 697 с.

13. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т.II. СПб.: Нотабене, 1999. 620 с.
14. Даргинский поход. Из воспоминаний барона А.П. Николаи. М.: Университетская типография, 1890. 32 с.
15. Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1936. 587 с.
16. Дело флигель-адъютанта Копьева. Рассказ из времени управления Кавказом кн. Воронцовым. 1845–1850 // Русская старина. 1873. Т. VII. № 4. С. 534–546.
17. Дзержек Г. Четыре месяца на Лабинской линии. Выдержка из писем // Кавказ. 1848. № 26. С. 101–102.
18. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: ООО «Журнал Звезда», 2014. 830 с.
19. Ермолов, Дибич и Паскевич. 1826–1827 // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 707–726.
20. Жизнь в Баку // Кавказ. 1853. № 37. С. 151.
21. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991. 462 с.
22. Записки Э.С. Андреевского. Под ред. с предисловием и примечаниями С.Л. Авалиани. Т. III. Одесса: Типография акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1914. 375 с.
23. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. Ч. 1–2. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879.
24. Из воспоминаний А. А. Харитонова // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 2. С. 97–130
25. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. Т. CI. 1900. Выпуски 1–3. С. 26–56.
26. Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1897. Т. XCII. Вып. 10. С. 420 –450.
27. Кавказ в русской поэзии. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1986. 175 с.

28. Кавказ. Выдержка из походных записок // Кавказ. 1848. № 41. (от 9 октября). С. 166–167.
29. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 373 с.
30. Казначеев А.И. Партикулярные письма графу М.С. Воронцову, 1828–1837 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 279 с.
31. Клочек из походной жизни // Кавказ. 1849. № 4. С. 13.
32. Князь Михаил Семенович Воронцов. Воспоминания князя А.А. Дондукова-Корсакова. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1902. 36 с.
33. Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М.: Рубежи XXI, 2010. 574 с.
34. Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003. 719 с.
35. Кюстин А. Россия в 1839 г. Т. I. М.: Издательство Сабашниковых, 1996. 532 с.
36. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969.
37. Мелешко Е. Отрывки из путевых заметок по Гурии // Кавказ. 1849. №. 9. С. 34.
38. Мертваго Д. Б. Записки. 1760–1824. М.: Русский архив, 1867.
39. Моя боевая жизнь: (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанные собственной его рукой) // Русская старина. 1871. Т. 3. Вып. 1. С. 2–15.
40. Н.Н. Муравьев-Карсский. Записки // Электронный ресурс: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Режим доступа: URL: https://feb-web.ru/feb/griboed/critics/vos29/mur_k_29.htm (Дата обращения: 16.08.2025)
41. Никитенко А.В. Дневник. Т. I. 1826–1857. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. 543 с.
42. Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. I. М.: Захаров, 2005. 640 с.

43. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. 606 с.
44. Описание и анекдоты осады Шамилем в 1848 году укрепления Ахты // Кавказ. 1850. № 21 (от 15-го марта). С. 82.
45. Письмо Н.Н. Муравьева к А.П. Ермолову // Русская старина. 1872. Т. VI. Вып. 7–12. С. 542–543.
46. Пушкин А.С. Сочинения. Т. 3. М.: Художественная литература, 1987.
47. Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса: Городская типография, 1837. 73 с.
48. Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 40. С. 160–161.
49. Сливицкий И.А. Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38. С. 144–145.
50. Толстой В.С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Т. VII. М.: Российский архив, студия «ТРИТЭ», 1996. С. 202–244.
51. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. II. М.: Художественная литература, 1979. 422 с.
52. Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867. М.: Кучково поле, 2017. 576 с.
53. Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 368 с.
54. Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 255 с.
55. Шишков А.А. Сочинения и переводы. Ч. III. СПб.: Типография Академии наук, 1835. 143 с.
56. Щербинин М. П. Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. М.: Типография Грачева и К, 1876. 31 с.
57. Эристов Р. Письма из Имеретии // Кавказ. 1857. № 81 (от 17-го октября). С. 416–417.

5. Газета «Кавказ» и «Кавказский календарь».

1. Кавказ. 1846. № 20 (от 18-го мая).
2. Кавказ. 1848. № 1. (3-го января).
3. Кавказ. 1848. № 14 (от 3 апреля).
4. Кавказ. 1848. № 14 (от 3-го апреля).
5. Кавказ. 1848. № 16 (от 17-го апреля).
6. Кавказ. 1848. № 17. (от 24-го апреля).
7. Кавказ. 1849. № 18. (от 30 апреля).
8. Кавказ. 1849. № 18. (от 30-го апреля).
9. Кавказ. 1849. № 43. (от 1-го октября).
10. Кавказ. 1849. № 49 (от 3-го декабря).
11. Кавказ. 1850. № 20 (от 11-го марта).
12. Кавказ. 1850. № 29 (от 12-го апреля).
13. Кавказ. 1850. № 30 (от 15-го апреля).
14. Кавказ. 1850. № 31. (от 19-го апреля).
15. Кавказ. 1853. № 14. (от 21-го февраля).
16. Кавказ. 1853. № 17. (от 8-го апреля).
17. Кавказский календарь на 1846 год. Тифлис: Типография наместника кавказского, 1845.
18. Кавказский календарь на 1847 год. Тифлис: Типография наместника кавказского, 1846.
19. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1851.
20. Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1854.
21. Кавказский календарь на 1856 год. Тифлис: Типография Канцелярия кавказского наместника, 1855.

6. Литература.

1. Абазов А.Х. Главное управление и Совет наместника кавказского (1858): предпосылки образования, структура и объем полномочий // Кавказология. 2019. № 4. С. 37–48.
2. Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик: КБИГИ, 2014. 108 с. 108 с.
3. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.
4. Абазов А.Х. Особенности правогенеза у народов Центрального Кавказа в условиях включения в состав Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия. 2. 2011. № 4. С. 124–125.
5. Абакумов Е.В. Институт генерал-губернаторства в последней трети XVIII века как попытка выделения политической ветви власти в Российской империи (на примере Уфимского наместничества) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16. С. 387–390.
6. Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. 432 с.
7. Аваков П.А. Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. Вып. 6. С. 659–663.
8. Авалиани С.Л. Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос. Ч. I–II. Одесса: Славянская типография, 1914.

9. Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь: Государственный архив Ставропольского края, 2008. 398 с.
10. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорогая на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.
11. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
12. Алексеев В.В. Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13.
13. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторчиеских наук. М.: [Б.и.], 2008. 457 с.
14. Аллен У., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921. М.: Центрполиграф, 2016. 607 с.
15. Амбарцумов И.В. Армяно-католический вопрос в Российской империи в начале XX в. // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 84–104.
16. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 429 с.
17. Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII–первой четверти XIXв.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 19–60.
18. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

19. Ануфриева А.Ю. Архив князя Воронцова: история и состав публикации // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 292–307.
20. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. 269 с.
21. Аракчеев В.А. Наместники в России XVI в. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19.
22. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. 287 с.
23. Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 68–82.
24. Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (13). 2010. С. 78–84.
25. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2010. 351 с.
26. Бартенев П.И. [О светлейшем князе С.М. Воронцове] // Архив князя Воронцова. Кн. XXVI. М.: Университетская типография, 1882. С. 1.
27. Барыкина И.Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб.: СПб АППО, 2016. 201 с.
28. Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 670 с.
29. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М.

Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 67–80.

30. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 280 с.
31. Берже А.П. Кавказская старина. Пятигорск: СНЕГ, 2011. 511 с.
32. Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856). М.: Квадрига, 2023. 356 с.
33. Бибиков Г.Н. Создание жандармских учреждений на Кавказе в конце 1820-х – начале 1840-х гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 134–158.
34. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
35. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
36. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.
37. Блиева З.М. Кавказское наместничество в середине XIX века: становление новой административной стратегии: Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 9. С. 39–49.
38. Блиева З.М. Кавказская реформа сенатора П.В. Гана // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имели К.Л. Хетагурова. 2018. № 4. С. 7–11.
39. Блинов И. Ревизия сенаторами Мечниковым и гр. Кутайсовым Закавказского края (начата в 1829 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 6. С. 213–230.
40. Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 345 с.
41. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература РАН, 2002. 367 с.

42. Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.
43. Богомолов И. Александр Чавчавадзе и русская культура. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1964. 87 с.
44. Болотина Н.Ю. Потемкин. М.: Вече, 2014. 477 с.
45. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I–III. СПб.: Типография императорской академии наук, 1869.
46. В защиту чести и достоинства графа Р.И. Воронцова, графа А.Р. Воронцова, княгини Е.Р. Дашковой и светлейшего князя М.С. Воронцова. СПб.: [Б.и.], 2009. 98 с.
47. Валькович А. От резидента в Петербурге… // Родина. 1992. № 6–7. С. 28–32.
48. Вардосанидзе В. Тифлис, 1914–1921. Драматические страницы биографии «двуликого Януса» // Города империи в годы Великой войны и революции / Сборник статей под ред. А.И. Миллера, Д. Черного. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 410–473.
49. Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу, составленный по поручению командующего войсками округа. М.: URSS, 2012. 434 с.
50. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.
51. Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX в. - начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018. 223 с.
52. Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 3 (35) / под ред. В.Д. Дегоева. М.: Русская панорама, 2006. С. 87–106.

53. Волхонский М.А. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 903–918.
54. Волхонский М.А. Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189.
55. Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М.: Прометей, 2019. 636 с.
56. Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М.: «Русский мир», 2002. 243 с.
57. Выскочков Л.В. Император Николай I. Жизнеописание. СПб.: Наука, 2022. 422 с.
58. Выскочков Л.В. Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I // Русско-византийский вестник. 2023. № 1. С. 130–145.
59. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья: очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской революции. М.: Мысль, 1976. 455 с.
60. Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 141 с.
61. Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 446 с.
62. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. 596 с.
63. Глашева З.Ж. Первое Кавказское наместничество: особенности учреждения и функционирования // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 134–139.
64. Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921). Биографический справочник. Киев: [Б.и.], 2001. 194 с.

65. Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008. 286 с.
66. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIXвека. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. 462 с.
67. Гордин Я.А. Черкесия – «кавказская Атлантида» // Звезда. 2007. № 12. С. 90–118.
68. Государственная канцелярия, 1810–1910. СПб.: [б.и.], 1910. 466 с.
69. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 472 с.
70. Гранкин Ю.Ю. Реализация экономической стратегии развития Северного Кавказа в период Второго Кавказского наместничества: 1844–1882 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Пятигорск, 2011. 505 с.
71. Губайдуллина Е.П., Балинченко А.П. Из истории Воронцовского дворца в Алупке // Русское искусство. 2022. № 2. С. 6–15.
72. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.
73. Давидян Г.М. Формирование сословий в Грузии в XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 4. С. 41–56.
74. Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М.: РГГУ, 1994. 197 с.
75. Дадаян Х. Торгово-экономическое присутствие армян в Тифлисе (позднее средневековья – 1918 г.) // 21-й век. 2009. № 3. С. 84–85.
76. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2011. № 1. С. 8–24.
77. Даневский П.Н. История образования Государственного совета в России. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1859. 59 с.

78. Даниялов Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1956. № 7. С. 71–73. Бушуев С.К. О кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 72–79.
79. Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. 254 с.
80. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: «Русская панорама», 2003. 512 с.
81. Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: История одной иллюзии // Звезда. 2003. № 11. С. 151–162.
82. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004. С. 28–47.
83. Дегоев В.В. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. С. 172–186.
84. Дегоев В.В. Квадратура кавказского круга (исчисление прошлым и настоящим) // Дружба народов. 2000. № 6. С. 216–219.
85. Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 3–14.
86. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: «Алашара», 1979. 354 с.
87. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIXстолетия. Сухуми: «Алашара», 1982. 530 с.
88. Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 340 с.
89. Доного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 379 с.
90. Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. 488 с.

91. Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803–1806 гг. СПб.: Типография Департамента уделов, 1866. 542 с.
92. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб.: Типография Департамента уделов, 1887. 495 с.
93. Елисеева О.И. Наследник Тавриды. М.: Вече, 2007. 507 с.
94. Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V-й и князь Михаил Семенович и княгиня Елизавета Ксавериевна Воронцовы, в их частной переписке. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1898. 170 с.
95. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: «Высшая школа», 1983. 352 с.
96. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 672 с.
97. Ефимова В.В. генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820– 1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 832 с.
98. Жданов Ю. А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 45–50.
99. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIXв. М.: Мысль, 1978. 288 с.
100. Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. СПб.: Типография Замысловского и Бобылева, 1871. 216 с.
101. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. 380 с.
102. Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 308 с.
103. Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7. С. 126–130.

104. Злобин Ю.П. Структура и уровни генерал-губернаторской власти в России XIX – начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. XX, № 3. С. 46–50.

105. Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М.: [б.и.], 1974. С. 290.

106. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. II. СПб.: Типография В. Грацианского, 1881. 470 с.

107. Золотарев И.Ф. Князь М.С. Воронцов // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 3. С. 680.

108. Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 20–29.

109. Зульхарнеев А. Закавказье для России «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона 1820–30 гг. // Уральское востоковедение. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 74–82.

110. Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Т. XII. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 525 с.

111. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / Под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1 (Научные редакторы тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин). СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

112. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 5. М.: Восточная литература, 2012. 232 с.

113. Исмаил-Заде Д.И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: Центрполиграф, 2005. 509 с.
114. Исмаилов Э. Ханы Карабахские: происхождение рода, подчинение ханства Российской империей и упразднение ханской власти // Кавказ & Глобализация. 2014. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 160–165.
115. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802-1902) / Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). Сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. 607 с.
116. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий, зам. отв. ред. Ю.А. Жданов. М.: Наука, 1988. 659 с.
117. Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004.
118. Кандаурова Т.Н. Записки генерала графа И.О. Витта по вопросам организации военных поселений // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2015. С. 403–419.
119. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
120. Карапетян С. Мэры Тифлиса. Ереван: Издательство «Гитутюн», 2003. 119 с.
121. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 692 с.
122. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.

123. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Издательство Московского университета, 1984. 328 с.
124. Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 1244 с.
125. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика в поисках преодоления противоречий (XVIII - начало XXI вв.), исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 357 с.
126. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 493 с.
127. Клычников Ю.Ю. Современный научный дискурс проблемы так называемой «Кавказской войны» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 201–209.
128. Клычникова М.В. Обустройство системы образования на Северном Кавказе при князе М.С. Воронцове // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Выпуск XII / Под общей ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 83–89.
129. Кокиев Г.А. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе// Революция и горец. 1929. № 4 (6). С. 30–32.
130. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII–начало XIX в. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2011. 495 с.
131. Колодеев Х.И. Обзор действий наместника кавказского для развития сельского хозяйства с 1843 по 1850 год. Тифлис: Типография Г. Гулиянца, 1851. 102 с.

132. Колосовская Т.А. «Избежать уничтожения драгоценных архивов»: проект инструкции для деятельности Кавказского военно-исторического отдела 1900 г. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1020–1033.

133. Колосовская Т.А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства (конец XVIII – начало XIX в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 37–41.

134. Колосовская Т.А. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь: [б. и.], 2020. 208 с.

135. Колосовская Т.А. К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 55–68.

136. Колосовская Т.А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ставрополь, 2017. 523 с.

137. Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. 239 с.

138. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 331 с.

139. Коханский В. Одесса за 100 лет. 1794–1894. Одесса: Типография П. Францова, 1894. 192 с.

140. Кравчук А.С., Непомнящий А.А. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора // Пространство и время. Электронный научный альманах. 2016. Т. 12. Вып. 1 // Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dmitriy-

vasilievich-naryshkin-k-biografii-tavricheskogo-grazhdanskogo-gubernatora/viewer (Дата обращения 1.09.2025).

141. Краснов И. И. Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. 1861. № 9. С. 137–158.

142. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский: Типография губернского правления, 1887. 321 с.

143. Краткий очерк деятельности Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии. 1826–1876. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1876. 181 с.

144. Краткий очерк экономического положения Кавказа, по новейшим официальным и другим отчетам // Кавказский календарь на 1888 г. Приложение. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 37–39.

145. Кринко Е.Ф., Матишов Г.Г. Форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013 – 2022 гг.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 5–14.

146. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Региональная история: конфликтный и консолидирующий потенциал // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 201 –219.

147. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

148. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

149. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2019. 375 с.
150. Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ: исторические очерки. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. 247 с.
151. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. 768 с.
152. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова 1844-1854 годы. Автореферат дис. ... доктора исторических наук. Владикавказ, 2014. 50 с.
153. Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2014. 397 с.
154. Лапин В.В. (Препринт) Непокорный Александр. Александр Ираклиевич Багратиони (1770–1844). Жизнь и борьба. СПб. [б.и.], 2025.
155. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIXвв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. 396 с.
156. Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 5–16.
157. Лапин В.В. Неудачная погоня // Николай I / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2023. С. 5–32.
158. Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. 368 с.
159. Лилти А. Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 489 с.
160. Линден В.К. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав Исторический очерк. Тифлис: Канцелярия наместника е. и. в. на Кавказе, 1917. 202 с.

161. Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 154–168.

162. Лисицына Г.Г. Кавказский комитет. 1845–1882. // Клио. Межвузовский журнал для ученых. 1997. № 2. С. 140–142.

163. Лисицына Г.Г. Поход гр. М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год) // Россия в Кавказской войне. Вып. 2 / Отв. ред. Я.А. Гордин. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 3–14.

164. Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное…» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 203–236.

165. Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М.: Наука 1977. С. 125–144.

166. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIXвека). СПб.: Искусство–СПб, 1994. 412 с.

167. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. 349 с.

168. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 664 с.

169. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. 357 с.

170. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892-

1914 гг.). Самара, Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного университета, 2007. 750 с.

171. Любичанковский С.В. Губернское правление и губернатор: механизм совместного функционирования (1892–1917 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 1. № 1. С. 47–52.

172. Ляшенко Л. Александр II, или история трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002. 356.

173. Майков П. М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии. 1826–1882. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 94 с.

174. Макиевский-Зубок Н.Г. Кавказ и кавказские наместники // Вестник Европы. № 2 (февраль). 1906. С. 614–650.

175. Максимчик А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник / отв. ред.: В.В. Дегоев. Т. 9 (41). М.: МГИМО, 2015. С. 262–292.

176. Максимчик А.Н., Манышев С.Б. «… Собрать из архивов главнейшие акты и сведения» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIXв.) // Новое прошлое / The New Past. 2020. №. 2. С. 44–61.

177. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIXвв. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2001. 392 с.

178. Мальцев В. Н. Формирование центральных органов управления Кавказом // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 1. С. 54–60.

179. Мамонов А.В. Несостоявшийся идеолог «оттепели» М.П. Позен // Российская история. 2022. № 4. С. 81–95.

180. Манышев С.Б. Из истории взаимовлияния народной медицины и государственной системы здравоохранения на Северном Кавказе в

первой половине XIX века // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2013. № 6. С. 29–33.

181. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «зекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 356 с.

182. Марзей И.Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769 – 1864 гг. Диссертация… кандидата исторических наук. Нальчик, 2021.

183. Маркелов Н. Лермонтов на Кавказе: вкус войны оказался безмерно горьким // Новое время. 2000. № 8. С. 33–37.

184. Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. М.: Гелиос, 2006. 319 с.

185. Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 335 с.

186. Маркова О.П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А.С. Грибоедова и П.Д. Завелейского // Исторический архив. Т.VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 324–390.

187. Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. - 1917 г.). Ростов-на-Дону: Омега Паблишер, 2012. 560 с.

188. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства: (вторая половина XIX – нач. XX в.). Ростов-на-Дону: РГУ, 2006. 253 с.

189. Матвеев В.А. Система управления северокавказской окраиной Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2015. 140 с.

190. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 270 с.

191. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 427–458.
192. Мельникова И.Е. Из истории заговора в Кахетии грузинских князей и дворян 1811–1812 гг. в первые годы совместного пребывания Грузии под покровом российской власти (по материалам ГАРФ) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 106–117.
193. Мемуары Муса-паши Кундухова (1837–1865) // Звезда. 2001. № 8. С. 100–123.
194. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. 156 с.
195. Меннинг Б. А.И. Чернышев: русский Ликург // Русский сборник. Т. 7: Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 74–102.
196. «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования по истории местного управления в России. Под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 668 с.
197. Миловидов Б.П. Тезисы доклада «М. М. Сперанский и реформы гражданского управления на Кавказе в 1820-1830-е годы» // Электронный ресурс: URL: https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2017/02/tezisy-doklada-b-p-milovidova-seminar-russia-30-05-2019.pdf (Дата обращения: 21.07.2025)
198. Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков (административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1966. 318 с.

199. Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873 / Под общ. ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. 734 с.
200. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2(38). С. 5–24.
201. Минаков А.С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник. М.: Наука, 2013. С. 37–55.
202. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», 2011. 488 с.
203. Мининков Н.А., Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек второго плана в контексте современной историографии // Человек второго плана в истории. Выпуск 2: Сборник научных статей. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2005. С. 3–8.
204. Министерская система в Российской империи / Отв. сост. Д.И. Раскин. М.: РОССПЭН, 2007. 919 с.
205. Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902. Исторический очерк. СПб.: Сенат. тип., 1902. 400 с.
206. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
207. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
208. Модзалевский Л.Н. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1880. 96 с.
209. Мондэй К. Камерализм как источник научного аппарата Е.Ф. Канкрина // Канкрин Е.Ф. Мировое богатство и национальная

экономика / сост. А.А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 59–81.

210. Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М.: Издательство Московского университета, 1998. 272 с.

211. Мунаев В.С. Военная и государственная деятельность наместника на Кавказе М.С. Воронцова: 1844-1854 гг. дис. ... кандидата исторических наук: Ставрополь [б.и.], 2012. 340 с.

212. Мунаев В.С. Военная и государственная деятельность наместника на Кавказе М.С. Воронцова: 1844–1854 гг. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Ставрополь [б.и.], 2012. 32 с.

213. Мунаев В.С. Северный Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова. Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2012. 236 с.

214. Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858 гг. К типологии основ имперского управления. Хельсинки: Aleksanteri inst. Cop., 1998. 357 с.

215. Муханов В.М. Взгляд из XXI века на Кавказскую войну // Ориенталистика. 2024. Т. 7. № 3. С. 481–490.

216. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 429 с.

217. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Книжное издательство, 1987. 510 с.

218. Нарежный А.И. Кто формировал национальную политику империи? Роль и рамки полномочий генерал-губернаторов // Окраины России в позднеимперскую эпоху: Политика правительства и национальные проекты: сборник статей, документов и материалов / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 19–50.

219. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 415 с.

220. Николай Тургенев. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.

221. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.

222. Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сб. статей / Под. ред. Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 284–309.

223. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 408 с.

224. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 70–88.

225. Олейников Д.И. Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Звезда. 2001. № 8. С. 96–99.

226. Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.

227. Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 3–17.

228. Пайчадзе Г.Г. Георгиевский трактат. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 249 с.

229. Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 214 с.

230. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 384 с.

231. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 75–84.

232. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2014. 447 с.

233. Писарькова Л.Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801–1809 гг. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 128–130.

234. Побережников И.В. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 30–38.

235. Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2010. С. 308–310.

236. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. М., Красная новь, 1923. 392 с.

237. Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. СПб.: Наука, 2019. 310 с.

238. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 805 с.

239. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 800 с.

240. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. СПб., Издатель В. Березовский, 1889. 756 с.

241. Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. 326 с.

242. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.

243. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир: [б.и.], 2011. 248 с.

244. Раскин Д.И. Единоначалие и коллегиальность как административный принцип в законотворческой деятельности М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2. С. 102–111.

245. Рахаев Дж. Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIXв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7. М.: [Б.и.], 2016. С. 260–286.

246. Редин Д. А. Очарование «регулярства» еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 1 // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 49–59.

247. Ремнев А.В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и в Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 229–252.

248. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.

249. Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX–начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.

250. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

251. Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. 1815–1879 гг. // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 2. С. 249–318.

252. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публич. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. 460 с.

253. Романовский Д.И. Князь М.С. Воронцов и князь А.И. Барятинский. По поводу заметки И.Ф. Золотарева // Русская старина. 1881. Т. XXX. № 4. С. 907–912.

254. Романчук А.А. Предпосылки упразднения Унии в Российской империи в 1839 г. // Труды Минской духовной академии. 2017. С. 246–247 // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-uprazdneniya-unii-v-rossiyskoy-imperii-v-1839-g/viewer (Дата обращения: 03.08.2025).

255. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 694 с.

256. Российская империя и Крым. Под ред. Д.В. Конкина, Н.И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 414 с.

257. Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: «Русская панорама», 2011. 880 с.

258. Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы / под ред. В.Б. Виноградова. М.-Армавир: Армавирский гос. педагогический университет, 2009. 143 с.

259. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик: КБИГИ РАН, 2018. 268 с.

260. Рыбаков А.Л. В «области кесаря» проблемы статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века) // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия с истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 274–315.

261. Самойлова С.В. «Кабы» и «костуи». К характеристике настроения петербургского общества начала XIXв. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 5. С. 27–36.

262. Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни Росси первой четверти XIX века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995.

263. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 247 с.

264. Сборник сведений к словарю кавказских деятелей (XIX – начала XX в.), собранных Евгением Густавовичем Вейденбаумом, известный как «Картотека Вейденбаума» / Отв. ред. И.П. Якобашвили. Тбилиси: Национальная парламентская библиотека Грузии, 2021. 824 с.

265. Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

266. Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4. С. 157–167.

267. Семина Н. Б. Культурная политика М. С. Воронцова на Кавказе // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие,

взаимовоздействие, синтез): матер. Всерос. науч.-практ. конф. (17–18 октября 2007 г.) / под ред. Ю. А. Стецуры. Армавир, 2007. С. 105–109.

268. Сенин А.С. Становление министерской системы управления в России // Новый исторический вестник. 2003. №. 1(9). С. 5–27.

269. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 444 с.

270. Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

271. Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи 1845–1915 гг. Дисс… кандидата юридических наук. Краснодар, 2011.

272. Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев, 1770–1837. СПб.: Петрополис, 2016. 262 с.

273. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта. М.: РОССПЭН, 2011. 221 с.

274. Сметанин Д. В. Угольный «эксперимент» в административной деятельности графа М. С. Воронцова во второй четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 1(68). С. 129–141.

275. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 243 с.

276. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIXвеках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 242 с.

277. Собриевский А.С. Князь Воронцов и наши архивы. Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 8 апреля 1905 г. Ставрополь: Электропечатня М.Т. Вайнблата, 1911. 14 с.

278. Судавцов Н.Д. Масловокутские бунтовщики // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 83–91.

279. Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII в. М.: Издательство «Прометей», 2012. 229 с.

280. Тархова Н.А. О проекте Российской Закавказской компании (по материалам архива И. Ф. Паскевича в РГИА) // Электронный ресурс: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Режим доступа: URL: https://feb-web.ru/FEB/GRIBOED/critics/ptg/ptg-285-.htm (Дата обращения: 16.08.2025)

281. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 303 с.

282. Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: БКИ, 2012. С. 141–148.

283. Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь: [б.и.], 2009. 279 с.

284. Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. 76 с.

285. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 394 с.

286. Троцкий И.М.III-е Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

287. Трояновский К.В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты Западных губерний в правительственной политике России в первой половине XIX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 53–60.

288. Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. 413 с.

289. Уманец Ф.И. Александр и Сперанский: историческая монография. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1910. 171 с.

290. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004.

291. Урушадзе А. Подготовленный провал: сенатор П.В. Ган и административная реформа на Кавказе (1837– 1841) // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 138–157.

292. Урушадзе А.Т. «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 10 (42). М.: Аспект-Пресс, 2017. С. 157–184.

293. Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs царские министры (1844 –1853) // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 31–39.

294. Урушадзе А.Т. Сванетская междоусобная война XIX века: имперский порядок и княжеская вендетта // Journal of Caucasian Studies (JOCAS). 2017. Vol. 3, № 5. С. 111–132.

295. Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Т. I. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. 320 с.

296. Фадеев А. В. Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М.: Наука, 1966. 154 с.

297. Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 208 с.

298. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба Кавказской армии, 1860. 147 с.

299. Фицпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 528 с.

300. Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны

Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 108–147.

301. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. 278 с.

302. Хачапуридзе Г.В. Дворянское движение в Грузии в 30-х годах XIX столетия // Вопросы истории. 1950. № 7. С. 45–60.

303. Хачапуридзе Г.В. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX века // Вопросы истории. 1950. № 5–6. С. 76–89.

304. Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тб.: Заря Востока, 1950. 562 с.

305. Хёе Х.П. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 150–176.

306. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

307. Хроника Грузинской дружины // Кавказ. 1853. № 46 (24 июня). С. 201–202.

308. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. М. В. Ходяков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 659 с.

309. Чернуха В.Г. Поиски равновесия: Россия и Кавказ во второй половине XIX–начале XXв. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 237–251.

310. Шадури В. Грибоедов и грузинские литературно-общественные круги 1820-х гг. // Литературное наследство. 1946. Т. 47. С. 277–284.

311. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России, XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство–СПб», 1999. 477 с.
312. Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917 гг.: биобиблиографический справочник. СПб.: Нестор-История, 2024.
313. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. 218 с.
314. Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование Александра Первого. Т. I. Ярославль: Типолитография М.Х. Фальк, 1891. 503 с.
315. Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб.: Типография Э. Мейра, 1858. 354 с.
316. Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа… Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст. М.: Наука, 1990. 316 с.
317. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 366 с.
318. Эпоха Николая I / под ред. М.О. Гершензона. М.: Проспект, 2025. 224 с.
319. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I–II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. 310 с.; 246 с.
320. Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с.
321. Allen W., Muratoff P. Caucasian battlefields a history of the wars on the Turko-Caucasian border 1828-1921. Cambridge: University Press, 1953. 614 p.

322. Boeck B. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 270 p.

323. Boeck B. When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // The Journal of Modern History. 2008. Vol. 80, No. 3. P. 485–514.

324. Bulliet R. Islam: The View from the Edge. New York: Columbia University Press, 1994. 236 p.

325. Edward W. Said. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

326. Fuller W. Strategy and Power in Russia, 1600-1914. New York: Free Press, 1992. 557 p.

327. Jahn H. The Bronze Viceroy: Mikhail Vorontsov's Statue and Russian Imperial Representation in the South Caucasus in the Mid-Nineteenth Century // Russian History. 2014. Vol. 41. № 2 (2014). P. 163–180.

328. Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. McGill-Queen’s University Press, 2003. 278 p.

329. Jersild A., Melkadze N. The dilemmas of enlightenment in the eastern borderlands: The theater and library in Tbilisi // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. № 3(1). P. 27–49.

330. Jones S. Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832 // The Slavonic and East European Review. 1987. Vol. 65, №. 1 (Jan., 1987). P. 53–76.

331. Khodarkovsky M. The Indigenous Elites and the Construction of Ethnic Identities in the North Caucasus // Russian History. 2008. Vol. 35. № 1–2. P. 129–138.

332. Korten C. Private Partners: Cooperation between Russia and Rome in the Crisis of the Armenian Catholic Church, 1827–1830 // The Slavonic and East European Review. 2014. Vol. 92. № 4. P. 653–673.

333. LeDonne J. Forging a Unitary State. Russia’s Management of the Eurasian Space, 1650–1850. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 663 p.

334. Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier: The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // Russian History. 2014. Vol. 41. № 2. P. 142–162.

335. Mostashari F. On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. London, New York: Tauris, 2006. 203 p.

336. Osterhammel J. The Imperial Viceroy: Reflections on an Historical Type // The Dynastic Centre and the Provinces. Agents and Interactions. Ed. by J. Duindam, S. Dabringhaus. Leiden: Brill, 2014. P. 13–29.

337. Rhinelander A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill-Queens University Press, 1990. 279 p.

338. Rhinelander A.L.H. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. Vol. 59. No. 1 (Jan., 1981). P. 15–40.

339. Rieber A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar by Anthony L.H. Rhinelander // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. December 1990. Vol. 32. № 4 (December 1990). P. 489–490.

340. Riegg S. Russia’s Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca: Cornell University Press, 2020. 330 p.

341. Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / Ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, Colo.; Oxford: Westview Press, 1997. P. 1–11.

Приложение 1.

Управление Восточной Грузией по указу Александра I «О учреждении внутреннего в Грузии управления», 12 сентября 1801 г.[1]

Главноуправляющий

Правитель

Верховное Грузинское правительство

Общее собрание (главноуправляющий – председатель, правитель – вице-председатель, чиновники экспедиций)			
Исполнительная экспедиция	***Казенная экспедиция***	***Экспедиция уголовных дел***	***Экспедиция гражданских дел***
Советник (русский чиновник) Мдиванбег–советник (грузинский князь)	Начальник (русский чиновник) Мдиванбеги–советники (четыре грузинских князя)	Начальник (русский чиновник) Мдиванбеги–советники (четыре грузинских князя)	Начальник (русский чиновник) Мдиванбеги–советники (четыре грузинских князя)
Уездное управление			
Земская полиция (капитан-исправник, помощники-есаулы)		Уездный суд (уездный судья, судьи-мсаджули)	

[1] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. XXVI. Санкт-Петербург: Типография II Отделения СЕИВК, 1830. С. 784–785.

Приложение 2.

Проект управления Закавказской Россией, 1834 г.[1]

Наместник

Совет Главного управления Закавказской Россией	**Закавказский суд**	
Наместник – президент Совета, тифлисский военный губернатор – вице-президент Совета, представители министерств, представители местных элит	**Главный суд по уголовным делам**	**Главный суд по гражданским делам**

Губернское управление			
Верхнекуринская область	***Рионская область***	***Араратская область***	***Каспийская провинция*** *Куринская область, Дербентская область*
Уездное управление			

[1] Составлено по: РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1–67.

Приложение 3.

Управление Закавказьем по «Учреждению для управления Закавказским краем», 10 апреля 1840 г.[1]

Главноуправляющий

Совет Главного управления Закавказским краем
Главноуправляющий – председатель Совета, тифлисский военный губернатор – заместитель председателя Совета, члены Совета по высочайшему назначению

Тифлисский военный губернатор

Грузино-Имеретинская губерния	***Каспийская область***
Уезды и участки	

[1] Составлено по: ПСЗ РИ. Собрание II. Т.XV. Отделение I. СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1841. С. 237–245.

Приложение 4.

Кавказский наместник в системе государственного управления Российской империи, 1845–1854 гг.[1]

[1] Составлено по: Правила об отношениях Кавказского наместника. СПб.: Военная типография, 1846; РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–250.

Приложение 5.

Чиновники канцелярии кавказского наместника: социальное происхождение, конфессиональная принадлежность и образование

(1849 г.)*

Имя, чин и должность	Происхождение	Вероисповедание	Образование	Примечания
Захарий Степанович Автандилов, надворный советник, начальник отделения	Из дворян	Армяно-Григорианское	Тифлисское благородное училище	
Василий Павлович Александровский, коллежский асессор, младший чиновник особых поручений	Из дворян	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	

* Составлено по: РГИА. Ф. 1268. Оп. 5. Д. 391. «Формулярные списки о службе чиновников Канцелярии наместника кавказского и чиновников особых поручений за 1849 год».

Юрий Федорович Ахвердов, коллежский асессор, чиновник особых поручений	Из обер-офицерских детей	Армяно-Григорианское	Московский Армянский Лазаревский институт восточных языков	
Иван Соломонович Абессаломов, коллежский асессор, столоначальник	Сын коммерции советника	Армяно-Григорианское	Харьковский университет, кандидат прав	
Виктор Степанович Андреевский, титулярный советник, чиновник канцелярии	Из дворян	Православное	Одесский Ришельевский лицей	Служил под началом М.С. Воронцова с 1830 г.
Александр Соломонович Абессаломов, титулярный	Сын коммерции советника	Армяно-Григорианское	Харьковский университет, кандидат прав	

советник, помощник столоначальника				
Михаил Егорович Алиханов, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из обер-офицерских детей	Армяно-Григорианское	Тифлисская гимназия (Тифлисское благородное училище)	
Мирза Фет Али-Гаджи Аласкер-оглы Ахундов, подпоручик, письменный переводчик канцелярии	Сын Нухинского ахунда	Мусульманское	Воспитывался в частном учебном заведении как знаток восточных языков при личном попечении главноуправляющего барона Г.В.	

			Розена	
Василий Тимофеевич Беляев, надворный советник, начальник счетного отделения и казначей	Из дворян	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Рудольф Иванович Брауншвейг, коллежский асессор, старший столоначальник	Из дворян	Лютеранское	Санкт-Петербургский университет	
Яков Николаевич Богданов, коллежский асессор, старший чиновник по секретной части	Из податного состояния	Православное	Дерптский университет, кандидат	
Константин Михайлович Богданов-Каминский,	Из дворян	Православное	Гимназия при Ришельевском лицее	Служил под началом М.С. Воронцова с

титулярный советник, младший столоначальник				1833 г.
Фокион Евстафьевич Булатов, губернский секретарь, канцелярский чиновник	Из дворян	Православное	Одесский Ришельевский лицей, действительный студент	Поступил на службу в 1848 г.
Павел Александрович Булгаков, губернский секретарь, младший помощник чиновника по секретной части	Из дворян	Православное	Воспитывался в доме у родителей	
Иван Иванович Бурмистров, коллежский регистратор, чиновник канцелярии	Сын подпоручика, рожденный в нижнем звании отца его	Православное	Школа военных кантонистов	
Христофор Генрих	Нет данных	Лютеранское	Петербургский	Отец С.Ю.

Георг Юлий Витте, коллежский советник, начальник отделения			форст-Институт и Алькустовский агрономический институт при Дерптском университете, кандидат философии	Витте. Служил на Кавказе с 27 мая 1847 г.
Карл Самуилович Варранд, надворный советник, начальник отделения	Из дворян	Англиканское	Императорское училище правоведения	
Николай Любимович Вихман, губернский секретарь, младший помощник столоначальника	Из дворян	Лютеранское	Тифлисская гимназия	
Иосиф Гаврилович Галате,	Граф, сын бывшего в	Католическое	Нет данных	

подполковник, старший чиновник особых поручений	российской службе генерал-майора, на 1849 г. в Сардинской службе			
Петр Демьянович Гнилосаров, надворный советник, младший столоначальник	Из дворян	Православное	Московский университет	
Давыд Семенович Габаев, титулярный советник, столоначальник	Сын коллежского асессора	Православный	Тифлисское благородное училище	
Иван Иванович Гребенщиков, титулярный советник, помощник	Из солдатских детей	Православное	Саратовское военно-сиротское отделение	

архивариуса				
Василий Петрович Горбунов, коллежский секретарь, младший столоначальник	Из дворян	Православное	Астраханская губернская гимназия (не окончил курса)	
Искандер-бек Гаджинский, штабс-капитан, словесный переводчик	Из беков Шемахинской губернии	Мусульманское	Бакинское уездное училище	
Вахтанг Гурамович Гурамов, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из князей грузинских	Православное	Казанский университет	
Дмитрий Давыдович Габаев, губернский секретарь, старший писец канцелярии	Из дворян	Православное	Тифлисская гимназия	

Павел Михайлович Добронравов, коллежский асессор, младший столоначальник	Из обер-офицерских детей	Православное	Императорский университет Св. Владимира, кандидат прав	
Иван Емельянович Детковский, титулярный советник, младший помощник столоначальника	Из мещанских детей	Православное	Смоленская губернская гимназия (курса не окончил)	
Михаил Иванович Дакишевич, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из дворян	Католическое	Тифлисская гимназия	
Владимир Людовик Де-Сен-Тома,	Из дворян	Православное	Тифлисская гимназия	

коллежский регистратор, чиновник канцелярии				
Иван Дмитриевич Дроков, коллежский регистратор, младший помощник столоначальника	Из духовного звания, сын священника	Православное	Екатеринославская духовная семинария (курс не окончил)	
Ага-бек Едигаров, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из беков	Мусульманское	Петербургский университет	
Станислав Карлович Жулцинский, губернский секретарь, канцелярский чиновник	Из дворян	Католическое	Одесский Ришельевский лицей, действительный студент	

Иван Федорович Золотарев, надворный советник, старший чиновник особых поручений	Из купеческих детей	Православное	Московский университет, действительный студент	
Василий Федорович Заморский, губернский секретарь, младший помощник столоначальника	Сын священника	Православное	Подольская духовная семинария	
Иван Андреевич Зубалов, коллежский регистратор, переводчик	Из граждан	Католическое	Тифлисская гимназия	
Иосиф Яковлевич Иляшевич, титулярный советник,	Из дворян	Католическое	Харьковский университет	

столоначальник				
Владимир Павлович Иванов, титулярный советник, старший помощник столоначальника	Из дворян	Православное	Одесский Ришельевский лицей	Служил под началом М.С. Воронцова с 1843 г.
Семен Данилович Иванов, коллежский регистратор, младший писец	Сын священника	Армяно-Григорианское	Тифлисская гимназия (курса не окончил)	
Алексей Фридрихович Крузенштерн, коллежский советник, старший чиновник особых поручений	Из дворян	Лютеранское	Школа гвардейских прапорщиков и юнкеров (не окончил курса)	
Сергей Викторович Кочубей, надворный советник, чиновник	Из князей	Православное	Петербургский университет, действительный	

особых поручений			студент	
Николай Васильевич Крамалей, коллежский асессор, старший столоначальник	Из дворян	Православное	Киевская духовная семинария (не окончил курса)	
Петр Александрович Крижановский, коллежский асессор, контролер канцелярии	Из дворян	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Василий Максимович Кущевский, титулярный советник, бухгалтер счетного отделения	Из канцелярского звания	Православное	Ставропольское уездное училище	
Иван Лазаревич Кайтмазов, коллежский	Из дворян	Армяно-григорианское	Петербургский университет, кандидат прав	

секретарь, младший помощник столоначальника				
Иван Васильевич Компаниец, коллежский регистратор, журналист канцелярии	Из дворян	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Андрей Григорьевич Лисовский, титулярный советник, младший столоначальник	Из дворян	Православное	Нет данных	
Аким Нестерович Мицулов, титулярный советник, начальник отделения	Из дворян	Православное	Домашнее образование	Служил под началом М.С. Воронцова с 1834 г.
Василий	Сын обер-	Православное	Петербургский	

Лаврентьевич Михайловский, коллежский секретарь, сверхштатный чиновник	священника		университет	
Иван Константинович Милос, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из греческих дворян	Православное	Одесский Ришельевский лицей	Служил под началом М.С. Воронцова с 1830 г.
Григорий Карлович Мелик-Нубаров, коллежский регистратор, письменный переводчик	Из дворян	Армяно-Григорианское	Армянское училище	
Андрей Федорович	Из солдатских	Православное	Тверское	

Невский, коллежский асессор, начальник отделения	детей		Отделение военных кантонистов	
Петр Сергеевич Неклюдов, титулярный советник, младший помощник столоначальника	Из дворян	Православное	Царскосельский лицей	
Иван Макарович Ныркov, губернский секретарь, архивариус канцелярии	Из солдатских детей	Православное	Школа военных кантонистов	
Дмитрий Александрович Олсуфьев, коллежский секретарь, младший	Из дворян	Православное	Московский университет, Юридический факультет	

помощник чиновника по секретной части				
Василий Константинович Птичкин, титулярный советник, столоначальник счетного отделения	Из обер-офицерских детей	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Яков Петрович Полонский, коллежский секретарь, помощник редактора «Закавказского вестника»	Из дворян	Православное	Московский университет	
Александр Иванович Папаригопуло, губернский	Из дворян	Православное	Петербургский университет, Философский	

секретарь, столоначальник			факультет (курс не окончил по болезни)	
Михаил Иванович Прибил, коллежский регистратор, младший помощник столоначальника	Из дворян	Католическое	Московский университет (курс не окончил)	
Александр Иванович Рагозин, титулярный советник, помощник контролера	Из вольноопределяющихся	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Николай Григорьевич Роговенко, титулярный советник, старший помощник столоначальника	Сын дьякона	Православное	Полтавская губернская гимназия (курс не окончил)	
Степан Васильевич	Из дворян	Православное	Харьковский	Служил под

Сафонов, действительный статский советник, директор гражданской канцелярии			университет, Юридический факультет. Закончил с отличием.	началом М.С. Воронцова с 1825 г.
Алексей Сергеевич Строков, коллежский асессор, секретарь канцелярии	Сын канцеляриста	Православное	Калужская губернская гимназия (курс не окончил)	
Егор Федорович Симанович, коллежский асессор, младший помощник столоначальника	Из дворян	Православное	Петербургское училище для глухонемых	Служил на Кавказе с 1832 г.
Сергей Петрович Соковнин, титулярный советник, младший	Из дворян	Православное	Московский университет, действительный студент	

чиновник особых поручений				
Иван Борисович Скудиери, губернский секретарь, архитектор по карантинно-таможенной части	Из иностранных дворян	Католическое	Королевское училище в Падуе	
Николай Иванович Татаринов, коллежский асессор, старший столоначальник	Из дворян	Православное	Владимирская губернская гимназия	
Гавриил Алексеевич Токарев, титулярный советник, старший помощник чиновника по секретной части	Из дворян	Православное	Петербургский университет, действительный студент	

Язон Джимерович Туманов, коллежский секретарь, младший помощник столоначальника	Из грузинских князей	Армяно-Григорианское	Тифлисская гимназия	
Василий Абрамович Федоров, коллежский асессор, землемер при канцелярии	Из солдатских детей	Православное	Выборгское военно-сиротское отделение	
Дмитрий Андреевич Чаплин, титулярный советник, экзекутор канцелярии	Из дворян	Православное	1-й кадетский корпус (курс не окончил по болезни)	
Валериан Павлович Шемиот, надворный советник, чиновник канцелярии	Из дворян	Православное	Артиллерийское училище	
Григорий Иосифович Шаншиев,	Из дворян	Армяно-григорианское	Петербургский университет,	

титулярный советник, младший столоначальник			факультет Восточной словесности	
Павел Гаврилович Щастливцов, статский советник, вице-директор канцелярии наместника	Сын протоиерея	Православное	Екатеринославская семинария	
Гавриил Ильич Юрченко, коллежский асессор, столоначальник канцелярии	Сын губернского секретаря	Православное	Воспитывался в частном учебном заведении	
Иван Францович Яницкий, коллежский асессор, младший столоначальник	Из дворян	Католическое	Петербургский университет, Юридический факультет, действительный	

			студент	
Юлиан Иванович Яхович, титулярный советник, старший помощник столоначальника	Из дворян	Католическое	Подольская гимназия	
Виктор Андреевич Ясновский, титулярный советник, чиновник канцелярии	Из дворян	Православное	Киевская губернская гимназия (курс не окончил по болезни)	
Виктор Родионович Ясинский, коллежский секретарь, старший помощник столоначальника	Из дворян	Православное	Московский университет, Юридический факультет, действительный студент	

Принятые сокращения:

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СЕИВК – Собственная его императорского величества канцелярия

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии